

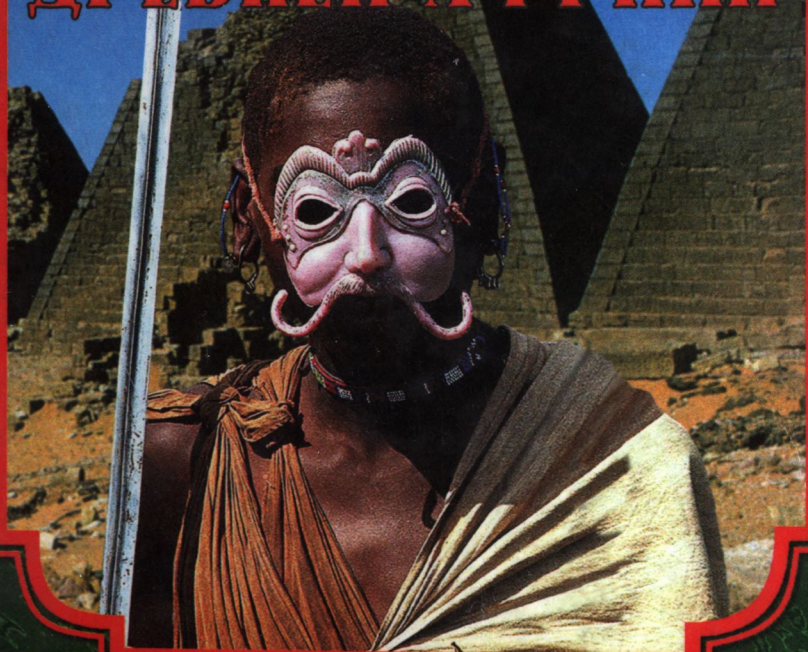
ТАЙНЫ ДРЕВНЕЙ АФРИКИ

ТАЙНЫ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Н.Н. НЕПОМНЯЩИЙ

ТАЙНЫ ДРЕВНЕЙ АФРИКИ

ТАЙНЫ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ТАЙНЫ ДРЕВНЕЙ АФРИКИ

Н. Непомнящий

ТАЙНЫ ДРЕВНЕЙ АФРИКИ

«ВЕЧЕ»
МОСКВА
2002

Вниманию оптовых покупателей!

Книги различных жанров
можно приобрести по адресу:
129348, Москва, ул. Красной сосны, 24,
издательство «Вече».
Телефоны: 188-88-02, 188-16-50, 182-40-74;
т/факс: 188-89-59, 188-00-73.
E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Филиал в Нижнем Новгороде
«ВЕЧЕ-НН»
тел. (8312) 64-93-67, 64-97-18

Филиал в Новосибирске
ООО «Опткнига-Сибирь»
тел. (3832) 10-18-70

С лучшими книгами издательства «Вече»
можно познакомиться на сайте
www.100top.ru

От автора

Африка была моей первой заграницей. Я оказался там в том возрасте, когда окружающая действительность представляется многосерийным приключенческим фильмом, действующие лица которого — отличные дружелюбные ребята-геологи, вовлекающие тебя в одно романтическое предприятие за другим. Ты молод, здоров, владеешь языками, в том числе и африканскими, разбираешься в истории и этнографии страны, где живешь, уже умеешь писать, а самое главное — *знаешь, где искать* то, что тебе понадобится в твоём творчестве...

После окончания института я жил и работал в Мозамбике, потом обстоятельства сложились так, что мне пришлось надолго забыть, как выглядит Африка, и колесить по остальному белу свету, а еще больше — сидеть в московских редакциях и редактировать чужие статьи и книжки. Но потом Африка снова возникла на горизонте и сила этого магнита оказалась для меня неодолимой... и я побывал в других странах Черного континента.

Я пришел к Африке через Брема, Гржимека, Даррелла и Хемингуэя, через фильм «Барабаны судьбы», через десятки тоненьких книжек, выпускавшихся «Географгизом» в 50—60-е годы, и через подшивки журнала «Вокруг света», в котором я последние пятнадцать лет и работаю. И конечно, через годы учебы в Институте стран Азии и Африки при МГУ, где на кафедре африканистики я обрел себе вечных учителей, советчиков и товарищей. В этой книге собраны всего несколько сюжетов, лишь приоткрывающих завесу над древней и загадочной африканской землей; некоторые из них я позаимствовал у своих коллег, за что им чрезвычайно признателен: лучше них об истории Африки не расскажет никто.

КНИГА НАСКАЛЬНЫХ РИСУНКОВ*

Сахара — галерея древнего искусства

О чем прежде всего говорят наскальные росписи? Они показывают всю очевидность того факта, который кажется невысказанным путешественнику, только что пересекшему выжженную солнцем пустыню: Сахара была некогда саванной, заселенной животными, принадлежавшими к богатой тропической фауне. Фрески передают всю историю Сахары начиная с периода, предшествующего неолиту. На основе двух тысяч росписей и рисунков одного лишь массива Тассили А. Лот выделил различные этапы в развитии этой цивилизации. Первый начинается с конца палеолита, за шесть или семь тысяч лет до нашей эры. Это «период охотников», или «буйвола». Вероятно, в те времена климат Сахары был влажным. Раньше других на камне появились небольшие схематические фигурки, отличительная особенность которых — круглая голова (эти изображения получили дальнейшее развитие, так что мы встречаем их позднее в пяти различных слоях). Затем появляются многоцветные росписи, изображающие животных. В течение первого периода, как показывает тщательное исследование деталей и особенно орнаментации на фигурах, население Сахары — и в этом состоит главный вывод — было бесспорно негроидным.

За этими фигурками последовали громоздкие изображения переходного периода, завершающие собой стадию круглоголовых людей. Самая большая фигура, так называемый «марсианский бог из Джаббарена», достигает примерно шести метров. Рисунок этих изображений стилизован. В конце переходного перио-

* Использованы материалы книги Аттилио Гаудио «Цивилизации Сахары».

Наскальные изображения женщин. Сахара

да становится заметным египетское влияние, давшее впоследствии жизнь многим великолепным произведениям, таким как удивительная танцовщица из Ауанрхета, «Белая дама Сахары», и целой серии изображений, найденных в Джаббарене и Сефаре, отличающихся типичными прическами и особой цветовой гаммой: сочетание голубовато-серого и белого цвета с

ярко-красной охрой. Такое разнообразие красок у первобытных художников вызывает удивление, ибо обычно в их палитре присутствовала лишь красная охра и белая краска. Но, оказывается, в Тассили на поверхность выходят сланцы, и художники, очевидно, растирали их в порошок, а также пользовались каолином. Затем краски смешивали с вяжущими веществами, куда входили, как показал анализ, козеин и, разумеется, камедь акации, которая была широко распространена в этом районе.

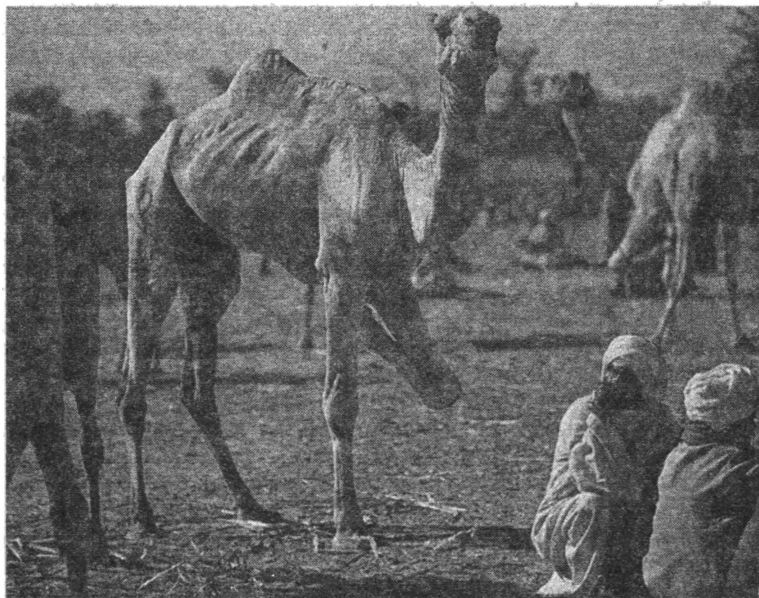
К эпохе неолита, начиная примерно с IV тысячелетия до н.э., относится второй период. В долинах появляются новые поселенцы, сильно отличающиеся от коренных жителей Сахары. Это пришельцы-пастухи; они гнали перед собой огромные стада рогатого скота. И теперь пещеры Тассили разрисованы уже фигурами людей и животных, рожденных совершенно иным вдохновением. Начинается «период скотоводов».

По-видимому, о происхождении скотоводов можно говорить довольно уверенно. А. Лот отметил среди наскальных изображений весьма характерные египетские лодки. Очевидно, эти люди вступали прежде во взаимоотношения с египетской цивилизацией и, следовательно, пришли с Востока. Их живопись характеризуется абсолютно новым стилем: исчезли схематизм и символизм, люди и животные теперь как бы взяты прямо из жизни; их движения и формы свидетельствуют о бесспорной наблюдательности художников. Поражает гармоническое сочетание цветов; удается обнаружить даже зеленые, фиолетовые и синие тона. Должно быть, в то время стада быков находили здесь и сочную траву, и наполненные водой реки, и влажный климат. Действительно, на

одной из фресок из Ауанрхета мы видим трех бегемотов, на которых охотятся люди, сидящие в пироге. Охотничьи, боевые и танцевальные сцены сменяют друг друга, их реалистическое исполнение лишено какого-либо религиозного или магического характера, вызваны они к жизни склонностью авторов к изображению повседневной жизни, любовью к искусству.

Около 1200 г. до н.э. наступает новый период, который, впрочем, скорее относится к истории, чем к доисторической эпохе, — «период лошади». На скальных поверхностях появляются изображения воинов на колесницах и всадников-гарамантов. Предполагается, что именно в эту эпоху ливийцы, ранее жившие лишь на севере Сахары, распространились по всей ее территории. Только этот народ-завоеватель имел в своем распоряжении военные колесницы и, получив такой огромный военный перевес, очень быстро распространил свое могущество почти до берегов Нигера. Уже нет сомнения в том, что современные туареги — очень отдаленные потомки гарамантов, чьи обычаи описал Геродот.

Всего за несколько десятилетий до нашей эры начинается «период верблюда». Условия существования в Сахаре к тому вре-

Одногорбые верблюды — драмодеры — пришли в Африку из Аравии

Наскальное изображение животных

мени, должно быть, уже изменились: она, вероятно, была на пути превращения в пустыню, известную нам сегодня.

В районе Тассили обнаружено мало изображений двух последних периодов («лошади» и «верблюда»). К третьему периоду можно, пожалуй, отнести всего несколько военных колесниц. Возникает мысль, что удивительная история транссахарских связей и полная опасных приключений жизнь караванных троп, пересекающих пустыню и соединяющих две ее окраины — Северную и Черную Африку, по-настоящему начинается лишь с появлением колесниц гарамантов.

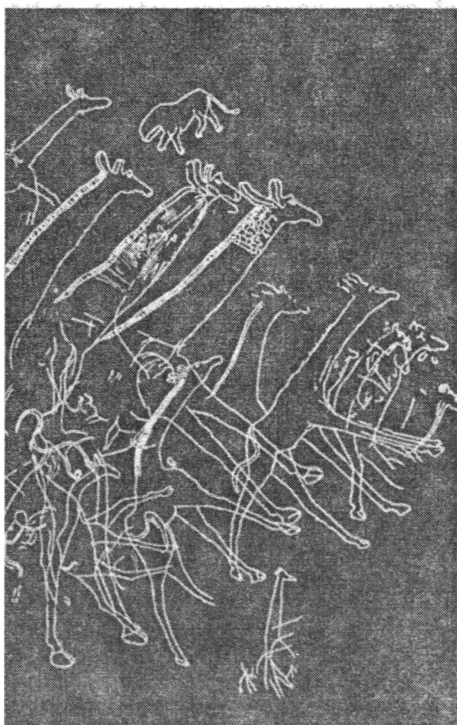
На юге Триполитании — в горах Бен-Гунеймах, в уезде Эль-Аджаль, в уездах Бен—Хирам, Марсит и Эль Гериа, близ Убари, в уезде Танезруфт — вся фауна Сахары, населявшая ее до превращения в пустыню, была запечатлена в камне.

Некоторые животные, например слоны, жирафы, страусы, изображены в натуральную величину. В других группах наблюдается почти гармоничное, можно сказать, умышленное чередование быков или миролюбивых баранов с ужасными крокодилами, газелей и антилоп — с рычащими львами, буйволов с длин-

ными загнутыми рогами и опущенной вниз головой, как бы готовящихся к нападению, — с бегемотами, выходящими из воды. Опираясь на эти живые, натуралистические изображения, которые, как это ни парадоксально, очень близки нам и нашему восприятию, и основываясь на обнаруженных костных останках, мы легко можем представить себе людей, животных и даже растительность той эпохи.

Как мы видели, датировка двух первых слоев наскального искусства Сахары не вызывает сомнений. Самый древний содержит изображения окружавших человека травоядных и плотоядных животных; водятся они только там, где выпадают обильные дожди, а земля покрыта густой растительностью. Сахара могла напоминать нынешнюю Суданскую саванну только в последнем, дождливом периоде неолита. В Центральной Сахаре встречались обширные зеленющие равнины, лесистые долины, кормившие стада жирафов, буйволов (которые сохранились в Египте), слонов, страусов, антилоп, а также множество пастухов и охотников. Верблюд еще не появился. Зато в уздах, тогда наполненных круглый год водой, как в настоящих реках, жили бегемоты и крокодилы (последний уцелевший представитель этих земноводных не так давно обнаружен в Ахагаре в луже воды). Носороги населяли густые пальмовые рощи, которые омывались водами уздов, там же бродили львы.

Засуха, поглощение влаги почвой высыхающей Сахары и усиление жары, должно

Одно из самых крупных изображений животных. Высота самого высокого жирафа — 8,5 м.

быть, вынудили этих представителей четвертичной фауны покинуть Северную Африку и Сахару — подобно тому, как они еще раньше оставили пределы Европы — и искать убежище в лесах и саваннах Центральной Африки, где почти все они обитают и по сей день. Условия их существования ухудшились лишь в период неолита: крупные травоядные исчезли одновременно с оскудением растительности и только людям удавалось еще поддерживать жизнь на немногочисленных стоянках, разбитых там, где оставалось немного воды. Именно этим последним неолитическим жителям-кочевникам мы и обязаны наскальными рисунками второго периода, который продолжался вплоть до «периода верблюда».

На смену охотникам на хищных зверей пришли пастухи-кочевники и воины, а каменные орудия были заменены луками и стрелами.

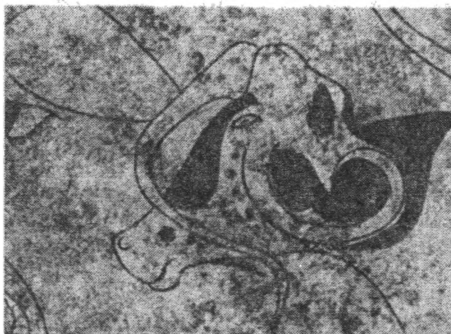
Примерно в тысяче километрах к востоку от Феццана, в массиве Уэйнат, где сходятся границы трех государств — Ливии, Египта и Судана, — также обнаружено множество наскальных шедевров, сохранившихся вопреки тысячелетиям.

Итальянский натуралист граф Лудовико ди Капориакко, выполнявший в этом районе задание итальянского военного Географического института, сумел очень точно перенести на кальку сотни наскальных росписей, которые позднее исследовал и опубликовал специалист по первобытной истории Паоло Грациози.

Произведения наскального искусства имеются в Каркусе ат-Талах и в Айн-Дава, в восточном и юго-западном районах Уэйната.

Близ колодца Айн-Дава нагромождения округленных и отполированных обломков скальной гранитной породы образовали углубления и расщелины, на стенках которых первобытные художники изобразили свою повседневную жизнь: оружие, одежду, всевозможные предметы и животных. Эти художники оставили нам более 40 плит с рисунками и около 30 сводов в скальных укрытиях, покрытых росписями.

В Джебель-Уэйнат также можно выделить два периода: один, преимущественно с зооморфными сюжетами четвертичной фауны, для которого характерен натуралистический стиль, напоминающий стиль Феццана; и второй, более поздний и более разнообразный, отличающийся схематизмом. Работая над фресками, художники использовали фиолетовую, розовую, светло-желтую и белую краски, красно-коричневую глину, кирпично-красную охру, а также красный пурпур и охру. Речь идет о плоскостной окраске одноцветными пятнами, без чередования теней белого и черного цвета: здесь представлены исключительно домашние животные:

быки и коровы, козы и антилопы. Люди почти всегда изображены в своих хижинах. По этим росписям довольно отчетливо прослеживается повседневная жизнь племен протоберберских скотоводов. В шалашах видны предметы домашнего обихода, корзины и сосуды из обожженной глины. Намечены женские фигуры; одна из женщин держит за руку ребенка. Можно различить какие-то предметы, свешивающиеся с потолка хижины. Женщины, очевидно, носили только белую набедренную повязку или юбочку, но на их обнаженном теле имелось множество украшений: бусы и подвески на груди, вышитые пояса, браслеты на руках, коленях и щиколотках.

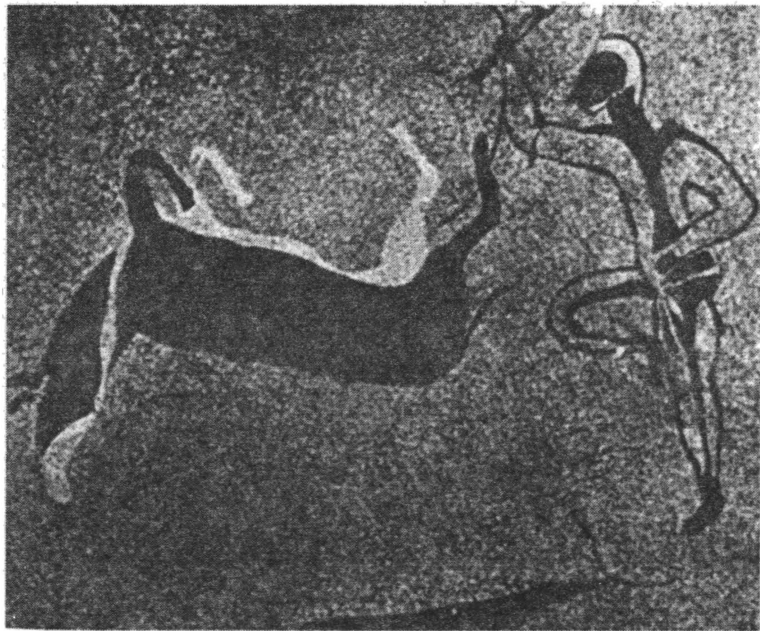
Мужчины, высокие, широкоплечие, мускулистые, неизменно вооруженные луком, бесспорно, обходились без одежды. У некоторых в густые волосы вставлено одно или несколько белых (страусовых) перьев.

Изображения быков
в И-н-Итинене

Общие черты с египетской культурой

Египетский принц Кемаль ад-Дин обнаружил среди росписей в Каркусе ат-Талах боевые сцены. Видны два ряда сражающихся бойцов. Один образуют пастухи-аборигены, защищающие свой стада от грабителей, пришедших из пустыни. Значит, эти люди не были кочевниками в полном смысле этого слова и Джебель-Уэйнат стал центром их полуседлой жизни, достаточно процветающим, чтобы привлекать грабителей. Вероятно, пастухи были нубийцами, стоявшими на неолитической ступени развития. Если судить по их внешнему виду, по искусству, а также по принадлежавшим им предметам, они находились на более примитивном уровне, чем жители Феццана, и, следовательно, жили либо раньше их, либо в то же время.

А. Брейль, занимавшийся истолкованием наскальных рисунков с изображением рогатого скота и быков в горах Уэйната, высказал мнение о том, что авторы значительной части этих рисунков переносят нас в энеолитическую эпоху Негада (7500—

Охотник готовится разделать тушу убитого осла

5000 гг. до н.э.). Действительно, чисто этнографические наблюдения над этнической группой, которой принадлежит авторство произведений наскального искусства Восточной Сахары, свидетельствуют о присутствии здесь элементов культурной фазы, схожей с культурой Феццана до прихода гарамантов и додинастического Египта, а именно фазы раннего энеолита, согласно хронологической классификации А. Море.

У нубийцев она продолжалась до «периода верблюда» и даже позже. Безусловно, нубийцы были людьми с темной кожей, почти негроидами. Трудно было бы воссоздать древнее население Нубии без помощи других археологических открытий в этой крайней восточной части Сахары, мало изученной даже в наши дни.

Еще в 1933 и 1935 гг. Лео Фробениус в составе экспедиции, которая сама по себе уже была большим подвигом, пересек всю Восточную, Египетскую и Суданскую Сахару между Джебель-Уэйнат и Красным морем. Он побывал в массиве Йерханд, в Гильфель-Кебире с уэдами Хамра и Сора, в уэдах Анаг и Хусейн, в Золат-эль—Хамаде, а также в уэде Хуар на крайнем юге Нубийской пустыни (на широте Эннеди). Он повсюду находил наскальную живопись и остатки древних неолитических жилищ, явно принадлежавших охотникам — авторам наскальных рисунков в Сахаре, а также протоберберским скотоводам, появившимся там позднее.

К несчастью, собранные экспедицией Л. Фробениуса материалы затерялись во время войны, и лишь в 1952 г. университет во Франкфурте-на-Майне опубликовал кальки, снятые с наскальных рисунков и росписей.

Росписи размещаются в Йерханде (в 100 км к югу от Джебель-Уэйнат) и в уэде Сора, рисунки — в уэде Сора, уэде Хамра, в Абу-Балласе, Селиме, Бурге и Тьююре, в уэде Анаг, уэде Хусейн и в Золат-эль—Хамаде. Открытие скоплений этих палеографических документов не только позволяет предположить, что подобные доисторические свидетельства рассеяны по всей Сахаре, но и дает возможность изучить отдельно обе фазы нубийского наскального искусства, которые в других местах смешаны.

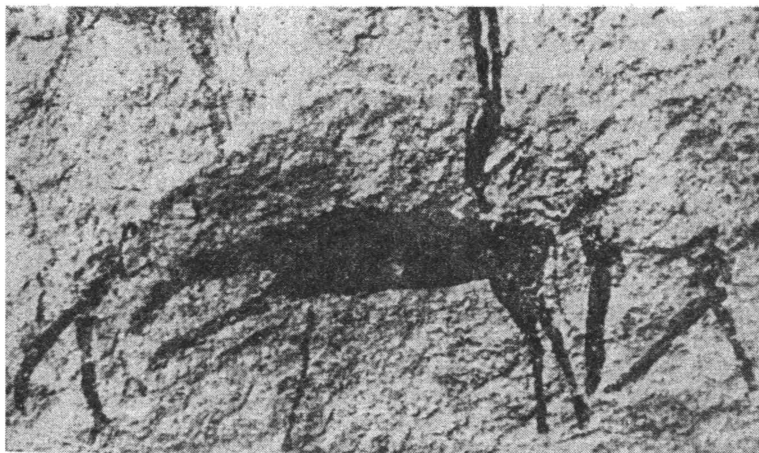
Первые рисунки на камне, выполненные грубой гравировкой или нанесенные молотком, с изображением в натуральную величину представителей эфиопской фауны и схематизированных антропоморфных фигур, безусловно, относятся к произведениям древних охотников. Изображения рогатого скота и домашних животных, а также бытовых сцен скорее всего работа пастухов-скотоводов, не без труда — о чем свидетельствуют некоторые боевые сцены между двумя группами (укрытие в скалах в Каргур-Талх в Джебель-Уэйнат) — обосновавшихся в долинах и близ уэдов, уже занятых другими людьми. Эти рисунки относятся

к тому же времени и стилю, что и рисунки в долине Нила, которые восходят к первым династиям фараонов.

Росписи, как в Восточной Сахаре, так и в других ее районах, похожи на те, что были найдены в Восточной Испании. Действительно, в течение IV тысячелетия до н.э. Нубия оказалась тем перекрестком, где встретились народы, сыгравшие основную роль в миграциях в Сахаре в направлении с востока на запад. Из их среды, по-видимому, вышли и берберы. Эти народы — их называют еще кушитами, или хамитами, — очевидно, заселили Египет, прибыв туда в составе той волны, которая выдвинула Египет на историческую арену вместе с первыми династиями фараонов.

В 1933 г. Паоло Грациози, возвращаясь из научной экспедиции в Феццан, остановился в уэде Марсит, неподалеку от мало известного местечка Майя-Диб. У подножия скалы, на краю Хамады-эль-Хамра, бил источник со свежей, прозрачной водой, поившей маленькую пальмовую рошу. Здесь никто не жил.

На небольшом расстоянии отсюда, среди обрушившихся известняковых глыб, почти засыпанных песком, П. Грациози обнаружил два нагромождения, камней с выбитыми на них фигурами. Флорентийский ученый открыл здесь стоянку с наскальной живописью, восходившую к самой глубокой древности, и, что самое интересное, первое изображение животного с рогами в форме лиры и с эмблемой в виде шара между ними. Этот бык с солнечным диском напомнил ученому символическое изображение египетской богини Хатхор.

Наскальное изображение животных и людей. Сахара

П. Грациози принялся разыскивать другие образцы, которые подтвердили бы его предположение, и был за это вознагражден. Годом раньше его коллеги, этнографы Чиприано и Мордици, пользуясь сообщениями, полученными от офицеров гарнизона в Браке, наткнулись на уэд, вдоль которого на расстоянии примерно 20 км по правой и левой стороне тянулись наскальные рисунки. П. Грациози испытал точно такое же смешанное чувство недоверия и удивления, что и А. Лот, нашедший чудесные наскальные фрески Тассили. Рисунки были повсюду: на отдельных скалах, на скалистой кромке Хамады, под естественными сводами известняковых расщелин — нескончаемая художественная галерея, в которой представлены почти все образцы ныне угасшей сахарской фауны, существовавшие 10 тыс. лет назад. И в этом «музее» доисторического искусства среди жирафов, львов, слонов, носорогов, антилоп, страусов, быков, коз, собак, лошадей и даже верблюдов-дромадеров П. Грациози нашел то, что страстно желал найти: изображение египетского бога Амона в облике барана с солнечным диском между рогами.

Относительно этого бога, чей оракул находился в оазисе Сива в пустыне, а храм в Тебессе в Верхнем Египте, берберологи и египтологи высказывали противоречивые предположения. Первые считают, что он ливийского происхождения, а вторые увязывают его с египетской мифологией, вместе с которой он якобы и проник в Ливию. Тем не менее доказано, что его культ был введен в Карфагене древними ливийцами, составлявшими, впрочем, большинство жителей столицы пунического государства.

В послевоенные годы были все основания опасаться, что сложные и не терпящие отлагательства экономические задачи, стоявшие перед молодым независимым ливийским государством, надолго задержат научные изыскания в Сахаре. Однако благодаря интересу к культуре со стороны новых ливийских руководителей и творческому рвению молодого поколения итальянских африканистов были осуществлены экспедиции Фабрицио Мори — в Феццан, два лингвистических исследования Умберто Парадизи по берберскому языку, новые археологические раскопки неумолимого Паоло Грациози (а также более скромная этнологическая экспедиция А. Гаудио в уэд Эль-Аджаль, эту «долину гробниц» в Феццане); возобновились раскопки в Лептис-Магне и в Сабрате, производившиеся археологами Джакомо Капуто, Вергара Каффарелли и Берточини.

Однако сейчас нас больше всего интересуют подробности и результаты исследований, относящиеся к экспедиции Ф. Мори. Горный массив Тадарт-Акакусе, где он со своими коллегами обнаружил громадный «музей» в скалах, возвышается к востоку

от оазиса Гат на юго-западном склоне Феццана. Скалистый по своему строению, он изрыт множеством уэдов. С этими напоминающими лунный пейзаж долинами чередуются обширные плоскогорья, покрытые темным щебнем (серир), и горные складки различной высоты, образованные скальными породами девонского песчаника.

Подобно двум другим доисторическим массивам Алжирской Сахары — Ахаггару и Тассили, — массив Акакус представлял идеальные условия для выпаса скота, а также для расселения и укрытия древних обитателей Сахары.

За семь лет методических научных изысканий в горах Акакуса Ф. Мори и его коллеги обнаружили и затем воспроизвели сотни граффити и росписей. Все эти наскальные произведения отличались необыкновенной красотой, а некоторые приобрели особое значение для науки благодаря своему совершенно уникальному характеру — например, большая «лодка» с коленопреклоненными людьми и изображение мумий в вытянутом положении. В укрытии, где находилась эта фреска, итальянские ученые сделали свое главное открытие: из слоя, изобиловавшего остатками предметов древности — камнями, костями и керамическими изделиями, на свет извлекли завернутую в звериные шкуры высушенную мумию ребенка без внутренностей.

Эти останки сохранились достаточно хорошо и могли быть использованы для сравнительных антропологических исследований. Здесь же были обнаружены другие костные останки. Таким образом, в этом районе уэда Тешимат оказался настоящий доисторический некрополь Сахары. Самым распространенным способом захоронения в нем была, по-видимому, мумификация трупов, почти идентичная способу, практиковавшемуся у египтян.

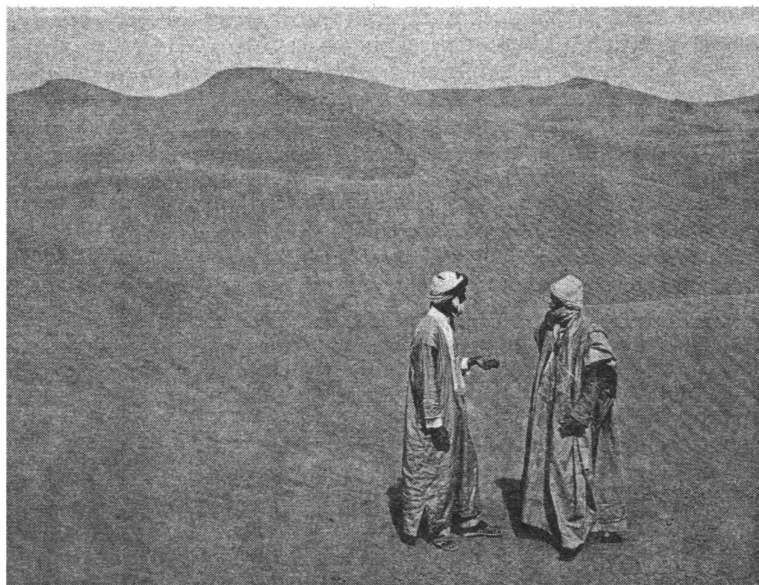
Однако, согласно датировке, не вызывающей ныне сомнения, найденные в Акакусе останки ребенка восходят к гораздо более ранней эпохе, нежели первые династии фараонов. При изучении этой уникальной находки использовались следующие методы: морфологическое и антропометрическое описание, радиологическое и гистологическое исследования, химический анализ. Удалось установить, что ребенок имел негроидные черты и ему к моменту смерти было примерно 30 месяцев. Консервация тела не носила случайного характера. Об этом свидетельствуют две основные особенности мумии:

1) надрез внутренней стенки брюшной полости, очевидно с целью удаления внутренностей — от них не осталось никаких следов; 2) сильно изогнутое положение тела, которое ему не удалось бы придать без предварительного удаления внутренностей. Консервация была достигнута с помощью высушивания.

К интересным открытиям французской экспедиции А. Лота, частично изученным и проанализированным аббатом А. Брейлем, можно добавить находки итальянцев в Акакусе, расширившие число известных уже материалов. В пещерах этих гор, служивших жильем первобытному человеку, превосходно сохранились росписи. Они представляют большой интерес как для изучения магических и религиозных верований, так и для исследования расовых признаков некоторых этнических групп.

Достоверно известно, что население Сахары начало уменьшаться в тот период, когда из-за наступавшей засухи скотоводам становилось все труднее пасти свои многочисленные стада. Покинув горы в центре Сахары, они отправились на поиски пастбищ в долины больших рек. В наше время их потомками следует, вероятно, считать пастухов фульбе, сохранивших некоторые характерные черты белой расы, несмотря на частые смешанные браки с соседним чернокожим населением.

Каковы были отношения между жителями Сахары и Египтом? И к какому времени они относятся?

Раскаленные пески Сахары отделяют Тропическую Африку от стран Средиземноморья

Удивительные аналогии, которые уже были замечены многими исследователями, не получат своего раскрытия до тех пор, пока не будет неопровержимо установлено, в каком хронологическом соотношении находятся различные этапы сахарского искусства с искусством додинастического и протодинастического Египта.

Какой же характер носили отношения между этими двумя культурами? Представляли ли они собой некое четкое явление, сопровождавшееся определенным этническим и культурным воздействием? Могло ли сахарское искусство, достигшее такого развития еще в эпоху, предшествующую первой египетской династии (ок. 3200 г. до н.э.), способствовать возникновению художественных форм, которые кажутся столь зрелыми уже в протодинастический период?

Если гипотеза о том, что в Долину Нила внесли свой вклад инородные культуры, подтверждается громадными художественными различиями, существующими между произведениями додинастического и протодинастического Египта, тогда трудно не признать, что эти новые веяния поступали из Сахары, которую покидало население, гонимое усиливавшейся засухой.

Окончательные ответы на эти вопросы могли бы иметь тем большее значение, чем многочисленнее и неожиданнее были случаи культурной близости между этими регионами. Каждое новое открытие ставит перед нами новые проблемы, для которых в настоящее время можно найти лишь временные, предположительные решения.

Гараманты — всадники, пастухи, воины

Приступив к методической реконструкции цивилизации древнего Феццана, Паоло Грациози сосредоточил свое внимание на некоторых рисунках. Они изображали летящие колесницы, запряженные лошадьми и управляемые воинами, вооруженными дробиками, луками и щитами. Стиль этих колесниц (такой тип в Сахаре более не встречается) и особенно «летающий галоп» лошадей обнаруживают любопытное сходство с микенским искусством. Таким образом, возникло предположение о средиземноморском происхождении гарамантов, древних обитателей Ливии; это предположение все еще не подтверждено, равно как и не разгадана тайна, откуда в Сахаре появились эгейские колесницы. Известно, что в 1700 г. до н.э. долину Нила захватили гиксосы, воевавшие на колесницах; но мы не знаем, распространились ли колесницы вскоре после этого дальше на запад и были ли они заимствованы ливийцами. Первый достоверный документ о су-

шествовании колесниц и лошадей в Ливии относится к 1229 г. до н.э. Речь идет об одном тексте Меренптаха из Карнака, в котором говорится, что египтяне, разбив в сражении ливийского вождя и его сына, захватили 14 пар лошадей.

Однако нет никаких доказательств того, что боевые колесницы гарамантов попали в Сахару через Египет. Скорее можно предположить, что они — судя по средиземноморским, т.е. микенским, особенностям — оказались в Сахаре в связи с появлением «народов моря» (ахейцев, сардов, этрусков), когда они высадились между Киренаикой и дельтой Нила, предприняв неудачную попытку захватить Египет силой. Впрочем, известно, что местные ливийцы присоединились к пришельцам и сражались в их рядах. Потерпев поражение и покинув Египет, они, вполне естественно, привели в пустыню боевые колесницы и лошадей. Таким образом; следует говорить, по-видимому, не о заимствовании их у египтян, а, наоборот, о заимствовании колесниц египтянами.

Между тем гараманты использовали колесницы и для сельскохозяйственных работ, и для перевозки людей, запрягая в них как лошадей, так и быков. Позднее они стали пользоваться только лошадьми и ездили на них верхом с ловкостью превосходных наездников. Они пускались в галоп, не имея стремян и управляя животным лишь с помощью простой палочки. Кавалерия гарамантов славилась в древней Африке. На боевых колесницах, запряженных четверками лошадей, гараманты, вооруженные дробиками, по несколько дней преследовали «эфиопов» вплоть до нагорий Тибести и Аир. Все ливийские племена переняли подобный способ ведения боя и транспортировки грузов, а в племенах заус, населявших территорию современного Туниса, на колесницах и верхом ездили даже женщины.

В 1938 г. П. Грациози обнаружил новые изображения колесниц в районе Масуда, правда довольно посредственные. Их авторы не теряли времени на соблюдение ортогональной проекции и перспективы. Для изображения колесниц они пользовались горизонтальной проекцией, как если бы смотрели на них сверху. Колеса и сами лошади изображены в профиль, возница — в фас. Лошадей запрягали по четыре или по две, а иногда даже по одной, смотря по тому, какой была колесница.

В любом случае ее устройство передано очень схематично: ось, соединяющая два колеса с шестью спицами в каждом, и настил, от которого отходят два дышла, заканчивающиеся двойным ярмом на шее лошадей и напоминающие ярмо боевых колесниц Египта эпохи фараонов. Правит этим сооружением один человек, всегда стоя. На других рисунках колеса боевых колесниц

Изображение колесниц

имеют всего четыре спицы, а дышла соединены перекладиной — единственным ярмом для всей упряжки, но на настиле стоят два человека, возница и вооруженный воин.

Рядом с этими наскальными рисунками гарамантов было обнаружено значительное количество надписей, выполненных древним ливийским письмом и современным письмом тифинаг. Берберолог Франческо Бегино, в свою очередь, несколько раз побывал в Феццане и скопировал там сотни надписей. Хотя этот любопытный геометрический алфавит уже известен, многочисленным современным лингвистам и дешифровщикам еще не удалось расшифровать язык надписей. Это тем более странно, что древний ливийский язык до сих пор остается живым: на нем еще и сегодня пишут туареги, хотя они пользуются весьма искаженной по сравнению с первоначальной формой. Именно эту, дошедшую до нас, форму письменности и называют тифинаг.

Хотя среди надписей было обнаружено множество двуязычных (на ливийском и пуническом языках), которые изучаются сейчас во Франции, ни одно из сравнительных исследований еще не дало положительных результатов. Ф. Бегино, открывший 200 текстов, надеялся перевести древний ливийский язык с помощью берберского, но французский ученый-берберолог Андре Бассе убедительно опроверг его доводы. Те, кого увлекла эта лингвистическая загадка, продолжают свои поиски на ошупь. Некоторые из них, правда, присоединяются к мнению выдающегося английского дешифровщика надписей А. Эванса, считающего, что древний ливийский язык восходит к древнекритскому.

В 1933 и 1934 гг. экспедиция Итальянского географического общества, возглавляемая археологом Биаджио Паче и его по-

мощниками антропологом Серджио Серджи из Римского университета и археологом, инспектором музеев Джакомо Капуто, начала в уезде Эль-Аджалъ раскопки, приобретшие впоследствии большое значение. Этот уезд, длинной бороздой прорезающий центральную часть Феццана и ограниченный на севере дюнами Рамлы, а на юге Хамадой, находился, как полагают, в самом центре страны гарамантов.

На отрезке в 160 км итальянская экспедиция обнаружила самый большой некрополь во всей Африке, насчитывающий около 4500 могил. Раскопки велись из г. Джермы, сохранившего название древней столицы исчезнувшего царства гарамантов — Гарамы.

Эти погребения во всех отношениях похожи на курганы, обнаруженные неподалеку от Гата и в Алжирской Центральной Сахаре, изучением которых занимался Т. Моно. Результаты археологической экспедиции в Феццане оказались поразительными. Постепенно обозначалась вся цивилизация гарамантов; ее похоронные обряды, ремесла, постройки, оружие, процветающая торговля. С. Серджи нашел и исследовал останки древних обитателей Сахары. Тем самым удалось вернуть этому до сих пор загадочному народу его этническую индивидуальность и определить место гарамантов среди населения древнего Средиземноморья.

В Феццане существует несколько видов захоронений: ямы, ящики, камеры с плоской крышей или с куполом. Все они засыпаны курганами различной формы, которые иногда ступенями поднимаются вверх.

Изучение могил показало, что гараманты хоронили умерших в согнутом положении; на восточной стороне могилы они воздвигали стелы либо в форме обелиска, либо в виде рогов, а перед ними ставили столы с небольшими углублениями для ритуальных подношений пищи. Следует отметить необычную могилу в виде камеры, окруженной стеной, перед которой находится атриум. Все это вместе представляет собой погребальный храм под открытым небом, очевидно весьма почитавшийся.

Между культом мертвых, существовавшим у древних ливийцев, и погребальными обрядами в Египте в период неолита было также много общего. По сообщениям Геродота, насамоны сажали умирающих и в этом положении хоронили. Существовали также захоронения в глиняных кувшинах, причем череп отделяли от тела, а кости разбрасывали.

Насамоны, принося клятву, держали руку на могиле своих родных и божились «самыми уважаемыми людьми». Они спали там и молились предкам. А жители оазиса Авгила укладывались спать на могилах, когда хотели услышать во сне пророчество.

Любопытно, что эти же обычаи сохраняются и у нынешних туарегов. Их женщины в праздничных нарядах отправляются к древним «могилам великанов», молятся духам Идебни, а затем ложатся спать, чтобы «узнать во сне о судьбе своих близких». Жители Ахаггара делают это ночью, а жители Аджера — днем. Отставший в пути туарег ложится спать у одной из таких могил и «видит» во сне, где находятся его товарищи. Другие молятся и спят в круге, образованном камнями овальной формы, достигающем 25—45 м в диаметре и окруженном небольшими каменными курганами.

В царстве гарамантов у некоторых негроидных племен, обитавших в пещерах, старикам разрешалось жить только до шестидесяти лет. Когда наступал этот срок, человек должен был удавиться бычьим хвостом. Если же у него не хватало мужества, его под радостные крики и смех душили соплеменники. Напомним, что древние сарды тоже бросали в глубокие ямы своих стариков, достигших семидесяти лет.

Гараманты благородного происхождения с радостью встречали смерть родственника или друга, и его погребение отмечалось большой ритуальной трапезой.

Из некоторых могил гарамантов в уэде Эль-Аджаль было извлечено на свет множество костей животных, несомненно, попавших сюда после погребальной трапезы.

В гробницах находили также домашнюю утварь: сосуды из прозрачного стекла с высеченным или нарисованным орнаментом; из гладкого или выпуклого цветного стекла; из обожженной глины, напоминающие керамику из Арция. На амфорах для вина и масла и на их обломках видны римские, пунические и ливийские знаки.

В Уаддане, в оазисе ад-Джофра, на вершине холма в октябре 1929 г. нашли клад, состоявший из небольших золотых предметов общим весом три килограмма. Среди них 101 кольцо, 9 пряжек, 1 спираль, 4 браслета и 10 маленьких идолов, одиночных и парных. Некоторые идолы представляют собой рогатое бородастое божество. Оно напоминает изображение, которое около 1000 г. до н.э. появилось на изделиях, имевших хождение в бассейне Средиземного моря. Учитывая довольно примитивную технику выплавки золота, есть, очевидно, основание говорить о вещах, привезенных гарамантами из финикийских факторий на Ливийском побережье.

Благодаря этим личным предметам, найденным в могилах гарамантов, удалось восстановить ту атмосферу, в которой протекала их жизнь.

Продвижение вглубь Африки по рекам было связано со многими приключениями и опасностями

Гараманты были известны как грабители. Тацит рассказывает, что их воинственный пыл обращался не только против чернокожих. Хорошо зная дорогу к заливам Сирта, они совершали свои набеги и подобно саранче обрушивались на богатые финикийские и римские города побережья, грабили и опустошали их.

У гарамантов существовал древний обычай предоставлять право убежища любому беглецу, не спрашивая у него, откуда он и почему скрывается. Неудивительно, что пристанище в царстве гарамантов искали и солдаты, дезертировавшие из карфагенских и берберских войск, и бандиты, и беглые преступники. Они вливались в ряды гарамантов, совершавших грабительские набеги. Все караванные пути, проходившие через Центральную Сахару и соединявшие берег Средиземного моря с Суданом, находились под контролем колесниц и кавалерии этих неукротимых воинов. Гарамантам удалось монополизировать значительную часть торговли экзотическими товарами, основными потребителями которых были Карфаген и Рим. Однако караваны, платившие им за проезд пошлину, они обеспечивали проводниками и охраной.

Основным занятием гарамантов было разведение крупного рогатого скота и овец; они вели пастушеский, полукочевой образ жизни и довольствовались небольшими палатками из шкур и переносными хижинами. Такие же хижины составляли и их военные лагеря. Благодаря тому что они легко разбирались и перевозились на вьючных животных, передвижения воинов-гарамантов

были молниеносны, а действия внезапны. Чтобы еще больше выиграть время, они нередко ставили на повозку целую хижину. Только мертвые получали право на постоянное и просторное жилье. Вот почему после гарамантов остались монументальные некрополи, но нет никаких следов каменных городских поселений, если не считать невысоких построек в Гараме.

Единственным местным видом ремесла было гончарное производство. Женщины изготавливали сосуды черного и красного цветов, украшая их линейным орнаментом. По форме и орнаменту эти сосуды удивительно сходны с теми, что изготавливались в Восточном Средиземноморье в бронзовом веке (III тысячелетие до н.э.), известными главным образом по раскопкам на Крите, Мальте, в Сицилии, Сардинии, в жилищах и храмах, относящихся к той же эпохе.

Нравы гарамантов были чрезвычайно свободными. Женщины похвалялись числом возлюбленных. Когда ребенок достигал определенного возраста, мужчины собирались и объявляли отцом того, на кого ребенок был больше похож. Тем не менее женщины пользовались немалым уважением, и эта форма матриархата была унаследована туарегами.

Женщины гарамантов одевались в красный плащ из козьей кожи, окаймленный бахромой. Он был перекинут на спину через правое плечо, а держала его металлическая застежка на левом плече. Эта примитивная одежда была усыпана множеством украшений из слоновой кости, золота, серебра. Обнаженные руки и шея также украшались браслетами из слоновой кости, серебра и меди, подвесками из раковин и цветных камешков, пластинками из панциря черепахи, а также бусами, сделанными из скорлупы страусовых яиц и стекляшек, привезенных с побережья из финикийских факторий и из Карфагена. В волосы женщины втыкали два-три белых или черных страусовых пера.

Мужчины носили лишь короткую тунику из шерсти или из шкур коз и антилоп. Волосы также украшали страусовыми перьями, а детородный орган защищали кожаным футляром.

КНИГА ПУТЕШЕСТВИЙ И ОТКРЫТИЙ

Тропическая Африка и средиземноморский мир: двери в неведомое приоткрываются

Мыслимое ли дело — говорить о классической античности применительно к тропической Африке? Весь африканский регион, за исключением долины Нила, лишь в малой степени подвергся влиянию великих цивилизаций Средиземноморья. На протяжении десяти веков, разделяющих эпоху расцвета Карфагена и конец Римской империи, было предпринято много попыток исследования Черной Африки: как по морю, так и по суше торговцы, путешественники, военные и мореходы пытались узнать, кто живет там, за песками Сахары, и какую выгоду они могут получить от этих земель. Специалисты по мифологии относили к этим регионам неизвестных богов, а древние географы, путаясь при составлении карт, группируя собранную на восточных базарах и в портах информацию, черпая в архивах сведения, пока это было возможно, а главным образом неумоимо используя сомнительный опыт своих предшественников, донесли до нас забавные байки об Африке, где чудовища и животные, весьма далекие от своего естественного оригинала, очень кстати заполняли белые пятна на карте.

Эти особенности были прилежно переняты учеными христианского средневековья. И многие названия так и значились — вплоть до открытий девятнадцатого столетия — на картах мира, как наследие «темных веков».

Современные исследователи, конечно, заинтересовались проблемами исторической географии и тщательно просмотрели обветшалые тексты, дошедшие до нас от древних, сопоставили их и провели работу по идентификации топонимов и этнонимов,

чтобы восстановить морские и наземные торговые пути и ознакомиться с политикой африканских империй.

Некоторые ученые без тени сомнения принимают на веру очень подозрительные тексты, выдвигают невероятные, неправдоподобные гипотезы, не потрудившись проверить факты, поискать ошибки и неточности. Литература по исторической географии тропической Африки насыщена очерками, которые вместо того, чтобы помочь познанию отдаленного прошлого континента, увековечивают и умножают погрешности, для искоренения которых потребуются десятки лет.

Достоверность и спорность археологии

Отныне в распоряжении ученых имеется надежный способ проверить спорные моменты — археология.

В течение шестидесяти лет исследований одержимые археологи-любители и профессионалы работают в тропической Африке и их успехи поразительны, хотя далеко не все еще исследовано. Раскопки были разносторонне разработаны и можно было надеяться обнаружить археологические находки времен античности. Копи, карьеры, частные и общественные сооружения, места распашки давали в избытке, как и другие древние памятники мира, много интересного материала, который был всесторонне изучен специалистами. Так, например, оловянные шахты плато Баучи (Нигерия) подарили миру статуэтки и памятники гончарного ремесла изысканнейшего из искусств — культуры Нок, а в Нубии и Абиссинии к сегодняшнему дню изучены многие античные памятники, которые доказывают, что культуры этих стран были заимствованы — нубийская у фараоновского Египта, а абиссинская у доисламской Южной Аравии.

Однако только в этих двух древних африканских государствах было обнаружено много находок, связанных с античностью. С поисками в Черной Африке дело обстояло куда хуже. Археологам удалось найти статуэтку Осириса из бронзы и меди, датируемую восьмым столетием до новой эры, в Конго (Киншаса), статуэтку Осириса с надписью Тутмоса III (1450 год до н.э.), найденную на юге Замбези. Несколько редких монет (Рассеремт и Тамкаркарт недалеко от города Акжужт, Мавритания, Форт-Флаттер, Форт-Полиньяк, Дидер, Абалесса и Тимиссао на севере Сахары, некоторые места в Нубии, наконец, Шунгвайя и Мсасани на берегу Индийского океана); несколько жемчужин, одни из Дра Миличигдане, который находится к востоку от Акжужта, другие из залива Звезды у Порты-Этьена (Мавритания). И это практически все, что ученые нашли в огромной Африке.

После исследования найденного некоторые находки, считавшиеся прежде подлинниками, были немилосердно отнесены к фальшивкам. Так, много монет было в свое время найдено в Южной Африке, но ученый Дж. Шофилд указал на ошибки их классификации в музеях, связанные с попыткой расположить «копи царя Соломона» в Родезии. «К тому же легко спровоцировать подобные розыгрыши, — пишет ученый, — я проверил это на собственной шкуре, обнаружив на острове Горе в Сенегале римские монеты, которые заблаговременно были оставлены злоумышленниками». Еще один пример — современная камей (XVIII или XIX вв.), найденная на пляже близ Конакри (Гвинея), долго считавшаяся древнеиндийской. Все это показывает, что вероятность мистификаций и в будущем довольно велика.

Существуют также ошибки интерпретации. В свое время французские археологи с пеной у рта утверждали, что жемчуг на нарукавной нашивке, купленный в Габоне неким наместником Фурно, являлся подлинником эпохи египетской античности? Проверка, сделанная специалистами, в особенности аббатом Дриотом, дала основание отнести находку к средневековью, но без сомнения изделие могло быть изготовлено и совсем недавно, так как подобные украшения создавались во все эпохи и до наших дней.

Две бронзовых лампы, найденные в Атабубу (Гана), бесспорно похожие на подобные предметы христианского Египта (V—VII вв.), в равной степени стали предметами археологической полемики. Многие хотели видеть в этих экспонатах доказательство существования доисламских связей между Ганой и Египтом. Другие больше склоняются к тому, чтобы рассматривать эти предметы как «залежалый товар», вышедший из моды и отвезенный на юг Сахары арабо-берберскими торговцами в первые века исламских контактов с долиной Нигера (VIII—X вв.).

Во всех вышеперечисленных случаях мы имеем дело с мелкими предметами, в высшей степени транспортабельными, которые, следовательно, могли легко переходить в транссахарской торговле из рук средиземноморских торговцев в руки арабо-берберских купцов и, наконец, в самой торговле между племенами Черной Африки.

Это неимоверно мало, учитывая все проделанные раскопки, для предметов, так легко поддающихся распознаванию, и для огромной площади Сахары, где ветряная эрозия дает возможность найти целые древние города. Впрочем, почти полное отсутствие античных находок связано с обширными разграблениями, от которых страдали и страдают сегодня многие объекты.

Также невооруженным глазом видно полное отсутствие открытий на атлантическом побережье южного Марокко. Послед-

ние, самые южные, находки были сделаны на острове Могадор: мы о них расскажем поподробнее позже. Ничего не известно о подобных находках как на острове Йерне в заливе Рио-де-Оро у мыса Блан (кроме ребристой жемчужины с окраин Порт-Этьена, упомянутой выше), так и на острове Горе, на котором более двадцати лет проводились археологические работы. И тем не менее, если древние мореходы и приходили в эти края, то не могли миновать таких мест, как и остров Могадор, на котором они впоследствии окончательно обосновались.

Многие места в этом регионе еще не скоро будут раскопаны или даже просто обследованы, но если мы столкнемся с настоящим античным поселением, то уже спустя десятилетия будем обладать фрагментами глиняных изделий, монет и даже надписей...

Этот скудный спектр находок не сравним с тем богатым наследием, что оставили римляне в той части Африки, которая находилась во власти империи. Простершееся от Шелы (Рабат) до Береники на Красном море, ограниченное на юге оборонительными сооружениями, прекрасно узнаваемыми во многих местах и сейчас, римское государство оказало большое влияние на находившиеся вблизи ее южных границ страны (Марокко, Алжир, Нубия и т.д.). Это было связано с устойчивыми торговыми связями между государствами.

Но, повторяем, в античную эпоху объем культурного обмена между миром Средиземноморья и тропической Африкой (за исключением стран, находящихся в бассейне Нила и на побережье Красного моря или Индийского океана) был предельно мал.

Африка никак не была связана ни с Великим шелковым путем, пересекавшим всю Центральную Азию в направлении Китая, ни с морским путем индийцев, связывавшим Арсиноэ (современный Суэц) и порты Аденского залива и доходившим до Кантона, ни с янтарным и оловянным путями, проходившими из Тартесса и Гадеса в Испании в порты Британии и Балтики. Конечно, существовали торговые пути и через Сахару, это точно известно, но они были настолько второстепенны, что лишь один или два древних текста повествуют о них (и то очень смутно), и ни одни руины на юге Феццана, за единственным исключением Абалессы, и ни одни археологические раскопки не свидетельствуют об их существовании...

Могущественные страны севера ограничились завоеванием верхней, «полезной» кромки Африки, зоны оливковых рощ и хлебных полей. С приграничных территорий вывозились некоторые товары, такие как звериные шкуры, слоновая кость, цирковые животные. Однако ничто не позволяет утверждать, что суще-

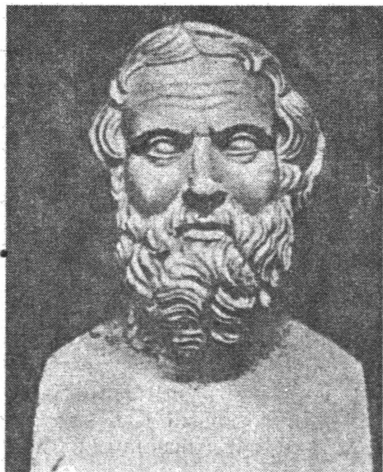
ствовала постоянная торговая связь между Римской империей и Черной Африкой.

А там, за песками, находилось золото Судана и Сенегала. Это золото, имеющее, несомненно, определяющее значение в экономике государств данного региона, побудило арабов организовать в VIII веке несколько экспедиций вглубь Африки. Итак, из всех античных текстов, дошедших до нас, лишь один упоминает о золоте в областях к западу от Египта. Это знаменитый отрывок, в котором Геродот описывает карфагенян, которые пришли в Ливию «через Геркулесовы столпы», чтобы обменять свои товары на драгоценный металл. Но опять же этого уникального письменного источника недостаточно для научного исследования. Римляне, которые не колеблясь предпринимали экспедиции для добычи золота к дакам при Траяне, чтобы оплачивать покупку драгоценных камней, пряностей, шелка, забыли разведать западно-африканское Эльдorado и провести туда торговый путь.

Таким образом золото Судана осталось неизвестным и недосыгаемым для европейцев до прихода арабов на золотоносные рудники тропической Африки в VIII веке. В этих местах всадники Окбы бен Нафи нашли золото в небольшом количестве и осведомились, откуда люди взяли его. Информация о золоте не была забыта: не случайно первая арабская экспедиция под предводительством Абиба бен Али Убайды уже в 743 г. пришла в Судан, где «овладела большим количеством золота». Добыча драгоценного металла в первые века нашей эры была лишь началом эксплуатации золотых рудников в Фалеме и Буре. И традиция использования самородков для украшения не умерла.

Эта небольшая увертюра была необходима, чтобы обозначить культурные и торговые отношения средиземноморского мира (и зависимых от него нильского и абиссинского регионов) с миром Черной Тропической Африки.

Многие ученые упоминали, описывая развалины Зимбабве, Ифе и других культур,

Греческий историк Геродот писал о карфагенянах, достигших Ливии

о египетском, иудейском, греческом, римском и даже заатлантическом влияниях на тропическую Африку. Но не будем поддаваться иллюзиям: шансы на важные открытия древних контактов в тропической Африке уменьшаются из года в год. Только район Намибии и Эфиопии с побережьем Красного моря и Индийского океана могут преподнести нам приятные сюрпризы...

Первые мореходы

Когда вообще начались плавания?

Этот вопрос еще не разрешен, но, как полагают специалисты в ожидании позднейших уточнений, в эпоху мезолита (VIII тыс. до н.э.) в Северной Европе. И еще — нужно ли упоминать передвижения древних людей по рекам, озерам и заливам морей, а не только длительные морские плавания?

У нас есть доказательства, что в эпоху неолита люди уже могли пересекать моря, но очевидно, что большие острова Средиземного моря были освоены человеком в бронзовом веке, за исключением Сицилии, заселенной в эпоху палеолита, а также Крита и Кипра. Именно в эту эпоху в Средиземноморье, вдоль африканского побережья появляются первые небольшие суда, приходящие с востока, оттуда, где сегодня находится Ливан. Примерно в IV тысячелетии до н.э. появляются первые парусники: они изображены на терракотовых рельефах гробницы Эриду в Месопотамии, виден парус и на додинастическом египетском корабле.

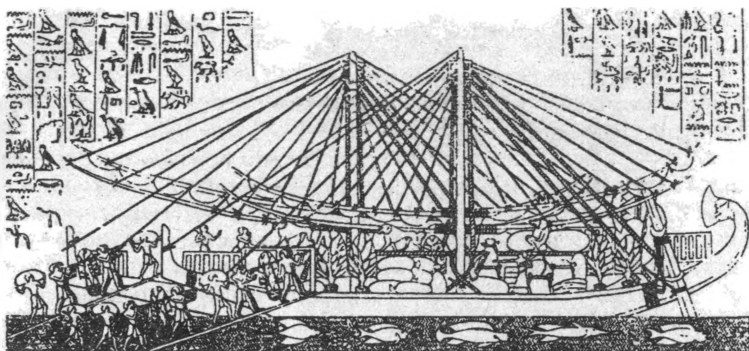
Но со времени появления первых парусников прошло много веков, прежде чем большие, хорошо оснащенные корабли покинули устья рек, лиманы и заливы и вышли в море. Прибрежный морской путь от устья Инда и Шумерского царства через африканское побережье Красного и Средиземного морей до Ближнего Востока, согласно английскому ученому М. Вилеру, установился не раньше II тысячелетия до н.э. По этому пути торговцы перевозили олово и медь, янтарь и золото, шкуры и пряности. Около 1500 года до н.э. египетская царица Хатшепсут организовала морскую экспедицию в знаменитую страну Пунт, которая находилась по обе стороны Баб-эль-Мандебского пролива — на юге Аравийского полуострова и на африканском побережье. Об этой экспедиции мы знаем по серии рельефных изображений и иероглифическим надписям, которые в бравурных тонах повествуют о путешествии пяти тридцативесельных кораблей: красное дерево, душистые пряности, мирра, фимиам, шкуры, золото и обезьяны названы в списке привезенных в Египет товаров...

С другой стороны, по невероятной на первый взгляд теории Тура Хейердала, папирусные парусники, отплывающие из пор-

тов Египта или с атлантического побережья Марокко, могли достичь берегов Мексики и вернуться обратно. Так мореходы могли установить постоянный торговый маршрут и обмен культурными ценностями, благодаря которым становятся объяснимыми сходства цивилизаций Старого и Нового Света. Правда, Хейердалу для того, чтобы поубедительнее доказать свою гипотезу, сто-

Около 1500 г. до н.э. египетская царица Хатшепсут организовала экспедицию в Пунт

Корабль Хатшепсут загружается в Пунте саженцами ладанового дерева, павианами, тюками (Из храма в Дейр-эль-Бахри)

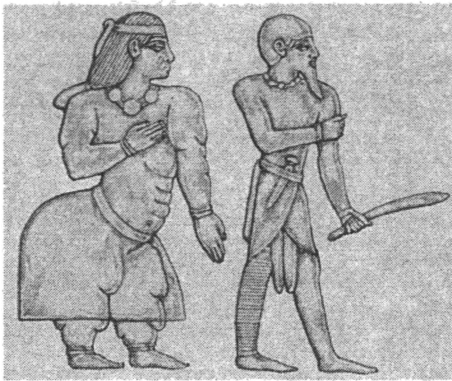
ило начать свое плавание в устье Нила, а потом пойти в Мексику через Гибралтарский пролив и оттуда обратно вернуться в Египет тем же путем, а не отчаливать из Сафи — оттуда, где берет начало попутный пассат...

Однако существуют и другие точки зрения. Например, исследователь Р. Шарру считал, что кельты доплывали до Америки, а Л. Винер и А. фон Вутенау утверждали, что и африканским мореходам удалось пересечь Атлантический океан и создать культуру ольмеков или хотя бы повлиять на нее.

Конечно, нельзя отрицать, что у мореплавателей античной эпохи, обладавших хорошо оснащенными парусными кораблями, не было возможности пересечь широкий океан. Ведь современные исследователи доказали, что Атлантику можно переплыть и на утлом челноке с примитивной экипировкой!

Античные мореплаватели точно знали, куда им плыть, знали, какой путь выбрать, а какой нужно избегать, умели определять удобное для навигации время, пользовались компасом и другими навигационными инструментами, встречали на своем пути другие корабли, которые могли оказать им помощь.

Первые точно установленные современными историками трансатлантические путешествия совершили викинги в XI веке, но исследование Америки не было продолжено. Колумб обрел право называться первооткрывателем Нового Света, а вместе с тем и вечную славу, в 1492 году. Но 1100 год до н.э. — легендарная дата основания Гадеса, и, судя по греческим хроникам, города Утик в Тунисе и Ликс в Марокко уже существовали к этому времени. А ведь это были крупные морские порты! Мы не будем вдаваться в споры

Супруги-правители
Пунта (Рельеф из храма
в Дейр-эль-Бахри)

по поводу этих древних финикийских колоний, тем не менее, нужно учесть, что в начале I тысячелетия до н.э. мореплаватели исследовали побережье Африки от северной части Марокко (Ликс) — на западе до мыса Гуарда-

фуй, который находится за Баб-эль-Мандебским проливом — на востоке континента.

Что происходило на берегах Африки в эпоху античности?

Прежде всего нужно выяснить, какими были корабли в эпоху античности. Это важный вопрос, если мы хотим познать и достижения античных мореходов, и предел их возможностей: недостаток материальных средств не позволял им осуществлять так легко, как многие думают, путешествия на большие расстояния: вдоль африканских берегов или в открытом море.

В распоряжении древних мореплавателей было два вида кораблей: парусные и весельные. Виды древних кораблей, хотя и прошли сквозь толщу веков от Древнего Египта до Византии через Финикию, Грецию и Римскую империю, остались схожими.

Парусные корабли чаще использовались в торговых целях. Они были широкие и вместительные, имели два округлых и высоких борта. Но не все парусные корабли имели такой вид. На барельефе саркофага в Сидоне, в эпоху Римской империи, изображена немного наклоненная вперед мачта с маленьким стакселем, который должен был ловить встречный ветер. Кормило позволяло управлять кораблем. Это был типичный для античной эпохи большой торговый корабль с высокими бортами.

Весельные корабли, появившиеся на Ниле во времена Древнего царства, вскоре стали использоваться в Средиземном и Красном морях, о чем свидетельствуют барельефы в Дейр-эль-Бахри, повествующие о вышеупомянутой экспедиции царицы Хатшепсут.

Древнеегипетский корабль. XX в. до н.э.

Современные ученые знают многое о галерах. Из них состоит знаменитый флот финикийского царя Сеннахериба (VII век до н.э.). Сохранилось много греческих документов, повествующих об этих кораблях, и они часто изображались на глиняной посуде, что позволяет нам воссоздать их облик. Количество гребцов в галерах варьировалось, но редко превышало 50 человек (то были пентекоптеры). В галерах был только один ярус для гребцов, что объясняется техническими причинами, а руль управления находился под кормой. Создавались и большие весельные корабли, которые впервые появились в эпоху Птолемеев и позже при Плинии Старшем. Известно, что в 40 году римляне создали пятиярусный весельный корабль, рассчитанный на четыре сотни гребцов. Но эти корабли не были рациональным средством передвижения. Так, в византийском флоте существовали большие корабли для перевозки воинов, но чтобы перевезти 70 солдат, требовалось 250 гребцов. Это были сложноуправляемые и малоэффективные гиганты. При попутном ветре на этих огромных галерах поднимался парус, что позволяло сэкономить силы гребцов. В особых ситуациях гребцам приходилось работать и днем и ночью без остановки, как, например, случилось, когда нужно было успеть в город Митилен, чтобы сообщить о прекращении

войны со стороны Афин до того, как город уничтожат. Чаще всего весельные корабли использовались на войне, из-за чего они и чаще усовершенствовались. Античные корабли были способны нести на борту не более шестидесяти тонн грузов, так как они были рассчитаны и на передвижение по суше, где они и покоились на протяжении нескольких месяцев, с ноября по март: во время осад городов, например, Трои, судна вытягивались на сушу.

Вместимость кораблей была сильно сокращена. Но если на галере могло уместиться пятьдесят человек или тридцать лошадей, то на специальных транспортных судах на небольшие расстояния перевозилось до четырехсот человек за раз. Такие корабли могли преодолевать и большие расстояния, если на них не конвоировались пленные или рабы.

Продолжительность и скорость морского путешествия зависели от многих факторов: встречного или попутного ветров, спокойного или бушующего моря, мелей, рифов, хорошей или плохой видимости, течений, времени года, если не учитывать осо-

Финикийский корабль

бенностей каждого корабля, зависящих, в свою очередь, от его конструкции, системы парусов и мастерства команды. Геродот, писавший, что парусник днем преодолевает семьсот стадий (120 км), а ночью — шестьсот (105 км), сильно преувеличивал. Но парусные корабли порой плавали неимоверно быстро. Так, например, путь от Карфагена до Сеуты (близ Гибралтара) преодолевался «в превосходных навигационных условиях» за семь дней и ночей, т.е. в среднем покрывалось до 240 километров за сутки!

В морях, где постоянно дуют муссонные ветры, корабли проходили в день в среднем 100 километров. Так, чтобы из Южной Аравии приплыть в Южную Индию, т.е. преодолеть 3800 километров, требовалось сорок дней.

Но чаще путешествия на парусниках длились долго, так как они могли быть прерваны штилем, задержками в портах, штормом, сбивающим корабли с курса. Так, Цицерону понадобилось два месяца, чтобы преодолеть расстояние в 1200 километров от Эфеса до Бриндизи, а апостолу Павлу — шесть месяцев, чтобы добраться из Палестины в Рим.

В те времена корабли редко оставались на ночь в открытом море, а передвигались от мыса к мысу, от острова к острову, пользуясь лотом. Ночью рулевой ориентировался по звездам, но в пасмурную погоду это было невозможно, и корабль чаще всего сбивался с курса. Первая астролябия была изобретена Гиппархом во II веке до н.э. У древних мореплавателей не было подробных морских карт, однако они использовали лоции, дальномеры и опыт прежних плаваний — периплы, в которых определялось расстояние, в стадиях или днях, между городами.

На побережьях развитых государств находились большие благоустроенные порты, такие как Карфаген и Александрия. Однако существовали и маленькие порты или пристани естественного происхождения, располагавшиеся чаще всего на берегах островов или в лиманах. Среди них Танжер, Сала, Азама, Серне на марокканском побережье; Береница, Адулис, Авалис, Опон на африканских берегах Красного моря и Индийского океана. С южных берегов Аравийского полуострова корабли отправлялись в Индию из Оселиса и Адена. Кроме того, средиземноморское побережье, хорошо освоенное и обустроенное египтянами, карфагенцами, греками и римлянами, берега Красного моря и Индийского океана, но не дальше Рапты и мыса Прозон (Кабодельгадо), Атлантического океана, от Сеуты до устья Драа на юге Марокко, были насыщены портами, где корабли могли найти приют и пополнить запасы пресной воды.

Но и за границы Римской империи в Африке античные корабли заходили довольно далеко: на 5000 километров вдоль вос-

точного побережья Африки и на 1000 километров — вдоль западного. Там команды запасались свежей едой и пресной водой, обменивали привезенные товары и даже строили жилища, в которых обосновывались, как это делали арабы на берегах Индийского океана в Азии. Но римлян в этих местах часто встречали враждебно, поскольку, например, Красное море находилось под контролем местных пиратов. Нужно было обладать сильным флотом, чтобы сосуществовать с ними в одних водах и не попадать в их засады.

На суше местные жители должны были постоянно следить за тем, чтобы незваные гости не угоняли никого в рабство.

Как мы уже говорили, протяженность освоенных греками и римлянами побережий Африки на западе и востоке континента составила соответственно 1000 и 5000 километров на юг от границ империи. Явно на западном побережье Африки мореходы исследовали меньше берегов, чем на восточном. (На Красном море и в Индийском океане корабли ходили от Арсиноэ (Суэц) до мыса Празон (Кабо-Дельгадо), что лежит на 10 градусов к югу от экватора, а граница исследований на западе континента находилась у Канарского архипелага и мыса Юби на 28 градусов севернее экватора, т.е. получалась огромная разница в широтах — 38 градусов!) Почему такая «дискриминация»?

Мы выделили разные факторы, говорящие за и против морских путешествий и исследований. Здесь важную роль играл ветер. На западе, на марокканских берегах, весь год дуют северо-западный и юго-западный ветры, идущие вдоль Сахары и никогда не меняющие направления. Этот вектор ветров установился уже очень давно, что видно по месторождениям ископаемых эпохи неолита в Западной Африке, располагающимся в дюнах, образованных доминирующими ветрами (Дра-Маличигдан и мыс Блан в Мавритании). А в Индийском океане, на юге от мыса Гуардафуй, зимний муссон дует с ноября по март с северо-востока на юго-запад вдоль побережья и доходит до Мозамбика. Но летом направление ветра кардинально меняется: с конца апреля до начала октября ветер дует с юго-запада.

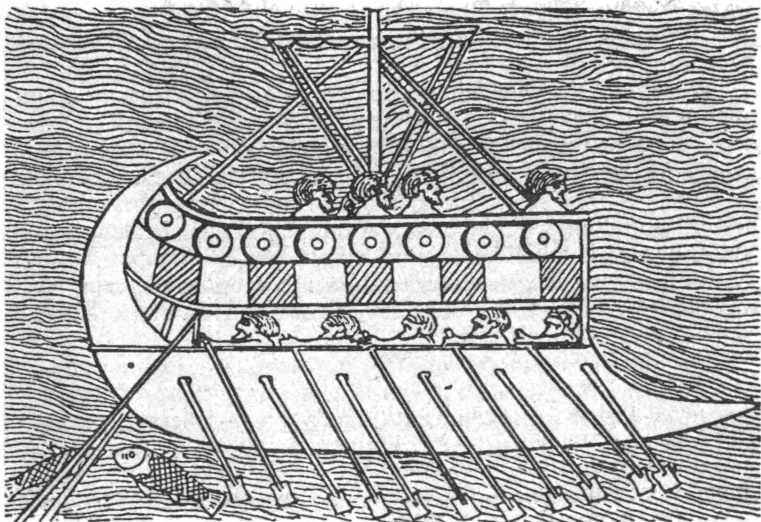
Теперь мы знаем, что корабли античной эпохи с квадратными парусами и без руля не управлялись при ветре, дующем в борт. Следовательно, они могли плавать только при переменном, кормовом или слегка косом ветре. На восточном побережье моряки могли плыть на юг за экватор, пользуясь зимним муссоном, а возвращаться с летним.

На западе переменчивый ветер помогал им достигнуть Канар, откуда они могли вновь вернуться к берегам Марокко. Те, кто пытались идти дальше на юг, приплывали к Сенегалу, но не

могли вернуться на север морем. Проблема возвращения была непреодолимым препятствием для всех плавающих вдоль этих берегов моряков. Это и объясняет столь медленное продвижение мореплавателей на юг вдоль западного побережья Африки.

Совершили ли финикийцы при фараоне Нехо путешествие вокруг Африки с востока на запад за шестьсот лет до нашей эры?

Самая необычная морская экспедиция в эпоху античности была организована фараоном Нехо II. Ее целью было исследование берегов, находящихся за пределами государства фараона, и умножение торговых, политических и иных связей с другими странами. Сначала Нехо попытался восстановить древний Нильский канал, существовавший при фараонах Двенадцатой династии. Эту грандиозную работу он скоро остановил, так как она стоила жизни ста двадцати тысячам рабов. Его идее открыть финикийцам моря юга не суждено было сбыться. Вот что написал об этом Геродот: «Несомненно, что Ливия окружена водой, за исключением той ее части, которой она соприкасается с Азией. Нехо, царь египтян, первым это доказал. Когда он отказался от идеи

Фараон Нехо II отправил финикийцев для исследования берегов Африки

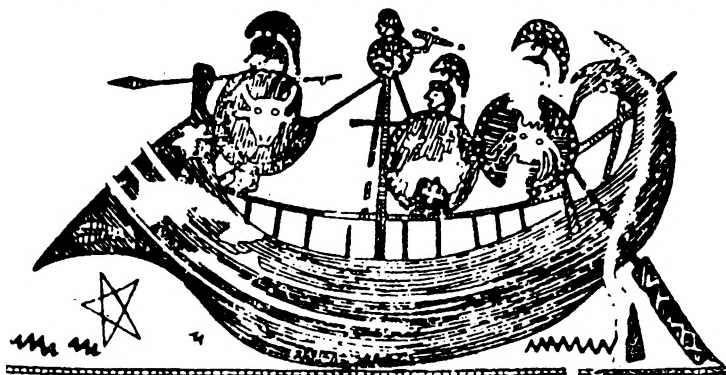
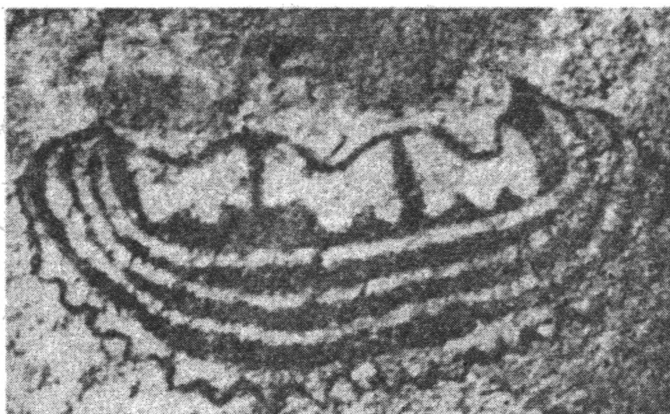
прорыть канал между Нилом и Арабским заливом, то велел финикийцам выйти в море и вернуться через Геркулесовы столпы в Египет. Финикийцы выплыли из вод Эритрейского моря и продолжили путь в Южном море. Когда наставало время посева, они высаживались на берега Ливии и сеяли злаки. Далее они дожидались урожая, собрав который, покидали берег. Так прошло два года. На третий год они проплыли через Геркулесовы столпы и вернулись в Египет. Они рассказали то, во что я не могу поверить, но что некоторым покажется правдоподобным: когда они плыли вокруг Ливии, солнце находилось справа от них».

Этому отрывку из книги Геродота было посвящено множество научных работ, и, конечно, нет ни одного ученого, изучающего великие географические открытия, который бы не упомянул его. Описание этого путешествия обсуждалось еще в античности, и одни в него верили (Геродот), а другие относились к нему скептически (Полибий и Посидоний).

В любом случае, искренность Геродота не может быть поставлена под сомнение, так как, полностью доверяя рассказу об этом путешествии, он замечает, однако, противоречие в том, что в какой-то момент солнце находилось справа от финикийских кораблей — это ему казалось совершенно невероятным. С другой стороны, можно ли слепо верить финикийцам, которые в эпоху античности имели репутацию — как кажется, заслуженную — больших лгунов и истовых хранителей торговых секретов? Конечно, нет.

К счастью, в этой истории задействованы не только финикийцы, но и египтяне. Официально получившие задание от фараона, по возвращении в Египет финикийцы были допрошены теми, кто их послал. Что может быть нагляднее представленного доклада о полученных результатах за время путешествия? Он пополнил информацию об Африке, которой владели образованные египтяне и жрецы. В поведенном, вероятно по памяти, помощником Геродота рассказе, представленном в сильно сжатом виде, говорилось о совершенном за 150 лет до момента повествования дальнем путешествии египтян.

Мы ограничимся сказанным, добавив, что технически это путешествие представляется возможным от Суэцкого залива до Камеруна в силу благоприятных ветров и течений даже для древних кораблей. А вызывающий сомнения у Геродота факт нахождения солнца с правой стороны от финикийских кораблей для нас является очевидным доказательством правдивости путешествия. Наоборот, путь от Камеруна до Сенегала должен был быть ужасным испытанием из-за практически постоянного встречного ветра и влажного и жаркого климата. А дойти от Сенегала до

Наскальный рисунок древнего судна, возможно финикийского, в Салманс-Краале, Южная Африка. Сравните с финикийским боевым кораблем, изображенным на греческой вазе

Марокко морем вдоль берегов Сахары было просто невозможно. Мы можем лишь предполагать, что немногие выжившие финикийские моряки повстречали около устья Сенегала африканцев — в команде были моряки из Карфагена, которые знали африканские диалекты — и узнали у них путь по суше, параллельный береговой линии, о котором мы говорили выше.

Несмотря на правдивость повествования Геродота, нельзя сбрасывать со счетов факт, что это плавание длиной в 27 000 километров, из которых 15 000 составляют неизвестные берега...

Подобное плавание больше никогда не повторилось несмотря на многочисленные попытки. Самая знаменитая из них принадлежит персу Сатаспу, который был приговорен к смертной казни, но наказание было изменено царем Ксерксом (485—465 гг. до н.э.) на другое, более полезное и важное: наказанный должен был проплыть вокруг Африки на корабле. Опять же Геродотом написан краткий рассказ об этой экспедиции:

«Сатасп отправился в Египет, где он нашел себе корабль и моряков. Он поплыл до Геркулесовых столпов, преодолев их и, обогнув полуостров Ливии под названием Солоеис, направился к югу. За многие месяцы он прошел по морю большое расстояние, но, как обычно и кончались подобные путешествия, повернул обратно и вернулся в Египет. Вернувшись, он предстал перед царем Ксерксом и рассказал ему о сложностях путешествия, о том, что он следовал вдоль берега, который населяли маленькие люди, одетые в листья пальмы, что эти люди при приближении корабля убегали в горы, покидая свои селения. Он добавил, что со своими товарищами входил в эти селения, не нанося им ущерб и довольствуясь снабжением корабля местным продовольствием. А Африку он не обогнул, потому что его корабль невозможно было сдвинуть с места, так как он застрял. Ксеркс, думая, что Сатасп ему врет, и видя, что он не выполнил поставленную перед ним задачу, вернул приговор и посадил его на кол».

Что сказать об этом путешествии? О нем известно только из труда Геродота; но его правдивость не вызывает сомнений. Единственное, неизвестное, каков был крайний предел путешествия Сатаспа. Он набрал команду из карфагенян — Геродот их выразительно описывает в начале повествования, и на одном корабле огибает Геркулесовы столпы и мыс Спартель, чтобы выйти в Атлантический океан.

Карфагеняне могли быть наняты, так как хорошо разбирались в торговых отношениях на юге Марокко (Сус, Драа). До тех мест они уверенно ведут Сатаспа: в те времена эти области считались краем света, и очень сложно было узнать даже могущественному персидскому царю, что там происходит. Это было связано с объективными причинами — мы их уже неоднократно упоминали: ветра и течения по другую сторону мыса Юби постоянно шли против хода кораблей, которые по каким-либо причинам оказались южнее мыса и пытались подняться на север. Опытные моряки, например финикийцы, избегали этого морского пути, так как вернуться по морю, повторяем, было невозможно.

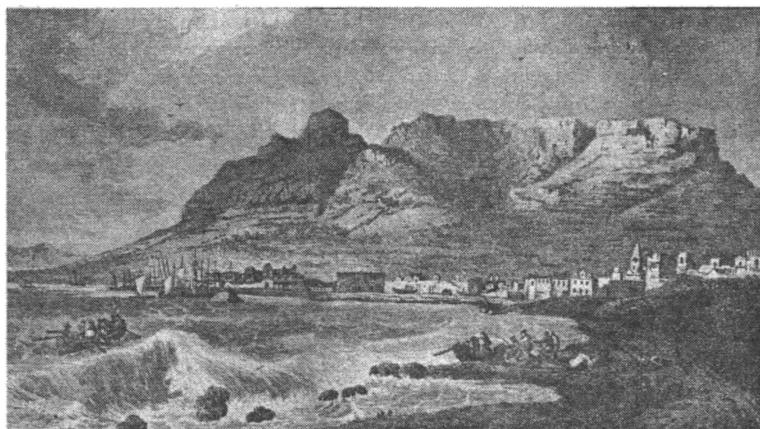
Мы не рискуем сильно ошибиться, полагая, что хитрые карфагеняне, всегда желавшие обогатиться, рассчитывали на обещанное вознаграждение после благополучного возвращения в

порт. Они без сложностей убедили Сатаспа, который был мореходом против своей воли и человеком, тяжело поддававшимся на уговоры, что наилучший выход из положения для них всех — возвращение в Египет из этих забытых богами краев. Они задумали, вернувшись, рассказать небылицы о вымышленном путешествии на юг: Сатасп собирался рассказать о пигмеях, живших южнее Сахары, о которых знали в древнем мире. Но пигмеи ли жили в то время на побережье? Те ли самые пигмеи, которых через несколько веков уже знали как народ, живущий в экваториальном лесу в центре континента? И еще — они никогда не создавали поселений. И о каких «горах» рассказывал Сатасп?

Ксеркс мог заставить дать показания о путешествии не только самого Сатаспа, но и его команду, и полученные сведения сравнить с запутанным рассказом морехода, таким образом убедившись в его лжи.

Притом, совершить путешествие вокруг Африки, начав с запада, было невозможно из-за скудных навигационных средств. Для корабля эпохи античности не составляло никакого труда преодолеть расстояние от Марокко до мыса Зеленый, так как ветры попутно дули в южном направлении, также относительно легко он мог добраться оттуда до Камеруна, ибо и здесь ветры бывали попутными. Однако встречный ветер делал невыполнимой задачей преодоление расстояния от мыса Лопес до мыса Доброй Надежды.

И здесь, в отличие от побережья Сахары, нет параллельного морскому сухопутного альтернативного пути, как и нет при-

Вид на Кейптаун и Столовую гору в XIX в.

нявших средиземноморскую культуру берберов, а жили там примитивные койсанские племена готтентотов и бушменов. Сатап был обречен на неудачу и даже при самых благоприятных условиях не смог бы достигнуть и широты Габона. Только в XV веке здесь смогут ходить большие португальские корабли...

Между тем, как говорится в известных литературных памятниках, карфагенянам после многих попыток все же удалось дойти до Габона...

Самое знаменитое заблуждение в истории античной навигации: плавание Ганнона

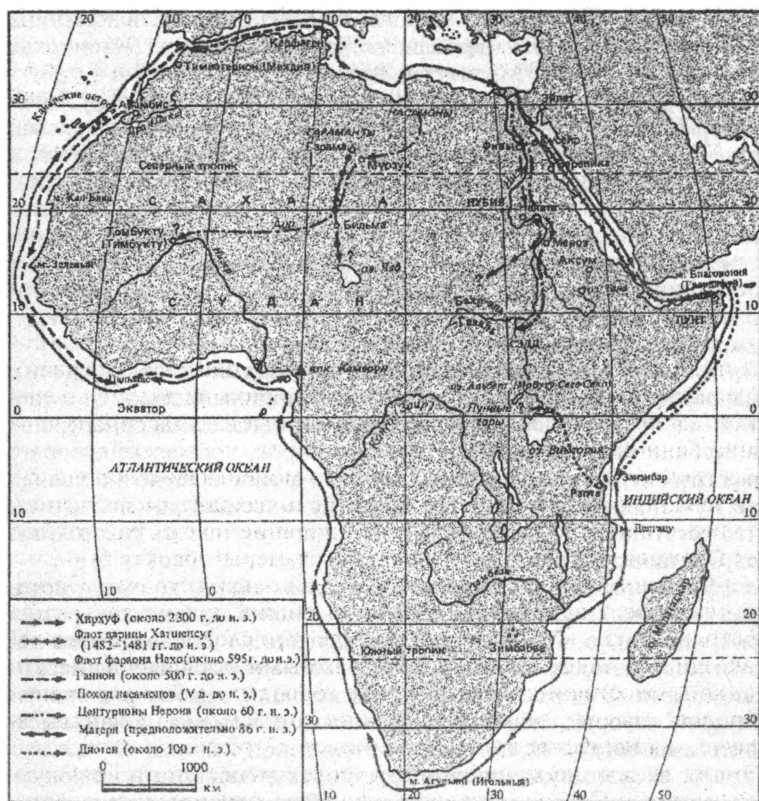
По мнению многих историков и если верить надписям в многочисленных атласах по географии Африки, посланцы древнего Средиземноморья освоили побережье материка не далее Гвинейского залива. В связи с этим всегда упоминается имя карфагенянина Ганнона.

Специалисты в области античного мореплавания проявляют завидную сдержанность, когда речь заходит об изучении атлантического побережья Африки. Древние тексты на эту тему встречаются редко, а их маленькие размеры обескураживают ученых: иногда они состоят всего из нескольких строчек. Однако существует один выпадающий из общих правил документ, состоящий из... восемнадцати абзацев! Его сложно истолковать как единый текст, но он полон важными деталями и в нем указаны расстояния в днях между городами, названия самих городов, мысов, заливов, указания о племенах, о флоре и фауне, о количестве путешественников. Это единственный документ за всю эпоху античности, более-менее внятно рассказывающий о Северо-Западной Африке. Сохранившись чудом, он заполняет пробелы древней истории этого региона. Следовательно, нет ничего странного в том, что этот текст зачастую недобросовестно используется как главный при изучении этой части Африки.

Мы приводим этот текст в переводе историка С. Гзелла, который долго занимался Северной Африкой.

«Слово Ганнона, царя карфагенян, о берегах Ливии, находящихся по другую сторону от Геркулесовых столпов, которое он произнес в храме Кроноса, представляется ниже:

1. Карфагеняне были довольны тем, что Ганнон путешествовал по ту сторону Геркулесовых столпов и основал там ливонийские города. Он вел с собой 60 пятидесятивесельных кораблей, множество мужчин и женщин — их было примерно 30 тысяч, продовольствие и другие предметы необходимости.

Возможные маршруты древних путешественников

2. Миновав Столпы и после двух дней плавания мы основали первый город, который назвали Фимиатирион. Рядом с ним находилась большая равнина.

3. После этого мы двинулись на запад, дошли до места, названного Солоеис, высокого ливийского мыса, покрытого деревьями.

4. Основав там храм Посейдону, мы поплыли в сторону полуденного солнца. Потом мы остановились в заливе, находящемся недалеко от моря. Его берега были покрыты обильным и высоким тростником, там обитали слоны и другие животные.

5. Мы покинули залив и спустя день плавания мы основали на побережье колонии и назвали их Карикон, Теихос (Каринская стена), Гитт, Акра, Мелитта и Арамбис.

6. Покинув эти места, мы встретили на своем пути реку Ликс, которая течет из Ливии. На ее берегах пастухи-ликситы пасли свой стада. Мы остались с этими племенами на некоторое время, в течение которого стали друзьями.

7. Недалеко от этих мест жили негостеприимные эфиопы, которые обитали на земле, полной кровожадных зверей и пересеченной большими горами, где, как говорилось, брала начало река Ликс. Говорилось также, что в этих горах жили люди необыкновенного вида, троглодиты, которые, как уверяли ликситы, могли бегать быстрее лошади.

8. Взяв у ликситов проводников, мы поплыли вдоль пустыни в направлении полуденного солнца. Так мы плыли два дня, а третий — в направлении восходящего солнца. Далее мы обнаружили в глубине одного залива маленький остров, побережье которого равнялось пяти стадиям. Мы дали ему название Серне и оставили на нем поселенцев. По окончании путешествия мы посчитали, что расстояние от Карфагена до Столпов равнялось расстоянию от Столпов до Серне.

9. Оттуда, пройдя по реке Хретис, мы дошли до озера, которое содержало в себе три острова значительно больших размеров, чем Серне. Покинув острова, за один день плавания мы достигли другого берега озера, который возвышался очень высокими горами. В этих горах жили дикие люди, одетые в звериные шкуры, которые, сбрасывая на нас камни, мешали нам высадиться на берег.

10. Из озера мы вошли в другую реку, большую и широкую, полную крокодилами и бегемотами. Потом мы повернули обратно и вернулись в Серне.

11. От острова, взяв курс на полуденное солнце, мы в течение двенадцати дней плыли вдоль берега, полностью заселенного эфиопами, которые при нашем приближении всегда убегали. Они говорили на непонятном даже ликситам, бывшим с нами, языке.

12. В последний день мы причалили к высоким горам, покрытым лесом, деревья которого благоухали и были разных цветов.

13. Обогнув за два дня эти горы, мы попали в огромный залив, на другом берегу которого была равнина. На ней мы увидели во мраке огни, находящиеся с разных сторон и расположенные на разном расстоянии друг от друга.

14. Мы запаслись водой и продолжили плавание вдоль побережья. Через пять дней мы дошли до большого залива, который,

как сказали ликситы, назывался Эсперу-Керас (Западный Pоg). В этом заливе находился большой остров, на острове была лагуна, а в ней находился еще один островок. Высадившись на него днем, мы не увидели ничего, кроме леса. Но ночью нам явилось множество огней, и мы услышали звуки флейты, шум кимвалов и тамбуринов и очень громкий грохот. Мы сильно испугались, и прорицатели приказали нам покинуть остров.

15. Мы в поспешности покинули это место и поплыли вдоль благоухающего берега. Ручьи огня стекали с острова и шли к морю, чтобы упасть в него. Земля была неприступна из-за сильного жара.

16. Охваченные страхом, мы быстро отдалялись от берега. В течение четырех дней плавания по ночам мы видели землю, покрытую огнем. В середине находился некий костер, больший, чем другие огни, и который, как казалось, касался небесных светил. Но днем стало понятно, что это гора Феон-Охема (Колесница Богов).

17. Покинув те места, мы еще три дня плыли вдоль струящегося огнями берега, пока не достигли залива Ноту-Керас (Южный Pоg).

18. В глубине залива был остров, похожий на первый, имеющий озеро, в котором тоже находился остров, заселенный дикарями. Женщин среди них было значительно больше, чем мужчин. Их тела были покрыты шерстью, и наши провожатые называли их гориллами. Мы проследили за самцами, но не смогли поймать ни одного, так как они хорошо лазали по деревьям и защищались. Однако нам удалось захватить трех самок. Кусая и царапая тех, кто их пытался приручить, они не хотели подчиняться. Мы их убили и сняли с них шкуры, которые привезли в Карфаген. Далее мы не поплыли, так как у нас кончились припасы».

Вот этот знаменитый текст, который положил начало серии нескончаемых комментариев. Его можно рассматривать с двух основополагающих точек зрения.

Первая: текст является подлинным. Почти все современные ученые склоняются к этому мнению. Впрочем, среди них нужно различать тех, кто настаивает на абсолютной правдивости текста, и тех, кто думает, что в нем есть недомолвки, связанные с реалиями того времени и скрытыми ошибками. С. Гзелл относится к первым. Он пишет, что «Ганнон огласил доклад о путешествии в одном из самых знаменитых храмов Карфагена, где собрались его соотечественники, среди которых были и его компаньоны по плаванию, которые опровергли бы все неточности рассказа». А Д. Каркопино и его научная школа относятся ко вторым.

Сам Монтескье писал о тексте следующее: «Речь Ганнона — интересная весточка времен античности. Один человек и совершил путешествие, и написал о нем. В его рассказе нет ни доли хвастовства. Великие мореходы обычно описывают свои деяния с простотой... Он не говорит о чудесном... Его речь похожа на записи современного исследователя... Этот рассказ является пуническим памятником, поэтому он тем более драгоценен».

Вивьен де Сен-Мартен полагает, что «эта частичка, со своей четкой лаконичностью, является одним из самых важных географических документов, завещанных нам античностью».

М. Кари и Э. Вармингтон считают, что плавание Ганнона — «бесспорно, самое известное путешествие эпохи античности». А Каркопино добавляет, что «плавание Ганнона представлено самым удобным для нас документом, являющимся как бы свидетельством о рождении марокканской истории». По его мнению, «все античное общество, начиная с Эфора и до 350 года до н.э., читало и исследовало доклад, который представил вернувшийся Ганнон».

Вторая: текст является фальшивым — целиком или частично.

Г. Токсье в одной своей малодоступной статье писал, что текст не заслуживает особого внимания. Текст — подделка, составленная не карфагенцем, а греком из более поздней эпохи. Ученый датирует подделку I веком до н.э., а не четвертым, как считали многие, основываясь на том, что текст был помещен в «Книге чудес» Аристотеля, которая была только начата им и составила на протяжении веков. Путешествие было придумано версификатором, который подражал Гомеру, Гесиоду, Геродоту, Эфору, Полибию, Посидонию, а также многочисленным греческим фальсификаторам. Позиция Токсье слишком категорична, несерьезна и насыщена сведениями, отвергающими правду, она — «сплетение выдумок и нелепых ошибок».

В своей насыщенной материалами статье Г. Жермен, не зная о статье Токсье, писал, что с точки зрения филологии этот текст «не менее чем на три четверти является произведением посредственного литератора, а его источники, тоже литературные, иногда очень узнаваемы». Язык и стиль говорят о сравнительно недавнем написании текста. Отныне невозможно обращаться к исследованию плавания Ганнона, не прочитав эту важнейшую статью.

Опровергая Каркопино и его цитаты из Псевдо-Ариостотеля, Жермен доказывает, что такие древние мыслители, как Полибий и Страбон не могли не написать о плавании, если таковое было в их время. Правда, произведение Полибия дошло до нас целиком, но важный текст о плавании непременно должен был быть упомянут. И если этого не случилось, то значит, что либо

текста не было, либо уже тогда древние авторы не доверяли рассказам о чудесах на западных берегах Африки.

Перед учеными, признавшими путешествие до Гвинейского залива (вулкан Какулима в Гвинее или гора Камерун), встала нелегкая задача доказать его возможность. Однако странно, что никогда не поднимался важнейший вопрос (мы уже говорили об этом) о возможности возвращения из Сенегала в Марокко по морю. Как будто никогда не существовало ужасных ветров со стороны Сахары, неумолимо дующих с севера на юг. Очень просто их игнорировать, сводить до минимума, сидя в уютном кресле в тихом кабинете или в одной из библиотек Лондона, Нью-Йорка, Парижа или Берлина. Для того же, кто провел большую часть своей жизни на этих берегах, возвращение кораблей эпохи античности на север кажется совершенно невозможным. Многие опытные специалисты не осознают, что для того, чтобы это стало реальным, понадобилась целая эпоха — средневековье — с ее навигационными открытиями.

Не нужно забывать, что до изобретения в XIX веке парохода парусным кораблям, чтобы попасть с западного побережья Африки в Европу, нужно было плыть через Антильские или Азорские острова.

Конечно, Ганнон мог вернуться из Сенегала в Марокко так, как это сделали финикийцы при Нехо — по суше. Но путь по суше не упоминается в докладе Ганнона, в отличие от произведения «отца истории» Геродота. В тексте о плавании Ганнона в правдивости повествования убеждают бесконечные уточнения дней плавания и расстояний между мысами и заливами, дерзкое указание местонахождения острова Серне и Колесницы Богов. А все несоответствия данных текста с западно-африканскими реалиями списываются на случайные ошибки.

Есть еще один аргумент не только против плавания Ганнона, но и вообще против всех бесконечных карфагенских путешествий вдоль западно-африканского побережья. Он доказывает несостоятельность гипотезы Каркопино о существовании золотого торгового пути на западных берегах Африки. Мы говорим о полном отсутствии остатков античных поселений на этих берегах. Ученые девятнадцатого и начала двадцатого веков договорились не учитывать археологический фактор в этом вопросе, так как побережье Марокко еще не было изучено. Сегодня существуют археологические экспедиции в Дакаре и Рабате и ученые разрабатывают этот вопрос с 1930 года, собирая нужные документы и исследуя наиболее важные территории.

У карфагенян и финикийцев были особые причины обладать прибрежными островами, например в целях обороны. Были ос-

нованы Утик (сегодня находится на континенте), Джиджелли, Алжир, Шершел. На атлантическом побережье острова встречаются редко: бывший остров Федала, Могадор, Эрне, Аргин, Тидра, Йоф, Нгор, острова Мадлены, Горе разбросаны на расстоянии 3000 километров и находятся между мысом Спартель и мысом Зеленый. Если пунические мореплаватели ходили к этим берегам, то непременно на этих островах они должны были поселиться.

Остров Федала (современный Мохамедия) был слишком маленький и часто подвергался нашествиям ураганов, поэтому не был заселен. А остров Могадор, наоборот, имел довольно большую площадь (500 на 400 метров) и на нем было достаточно пресной воды. В 1903 году географ Видал де ла Бланш написал о нем: «Это место, где, как мы полагаем, Юба решил организовать производство пурпура». Именно на острове Могадор, а точнее говоря, на Серне, как его называли Псевдо-Скилак, Полибий и Плиний, находилась карфагенская колония. Но археологические исследования долго не приносили ничего нового, пока в 1950 году Ж. Десжак и П. Кеберле не организовали более эффективные раскопки с помощью П. Синтаса, специалиста по карфагенской истории. Они опубликовали впечатляющий материал, включающий многовековую историю этих мест: от Карфагенского царства до Византийской империи. Эти исследования были продолжены в 1956—1958 годах А. Жодином, Р. Шевалье и М. Поншишем.

Таким образом, остров Могадор стал самой южной точкой на побережье, где были обнаружены следы финикийских, карфагенских, греческих и римских поселений: рельефные и расписанные глиняные изделия, курительницы для благовоний, лампы, амфоры, осколки, украшенные пуническим письмом, монеты — неопунические, эпохи Юбы, времен Рима и Византии.

Больше ученые ничего нигде не нашли.

Поэтому пока можно констатировать, что до Гвинейского залива античные мореплаватели никогда не доходили. К сожалению.

Когда в I веке до н.э. какой-то греческий литератор распространил слух о знаменитом «плавании Ганнона», он не сомневался в будущем успехе своего творения. И если былые ученые в силу определенных научных заблуждений и верили в это путешествие, то отныне, учитывая безуспешные поиски античных следов на островах и континенте, его невозможно воспринимать всерьез.

Поэтому мы вынуждены признать, что плавание Ганнона — самый большой обман в истории античного мореходства.

Другие плавания вдоль атлантического побережья Африки

Помимо плавания Ганнона древние все же совершали вояжи вдоль африканских берегов со стороны Атлантики в пределах, дозволенных господствующими ветрами — то есть до Канарских островов и мыса Юби.

В V веке до н.э. карфагеняне вели меновую торговлю золотом в некоторых неизвестных нам пунктах ливийского побережья, скорее всего на юге сегодняшнего Марокко, где в горах Атласа существовали золотые копи. Вполне вероятно, что золото, добываемое в Судане, отправлялось на север по суше, но это лишь предположение. Единственный источник на этот счет — Геродот.

Точно неизвестно когда, но не позже IV века до н.э.; некий Эвтимен якобы достиг реки, где обитали животные, похожие на тех, что водятся в Ниле, которых редактор рассказчика определил как крокодилов и гиппонотамов. Можно предположить, что речь идет о реке, которая «берет начало в Атлантике и пересекает Ливию, гонимая летними ветрами!» Замечательная теория, базирующаяся на полном незнании гидрографии и законов тяготения..

Этот сюжет известен нам от более поздних авторов — Сенеки (I век), Аристиды (II век), Марциана Гераклеяского (IV век), передавших этот комичный сюжет без искажений.

Более интересным является текст, относящийся, по-видимому, к IV веку до н.э. и известный под названиями «Путешествие по Средиземному морю», «Путешествие Скилака из Карианды», или «Псевдо-Скилак». В этом оригинальном труде, принадлежащем вовсе не Скилаку, командующему флотом царя персов Дария, а анонимному греческому автору IV века, приводятся дополнения к примитивному описанию восточной части Средиземноморья. Автор ведет нас от Геркулесовых столпов к мысу Гермеса, к Ликсу, реке Крабис, на берегу которой стоит вилла финикийца Фимиатерия, к мысу Солоес с храмом Посейдона, затем к реке Ксион, острову Серне (мыс Могадор), неподалеку от которого живут «эфиопы», очень высокие и красивые, прекрасные всадники, виноградари и виноделы.

Информация, за исключением топонимики, довольно точная, особенно то, что касается отношений между карфагенянами и «эфиопами» (вероятно, ливо-берберами с «обожженными лицами», более темными, чем у жителей Средиземноморья, но не неграми-африканцами). Но текст этот относится только к марокканскому побережью — территории, находящейся исключительно во владении карфагенских купцов, к тому же это текст из вторых рук.

В лице Полибия мы имеем дело с путешественником, который вернулся из дальних странствий домой. К сожалению, описание его путешествия дошло до нас в виде текста, исправленного и искаженного Плинием Старшим.

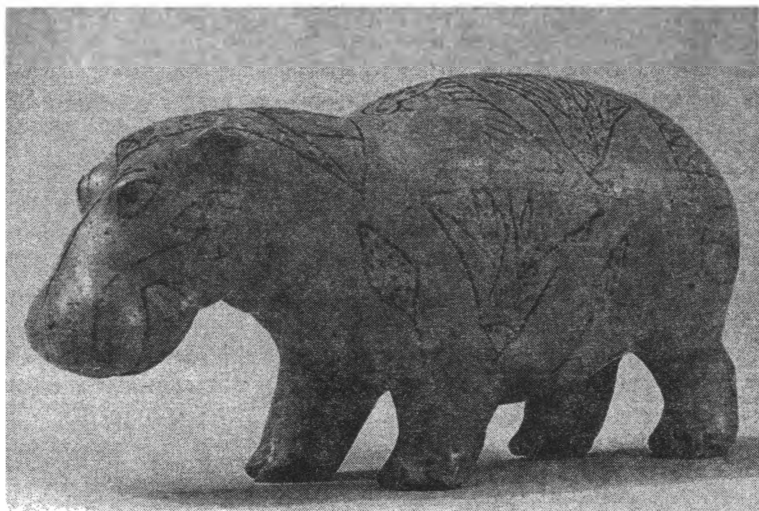
От самого Полибия мы узнаем, как он путешествовал по океану, вдоль берегов Ливии — в ознакомительных целях, как для себя, так и для читателей. Экспедиция состоялась в 147 или 146 г. до н.э., в то время, когда Сципион Африканский совершал свой знаменитый поход и должен был захватить и разрушить Карфаген; немного позже наш историк возвращается в Грецию.

Путешествие его, помимо научных, имело еще и политические цели: определить масштабы карфагенской торговли вдоль побережья Африки. Впервые были названы отдельные пункты этого побережья, которые можно идентифицировать с современными их названиями, вместо мифических указаний авторов, предшественников Полибия. Среди них и остров Серне, или Керне, он не может быть не чем иным, как Могадором, а Дарат — это Драа, где «водятся крокодилы». Высокий мыс Гесперид находится в одиннадцать дней пути от неизвестного пункта, обозначенного в тексте словом «отсюда», но в середине которого находится Атлас. Он весьма напоминает мыс Юби, а Феон Охема не может быть не чем иным, как горами Анти-Атласа.

Упоминаемая Полибием река Бамботум — единственное у него гидрографическое название, не поддающееся расшифровке. По словам Плиния, она полна крокодилов и гиппопотамов, что представляется выдумкой, поскольку сегодня эти животные обитают только к югу от Сахары и в те времена уже не жили в столь северных районах, особенно гиппопотамы. К тому же надо еще разобраться, каких животных называли тогда крокодилами. Возможно, речь шла о крупных варахах. По-гречески крокодилы и ящерицы называются одинаково — *krokodeilos*.

Совсем другое дело гиппопотамы. Нуждающиеся в большом количестве воды, они первыми исчезли из неолитической Сахары, в то время как слоны, носороги и жирафы там уцелели. Они чрезвычайно редко встречаются на наскальных рисунках. Скорее всего, они уже не водились на юге Марокко в эпоху античности.

Несомненно, в ссылках Плиния сохранилось скорее эхо более ранних работ, где проводится параллель между Нилом и реками южнее Марокко. Отметим также, что Витрувий, опиравшийся, вероятно, на те же источники, говорит: «Лучшим доказательством того, что истоки Нила находятся в Мавритании, является то, что с противоположной стороны гор Атласа рождаются другие реки, также текущие на восток и впадающие в океан, в которых обитают ихневмоны, крокодилы, звери и рыбы, подобные тем, что водятся в Ниле, за исключением гиппопотамов».

Древнее изображение гиппопотама

После того как в течение веков анонимные карфагеняне плавали вдоль берегов Африки, о чем не осталось никаких письменных упоминаний, здесь мы, благодаря Полибию, имеем ценные сведения об Атлантическом побережье Африки — от Гибралтарского пролива до мыса Юби: реки обозначены названиями, похожими на те, которые они носят сегодня. Имеется также несколько упоминаний о расстояниях в милях и о количестве дней плавания между различными городами, мысами и реками, а также некоторые данные о населении и фауне.

Еще один путешественник посетил марокканские берега с исследовательской целью — это грек Эвдокс из Кизика. Сведения о нем имеются у Поседония и Страбона. Отнесенный ветрами к мысу Гуардафуй, он нашел там кусок носовой части корабля, который был признан в Александрии частью судна из Гадеса, принесенной туда из Ликса: это произошло между 117 и 108 гг. до н.э. Эвдокс решил доплыть до Индии, обогнув Африку с востока на запад. На одном большом корабле и другом поменьше он вышел из Гадеса и, плывя параллельно берегам, потерпел крушение на юге Марокко, в стране, «соседней королевству Боккуса». Из обломков разбитых судов он построил новый корабль и повернул назад, пройдя мимо острова, хорошо орошаемого и лесистого — без сомнения, Мадейры, откуда и вернулся на марокканский берег.

Он не объявлял о своем замысле кругосветного плавания: построив круглое судно-парусник и корабль на пятьдесят весел, он снова отправился в путь, намереваясь перезимовать на открытом им острове, а затем продолжить плавание. Из этой последней экспедиции он не вернулся...

Остров Мадейра должен был быть известен карфагенянам, если верить Диодору Сицилийскому. После них к острову, должно быть, приставали корабли из Гадеса и было это около 80 г. до н.э. Есть упоминания о том, что римский военачальник Серторий имел намерение там обосноваться. Однако остров оставался необитаемым до повторного обнаружения его в начале эры географических открытий в XIV веке.

В те же самые времена, по-видимому, неизвестными путешественниками из Гадеса были открыты и Канарские острова, названные «Островами блаженных». Первое упоминание о них встречается у путешественника Стратона Себосия, жившего в середине I в. до н.э. Несколько отрывков из его записей сохранил Плиний. Он двигался вдоль марокканских берегов и Атласа в течение сорока дней и доплыл до мыса Юби, а еще через день плавания прибыл к островам Гесперид. Среди них упоминаются Юнония, Плювиалия, Капрария, Инваллис и Планария — то есть наиболее крупные из Канар.

Новые сведения об этом архипелаге нам сообщает мавританский правитель Юба II, который, будучи человеком просвещенным, занимался их изучением в последние десятилетия перед началом нашей эры.

Все эти сведения, не считая тех, что явились результатом более тщательного изучения мест к северу от Бу-Регрег, которые входили в состав Римской империи, можно найти в «Руководстве по географии» александрийца Птолемея, написанном в середине второго столетия уже нашей эры.

Его данные, относящиеся к атлантическому побережью северо-западной Африки, уже были изучены многими авторами, большинство которых отмечает значительный объем сведений о берегах и материковых землях — вплоть до Гвинейского залива и Нигера. Не послужили ли старые сведения адмирала Ганнона о «Колеснице Богов» отправной точкой для составления карты земель вплоть до Камеруна? И что может быть заманчивее, чем признать его реку «Нигейр» современным Нигером? Но комментаторы писали, сидя в Европе, не изучив все детали проблемы и не дожидаясь результатов археологических исследований берегов и внутренних районов континента...

Для начала следует напомнить, что Птолемей дал своим градусам широты и долготы слишком мелкие значения, повторяя

Древнеримские руины на берегах Северной Африки

ошибку Посидония. Его градус на экваторе, вместо того, чтобы составлять 111,111 км, равен всего 78,650 км, а на северной широте 33 градуса (Марокко) только 68,250 км.

Все его данные, таким образом, должны приниматься с поправкой для Африки. Для атлантического побережья следует взять в качестве отправной точки не экватор, который был известен лишь теоретически, а 36 градус северной широты. Экватор у Птолемея находится, таким образом, в действительности на 9 градуса с.ш., его 12 градусов равны нашим 19, его 20 — наши 24 и т.д. Это первая поправка, которая суживает его данные, слишком смещенные к югу.

Кроме того, изучение названий прибрежных рек внушает особые сомнения: они повторяются дважды или даже трижды. Это побудило Птолемея использовать две морские лоции, опоясывающие берег между Гибралтарским проливом и мысом Юби и различающиеся расстояниями — одна, например, для более длительного дневного плавания, а другая — для короткого ночного, и начертания их слегка разнятся. Канарский архипелаг (острова Блаженных), помещенный Птолемеем между 8 и 16 градусами север-

ной широты (вместо 28 в действительности), к счастью, тут присутствует, чтобы напомнить нам, что все его южные реки не имеют ничего общего с тропическими Сенегалом, Гамбией и другими, а являются всего лишь реками южного Марокко...

Интересно отметить: его гора Феон-Охема (Колесница Богов) у истоков Массифолоса (речка Масса) не может быть не чем иным, как Анти-Атласом. Напомним, что первая прибрежная гора к югу, достойная такого громкого имени, это Какулима на гвинейском побережье близ Конакри; она находится в 3000 км от этого места...

Таким образом, подведем итоги: мы получаем от Птолемея подтверждение относительно масштабов знаний древних об атлантическом побережье Африки. Канары и Марокко, не далее того! Это апогей римского могущества, и никакой текст, никакое археологическое открытие не дают оснований верить в дальнейшее продвижение древних в этом секторе Африки.

На острове Могадор были найдены монеты эпохи поздней античности — времен Клавдия Готического (270 г.) и Максимилиана Геркулеса (304 г.), а также других правителей из рода Константина и даже монеты V века, что свидетельствует о том, что плавание вдоль марокканских берегов продолжались даже после снижения политической роли римлян. Они вполне могли иметь место вплоть до появления в этих местах новой мощной силы — арабов в VII и VIII веках, но формальных доказательств этого не имеется.

О Канарских островах нет упоминаний вплоть до XII века: казалось, об этом архипелаге забыли средиземноморские и арабские моряки, а туземцы-гуанчи были народом, утерявшим мореходные навыки или же упорно не желавшим выходить в море и развивавшимся как бы под неолитическим колпаком вплоть до XV века.

Плавание вдоль восточноафриканских берегов

О проблемах навигации к югу от мыса Гуардафуй обычно упоминают, рассказывая о плавании при фараоне Нехо. В Красном море и Аденском заливе египтяне, а за ними и арабы и другие народы вели торговлю на протяжении всего II тысячелетия до нашей эры, но никаких свидетельств не сохранилось.

Прилив любознательности привел новых мореплавателей в этот сектор древнего мира: под давлением персов правители Египта в VI и V веках до н.э. восстановили перешеек Нил — Красное море, предшественник Суэцкого канала. Иероглифическая надпись того времени, найденная на трассе древнего канала, гово-

рит, что «корабли могли пройти напрямую из Нила в Персию через Сабу».

Грек Скилак из Карианды около 510 г. до н.э. прошел из устья Инда в Арсиноэ, близ Суэца, потратив два с половиной года на путешествие вокруг берегов Африки.

С установлением в Египте династий Птолемеев их подданные плавали по Красному морю и оборудовали стоянки для охоты на слонов по берегам моря: бивни уже в древности пользовались огромным спросом. Побережье было освоено до Адена и, возможно, до мыса Гуардафуй в V и в IV веках до нашей эры. Но то была лишь временная брешь в прочном барьере, созданном арабами: жители Сабы хорошо умели защищать свою монополию на торговлю ароматическими травами со страной Сомали...

От Эвдокса из Кизика мы узнаем, что греки преодолели эту преграду и направились морем в Индию. Во время путешествия, предпринятого между 117 и 108 гг. до н.э., он был увлечен зимним муссоном к мысу Гуардафуй, что на сомалийском берегу. Именно здесь он и нашел фрагмент носовой части корабля, который, по возвращении его в Александрию, был признан частью корабля из Гадеса.

Кажется, что это греческое путешествие не имело продолжения, но очень может быть, хоть и не получило пока подтверждения со стороны археологов, что жители Сабы уже посещали в те времена восточные берега Африки вплоть до экватора. Для таких плаваний они использовали северо-восточный муссон, а на обратном пути — тот же муссон, но летний, дующий с юго-запада.

Появление римлян в Египте и присоединение его к Римской империи в 30 г. н.э. привело к оживлению мореходства и торговых связей с Индией. Страбон сообщает нам, что при императоре Августе двадцать кораблей ежегодно отправлялись из порта Миос—Хормос в Египте в Индию. Ничего удивительно-

При императоре Августе корабли регулярно отправлялись из Египта в Индию

го, что в таких условиях один путешественник в царствование Тиберия, по имени Гиппал, открыл в начале первого столетия механизм муссонов, позволяющий плыть напрямую в Индию, не приближаясь к опасным берегам Хадрамаута, где разбойничали пираты.

Следствием такой интенсивной торговли с Индией были и путешествия, иногда невольные, к берегам Занзибара. От географа Птолемея мы знаем о трех, по меньшей мере, таких вояжах, о которых рассказал его предшественник, Марин Тирский, живший в конце I в.

Некий Диоген был сбит с пути зимним муссоном во время своего путешествия из Индии и, следуя вдоль африканского берега в течение 25 дней, прибыл на север от мыса Раптон, вблизи Момбасы. Другой грек, Теофил, плыл в течение двадцати дней от того же мыса Раптон к мысу Ароматов (Гуардафуй), воспользовавшись, по-видимому, летним муссоном и считая, что за один день и одну ночь он проходил тысячу стадий, то есть 157 км. Такая скорость была случайной и не может считаться средней.

Мыс Прасон, которого достиг мореплаватель Диоскор, проплыв расстояние в пять тысяч стадий (787 км) от мыса Раптон, является, по мнению большинства комментаторов, мысом Дельгадо, на крайнем юге Танзании. То есть не подлежит никакому сомнению, что в I в. н.э. греческие мореплаватели из Египта и в особенности жители Сабы неплохо знали восточные берега Африки вплоть до экватора.

Но у нас есть еще лучший источник: до сегодняшних дней дошел подробный текст «Перипла Эритрейского моря». До недавнего времени большинство исследователей относило его к концу I века (около 80 г.). Но последние работы археологов на юге Аравии и исследования востоковедов заставляют отнести это произведение ко II или даже III веку.

Это руководство, составленное, по всей вероятности, греческим купцом из Египта, содержит описание прибрежных территорий Красного моря, Индии и Восточной Африки. Это одновременно и лоция, и карманный справочник коммерсанта, помогающий вести торговлю на берегах Индийского океана. Текст содержит названия портов, расстояния, их разделяющие, сведения о народонаселении, предостережения об опасностях во время плавания, данные о режиме ветров, указания о товарах для продажи и тех, что даются взамен, с обозначением их качества. Это прежде всего предметы роскоши (одежда, золотые и серебряные украшения, зерно, вино, монеты), предназначенные для богатых, но также железо, медь, мелкие стеклянные изделия, хлопчатобумажные изделия из Индии, оружие и утварь, которые

просили африканцы в обмен на ароматические вещества, слоновую кость, изделия из черепашого панциря, рабов и рог носорога.

Весь берег Азании (Занзибар) был во власти князьков Южной Аравии, которые, по-видимому, держали монополию на местную торговлю. Арабы селились в этих краях в результате смешанных межрасовых браков. За много веков до наступления ислама восточно-африканские берега уже находились в орбите влияния арабов, и нет ничего удивительного, что в свое время он там воцарился, подпитываемый многовековыми связями.

К сожалению, находки античных предметов на восточном берегу Африки очень редки. Прежде всего это касается древних монет, но в одной хорошо документированной статье некий археолог предупреждает нас: большинство находок, о которых стало известно, не имеет остаточных гарантий подлинности. Некоторые из них, в частности монеты из Шунгвайи, что на юге Сомали, ходившие с III в. до н.э. до IV века, являются все же подлинными. Но ответ могут дать только раскопки античных поселений на этих берегах, и только они.

Эта проблема привлекает внимание и местных археологов, специалистов по железному веку, и последние раскопки, принятые в Замбии, уже дали многочисленные результаты в виде изделий из железа, меди и золота с привозным бисером и жемчугом. Исследования с помощью радиоуглеродного метода датировали их 680 и 800—900 гг. В этом же секторе возможны и более древние находки.

Раскопки в Зимбабве не обнаружили бисера в самых глубоких захоронениях акрополя Большого Зимбабве, датированных 330 г. н.э., зато они весьма многочисленны в последующую эпоху — между 330 и 1085 гг., что говорит об установлении прочных торговых отношений между районами золотых копей в Зимбабве и береговыми арабами.

Тут возникает вопрос — являются ли найденные в результате раскопок развалины первыми поселениями в этом районе? Это маловероятно, и есть все основания верить (благодаря растущему интересу к сравнительным исследованиям эпохи железа в Восточной Африке и Австралии), что археологи еще найдут поселения, относящиеся ко времени первых контактов с мореходами Южной Аравии: прибрежные островки и якорные стоянки все обозначены, как и в Марокко, образуя маршруты античных торговых плаваний, в тех же записках под названием «Перипл Эритрейского моря».

В последние десятилетия археологов заинтересовал еще один важный вопрос: появление индонезийцев на восточно-африкан-

Руины Зимбабве помогают раскрыть некоторые загадки древних путешествий

ском побережье и на Мадагаскаре. Этот большой остров, как и Коморы, был необитаемым в начале нашей эры, поскольку африканцы языковой общности банту и уж тем более люди из племен койсанской группы (предки бушменов и готтентотов) не могли на своих примитивных долбленых лодках без парусов преодолеть значительное расстояние по морю. Правда, не исключено, что арабские, эфиопские и другие команды судов, торговавшие на побережье Азании, были прибиты туда ветрами (недалеко от Маджунги были найдены монеты эпохи императора Константина), но тот факт, что на Мадагаскаре не найдены предметы эпохи неолита, доказывает, что первые контакты с древним миром появились не раньше начала нашей эры.

И напротив, мы знаем наверняка, что в X в. индонезийцы часто посещали берега Восточной Африки (на основании таких текстов, как «Чудеса Индии»). Это означает, что первое появление индонезийцев на восточно-африканских берегах произошло между этими двумя датами. Поэтому если современные мальгаша и являются результатом смешанных браков между желтокожими представителями Юго-Восточной Азии и африканцами, то обязаны они этим индонезийским морякам, которые занимались колонизацией этого большого острова, и именно их культура стала господствующей на Мадагаскаре.

Наиболее правдоподобной гипотезой является на сегодня так называемый восточный вариант полинезийской эпопеи, который следует записать в актив индонезийцам, настоящим морским кочевникам, с их хрупкими, но ходкими пирогами, оснащенными балансирями. Индусские легенды, возможно, II века, содержат упоминания о том, что на южные берега Индии часто нападали пираты, появившиеся «из глубины моря». Вполне естественно, что они плыли на восток торговыми маршрутами и оказывались у восточно-африканских берегов благодаря муссонам, которые облегчали им обратный путь. Поздний, уже упоминавшийся нами текст «Чудеса Индии» 953 г. включает в себя морские истории в духе «Тысячи и одной ночи», некоторые из которых рассчитаны на легковерного читателя, зато другие, содержащие очень интересные подробности плавания в Индийском океане, показывают нам, что то могли быть первые в тех краях индонезийские мореплаватели.

Там рассказывается, как «вак-вак» прибывают на тысяче мелких суденышек из дальних краев, откуда они плыли целый год, высаживаются на восточно-африканских берегах, грабят и увозят с собой то, что пользуется спросом в их стране и в Китае: слоновую кость, черепаший панцири, шкуры пантер, амбру и рабов зенг, или зиндж, которые легко переносили рабство и отличались большой физической силой. Это в какой-то мере объясняет сложный этнический состав населения Мадагаскара: африканцы, увезенные из Африки, часто попадали на этот остров, где смешивались с индонезийцами и привносили в местную культуру многое из Черной Африки.

В «Перипле Эритрейского моря» нет ни слова об этих набегах. Очень может быть, что они происходили позже, во II и III веках, но не намного позже, поскольку в этом тексте содержатся легенды Южной Индии более раннего происхождения, а также сведения об индуизации Индонезии (со II по V вв.), которая происходила уже после образования мадагаскарской этнической общности, и архаизмах мальгашской цивилизации (каменные насыпи, наконечники копий, одежда из коры). Тщательное сравнение мадагаскарского и индонезийского языков и их диалектов, несомненно, принесло бы новые доказательства сторонникам гипотезы взаимодействия культур.

Кроме того, многие элементы индонезийской культуры могли закрепиться в тропических областях Юго-Восточной Африки и оттуда распространиться по всему континенту, так же как некоторые растения, например таро, подорожник и другие.

В ожидании новых данных мы воспримем как доказанные сведения за период с III по IX век о проникновении индонезийцев в Африку...

Протяженность морского побережья Африки, исследованного древними (если не считать недостоверные сведения о путешествии финикийцев при фараоне Нехо), очень различна, если сравнивать Атлантику и берег Индийского океана. И колоссальная разница в 38 градусов позволяет предположить, что подняться от Сенегала до Марокко кораблям было весьма трудно, а напротив, вдоль восточных берегов плавать было легко — причем и туда и обратно, пользуясь зимним и летним муссонами. Морские изыскания древних шли успешно там, где этому благоприятствовали попутные ветры, как бы поощряя широкую торговлю между Римской империей, с одной стороны, и Индией, Китаем и Восточной Африкой — с другой.

Теперь обратимся к еще менее исследованной области — проликуновению во внутренние районы Африки.

Знакомство с внутренней Африкой во времена античности

Что знали древние о внутренней Африке, простиравшейся за пределами побережья, где они были нередкими гостями, и странах на ее территории, составлявших часть ее империи?

Укрепленная линия обороны — лимес, построенная римлянами в Африке и обращенная к югу с целью защиты своих владений, была зримой материальной границей между двумя частями континента: одной, северной, где различные империи установили свое господство, и другой, южной, где, исключая государства, входящие в средиземноморскую орбиту, такие, как Мероэ и Аксум, вечная Африка вела жизнь предков. Это блестящей жизни северных стран доходило до юга Сахары в весьма приглушенном виде, если доходило вообще. Остальная Черная Африка жила в абсолютном неведении относительно того, что творится на далеком севере, в Средиземноморье... С одной стороны, то были передовые цивилизации, оставившие грандиозные монументы, тексты, религии, идеи, проводившие самостоятельную политику и развивавшие торговлю в границах ойкумены; с другой стороны, убогий быт кочевников и сельское хозяйство, которое в эпоху Цезаря и даже уже при Константине находилось на неолитическом уровне, а в случаях собирателей-охотников пигмеев и бушменов с готтентотами — даже на преднеолитическом!

Мы уже убедились, рассматривая описания морских путешествий, что древние имели какое-то представление о тропической прибрежной Африке. Заходить далеко в глубь материка по рекам они боялись, поскольку мореходы не доверяли допо-

топным местным пирогам, выдолбленным из дерева, а их собственные океанские суда со сравнительно большой (по сравнению с лодками) осадкой не были приспособлены для прохождения узких мангровых протоков жаркого пояса планеты. К тому же устья рек изобиловали коварными мелями, на которых нашли свой конец сотни судов, чьи капитаны не были знакомы с местными фарватерами, но совершали отчаянные попытки подойти близко к берегу...

Исследователи внутренних территорий сталкивались и с другими трудностями, помимо тех, что ожидали их в прибрежной зоне. Надо помнить, что проникновение европейцев внутрь материка в средние века происходило в те времена, когда исследователи и завоеватели были вооружены уже гораздо лучше, чем местные жители: ружья и пушки против дротиков и стрел. Уговоры и мягкое обращение обычно не имели успеха, поэтому чаще говорили на языке оружия. Исследователи же античных времен по вооруженности мало отличались от племен аборигенов, особенно с того момента, когда жители Тропической Африки научились выплавлять железо. Кроме того, такие факторы, как знание стрельных ядов, ориентирование на местности, невосприимчивость ко многим тропическим болезням и тяготам климата — все это приводило к тому, что часто преимущество оказывалось на стороне африканцев!

Не удивительно, что в таких условиях исследовательские экспедиции были редкими, завоевания ограничивались районами Северной Африки и полезными землями северной Сахары: прежде всего имелись в виду защита подступов к средиземноморским государствам, карательные рейды к кочевникам, угрожавшим пограничным поселениям или грабившим их, ознакомительные поездки к южным укреплениям, а также торговля с местными племенами.

Задача вначале была относительно легкой, поскольку верховое животное кочевников, верблюд, практически неизвестный в Африке до I в. до н.э. и распространившийся только к III в. н.э., изменил соотношение сил между римлянами и романизованными берберами с северной стороны римских укреплений и ливийско-берберскими племенами в Африке к югу от Сахары в пользу последних. (Прежде верховыми животными во время войн в Африке служили лошади, появившиеся здесь еще в XVI в. до н.э., — как под седлом, так и запряженные в колесницы; осел же был вьючным животным, использовавшимся повсеместно.)

Сейчас мы поделим Африку на две части: с одной стороны это бассейн Нила и Эфиопия, с другой — внутренняя Африка на запад от Ливийской пустыни.

Бассейн Нила и Эфиопия

Естественной границей Египта является первый порог, Асуан, но, начиная с ранних династий, на юг посылались военные экспедиции для контроля за берегами Нила. Во времена IV династии (2700—2550 гг. до н.э.) египтяне открыли диоритовые рудники в Тумасе и Абу-Симбеле. А фараоны VI династии (2400—2250 гг. до н.э.) проявляли, по-видимому, особый интерес к южным землям: надписи говорят о военных экспедициях против нехези, а также за гранитом и древесиной. Но у нас имеется лучший источник сведений — рассказ о путешествии египтянина Харкхуфа, посланного фараонами Мирнири и Пепи II в Судан около 2250 г. до н.э.

Перед ним была поставлена ясная задача: «Его величество Мирнири послал меня с моим отцом... в Ям, чтобы разведать путь в эту страну. Я проделал это путешествие всего за семь месяцев и привез разнообразные подарки». Четыре раза ездил Харкхуф в эту страну с мощным эскортом, умиротворил даже какие-то земли «проездом» и вернулся однажды с тремястами ослами, нагруженными ароматическими веществами, эбеновым деревом, слоновой костью и другими экзотическими товарами, а в другой раз привез карликовую танцовщицу, вероятно, пигмейку, которую фараон очень хотел увидеть: в письме, адресованном лично Харкхуфу, владыка перечисляет все меры предосторожности, которые следовало принять для доставки карлицы в Египет живой и невредимой.

После таких успехов было решено послать Харкхуфа и в Дарфур с тем, чтобы он от оазиса Селимах воспользовался большой старой дорогой от Ассиуты до эль-Фашера, путь по которой занимает сорок дней. Он с честью выполнил и это поручение фараона.

Хотя отношения между Египтом и Кушем не прекращались во все времена, но только в эпоху Среднего царства, в правление XII династии, египтяне завоевали берега Нила до Семны, выше второго порога, около 2000 г. до н.э. Четырнадцать укреплений, из которых откопано большое глиняное укрепление в Бухене, были возведены в Нубии в эпоху Среднего царства, в частности, для того, чтобы контролировать золотые копи, расположенные по течению реки Вади—Халфа в Куше, в местности Дондола. А между Нилом и Красным морем, на той же широте, копи на реке Аллаки и Каджаба давали еще больший выход благородного металла...

После торжества гиксосов (1785—1580 гг. до н.э.) египетская армия, оснащенная боевыми колесницами, смогла продвинуть-

Изображение пленных негров на гробнице Хоремхеба в Мемфисе.
XIV в. до н.э.

ся еще дальше на юг. Напата, столица Куша, покорилась Тутмосу III около 1530 г. до н.э. и влияние египтян в тех местах укрепилось надолго: была учреждена должность вице-правителя и страна управлялась по египетскому образцу. Египтизированная Нубия стала одним из важных факторов внутренней политики фараонов. Не удивительно поэтому, что XXV династия происходила уже из Нубии. Нубийцы захватили власть, подчинили Египет, ослабленный войнами против Азии и ливийцев и пришедший в упадок. С 715 по 656 гг. до н.э. эти нубийские фараоны укрепили единство страны и защитили ее от вторжения ассирийцев. В конце концов, побежденные все же этими последними, они вернулись в Напату, которая снова стала столицей. (А совсем недалеко от нее, в Джебель-Баркале, под пирамидами до 300 г. до н.э. погребались нубийские фараоны...)

Начиная с царствования Аспельта (593—568 гг. до н.э.) начинается строительство храма Солнца в Мероэ и постепенно Напата перестает быть столицей, поскольку слишком близко расположена к Египту, который находится в руках персов начиная с 525 г. до н.э. Столица переносится в другое место, подальше от захватчиков, идущих с севера. Все это происходит уже во времена Геродота. Начиная с 300 г. до н.э. правители Куша погребались в

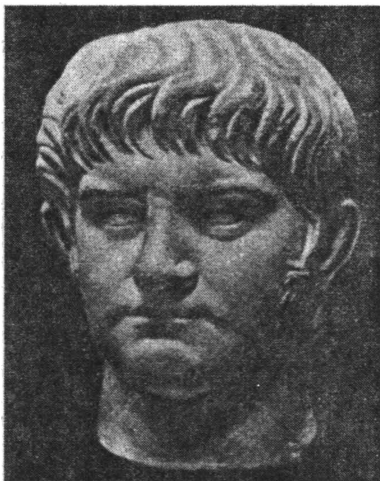
Мероз, который с тех пор имел уже прочный статус столицы, каковой и оставался аж до 350 года, но уже нашей эры.

Имелась еще одна причина, чтобы перевести власти на юг: развитие производства железа, приблизительно с 400 г. до н.э., о чем уже шла речь выше. Эта отрасль металлургии расцвела в стране, где содержащий железо минерал, латерит, встречается буквально повсюду, а топливо, редкое на севере, имелось в изобилии: на широте Мероз не было недостатка в лесах...

Но эта последняя столица, Мероз, бывшая светочем всего нильского бассейна на протяжении многих веков, была в конце концов разрушена аксумским царем Эзаной около 350 года.

Нет сомнения, что такая страна, поддерживавшая культурные и экономические связи с Египтом, посещалась многими путешественниками и была хорошо известна древнему миру. Геродот, хоть и поднимался вверх по течению только до Элефантины, привез обширные сведения относительно южных соседей и их земель. Начиная с Птолемеев, многие греки посещали Нубию: Далион проезжал чрез Мероз и оставил отчет о своем путешествии; Аристокреон, а затем Симонид побывали там, а вскоре вслед за ними Бион и Базилид. Привезенную ими информацию широко использовали «мэтры» древней географии — Страбон, Плиний и Птолемей.

Римляне оккупировали Египет с 30 г. до н.э., а через полвека направили Петрония завоевывать южные земли. Тот добрался до Напаты и покорил ее.

Позже Нерон, собиравшийся напасть на Эфиопию, послал две центурии на разведку вверх по Нилу. Они застряли в бескрайних болотах судда — Бахр-эль-Газале.

Что касается морского пути, то земли вокруг Баб-эль-Мандебского пролива и Аденского залива посещались египетскими моряками, как уже говорилось, с III тысячелетия до нашей эры. Они направля-

Император Нерон, готовя нападение на Эфиопию, послал разведчиков вверх по Нилу

лись в страну ароматов, Пунт. По всей вероятности, в начале I тысячелетия до нашей эры семиты, выходяцы из Южной Аравии, переплыли Красное море и, поднявшись в район порта Адулис, добрались до эфиопских плоскогорий, где более прохладно и зелено, чем в остальном регионе, и обосновались в тех местах.

Порт Адулис был построен в III в. до н.э. Птолемеем Эвергетом для торговых целей в том месте плато, где оно подходит к самому морю. Слоновая кость и ароматические масла обменивались здесь на товары средиземноморских стран: ткани и предметы роскоши.

Мы располагаем недостаточными археологическими данными, относящимися к этому первому периоду. О более ранних временах сейчас стало возможно судить по руинам Ехи на восток от Адуа. Самой значительной постройкой можно считать храм размерами 20 на 15 метров, ориентированный на восток и выстроенный из огромных полированных блоков. Его можно отнести к V в. до н.э. Более поздними являются постройки, найденные в Аксуме, древней политической и религиозной столице этого края. Могущественное государство, воспринявшее культуру Южной Аравии, развивалось тут с начала нашей эры, если верить заметкам Птолемея и «Перипла Эритрейского моря».

Мы, к сожалению, мало знаем об этом периоде, о правителях, которые воздвигали громадные стелы до 33 метров в высоту, а также погребальные памятники, отличавшиеся оригинальным стилем и относящиеся к IV в. до н.э., каменные жертвенники и большие дворцы типа Таака Мариам (80 на 12 м), и других, которые сделали Аксум единым архитектурным ансамблем. Упомянем еще и о надписях в Эзане на греческом и гэз языках и множество монет.

Переход к христианству в 340 году укрепил связи этой страны со средиземноморским миром, Константинополем и особенно с патриархатом Александрии. Эфиопская церковь сотрудничала с ним вплоть до 1951 года!

В VI веке царство Аксум вступило в союз с Византией против государства гимиаритов в Южной Аравии, находящегося под властью персов, причем активно использовало при этом свой флот в Красном море.

Но все же отнюдь не от истоков Нила знали древние Африку, как сообщает нам Марин Тирский, рассказывая о плавании Диогена (перед 54 г. до н.э.) вдоль восточноафриканских берегов: «Озера, в которых берет начало Нил, расположены в Лунных горах (г. Рувензори — *Авт.*)». Однако представляется маловероятным, что озера и гору Рувензори он видел сам. Скорее всего информация географ получил от арабов из Раяты.

После заметного апогея ценных сведений, который виден в «Географии» Птолея, наблюдается некий информационный провал, объясняющийся, по-видимому, отступлением римлян, которые направили свои военные силы в Европу и Азию для отражения нападений германцев и парфян. Диоклетиан во II веке укоротил линию обороны в Египте, как он делал прежде, отведя границы к Асуану.

После перехода в христианство абиссинцев Аксума в четвертом веке, а затем и нубийцев в пятом, продолжали укрепляться связи с византийской империей: Козьма Индикоплов посетил Адулис и дал сведения об Аксуме (547 г.) и, с другой стороны, Прокопий Цезарийский около 550 г. в своей «Истории юстинианских войн» говорит о политике Константинополя в отношении блеммиев и эфиопов Аксума.

Внутренняя Африка к западу от Ливийской пустыни

Совсем иначе стояла задача освоения Африки к западу от Ливийской пустыни. Вместо двух больших маршрутов — долины Нила и Красного моря, позволяющих преодолеть барьер пустыни в наилучших условиях, здесь повсюду, куда ни двинься, — Сахара.

Кроме Марокко и восточного Алжира, римляне включили в свою империю всю северную Африку, «полезную», годную под обработку и, как уже говорилось, возвели на юге укрепления, лимес, против местных племен; следы этих фортификационных сооружений видны и сегодня.

О землях, лежащих за этими укреплениями, имелись весьма неопределенные сведения. Античный греко-римский мир практически не имел доступа туда вплоть до падения Карфагена в 148 г. до н.э. До этого пунийцы (финикийцы-карфагеняне) ревниво охраняли берега и только крупницы сведений попадали к грекам из Киренаики, колонизированной ими еще в VII в. до н.э.

Историку Геродоту мы обязаны первыми сведениями, правда, не очень точными, о Сахаре. Он нам рассказывает о народах, живущих в пустыне и к северу от нее, о флоре и фауне страны, продуктах питания, божествах... В процессе повествования он цитирует отчет о путешествии, которое совершили пятеро сыновей правителя племени насамонов с целью исследования Ливийской пустыни.

«Они отправились в путь с большим запасом провианта и воды, пересекли обитаемые земли, пришли в места, где жили дикие звери, а затем достигли пустыни. В течение многих дней

их путь пролегал через пески, пока наконец они не прибыли в долину с зелеными деревьями. Когда же насамоны приблизились к деревьям, чтобы сорвать с них плоды, то неожиданно увидели маленьких людей, ниже среднего роста, которых схватили, чтобы увести с собой. Насамоны не понимали их языка, а те не понимали язык насамонов. Затем они прибыли в селение, где все жители были такого же маленького роста и чернокожие. Вдоль поселка текла река в направлении с запада на восток. В реке водились крокодилы... Что же касается реки, то Этеарк считает ее Нилом».

Трудно комментировать это путешествие насамонов. Из своих краев, то есть окрестностей Киренаики и Авгилы, они отправились налегке, в колесницах, запряженных лошадьми. Держа путь на запад, пересекли Сахару, миновав Тассилин-Аджер, прошли западнее Хоггар, Адрар де Ифорас и прибыли в конце концов к излучине Нигера.

Как и в восточной Сахаре, в центральных районах пустыни имелась своя «дорога колесниц», отмеченная тремя десятками стоянок среди скал и тянущаяся от Феццана к эс-Суку и дальше на юг, где повозки чинились и красились, а потом держали направление на юго-запад. Археологи прояснили, таким образом, слова Геродота, ибо, начиная от Феццана эта дорога, по логике вещей, должна привести в Страну черных, держа направление «по зефиру», то есть по ветру. Только такой путь позволяет, двигаясь от одного водного источника к другому, обходя песчаные дюны и голые каменистые пустыни, достичь Нигера.

Что касается «маленьких людей», с которыми столкнулась экспедиция, то речь тут не может идти о пигмеях, уже загнанных к тому времени в леса: археология протестует против присутствия их непосредственно южнее Сахары. Все неолитические и доисторические скелеты, найденные археологами, принадлежат людям нормального роста — суданским негроидам или ливо-берберам. Но Геродот тем не менее знал слово «пигмеи», однако употреблял его в другом месте, не здесь...

Район, которого достигла экспедиция, должен был быть болотистой внутренней дельтой Нигера, к западу от Тимбукту. Конечно, это всего лишь гипотеза.

Здесь следует упомянуть (хотя ссылка относится к более позднему времени) и Магона-карфагенянина, о котором пишет Атеней (III век), ссылаясь на Аристотеля (IV в. до н.э.):

«Как пишет Аристотель в своем «Трактате о жажде», некоторые после жирной пищи не испытывают жажды, среди них Архонид Аргосский. И Магон из Карфагена трижды пересек безводную страну, питаясь сухой мукой, без питья».

Как следует понимать слова «безводная страна»? Конечно, речь идет о Сахаре. Но какой же путь он проделал? Из текста это не ясно. Но если все же ему поверить, остается доказать возможность такого подвига, повторив его в самый благоприятный сезон — зимой.

В среднем в Сахаре человек выпивает 4,5 литра воды в день, но в чрезвычайных обстоятельствах может быть введено добровольное нормирование: так, во время перехода французского исследователя Т. Моно через Маджабат ежедневный рацион в январе был уменьшен до 1,041 л.

Исследования выживаемости без воды в Сахаре проводятся редко и только несколько случаев смерти от обезвоживания организма были подвергнуты научной проверке: все они имели место летом, и в чрезвычайных случаях достаточно нескольких часов, чтобы организм в жаре без воды претерпел непоправимые изменения. Так что пять дней без питья в Сахаре человек вряд ли сможет выдержать. Разве что если будет пребывать без движения или передвигаться ночью.

Магон мог ехать на колеснице исключительно по ночам, в прохладное время, давая пить только своей лошади. Но даже при этих условиях по маршруту легкому и знакомому, он мог преодолевать по несколько сотен километров в сутки, то есть пройти от берега до оазисов Авгила, Аммон (Сива), Ваддан, Гадамес, Тазеур. Совершенно исключено, что он пересек Сахару с севера на юг! Так говорил ли он правду? На берегах Средиземного моря во все времена любил пошутить, и его мистификация могла быть принята всерьез и затем попасть в тексты Аристотеля...

После разрушения Карфагена в 146 г. до н.э. римляне утвердились в Северной Африке и в следующем веке начали знакомиться с Сахарой. Имеются многочисленные тексты, относящиеся к периоду великих имперских завоеваний Рима, в которых упоминаются походы легионов на юг, вплоть до Сахары. Первым таким сообщением является место у Плиния относительно африканских кампаний Корнелия Бальба, закончившихся триумфом в 19 г. до н.э. Плиний приводит перечень городов, рек, гор и племен, открытых при этом переходе. Но вот идентификация приведенных ученых имен с сегодняшними названиями недостаточно достоверна. Поэтому гипотеза Ж. Десанжа, называющего в качестве границ этого похода Нумидию и Фецчан, кажется предпочтительнее: этот автор, будучи латинистом, изучил все варианты рукописи Плиния и поместил этот военный эпизод в соответствующий контекст — это борьба племени гетулов, которому помогали гарманты, против Юбы и его сына Птолемея. Таким

образом, большинство названий принадлежат местности в Нумидии и на юге Туниса.

Довольно мало сведений имеется также о второй пунической экспедиции римлян к южным границам империи, которую возглавлял Светоний Павлин в 42 году. Вот как Плиний это описывает:

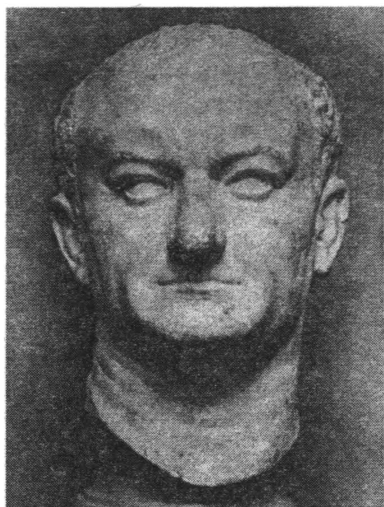
«Светоний Павлин — это первый римский военачальник, который на несколько тысяч шагов перешел Атлас. За десять дней он дошел до Атласа и оттуда направился к реке под названием Гер, пересекая пустыни с черным песком, из которого тут и там торчали, как будто обгорелые, обломки скал. Эти места необитаемы из-за жары, которая стоит здесь даже зимой. В соседних лесах, полных дикими зверями, слонами и змеями всех видов, живут люди, называющиеся канарии. Живут они как собаки и вместе с собаками обитают в норах диких животных».

Дион Кассий приводит некоторые дополнительные сведения об этом же походе:

«В следующем году мавры, которые снова затеяли войну, были покорены, Светоний Павлин, бывший претор, в свою очередь, торгся в их страну и дошел до Атласа. Госидий Гета, персона того же ранга, последователь Светония, сразу же бросил свою армию против главы мавров Салабоса и победил его дважды. Последний, оставив на границе несколько солдат, чтобы те помешали возможным преследователям, ушел в район песков. Госидий рискнул углубиться в пески вслед за ним...»

Таким образом, как убеждает нас Дион Кассий, речь шла о карательной экспедиции. Ф. де ля Шапель, который посвятил этому событию документальное расследование, отправляет римское войско из района Тлемсен, проводит его через Себду, Тендрару и долину Тамлельт, а заканчивает поход у реки Гир, к югу от Бу-Анана. Поскольку его противники не рвались в бой, Кассий должен был вернуть свой отряд. Вторая экспедиция, возглавляемая Гетой, вернулась в эти края и, преследуя врагов в пустыне, воины чуть не погибли от жажды, но неожиданная удача в виде магических заклинаний спасла их...

Третья экспедиция подошла к Сахаре в районе Феццана в 70 г., при императоре Веспасиане: то был отряд Септимия Флакка. Когда римляне пошли к Триполитании между поселениями Оза и Лептисом, жители последних обратились к гарамантам за защитой. Те разграбили окрестности Лептиса, и римляне бросили на их преследование дополнительные силы пехоты и кавалерии, сократив дорогу до Феццана на четыре дня за счет перехода через вершину горы.

При императоре Веспасиане экспедиция римлян достигла страны эфиопов в 70 г.

Марин Тирский, рассказывая об этой кампании, говорит:

«Септимий Флакк, отправляясь из Ливии в военную экспедицию, дошел до страны эфиопов за три месяца, двигаясь на юг от страны гарамантов».

Следует рассмотреть и отправленную в то же время другую экспедицию, под руководством Юлия Матерна, о которой также рассказывает Марин Тирский и которая была отправлена в те же края:

«Юлий Матерн, выйдя из Лептис-Магны и путешествуя от Гарамы в сопровождении царя гарамантов, напал на эфиопов и, непрерывно двигаясь вперед, за четыре месяца дошел до страны Агисимбы, принадлежащей эфиопам, где он встретил эфиопов». Марин считает, что эта страна находится на расстоянии в 24 680 стадий к югу от экватора.

Что можно сказать об этих необыкновенных экспедициях? Марин Тирский полагает, что за день пути римские войска проходили от 300 стадий, что составляет три пятых градуса широты, до 500 стадий, которые равняются 45 римским милям. Могла ли экспедиция пройти такое большое расстояние?

Эта цифра настолько преувеличена, что Марин Тирский позволил себе еще больше отодвинуть ее на 24 градуса к югу, а Птолемей еще ее исправил, поместив свою Агисимбу на 16-м градусе южной широты, а на 16 градусах 25 минутах — границу обитаемого мира. А те поправки в градуировке широты, о которых говорилось ранее, отодвигают эту границу еще на два градуса к югу, а это значит, что на меридиане Феццана мы оказываемся в... Габоне!

Птолемей сам предлагает исправить цифру, данную Марином Тирским: «Эфиопы, против которых была направлена экспедиция Матерна, являются подданными царя гарамантов, и по этой причине абсурдно помещать их на громадном расстоянии от Гарамы».

В первом случае речь идет о военной экспедиции (Септимия Флакка в 70 г.), целью которой было покарать гарамантов и отнять у них добычу, захваченную в Лептис-Магне. Римляне могли пересечь эту страну вплоть до последнего оазиса. У них не было оснований (а может быть, и средств), чтобы двигаться дальше. Речь, вероятно, идет о зимней кампании, начавшейся от Феццана, в ходе которой они могли добраться до «эфиопов». Несомненно, в тех местах, начиная от оазиса Гатрун, обитало племя чернокожих теда.

Вторая экспедиция, во главе с Юлием Матерном, определяется Марином Тирским как путешествие, а не военный поход. Между 70 и 86 годами отношения между римлянами и гарамантами улучшились, и Матерн мог принять предложение царя гарамантов сопровождать его в экспедиции, которую последний предпринял против своих подданных эфиопов, обитавших южнее. Таким образом он мог узнать — или проверить свои знания — о существовании южной страны, называемой Агисимба, богатой диким зверьем и, что особенно важно, носорогами.

Ж. Десанж, кстати, выяснил, что именно в это время, при Домициане, носороги появились на римских монетах и что речь идет о двурогих носорогах, которые лучше приспособлены к климату Сахары, чем однорогие. Их могли встречать еще во времена классической античности в местах к югу и западу от Тибести, в Каваре и Джадо и именно здесь, вне всяких сомнений, находится страна Агисимба, о которой пишет Марин Тирский.

Четырехмесячное путешествие, о котором он говорит, это по продолжительности вся его экспедиция, которая укладывается в рамки зимней кампании в Сахаре, например, с ноября по март.

Двурогие носороги могли быть доставлены в Лептис при посредничестве гарамантов, а оттуда переправлены в Рим, где стали подлинной сенсацией на арене, начиная с 80 года, и одновременно их изображение появилось на монетах. Кстати, экспедиция Юлия Матерна могла среди прочих целей иметь задание доставки диких зверей для цирков или хотя бы наведения справок о такой возможности.

Археология, к сожалению, не дала нам никаких сведений о местах южнее Гарамы, где имелись бы римские памятники и где находили гончарные, стеклянные и другие изделия чужеродного происхождения. Но найденные недавно в Латуме, Эннери-Томмо и Джадо наскальные рисунки колесниц напоминают нам о том, что местные жители имели связи со средиземноморским миром, а каменные круги и мегалиты, найденные при раскопках в Эннери-Мокто и к западу от Тибести, являются новыми доказательствами этих контактов.

Конечно, далеко не все факты, касающиеся проникновения римлян в Сахару, отражены в сохранившихся текстах. И не все такие тексты дошли до нас. Несомненно, существовали связи между городами на границе с римскими укреплениями и в их тылу. Этому имеются доказательства в виде отдельных памятников, а в Гараме, например, это находки монет и те же рисунки колесниц и свидетельства географа Птолемея.

Карта Африки, составленная этим александрийцем, показывает, кроме тех данных, которые ожидаешь на ней найти; относящихся к странам-доминионам Рима во II в., множество городов, гор, рек и названия народов, находившихся на территории, которая называлась внутренней Ливией.

Гидрографическую сеть (бассейн Нигера и реку Геир) трудно идентифицировать столь подробно. Кроме того, она совсем не соответствует реальности. Но географ, как и природа, не любит пустоты, и Птолемей компенсировал почти полное отсутствие данных по Сахаре подробной информацией относительно долины Нила и Восточной Африки. В самом деле, ситуация с реками, их взаимное расположение на карте Птолемея выглядит довольно фантастично: не следует удивляться, видя Геир-Джеди на юге от Феццана, Нигейр и его семь притоков с истоками — в центре Сахары, а один из рукавов соединяется даже с Дара-дос-Драа.

Горы же вообще не поддаются идентификации, а что касается названий народов, то мы берем за основу работу Десанжа, чтобы распутать этот клубок. Из этого кропотливого и прекрасно документированного исследования можно вынести впечатление, что надежды когда-либо идентифицировать совокупность всех племен и народов нет в помине. Те же, которых еще как-то можно опознать, обитают на юге Магриба, а также в северной Сахаре.

Птолемей извлек все, что мог, из того скудного материала, которым располагал. На этом основании можно сделать вывод: римляне II века нашей эры, на взлете империи, знали к югу от своих укреплений только узкую полосу, двигая оттуда передовые подразделения по нескольким излюбленным маршрутам: это цепь оазисов Саура, ведущая в Туат, а также район речек Джеди и Рир близ Феццана. К каким горам относятся названия Сон, Данкис, Зифа, Месхе, Аруальтес, Аранкас, Барбитон — пока никто не смог вразумительно объяснить, по-видимому, речь шла о каких-то горах к югу от Алжира и Туниса.

Что касается внутренней территории Эфиопии Птолемея, с ее «белыми слонами, носорогами и тиграми» (пантерами, вероятно) и его страны Агисимбы, то упомянутая фауна показывает, что речь идет о тропической зоне Судана, то есть о его по-

следних влажных северных районах — Джадо, западном и южном Тибести, которые и сегодня остаются сравнительно влажными. Там могли еще благоденствовать животные, которых отлавливали для цирков и которых гараманты вместе с триполитанскими коммерсантами поставляли своим римским клиентам.

Кроме римских памятников в Феццане, в Сахаре имеется еще только одно место с античными реликвиями, относящимися к довольно поздней эпохе, — в Абалессе, на западе от Хоггара. История открытия и раскопок знаменитой могилы царицы Тин-Хинан, легендарной прародительницы туарегов стала темой для романов и сотен статей. Эти последние утверждают, что царица, вернувшись из Тафилатета в Хоггар, была погребена под большим курганом в центре Абалессы. Памятник 26 на 23 метра в основании и 4 метра в высоту был возведен на вершине холма у слияния двух рек.

Колоритный персонаж, Френсис Кон, сын американца венгерского происхождения, который взял себе более благозвучное имя Байрон Кюн де Пророк, услышав о туарегской легенде, ставшей известной благодаря роману Пьера Бенуа «Атлантида», организовал в 1929 году экспедицию с целью раскопать знаменитую могилу. К его команде присоединился житель Сахары Морис Рейгасс, директор музея древней истории и археологии г. Бордо в Алжире.

Волей счастливого случая, Пророк в один прекрасный день, раскопав единственную камеру памятника, наткнулся на могилу легендарной царицы! Тело лежало на спине, повернутое к востоку, со слегка согнутыми руками и ногами. На нем сохранились куски платья из красной кожи, которые рассыпались при первом прикосновении. Остатки циновки и резного дерева говорили о том, что тело покоилось на парадном ложе. В убранство входили золотые и серебряные браслеты, бусы, кольцо, фрагменты стекла, маленькая стилизованная статуэтка богини из полированного гипса и миска из дерева с четырьмя золотыми оттисками монет эпохи императора Константина. Эти монеты и помогли определить возраст могилы: 325 год.

Вернувшись в эти места в 1933 году, М. Рейгасс завершил раскопки других камер монумента в Абалессе. В зале № 5 он нашел римскую лампу с круглой горелкой, украшенную крылатой богиней победы. Согласно более поздним исследованиям, монумент богини Тин-Хинан является не отдельным малым захоронением, как думали ранее, а погребальным памятником, подобным другим погребальным мавзолеям Магриба. К сожалению, до сих пор не проводилось тщательных исследований, чтобы определить более точный возраст этого уникального для Сахары памятника.

Уникального ли? Возможно, что и нет. Другая туарегская легенда рассказывает об основании поселения Абалессы неким «Руми Джолута», который жил в Хоггаре до воцарения ислама; с появлением мусульман он оставил эти места и переселился в эс-Сук, что в Адрар-де-Ифорас, и перевез туда все железо, которое у него было. Преследуемый и там, он вернулся в Хоггар, потом был убит и похоронен в Аезека-Накар, на реке Тит. А Тин-Хинан, прибыв позднее из Тафилалета, поселилась в покинутом городе Абалессе, как считает М. Рейгасс.

Все, что мы можем извлечь из этой путаной легенды, это сведения о старых связях между Абалессой и эс-Суком, от которых сохранились внушительные средневековые развалины и где был возведен доисламский памятник Косейлата. Сууществование на этом месте древнего, если не античного, центра тем более вероятно, что на вершине горы, высящейся над руинами, найдены рисунки трех колесниц, которые подтверждают связь этих мест со средиземноморским миром два тысячелетия назад. Если где-нибудь в Сахаре будут найдены памятники, подобные этим, то это будет, конечно, эс-Сук...

Лептис-Магна, оазисы Феццана, Абалесса, эс-Сук — все эти пункты, будучи перевалочными пунктами транссахарской дороги, по которой двигались колесницы гарамантов и других племен, а также, несомненно, караваны ослов, все теснее связывали берега Средиземного моря с излучиной Нигера в первые века нашей эры. Конечно, караваны ходили и раньше, но никогда «движение» не было таким оживленным, как именно в этот период, когда на авансцене Сахары появился верблюд.

Здесь следует дать краткую справку об истории появления дромадеров в Сахаре.

Едва известный, буквально по нескольким экземплярам, до прихода персов Камбиза в Египет в 525 г. до н.э., совершенно отсутствующий на рисунках времен фараонов верблюд постепенно завоевал права гражданства в Африке. Геродот рассказывает об армии Ксеркса, включавшей десять тысяч этих животных в его походе в Европу. Хотя он и не упоминает о верблюдах, когда говорит о Киренаике и Ливии, скорее всего персидский царь привел их в Египет именно оттуда в период оккупации в 484 г. до н.э.

Точно неизвестно, но вполне вероятно, что Александр Великий пользовался верблюдами в Египте во время похода к оазису Аммона — Сиве. Но после захвата Египта Антигоном в 306 г. до н.э. большой караван верблюдов уже сопровождал его армию и флот. Птолемей II также, несомненно, использовал верблюдов, эти животные присутствовали на процедуре его коронавания в 283 г. до н.э.

Очень может быть, что именно во времена Птолемеев (не забудем, что Киренаика отошла к Египту в начале этой эпохи) верблюд стал распространяться на запад от Нила. Мы находим упоминание о проводнике верблюда в надписи святилища Мас-синисса (Тунис), относящейся приблизительно к 150 г. до н.э. Вспомним также знаменитое место у Цезаря, где он говорит о 22 верблюдах, захваченных римлянами у Юбы.

В начале нашей эры верблюд продолжает быть редкостью в Северной Африке, но численность его быстро растет: некто Аммон Марцеллин упоминает о требовании римского военачальника к жителям Лептис-Магны о предоставлении ему 4000 верблюдов в качестве транспортных средств в 363 г.

Имеются также свидетельства других авторов о том, что в конце господства вандалов и в начале византийского периода верблюды использовались повсюду в Северной Африке и на севере Сахары.

Берберские племена, обитавшие в Сахаре, также благожелательно отнеслись к появлению этого нового транспортного средства, так хорошо приспособленного к условиям пустыни. Особенно он пригодился жителям Триполитании, где с его помощью боролись против засилья римских крепостей. Однако К. Куртуа предупреждает против обобщений, которые несколько десятков лет назад допустили С. Гзель и Е. Готье, говоря о верблюде как «важнейшем событии», имевшем «неисчислимые последствия». По мнению Куртуа, не стоит ни преувеличивать, ни недооценивать роль верблюда в жизни ливо-берберских племен Сахары: верблюды увеличивали их транспортные возможности и военные силы, будучи лучше приспособлены к местным условиям, чем лошадь. Лошадь более быстрое животное, но ее трудно кормить в пустыне, а ослы, хотя и непритязательные и привычные к сухому и жаркому климату, но служат только для перевозок, а для военных целей непригодны. Верблюды позволяли ливийским берберам нападать на римские укрепления, а также продвигаться на юг Сахары, нанося ущерб африканцам.

Слишком преувеличена также роль караванных дорог, пересекающих Сахару и ведущих из Лептис-Магны на юг. Говорили также, что как Амстердам построен «на бочках с сельдями», так для Лептиса эту роль сначала играли оливковые косточки, а затем она перешла к верблюжьим скелетам.

Так ли это на самом деле? Скорее похоже на то, что главное богатство портов Триполитании шло от их ближайших окрестностей, «полезных» земель к северу от римских укреплений, которые давали оливки, финики, зерно и продукцию ремесел и скотоводства. В последующие же столетия господства арабов доходы шли от торговли с дальними суданскими территориями.

Единственный местный продукт, который упоминается Плинием и Страбоном, это полудрагоценный камень, карбункул, который до сих пор не идентифицирован. Есть предположение, что речь идет об изумруде или амазоните, но известные нам тексты хранят об этом гробовое молчание.

Теперь, осторожно предположив, что по караванным путям шли вначале не очень масштабные торговые перевозки, объем которых не позволяют определить ни археологи, ни древние тексты, а с VIII века шла торговля золотом и рабами, можно пойти чуть дальше.

Для остальных территорий тропической Африки то было еще темное время неолита, который постепенно, шаг за шагом, как бы нехотя уступал место эпохе железа. У нас имеется очень мало данных для освещения «темных веков» Черной Африки, которые были в девять раз темнее, чем на севере континента. Единственным местом, где проводились исследования, относящиеся к этому периоду, было плато Баучи в Нигерии, где современные работы по добыче олова были использованы археологами для исследовательских целей.

В местности, отстоящей отсюда на сто километров, а именно в Джемаа, Вамба и Макафи, а еще раньше в Таруге, были найдены статуэтки из обожженной глины, относящиеся к цивилизации Нок, как ее называли по основному месту находок. Эти фигурки не похожи на те, что принадлежали племенам яба и хам, обитающим сейчас в этих местах. Отличающиеся удивительно многообразной пластикой, они в основном натуралистичны.

Эти статуэтки связаны с разработками железа и датируются 300 г. до н.э. плюс-минус сто лет, 280 г. до н.э. плюс-минус 120 лет и 206 г. до н.э. плюс-минус 50 лет. Такие данные кажутся слишком ранними для производства железа в этих районах. Подождем новых находок, чтобы уточнить дату появления черной металлургии на территории Нигерии.

ИХ ПОЗВАЛА АФРИКА

Под знаком Южного Креста

Были и есть люди, «больные» Африкой. И «болезнь» эта неизлечима. Они шли к ней разными путями и в разные годы. Для меня Африка оказалась первой за границей. Потом были разные страны, по-своему не менее интересные, но Африка все равно навсегда оставалась первой и единственной любовью...

«Я хотел только одного — вернуться в Африку. Мы еще не уехали отсюда, но, просыпаясь по ночам, прислушиваясь, я уже тосковал по ней...» Это Хемингуэй. То же, только, может быть, чуть иначе, мог бы написать всякий, кто тосковал по ней.

«В Африке жирафы, в Африке гориллы...» Да, и это тоже. Бремовские жирафы и гориллы. Маленькие читатели Чуковского тоже «заболевают» Африкой. Только для них она — Айболитова страна, родина обезьяны Чичи и Тяни-Толкая. Частичку этого образа они пронесут через всю жизнь. И когда прочтут рассказы современных путешественников, с живостью выхватят оттуда все самое-самое — о слонах-альбиносах, великанах-баобабах и барабанах судьбы! Это та самая, Айболитова Африка.

И все-таки есть африканская «болезнь». Почему? Не в крови ли у нас тяга к этому таинственному континенту?

Мы отправляемся с вами туда, где проложили свои тропы десятки наших соотечественников, «заболевших» Африкой навсегда. Пусть памятью о них будет созвездие Южного Креста, молчаливо освещающее дороги россиян на Черном континенте.

Столетие семнадцатое и ранее

Далека Средняя Азия от Африки. Но связана с ней давними узами. В VI—XIII веках, когда на побережье Восточной Африки создавались колонии азиатских купцов, среди них было немало выходцев из центральных районов Азии. Их имена сохранились в арабских надписях на территории Сомали. И случалось, они занимали важное положение в иерархии тогдашних правителей!

Сохранилась историческая память об Ибн-Мусе аль Хорезми — астрономе, математике, географе из Хорезма, специально посланном сюда, в Египет, для создания прибора, позволяющего измерять регулярные изменения уровня Нила. После поездки он написал работу «Картины Земли», в которой приводит поразительно точные координаты крупных городов и стран известной тогда части Африки — от Ганы до верховьев Нила. Было это в IX веке!

Шли века, и все больше выходцев из Средней Азии оказывались по всяким делам в разных уголках континента — и среди феодального воинства и даже в правящей верхушке, не говоря уже о мусульманских университетах. В египетском Аль-Азхаре, например, преподавали ученые-таджики. В Судане трудились над составлением генеалогических списков правителей шейх Абдаллах ибн-Саид ас-Самарканди, прозванный Великим, и Абу-Махмуд Абдаллах ибн-Саид ас-Самарканди.

Жаль, что большинство их не оставили после себя описаний виденного. Единственное, пожалуй, исключение — известный писатель из Хорассана Носир Хисроу. Ему уже было около сорока, когда он отправился из Мерва (Мары) в далекое странствие, посетив Иран, арабский мир и Египет, навестив темнокожих бежда. Его книга «Сафар-намэ» («Книга путешествия») несравненна по описаниям деталей мира XI века, тех стран, которые он повидал. Вот небольшой отрывок из книги Хисроу: «Когда вода в Ниле начинает прибывать, она оттесняет соленую морскую воду из Тинниса, так что почти на десять фарсахов вокруг города морская вода становится пресной. Для этого времени на острове и в городе строятся огромные очень прочные подземные водоемы, куда стекает вода... Жители называют их «месани». Когда вода в Ниле уже прибывает и вытесняет соленую и горькую воду, водоемы эти наполняют. Это делают так: открывают сток, и морская вода прямо течет в водоемы и месани. Вся вода в городе — из этих водоемов, наполняемых во время прибывания; ею пользуются вплоть до следующего года, а у кого есть избыток, тот продает воду другим. Многие месани являются церковным имуществом и предоставляют воду для пользования чужестранцам».

«Сад для взора и веселья мыслей о диковинках путешествия» — такое пышное название дал своей книге другой путешественник, ученый и политический деятель аль-Кавкабани, возглавивший в 1647 году посольство йеменского имама в Гондаре, столице древней Эфиопии. В книге он, кроме всего прочего, описывает встречу с неким жителем Бухары Мухаммедом ибн Мусой, неотступно находящемся при императоре и принявшем христианство. Как оказалось, он стал не только переводчиком правителя, но и его первым советником. Этот бухарец владел в совершенстве несколькими иностранными языками, в том числе чатагайским, что дало возможность ему общаться и с турецкими посланниками.

Насколько далеко в глубь времен уходят связи Африки с Закавказьем? Еще древние греки с уверенностью утверждали, что эфиопы, бывшие на службе у фараонов, доходили до берегов Колхиды и даже основывали там поселения. Дм. Гулия в 20-е годы написал книгу, где поддерживал версию родства абхазцев с эфиопами. А член-корреспондент Д.А. Ольдерогге считал, что в основу армянского алфавита легло эфиопское слоговое письмо. Но до сих пор это только гипотеза и подтвердится ли она — покажет время. А в древности жители Закавказья получали сведения об Африке из библейской литературы, переведенной на древнеармянский и старогрузинский языки.

В средние века здесь, как впрочем и во всем мире, в обиходе были сведения о разных чудесах природы, благовониях и пряностах — мирре, ладане, камеди; диких животных — белых слонах, жирафах, пантерах, обезьянах. Примешивались сюда и фантастические существа, за подлинность которых сегодня вряд ли кто ответит, — полуживотные-полулюди: огнедышащие кабаны и саламандры... Все это есть в «Географии» Псевдо-Моисея Хоренаци, написанной в VII веке. И все эти вещи родом из Нубийской пустыни, Аксумского царства, с истоков Нила и из Восточного Судана. Не стоит судить древних и средневековых авторов за путаность и противоречивость суждений и сообщений. К примеру, столицей Хабашестана (Абиссинии) они называли город... Эфиопию!

В VIII—XIII веках жители Закавказья могли получать сведения о тропической Африке из арабской литературы, которая тогда переживала период бурного расцвета. Одно время Армения и Азербайджан находились под властью арабов, а в Тбилиси сидел арабский наместник, поэтому арабские и персидские источники стали как бы передаточной средой для информации об Африке жителям Закавказья. А тех очень интересовало все, что касалось жития их единоверцев в Эфиопии и Судане!

Единство веры — главный движитель контактов в раннем средневековье. В 1086 году в Египет прибыл армянский патриарх Григорий. На диспуте в Александрии был достигнут, говоря современным языком, консенсус мнений коптского и армянского духовенства. Вместе с Палестиной Египет вошел в орбиту связей между духовенством двух миров и культур. В Палестине образовались колонии нубийцев, армян и грузин.

Свидетельства о дальнейших контактах выходцев из Закавказья с тропической Африкой носят главным образом легендарный характер: почти нет исторических данных. Итальянский историк Э. Черулли в своей книге ссылается на предания, в частности, на приключения грузин в стране макробиев, то есть в Нубии. Однако в XIV веке сведения об армяно-эфиопских связях приобретают исторический характер. До нас дошло знаменитое «Житие Эвастотевоса», основоположника крупного религиозного движения в средневековой Эфиопии, который совершил путешествие в Нубию, Египет, Палестину, на Кипр и в Киликию. В Александрии он встречался с армянским патриархом, и тот позволил ему пожить в армянских землях. Эвастотевос якобы даже похоронен в Армении.

Вместе с Эвастотевосом сюда приехали его ученики, которые после смерти учителя вернулись на родину и основали монастырь Дабра-Мариам. С тех пор в Эфиопии стали переводиться «жития» армянских святых, в том числе знаменитое «Житие Рипсимы». Наверное, эфиопам странно было читать об «армянских жрецах» и «дьяволах Армении». Чернокожие читатели понимали все это на свой лад: первых они считали колдунами, а вторых — языческими божествами... Но тем не менее, даже если не каждый эфиопский читатель; владевший языком геэз, мог понимать реалии Армении, в его душе оставались теплота и сострадание к ее народу и далекой стране.

Своеобразным отголоском таких чувств стал женский монастырь, построенный на острове Дак (что на озере Тана) в честь «блаженной Арсины» — армянской Рипсимы!

Первые европейские путешественники — это были главным образом португальцы — встретили в Эфиопии множество армян! Они служили и послами эфиопских правителей к монаршим дворам Европы. В 1532 году император Лебна-Денгель направил некоего Матевоса ко двору Мануэла в Лиссабон. Кроме португальской столицы, тот побывал в Индии и в Гоа. То был первый эфиопский дипломат в Европе! Благодаря португальскому историку Дамиану ди Гоишу его сообщения о родной стране стали достоянием европейцев. Но Гоиш слишком пылко воспевал прелести далекой неведомой страны — им заинтересовалась инкви-

зияция. Папа запретил еретические книги, и автор попал в тюрьму, где и умер.

Еще один штрих к истории армяно-эфиопских связей. В Эчмиадзине известный русский востоковед Б. Тураев нашел фрагменты эфиопских рукописей XIV—XV веков. А среди рукописей Британского музея сохранились списки армянских слов с переводом на древне-эфиопский язык геэз...

102 года прожил дипломат Мурад Гелеби и 50 из них отдал служению Эфиопии. В 1700 году император Иясу I послал его во Францию ко двору Людовика XIV.

Шли годы, и все большее число армян знакомились с далекими африканскими странами. В начале XVIII века Аствацатур, архимандрит из Харбарды по прозвищу Тымбэк, совершил путешествие в Судан и Эфиопию. С ним вместе ездил чтец из Тигранакерта Аветик Багдасарьян, он-то и оставил описание того интереснейшего путешествия. Читатели в далекой Армении с любопытством узнавали о провинциях амхара и галла, об эфиопских и сахарских иудеях, о кочевых племенах абабде, торговых маршрутах и поселениях. Двое этих странников добрались до Чада, куда европейцы попали только в XIX веке!

В своих записках они вскользь замечают, что жители Текрура в Западном Судане хорошо относятся к армянам. Значит, и до Аствацатура и Аветика там бывали их соотечественники?

В 1947 году армянский исследователь А. Туршян защитил кандидатскую диссертацию по проблеме армяно-эфиопских связей в средние века. Так вот, он напал на следы пребывания в Эфиопии еще одного замечательного армянина — Товмаджана. В первой половине XVIII века он был казначеем при императоре и оставил интересные воспоминания. Они вышли в Венеции на армянском языке и потому до сих пор не использовались африканистами.

Шотландец Джеймс Брюс, оказавшийся в Гондаре в 1770 году, был несказанно удивлен, увидев при дворе императора молодого армянина. Но нам-то с вами это уже не кажется странным!

Грузины также были нередкими гостями в Африке. «Курз» упоминаются в эфиопском религиозном сочинении XV века — «Книге чудес Марии». «Квердж» есть в летописях времен императора Галавдвеса в первой половине XVI века. Наверное, речь идет о ремесленниках, приглашенных императором для строительства его дворца.

Но еще задолго до этого, в царствование поздних Фатимидов в XI—XII веках, стали укрепляться связи между народами Закавказья и долины Нила, а еще чуть позже султаны Айюбиды стали получать для своего войска рабов с черноморского побережья и

из Восточной Европы. Они весьма котировались, наряду с чернокожими невольниками. В 1250 году выходцы из среды этих рабов-мамлюков захватили власть в Египте и выдвинули своих султанов. Большинство из них оказалось половцами из южнорусских степей, но имелись и выходцы с Кавказа. В XIV веке так называемые «черкесские султаны» правили по всей Северной Африке и позволяли египетским купцам беспрепятственно ходить аж до Индии, а также на запад, до Гибралтара. Благодаря смелым рейдам кавказцы добрались чуть ли не до Центральной Африки!

В среде мамлюков было немало грузин, лазов, мигрелов и абхазцев, и потому отношения Египта с Грузией были весьма дружеские. В 1510 году, когда венецианские пираты и рыцари с Родоса напали на египетский флот, мамлюкский султан Аль-Гури велел арестовать католическое духовенство в Иерусалиме. Но эфиопских и грузинских религиозных деятелей, несмотря на их тесные связи с католическими центрами Европы, репрессии не тронули!

Итак, мы подошли к 80-м годам XVIII века, когда в регионе сложилась прелюбопытнейшая обстановка: сама Грузия теряла последние силы в неравной борьбе с Турцией и Ираном, а правителями Египта и Ирака были... грузины, они же занимали ведущие военные посты в Сирии, Палестине, Анатолии и европейской Турции, а командующим турецким флотом был... армянин из грузинского селения Пшагели! Своих союзников они видели прежде всего в грузинских землях, но главным образом — в России. Нужны были гарантии тесного сотрудничества всех антитурецких сил. Случай представился в 1786 году: артиллерийский офицер Манучар Качкачишвили годом раньше обратился к своему царю с просьбой дать ему разрешение навестить дядю в Египте.

Ираклий снабдил его рекомендательными письмами к русскому послу в Стамбуле Я. Булгакову и мамлюкским правителям Египта. Максим Качкачов (так называли его в России) провел большую дипломатическую работу. О ее результатах известно благодаря исследованиям доцента Тбилисского университета В. Мачарадзе, который обнаружил в Центральном архиве древних актов документы: послание Качкачишвили князю Потемкину и, кроме того, сохранившиеся донесения посла Булгакова. Оставив в стороне ту пользу, которую принесли переговоры молодого офицера, выделим главное для нашего повествования — новые сведения об Африке и о том дружеском расположении, которое выказывали эфиопские правители по отношению к нашим соотечественникам.

«По велению Ибреим-бека начали мы дружбу с абашинским парзентом (резидентом — *Ред.*), и вышеупомянутый «пархи-

тенд» рассказал нам и расспросил о российской монархине и обо все устройстве в войсках и городах. По своему разумению мы рассказали. Очень приятно им было услышать о русских делах. В этой дружеской беседе спросил я его: почему вы не сговариваетесь с европейцами, чтобы регулу и артиллерии обучиться... Тогда он мне ответил так: в предшествующие времена джезувитские патеры (иезуиты — *Ред.*) пришли в нашу страну и такую смуту посеяли, что тринадцать лет мы истребляли друг друга. По этой причине наложено проклятие, чтоб не впускать человека католической веры в нашу страну... а людей греческой веры надо впускать по паспорту парзитента» (Из доклада Максима Качкачова князю Потемкину о намерении египетских беев и царя Эфиопии установить связи с Россией).

Вообще, надо сказать, что некоторые сюжеты, подаренные нам историей, требуют дополнительного изучения, а некоторые, как, скажем, последний, так и просятся для повести или романа, не говоря уже об экранизации!

Но давайте обратимся к России. 1472 год. Всем известная дата хождения за три моря тверского купца Афанасия Никитина. Он был первым из русских, кто пришел к сомалийским берегам со стороны Индии. «И в той же земле Ефиопской бых пять дни, божию благодатию зло ся не учинило, много раздаша брынцу (риса — *Ред.*) да перцу, да хлеби ефиопам, ини судна не пограбили».

Но вообще-то Никитин не был первым. За несколько лет до него коптскую службу в Иерусалиме наблюдал купец Василий. Он же оставил описание величественного Каира.

Прошло без малого сто лет, прежде чем новый русский человек не засобирался в дальние земли. Сохранилось его имя — Василий Поздняков, московский купец. В 1558 году, когда из Москвы на родину стали уезжать православные прелаты, бывшие здесь с визитом, царь Иван Грозный направил вместе с ними на Восток свое посольство. Послы должны были доставить в разные земли, в том числе в Египет, русские дары — собольи шкуры, икону и так далее. Через год Поздняков прибыл в Египет. Живя в Александрии, он ездил и в другие города и святые места, написал воспоминания, отметил в том числе и такое место:

«А в старом Египте большая церковь святой страстотерпец Георгий, монастыре девич; а в церкви на левой стране, на стене, написан образ Георгий Страстотерпец, за решеткою медяною: многа же чюдеса и исцеления бывають от того образа. Исцеляет бо турок и арапов и латынян не токмо христиан единех, но всех невозбранно».

Отъезд Афанасия Никитина. Он был первым из русских, кто пришел к сомалийским берегам со стороны Индии

Правда эти записки позже приписывались другому автору — Трифону Коробейникову, который, несмотря на свою купеческую фамилию, был всего лишь дьяком. Он тоже был на Востоке, но уже по поручению другого царя, Федора Иоанновича (правда в Египте не был).

К следующему XIV веку относятся четыре памятника русской паломнической литературы, из них мы выберем лишь один — сочинение Василия Гагары. Он был купцом в Плесе, снаряжал суда в Персию, в 1634 году отправился в святые места Востока, в том числе в Египет. Гагаре удалось побывать и в Нубии, причем в Египте выкупил из полона жителя Московии Иеремию (скорее, Еремея), за что получил грамоту от александрийского патриарха Герасима. В его «Житие» есть такие любопытные, загадочные и необъяснимые до сих пор строчки:

«Да за Геоном же рекою 8 поприщ есть озеро с великой пятницы по вся годы стоит кроваво до вознесения дня. Да близ того же езера выходят из земли кости челоуечьи с великой же пятницы до вознесения дни, головы, и руки, и ноги, и ребра шевелятца, уподобися живым, а головы с волосами, а бивают наруже поверх земли. И нехто быстурский паша, именем Сафер, во Египте ненависти христианской веры, и те кости повеле в великую яму все погresti в землю, а на урее те кости по прежнему стали наруже, верху земли, коя где была, потому что шевелятца до урошного дни, до вознесения».

В средние века традиции «хождений» появились и в Белоруссии. Наиболее яркое из них — путешествие несвижского князя Миколая Криштофа Радзивила по прозванию Сиротка. В 1583—1584 годах он побывал в восточном Средиземноморье и составил текст дневников своих странствий, впервые вышедших в 1601 году. Дневник этот издавался 19 раз. Он хотел обо всем рассказать не «наподобие историков» — для этого можно было и не выходить из дома, — а основываясь на своих собственных наблюдениях. Но тем не менее Сиротка критически разбирает и сочинения своих современников, в частности фантастические вещи, относящиеся к Африке: «Кедрей пишет, что такой величины этот зверь (речь идет о гиппопотаме — *Авт.*) бывает, что слона может целиком проглотить... Но чтобы он смог съесть слона, это невозможно!» Сиротка видел гиппопотамов в Египте. Там же он побывал у сфинкса и пирамид, а в Александрии — у древнехристианской колонны. В пещерах с бальзамированными захоронениями видел множество тел, у которых «мумию берут» (в те времена мумии считались лекарством).

Но больше всего его интересовало хозяйство тех стран, где он бывал — особенно возделывание цитрусовых и винограда.

Когда Сиротка покидал Каир, его со спутниками подвергли таможенному досмотру, но таможенник, услышав, что путешественники разговаривают не по-местному, быстро их отпустил, ибо сам оказался евреем родом из «Хелма русского» (город под Люблином)...

Подобно Гагаре и Арсению Суханову, Сиротка тоже был удивлен устройством инкубаторов:

«Мы присматривались к печам, в которых цыплята лежали, они на манер шатра сделаны из соломы и обмазаны глиной, наверху круглое отверстие, но такое малое, чтобы солнце не повредило лучами своими яйцам. Они имеют двери с севера и двери с юга, которые на ночь навозом зажженным согревают, чтобы ночной холод яиц не охладил...»

Много места в «Путешествии» отведено описаниям неведомым в Белоруссии животных — обезьян, хамелеонов — вполне реальных созданий, между тем как до того читатели удостаивались сообщений о разных «китоврасах» (кентаврах) и иных мифических созданиях. Сиротка же рассказывал о настоящих киноцефалах — собакоголовых обезьянах — павианах. Он приобрел несколько штук, а также циветт, ихневмонов, леопардов и диких коз, а в Каире видел страусов, «которые бегают быстро, как и наши дрофы».

В октябре 1584 года он уехал из Александрии, и в море судно попало в страшный шторм. Суевские пассажиры увидели причину шторма в двух мумиях, которые путешественник вез с собой, и заставили выбросить их за борт*.

Русское издание книги Сиротки оказало значительное воздействие на умы отечественных читателей, которые правильное смогли оценить и «хождение» Трифона Коробейникова (как мы помним, на самом деле речь шла о путешествии Василия Позднякова...).

Столетие восемнадцатое

В первый же год в Палестину и Египет совершил паломничество Иван Лукьянов, московский священник. Он видел в Палестине богослужение коптов и эфиопов — «хабешей», а в Егип-

* Любопытно вспомнить, что при катастрофе «Титаника» на борту находился пассажир, который тоже вез с собой мумию. Поздние исследователи, не лишённые мистического настроения, склонны связывать аварию именно с этим фактом...

те узнал такие сведения об истоках Нила: «Нил-река... бежит мутна и быстра, а воды пить нельзя ни по коему образу: а там наливают в сосуды да миндальные ядра кладут, так вода отстоится и хороша станет.

А Нил-река три месяца мутна бывает, потом и очишаться станет. В Великой Эфиопии, когда у нас бывает зима, а у них лето, от нас к ним солнце де забежит — так у них в месяцах тех лето бывает, а когда настанет месяц май, так у них станет зима становиться...» И так далее. Эти слова нужно было понимать так: истоки Нила — в южном полушарии, времена года в Европе и южной части Африки полярны. Все это Лукьянов узнал в Египте и понял по-своему, по-простому: «Финики не дороги; фунт копейка сушенных...»

В восемнадцатом веке начались контакты украинцев с Африкой. Еще до того ходил к святым местам Африки киевский паломник Даниил, и уж по его «следам» шли соотечественники в Египет и далее. Монахи Селиверст и Макарий явились сюда в 1705 году и, понятно, удивлялись чудесам местной природы: финиковым пальмам и «птахам, которые очень велики, называются страусы».

Кроме них тут побывали иеромонах Варлаам из Киево-Печерской лавры, Серапион Множинский из-под Чигирина, Ипполит Вишенский из Чернигова. Но наш рассказ — о другом представителе украинской интеллигенции, которому не довелось найти применения своим талантам на родине, — Василии Григорьевиче-Барском. Жизнь этого человека достойна пера Александра Дюма или равного ему таланта.

В возрасте 23 лет, неудачно попытавшись учиться во Львове, он пускается в странствия по Европе, потом отправляется в Сирию, Палестину, Египет. Везде, где странствует, изучает языки, становится доверенным лицом антиохийского патриарха Сильвестра, вступает в переписку с Симоном Тодорским*. Он настолько изучил арабский язык, что смог исповедоваться по-арабски в сирийском городе Эдлибе; под видом дервиша, как столетие спустя

* Этого украинского энциклопедиста, не нашедшего применения своему таланту, называют представителем потерянного поколения XVIII века. В немецких университетах он изучал семитские языки, в том числе и древнеэфиопский. Жил в Петербурге, куда был вызван, чтобы стать домашним учителем закона божьего для наследника престола и его жены — будущих императоров Петра III и Екатерины II. К сожалению, он не оставил после себя трудов, разменяв свои таланты на «мелочную работу»...

другой путешественник, Арминий Вамбери, проник в Дамасскую мечеть, куда вход иноверцам заказан, оставил уникальные записи о Баальбекском террасе, колонне Помпея, обелиске Клеопатры в Александрии. Книга его о странствиях вызвала такой интерес, что киевляне переписывали ее от руки, ибо средств к изданию не оказалось. Она вышла в свет лишь в 1778 году в Петербурге и неоднократно переиздавалась — но это было уже через тридцать лет, после смерти Барского. Вот строки из его книги:

«Не малое добро и Нил река творит еже разливается на всяк год и наполняет и тогда копают людие рови от сладости реки, только бо сладку и здраву воду имат, яко на островах реки тростие рождается, слок сладок имущое, от него же делают цукор».

К украинским эфиопистам века девятнадцатого мы еще вернемся, а пока поговорим об изучении Африки в этом же, восемнадцатом, столетии. Начиная с петровских времен в России все чаще стали появляться карты и учебники географии, переведенные на русский язык. По указанию Петра еще в конце XVII века была переведена «История Эфиопии» немецкого ученого Иова Лудольфа, первого европейского эфиописта. Но наиболее известна книга Варения «География генеральная...» с иллюстрациями, переведенная Ф. Поликарповым. Информация в ней об Африке весьма скудная и малоправдивая. Более подробные сведения содержатся в книге И. Гибнера «Земноводного круга краткое описание...», выдержавшей 36 изданий. Там есть даже данные о Момотапе и Мадагаскаре.

Именно с этим островом связан наш следующий сюжет.

К началу XVIII века русский флот укрепился на Балтике. Петр мечтал о морских связях с Индией. Суэцкого канала тогда не было. Экспедиция, посланная в Индию посуху, погибла. Значит, легче пересечь океан, укрепиться на одном из крупных островов там, на юге, и продолжать, если удастся, плавание дальше. Петр искал подходящих людей.

Царю помог Даниэль Вильстер, адмирал шведского флота, явившийся в Петербург из Швеции. Он-то и представил царю проект «О посылке экспедиции на остров Мадагаскар». В июне 1723 года Вильстер уверил Петра в возможности такого дальнего плавания. Царю соображения адмирала понравились. Швед был назначен командиром экспедиции. Помощниками к нему — мало ли что может случиться! — царь назначил русских офицеров. Но отплытие все задерживалось...

Итак, остров, который выбрали промежуточной станцией на пути в Индию, был Мадагаскар. Командиром флагманского корабля был назначен курляндец. Почему он? Да потому, что предки сегодняшних латышей знали дорогу в Африку! Правда,

не огибали ее, а задерживались на западном побережье, в устье Гамбии, имели там форт, просуществовавший несколько лет. Жители приморских районов Курземе помнили о нем, и, возможно, именно их рассказы дошли до царя.

Мадагаскарскому королю Петр приготовил «поздравление». Он много слышал о пиратах, недаром жил в Голландии, и должен был догадываться, что письмо с таким адресатом неминуемо попадет в руки обосновавшихся на Мадагаскаре пиратов (О пиратской республике Либерталии нужно писать отдельную книгу, пропустим этот сюжет в пользу более нужной нам сейчас информации).

Итак, Петр отправил экспедицию. Вильстер получил две инструкции — мадагаскарскую и индийскую. В первой говорилось: «Когда в назначенное вам место с помощью божию прибудите, тогда, имея свой флаг, объявите о себе владеющему королю, что вы имеете к нему от нас комиссию посольства... А потом всяким образом тшчитесь, чтобы оного короля склонить к езде в Россию...» Но помешала спешка. А может быть, и не только она. Упустили «угодные погоды», опыта не было: ведь ни разу до этого русские корабли не ходили так далеко на юг. Казна истощилась, морские офицеры, не говоря уже об остальном служилом люде портового города, обнищали. Грезы о южных морях потускнели. В конечном счете, едва пустившись в путь, эскадра напоролась на бурю и по неопытности команды вернулась.

А смелые планы были у Петра — склонить африканцев к езде в Россию! Всплывает невольная аналогия: Ганнибал. Действительно — Петр отправил африканскую экспедицию, а как же Ганнибал?!

Казалось бы, все в истории Ганнибалов в России изучено и заново говорить об этом не имеет смысла, — размышляют А. Давидсон и В. Макрушин, авторы книги «Зов дальних морей». Но все равно еще далеко не все сказано. Например, какое место занимал Ганнибал в подготовке петровской экспедиции? Обрусевший африканец, выходец из Абиссинии, разве не мог бы он помочь русским морякам в плавании вокруг Африки? Разве не пригодился бы человек опытный, сведущий в науках, привыкший к походной жизни?

Он не мог не знать о готовящейся экспедиции, будучи главным директором Ладожских каналов и обер-комендантом Ревеля. Но отчего ж Петр не включил его в состав участников плавания? Может быть, оттого, что появление его среди членов экспедиции могло выдать план царя (она ведь готовилась тайно!). А может быть, потому, что арап после ранения в голову не переносил качки? Неясно. И станет ли ясно — неизвестно. Значит,

не все в истории Ганнибалов в России известно! Оставь Ганнибал мемуары, можно было бы написать отдельную главу под названием «Россия XVIII века глазами африканца» — в отличие от тех глав, которые пишем мы, составляя представление об Африке по запискам наших соотечественников... Но Ганнибал сжег свои воспоминания, и остались лишь труды по инженерному искусству да скупые «Автобиографические показания»...

С эпохи Петра началось издание довольно подробных карт с почти достоверными контурами Африки, главным образом голландских. Много времени понадобилось россиянам и для того, чтобы познакомиться, даже поверхностно, с африканскими языками. Изучение африканских наречий можно связать с именем П. Палласа. Под его руководством в 1787 и 1789 годах был издан «Сравнительный словарь всех языков и наречий». В материалах, которые собирались для этого словаря, найден список и африканских слов, относящихся к языкам «шилх, коптскому, ялофскому, фульскому, мадагаскарскому, кафрскому и готтентотскому». Но, наверное, такая подача языков не удовлетворила Екатерину,

Карта побережья Танжерского залива, составленная моряками фрегата «Святой Павел» в 1778 г.

и Паллас был отстранен от работы. Императрице были нужны сравнительные списки, чтобы можно было сопоставлять те или иные слова и гадать об их происхождении. Преемником Палласа стал чиновник Ф.И. Янкович де Мириево. Родился четырехтомный «Словарь всех языков и наречий», в котором оказались сведения по 33 языкам народов Африки. Но почему-то в нем не было сведений о языках народов Эфиопии, между тем как еще в 1784 году граф Безбородко отправил константинопольскому послу список 986 русских слов с указанием достать перевод их на «абиссинский» и «эфиопский» языки с разными диалектами. Почему они не вошли в словарь? Наверное, мы этого уже не узнаем...

Петербургским ученым, в том числе Д.А. Ольдерогге, удалось выяснить, откуда появились остальные слова в этом собрании, но это уже тема отдельного, очень интересного рассказа — в другом месте.

Матвей Григорьевич Коковцев. Отечественные арабисты называли этого человека «первым русским африканистом». Почему? Да потому, что его записки об Алжире и Тунисе последней четверти XVIII века — ценный памятник культуры, прямое свидетельство того, что и в среде русской интеллигенции распространялись идеи европейского Просвещения...

Родом из старинной дворянской семьи, Коковцев служил на Балтике и «плавал волонтером на мальтийских галерах», ходил по Средиземному морю с эскадрой против турок. После победы над турками, когда пиратство в североафриканских водах ослабло, появились возможности для исследований и налаживания контактов. Капитан-лейтенант Коковцев подошел для этой цели. Под видом простого путешественника на итальянском судне он прибыл в Тунис и был представлен бею... А чуть позже, уже на французском корабле, он отправился и в Алжир. Источником сведений для него служили как личные наблюдения, так и рассказы европейских и африканских купцов. Использовал он и классические, но малоизвестные тогда в России труды об Африке, например книгу Льва Африканского.

В своих трудах Коковцев последовательно проводил свою точку зрения на «варварские народы», оспаривая мнение предшественников о них, как о людях «злонравных, беззаконных и жестокосердных». «Ошибочно, — пишет он, — само утверждение, что североафриканцы превосходят жестокостью и дикостью все европейские народы», — в Калабрии и даже в Сицилии, да и в Испании он видел ничуть не менее жестокие нравы и обычаи. «Упражнения их (тунисцев — *Авт.*) в морском разбое происходит не от злонравия, — заключает он, — но от злоупотребления

тиранского над ними правительства, которое от сего промысла великий имеет выигрыш».

То были довольно смелые для России 80-х годов XVIII века взгляды.

А теперь — на юг.

В конце XVIII века в Капштаде уже можно было встретить русских людей. В 1959 году в Ленинграде, в Пушкинском доме, были обнаружены бумаги: «Африканские дневники, записи и письма из Африки Герасима Степановича Лебедева». Они относятся к 1798—1800 годам. Как он попал в далекую Южную Африку? Будучи музыкантом и человеком легкого нрава, он покинул Европу, побывал в Индии и приплыл оттуда на английском корабле в Южную Африку. Здесь он встретился с Юрием Лисянским, который в числе других молодых офицеров флота был отобран для прохождения практики в английском военном флоте — по указу Екатерины II. Лисянский как-то нехорошо отозвался о Лебедеве: «Мне нетрудно было в несколько часов разговора узнать, что это один из тех характеров, которые не могли жить в своем отечестве от распуства, таскаются по свету, не делая ни малейшей чести нации, к которой принадлежат; коротко сказать, он от долгов уехал из Европы и в точно таком же положении оставил Индию».

Действительно, Лебедев выглядел странно в глазах блестящего морского офицера, у него была устаревшая речь, растрепанные волосы. Но ведь соотечественник, петербуржец! За границу попал с посольством графа Разумовского, взявшего с собой 28-летнего музыканта в Италию. Потом — Индия, не без помощи цесаревича Павла Петровича. Признание таланта в этой далекой стране. Изучение нравов, музыкальной культуры, бенгальского языка... Впоследствии несколько книг... Нет, не прав был Лисянский!

Он добрался до родины и стал работать в азиатском департаменте коллегии иностранных дел. А его коллекцию раковин с интересом рассматривали Жуковский и Вяземский.

Столетие девятнадцатое

XIX век заметно приблизил к нам Черный континент, и эта глава обещает быть самой насыщенной. С чего же начать этот век? Зацепившись за предыдущий сюжет, мы задержимся на крайнем юге Африки, в Капской колонии, крае далеком и неведомом. Познакомиться с ним отечественный читатель смог во многом благодаря сочинениям Василия Михайловича Головина,

замечательного русского офицера, который на шлюпе «Диана» обогнул Африку и долгое время гостил в южноафриканском порту Саймонстаун (тогда он назывался Симансштатт). Пребывание затянулось... на год! Политическая обстановка в мире тогда была напряженная. Англичане из союзников становились противниками, и в тех уголках земного шара, куда направлялась «Диана», это грозило самыми печальными последствиями. В Южной Африке шлюп взяли под неусыпный контроль. И все же капитану удалось под прикрытием шторма вывести в мае 1809 года судно из порта, и оно благополучно пришло в Петропавловск. Потом Головнина ждало еще много приключений — трехлетний японский плен, кругосветное плавание... Но нас больше волнуют его южноафриканские записи. Он оставил превосходное описание Кейптауна (Кап-штата), местных племен и нравов буров:

«В Капском полку все офицеры и унтер-офицеры — европейцы, а рядовые — готтентоты. Они чрезвычайно проворны, имеют верный глаз и твердую руку, а потому стреляют очень метко и так скоро бегают, что в строю офицеры и унтер-офицеры верхами, иначе они не успели бы двигаться за своими рядовыми. Готтентоты имеют один самый важнейший недостаток в солдате: они великие трусы. Свист пушечного ядра, вид убитого товарища тотчас их в бегство обратит; содержатся и довольствуются во всем они наравне с английскими солдатами».

Очень забавны наблюдения Головнина в публичной городской библиотеке:

«На столе увидел я огромную книгу, в которую библиотекарь записывал книги, даваемые им для чтения. Развернув оную, я нашел, что в ней очень мало листов было исписано, и, пока товарищи мои занимались рассматриванием других предметов, я из любопытства стал считать, сколько книг прочитано и сосчитал, что с 1789 по 1808 год, то есть в 19 лет, кап-штатская публика прочитала 87 книг.

Другая странность сей библиотеки не может избежать внимания никакого посетителя и всякого заставит усмехнуться. Это расположение книг на полках по ранжиру. Они расставлены не по предметам, о коих в них писано, не по языкам, на которых они писаны, и не по авторам, кем они писаны, а по величине их формата, таким образом, книги в лист занимают правый фланг, за ними следуют в четверку, и так далее до самых малорослых. А что всего смешнее, то, хотя книги стоят не в глухих шкафах, а на открытых полках, однако ж над каждым отделением прибиты доски с надписями Folio Quarto и проч.»

Автор упорно называет южноафриканские города их старыми, бурскими именами, нарочито «забывая» о новых, английских

ких. То есть заявляет о своем протесте по поводу британских притязаний в Южной Африке. Хотя бурам от него тоже достается — за их жестокое обращение с африканцами...

Нет, не хочется покидать волшебную землю Южной Африки! Перепрыгивая через десятилетия, расскажем еще об одном очевидце южноафриканских берегов.

Из стран, «где в небесах другие блещут звезды», Иван Гончаров, кроме Африки, видел только Яву. Но страны под созвездием Южного Креста покорили его до конца дней. Его книга «На мысе Доброй Надежды», опубликованная в «Морском сборнике», потом вошла в очерки «Фрегат «Паллада». Уж столько об этом написано, и потому остановимся на самом интересном и малоизвестном. Больше месяца жил на Капе Гончаров, и за это время ему удалось совершить значительную поездку в глубь территории. О подготовке ее он рассказал в одном из писем семье Майковых, его друзей: «Ехать завтра ранехонько, — часов в 6 утра, в огромной повозке на 6 или 8 лошадей, как здесь вообще путешествуют. Странно вам это слышать от меня — в ЭКСПЕДИЦИЮ — В АФРИКЕ — ВНУТРЬ КРАЯ — РАНЕХОНЬКО. Я ли это? Да, я: Ив. Ал. — без Филиппа, без кейфа — один-одинехонек с sac de voyage едет в Африку, как будто в Карголово. У меня трость с кинжалом, да и ту, я думаю, брошу — мешает...»

Длилось это десять дней. Весь путь составил 350 километров. Поездка прошла по местам, уже давно заселенным и обжитым белыми колонистами.

Кто же путешествовал вместе с Гончаровым? Капитан-лейтенант К.Н. Посьет, позже адмирал и министр путей сообщения, его именем назван залив в Тихом океане. Весьма образованный человек, впоследствии он опубликовал свои записки о плавании на «Палладе»! Еще — доктор Вейнер, ботаник, Р.А. Пашкевич — географ. Кроме того, будущий градоначальник Одессы П.А. Зеленой, а пока мичман, весело распевавший в саванне русские народные песни. И барон Криднер, интересовавшийся африканскими плясками...

Интересны рассказы Гончарова об «африканских людях». В Винберге, неподалеку от Кейптауна, группа навестила вождя народа коса Сейоло, который участвовал в кафрских войнах против англичан и был приговорен к смертной казни, но потом ее заменили пожизненным заключением. Вождь и его жена вели себя достойно, молча разглядывали друг друга: Гончаров и Сейоло, переводчика не было.

Неожиданной была встреча с соотечественником, волею рока заброшенным сюда, на край света. На пристани Симансштатта моряки «Паллады» услышали: «Здравия желаю, ваше благо-

дие». Оказывается, солдат родом с Орловщины, в 1814 году попал в плен к французам, уехал в Южную Африку, женился, народил шестерых детей, и вот уже сорок лет как здесь...

...Через сто с лишним лет книжку Гончарова издали в Южной Африке «Кап в описании русского». Перевод, правда, неполный, но все равно событие.

И еще об одном путешественнике хочется рассказать. А.В. Вышеславцов, художник, писатель, искусствовед, побывал через несколько лет после Гончарова. Опубликовал книгу в 600 страниц со многими рисунками («Очерки пером и карандашом...»). Он прожил в колонии около трех месяцев и, уже зная то, что написал о ней Гончаров, прослеживал судьбы тех людей, о которых сообщал писатель. Он рисовал всех, но особенно интересны ему были типы небелых — готтентотов и индийцев. «Мир совсем иной, как будто я переехал жить на Луну. Слышу о львах, слонах, тиграх, а наших страшных зверей, волков и медведей, и в помине нет; вижу черных, коричневых и разных цветных людей; в лавках страусовые перья и разные невиданные вещи, палку купил из шкуры носорога...»

Оторванные от родины, отделенные от нее тысячами километров, люди подсознательно продолжают сравнивать местное со своим, российским, даже в готтентотках тот же Гончаров усмотрел сходство с загорелыми рязанскими крестьянками.

Сегодня книга Вышеславцова забыта. А жаль.

Нам придется временно покинуть Южную Африку и снова отправиться на север. В начале века мы застанем Египет под властью лидера мамелюков Мухаммеда Али, чьи отношения с Россией были сложными и менялись год от года. Не вдаваясь в дипломатические тонкости, отметим лишь что в разные годы в Египте побывало множество выходцев из России. Разные то были люди. Одни проявили склонность к художественной литературе и оставили великолепные образчики дневниковых записей, другие были инженерами и после них сохранились лишь сухие отчеты «проделанной работы». Были здесь и художники, и философы, и военные, и археологи, конечно... Мы постараемся, хотя и кратко, познакомиться с некоторыми из них.

Начнем с Осипа Ивановича Сенковского, который, впрочем, заслуживает отдельной книги. (Хотя он уже заслужил ее: Вен. Каверин написал о нем работу «Барон Бромбеус», где большое место уделено детищу Сенковского — его знаменитой «Библиотеке для чтения».) Но этот человек оставил след в истории русской культуры не только этим. «Я не Сенковский, чтобы знать все в мире языки», — писал А. Бестужев-Марлинский, и он не далек от исти-

О.И. Сенковский в 1820-х гг. совершил путешествие от Каира до Северного Судана

ны, характеризуя лингвистические способности молодого востоковеда. Для перечисления всех его профессий и занятий понадобилась бы целая страница, мы же выделим то, что относится к Африке. В той самой «Библиотеке для чтения» этому континенту отводится довольно большое место — 164 очерка, статьи, заметки обо всем, касающемся Африки, в том числе краткая хроника текущих событий.

Он родился на рубеже двух веков в Белоруссии и впитал традиции культуры Западной и Восточной Европы. Его учителями

были такие выдающиеся ученые, как Гроддек, Лелевель и Снядецкий. 19-летний юноша отправляется в путешествие на Восток — в Турцию, а затем в Грецию и Ливан, на полгода задерживается в маронитском монастыре Айн-Тур, изучает классический арабский язык и местный диалект. В 1820-м прибывает морем в Александрию. Потом — Каир, где Сенковский изучает еще и коптский язык. Переодевшись в турецкую одежду и наняв слугу-мальтийца, отправляется вверх по Нилу, не пропуская ни одной достопримечательности. Нынешним исследователям не известно доподлинно, как далеко забрался на юг Сенковский: к сожалению, подлинников дневников не сохранилось, но есть предположение, что крайней южной точкой его путешествия стала область Дар-Махас в Северном Судане.

Дневники Сенковского печатались в «Полярной звезде», и до сих пор наш читатель не знаком с его творчеством. Язык его заметок мягок и поэтичен:

«Молодые люди и все вообще мужчины ходят нагие и носят только передники из белого полотна, связываемые шнурком на спине. Стройный их стан украшается иногда шерстяной шалью, искусно наброшенной на плечи и противоположной цвету их кожи.

Черты лица нубийцев довольно правильны; они весьма отличаются от поколения негров, хотя многие из них похожи на обезьян. Среди народа, не употребляющего одежду, люди получают новые понятия о красоте человеческого тела. Чувство это сохраняют в себе жители тех стран, в коих умеренность климата позволяет освобождать себя от бесполезных и странных тягостей, в которые мы кутаемся. Нубиец принимает без всякого намерения во всех своих движениях и положениях тела вид величавости и благородства самой природы, которых и лучшие наши художники едва могут постигнуть».

А каково описание природы?

«Как прекрасен свет луны! Как величественны сияние звезд и неба! Как прозрачен воздух! Кажется, небесный свод являет здесь в рам смертных самые тайные свои сокровища; на светлом шите месяца будто читаешь и узнаешь новые предметы; горящие пылким огнем небесные светила здесь, кажется, говорят страннику, что каждое из них есть особенное солнце».

В 1824 году парижское Географическое общество учредило приз в несколько тысяч франков тому из европейцев, кто первым достигнет западноафриканского города Томбукту. Им оказался француз Рене Кайс. За год до него там был Александр Гордон Лэнг, но на обратном пути его убили туареги. В конце прошлого века немец В. Мейер составил список всех, кто пытался добраться до этого города — там были и англичане, и немцы, и французы. Но уроженца нашей страны там не было.

Между тем там побывал, как оказалось, некто Варги из Кизляра Астраханской губернии и «Королевская газета» Золотого Берега писала о нем аж в 1822 году! Потом сообщение перепечатала другая газета — в Сьерре-Леоне и только тогда Европа познакомилась с этой историей.

После долгих странствий на Востоке Варги отправился в Африку, посетил Кано, Зарию, Кацину, Замфару — хаусанские и фульбские эмираты Северной Нигерии, а закончил путешествие у границ государства ашанти... Оттуда его доставили в Кумаси, а затем на английскую территорию в Капскую колонию. Англичане, не разобравшиеся в наших национальностях, решили, что перед ними татарин, но скорее всего, речь идет об армянине, армян много жило в Кизляре. Ведь имя у него явно не татарское, а похоже на искаженное Варген.

Некоторые историки, специалисты по Западному Судану, считают его путешествие вымыслом. Единственным из современников, кто, пожалуй, поверил ему, был сам Лэнг, ведь сведения «татарина» совпали с его собственными наблюдениями! Се-

годня в подлинности его странствий уже никто не сомневается. Да, приз Географического общества Франции должен был достаться Варги. Подробный анализ путешествия уроженца Кизляра по Западному Судану сделал Д.А. Ольдерогге в «Африканском этнографическом сборнике» в 1971 году.

Перед тем как познакомить читателя еще с одним блестящим путешественником и литератором, сделаем некое отступление и продолжим рассказ о первых наших эфиопистах. Мы уже упомянули о Симоне Тодорском, а теперь заглянем в век девятнадцатый. В самом его начале в Ужгороде жил священнослужитель и лингвист Михайло Лучкай, перу которого принадлежит знаменитый труд о Карпатской Руси. Но он написал и другую работу — некий «алфавит» со словами на гезз, амхарском и арабском. Составлял он эту тетрадь в Вене, а вот откуда брал материалы — неясно. Очень может быть, что он продолжил свои занятия в Италии, в Лукко, где у него были для этого все возможности.

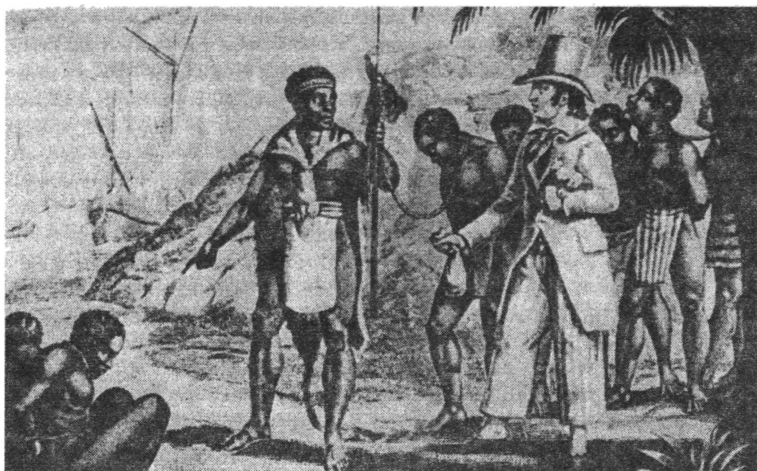
Позже в Киеве работал другой эфиопист — Порфирий Успенский, который собирал эфиопские рукописи и написал работу по эфиопскому христианству.

Ну, а теперь — об Андрее Николаевиче Муравьеве. Детство будущего поэта и путешественника проходило в среде московского и петербургского дворянства, под влиянием известных поэтов той эпохи. Можно с уверенностью сказать, что увлечение Востоком пришло к молодому Муравьеву в Крым, и именно свои крымские стихи он читал Пушкину. А Мицкевич знакомил Муравьева со своими «Крымскими сонетами»...

Вместе с армией он прошагал от Молдавии до Адрианополя и все свободное время тратил на изучение языков. В Стамбуле сделал несколько важных знакомств. И родилось решение ехать в Египет. Десять дней — и он в Александрии. Затем — Каир.

«И нельзя не плениться сею живою картиною Востока, иногда неприятной в частях, но всегда привлекательною в целом, ибо с юных лет воображение устремляет нас в сей чудный край, как бы на родину солнца, где все должно сиять особенным блеском, где мы привыкли черпать поэзию в речах людей, в их первобытных, неизменных нравах, в самой их дикости, которая нам, избежавшим оной, уже кажется дикостью и предметом занимательности... Для любителей Востока, напитанных его волшебными сказками, неоцененное сокровище Каир, в нем нет примеси европейской; каждая черта напоминает край и век халифов, ибо ничто не изменилось наружно».

Муравьев посетил православный монастырь св. Георгия и патриаршее подворье в Каире, где был принят православным пат-

Продажа рабов в Западной Африке

риархом Египта. Его допустили в архив патриархии, где он увидел дарственные грамоты царя Алексея Михайловича и Петра I, его брата Иоанна и императрицы Анны Иоанновны. Далее путь его лежал в Иерусалим, где он тоже встретил африканцев-христиан. И потом — через много стран и городов — в Одессу.

В 1830 году он заканчивает двухтомное «Путешествие по святым местам», которое критики единодушно причислили к лучшим образцам географической литературы первой трети XIX века. За восемь лет книга выдержала четыре издания! Говорят, Пушкин посвятил ей какие-то не дошедшие до нас строки, а Лермонтов написал в доме Муравьева свою знаменитую «Ветку Палестины».

Через несколько лет он пускается в новое путешествие. Но на этот раз в Египет уже не заезжает.

Другое имя неразрывно связано с отечественной африканистикой — Авраам Сергеевич Норов. Судьба этого человека поразительна. 17-летним юношей он участвует в Бородинском сражении и теряет обе ноги. В плену за ним ухаживает личный лейб-медик Наполеона мсье Лярей. После войны Норов надолго остается в своей деревне в Саратовской губернии, учит языки, пишет стихи. Переводит «Божественную комедию» Данте! А с греческого — всего Анакреонта!

Невзирая на увечье, отправляется в первое свое путешествие — по Европе. Посещает Сицилию, где на него уже «дохнула

Африка». Именно здесь, на стыке двух миров, в душе Норова зародилась страсть побывать на Черном континенте. В двухтомной книге о первом путешествии уже чувствуется зрелый исследователь, но, как Рокуэлла Кента манил север, Норова тянуло на юг. Однако до того было еще путешествие в Англию и несколько лет «безвылазной» службы в Петербурге. За это время он общался с Чаадаевым, Пушкиным, Вяземским, Сенковским, Одоевским. И вот — долгожданная поездка на Восток...

В 1834 году он буквально по камешку осматривает египетскую столицу, знакомится с важными чиновниками и даже с самим Мухаммедом-Али. Заслуга Норова в том, что ему удалось зарисовать и описать многие памятники прошлого, которые позже были разрушены.

Позже, в Иерусалиме, он наблюдает африканских христиан — коптов и эфиопов. «Службы разных исповедей не прекращались всю ночь и следовали одна за другой. Я засыпал при протяжном пении латинцев и под звуками тимпанов сириан и абиссинцев».

Вернувшись домой, Норов выпустил книгу о своем путешествии. Ее очень высоко оценили, перевели на немецкий. А вот второй книге — о поездке в Египет и Нубию — повезло меньше. Наверное, она показалась читателю перегруженной археологическим и историческим материалом. Но сегодня именно это и делает ее подлинным шедевром так называемой «литературы путешествий». И тем не менее вот уже 150 лет эта книга ни разу не переиздавалась! Так же, как его замечательные исследования об Атлантиде, написанные под впечатлением поездки по Средиземноморью...

Вчитайтесь в строки, и вы почувствуете аромат Африки, воспетой Норовым:

«Первый шаг на этот берег Африки поразителен для европейца. Это раскаленное солнце и знойный песок, народ черных, их восточная одежда или нагота; эти уродливые и вместе с тем кичливые верблюды, влекущие меха с водой; женщины, подобно привидениям, завернутые в белые саваны, с завешенными до глаз лицами, с пронизательными взорами; то с кувшином на голове, то с нагим младенцем, сидящем верхом на их шее; эти имамы, сидящие, поджав ноги, в глубокой задумчивости, с четками в руках и с молитвами пророку на устах; роскошные мусульманы, едущие то на гордой арабской лошади, то богато убранном осле; слепые и изуродованные нищие, лежащие как бы без чувств и калимые солнцем; этот оборванный изнуренный народ, волнующийся туда и сюда, расталкиваемый палицами янычаров... эти ни на что не похожие переходы, называемые улица-

ми, — все это вам кажется сном, и вы стараетесь увериться в истинности видимого вами».

Со второй четверти XIX века начинается изучение Африки в рамках Русского географического общества. Целая россыпь имен и путешествий! В 40-х годах в Египте работали русские врачи, направленные туда для изучения эпидемий чумы и способов обеззараживания, — А. Уманец, С. Врачко, Черников, Киселев и Полосухин (инициалы последних трех неизвестны). Вслед за ними в Северную Африку отправился молодой талантливый врач А. А. Рафалович, который работал в Алжире и Египте в 1846—1848 годах. В изданиях Общества регулярно печатались материалы о работе экспедиции. Его отчеты сразу перепечатывались в заграничных журналах. Тогда автор сообщений В. Григорьев заявил, что «Рафалович еще одарит русскую литературу и европейский ученый мир сочинением капитальным...» Но — увы... Успел выйти только первый том «Путешествия по Нижнему Египту и внутренней области дельты». В 1850 году путешественник и ученый скончался в возрасте 35 лет.

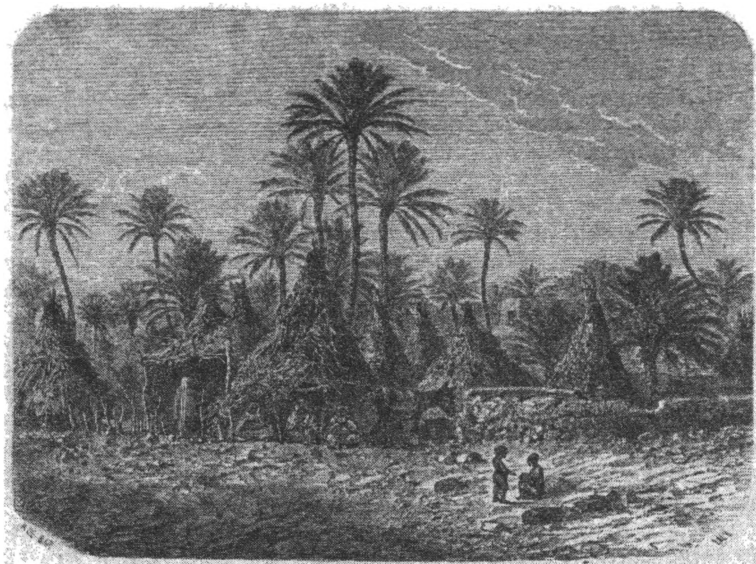
Одновременно с Рафаловичем по Северной Африке странствовал другой естествоиспытатель Э. И. Эйхвальд. В 1847 году он обследовал горные системы Северной Африки и пришел к выводу о геологической связи Северной Африки с Европой. Результаты его исследований были использованы в курсе географии А. Павловского.

Отдельной яркой страницей открытия и исследования Черного континента стало путешествие Егора Петровича Ковалевского. Инженер и дипломат, он оказался первым отечественным «специалистом» в Африке, предоставившим ей неоценимую помощь.

Возможность экспедиции появилась в 1846 году, когда в Россию приехали двое египетских инженеров, «чтобы по-

Е. П. Ковалевский, автор книги «Путешествие во Внутреннюю Африку»

Деревня близ Бискары (Алжир)

знакомится с постановкой золотодобывающей промышленно-сти». Ковалевский повез их на Урал. Там-то и возник план — отправить русскую инженерную миссию в Судан, который в те годы принадлежал Египту...

К концу 1847 года состав укомплектовали: в группу вошли штейгер И. Бородин, золотопромывальщик И. Фомин, ботаник и этнограф Л. Ценковский. В том же году экспедиция уже была в Каире... По дороге, в Константинополе, русский посланник в Турции Титов попросил Ковалевского собрать, что возможно, о работорговле в Судане и Египте.

Вторая половина XIX века наполнена самыми удивительными и замечательными экспедициями во все стороны света. Немалую долю в них занимал и африканский континент. Конечно, чаще всего ездили в северные его районы — с научной целью, как это сделал, например, И.И. Макшеев в 1868 году. Он сделал важные выводы о природном районировании в Алжире, верно оценил возможности гидрографической сети страны. К сожалению, результаты его экспедиции долгое время оставались в тени.

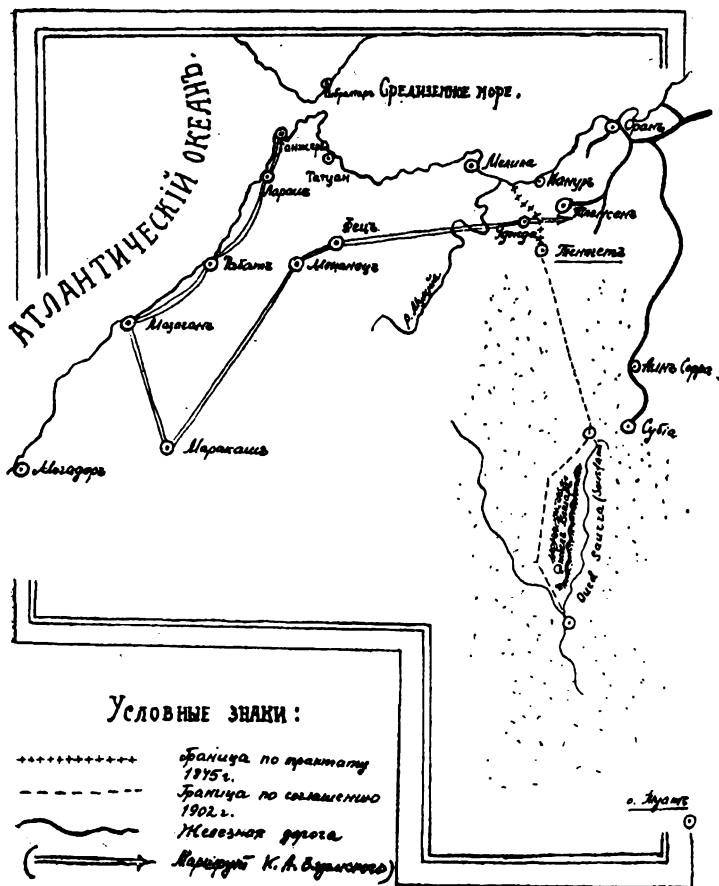
Сцена из жизни кабиллов

Для зоологов Африка была просто раем. А.А. Штраух побывал в Алжире, опубликовал в Петербурге монографию о земноводных и пресмыкающихся этой страны в 1862 году. Его книжка была событием в научном мире. Автор впервые показал, что вопреки установившимся взглядам, фауна Магриба отличается от средиземноморской и тяготеет к остальной Африке. Работу Штрауха тут же перевели на французский язык.

Вслед за Штраухом в Алжире побывал Л.Ф. Костенко, забравшийся слишком далеко в дебри Сахары. Его этнографический этюд о туарегах на несколько лет предвосхитил описания А.В. Елисеева, к экспедициям которого мы еще вернемся. В книге Костенко «Путешествие в Северную Африку» есть интересное сравнение алжирской Сахары с киргизскими степями, то есть он подчеркивает близость природы внутренних районов Северного Алжира не к степям, а к полупустыням нашей страны. Это было окончательно признано в науке лишь в середине XX века!

По Алжиру путешествовал в 1874 году и капитан Генерального штаба А.Н. Куропаткин, прославившийся позже в русско-японской войне уже в качестве генерала и военного министра. Надо сказать, что труд Куропаткина о природе и людях этой страны был довольно высоко оценен Русским географическим обществом.

П.А. Чихачев ездил там же в 1877—1878 годах, и книга о его путешествии вышла на французском языке, но большой пользы не принесла. Куда больших успехов достиг другой исследователь Африки Георг Швейнфурт в 1868—1871 годах, изучая район западнее притока Нила — Бах-эль-Газала. В 1872 году «Известия РГО» писали: «Недавно возвратился на свою родину, в город Ригу, из далекого путешествия молодой естествоиспытатель доктор Швейнфурт, успевший уже составить себе громкое имя в научном мире своими путешествиями и работами... в верховьях Нила».

Маршрут путешествия К.А. Вяземского в Марокко в 1881 г.

Действительно, он побывал в совершенно неисследованных районах, и его работы, изданные в основном на немецком языке, и сегодня представляют большую научную ценность.

Около 1860 года придворным врачом эфиопского императора стал грузинский врач Мерабишвили. Он написал интересный труд по народной медицине и этнографии Эфиопии. О его жизни подробно написал Г. Пицхелаури в статье «Вклад доктора Мераба в медицину Эфиопии», вышедшей в 1973 году.

Африка нередко входила в жизнь людей, обязанных славой другим континентам. Так было с уже упомянутым нами Афанасием Никитиным. Аналогичная история произошла и с Н.Н. Миклухо-Маклаем. В 1866 году он участвовал в организованной профессором Теккелем поездке на Канарские острова — изучал там губок и мозг акул. Возвращаясь обратно, совершил пешеходное путешествие по Марокко. А спустя три года, закончив университет, предпринял уже самостоятельную поездку на Красное море, работал в Суакине и Массауе. Доклады о путешествиях опубликованы в собрании его сочинений.

Дважды ездил в Северную Африку — в 1884 и 1898 годах — известный русский географ, исследователь Средней Азии, Дальнего Востока и Южной Америки М.И. Венюков. Одним из первых профессиональных русских путешественников оказался на Мадагаскаре. В нескольких номерах «Русской мысли» он остро пишет о колонизаторских замашках местных промышленников, ловой эксплуатации дешевой рабочей силы.

Отдельная страница в истории русских исследований Африки — экспедиция Василия Васильевича Юнкера. Он провел здесь целых 11 лет! А если учесть время, которое понадобилось для обработки материалов и осмысления собранного и увиденного, то — полжизни. Ездил он на свои деньги и ни от кого не зависел. Может быть, именно поэтому его экспедиции столь широкомасштабны... С чего же все началось?

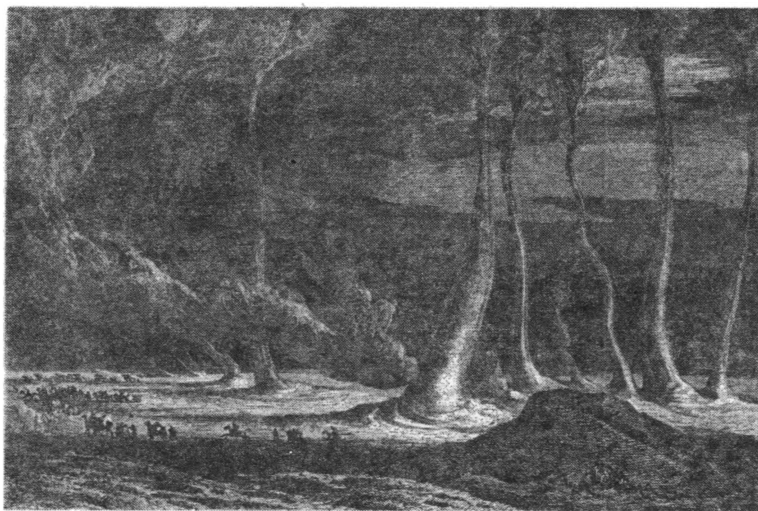

В.В.Юнкер, русский исследователь Африки

В 1873—1874 годах он участвовал в археологической экспедиции в Тунис и там выучил арабский язык. Это помогло ему в дальнейшем. В Париже, на международном географическом конгрессе в 1875 году, он познакомился с выдающимися путешественниками Г. Нахтигелем, Г. Рольфом и Г. Швейнфуртом. «Обмен мыслями с заслуженными исследователями направил мое внимание на страну Дарфур в Восточном Судане, которая тогда стояла в центре географических интересов. Я избрал эту покрытую дымкой опасной таинственности область целью своей будущей исследовательской деятельности», — писал Юнкер. В октябре 1875 года он высадился в Александрии. Началось первое великое путешествие!

Проведя небольшую тренировочную экспедицию по Ливийской пустыне, Юнкер двинулся в Судан. Первый этап — от Суакена до Хартума — принес пользу для географии: удалось нанести на карту нижнее течение реки Бараки. Потом, в ожидании разрешения властей двигаться дальше, в Дарфур, он на пароходе доехал до Хартума вверх по Белому Нилу и по его притоку Собату, таким образом, поправив неверные расчеты французов относительно местоположения этого самого Собата.

Узнав, что Дарфур уже основательно «пошерстили» египетские военные географы, Юнкер решает изменить маршрут — двигаться в Ладю, центральную экваториальную провинцию Суда-

Песчаные смерчи в Сахаре

на, а потом в Макараку, слабо известную европейцам. Не вдаваясь в детали, отметим лишь, что Юнкер сделал целый ряд выдающихся открытий: доказал, что бассейн Нила не соединяется с бассейном Конго, открыл истоки реки Уэле, выяснил истоки рек Иеи и Поль. И — очень важно! — собрал обширную этнографическую коллекцию, которую и доставил в Россию, вернувшись сюда в сентябре 1878-го... (Правда, коллекция сильно пострадала при перевозке.)

Прошел год — и он снова ступил на африканскую землю в той же самой Александрии, что и четыре года назад. На этот раз Юнкер стремился узнать как можно больше о реке Уэле — принадлежит ли она к системе Конго или к Шари. В пользу Конго вроде бы говорили результаты исследований Камерона и Стенли.

Путь экспедиции проходил вдоль водораздела Нил — Конго. Сначала по нильской, а потом по конголезской сторонам. Вождь народности занде Ндорума встретил русского путешественника и помог ему основать базу для дальнейшего странствия. Именно отсюда, с берегов реки Вере, он совершил длительные маршруты в разных направлениях.

Пребывание в тропических лесах, перепады климата сказались на здоровье. «Вчера я с тяжелым сердцем понял, — записал он в дневнике, — что Непоко — конец моего дальнейшего продвижения. Больной организм потерял способность сопротивляться болезни...»

Он намеревался уезжать вслед за своим спутником, немцем Бондорфом, но дорога через Бахр-эль-Газаль была прочно перекрыта: в Судане разгоралось махдистское восстание. Лишь в октябре 1884 года ему, после нескольких лет скитаний, удалось выйти на побережье Восточной Африки на широте Занзибара. Прекрасным итогом его многолетних путешествий стал трехтомный труд, который в полном виде русский читатель до сих пор так и не увидел...

Немного в стороне — в прямом смысле слова — оказывается экспедиция С.Л. Шольца-Рогозинского, молодого мичмана первого флотского экипажа русского флота. Автору проекта экспедиции было всего 22 года, а у него за плечами имелось уже кругосветное плавание на крейсере «Генерал-адмирал» в 1879—1880 годах! И именно тогда он впервые побывал на берегах Африки, которые заворожили молодого поляка. Орбитой исследований он выбрал Камерун, одну из самых малоизученных — и сейчас! — стран экваториальной Западной Африки.

Покровительство над предприятием взяло на себя на два года Русское географическое общество, и ради этой поездки Рогозинский оставил флот, выступив как частное лицо. Но денег у него не

Мичман
С.Л. Шольц-Рогозинский,
исследователь
Западной Африки

было, и нужно было собрать средства по подписке и путем благотворительных взносов, что и было сделано. Немалую помощь молодому соотечественнику оказали писатели Б. Прус и Г. Сенкевич.

С ним в Африку отправились еще четверо поляков. Двое — Томчек и Янковский, геолог и метеоролог — остались с ним до конца, а двое других устроились по прибытии в Камерун.

В самом конце 1882 года на купленном во Франции паруснике вышли из Гавра. Шли с остановками на Мадейре, Канарах, в Либерии, Береге Слоновой Кости, Золотом Береге и бросили якорь в порту Санта-Изабель на острове Фернандо-По в Гвинейском заливе. Потом потихоньку перебрались на континент и сделали опорный пункт вблизи сегодняшнего города Виктория. На лодках поднялись по реке Мунго до области Букунду. Потом после пешего марша открыли большой водопад. Здесь Рогозинский поранил ногу, и путешественники вынуждены были исследовать окрестности без него.

«В глухих лесах слоны так изобилуют, — писал путешественник, — что походы в них всегда опасны... я вернулся в Букунду с такими израненными ногами, что раны до сих пор гноятся. Здесь очень тяжело. Я не в состоянии покинуть Букунду».

Обратный путь держали вдоль восточных склонов вулкана Камерун. На базу вернулись к новому, 1884-му году.

За время экспедиции Шольцу удалось установить дружеские контакты с местными племенами. «Сначала, — пишет он, — они в великой панике бежали перед неведомыми людьми, но потом становились нашими друзьями». Он отмечает, что никогда не сталкивался со случаями враждебного отношения.

Важным этапом стали топографическая съемка побережья и восхождение на вулкан Камерун. Больше оставаться в стране они не могли. От тропической лихорадки умер спутник Шольца —

Томчек, началась тяжба с новыми хозяевами Камеруна — немецкими колониальными властями, аннексировавшими страну в июле 1884-го.

Рогозинский написал о своей экспедиции книгу и несколько статей, но, к сожалению, русскому читателю они неизвестны, ибо с польского не переводились.

Но он все-таки вернулся в Африку! Уже вместе с женой Еленой, снова поселился на Фернандо-По и прожил там около пяти лет, а тем временем его бывший спутник Л. Янковский изучал Хрустальные горы в Габоне. Материалы, собранные Шольцем-Рогозинским, использовал в работе знаменитый географ Э. Реклю при подготовке труда «Земля и люди».

Малоизвестная страничка исследования континента — деятельность эстонских африканистов.

Эстония и Африка... Контакты их, как это ни странно, начались достаточно давно — с конца XVIII — начала XIX века ведет свое начало эстонская африканистика, оставившая немало имен в созвездии первооткрывателей Черного континента.

Если вспомнить просветителей, Африкой интересовался крупный деятель эстонской культуры Ф.-Г. Крейцвальд, который регулярно выписывал и читал книги о путешественниках, например записки француза Лаба, повествующие о странствиях по Западной Африке в конце XVIII века. Первый том своих «Картиң Земли и моря» Крейцвальд в 1850 году почти целиком посвятил Африке.

Но то были знания из вторых рук. Поехать в Африку тогда было делом совсем не простым. Из Эстонии туда вела только одна дорога — через миссионерские школы Базеля, Лейпцига и Хельсинки.

И все же они есть — дошедшие до нас имена эстонских исследователей Африки. Все они в какой-то мере явились первооткрывателями. Одни изучали языки, до сих пор неизвестные европейцам. Другие собирали коллекции предметов быта, ставшие впоследствии украшением лучших эстонских музеев. Расскажем об этих людях подробнее.

На хуторе Туйсу имения Алло Эстляндской губернии маленький Ханс Тийсман, крестьянский сын, впервые прочитал об Африке в «Эстонской еженедельной газете». Тогда же зародилась у него мечта о дальних странствиях. Но едва мальчик подрос, ему пришлось отрабатывать в имении хозяина. Потом — аптека в Ревеле, служба в армии: Тийсману было уже за тридцать, когда он смог, наконец, поехать учиться в Базель. Любимым учителем Ханса был выдающийся знаток африканских языков, путеше-

**Работорговля в Восточной Африке
находилась в руках суахили с Занзибара и арабов**

ственник Йозеф Людвиг Крапф, который основал первую миссионерскую станцию близ Момбасы, в прибрежном районе Кении.

В конце 1865 года Тийсман впервые ступает на берег незнакомого континента. К сожалению, до нас не дошел архив исследователя, и мы не можем восстановить по крупницам африканский период жизни этого замечательного человека. Осталась написанная им книжка, изданная 17 лет спустя в Ревеле: «Цветок Африки, или блаженные дни одной девушки галла Паулийне Фатх-ме из Африки»...

«Та земля народа галла расположена в Восточной Африке. Та земля народа галла — это милая, родная и изборожденная реками и, благодаря горам и долинам, также очень красивая и здоровая земля».

«По росту это люди высокого телосложения, с приятным лицом, высоким лбом, кротким характером, немного тонкими губами и мягкими длинными кудрявыми волосами. У них суть мудрости — предприимчивая решимость и дружелюбие, но и гордость, читаемая также в их характере, лице и взоре». Как не вяжутся эти строки из книги Тийсмана с иными, более поздними свидетельствами первых европейцев, оставивших воспоминания о кровожадных безжалостных дикарях...

Вышеприведенные описания племени галла, тексты на их языке и сведения о религии стали первыми в России того времени, а нотная запись песни галла — первой в мире.

Одна из глав книжки называется «Немного об охотниках и похитителях людей и о работорговле». Этот рассказ о деяниях арабских купцов, торговцев живым товаром, о караванах, тянувшихся из глубинных районов к побережью. «Рабов ставят в ряд, одного за другим, и приковывают цепью к длинному бревну, размещая на расстоянии 4—5 шагов друг от друга: возможность достать рукой до стоящего впереди или позади, таким образом, исключается». Тийсман был не одинок в наблюдениях за ужасными проявлениями эпохи работорговли, об этом писали многие русские путешественники...

Большое место в книге отведено истории девушки по имени Ганаме. Потерявшая отца в одной из племенных стычек, она была захвачена арабскими торговцами и уведена в рабство, двенадцать раз перепродана, обращена в мусульманство, подарена пашой заезжему барону и вновь крещена в Германии, где и умерла от чахотки на 24-м году жизни.

Как удалось выяснить историку А. Дридзо, Тийсман был единственным человеком в России того времени, кто владел тремя африканскими языками — суахили, киньяка и галла. Он же стал

Воинственный танец масаев

пионером коллекционирования предметов быта этих племен. Собранная им коллекция хранится сейчас в Государственном историческом музее Эстонии, а книга «Цветок Африки» — в библиотеке Эстонского литературного музея в Тарту.

Одновременно с Тийсманом в Африке побывал еще один эстонец — Юрий Юрисон. Совершая кругосветное путешествие на корвете «Аскольд» в 1865—1866 годах, он три недели провел в Кейптауне. В своих южноафриканских зарисовках Юрисон оставил интересные сведения о зулусах и готтентогах. Он стал родоначальником жанра путевого очерка в Эстонии. Предполагают, что Юрисон писал по-русски и что именно ему принадлежит статья в «Морском сборнике» за 1866 год, озаглавленная «От Лисабона до Кейптауна» и подписанная: «Молодой моряк».

Тийсман и Юрисон — не единственные эстонцы, связавшие свои судьбы с Африкой. Их было еще четверо — Овийр, Блумен, Туттер и Рейш.

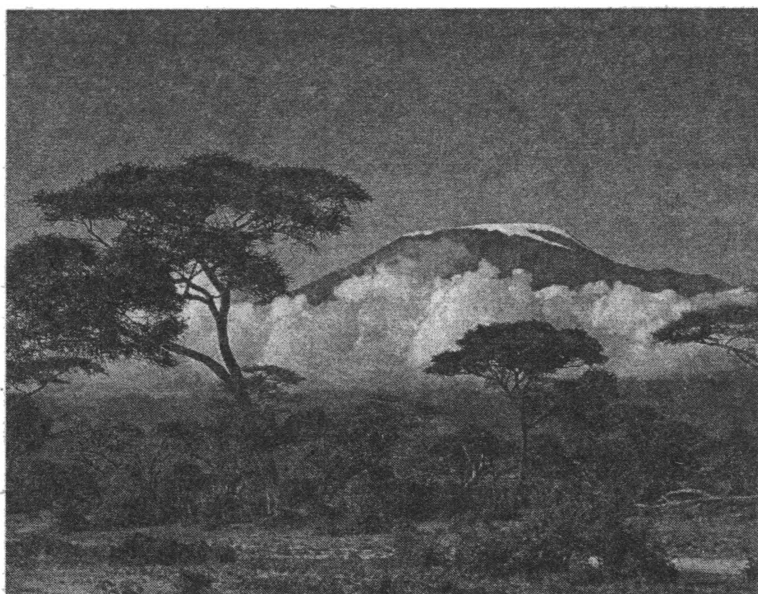
...Вот уж действительно странно: идея написать об эстонских африканистах родилась на Сааремаа, в средневековом замке Кюресааре, где расположился краеведческий музей. Нет, там не оказалось ни документов, ни схем маршрутов, ни рисунков, сделанных этими отважными людьми. Но там есть коллекция чучел перелетных птиц, гнездящихся на острове, — турухтан, вяхирь, саджа, дупель, галстучник. Большинство из них на зиму улетают в Африку, более того — в Сахару. И — о чудо! Розовый фламинго. Его добыли однажды неподалеку в заливе. Стаи этих грациозных птиц окрашивают в нежный розовый цвет поверхность кенийских озер. Кения, знаковая эстонцам по запискам соотечественника Эвальда Овийра.

Питомец миссионерской школы Лейпцига Эвальд Овийр избрал местом своей работы массив Килиманджаро, на склонах которого до сих пор живут племена джагга, занимающиеся земледелием. Летом 1895 года он ступил на африканский берег и скоро проявил себя незаурядным лингвистом и этнографом. Используя любую возможность, совершенствовался в суахили, опубликовал исследование о его глагольной системе, которое, кстати, не потеряло значения и до сих пор. Составил словарь языков банту, готовил сборник сказок и загадок. В августе 1896 года он погиб вместе с другим исследователем при нападении воинственного соседнего племени.

Прошло одиннадцать лет. В 1907 году в Африку прибыл другой эстонский миссионер — Леонхард Блумер, сын учителя из Куусалу. Он поселился южнее того района, где погиб Овийр. Прожив здесь 23 года, он изучил язык и нравы масаев. Он же составил букварь на языке этого народа. А. Дридзо в свое время предпринял поиски этой книжки Блумера, считавшейся безвозвратно утерянной: букварь не значился в каталогах ни одной крупной библиотеки мира, а тот, что имелся в одной из церквей Тарту, погиб во время фашистской оккупации. И вот обнаружилось два экземпляра. И в букваре там есть такие названия: Волга, Россия, Вильна, Ревель. Масаи знали о них! Умер Блумер в 1938 году на острове Сааремаа...

Рихарда Рейша, учителя из Тарту, изучавшего в Дерптском университете восточные языки, тоже поманила Африка. В 30-е годы он составил на языке суахили учебники арифметики и географии.

Хендрик Туттер стоит несколько особняком. Он жил и работал в Юго-Западной Африке. В 1903 году прибыл туда после окончания хельсинкской миссионерской школы. Собранные им данные о быте и нравах народа овамбо разбросаны по разным изданиям тех лет.

Вершина Килиманджаро — визитная карточка Черной Африки

На конец XIX века приходится целый ряд самых различных экспедиций в Северную и Северо-Восточную Африку. Несомненно, самым значительным событием в истории путешествий того времени стали поездки Александра Васильевича Елисеева и Александра Ксаверьевича Булатовича.

Итак, Елисеев. Сказать, что это имя у нас неизвестно, мало. В нашей стране, пожалуй, кроме Ливингстона и Стенли, вообще никаких путешественников, имеющих отношение к Африке, не назовут. Ну разве что Брема. Между тем, до революции его труды печатались в столичных журналах, а вышедшее четырехтомное сочинение «По белу свету» наделало много шума в читательских кругах. Но то было уже после смерти ученого и путешественника. За свою недолгую жизнь — а он прожил с 1858 по 1895 год — Елисеев предпринял целых пять путешествий в Африку. Конечно, он не был первым. И тут вот какое представляется уместным отступление. Детство Елисеева прошло в Финляндии, в Свеаборге. Много колесил по Прибалтике молодой Саша Елисеев. Бывал в Эстляндии. Конечно, трудно допустить, что он встречался там с эстонскими африканистами, но кто знает — отчего пустился в

А.В. Елисеев,
русский исследователь
Северо-Восточной Африки

неведомое? Кто толкнул на странствия? Может быть, Саше попалась в хорошей библиотеке кронштадтской классической гимназии «Прекрасная книга рассказов и поучений Ф. Г. Аврелиуса», вышедшая в Ревеле в 1781 году? Сведения там кратки и обрывочны, мол, есть такая страна — Африка и живут там люди с темным цветом кожи. Более подробно узнать о ней можно было из другой книги — «Ежегодника для селян», издаваемого просветителем С. Мазингом.

«Чтение географических сочинений, путешествий, чудные картины тропического мира, вольная жизнь сыновей природы, охотничьи приключения во всех странах света, — пишет А. Елисеев, — все это падало на богатую почву и давало плоды сторицей». Когда он оставался один на один со своими мыслями, то жил среди всех этих героев, вместе с ними бродил по девственным лесам, носился по морям и океанам. И по мере возможностей старался осуществить свои мечты, предпринимал небольшие экскурсии.

Все почерпнутое из книг он старался увидеть и изучить на деле. «Я стал естественным с головы до ног», — признается молодой человек. Ему была чужда политика. Его влекла лишь жажда странствий. «То чувство, та идея, какие влекут человека в таинственную даль, на нужды и лишения, должны быть не выжиты из него насильно, они должны родиться с ним, быть взлелеянными им «от младых ногтей» и наполнить все его существование...»

По окончании гимназии он поступил в Петербургский университет на естественно-историческое отделение, потом занимался врачебной практикой, опять много ездил. «Ему (путешественнику — *Авт.*) кажется, — говорил Елисеев, — что, скитаясь по пустыням, он исполняет свой долг, исполняет то, что ему назначено судьбою, с чем связано все его существование. Не слава, не гордость, не авантюризм влекут его вперед: эти чувства

и не должны владеть отправляющимся в дальний путь; он должен быть трезв мыслью, далек от всяких других побуждений, кроме чистой идеи, в пользу которой он несет все свои лучшие силы, весь свой ум, часть своей жизни...»

И вот начинаются странствия. Впрочем, они не прекращались с детства. Еще студентом, с 400 рублями в кармане, он отправился в Египет: дошел до первых порогов, посетил Фивы, затем вернулся в Каир. Через пустыни дошел до Палестины по маршруту древних евреев, стремившихся в землю обетованную. Длилась эта экспедиция семьдесят дней и в результате появилась книга «Путь к Синаю».

После окончания Медицинской академии в 1882 году он едет в Северную Европу, проезжает всю Скандинавию, поступает на службу и опять отправляется, только теперь уже в качестве врача, сначала на Кавказ, потом в Туркестан, затем — в Финляндию и Эстляндию...

Проходит время, и он по поручению Палестинского общества отправляется с паломниками в Палестину и пишет подробную книгу о мытарствах русских мужиков во время странствия. Невзирая на трудности этого путешествия, он добился еще одного: через Грецию, Италию и Сицилию добрался до Триполи, оттуда попал в Тунис и Алжир. Провел 65 дней в Сахаре, исследовал туарегов, собрал интереснейший антропологический материал и потом уже вернулся через Испанию и всю Европу домой, в Россию.

Надо сказать, что сведения, собранные Елисеевым о туарегах Сахары, до сих пор остаются важным источником информации для современных ученых, ибо после Александра Васильевича никому из наших соотечественников не удавалось добыть такой уникальный экспедиционный материал о племенах Алжира.

За Африкой в его планах снова следует Азия. И опять по поручению Палестинского общества: отыскивать пути пешеходных странствий в Священную землю. Но было задание и от Географического общества — антропологические наблюдения за народами Востока. Выполняя оба поручения, Александр Васильевич не преминул посетить и те места, где не был раньше, например, древнюю Троию, где как раз в те годы вел раскопки легендарный Шлиман, а также гору Афон.

На этом география странствий Елисеева не закончилась. Весной 1889 года министерство внутренних дел предложило ему в качестве врача сопровождать переселенцев из Одессы во Владивосток. Так Елисееву удалось посетить Уссурийский край, Японию и даже... Цейлон! А в следующем году была Персия и многочисленные поездки по России.

Два последних вояжа Елисеева навсегда связали его с Африкой. В 1883 году он попытался обследовать в Судане плато Дар-фур и Кордофан, а также некоторые районы Ливийской пустыни. Но из-за военных действий экспедиции пришлось буквально спастись бегством.

Последнее сафари — экспедиция в 1894—1895 годах в Эфиопию вместе с Н. Леонтьевым и К. Звягиным. Из неофициальных удач можно назвать контакты с расом Маконеном, наследником негуса Менелика, который весьма радушно отнесся к Елисееву и его спутникам. Он поручил ему отвезти в подарок русскому государю свой большой портрет и живого льва, что тот и выполнил. А что касается официальных научных результатов, то можно упомянуть успехи в картировании некоторых районов, богатые коллекции зверей, птиц и насекомых, этнографические, антропологические и метеорологические наблюдения.

Александр Васильевич вернулся из Абиссинии несколько раньше своих спутников и очень хотел побыстрее отправиться обратно. В мае 1895 года он сделал в Географическом обществе доклад о последней поездке, а позже почувствовал себя плохо. Думали, что это обычная простуда, но дело обстояло иначе. Разный круп передался от ребенка, которого доктор Елисеев обследовал накануне. 21 марта он скончался в возрасте 37 лет...

Нашлись люди, которые попытались обвинить Елисеева в том, что за свою жизнь он будто бы ничего не сделал, только ездил и наблюдал. И ставили в пример того же Пржевальского, добившегося больших результатов. Но разве вообще можно сравнивать этих людей? Один пробирался сквозь африканские джунгли и пески, что называется, без рубля в кармане, а другой получал щедрые суммы от военного ведомства... Вот как ответил этим людям сам Елисеев:

— Невольная ошибка этих и подобных критиков заключается в том, что они привыкли иметь дело с богато организованными во всех отношениях экспедициями, привыкли пользоваться многочисленными результатами и коллекциями, добытыми затратой значительных денежных средств, и совершенно не представляют себе того способа, которым я совершал и буду, вероятно, совершать свои экспедиции в самых отдаленных и негостеприимных странах. Пробираясь обычно в одиночку или с одним проводником, нередко неся на себе весь багаж, делая целые сотни верст пешком, частенько голодая, не говоря уже о полном отсутствии всякого комфорта... я, разумеется, не мог и думать вести с собой разные инструменты для производства тех или иных научных наблюдений...

Исследователь умер, не успев выполнить задуманных планов. За свой неустанный поиск он награжден золотой медалью Общества естествознания и медалью РГО. Он немного не дожил до вершины своей карьеры путешественника, но его дело было суждено продолжить другим.

Для Н.С. Леонтьева, который сопровождал Елисеева в экспедиции 1894—1895 годов, эта поездка была далеко не последней. Он неоднократно бывал в Абиссинии. Негус даже назначил его военным советником во время итало-абиссинской войны 1895—1896 годов. К сожалению, сведений о более поздних его странствиях не осталось, разве что некоторые документы в рукописном отделе Института востоковедения АН СССР, которые еще ждут своих исследователей. Но был и дневник, который впоследствии превратился с помощью одного журналиста в книгу «Император Менелик и война его с Италией. По документам и походным дневникам Н. Леонтьева». Журналист, добросовестно описавший ход войны, однако, переусердствовал, оценивая «выдающуюся роль в ней Леонтьева». Впрочем, у него имелись для этого кое-какие основания. Дело в том, что император назначил его не больше-не меньше правителем присоединенных экваториальных областей. Благодаря этому Леонтьев мог совершать интересные поездки к озеру Рудольфа в 1899 году.

В состав этой его экспедиции вошли помощник Н.Н. Шедевр, лейтенант Багичев, несколько казаков из конвоя миссии и драгуны. Главный отряд экспедиции обследовал область Уба, среднее течение реки Омо, а отряд Шедевра направился на запад от озера Рудольфа. Сам Леонтьев вплотную занялся делами управления в провинциях, размещал там гарнизоны абиссинских стрелков, строил крепости. Попутно собирал этнографические коллекции. Часть их сейчас находится в Музее антропологии и этнографии. Особенно много в ней оружия — и это неудивительно, ведь путешественник по долгу службы общался в основном с военными...

Сейчас мы обратимся к центральной фигуре русско-эфиопских отношений, российскому путешественнику по Абиссинии № 1.— именно так называют этого человека географы.

Его имя стоит в ряду исследователей Африки особо, и биография его заслуживает большой неторопливой книги, а не места в калейдоскопе событий, имен и дат. Александр Ксаверьевич Булатович. Мы лишь прикоснемся к эфиопскому периоду жизни этого замечательного человека. Хотя вернее было бы назвать «эфиопским периодом» всю его жизнь!

А.К. Булатович, исследователь
Абиссинии (Эфиопии)

Впервые он познакомился с Африкой в 1896 году, когда прибыл сюда вместе с отрядом Русского Красного Креста, чтобы оказать помощь раненым в итало-эфиопской войне. Перед поездкой обратился к В.В. Болотову*. По прибытии он попросил у властей разрешения обследовать западные районы и совершил три поездки, которые описал в книге «От Энтото до реки Баро». Было положено начало обследования рек Омо, Баро, Аваш, Голубой Нил. Уточнилась схема водоразделов между бассейнами притоков Голубого Нила, Собата, а также рек Омо и Аваш.

Булатович входит в состав первой русской дипломатической миссии. Удивительно то, что все ее члены оказываются исследователями и оставляют много ценных трудов по этнографии, географии, антропологии и медицине Эфиопии.

Сопровождая армию, Булатович проходит по неизведанным областям страны. Результаты этих походов находят выражение в книге «С войсками Менелика II». Первым из европейцев он пересекает Каффу и составляет оригинальную карту области... Новые поездки, планы, записки. Жизнь складывается необычно. Булатович оставляет военную службу и науку и уходит в религию. Но это не мешает ему вновь отправляться в Эфиопию — и не однажды!

На закате жизни известный отечественный историк И. Кацнельсон предпринял интересные архивные розыски — по сле-

* Выдающийся русский эфиопист В.В. Болотов происходил из духовной среды. С эфиопским языком он столкнулся еще в духовной семинарии, когда ему по ошибке вместо нужной книги выдали грамматику с эфиопским шрифтом. Болотов оказался первым знатоком амхарского языка, и когда в 1896 году в Эфиопию отправляли отряд Русского Красного креста, к нему обращался Булатович — «какую бы грамматику и лексикон... достать».

дам третьего и четвертого путешествий Булатовича в Эфиопию. Ученый не успел довести их до конца, но собрал многие документы, относящиеся к 1899—1900 годам, когда путешественник уже завершил вторую поездку и прочитал в Петербурге блестящий доклад «Из Абиссинии через страну Каффу на озеро Рудольф». Напутствуемый лично Николаем II, Булатович выехал 10 марта 1899 года в Одессу, а в апреле снова оказался в Эфиопии. В мае после удачного караванного перехода он уже въехал в Аддис-Абебу.

Обстановка в те годы в Северо-Восточной Африке была тяжелой. Англичане основательно закрепились в Судане и вынашивали планы строительства трансконтинентальной железной дороги Каир — Кейптаун. Правда, самой Эфиопии они не угрожали. Однако опасность в воздухе витала. Русские военные советники давали императору Менелику II действенные и умные советы, как избежать конфронтации на границах страны. Император решительно возражал против того, что через его земли пройдет линия железной дороги.

Булатовичу удалось с одним из отрядов отправиться в Бени-Шангул, чтобы заняться геофизическими съемками района — настоящего белого пятна на карте страны. Пробыл он в той поездке четыре месяца, много писал, но большинство записей до сих пор не обнаружено. И. Кацнельсону удалось выяснить, что после трагической гибели Булатовича в ночь с 5 на 6 декабря 1919 года бумаги из его имения пропали, а архивы прусского посольства в Эфиопии оказались разными путями в Париже и в 1940 году сгорели во время налета фашистской авиации.

Те обрывки, что уцелели, свидетельствуют о бесконечных трудностях, которые приходилось преодолевать Александру Ксавьерьевичу в его странствиях. И еще — о глубоком его интересе к жизни населения самых различных районов государства. Его симпатии неизменно были на стороне эфиопов.

Нельзя не упомянуть одной примечательной черты Булатовича — он был человеком увлекающимся, в чем-то идеалистичным. Это наиболее явно проявилось во время его четвертого путешествия в 1910—1911 годах, о котором известно ничтожно мало. Мы знаем лишь, что он совершил его уже будучи постриженным в монахи. К сожалению, донесения его дошли до нас лишь в копиях, которые делал начальник русской дипломатической миссии П. Власов.

Придерживаясь линии на невмешательство ни в какие африканские дела, Власов писал в Петербург о Булатовиче, что тот «задался, на первый взгляд, безумными и неосуществимыми планами, наваянными ему объездами крайней западной границы

Эфиопии и личным знакомством с положением дел в оной». О самом путешественнике русский дипломат писал:

«...он... обладает большим запасом, вернее, избытком как смелости, решимости и терпения, так и сил физических и интеллектуальных и энергии; независимо от этого он усвоил хорошо как эфиопский язык, так и нравы, и обычаи, образ жизни эфиопов...»

В одной из бесед с Власовым Менелик лично выразил восторг и удивление деятельностью штаб-ротмистра Булатовича, его не знающей утомления жизненной энергией, выносливостью и привычкой ко всяким лишениям. «Нельзя не заметить, — писал Власов, — что указанный офицер... всецело удержал среди абиссинцев установившуюся за ним заслуженную репутацию замечательного лихого кавалериста, неутомимого, бесстрашного и беззаветно преданного делу и тем самым доказал блестящим образом не одним абиссинцам, но и всем европейцам, находящимся здесь, на какие подвиги самоотвержения способен офицер, вышедший из русской школы».

Кроме дельных политических рекомендаций Булатович — и это особенно ценно — собрал огромный этнографический и географический материал. Большая часть его, к сожалению, до нас не дошла.

Работа русского путешественника не могла остаться незамеченной в Европе. Англичане неотступно следили за каждым шагом Булатовича. В прессе сообщалось о «французско-русских агентах», которые толкают императора на захват части долины Нила. Вернуться на родину через Судан британцы ему не позволили. «Этот человек, штаб-ротмистр Булатович, очень энергичный и знающий, его следует остерегаться», — писал английский резидент в Эфиопии Гаррингтон.

По прибытии в Петербург он очень скоро был откомандирован на Дальний Восток в распоряжение командующего войсками Квантунской области. Душевный кризис и какие-то неизвестные нам обстоятельства побудили офицера постричься в монахи, не дали ему возможности опубликовать последние собранные материалы...

Кроме Булатовича, в составе первой русской дипломатической миссии в Эфиопии находился еще один путешественник и географ — Л.К. Артамонов, член Географического общества, исследователь Кавказа и Средней Азии. В начале своего африканского путешествия он исследовал район Джибути, а в 1908-м отправился из Аддис-Абебы на Запад, чтобы проделать картографическую рекогносцировку бассейна реки Собаты — от границ Эфиопии до впадения ее в Нил. Он проделал буквально титани-

ческую работу, в результате чего был выяснен весь гипсометрический профиль Северо-Восточной Африки — от Красного моря на широте Джибути до Белого Нила близ устья Собаты. Материал поместился в 22 книжках-дневниках.

Подводя итог работы Артамонова, сотрудник Географического общества А. Большов написал, что на реке Джубе он оказался первым европейским путешественником, а на реке Собате, на развалинах крепости Наср его работы примыкают к исследованиям Юнкера, бывшего здесь в 1876 году.

В Петербурге Артамонов выступил перед Географическим обществом с рассказом о странствиях и был удостоен золотой медали имени Ф. П. Литке.

В 1899 году Артамонов обратился в совет Географического общества с ходатайством наградить его помощников по экспедиции Василия Щедрова и Василия Архипова, которые «оказали широкое содействие при сборе разного рода сведений о стране и населении», а также участника первой русской дипмиссии К.Н. Арнольди. «В период с марта по декабрь мы считались погибшими, — писал Артамонов, — на розыски наших следов вызвались отправиться в Абиссинию некоторые из офицеров, уже бывших в этой стране». В их числе оказался и Арнольди.

Просил Артамонов отметить и отставного казака Ивана Демченко, и переводчика галла Ато Фаиса. И все они были награждены!

Артамонову удалось напечатать только одну короткую работу — «Русские в Абиссинии» в журнале Общества ревнителей военных знаний в 1899 году, а вот Арнольди выпустил в 1907 году очень интересную книгу «Военные очерки Абиссинии», в которой, в частности, есть такие строки: «Можно даже сказать, что любовь к родине и привычка гордиться своей народностью отличают абиссинцев среди всех народов Африки... Амара-гань — я абиссинец! — говорит он, подразумевая всех живущих на Абиссинском плоскогорье и владеющих эфиопскими наречиями, и это слово «амара» звучит в его устах как символ всего хорошего, храброго, разумного... Недаром сложилась песня у ашкеро-Менелика: У тебя есть дочь Заудиту, у тебя есть страна Итиопия, чего же лучшего ты хочешь желать?»

В наших связях с Африкой — множество белых пятен. И вовсе не обязательно загадки задают там только древность и средневековье. Как много тайн хранят архивы о временах не столь уж отдаленных! Фонды министерства юстиции, иностранных и внутренних дел, контор великих князей, Александро-Невской лавры, Синода — там находятся уникальные материалы о том, как

зарождались русско-эфиопские связи в середине XIX века, главным образом, на основе общей религии. Но не только это было поводом для тесных контактов.

В Центральном государственном военно-историческом архиве, в фондах Военно-медицинской академии, Красного Креста, Военно-учетного архива и Главного артиллерийского управления имеются послужные списки врачей, работавших в Эфиопии, отчеты о деятельности санитарного отряда Шведова. Трехтомное дело департамента полиции Центрального государственного архива Октябрьской революции хранит обширные данные об экспедиции Ашинова в 1889 году... Да мало ли еще уникального, нетронутого материала!

Ну вот хотя бы дело казака Николая Ашинова. Он был тесно связан с торговыми кругами Нижнего Новгорода, а нижегородские купцы усиленно интересовались эфиопским рынком — хотели наладить торговлю с Африкой! Они-то и финансировали его поездки, которые, кстати, долгое время подвергались сомнению, пока в архивах не обнаружили дело «По отношению министерства иностранных дел о прибытии в Россию из Абиссинии иеромонаха Григория и дьякона Михаила. Здесь же о деятельности вольного казака Николая Ашинова в Абиссинии». Донесение коллежского асессора Щеглова из Каира в 1888 году. По его сведениям, Ашинов просил разрешения представиться негусу. Но тот затребовал рекомендательное письмо российского правителя. Не получив такого, негус выслал Ашинова из Абиссинии.

Вернувшись после неудачной попытки установить контакты, тот, недолго думая, начал готовить вторую экспедицию. В том же, 1888, году отряд Ашинова живописно расположился лагерем на берегу Таджурского залива, необычайно встревожив французские колониальные власти. Французы с крейсеров обстреляли лагерь, было убито несколько человек. Ашиновцы снова вынуждены были вернуться — через Порт-Саид на русских судах в Севастополь и Одессу.

По возвращении неугомонный Ашинов издает абиссинскую азбуку и абиссинско-русский словарь. И то и другое неважное с научной точки зрения. Впрочем, имелись и более ценные сведения, например записки участника экспедиции капитана Нестерова о племени данакиль, которые жили в восточных районах Эфиопии. Записи эти хранятся в рукописном отделе Института востоковедения АН СССР. Нестеров тепло пишет о миролюбивых жителях, их радушии: «Французы держат себя надменно, наводят страх на местное население: аресты, кандалы и кнут — вот атрибуты европейского насилия над безоружным населением...»

Другому члену экспедиции — поручику Машкову удалось проникнуть в глубь страны и даже побывать у императора Менелика. Вернувшись в Россию, он под псевдонимом «В. Федоров» опубликовал очерк «Абиссиния». В 1891 году с новой экспедицией он отправился в Эфиопию, чтобы «наладить контакт с эфиопской церковью», изучить политическое устройство страны, отношение к соседним туземным племенам и европейским государствам». Кроме того, ему поручено было передать Менелику II письмо Александра III в ответ на доставленное тому послание Менелика. Вернувшись из поездки, Машков привез в Петербург просьбу прислать в Эфиопию артиллериста. Хотели послать офицера М. Грум-Гржимайло, но почему-то не послали никого. Эта поездка Машкова оказалась плодотворнее первой. Он привез обширный этнографический материал об амхара, галла, дакакиль, харари. 85 предметов быта, доставленные им, хранятся сегодня в фондах Музея антропологии МГУ. В нескольких номерах газеты «Новое время» Машков напечатал свои путевые заметки под заголовком «Путешествие в страну черных христиан».

Никак не закончим XIX столетие. Столько имен!

1891 год. По ходатайству Географического общества в Северную Африку отправляется инженер путей сообщения Х.В. Гельман — для ознакомления с местной ирригацией и сбора сведений о летучих песках. «Это важные вопросы и для наших среднеазиатских районов», — пишет Гельман. Его отчет опубликован отдельной книжкой.

1889—1891 годы. С.Ю. Раунер путешествует по Египту. Тоже интересуется ирригацией. Тоже прикладывает к нашим реалиям: «Экскурсия в оазис Фаюм очень поучительна, так как оазис напоминает Мервский...»

Но то все ученые. А люди искусства? Вернемся немного назад. Две страсти соединил в своей жизни Александр Андреевич Чикин — к рисованию и странствиям. Соединил в Африке. В архиве Географического общества, в Санкт-Петербурге, сохранились документы, подтверждающие два путешествия. Первое — в Египет, к пирамидам, в 1887 году. И второе, главное, в Восточную Африку. В архиве сохранилась даже записная книжка с надписью на обложке «Немножко Африки». И дневник, никогда также не публиковавшийся... «Перед нами лежала Африка, экваториальная Африка, полная чудес...» — мелкие строчки дневника, кажется, вмещают все — и ароматы базаров, и шелест банановых листьев, и говор местных жителей суахили... «Пароход наш

бросил якорь и грянул пушкой». В архиве сохранились и рисунки Чикина, некоторые из них — перед вами. «Итак, сегодня предстоит трудный переход до горы Маунгу, о которой я уже слышался от словоохотливых носильщиков: Путь предстоит почти в 70 верст по безводной пустыне...»

Быть может, вместе с П.Г. Щербовым они первыми из русских увидели сказочную Килиманджаро (хотя достоверность этого факта мы гарантировать не можем!)? Громадным массивом поднимается этот фиолетовый двуглавый великан, увенчанный блестящей диадемой вечных снегов, сверкающей на голубом фоне неба.

После Кении он побывал на Занзибаре, видел караваны невольников. По возвращении публиковал рисунки в разных изданиях, но нашим современникам имя этого художника неизвестно. Он умер в 1924-м, но и незадолго до смерти, будучи уже пожилым преподавателем, сделал доклад о своей поездке, вспомнив все...

После Чикина и Щербова, собравшего большую этнографическую коллекцию, в Восточной Африке побывал еще один художник — Поляков. К сожалению, его имени нам пока установить не удалось. Известно лишь, что в феврале 1897 года его вместе с географом Н. К. Дмитриевым приняло под свое покровительство Географическое общество и они отправились в Эфиопию. Один — для изучения флоры и фауны, другой — собрать материал для «картин из африканской жизни». Сопровождали их двое казаков. К сожалению, об этой экспедиции известно мало, знаем лишь, что в Музее антропологии и этнографии хранится картина Полякова — портрет Негуса Менелика, а в Государственном Эрмитаже — «Прибытие абиссинского посольства в Россию».

В самом конце XIX — начале XX века в Африку стали часто ездить наши ботаники, зоологи, почвоведы и другие специалисты. В 1895 году одна такая экспедиция, в состав которой вошли агроном И.Н. Клинген и видный географ и ботаник А.Н. Краснов, посетила Нижний Египет. Клинген по возвращении написал большое исследование, где есть слова о том, что народы Египта со временем создадут великое и славное отечество.

Мы не случайно упомянули ботаника А.Н. Краснова. Это родной брат Петра Николаевича Краснова, писателя и белого генерала, сложной и противоречивой фигуры в истории России, да и не только России... Судьба связала его и с Африкой...

Имя Краснова относилось к числу тех, кого долгое время предавали забвению. Хотя нет, белогвардейского атамана знали

все. «Упрямый и решительный монархист, писатель и публицист» — так характеризует его американский справочник «Белые генералы». Он заявил о себе как командир третьего кавалерийского корпуса белой армии во время корниловского наступления в августе 17-го, а в октябре участвовал в походе на Петроград. В мае 18-го избран донским казачьим атаманом, боролся против большевиков под Царицыным. После гражданской войны поселился в Германии, где занялся политической деятельностью, примкнув к правым силам, начал активно писать мемуары и эссе. Во время войны организовывал казачьи сотни в Италии. Захвачен в плен англичанами, передан в Линце, Австрия, «Смершу» и казнен 17 января 1947 года в Лефортовской тюрьме.

Эта линия жизни Краснова сравнительно хорошо известна. Как, впрочем, и то, что он — автор многих романов и повестей. Нам же интереснее другое: он был энтузиастом-путешественником и талантливо описывал свои странствия. Писал о Сибири, Маньчжурии, Китае, Японии, Индокитае, странах Ближнего Востока, Европы, Африки...

Африканские сафари атамана Краснова! А вернее тогда еще — начальника казацкого конвоя при царской дипломатической миссии, направленной к абиссинскому императору Менелику в 1897 году. Краснов написал об этом книгу, которая имела большой успех и вышла в разные годы под двумя названиями — «Казаки в Африке» и «Казаки в Абиссинии».

Однако документальное описание путешествия не удовлетворило Краснова-писателя... Уже в эмиграции, в Берлине, он закончил две повести — «Крунеш» и «Аска Мариам», начатые еще в 1898-м и 1900-м годах. Использует эфиопскую тему и в сказке «Мантык — охотник на львов», вышедшей во Флоренции в 1931-м. Но давайте вернемся к «Казакам в Абиссинии». «Выпуская в свет настоящий сей труд, я считаю долгом предупредить читателя, что это не более как дневник, в который я с полной добросовестностью заносил все то, что меня поражало, и трогало, и восхищало дорогой», — говорит автор в предисловии к книге и продолжает: «Не найдут в моем описании и научного исследования малоизвестной страны, потому что я имел

Петр Николаевич Краснов был не только белым атаманом, но и путешественником

слишком мало времени для этого, не обладал достаточными знаниями и не был снабжен нужными для этого средствами. Мой дневник — это момент фотографии глаз моих. Чего не видел, того не пишу».

Казацкий конвой пропутешествовал из Петербурга до Черного моря, потом через море Средиземное перебрался в Египет и далее по Красному морю — до Джибути. Затем миссия проследовала до Харара, в Аваш и Аддис-Абебу. В последних трех главах дневника рассказывается о помощи русских в обучении гвардии Менелика.

Но век еще не кончился! И в канун нового столетия едет в Южную Африку Софья Изъединова, сестра милосердия, участница одного из санитарных отрядов, отряженных Русским Красным Крестом на поля сражений англо-бурской войны.

Англо-бурскую войну и события рубежа нашего века в Южной Африке мы знаем, увы, лишь благодаря роману Луи Буссенара «Капитан Сорви-Голова». А ведь предки наши следили за происходившими тогда на далеком африканском Юге событиями с неослабевающим вниманием! «Буры и все бурское интересует теперь решительно все слои общества... даже в извозчикьем трактире только и слышны разговоры о бурах и африканской войне», — эти строки писали в далекой России в 1900 году. «Я всецело поглощен войной Англии и Трансвааля...» — это из письма Николая II сестре Ксении.

«Утром, взяв в руки газету, я всякий раз страстно желаю прочесть, что буры добились англичан», — говорил Лев Толстой в том же 1900-м. Весь мир сопереживал маленькому народу буров, осмелившемуся противостоять великой Британии. Их идеализировали, понятно. Буры стали символом свободолюбия. В Трансвааль отправлялись добровольцы со всего света. С одним из российских санитарных отрядов, созданных осенью 1899 года, ехала в далекую Южную Африку сестра милосердия Софья Изъединова... После возвращения в Россию она написала книгу о месяцах, проведенных среди буров.

В Южной Африке о русских добровольцах помнят до сих пор. Не так давно там вышла книжка «Иностранные добровольцы. Они воевали на стороне буров» и в ней глава — о российских волонтерах. В том числе и о врачах и медсестрах. Есть и о А.С. Гучкове, воевавшем на стороне буров и впоследствии ставшим военным министром Временного правительства. Кого только не забрасывала судьба на далекий Кап! Партийную кличку «Бур» дали соратники по большевистской партии Александру Эссену, который в 20-х годах был зампредгосплана РСФСР. Так же до конца

дней именовали грузинского князя Николая Багратиони. Молодой инженер Владимир Семенов, побывавший в Трансваале на рубеже столетий, стал главным архитектором Москвы.

Имелись и, что называется, «обратные связи». Недавно в ЮАР издана история пяти буров, которые были взяты в плен англичанами и увезены в лагерь военнопленных на Цейлон. Из лагеря они благополучно бежали и после приключений попали в Россию. Жили в Санкт-Петербурге, а потом снова отправились в Южную Африку. Автор книги И. Бернард использовал главным образом материалы старых российских газет...

И еще один штрих к теме нашей помощи Африке. Но это уже — столетие двадцатое.

Столетие двадцатое

10 августа 1903 года российский министр-президент (посланник) в Аддис-Абебе К. Лишин отослал в свое министерство телеграмму: «В стране Уаллага абиссинцами найден богатый золотосодержащий участок, который Менелик намерен сохранить для эфиопского правительства. Сегодня он спешно пригласил меня к себе, чтобы обратиться к государю-императору с просьбой помочь ему присылкой горного инженера для разработки и разведок в упомянутой местности».

Выбор Горного департамента пал на Н.Н. Курмакова, талантливого геолога с богатым опытом полевых работ. Перед поездкой он долго изучал сведения о золоте в Восточной Африке, правда, мало что обнаружил. Разве только то, что египтяне добывали его еще при фараонах в реках. Помощников набирал главным образом на Урале, который знал преотлично.

После недолгих сборов выехали. В Джибути их встретил старший фельдшер Сергей Эрастович Сасон, работавший в Эфиопии много лет, прекрасно знавший амхарский язык. Все вместе в апреле 1904-го прибыли в Аддис-Абебу. Там их тепло принял император.

До Уаллагы добираться было сложно — мешали проливные дожди. Но добрались и проработали там пять месяцев. По окончании работ на аудиенции у Менелика, где присутствовали все участники экспедиции, Курмаков зачитал отчет, который синхронно переводили на амхарский. Историкам повезло: его текст — рукопись на нескольких страницах — полностью сохранился.

Я считаю необходимым сказать, — замечал Курмаков после подробного рассказа о проведенных работах, — что теперь добыча в значительной мере облегчена и увеличено пространство, где можно добывать золотые руды...» После этого инженер пода-

рил Менелику небольшое количество платины, рассказал об этом металле. Менелик наградил всех участников экспедиции орденами и медалями. В ноябре 1904 года они уехали на родину.

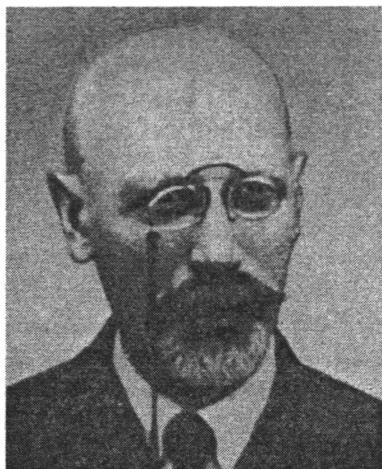
Рекомендации русского горного инженера были с воодушевлением приняты эфиопским правительством, и негус стал просить у царя прислать технический персонал и оборудование дробильной фабрики. Но министр финансов отказался выполнить просьбу Горного департамента и выделить средства, сославшись на только что закончившуюся русско-японскую войну. Курмакову не дали даже обработать материалы экспедиции, срочно назначив начальником Иркутского горного управления. Вторая геологическая экспедиция в Эфиопию не состоялась...

К началу нашего столетия главные географические проблемы Африканского континента были в целом решены. На повестку дня выходили вопросы углубленного изучения природы, и среди путешественников все чаще стали встречаться профессиональные натуралисты.

Зоолога С.В. Аверинцева привела в Африку... сломанная нога. В 1911 году он получил стипендию для работы в Бейтензоргском ботаническом саду на Яве и в Красном море, по дороге на свой остров, сломал ногу, пытаясь выяснить причину свечения воды. Ему пришлось месяц лечиться в госпитале в Дар-эс-Саламе. Оказавшись в Восточной Африке, грех было не использовать редкую возможность и не побывать в биологическом сельскохозяйственном институте в Усамбарских горах. И опять не повезло — свалила дизентерия. Тогда-то и решил остаться. Обследовал территорию нынешней Танзании, побывал на Занзибаре, а на обратном пути — вокруг Африки — заезжал почти во все важные порты континента. Научный отчет опубликовал в 1913 году, а чуть позже и научно-популярную статью в журнале «Природа», где проявил недюжинный литературный талант.

Охотничья экспедиция А.К. Горчакова, к которой был прикомандирован и З.Ф. Сватош, побывала в Восточной Африке в 1911 году. Они собирали главным образом зоологическую коллекцию для музеев, а маршруты их пролегли по территории Кении.

В 1910 году еще студентами естественного отделения Московского университета трое молодых биологов — В. Никитин, И. Пузанов и В. Троицкий решили совершить поездку на свои средства на Красное море, исследовать его фауну. Никитину не удалось получить загранпаспорт из-за политической неблагонадежности. Пузанов и Троицкий поехали вдвоем. Материалы по фауне Северо-Восточной Африки, собранные ими, использовались в учебниках и в советское время.

В.А. Догель, русский зоолог, исследователь Восточной Африки

Троицкому удалось в 1912—1914 годах добраться из Момбасы до озера Виктория и Танганьика и заняться изучением их водной фауны, а также вопросом миграции водных организмов. Его книжка «Путешествие в страну чернокожих» вышла в 1928 году.

А Никитину все же удалось попасть в Африку в 1912 году! Он провел зоологические исследования на берегах озера Виктория.

Немалый вклад в изучение природы Восточной Африки внес В. Догель. В двух своих книгах — «Натуралист в Восточной Африке» и «Полгода в тропиках» он описывает зоологические экспедиции, прошедшие под его началом от Момбасы на побережье до Энтеббе на озере Виктория.

Ездили по Северной Африке ботаник В. Ланский (ботанические сады Алжира и Туниса), С. Синельников (лесотехнические работы на неудобных землях тех же стран), Д. Драницын (почвообразовательные процессы в Северной Африке), Е. Павловский (зоологические материалы) — будущий президент Географического общества СССР. Многие из них привезли домой обширные коллекции животных и растений, этнографические материалы.

Из врачей нельзя не вспомнить А. Кохановского, работавшего в 1909—1912 годах в Эфиопии. Он собрал любопытные материалы по этнографии народов галла и амхара, тепло отзывался об императоре Менелике II, который сумел ограничить феодальную власть и способствовал ассимиляции различных племен. Кохановский прославился еще и тем, что привез ценнейшую коллекцию абиссинской живописи, подробно проанализированную востоковедами Б. Тураевым и Д. Айналовым в сборнике «Христианский Восток» в 1913 году.

Можно много рассказывать о Николае Степановиче Гумилеве. Но о нем уже столько писали, и его «Африканский дневник» уже настолько известен нашим читателям, что мы со спокойной совестью двинемся дальше, адресуя особо интересующихся к кни-

«Африканский дневник» Н.С. Гумилева хорошо известен отечественному читателю

ге «Цветок мэскэля» (Слово об Эфиопии), где о своих странствиях по следам поэта и путешественника рассказывает журналист В. Лебедев.

Из русских поэтов в Эфиопии побывал также Владимир Нарбут, однако сведения о его поездке исчезли в архивах НКВД, а сам поэт сгинул в лагерях в середине 30-х.

Прекрасную книгу о Египте — «Край Озириса» — оставил Константин Бальмонт.

Кто-то из современников назвал образ жизни Константина Бальмонта кочевым. «Бальмонт путешествовал больше, чем все русские писатели, вместе взятые», — писал Вяч. Иванов. Действительно, охота к перемене мест одолевала поэта всегда. Если не брать поездки внутри России, то можно назвать такие страны — Франция, Голландия, Бельгия, Швейцария, Мексика, США, Норвегия, Япония. В 1912 году он совершил кругосветное путешествие, был на Канарских островах, у мыса Доброй Надежды, на Тасмании, в Полинезии, Индии. А подробности этого одиннадцатимесячного вояжа описал в очерке «Острова Счастливых».

В письме С.А. Полякову Бальмонт сообщал: «Как скучны наши столицы после такого интересного странствия, как мое!.. Гунны были правы, называя дома гробами».

Путешествуя, поэт впитывал новую неведомую культуру, язык, обычаи тех народов, с которыми знакомился. Собираясь в очередную поездку, он брался за изучение языка той страны, куда ехал. Умел отличать в литературе о том или ином государстве наносное от истинного. Прочтите его египетские записки, и вы найдете, как он пропускает через себя все увиденное, не веря поверхностным туристским зарисовкам.

Бальмонт оставил после поездки в Египет книгу «Край Озириса», вышедшую в Москве в 1914 году.

Пески Сахары помнят женщину, нашу соотечественницу, правда, с «иностранным» именем Изабелла. Изабеллу Эберхард.

70-е годы прошлого века, Петербург. У дочерей генерала Мардера появляется новый воспитатель — Александр Трофимовский.

Дети буквально влюблены в эрудированного человека, бывшего священника, владеющего несколькими языками. Неравнодушна к нему и мать, жена генерала. Она бежит с Трофимовским в Женеву, и у нее рождаются еще двое детей. После смерти генерала Натали оформляет с Александром брак. Младшую девочку называют Изабеллой. Она вся в отца — независимая, своенравная. Семья перебирается в Алжир, родители вскоре умирают, и Изабелла покидает европейский мир, поселяясь в уединенном оазисе Эль-Уэнд, в Сахаре. Она учит арабский язык, принимает мусульманство и полностью порывает с европейской цивилизацией.

«Теперь я одна на земле ислама в пустыне, вдали от цивилизации, от лицемерных комедий, я свободна и мне хорошо», — пишет она в дневнике. Она ходит в мужском костюме, берет имя Махмуд, увлекается литературой. Традиционное сахарское общество принимает ее в свои ряды, она постигает мистические обряды мусульманского братства Кабырия.

В 1901 году фанатик нападает на Изабеллу и наносит ей несколько ударов саблей. После длительного лечения она выступает на суде в защиту нападавшего, но колониальные власти вмешиваются в судебный процесс и высылают экстравагантную Изабеллу из Алжира.

За пределами пустыни она живет недолго. В Марселе Изабелла встречает алжирца Слимана, выходит за него замуж и вновь возвращается на вторую родину. Становится постоянным корреспондентом алжирских газет, посылая в них сообщения из отдаленных уголков пустыни. Трогательно, что в ее произведениях, в частности новеллах, персонажами выступают соотечественники Изабеллы: например, Андрей Терентьев ищет новой жизни именно в Сахаре...

Изабелла Эберхард прожила всего 27 лет. Она погибла в оазисе Айн-Сафра от нелепой случайности: ее сбило потоком мутной воды, захлестнувшей высохшее русло одного из вадии во время паводка...

«Получил заказ на несколько икон для небольшой греческой церкви», — писал в 1921 году из Каира своему товарищу Иван Яковлевич Билибин. Русский художник приехал в Египет в 1920-м, покинув Крым на пароходе «Саратов» с последними беженцами. Пять лет прожил в Каире на улице Антикхана, 13. Там писал иконы, они сохранились, а вот картины «Двор университета аль-Азхар», «Улочка Каира», «Пирамиды в сумерках», «Феллах» и другие утеряны. Работал он и для балетной труппы Анны Павловой, которая гастролировала в Каире — делал эскизы декораций

и костюмов. Остались только иконы... А сам Билибин все же вернулся на родину — в 1936-м, чтобы через шесть лет умереть в блокадном Ленинграде от голода и холода.

Мы подошли к разговору об эмиграции и русской диаспоре в Африке. Разговору неполному и незаконченному, ибо мы только начинаем перелистывать страницы Одиссеи наших соотечественников...

Ждет своих биографов русская колония в тунисском городе Бизерта, ведущая свое начало с 1820 года (о ней надо писать отдельную книгу), и русские в Кейптауне, на самом юге континента, — колония, сложившаяся из бог знает каких составляющих. Наверное, там есть и потомки беглых матросов всех времен, и добровольцев англо-бурской войны. А сейчас к ним прибавятся и недавние выходцы из нашей страны: немногие из наших соотечественников, которым посчастливилось просеяться сквозь иммиграционное сито и получить право на постоянное местожительство в ЮАР... И об этом тоже нужно писать отдельно!

Нет, похоже, наш список не исчерпан. Еще один россиянин, которого поманила Великая пустыня. Николай Николаевич Меньшиков. Инструктор радиотелеграфной школы оказался в отступающих белых войсках. На борту плавучего дока «Кронштадт» прибыл в Тунис. Учился в Сорбонне на отделении естествознания. В 1924 году отправился с группой военных топографов в оазис Бенниабес — в Сахару. И остался здесь. Пустыня захватила его навсегда. Он изучил Сахару от Атлантики до Нила, и там его застала война. Союзное командование поручило важное задание — найти источники воды на пути следования союзных войск. Расчеты Меньшикова о наличии артезианской воды в меловых отложениях подтвердились! Колонны могли идти. А Меньшиков основал в Бенниабесе научно-исследовательский центр по изучению пустыни. Но центр — алжирский... Слава ученого Николая Николаевича Меньшикова множит славу чужой страны.

Мы назвали десятки имен, но все равно это лишь часть наших соотечественников, в разные годы и по разным причинам оказавшихся на Черном континенте. Мы, как вы заметили, совершенно не коснулись дня сегодняшнего — это тема особого интересного разговора, и не брали имена слишком известные, например Николая Ивановича Вавилова, о котором написано и так очень много.

Мы будем весьма признательны читателям, которые смогут рассказать нам о ком-то из своих родных или знакомых, кого судьба связала с Африкой. И мы продолжим наш рассказ.

КНИГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Большой Зимбабве

В междуречье Замбези и Лимпопо, со всех сторон окруженный тропическими лесами, поднимается гранитный кряж. В этой высокогорной области, возвышающейся на 1000—1300 метров над уровнем моря, большую часть года свежо и прохладно. Тысячелетия эрозии превратили ее в плоскую равнину. Северо-восточная ее часть, где выпадает 760 мм осадков в год, покрыта светлым лиственным лесом. Нижняя, юго-западная, более сухая, и здешние дожди не столь обильны. Но здесь растет густая трава, идеальная для выпаса скота. Само плато — остров плодородия, богатый минералами. На севере река Замбези течет десятки километров через долину на высоте в 1300 метров. Края этой равнины изрезаны ущельями и трудно доступны. В ее ложе жарко и сухо. Оно покрыто бесплодной, песчаной почвой. Человек здесь селился редко и не надолго.

Река Лимпопо и ее приток Шаши ограничивают плато с юга и юго-запада. На западе плато переходит в сухие луга крупных скотоводческих племен тсвана. А эти луга, в свою очередь, упираются в совсем сухие земли — пустыни Калахари и Намиб.

На северо-западе плато высятся тиковые леса, которые произрастают на песках той же пустыни Калахари, принесенных ветром. Эту землю трудно расчистить, и грубая почва быстро теряет свою плодородность. По своему агрономическому потенциалу она не идет ни в какое сравнение с почвой на плато.

Теплые, влажные низины прибрежной полосы, между плато и Индийским океаном, были идеальным местом обитания мухи цеце, разносчика трипаносомиаза, а это препятствовало развитию скотоводства.

На плато и в прибрежных долинах на востоке ныне живут племена, говорящие на шона, это ветвь банту из семи языков, чей оригинальный характер указывает на то, что они развивались независимо от других языков банту на протяжении последней тысячи лет. Археология и устная традиция показывают тот же самый возраст поселениям шона на плато. Это и есть время появления первых царств и империй на юго-востоке Африки.

В конце раннего железного века

Хотя общины раннего железного века были вполне самостоятельными образованиями, примерно в конце I тысячелетия нашей эры почти все они имели средство обмена: стеклянные бусы и раковины каури из Индийского океана. Их медные безделушки часто происходили из довольно далеких мест. Для поддержания обмена начал развиваться экспорт золота. Арабский географ X в. Масуди первым упомянул о торговле металлами с Софалой, расположенной на побережье. Это золото, вероятно, намывали из гравия и наносов множества рек, которые протекали через золотоносные участки плато.

Намывка — простой процесс, один из тех, что крестьяне используют до сих пор, чтобы чуть увеличить свой доход. Иностранные колонисты в XIX в. обнаружили, что древние грубо устроенные открытые выработки руды затронули почти все золотоносные участки на плато. Даже для неискушенного наблюдателя они были четким признаком наличия золота. И большая их часть была непоправимо разрушена во время лихорадочного возобновления золотодобычи. Однако маловероятно, что хоть один из этих древних рудников датируется ранним железным веком. При раскопках этих поселений не был найден ни один рудник или рудокопный инструмент. Мало того, ни одна экономическая модель такого поселения не совпадает с добычей золота. И ни одно из них не находилось поблизости от месторождений!

Тем не менее, ближе к концу этого периода появились признаки того, что золотые прииски начали жить, и за контроль над ними возникла конкурентная борьба. Некоторые поселения теперь основывались на вершинах холмов. Одно из них, в Макстонфарм, в нескольких километрах к северо-востоку от Солсбери (бывшее название столицы Южной Родезии, сейчас страна называется Зимбабве, а ее столица — Хараре), полностью окружено каменной стеной — хотя она и слишком низка, чтобы обеспечить настоящую защиту.

Это поселение, которое дало имя последней фазе раннего железного века на северной части плато, было ориентировано

на холмы Тафуна, богатое скопление золотоносных месторождений, где когда-то проводились серьезные рудные разработки. На склонах Тафуна стояла деревня из другой группы того же периода. Пустоты в скалах, следствие дробления руды, до сих пор видны вокруг этого места.

И в позднем железном веке

В первые столетия II тысячелетия закончился ранний железный век. Его широкая культурная общность распалась. Общества этого периода были более сложными и разнообразными. Кажется, что они и развивались в сильной изоляции друг от друга. Каждое общество создавало свой собственный, отличный от других вариант развития земледелия, ремесла и торговли. Конкретная область, откуда начался поздний железный век в юго-восточной Африке, неизвестна. На сегодня мы располагаем очень шатким предположением — на основе сравнения стилей двух-трех скудных коллекций керамики из западной и северной Замбии, — что он мог развиться из культур раннего железного века соседнего южного Заира.

Поздний железный век расцвел на сухих лугах юго-запада плато к XI в. Маленький холм, Леопардс-Копье, рядом с городом Булавайо, впервые раскопанный в 1947 г., дал имя всей его культуре.

Скот теперь впервые приобрел важное экономическое и социальное значение. Загоны во многих деревнях, статуэтки длиннорогого безгорбого скота и церемониальные захоронения рогов — все это указывает на возросшую роль животных в хозяйстве. Это усилило и углубило этническую обособленность и сплоченность групп людей. Возможно, скот уже передавали как приданое. Он создавал престиж и систему взаимоотношений покровитель — вассал. Скот вынуждал накапливать, демонстрировать и обменивать богатство. Антропологи часто высказывают мнение, что скотоводство можно связать с зарождением централизованной формы управления. Животным нужны просторные пастбища. Часто стада поручаются детям и, следовательно, уход за ними не слишком тщательный. Неизбежно вспыхивают конфликты из-за выпаса и борьба за луга. Отсюда появляется необходимость в арбитраже и, следовательно, во власти, которая имеет достаточно силы, чтобы заставить выполнять свои решения.

Деревня ранней фазы развития ремесла в эпоху Леопардс-Копье, как и в предшествующий период раннего железного века, легко найти по зонам вспаханной земли между гранитными холмами. Поздняя же фаза характеризуется тем, что ее

поселения возникают уже на почвах, прорезаемых золотоносными жилами — то есть там, где пахота затруднена и где никогда раньше поселений не было. Некоторые маленькие деревни располагались поблизости от одного золотоносного участка, и многие из них оказывались достаточно долговечными, чтобы успеть накопить такие большие курганы из золы и разного мусора, что они проникали на территорию самой деревни. К тому времени золото уже точно разрабатывалось. Рудники порой находятся в местах ранее разработанных шурфов и несут все неоспоримые признаки того, что в эту эпоху из породы извлекали именно золото. Самый ранний золотой рудник расположен на юго-западе плато.

Дерево, которое жгли в кострах, чтобы расколоть золотосодержащие куски скал, дает три даты по радиоуглеродному методу: две относятся к XII — началу XIII вв. и одна к XIII—XIV вв.

Стеклянные бусины, которые находят в ранних поселениях Леопардс-Копье, не отличаются по форме, обработке и количеству от тех, что изготавливали в раннем железном веке. В поселениях эпохи Вуландаль обнаружено гораздо больше стеклянных бусин — маленьких, строго сферической формы, из прозрачного или почти прозрачного стекла разных цветов. Они сильно отличаются от ранних образцов. Это должно означать, что производство бусин усовершенствовалось, или что местные торговцы привозили бусины из других, новых земель, или что на побережье утвердились новые торговые отношения.

На юге, вдали от золотоносных областей, в бедной крестьянской стране, пригодной только для экстенсивного скотоводства, тоже вдруг произошли значительные социальные изменения. Мапунгубве — это крупная изолированная область известняковых пород, окруженная утесами, вблизи от реки Лимпопо. Ее плоскогорье покрывает несколько сотен квадратных метров. Достигнуть его можно лишь через два крутых узких ущелья в скалах. Деревня, которая выросла в подобных условиях, — одно из самых богатых поселений культуры Леопардс-Копье. Некоторых покойников хоронили в ожерельях из золотых бусин, с золотыми блюдами и деревянными скульптурами в золотых окладах. Этой далекой деревни достигли даже блюда из китайского селадона, сделанные в XIV в., равно как и другой товар — стеклянные бусы. Месторождения Мапунгубве были почти целиком выработаны в 1930-х гг. Предубеждения того времени и отсутствие каких-либо знаний об обществе железного века помешали разумной интерпретации находок.

Поселение, очень похожее на Мапунгубве, было найдено в 1967 г., в 75 км вверх по течению реки Шаши. Здешний холм Ма-

пела, тоже с плоской вершиной и окруженный утесами, был заселен примерно в XII в. В деревне имелись постройки резко различающихся друг от друга видов. На краю располагались тонкостенные хижины-мазанки с полами из утрамбованной земли. У вершины, на террасах, которые поддерживали облицованные камнем стены, возвышался ряд зданий, чьи глиняные стены были столь толстыми, что не нуждались в деревянных подпорках. Полы были щедро покрыты тем же материалом. Эти жилища окружали декоративные бордюры. Вероятно, внутри них были глиняные печи, сиденья и полки для посуды. Длинные крутые склоны холма были разбиты на террасы. Каменные стены удерживали почву и обеспечивали дополнительное, одинаковое по уровню, пространство для зданий. Эти же стены контролировали путь вверх по склону. Масштаб этого строительства и его единая планировка показывают, что здесь трудились кем-то хорошо организованные многочисленные рабочие.

В это время в Леопардс-Копье происходят значительные культурные изменения. Само скотоводство вынуждало к созданию новой социальной и экономической модели. Золото добывали из рудников и экспортировали. Торговля с другими областями приобрела невиданный размах, вероятно, при стремлении установить контакты с новыми прибрежными торговыми центрами. Поселения распределяются по разным природным ландшафтам и специализированно занимаются их эксплуатацией. Больше поселения с ярко выраженным ядром вырастают из деревень, выбранных для защиты области. Их укрепления — такого же уровня, что и у крупных объединенных, хорошо организованных общин. Конкуренция, войны и военные договоры стали управляющим фактором в устройстве поселений. Социальная дифференциация очевидна и по различию в типах жилищ, что не может быть объяснено их разными функциями или природным окружением. Крупнейшие поселения — Мапунгубве и Мапела — расположены у больших рек вдоль нескольких важных артерий. Вероятно, преимущества социального неравенства отражаются и в большом количестве прекрасно отполированной декоративной мелкой керамики, найденной в Мапунгубве и предназначенной специально для сервировки еды. Также в Мапела и Мапунгубве развились свои собственные, характерные только для этих центров, формы мисок. Все эти изменения указывают на совершенно отличное и более сложное социальное образование, нежели все бывшие до сих пор. Это наиболее очевидно в Большом Зимбабве. Прежде чем поговорить о нем более подробно, нужно рассмотреть чуть поближе традиционную экономику шона.

Крестьяне и рудокопы

Сорго, просо, бобы и тыквы были здесь главной пищей. Скот нередко мог оказаться, как это было у вождей шона в Розви в XVIII в., основой власти и создания системы патронажа, особенно когда скот стал главным элементом в брачных ритуалах, похоронах и жертвоприношениях. Земля находилась в собственности у всей общины и была доступна для любой семьи. Железо для инструментов, сельскохозяйственные орудия и оружие производились кузнецами, создавшими особую касту и работающими сдельно и временно в каждой деревне. Это не мешало поселениям, находящимся особенно близко к богатым месторождениям, развивать широкую торговлю железом, как в Нжанжа, рядом с горой Ведза. Медь с севера и льняная одежда из долины нижней Замбези были двумя товарами, которые сформировали основу местной торговой сети. Иначе было бы слишком мало стимулов для взлома автономии и самодостаточности местных общин.

Золото было основой торговли с другими странами. Для столь далекого времени сложно проследить, как менялись модели его добычи и обработки или организация этого процесса. Археология и устная традиция говорят об этом мало. Приходится синтезировать сведения, данные мимоходом в португальских хрониках и правительственных отчетах, написанных с XVI по XIX вв. Большой их части свойственно чрезмерное доверие слухам, часто исходящим от предвзятых источников и невежественных, легковерных чиновников.

Гранит на плато — это старый пласт в еще более древних и перемешанных слоях лавы и скальных осадочных пород. Последние выветрились до состояния почвы, богатой темно-красной глиной, но слишком тяжелой и сложной для обработки без тягловых животных или плуга. Эти области внутри или за границами гранитного ядра плато содержат много золота.

Гранитным давлением металл был вытеснен, когда гранит остыл, в кварцевые жилы окружающих скал. Эти жилы узки — толщиной от нескольких сантиметров до полутора метров, прерывисты и их трудно проследить. Многие сильно разорваны, разломаны и содержат трещины. Их размер меняется резко и непредсказуемо. Источники золота на плато, таким образом, широко разбросаны, скудны и ненадежны. Вследствие этого его добыча всегда была трудной и дорогостоящей и связана с риском.

В июле, августе и сентябре, когда урожай был еще в земле, но никаких сельских работ уже не оставалось, наступали постные месяцы, особенно в засушливые годы. Еды не хватало, и

люди искали дополнительного, неземледельческого приработка. И как раз к этому времени уровень воды в реках падал и в речных ложах оставались лишь лужи. Теперь гравий и осадки, принесенные реками, которые протекали через золотоносные пояса, промывали в поисках чистого металла. Целые общины передвигались, как единый организм, к берегам основных рек и, работая семейными бригадами, промывали золото. Реки Ангава, Руенья и Мазоз, которые текли к северу от Замбези (и использовались купцами для передвижения по долине Замбези во время торговли с поселениями на плато), были особенно важными источниками осадочного, аллювиального, золота.

Масштабы работ могли быть значительными. Лужи осушали или вычерпывали, или же мужчины ныряли в воду и набирали со дна осадочные наносы. На берегу их перекапывали и по мере того, как извлекалось все золото с их нижних слоев, прорывали глубокие шурфы уже во внутренние слои.

Соответствующие навыки могли быстро развиваться у опытных крестьян. Наличие золота в породе легко распознается тренированным глазом, по виду почвы и даже по изменениям в растительном покрове. Его количество можно было легко выяснить пробными промывками. Там, где работы казались достаточно перспективными, часто просто снимали почву на значительную глубину или даже прорезали шурфы в гранитных скалах. Шурфы нередко достигали глубины в 25 метров и более. Однако с примитивным оборудованием было сложно прорывать боковые штольни вслед за жилой. Проблемой была и вентиляция шахт, что усугублялось использованием открытого огня — его использовали для разламывания и расшатывания кварцевых скоплений. Потолки туннелей и штолен подпирали столбами. Извлечение пустой породы было весьма трудоемким, а вся работа — утомительной и весьма опасной. На поверхности руду часто прогревали на огне, перед тем как раздробить и измельчить. Наконец ее промывали в реках или прудах, чтобы извлечь само золото. Обработка руды отнимала больше времени, чем ее добыча. Необходимые инструменты были весьма просты. Железная мотыга земледельца развивалась в кирку и зубило. Каменные долеритовые молотки использовались для раскалывания руды. Точильный камень, того же размера, что и домашний ручной жернов, употреблялся для измельчения. Корзины и пустые тыквы-калебасы служили для транспортировки и промывки руды.

Работа в шахтах, как и промывка руды, была семейным делом. В обрушившихся шахтах ранних разработок были найдены скелеты женщин и девушек. Дробление руды напоминало обычную домашнюю работу, которую женщины выполняли, пере-

малывая зерно, и, вероятно, поэтому тоже входило в их обязанности. Имеется слишком мало доказательств того, что существовали профессиональные группы шахтеров, занятых только этой работой для себя или для других. Многие ранние записи настойчиво указывают, что шахтерское дело было весьма непопулярным. Это было неприбыльное и тяжелое занятие, за которое неохотно брались лишь те, кто был очень голоден.

Добыча золота контролировалась главными правителями областей, где не было шахтерских общин — Муну-Мутапа на севере плато и Чангамире-Мамбо на юго-западе. Новые шахты обязаны были подавать отчет правителям, но они контролировали напрямую только некоторые из них. Очень часто работы по производству золота нуждались в дополнительном стимулировании. Существуют записи, говорящие, что Муну-Мутапа дарил скот шахтерским общинам в знак того, что пора начинать работу.

В ответ иностранные торговцы — и африканцы, говорящие на суахили, и португальцы — выработали особую стратегию для того, чтобы получать золото по более низкой цене. Они часто выказывали сильное желание получить прямой доступ к шахтам, производить добычу самостоятельно или, если это понадобится, взять на себя политический контроль над производством. Они постоянно изыскивали новые пути изменить свой статус, измеряемый богатством в необходимых товарах. Товары иностранного производства импортировали и использовали для стимулирования нового спроса. Они также раздавали подарки в качестве кредитов, пользуясь традицией так называемого встречного одаривания, чтобы превратить золотодобытчиков в своих должников, и требуя расплаты исключительно в золоте.

Как они торговали

Торговля не была монополией центральной власти. Рынки или ярмарки функционировали по всей стране, часто в столицах областей. Один из самых ранних торговых центров мог быть близ Большого Зимбабве. Также найдены и исследованы археологами позднейшие португальские ярмарки в Дамбараре и Луанзе. Каждый подданный короля мог выйти на ярмарку и начать торговать. Они находились под властью и юрисдикцией местных вождей, которые устанавливали цены — часто произвольно, безо всякого изучения спроса или предложения.

Время от времени торговцев пускали не только на ярмарки, но и в столицы и даже к правителю.

Суахилийские купцы пользовались значительным политическим влиянием, по крайней мере, на Муну-Мутапу. В течение

XVII в. португальцы превратили его в настоящую марионетку. Когда Муну-Мутапа потерял власть, ее захватил правитель розви — Мамбо. В 1693 г. он прогнал португальцев с плато. Осознав, какую политическую угрозу несут с собой иностранцы, правители запретили им доступ в страну. Тогда португальцы стали нанимать африканских торговцев, вашамбадзи, своими агентами. Однако вашамбадзи не образовывали настоящее сословие купцов. Дело в том, что торговля, как и золотодобыча, была сезонным занятием, и к ней обращались только в сухое время, когда можно было легко путешествовать. Остальную часть года вашамбадзи обрабатывали землю и перегоняли свой скот по плато. Мамбо могли бы ограничить передвижения несколькими маршрутами и рынками в определенных городах, но они этого не сделали, и торговля не стала более подконтрольной.

Тем не менее, правители присваивали часть прибавочной стоимости, производимой золотодобычей, в виде натур и дани. Одним из способов, которым это достигалось, было объявление всех самородков, в отличие от золотого песка и «нечистого» золота, собственностью правителя.

Масштабы торговли золотом в те времена впечатляют. До сих пор на ярмарке в Луанзе существует твердое тому доказательство. Здесь, вдали от каких бы то ни было месторождений, по-прежнему можно намыть реальное золото и добыть из наносов и жил прямо с поверхности земли. В Большом Зимбабве имело место подобное озадачивающее положение в XIX в. Источником золота был неизвестен. Это вызывало слухи о том, что руины стоят на особых золотоносных месторождениях в холмах.

Золото экспортировали в города на побережье Индийского океана, оттуда — в Аравию, в порты Персидского залива или в Индию. Таким образом, внутренняя экономика Юго-Восточной Африки была интегрирована в мировую. В XI в. исламский мир принял золотой стандарт. Первые золотые монеты были отчеканены альморавидскими правителями в Марокко. Христианский король в Толедо последовал этому примеру в 1173 г. С конца XIII в. по начало XIV в. большинстве торговых городов Европы сделали то же самое. Средневековой Европой овладела стойкая страсть к желтому металлу. Из него изготавливали украшения, запасали и копили как сокровище.

Если медь и серебро были валютой купцов, то золото стало валютой правительств, знати и церкви. Им финансировали войны и исправляли политические ошибки. Монгольские завоеватели Китая, Индии и Персии в первой половине XIII в. объединили Азию; в конце столетия образование крестоносных государств установило шаткий мир между исламом и христианством.

Возобновилась европейская торговля с Востоком. В Европе возрос спрос на восточные шелк и пряности. В свою очередь, Европа могла предложить Востоку только золото, так как во всем остальном он был самодостаточным. Многие другие товары, в любом случае, были слишком громоздкими, чтобы их возить и торговать ими. До тех пор, пока богатства Америки не были интегрированы в европейскую экономику после испанских завоеваний XVI в., Африка оставалась самым важным источником золота, обеспечивая две трети его мировых поставок. Но спрос на золото в Индии был просто неутолим. Происходил постоянный и безвозвратный отток металла из Европы на Восток. И Юго-Восточная Африка тоже играла значительную роль в удовлетворении этого спроса, хотя и находилась на периферии торговой сети...

Порты Могадишу и Килва на побережье Восточной Африки давали пример будущих свободных и равноправных торговых отношений. Народы областей, что лежали южнее, какие бы они меры ни предпринимали, так и не смогли занять собственного места в мировой экономической системе. Они были лишь субъектами, пассивными партнерами. Они обменивали редкое и ценное сырье и излишнюю готовую продукцию, золото и слоновую кость, на предметы роскоши, безделушки и престижные для знати товары. Возможности для внутреннего, независимого развития были потеряны. Международные отношения не давали никакого стимула или перспективы для развития местного производства или экономического роста. Обмен был неравным. С самого начала их отношений с иностранцами государства Восточной Африки оказались замкнутыми в таком кольце недоразвитости. Образование и расширение королевств и государств, новых общественных институтов, нового социального сознания и сплоченности не могли скрыть хрупкости, нестабильности и неустойчивости экономики, возникших из-за внешнего экономического давления...

Большой Зимбабве

Только в это время и появились экономические условия для развития Большого Зимбабве. Он находился в уникальной по своему расположению области на юго-восточном краю плато. Крутой склон улавливает влажные юго-восточные пассаты с прибрежной равнины Мозамбика. Соответственно, эта область получает постоянный и надежный уровень осадков. Неподалеку отсюда проходит одна из золотonosных жил плато, но руда в этом месторождении необычайно бедная и, вероятно, никогда не добывалась в доисторические времена. Жирные плодородные почвы у золотой жилы встречаются с легкими гранитными почвами

холмов. Покрытая густым лесом и пересеченная местность, весьма удобная для охоты, переходит в обширные пастбищные луга в низине.

Большой Зимбабве также занимает стратегическую позицию на пути к побережью. Воды с верховьев реки Лунди вливаются сразу за поселением в бассейн реки Саби. Саби обходит с фланга горный хребет Чиманимани и течет прямо и легко к равнине и морю.

Большой Зимбабве включает в себя несколько отдельных комплексов стен. Отдельно стоящая огромная ограда, называвшаяся «Храмом» у европейских любителей древностей, ныне известна под менее романтическим именем «Эллиптическое здание» и доминирует над лесной долиной. Она окружена примерно двенадцатью меньшими оградками, которые повторяют ее базовую форму. Через долину тянется гранитный утес, который укрывает другую постройку с высокими стенами. Валуну на соседней вершине заключены в лабиринт меньших стен — «Акрополь», или «Руины на холме».

Слово языка шона «зимбабве» означает дом уважаемого человека, жилище вождя. Этим и был Большой Зимбабве. Мошь и протяженность огромных полуразваленных каменных стен, которые производят огромное впечатление на всех, кто их видит, возвышающихся в одиночестве посреди ныне безлюдных африканских чашоб, не должны сбивать с толку. Если теперь они служат памятником власти и славы древнего царства, когда-то они играли более приземленную, бытовую роль.

Вне оград короткие отрезки стен кажутся беспорядочными и бессмысленными. Раскопки и тщательный архитектурный анализ показали, что все эти стены изначально стояли вокруг круглых глиняных хижин. Каждая группа стен и хижин образовывала семейный жилой комплекс, отдельно с хижинами для жен и детей, для сна, приготовления еды и встречи гостей. Между ними были дворы, где женщины могли заниматься домашней работой в некотором уединении, и другие участки для ремесленного труда. В самых крупных оградах некоторое пространство и постройки, вероятно, были отведены под церемониальные цели. Но они были поставлены в частный, домашний контекст.

Поразительной чертой Большого Зимбабве является то, что его планировка повсюду соотносится с домашним пространством и структурами, предназначенными для проживания людей, их работы или укрытия скота. Нет улиц, а есть просто тропинки между отдельными жилищами; нет площадей для общих собраний, никаких монументальных зданий, рынков или барачков, никаких торговых или производственных зон.

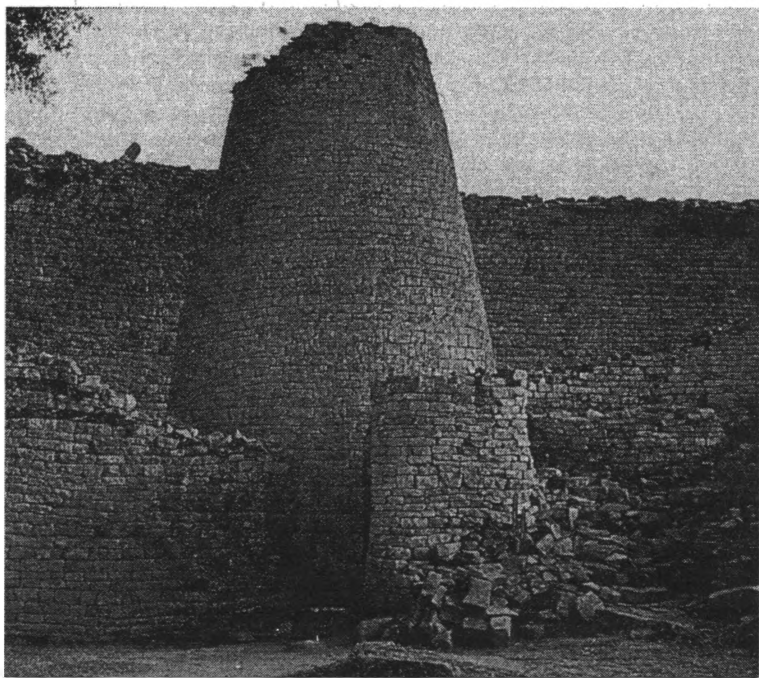
Здания росли бессистемно, в ответ на спрос в жилье, а вовсе не в соответствии с неким общим, навязанным архитектором, планом. Здесь не было городских стен (исключая более поздние, рудиментарные пограничные стены) или укреплений. Не было даже специальных зданий, предназначенных для военных целей. Входы не защищались. Не имелось и внешних укреплений. Наверху стен — никаких перекрытий, препятствующих входу или проникновению за них. Здания не расположены так, чтобы поддерживать друг друга. Единственный случай, когда использовались природные оборонительные черты местности, можно найти в Руинах на холме, построенных на краю утеса. Их планировка явно напоминает о Мапунгубве и Мапеле и, вероятно, совпадает по времени с ними и самыми ранними зданиями в Большом Зимбабве. Но здесь утес не окружает поселения. На остальные склоны холма можно легко взобраться — они не защищены стенами.

Выбор строительной техники Зимбабве продиктован изобилием глыб, которые сами откалывались и падали с голых гранитных холмов, что окружают поселение. Отслоение — это естественный процесс, следствие слабости кристаллической структуры скал и резких перепадов температуры, но его можно и стимулировать, если разжигать и тушить костры на скалах. Глыбы с параллельными сторонами можно выламывать и в результате получать удобные блоки для строительства. Уложенные с некоторым старанием, они придают фасаду вид почти ровной поверхности, тогда как их внутренние стороны могут оставаться более разнообразными. Отсутствие скрепляющего раствора и толщина стен дают конструкции гибкость, которая позволяет подлаживать ее к соседним структурам и передвигать, не нарушая порядка укладки. Такие методы возведения стен имеют глубокие, вековые корни в местной традиции.

В течение всего раннего железного века для жилья выбирались именно такие холмы, усеянные валунами, столь характерными для ландшафта плато. Разрывы между валунами заполнялись упавшими камнями, чтобы улучшить их природные защитные свойства. Позже каменные стены все еще рассматривались просто как внешние заслоны. Их не воспринимали как структуры, несущие нагрузку. На них не было крыш. Они не были частью жилых домов. Стены не соединялись друг с другом, им позволяли граничить, с чем и где угодно. Фасады стен не приводили в соответствие с внутренним заполнением. Общий планировочный базис зданий покоился на долгих и постоянно изменяющихся изгибах. Они воспроизводили формы заслонов и оград, которые можно найти в любом рабочем африканском поселке. В них не

было ни намека на регулярность или повторяемость. Это базовая и необычная концепция каменных стен, столь сложно воспринимаемая западным умом, отражает полную культурную изоляцию строителей.

Хотя в техническом оснащении каменщиков за годы и века мало что изменилось, растущая эlegantность их построек и улучшение в обработке материалов очевидны. В более поздних стенах блоки пригнаны тщательнее и лежат горизонтальными рядами, регулярность которых можно проследить на значительных расстояниях. Фасады этих блоков обработаны так, чтобы придать им вместе вид единой поверхности. Каждый ряд чуть отступает назад по сравнению с нижним; таким образом, вся стена постепенно склоняется назад в элегантно изгибе. Эти уступы образуют изящную и совершенно оригинальную, чисто местную систему составных, постепенно увеличивающихся изгибов. В углах дворов строились террасы с платформами. Возводились башенки и низ-

Руины Большого Зимбабве

кие цилиндрические алтари: Входные проемы удлинjali и делали более узкими за счет добавления низких, полукруглых «бастионов» внутри них, часто с пазами для деревянных дверных косяков.

Несколько стен были украшены линиями наклонных блоков, образующих зубчатые или стропильные узоры. Один вход имел ряды разноцветных камней. Наверху внешних стен ставили цилиндрические башенки и вертикальные монолиты из естественного или обработанного камня. В жилых хижинах были толстые глиняные стены с отполированным до состояния глянцевой глиняной кожи фасадом. Очаги, платформы, сиденья и полки для посуды внутри были сделаны точно таким же способом. Были и закругленные бордюры, которые защищали подножия вне стен от разрушения и эрозии.

Глину использовали так же щедро и для тех же целей, что и камень. В обоих случаях целью было произвести впечатление, а не защитить или создать удобства для жилья.

Обитатели каменных зданий Большого Зимбабве могли исчисляться сотнями, но не тысячами. Если Эллиптическое здание, как самая крупная и наиболее внушительная постройка, была дворцом правителя, то другие ограды можно рассматривать как жилища его придворных: родственников, управителей, жрецов и чиновников, узкого круга ближайших администраторов. Остальную часть поселения, занимающую примерно 100 квадратных метров, населяли крестьяне, ремесленники и мастера, жившие в мазанках, от которых не осталось следов на поверхности. Сохранился только мусор от них в виде золы, костей и осколков посуды. Широкомасштабные раскопки вне оград, которые могли бы пролить свет на демографию, экономику, технику земледелия и социальную структуру комплекса, до сих пор еще не проводились...

Ремесло и торговля

Археологическая реконструкция развития Большого Зимбабве по-прежнему целиком основывается на воспоминаниях тех, кто рылся в руинах этого поселения в конце XIX в. Их находки показывают, что Большой Зимбабве был центром ремесел и производства. Здесь работали с золотом, медью и железом. Тигли и инструменты, которые использовали для превращения металла в тонкую проволоку для ручных и ножных браслетов, нашли среди мусора в Руинах на холме и Эллиптическом здании. Золотые бусины, золотая проволока и тонкие золотые пластинки, которыми покрывали деревянные вещи с резьбой, тоже были обна-

ружены в большом количестве. Железные желваки были найдены на полу пещеры в Руинах на холме. Также неподалеку находились остатки плавильных печей.

Из мыльного камня местные жители вырезали плоские широкие блюда. Их бока украшались резным узором: витые пересекающиеся нити или — по фризу — изображения длиннорогого скота, зебр или бабуинов. Монолиты увенчивались резными изображениями стилизованных птиц. Все это представляло собой зарождающийся скульптурный стиль. У него не было явных предшественников и последователей.

Терракотовые статуэтки домашних животных похожи на те, которые находили в поселениях Леопардс-Копье. Из льна пряли и предположительно ткали, если судить по многочисленным веретенам, сделанным из черепков. Непохоже, чтобы лен рос поблизости. Скорее всего, он поставлялся из таких далеких мест, как равнина Замбези.

Похоже, что Большой Зимбабве находился прямо в центре торговой сети значительных масштабов. Здесь продукция со всего плато собиралась и перерабатывалась и многое из этого затем продавалось чужеземным купцам.

Уникальный склад самых разнообразных и экзотических товаров был раскопан в 1902 г. в ограде прямо за Эллиптическим зданием. В нем можно найти много примеров контактов между областями плато и богатой заморской торговли. Так, на складе был большой запас железных мотыг местного производства, широко используемых в качестве дани и религиозных подношений среди шона. Там имелись во множестве витая проволока из железа, меди, бронзы и золота; золотые платины и бусины; медные слитки; медные украшения. Были найдены три железных гонга, каждый сделанный из двух металлических пластин, сплавленных по краям. Гонги — типичные музыкальные инструменты Западной Африки. Но также они — знак отличия вождя среди многих бантуязычных племен. Местные произведения, таким образом, состояли из экстравагантных украшений, весьма редких знаков отличия, престижных товаров и типичных культовых предметов.

Вместе с ними на складе хранилось небольшое, но весьма примечательное собрание чужеземных безделушек. Многие из этих вещей относились к тем видам, которых не находили больше нигде во внутренних частях Африки. В их число входят железная ложка, железный же подсвечник, кусочки коралла, бронзовые дешевые колокольчики, медные цепочки, раковины каури, гравированное и эмалированное сирийское стекло, персидская фаянсовая миска с арабской надписью, китайский салатон и каменные сосуды. И еще были десятки тысяч стеклянных бусин.

Статуэтка птицы из Большого Зимбабве

Действительно, довольно странное собрание, и при этом едва ли имеющее цену того золота, которое за него, вероятно, заплатили.

Этот склад, изначально принятый за тайник, который скрывали от иностранных торговцев, скорее всего был просто данью, которую преподнесли правителю Большого Зимбабве. Чем бы ни была эта коллекция, она хорошо иллюстрирует выдающееся значение Зимбабве как центра торговли, сбора дани и продуктов местного производства на плато.

Первое постоянное поселение в Большом Зимбабве появилось в XI в. и продолжало существовать весь XII в. Из того немногого, что мы знаем о нем, можно заключить, что оно сильно походило на поселения ранней фазы культуры Леопардс-Копье, которая уверенно датируется именно этим периодом. Единственная радиоуглеродная датировка дает 1075 г. плюс-минус 150 лет для конца этой фазы поселений Зимбабве.

Первые каменные стены в Большом Зимбабве строили относительно грубо. Камни укладывали в рудиментарные ряды и их фасады были едва обработаны. Деревянные перемышки, поддерживавшие водоотвод под такой стеной в Эллиптическом здании, — самый ранний образец, подходящий для радиоуглеродного анализа, проведенного в то время, когда в лабораториях только осваивался этот метод. Три полученные даты, относящиеся к VII и VIII в., были подозрительно ранними. Можно было ожидать, что эта фаза окажется современной поздней фазе культуры Леопардс-Копье, которая датируется XIII—XIV вв. Образцы недавно перепроверили и получили две даты, относящиеся к концу XIII — началу XIV в. Другой кусок дерева из подобной перемышки стены в Руинах на холмах, показал ту же дату. Также имеются два образца из кучи ремесленного мусора, датирующиеся XIV в. — один из них явно относится к тому же периоду, что и ранние стены. Контекст другого остался невыясненным.

Поздние стены в Большом Зимбабве демонстрируют возросшее мастерство каменщиков. Они сложены из регулярных рядов блоков с обработанными фасадами. Вероятно, они являлись современниками строительных работ в конце XIV — начале XV в. Это был период наибольшего процветания Большого Зимбабве. Все импортированные товары из селадона, фаянса и эмалированного стекла как раз датируются XIV в.

Большой Зимбабве, скорее всего, перестал играть значительную роль в экономике где-то в XV в. Это было единственное поселение во внутренней Африке, которое могло получать китайский селадон в любом количестве, но хранило всего по два-три образца голубого и белого китайского фарфора. А на побережье в

середине XV в. эту посуду импортировали в таком же количестве, как и селадон. В конце столетия ввоз фарфора даже превысил ввоз селадона. Поскольку в комплексе фарфор в больших количествах не был найден, можно заключить, что это поселение прекратило свои торговые контакты с побережьем, по крайней мере, в середине XV в.

Одна из последних мазанок в Руинах на холмах датируется 1440 г. плюс-минус 150 лет. Эта датировка совпадает с результатами анализа товаров.

Другие... Зимбабве

Большой Зимбабве существовал не в изоляции. Ограды из каменных стен строили по всему гранитному плато. Некоторые, находившиеся на золотосных месторождениях или просто далеко от открытого гранита, возводились из известняка или асидного сланца. По крайней мере, 80 оградных поселений, со своим стилем строительства стен, своими типами жилищ, керамикой, металлическими изделиями и импортными бусинами, были современны Большому Зимбабве и схожи по уровню культурного развития. Многие из них разграбили искатели сокровищ в конце XIX в. Некоторые исследовали археологи. Не более семи имели стены, несущие отпечаток того же уровня развития техники каменного строительства, что и в Большом Зимбабве, и, следовательно, должны были иметь долгую историю. Так оно и было в Леккеруотере, Мтоко и Чумнунгве.

Леккеруотер широко исследовали в начале 1960-х гг., но полные результаты никогда не были опубликованы. Это — одно из немногих поселений, где нашлись образцы для радиоуглеродного анализа сразу нескольких культурных слоев. Двенадцать образцов датируются разным временем от XII в. до XVI в., но только пять — XIII и XIV вв. — точно связаны с основным занятием обитателей каменных оград.

Раскопки в Мтоко, проводившиеся в 1920-х гг., открыли некоторое количество селадона XIV—XV вв. — это единственное поселение, кроме Большого Зимбабве, где были сделаны такие находки.

Чумнунгва, расположенная в 160 километрах к юго-востоку от Большого Зимбабве и, как и он, стоящая на краю склона плато, возможно, была самым ближайшим из могучих соседей и вероятным соперником столицы. В 1898 г. здесь были сделаны богатые находки золота из захоронений в пределах ограды.

Более мелкие поселения, как кажется, имели стены в том же стиле, что и поздний стиль Большого Зимбабве. Они, вероят-

но, относятся к периоду наивысшего его расцвета в конце XIV в. — начале XV в. Может быть, они — пример колониальной экспансии столицы в этот период.

Распределение поселений с каменными оградами очень широко, но вовсе не беспорядочно; однако его пока невозможно привязать к золотым залежам, торговым маршрутам или каким-то особенным природным условиям. Эта тема требует более тщательного изучения и анализа.

Многие маленькие поселения, часто до шести рядом, возводились на расстоянии одного дня пути от большого — такого, как Чумнунгва или Большой Зимбабве, или же друг от друга. Это заставляет предположить, что в них жили или зависимые от правителя люди — семья, родичи, придворные, или что каждый последующий правитель строил свою собственную ограду и, таким образом, она была населена не дольше времени жизни одного поколения. Тонкий слой производственного мусора во многих поселениях подтверждает такую гипотезу.

Явственно новый стиль каменного строительства развился на юго-западе. Все ограды этой группы находятся в пределах 90 километров от Кхамы, самого крупного поселения этого типа. Новая фаза культуры Большого Зимбабве названа по его имени. Местные каменные стены были, как и у их предшественников, сделаны из блоков, уложенных в регулярные ряды и с тщательно обработанными фасадами. Однако они все были обращены к земляным террасам и платформам, на которых возводились жилые хижины. Только некоторые из стен стояли свободно, не будучи привязаны к другим постройкам. Таким образом, изначальная функция стен: обеспечивать людям уединение и укрытие, теперь была заменена другой. Но первейшая цель возведения стен все же осталась: продемонстрировать мощь и богатство правителя.

Многие стены были искусно украшены. Шахматные узоры, образованные попеременным пропуском блоков в строго регулярных рядах, встречаются довольно часто и являются характерным украшением для этой фазы. Вместе с этими узорами были найдены фризы и панели с узорами зигзагом, «елочкой» и косыми рядами. Ряды цветных камней, обычно плит из железняка, часто монтировались внутрь стен.

Керамика этих поселений демонстрирует похожее стилистическое развитие. Образцы также явно отличаются по стилю от керамики предшествующей фазы. Их декор использует основные мотивы Большого Зимбабве, но при этом комбинирует их в гораздо более сложные узоры, к тому же с полихромной отделкой.

При раскопках самых важных поселений, Кхамы и Дхло-Дхло, были найдены китайский голубой и белый фарфор XVII—

XVIII вв., европейское стекло, украшения и серебряная посуда, португальские ружье и пушка. Это были подарки, дань или подношения новой правящей династии и центру экономической власти, преемнику Большого Зимбабве. Они приходили из Португалии, новой торговой силы в Индийском океане, которая вытеснила суахильских купцов с плато.

Многие из изменений, характерных для фазы Кхами, особенно в архитектуре, сильно обязаны влиянию культуры Леопардс-Копье. Каменные стены, которые располагаются под террасами и поддерживают искусственно выстроенные платформы, впервые были обнаружены во многих поселениях Леопардс-Копье, но эта их функция наиболее ярко выражена в Мапеле.

На самом дальнем краю шона, близко к побережью моря в южном Мозамбике раскопки проводились совсем недавно. Они доказали, что и здесь дворы и столицы правящих династий шона следуют образцам престижных зданий и придворная изысканность утвердилась и на плато. Манеквени — это простое поселение, огражденное каменной стеной из известняковых блоков, единственного вида камня, который можно найти на прибрежных равнинах, и не обладавшего превосходными строительными качествами гранита. Каменные и толстые глиняные стены жилищ демонстрируют здесь власть правителя, как и на плато. Здесь были найдены и традиционные регалии вождя шона — железные колокольчики и серьги из конусовидных раковин. Имелись и шарiki из золота, ближайшее месторождение которого — это рудники в восточных горах плато, отстоящие на 320 километров, что подтверждает экономические связи с внутренними частями страны. Стекло, китайский голубой и белый фарфор и бусины указывают на иностранную торговлю. Местные товары несут признаки новых мотивов Большого Зимбабве и явной оригинальности в русле общей традиции.

Манеквени столь же древен, как и Большой Зимбабве. Двенадцать образцов для радиоуглеродной датировки показали, что его стены были построены примерно в XII в. и что он был населен до XVI—XVII вв. Судя по его местоположению, Манеквени, в отличие от других каменных дворов, мог процветать только за счет дальней торговли. На песчаных низких равнинах, которые его окружают, дожди идут не часто, и тонкий слой неплодородной почвы, полное отсутствие наземных источников воды в течение большей части года превращают земледелие в очень трудную или даже невыполнимую задачу. Даже сегодня сельское хозяйство здесь может прокормить только отдельные поселки. Деревень здесь сейчас нет, по крайней мере, таких постоянно и густо населенных поселений, каким когда-то был Манеквени...

Закат Большого Зимбабве

Великий Зимбабве испытал внезапный экономический спад в XV в. Этому можно предложить несколько объяснений. Есть причины эмоционального и психологического характера: экспансионистские амбиции правителя, основанные либо на его личных устремлениях, либо на советах чужеземцев. Экономические причины можно усмотреть во вмешательстве государства во внешнюю торговлю, что принесло контроль над рудниками и маршрутами экспорта, которые развивались на северном краю плато. Общая деградация природной среды — исчезновение дичи, уменьшение лесных ресурсов, истощение почвы под пастбищами и полями, возникшее в результате необычайно распространявшихся крупных постоянных поселений, также могло стать причиной упадка.

Ни одна из этих гипотез не была проверена археологическим путем.

Для этого периода можно обратиться и к данным, полученным помимо раскопок. Устная традиция шона, подтверждаемая почти современными описанным событиям отчетами португальцев, говорит, что в середине XV в. первый Муну Мутапа покинул свой дом на юге и переселился в долину Замбези «из-за недостатка соли». Такое экзотическое объяснение можно воспринять как намек на некоторые земледельческие или экономические проблемы в столице, которые оказались неразрешимыми.

Это событие явно совпадает по времени с неожиданным упадком торговли в Большом Зимбабве. Великий Зимбабве как раз и мог быть той столицей, которую покинул Муну Мутапа, переселившись на север. Это событие также могло просто отражать политическое напряжение, вероятно — династические споры, возникшие внутри правящей верхушки. Следствие — раздел династии и переезд «диссидентов» во главе с Муну Мутапой на север. Далее люди Муну Мутапы быстро подчинили себе все группы шона между плато и побережьем. Принцев из этой династии посылали править областями Маника, Теве и Седанда. Это и была «империя Муну Мутапы», чья слава в основном покоится на описаниях португальцев, которые стали ее торговым партнером в XVI в. Они знали, но говорили много меньше того, что знали, о другом королевстве, которое возвысилось в юго-западном конце плато.

Здесь традиция столиц с каменными стенами, зародившаяся в Большом Зимбабве, продолжилась. Из этих истоков выросло новое государство шона, теперь уже от ветви розви, возглавляемое династией Чангамире. Оно обязано своим возвышением осо-

бенному богатству юго-западных областей золотом и скотом. В 1693 г. правитель из династии Чангамире, Мамбо, выкинул Муну Мутапу и его португальских союзников с плато. Государство розви, пока оно не пало под натиском захватчиков-нгуни (зулусов) в 1803 г., было настоящим наследником Большого Зимбабве и неоспоримой силой на плато.

Необходимые объяснения

Такова вкратце история Большого Зимбабве и государства — его преемника. Множество вопросов все еще ждут ответа. Какова была структура государства? Из чего она развилась? На какой власти было основано государство? Откуда взялась эта власть?

Многие ошибки в интерпретации истории Зимбабве объясняются тем старомодным воззрением, что все археологические комплексы должны представлять единую культурную общность, относящуюся целиком к одному племени или народу. Но это неверно. Что касается Большого Зимбабве, достаточно поглядеть только на один срез общества, правящий класс, который удерживал власть благодаря контролю над производством товаров, интересующих иностранных купцов. Особая природа этого общества проявлялась не только в его архитектуре. Она также заметна в керамике, домашней утвари и диете. Изысканно отполированные сосуды для питья и огромные емкости для хранения и изготовления напитков преобладают во всех коллекциях здешней керамики. Не было мисок для сервировки блюд из хлебных злаков или гарниров и очень немного посуды, пригодной для приготовления твердой пищи. Очень редки находки ручных мельниц для перемола зерна. Анализ коллекций костей из куч пищевого мусора говорит о том, что, в основном, это были кости крупного скота. И каждое раскопанное поселение «зимбабве» показывает то же самое. Ни в одном поселении позднего железного века не было признаков столь скудной диеты.

Особенно значимо, что многие аванпосты культуры Большого Зимбабве были слишком маленькие по размерам, чтобы вести независимое существование. В большинстве из них могло проживать не более одной семьи. Они явно не были жизнеспособными единицами в экономическом смысле. Их безопасность и жизнеобеспечение должны были зависеть от более крупных групп населения, живущих в непосредственной близости. В действительности, они должны были быть лишь потребителями значительных внешних трудовых и товарных ресурсов. Кто обеспечивал их? Кто, кроме правящего класса, входил в состав общин позднего железного века?

Кроме людей культуры Леопардс-Копье на юго-западе, были определены по крайней мере три отдельные археологические группы позднего железного века. Эти группы занимали разные территории в северной половине плато. Они различались только стилем своей керамики. Их вполне можно рассматривать как отдельные этнические группы — кланы — одного народа шона. Все жили в обширных деревнях посреди сельскохозяйственной области. Недостаток всех импортируемых товаров, кроме малого выбора бусин; бедность их украшений; простота их жилищ; отсутствие любых указаний на дифференциацию по благосостоянию или статусу владельца, или специализации в архитектуре или планировке их деревень — все это доказано раскопками. Все указывает на то, что эти деревни представляли собой сообщества равноправных членов, живущих продуктами земледелия. Время существования всех поселений — период с XII по XVI вв., и таким образом, они являются современниками каменных оград. И каменные ограды были рассеяны по территориям всех этих трех групп (так же, как и по территории поселений культуры Леопардс-Копье). Не может быть никаких сомнений в том, что они сосуществовали. Эти люди были, предположительно, крестьянами и рудокопами, которые и поставляли правителям еду, рабочую силу и богатство. Они представляли собой устойчивый, почти автономный, производственный сектор традиционной африканской двойной экономики. Отношения между крестьянами и их правителями еще предстоит изучить.

Только два раскопанных поселения имеют признаки того, что в них проживали, и по близости друг от друга, обе основные группы общества. Руанга, здание XV—XVI вв. у реки Мазоз, стоит на холме, который был занят общиной земледельцев начиная с XII в. Распределение археологических находок указывает на то, что обе группы сосуществовали. В Манеквени, поселении с каменной оградой в южном Мозамбике, была найдена большая коллекция керамики, стиль которой и ее распределение указывают на подобную ситуацию.

Но одним контрастом между жизнью правителей в их дворах с каменными оградями и их подданных соплеменников из различных групп вся история не ограничивается. Некоторые люди были чем-то большим, чем простыми крестьянами. Те, кто проживал на северном крае плато, добывал медную руду в холмах Урунгле. Слитки, которые они делали, с бороздками и в форме «крыльев мельницы», как описывали их португальцы, были найдены на юге, в районе Большого Зимбабве. В захоронениях этой группы в Ингомбе-Иледе, на берегу Замбези, найдены инструменты для протягивания медной проволоки, из которой изготов-

дивались ручные и ножные браслеты. Также обнаружены слитки, бруски и пруты, представляющие собой разные стадии этого процесса. Высокий социальный статус этих металлообработчиков демонстрируют спаянные железные гонги и серьги из конусовидных раковин, которые также находились в их захоронениях. Их власть символизируют наборы мотыг такой особенной формы, что они скорее походят на ритуальные, чем на реальные земледельческие инструменты. Их богатство продемонстрировано золотыми бусинами, которые они носили в ожерельях, и золотыми окладами их серег.

Основой силы металлообработчиков Ингомбе-Иледе было то, что им удалось объединить две главные медепроизводящие области Центральной Африки в широкомасштабную торговую сеть, которая протянулась от Заира до Зимбабве.

Эта группа, судя по всему, пришла в упадок с переездом Муну Мутапы на север. Их торговля только единожды упоминается португальцами в начале XVI в.

Однако, если династии Зимбабве правили над несколькими отдельными группами из маленьких, отдаленных и беззащитных аванпостов, возникает вопрос: как они добились такого контроля? Как поддерживали свою безопасность, и как подчиняли людей и присваивали себе продукты их труда? Ведь их дворы были слишком малы и беззащитны, чтобы быть частью военной системы...

Роль религии

В африканской жизни политическая и экономическая власть редко отделены от религии. И то и другое связаны почти неразрывно и часто олицетворены в одном человеке — правителе. Нынешняя археология не позволяет точно определить значение религии в зарождении и структуре власти Большого Зимбабве. Тем не менее, нет никаких сомнений, что многие другие структуры отражают это значение. Башенки, монолиты, алтари и ряды скульптурных изображений птиц из мыльного камня, которые ставились и на стены, и на алтарь, — все это должно было иметь некое сверхъестественное предназначение. Центральную роль ритуала в подтверждении политической власти в культуре Зимбабве теперь можно проиллюстрировать и археологически — находками из раскопок в Нгунгузе, малом поселении с каменной оградой недалеко от Руанги. Над всей деревней доминировало очень большое, круглое в плане глиняное здание — одно из самых больших, известных среди такого типа поселений. Оно было разделено на большой зал, который вел в маленькую комнату, где име-

лось только сиденье. За этим «треном» была стена, а за ней уступами поднималась платформа с низким каменным цилиндром наверху, заключенным в глину и имеющим желобок для установки вертикального монолита или какого-то резного изображения. Это был своего рода алтарь с платформой, которую и описывали ранние отчеты европейских любителей древности. Какие бы предметы ни были запечатаны в этой скрытой комнате, они были реальной, равно как и символической опорой для того человека, кто сидел на «троне» перед ними и представлял собой власть в этом «зимбабве». Ранние формы религии шона были местными культурами. Они были широко распространены, независимы друг от друга, совершенно децентрализованы и связаны с земледелием и военными делами местных общин. Это, судя по всему, были реликты верований древних земледельцев, которые жили в самодостаточных общинах без сильной или постоянной формы власти. Вероятно, они зародились еще в раннем железном веке. И совершенно точно, что они предшествовали централизованным формам правления позднего железного века.

На плато доминировал культ Мвари, единственного высшего божества, далекого от забот простых людей, чьи жрецы, однако, озвучивали его волю в посвященных ему святилищах. Это — централизованный культ с простой, ясно очерченной системой святилищ, жрецов и чиновников. Правители розви воспользовались единством культа Мвари как основой своей политической власти. Жрецы культа обеспечивали правителю розви Мамбо информацию, и их агентурная сеть охватывала страну. От памятников этого культа теперь осталось лишь одно святилище в холмах Матопо, к югу от Кхамы. Традиционно его центр находился при дворе Мамбо.

На северном краю плато и в долине Замбези основными были культы мгондоро. Мгондоро — это духи предков-королей, основателей и героев, которые стали полусвятыми. Иногда они овладевали духом медиумов и вещали через них. Это участие духов прежних правителей в принятии актуальных важных решений — одна из форм внедрения религии в политическую жизнь. Одержимость духами употреблялась на нужды общества или государства.

Юго-запад пошел дальше севера. Здесь, как предполагается, были найдены альтернативные источники экономического богатства. Зависимость государства от чужеземной торговли была сведена к минимуму. Богатые пастбищные земли на юго-западе возвысили экономическую роль скотоводства. Владение всем скотом дало Мамбо альтернативный источник дохода, а развитые сельскохозяйственные технологии сделали королевство относительно свободным от давления соседей. В XVIII в. военная организация и доб-

длесть розви, а также разумное устройство и постоянная поддержка армии позволяли чиновникам Мамбо путешествовать по стране и собирать дань напрямую в зависимых центрах. Дань больше не проходила через иерархию деревенских и провинциальных вождей. Она стала независимым и важным источником дохода, который шел напрямую к центральному правителю.

Зимбабве простоял бы вечно, если бы не европейская экспансия, против которой местные правители оказались бессильны...

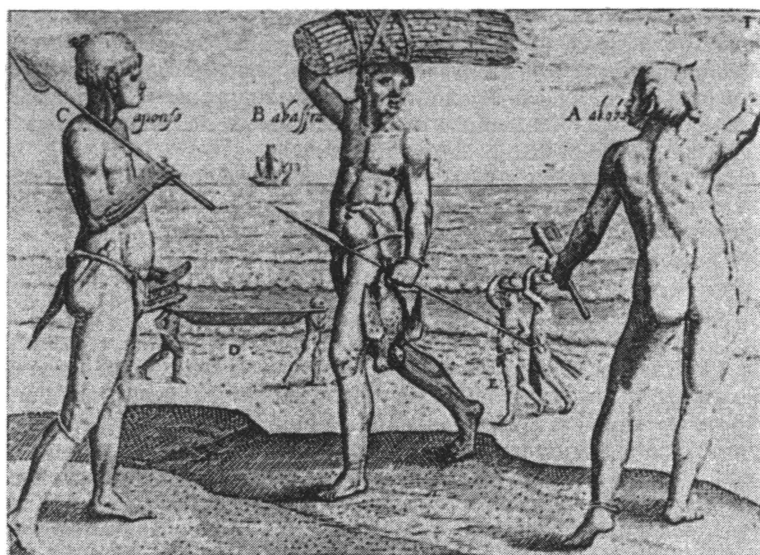
Древняя Гана

Аукар, Вагаду, Сонинке, Кайа Маган... Если эти названия звучат для нас совершенно незнакомо, то в этом вина историков и школьных учителей. Аукар, или Вагаду — так называли огромную древнюю империю, основанную чернокожим народом сонинке в Западной Африке. Главу этого государства называли «кайа маган» — король золота, или «гана» — военный вождь.

С течением времени, когда слава о богатстве Аукара широко разошлась по Африке, слово, которым обозначали его могучего короля — гана — стало синонимом названия всей страны. Даже сегодня это слово сохранилось в названии западно-африканской страны Республики Ганы в Гвинейском заливе. Народ, обретший независимость в 1960 году, намеренно выбрал такое имя, чтобы причаститься к славе богатой и могучей империи прошлого, хотя, на самом деле, у современной Ганы нет никакой исторической связи с древней Ганой. Та, первая, была создана другим народом далеко на юго-востоке и процветала с 200 по 1075 год, когда была разрушена в результате вторжения чужаков.

Первоначальная Гана возникла в западной части Билад-ас-Судан — Земли Черных, как арабы называли тот «пояс», что соединял Атлантику с Красным морем, с севера ограниченный пустыней Сахарой, а с юга — тропическими лесами. Первая империя Западного Судана разместилась на широкой U-образной территории, образованной мощной рекой Сенегал на западе и истоками Нигера на востоке.

Что же было такого великого в Гане? Благодаря сохранившимся до наших дней арабским хроникам и устным преданиям ученым удалось кое-что узнать о прошлом этого региона. То была страна честолюбивых и способных чернокожих людей, которые правили огромной территорией внутренней, саванной Африки при помощи хорошо разработанной сети управления и разветвленной системы налогов. Это была процветающая страна, чья внешняя и даже заморская торговля далеко распространилась по

Жители Западной Африки. Слева направо: рыбак, крестьянин и раб
(Рисунок 1603 г.)

всем регионам, причем не только в Африке, но и в Азии. Правители Ганы сформировали чрезвычайно большую армию. Оснащенные оружием с железными наконечниками, ее воины раздвинули границы империи и поддерживали в стране такой порядок, что военной и социальной организации удивлялись и друзья и враги.

Из-за того что письменные сведения не затрагивают ранних веков истории Ганы, нам придется положиться на данные археологии, отчеты чужеземных наблюдателей и устную традицию (хроники, передаваемые из поколения в поколение профессиональными «рассказчиками» гриотами). Отчеты часто бывают фантастичны и сильно озадачивают, потому что вызывают к жизни множество дополнительных вопросов. Некоторую часть этих отчетов подтверждают археологические находки. И можно надеяться, что в будущем мы будем получать все более и более достоверную информацию — когда больше ученых займется раскопками руин древней Ганы, и больше письменных отчетов (ныне находящихся в частных коллекциях) будут переведены и опубликованы.

То, что Гана была страной золота, отрицать невозможно. Желтый металл изобилдовал в Гане и особенно на юге страны. Благодаря тому что правитель контролировал добычу и продажу золота, Гана и была богатой. Торговля с севером и югом превратила империю в обширный торговый центр и поставила на перекрестье множества караванных путей.

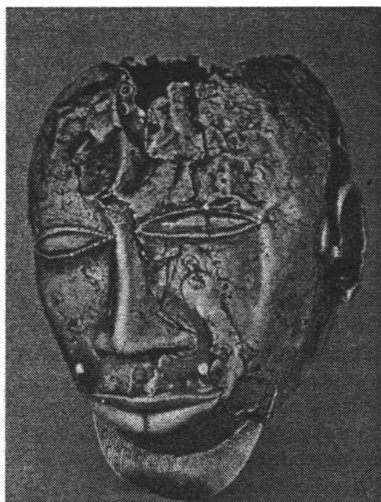
В своей знаменитой истории «Тарик аль-Фетташ» сонинке-мусульманин по имени аль-Кати под датой «1050» рассказывает об одном правителе, Канисса'ай, который правил Ганой в дни ее величия.

Правитель...

Аль-Кати пишет, что Канисса'ай был «одним из хозяев золота». У него была привычка — каждый вечер выходить из своего дворца, чтобы послушать, что о нем говорят его подданные. Однако он делал это только после необходимой подготовки. «Поджигались тысячи вязанок дров, так, чтобы повсюду было светло и тепло». Огонь был весьма живописен, казалось, что «языки пламени освещают пространство между землей и небом». После этого Канисса'ай выходил в своем церемониальном платье и занимал место на балконе «из блистающего красным золотом». Оттуда он отдавал приказ: «Принести еду для десяти тысяч человек».

По словам аль-Кати, король Канисса'ай вполне мог позволить себе такую щедрость. Даже его лошади жили по-царски. А лошадой у Канисса'ай была тысяча, как доносит аль-Кати, и каждая спала на собственной подстилке, и недоуздок у нее был из шелковой веревки, а в их стойле было так же чисто, как и у правителя во дворце. Каждый жеребец имел свой собственный медный ночной горшок, и три слуги должны были заботиться о нем круглые сутки!

Что можно сказать о таком сообщении? Насколько оно точно? Даже если допустить, что здесь есть некоторые преувеличения и искажения величин, по-прежнему нет особых причин сомневаться в достоверности сведений аль-Кати в целом. Что касается необычной заботы Канисса'ай о лошадях, то этому мы можем поверить полностью. Во времена Канисса'ай лошади символизировали богатство во всех частях света. Таким образом, для него было престижно владеть таким их числом, во-первых, как свидетельством богатства и процветания; во-вторых, чтобы лучше контролировать своих людей и защищать свою власть. В своем обширном государстве король нуждался в конных патрулях для поддержания порядка и проверки караванов. Затем, как это было повсюду до изобретения двигателя внутреннего сгорания, тот, у кого больше кавалерии, и был самым сильным.

Золотая маска правителя. Гана

В-третьих, раз его лошади были столь ценными, они заслуживали и соответственно получали, самый тщательный уход.

В-четвертых, необходимость заботиться о лошадях давала работу многим людям, создавая ядро из верных слуг.

Что насчет приемов у Канисса'ай? Принимать своих подданных было частью королевского устава во многих частях Африки, хотя дел у правителя было столько, что даже каждая ночь тщательно

расписывалась. Описание аудиенции Канисса'ай соответствует тому, которое дал другой историк, чья книга была опубликована в Кордове в 1067 г.: «Король, который правит (Аукаром или Ганой) ныне... зовется Тенкаминен; Тенкаминен — хозяин большой империи и имеет невероятную власть... Король Ганы может привести на поле битвы двести тысяч воинов, и более сорока тысяч будут вооружены луками и стрелами... (заметьте, что это был тот самый год, в который нормандский герцог Вильгельм привел с собой около десяти-пятнадцати тысяч воинов на битву при Гастингсе и завоевал крошечную Англию).

Когда он дает аудиенции своему народу, чтобы выслушать жалобы и рассудить обо всех делах людей, то садится в павильоне, вокруг которого стоят десять лошадей в вышитой золотом сбруе. За королем стоят десять пажей, держащих щиты и мечи с золотыми окладами; справа — сыновья принцев его империи, блестяще одетые и с золотом, заплетенным в их косы. Правитель города сидит на земле перед королем, а вокруг него располагаются его визири. Дверь павильона охраняется собаками прекрасной выучки, которые никогда не покидают короля и носят ошейники из золота и серебра, украшенные теми же металлами. О начале королевской аудиенции объявляют, ударяя в некий барабан, сделанный из длинного куска полого дерева, который здесь называется «деба». Люди собираются, когда слышат его бой...»

Золотые диски — украшения вождей ашанти

Это сообщение дано ученым географом-мавром аль-Бекри в его монументальной «Книге дорог и королевств». То была компиляция самых свежих и достоверных сведений об Африке того времени. Сам аль-Бекри никогда не ступал на землю Ганы. Информация приходила к нему от вожатых караванов, мусульманских купцов и путешественников, которые объезжали земли, а он передавал их описания, скрупулезно сохраняя детали. Мы можем доверять его отчетам, потому что археологи уже подтвердили многие из его заявлений. Кроме того, вся статистика в его книге тоже была проверена и оказалась замечательно точной.

...и его империя

Географ описывает столицу Ганы как состоящую из двух городов, расположенных в одной долине. В первом жил правитель и его двор, а в другом, примерно в девяти километрах, мусульманские купцы и торговцы. Мусульманский город, согласно аль-Бекри, имел двенадцать мечетей с целым штатом чтецов Корана

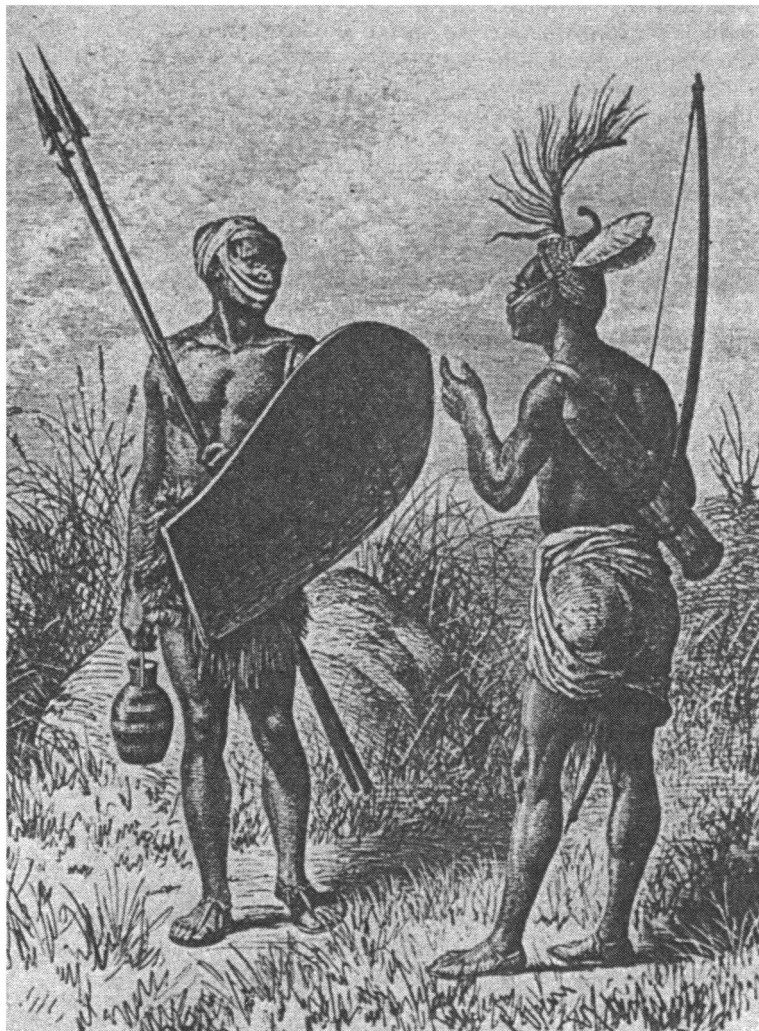
и ученых мужей. Город окружали «колодцы с прѣсной водой, из которых они пили и рядом с которыми выращивали овощи». Город короля, продолжает географ, состоял из «дворца и множества жилищ в форме купола и весь он был окружен оградой, как защитной стеной города».

В 1914 г., в месте, известном как Кумби-Сале, примерно в трехстах пятидесяти километрах к северу от столицы республики Мали, в современной Мавритании, были найдены руины некоего города. Французские археологи занимались там раскопками в 1950-х гг. и обнаружили многочисленные каменные здания, многие из которых были двухэтажными. Ученые были убеждены, что это — город мусульманских торговцев, и сегодня ищут второй, город-близнец королей Ганы. Его найти будет труднее, так как ганцы использовали для своего строительства обожженную глину и деревянные балки — материалы, более подверженные разрушению, нежели камень у мусульман.

Зачем потребовалось разделять города? Короли Ганы не были мусульманами, хотя они и поддерживали дружественные отношения с арабскими купцами, и между мусульманами и ганцами царило взаимное уважение. Очевидно, короли Ганы приветствовали торговцев и купцов, так как те платили налоги и соблюдали законы, но они не желали иноземного влияния в своей столице. Она была, кроме всего, еще и крепостью с богатой казной, и они не хотели, чтобы чужаки заходили за стены и плели заговоры против монарха или поднимали мятежи. Кроме того, было бесполезно держать их на расстоянии, чтобы приглядывать за порядком.

Одним из главных достижений ганцев была их организация империи. От аль-Бекри и из других источников известно, что к середине XI в. король Ганы правил через иерархию чиновников. У него была группа главных исполнителей, его визирей; у него было правительство, которое занималось делами столицы; а часть его двора составляли дети и родственники вассальных королей и принцев. Нет никаких сомнений, что этих принцев держали в столице не только для того, чтобы те наслаждались придворной жизнью, они еще служили заложниками и гарантией того, что их отцы останутся верными «королю королей».

Так маленькие, но энергичные племена, которые начали с того, что в 200 г. воспользовались преимуществами металлообработки и оружия с железными наконечниками, построили сказочно богатую, громадную империю, которая просуществовала до самого конца первого тысячелетия. Ее стратегическое местоположение давало контроль над торговлей севера с югом. С юга шли рабы и слоновая кость, так же как и золото для западного мира. Торговцы и купцы обменивали все это на продукцию Северной

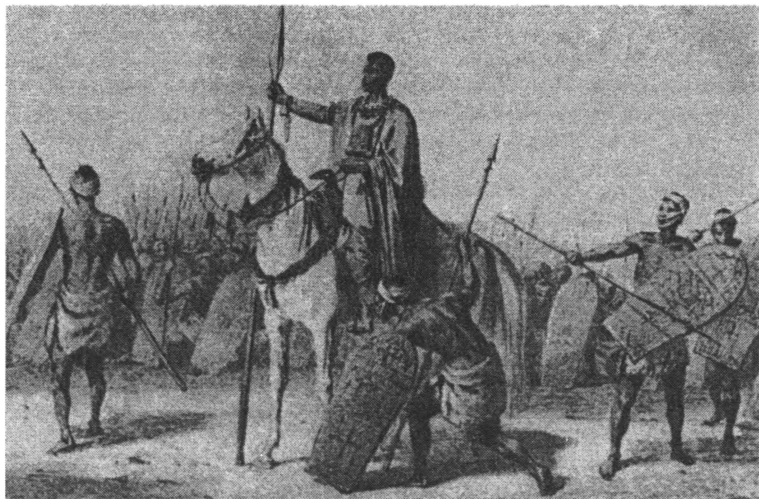
Воины султаната Борну. Западная Африка

Африки: соль (этот основной продукт потребления, недоступный жителям внутренней Африки), медь, сушеные фрукты и раковины каури (использовавшиеся как деньги или средство обмена).

Эта торговля обогащала не только купцов, но и короля и его правительство. Аль-Бекри объяснял: «Король брал себе (налог) динар золота с каждого груза соли, который помещался на одном осле и ввозился в его страну, и два динара золота с каждого груза соли, который вывозился из его страны. Груз меди приносил ему пять миткалей, а груз товаров — десять миткалей».

В дополнение к этому доходу с налогов на экспорт и импорт король имел другой значительный источник доходов. Аль-Бекри продолжает: «Лучшее золото в стране приходило из Гьяру, города, расположенного в восемнадцати днях пути от столицы в области, густо населенной чернокожими и покрытой деревьями. Все куски местного золота, найденные в рудниках империи, принадлежали верховному суверену, хотя он и позволял своим людям владеть золотым песком. Без такой предосторожности золота могло стать слишком много, и оно бы практически потеряло бы свою ценность...»

Другими словами, ганцы понимали эффективность монополии для поддержания цены на товар — в данном случае, золото. Они контролировали самородки и препятствовали тому, чтобы

Правитель и воины султаната Канем-Борну. Западная Африка

золота становилось так много, чтобы цена на него снизилась. Современные монополисты делают то же самое, идет ли речь об алмазах (их контролирует маленькая группа компаний, выпускающая их на рынок небольшими порциями, что держит цену на высоте) или о нефти (так, например, специальная регуляционная комиссия в Техасе следит за тем, чтобы нефть добывали только три дня в неделю, и даже сокращает и это время, когда избыток продукта грозит снизить цену).

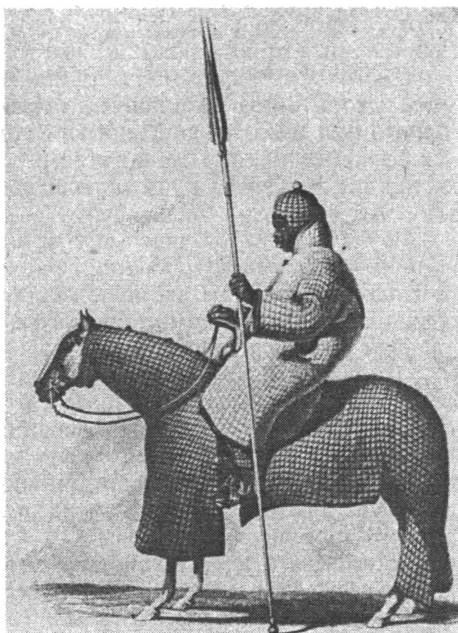
Не все золото Ганы шло с ее собственных рудников. Был путь, например, из Вангары, района, расположенного прямо на юг от Ганы, где местные племена мандинго обменивали золото на соль и другие необходимые продукты. Это делалось при помощи системы «молчаливой торговли» или «тихого бартерного обмена». Ганские купцы приходили на определенное место на берегу реки, клали на землю свои товары и уходили, целиком исчезая из виду. Затем подходили золотодобытчики и осматривали товары. В стороне от них вангарийцы клали то количество золотого песка, которое они считали достаточной платой. Затем они уходили, а купцы возвращались. Если их устраивала количество оставленного золота, они запаковывали его и уходили. Однако если они считали его недостаточным, то снова чуть отходили в надежде, что вангарийцы добавят.

Хотя эта система и выглядит примитивной, она работала столетиями. И стоит заметить, что западно-африканские области служили главным источником золота для европейских рынков до тех пор, пока испанские конкистадоры не обнаружили новые запасы в Америке. Африканские рудокопы в той же самой области сейчас, используя методы своих предков, производят 140 000 унций золота в год! Средневековые золотые монеты Италии, Франции и Англии, вероятно, начинали свой путь именно в Гане как продукт «тихого бартера» — золото, обмененное на соль:

В начале XI века в Западной Африке наступили большие перемены. Поток арабов прокатился по Северной Африке, все сокращая и грабя на своем пути и вытесняя людей оттуда, где они жили веками до этого. Одной из групп, буквально сбежавшей со своих земель, были берберы. За их приходом последовали трения с ганцами на границах. Город сонинке Аудагост на неустойчивой границе между двумя народами был захвачен одним берберским племенем почти сразу. Они превратили Аудагост в торговый центр, конкурирующий со столицей Ганы. Когда же ганцы захватили город обратно в 990 году, то все берберы объединились против сонинке.

Вожди берберов приняли ислам весьма пуританского вида. Но простые берберы, однако, отвергли эту жесткую, узкую интер-

Всадник из Багирми, государство Борну. Лошадь и всадник защищены «доспехами» из хлопчатобумажной ткани

претацию мусульманской религии. Но затем появился один страстный, фанатично суровый религиозный лидер по имени Абдулла ибн Ясин. Согласно традиции, Ибн Ясин удалился от мира в отшельничество на островке посреди реки Нигер. Здесь он и раздувал огонь священной войны, джихада, среди своих последователей, которых называли «людьми отшельнических монастырей» (альмурабитун — по-арабски), позже ставших известными как альморавиды.

Альморавиды

Эти фанатики-мусульмане, возглавляемые ибн Ясином, медленно обращали в свою религию берберов, пока наконец большая часть их деревень и городов не превратились в укрепления альморавидов.

У них было две цели. Первая: вынудить мусульман Северной Африки и Испании принять реформированный, «чистый» ислам. Второй целью было обратить всех неверующих и мимоходом их завоевать. Хотя главным направлением для альморавидов был север, одно крыло, под руководством Абу Бакра направилось на юг и восток. Абу Бакр захватил город Аудагост в 1054 году и через 22 года жестоких схваток с ганцами — и их столицу. Хотя он претендовал на всю империю, но вскоре обнаружил, что с трудом справляется и с уже захваченной частью. Против альморавидов вспыхивал мятеж за мятежом, и им с трудом удавалось удерживать равновесие, пытаясь смирить этих «беспорядочных» людей

Ганы. Собственно говоря, сам Абу Бакр был убит в 1087 году, как раз когда он пытался подавить одно из восстаний.

Однако за тридцать три года сражений с альморавидами сильный централизованный контроль правителя Ганы над своей империей был поколеблен. Все бывшие провинции, кроме двух, возжелали независимости и образовали свои королевства. Одно из них, Каньяга, выделялось из всех благодаря умелому руководству членами клана Со народа фульбе. Еще до начала XIII в. Каньяга удалось присоединить другое королевство, Дьяра. Затем, в 1203 г., король Сумангуру повел своих единоплеменников на успешный штурм столицы Ганы, Кумби-Сале. Он воцарился над всеми землями и территориями бывшей империи и обратил ганцев в рабство.

Но Сумангуру повезло не больше, чем альморавидам, в попытке склеить империю заново и контролировать ее. Вскоре после захвата Кумби-Сале мусульманские торговцы упаковали все свои вещи и ушли. Они построили новый торговый центр в Вала-та, далеко на севере, вне досягаемости для солдат Сумангуру. Уход мусульманских купцов был серьезным ударом для торговли древней империи Гана.

Но завоевания Сумангуру подготовили возникновение в Западном Судане новой империи, еще более великой, чем Гана — империи Мали...

МАЛИ. ЦАРСТВО СУНДИАТЫ*

Малинке — «люди Мали»

Новое государство складывалось в верхнем течении Нигера, где невысокие скалистые холмы Мандингских гор отделяют Нигер от истоков другой большой реки — Сенегала. Уже очень давно жили здесь предки современного народа малинке, одного из самых известных и распространенных в Западной Африке. Как и сонинке, создатели Ганы, они принадлежали к большой семье народов, говорящих на языках манде; поэтому их иногда называют и мандингами. Но в этом имени — малинке — навсегда запечатлелось название государства, слава которого в XIV—XV вв. гремела по всему Средиземноморью: «малинке» означает «люди Мали».

Люди, жившие в междуречье Нигера и Сенегала, издавна занимались земледелием. До сих пор один из самых распространенных мотивов в устном поэтическом творчестве жителей этих мест — расчистка под посев участков леса или саванны. На таком участке растительность сначала вырубали, а потом срубленные растения сжигали. При посеве зола служила удобрением. Такая система земледелия носит название подсечно-огневой. Ее недостаток в том, что она требует частой смены обрабатываемых участков, так как почва под посевами истощается очень быстро. Но свободных земель в саваннах Западного Судана было очень много, так что этот недостаток не причинял земледельцам больших забот.

С незапамятных времен в этих местах сеяли дурру — она и служила основным пищевым злаком, сажали маниоку — травя-

* Используются материалы доктора исторических наук Л.Е. Куббеля.

нистое растение с толстым мучнистым корнем, содержащим много крахмала. Довольно широко распространены были и посевы хлопка. Меньшее значение имело скотоводство. Как и повсюду в Западном Судане, здесь существовало разделение труда между жителями земледельческих местностей и скотоводами-кочевниками, разводившими скот дальше к северу, в Сахеле. Кочевники обменивали свой скот на продукты земледельческого труда оседлых людей.

Большое место в жизни древних малинке занимала охота. И сейчас еще видно ее хозяйственное значение: охота служит заметным подспорьем и в современном хозяйстве народов этого района, а к тому же у них сохранилось множество древних легенд, верований и обрядов, связанных с духами охоты. И хотя сюда давно пришел ислам, он так и не смог вытеснить из народного сознания эти древние традиции.

Но все же основой хозяйственной жизни оставалось земледелие. Оно требовало очень больших затрат труда. Ведь до самого недавнего времени народы Западной Африки не знали плуга: вся обработка земли велась мотыгами. И хотя многовековой производственный опыт африканских земледельцев привел к созданию множества особых, очень специализированных видов мотыг, прекрасно приспособленных к самым разнообразным видам земледельческих работ, все же при такой технике обработки земли производительность труда земледельца оставалась очень низкой. В одиночку крестьянин не смог бы справиться и с расчисткой участка, и с рытлением почвы, и с посевом или посадкой. И поэтому основой хозяйства мандингских народов, т.е. народов, говоривших на языках группы манде, мог быть только коллективный труд.

Первичной ячейкой организации общества у этих народов была большая семья. В нее входили не одни только кровные родственники: отличительной особенностью большой семьи в Западном Судане было то, что в нее включались люди, не связанные с нею узами родства — вольноотпущенники и рабы. Рабы составляли часть общей собственности семьи — такая собственность включала помимо них постройки, орудия труда и скот.

Но не нужно преувеличивать тяжесть положения рабов у малинке, да и у других родственных им народов. Дело в том, что настоящими рабами, такими, которые, по классификации римских юристов, считались бы «говорящим орудием», а не человеческим существом, были только те, которых захватывали для того, чтобы впоследствии продать. Их участь действительно была незавидной. Но значительная часть пленников, особенно в ранний период, когда еще не вполне завершилось сложение у этих

народов общества с антагонистическими классами, либо оказывалась посаженной на землю и работала на ту семью, в собственность которой попадала, либо же включалась в состав царского войска.

Очень важная особенность: рабство само по себе не считалось неизменным состоянием. Ребенок раба, рожденный в доме господина, уже пользовался некоторыми привилегиями по сравнению со своими родителями — его, в частности, уже ни при каких условиях нельзя было продать. А в четвертом поколении раб и вовсе переставал быть рабом, превращаясь в «дьонгорон» — вольноотпущенника. И как вольноотпущенник он продолжал считаться членом той большой семьи, к которой принадлежали его предки-рабы.

Хотя вольноотпущенник и не был вполне равноправен со свободными членами семьи, отличие его от низших категорий свободных — а сюда относились все ремесленники, которые образовывали касты, т.е. группы людей, наследственно занятых какой-нибудь одной профессией и могущих заключать браки лишь внутри своих групп, — почти не ощущалось. А уж когда речь шла о вольноотпущенниках царской семьи, их положение почти всегда оказывалось лучше положения рядовых свободных малинке. Из царских «дьонгорон» составлялись отборные части войска, вольноотпущенники, а зачастую и просто рабы правителей ставились наместниками городов и целых областей. И в конечном счете царь стремился к тому, чтобы все важнейшие должности в государстве оказывались заняты его рабами или бывшими рабами: ведь эти люди были связаны только с царем и его семьей, зависели только от них и только им были обязаны своим положением. А это на первое время давало некоторую гарантию, что «дьонгорон» и рабы будут верно служить своему господину.

Не нужно думать, что внутри большой семьи у мандингских народов не возникало противоречий. Это была патриархальная семья — она называлась «тун», или «тон». Во главе ее стоял самый влиятельный, обычно старейший, мужчина. Ему принадлежала очень большая власть над всеми остальными членами семьи — он распоряжался их трудом, он был их командиром в военных предприятиях, он же был и жрецом местного божества. Власть его, таким образом, имела и светский, и духовный характер. И потому уже на ранних стадиях развития у главы семьи появлялись возможности эксплуатировать труд не только рабов «тун», но и свободных членов семьи — как полностью свободных и полноправных, так и не вполне полноправных: ремесленников и вольноотпущенников.

Среди неполноправных каст, в которые входили все ремесленники (свободный полноправный малинке мог быть только земледельцем или охотником), выделялись своим авторитетом и своей ролью в обществе гриоты. Это была каста певцов-сказителей, которые хранили народные предания, передавая их из поколения в поколение, от отца к сыну. Очень часто гриоты, в особенности царские (ведь каждая семья имела своих гриотов), занимали исключительно высокое положение в государственном аппарате.

Из нескольких больших патриархальных семей складывалась «дугу» — сельская община. Она распоряжалась землей, причем на практике эту функцию осуществлял глава той семьи, которая в данной местности поселилась первой. Внутри общины существовало уже несколько слоев. Выше всех стояли главы отдельных патриархальных семей; они пользовались преимущественным правом занимать высокие должности в войске и в управлении. За ними следовали рядовые свободные общинники; из них, особенно в раннее время, составлялось войско. Ниже стояли ремесленные касты, среди них тоже существовал определенный порядок старшинства: выше всех были кузнецы, дальше шли кожевники, ткачи и остальные ремесленники. Самой «младшей» из неполноправных каст считались гриоты, но и у них была градация: гриот кузнецов, например, оказывался выше гриота ткачей. И наконец, на нижней ступеньке общественной иерархии стояли «дьонгорон» и рабы.

Положение главы «дугу» — он назывался «дугу-тиго» — создавало еще большие возможности для накопления богатств в одних руках, чем положение главы отдельной большой патриархальной семьи. Он распределял земли между отдельными «тун», и все, кто входил в их состав, обязаны были отдавать главе общины часть своего урожая. Точно так же облагался налогом любой доход, полученный во владениях общины с чего бы то ни было — от охоты, рубки леса или добычи полезных ископаемых. Считалось, что налог этот принадлежит всей общине и должен расходоваться на ее нужды по указаниям совета глав отдельных «тун». Первоначально это так и делалось, но уже довольно скоро «дугу-тиго» стал распоряжаться налогом единолично, все меньше обращая внимания на совет.

Более того, глава общины имел возможность по своему усмотрению использовать и труд свободных людей, объединявшихся в так называемые возрастные классы. Эти объединения лиц одного возраста создавались первоначально для взаимной помощи в хозяйстве, в частности для обработки полей будущих или настоящих родственников жены каждого из входивших в

такое объединение. Создание возрастных классов отнеслось к очень давнему времени, они составляли часть системы воспитания молодежи и ее подготовки к исполнению, так сказать, гражданских обязанностей. Но впоследствии труд возрастных классов стали использовать и верховная власть, и местные вожди для выполнения различных тяжелых работ, в особенности ирригационных. И труд этот фактически превращался в разновидность барщины.

Такими путями выделялся сильный в имущественном отношении слой вождей, так складывалась родовая аристократия.

Несколько общин объединялось в союз — этого требовали и интересы военной безопасности, и торговые дела. И в результате военных столкновений, под влиянием караванной торговли, которая способствовала накоплению богатств в руках знати «дугу», какой-нибудь из этих союзов начинал возвышаться. В конечном счете под его властью оказывалась более или менее обширная область, которую населяли не только разные союзы общин, но часто и разные народы.

Считалось, что входящие в союз люди происходят от некоего общего предка. Но союз «дугу», особенно осуществлявший главенство на более или менее значительной территории, включал не одних только кровных родственников; в него входили многочисленные категории зависимых свободных людей, вольноотпущенников и рабов. И все же представление о родственной связи сохранялось, хотя она уже давно была чисто условной. Такой союз носит в науке название «клан» — и так мы его и будем называть дальше.

Возвышение какого-нибудь клана прямо зависело от того, каким количеством рабов он распоряжался. Ведь их можно было использовать и как рабочую силу в земледелии, и как воинов. При этом очень часто разница между свободным общинником и рабом клана не только стиралась, но и обращалась не в пользу свободного. И поэтому нередко многие общинники добровольно становились рабами клана. Французский ученый Шарль Монтей имел все основания писать, что для свободного бедняка счастьем было попасть в число клановых рабов (особенно в более поздние времена, когда понятие «клановый раб» стало равнозначно понятию «царский раб»): с одной стороны, он таким способом избавлялся от произвола и вымогательств этих же самых рабов, занимавших в клане привилегированное положение, а с другой — сам приобретал их права и привилегии.

Опираясь на войско, составленное из рабов, глава правящего клана мог себя чувствовать более или менее независимым от старой родовой знати. К тому же караванная торговля давала в

его руки немалые богатства, а они тоже помогали укреплению некоторой независимости правителя. Торговля заметно ускорила процесс сложения классов у малинке и родственных им народов: от нее основные выгоды доставались знати (мы уже видели это — в меньшей, правда, степени — в Гане). В руках главы клана — у малинке он носил титул «манса», т.е. «царь», — и его ближайшего окружения находилась основная масса товаров, которые больше всего интересовали купцов с другого «берега» Сахары, — золота и рабов. Эта же верхушка клана покупала и дорогие товары, которые везли в Судан из Северной Африки, — ткани, утварь, оружие, украшения. А рядовые общинники, не говоря уж о рабах, мало чем могли воспользоваться из египетских или североафриканских товаров. Их из статей «большой торговли» интересовала по существу одна только соль.

Так у малинке складывалось классовое общество. С одной стороны, была аристократия клана — родовая и новая, сложившаяся из царских и клановых рабов. С другой — рядовые общинники, ремесленники и посаженные на землю рабы, из которых постепенно образовывался единый общественный класс — зависимое крестьянство.

А вслед за классовым обществом появлялись и первые государства. Сейчас нельзя точно сказать, когда они сложились на Верхнем Нигере. Письменных сообщений о раннем Мали нет, а исторические предания народов Западного Судана не могут нам дать представления о времени: для гриота, сказителя, передававшего такие предания, разница в несколько сот лет не имела никакого значения. Только очень приблизительно можно установить, что первые княжества существовали здесь уже к IX в., если не раньше. Именно во второй половине IX в. арабский историк и географ ал-Якуби впервые упомянул «царство Маллил», одно среди многих царств Западной Африки. Сам он никогда не выезжал южнее Верхнего Египта. И сообщение его отразило многолетний опыт египетских купцов, участников никогда не прекращавшейся древней торговли через пустыню.

Это Мали, самое раннее, состояло из двух областей. Одна из них лежала в верхнем течении реки Бакой, а другая — между нынешним городом Сигири и селением Каба, в северо-восточной части современной Гвинейской Республики. Первая называлась «До», вторая носила название «Кири». И слова «До ни Кири» — «До и Кири» — и поныне обозначают в малийских исторических преданиях древнейшее государство Мали.

Область До знали уже те, на чьих сведениях основывал ал-Бекри свою «Книгу путей и государств»: он называл До «большим царством» и даже отметил его протяженность: восемь дней

пути. Ал-Идриси в XII в. тоже упомянул Мали — он описал столицу его и указал расстояние между нею и городом «Великая Гана». Это расстояние, по словам ал-Идриси, составляло двенадцать дневных переходов.

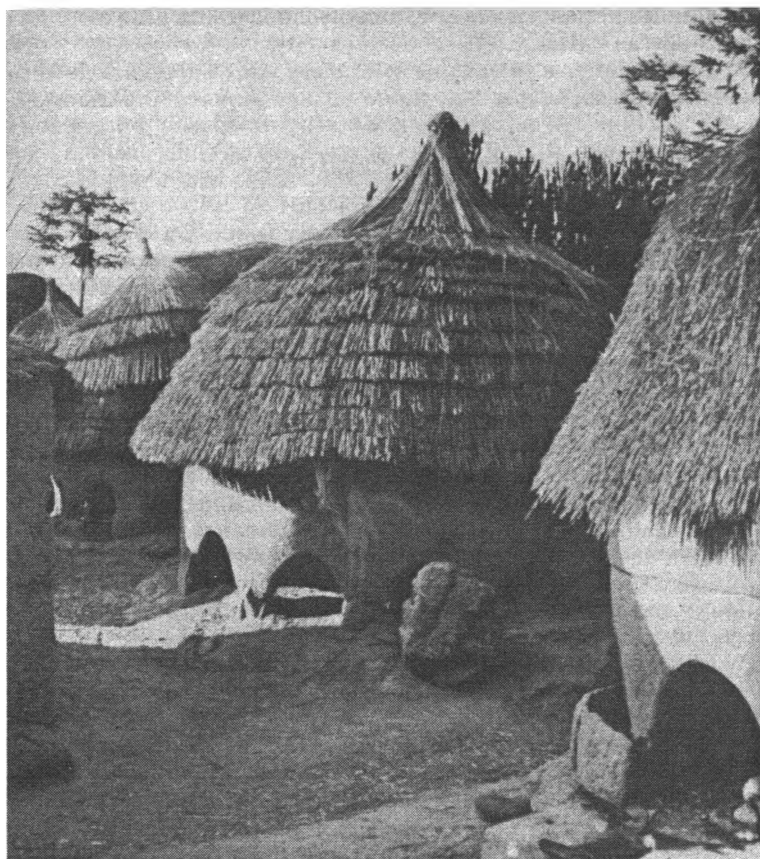
Сундиата, сын Соголон

Когда во второй половине XI в. нашествие Альморавидов подорвало могущество Ганы и бывшие вассалы ее стали понемногу освобождаться от зависимости, между ними сразу же вспыхнула упорная борьба за первенство. Победитель в этой борьбе определился далеко не сразу, и Мали пришлось еще раз испытать на себе все тяготы, которые мог возложить на своих вассалов могущественный сюзерен. На сей раз им оказался Сумаоро Канте, царь государства Сосо — тот самый, что нанес Гане окончательный удар.

Сосо занимало оба берега Нигера в районе нынешней столицы Республики Мали — Бамако, а столицей Сумаоро была Каньяга. Народ сусу, также один из народов группы манде, сейчас живет в Гвинейской Республике, в прибрежных ее областях; между прочим, столица Гвинеи — Конакри — стоит как раз в местности, населенной преимущественно сусу. Но пока наука не располагает данными, которые бы позволили отождествить современных сусу с народом, управляемым Сумаоро Канте. Скорее всего подданные царя Сосо были только одним из народов, которые после многих веков развития образовали в конце концов нынешний народ сусу.

Из нескольких кланов малинке, оспаривавших друг у друга верховную власть в древнем Мали, в конце XII — начале XIII в. выделился клан Кейта, занявший в течение второй половины XII в. господствующее положение. На долю правителей из клана Кейта, особенно же Сундиаты, национального героя народа малинке, а отчасти и родственного малинке народа бамбара, выпала трудная задача: освободиться от власти царей Сосо и создать крупное и могущественное малийское государство.

Мало кто из исторических деятелей средневековья, и западного и восточного, окружен таким количеством легенд, как Сундиата. Первоначальный вариант рассказа о подвигах великого воина и правителя оброс множеством подробностей; очень немногие из них могли появиться при жизни героя или даже хотя бы при жизни его ближайших преемников. Содержание рассказа при передаче из поколения в поколение профессиональными сказителями-гриотами неизбежно, хотя и очень медленно, изменялось, теряя одни детали и приобретая другие. Со временем сло-

Так выглядели деревни в царстве Сундиаты

жило несколько вариантов сказания о Сундиате, и варианты эти порой очень отличаются друг от друга.

И тем не менее Сундиата Кейта — лицо несомненно историческое, реально существовавшее и действовавшее. И когда удастся очистить легенду от позднейших напластований, когда исчезают из нее пусть интересные и живописные, но, увы, совершенно сказочные подробности, в особенности подробности, связанные с разного рода магическими верованиями и обрядами, — тогда остается очень реальная фактическая основа: рассказ о

подлинных исторических событиях, волновавших Западный Судан в начале XIII в.

Европейские и африканские исследователи приложили много сил и трудов, чтобы как можно полнее записать разные варианты сказания о Сундиате. Лучше всего это удалось гвинейскому ученому Нианю: в 1960 г. он смог опубликовать перевод полной записи сказания, сделанной в селении Каба, где издавна селились гриоты клана Кейта.

Сундиата, рассказывает легенда, был сыном Фа Магана Кейта, правителя Мали. После смерти отца совет старейшин клана отстранил Сундиату от наследования престола и мансой стал сын Фа Магана от другой жены — Данкаран Туман Кейта. От рождения Сундиата был парализован и не мог ходить. Только в 17 лет он впервые встал на ноги, когда понадобилось защитить мать от насмешек соседок (по другому варианту, Сундиата смог подняться, как только прикоснулся к царскому жезлу своего отца). После этого он вместе со своим любимым братом Манде Бори занимался охотой, нимало не заботясь о судьбах государства. Легенда наделила Сундиату сверхъестественными способностями к охоте: он будто бы унаследовал их от матери, существа совершенно легендарного — полуженщины-полубуйвола. Здесь нашли свое отражение широко распространенные у малинке и родственных им народов представления об охотничьих божествах: Сундиату считают посвященным в их таинства.

Однако Данкаран Туман и его мать боялись Сундиаты и замыслили от него избавиться. Сундиате пришлось бежать из Мали вместе с матерью — Соголон, братом и сестрой. После долгих скитаний он добрался до государства Мема — на левом берегу Нигера, к западу от Томбукту, встретил там дружественный прием и занял высокое положение при дворе правителя — Мусы Тункара.

Тем временем Данкаран Туман после неудачной попытки оказать вооруженное сопротивление Сумаоро Канте, царю Сосо, бежал из Мали. Страна оказалась во власти Сумаоро, и Сундиате предстояла тяжелая борьба за восстановление независимости своего государства.

Легенда изображает Сумаоро великим волшебником, обладателем многочисленных талисманов. Его не могло поразить простое оружие. Лишь хитростью удалось сестре Сундиаты, выданной за Сумаоро замуж, выведать у мужа его тайну: убить Сумаоро можно было только стрелой с наконечником из шпоры белого петуха.

Сундиата начал собирать силы для войны. Ему помогли войсками правители Мемы и Ганы, постепенно к нему присоеди-

лись, гласит предание, двенадцать вождей, в том числе вожди сильнейших кланов малинке — Траоре, Дабо, Сисоко. Когда войско было наконец собрано, Сундиату избрали царем — мансой. После этого он выступил в поход и принялся подчинять себе прежние владения Мали, отпавшие от него после разгрома Данкаран Тумана войсками Сосо.

Сумаоро, сначала не обращавший на Сундиату никакого внимания, теперь двинулся с войском ему навстречу. Противники несколько раз встретились, но никому не удавалось одержать решающей победы. Наконец оба войска сошлись около селения Крина, недалеко от нынешнего города Куликоро. Исход боя долго оставался сомнительным. Но в конце концов Сундиата смог поразить Сумаоро стрелой с наконечником из шпоры белого петуха, и царь Сосо обратился в бегство. Спасаясь от преследовавшего его Сундиаты, Сумаоро скрылся в пещере и исчез. И сейчас еще около города Куликоро показывают огромную скалистую гору, одиноко стоящую посреди равнины, а в этой горе — пещеру, где, по преданию, скрылся Сумаоро.

Воины царя Сосо рассеялись, частью они были перебиты, а частью взяты в плен — после окончательной победы Сундиаты им суждено было стать рабами. Сосо перестало существовать.

Победой при Крине Сундиата заложил основы последующего могущества Мали. Но в 1235 г., когда битва произошла, Мали занимало все еще сравнительно небольшую территорию на Верхнем Нигере. После Крины Сундиата начал быстро и неуклонно расширять свои владения. Его ближайшими помощниками были талантливые полководцы. Предание сохранило нам имена самых выдающихся из их числа — Манде Бори (брата Сундиаты), Тирамахана Кейта и Факоли Курумы. Они предводительствовали войсками, которые еще при жизни Сундиаты подчинили его власти не только земли по обоим берегам Нигера в его верховьях, но и такие области, как плато Фута-Джаллон в нынешней Гвинее, плато Фута-Торо в Сенегале, и многие другие. Малийские воины покорили Бамбук — одну из главных областей добычи золота в Западной Африке, лежащую между притоками Сенегала — Бафином и Фалеме. Другие отряды упорно продвигались вниз по течению Нигера.

Если взглянуть на карту, станет понятно, почему именно эти два направления сделались основными в завоевательной политике Сундиаты и его преемников. Наступая на юг и юго-запад от раннего центра государства, мандингские государи подчиняли своей власти главные области золотодобычи. А движение на север и на северо-восток позволяло овладеть важнейшими центрами большой караванной торговли с Северной Африкой и Егип-

том — торговыми городами Томбукту и Гао, а в более позднее время — и Дженне. Если бы удалось добиться успеха на обоих направлениях, во власти правителей Мали оказалась бы вся южная половина транссахарской торговли — от золотых россыпей до сухопутных «портов» на южной окраине Сахары. Правители из клана Кейта не были новичками в этой торговле и хорошо понимали, какие огромные выгоды она может принести.

На вновь завоеванных землях обычно не происходило серьезных изменений в жизни населения. Признав верховную власть Мали, оно платило дань, но во внутреннюю его жизнь мандинги не вмешивались. Наместниками таких земель становились те военачальники, которые командовали покорившими их отрядами. Они собирали дань, часть ее отправляли маисе в столицу государства, а остальное становилось их собственностью — из этой второй части оплачивалось содержание воинов и личные нужды наместника и его семейства. Вероятнее всего, зависимость наместников от центральной власти и ограничивалась отсылкой маисе дани да предоставлением в его распоряжение воинских сил.

Но даже такая форма зависимости очень скоро показалась чрезмерной самым могущественным из наместников. Всего спустя год после Крины, говорит легенда, Сундиате пришлось отобрать владения у одного из самых близких своих соратников — Факоли Курумы. Племянник Сумаоро Курума, перешедший на сторону Сундиаты и оказавший ему очень важные услуги во время войны с Сосо, повел себя настолько независимо, что практически не приходилось говорить о признании им верховной власти мансы. Этот эпизод предвещал многие тяжелые потрясения в последующей истории Мали. Но в середине XIII в. он пока оставался только эпизодом — слишком силен был Сундиата, слишком велик был авторитет победителя Сумаоро.

Деятельность Сундиаты не ограничилась завоеваниями. Много внимания он уделял развитию сельского хозяйства, основы экономики своего государства. Сказание приписывает ему создание множества земледельческих поселков на вновь завоеванных территориях. Земли раздавались воинам для обработки. Часто вместо малийских воинов на таких землях селили пленников, обращенных в рабство; но этот способ расширения площади обработанных земель особенное распространение получил позднее, когда в середине XV в. Мали сменила сонгайская держава.

Сундиата перенес и столицу государства. До него столицей Мали было селение Дьелиба на правом берегу Нигера, там, где в него впадает река Санкарани. Но в середине XIII в., в последние годы правления Сундиаты, на Санкарани выше Дьелибы был основан новый город — Ниани. Этот город оставался столицей во

все время существования великого малийского государства. Только три столетия спустя, в 1545 г., аския Дауд, правитель Сонгаи, взял Ниани. После этого центром Мали довольно скоро стало селение Каба, у слияния Нигера и Санкарани.

«Муса Мали — государь негров Гвинеи»

В 1250 г. Сундиата умер. Впрочем, по другим вариантам легенды, он погиб на охоте от случайной стрелы, и произошло это будто бы в 1255 г. Как бы то ни было, своему сыну и преемнику, которого великий арабский историк Ибн Халдун называл «манса Уле», а легенда — «йерелин-кон», он оставил сильное и процветающее государство с мощной армией и налаженной торговлей с Северной Африкой.

При мансе Уле завоевания продолжались. Их размах был настолько велик, что в правление этого государя были созданы три новых крупных наместничества. Как сообщает Ибн Халдун, Уле совершил паломничество — «хадж» — в Мекку. Отсюда видно, что новый государь Мали был уже мусульманином, тогда как Сундиата в исторических сказаниях народа малинке почти никогда и никак не связывался с исламом.

В 1270 г. мансу Уле сменил на престоле другой сын Сундиаты — маиса Уати. Но уже через пять лет он был свергнут своим братом Халифой. Однако Халифе суждено было продержаться у власти еще меньше: через несколько месяцев командиры гвардии, составленной из рабов клана Кейта, сместили его и убили. Так выступила на сцену новая политическая сила — рабская гвардия и ее начальники. Этой силе предстояло сыграть важнейшую роль во всей последующей истории Мали. В конечном счете она совершенно оттеснила от власти старую родоплеменную аристократию, причем произошло это очень быстро. Между первым вмешательством гвардии в политику и захватом верховной власти в государстве одним из ее руководителей прошло всего десять лет: в 1275 г. рабы решили судьбу мансы Халифы, а уже в 1285 г., после смерти мансы Манде Бори, брата Сундиаты, царем провозглашен был некий Сакура — «клиент», или вольноотпущенник, клана Кейта.

При этом правителе завершился территориальный рост Мали. Сакура окончательно подчинил себе главный центр караванной торговли с Египтом — Гао. Этот город был столицей полунезависимого княжества, население которого составлял народ сонгаев, и сейчас живущий по обоим берегам Нигера вдоль всей средней дельты его и ниже по течению. Сонгаи были покорены уже в правление мансы Уле. Однако во время смут, которыми

сопровождалось свержение Халифы в 1275 г., двум сонгайским царевичам — Али Колену и его брату Слиман Нару — удалось бежать из Ниани, где они содержались заложниками при малийском дворе. Они восстановили независимость Гао, но продлилась эта независимость недолго. Уже через пятнадцать лет войско Сакуры вновь подчинило правителям Мали и город Гао, и прилежавшие к нему сонгайские земли — на сей раз на полтора десятилетия, до конца XIV в.

В правление Сакуры очень вырос и укрепился международный авторитет молодого государства. Ибн Халдун рассказывал, что как раз в это время в Мали стало прибывать множество купцов из Магриба и Ифрикии, т.е. из Северной Африки. Это свидетельствовало об успехе внешней политики малийских царей в главном — стремлении взять в свои руки главные торговые пути и города Западной Африки.

Сакура погиб в 1300 г., возвращаясь из хаджа в Мекку. К этому времени владения Мали простирались от Гао до побережья Атлантического океана, от Уалаты до тропических лесов, прилегающих к Гвинейскому заливу. Бывший вольноотпущенник оказался крупным и талантливым государственным деятелем и полководцем, его царствование подготовило ту славу Мали, которая широко распространилась после поездки в Египет мансы Мусы I, одного из ближайших преемников Сакуры.

Муса вступил на престол в 1312 г. Он был внучатым племянником Сундиаты, внуком его брата Манде Бори. Манса Муса, или Канку Муса, как его называли по имени матери, получил наибольшую известность из всех государей клана Кейта, если не считать Сундиату. Впрочем, между славой этих двух царей существует довольно интересное различие: хотя оба они считаются национальными героями малинке и некоторых родственных народов, все же мусульмане особенно выделяют Мусу, тогда как немусульмане предпочитают Сундиату.

Именно Мусе посвящены наиболее подробные рассказы арабских авторов, именно его изображения помещены на самых ранних европейских картах Западной Африки. Между тем славой своей Муса I обязан был вовсе не военной или административной деятельности, а главным образом пышности, которой был обставлен его хадж в 1324 г. и которая произвела в Египте совершенно ошеломляющее впечатление.

К этому времени трудами таких предшественников Мусы I, как Сундиата, Уле и Сакура, Мали достигло апогея своего могущества. И следует отдать мансе Мусе должное: он с большим достоинством представлял свое государство в сношениях с другими правителями, в частности с султанами Египта. В тогдашних

исторических условиях самый хадж царя превращался в важнейшую внешнеполитическую акцию — он демонстрировал устойчивость и могущество государства. С этой задачей Муса справился превосходно, проявив незаурядные дипломатические способности.

Он выступил из Ниани во главе огромной свиты: кроме восьми тысяч воинов его сопровождало от восьми до девяти тысяч рабов. Манса вез с собой сто вьюков золота весом по три кинтара* каждый. Помимо того что пышность свиты должна была поддержать авторитет Мали в далеких странах, численность ее определяли и другие мотивы — более близкие и практические. Маршрут мансы проходил через восточную часть малийских владений, в частности через Гао. Сонгайские вассалы никогда не внушали государям из клана Кейта особого доверия, и такая демонстрация военной силы должна была лишний раз воззвать к их благоразумию. Да и путь на север через пустыню был далеко не безопасен: кочевники фактически ничьей власти не признавали, и маисе, рассказывает арабский историк ал-Омари, младший современник этих событий, приходилось раздавать немалые суммы тем племенам, через земли которых ему пришлось проходить во время движения по Сахаре.

Ибн Фадлалаху ал-Омари, крупному египетскому чиновнику, бывшему одно время начальником финансового ведомства в Сирии, мы обязаны подробным описанием пребывания мансы Мусы в Каире. Но ал-Омари не ограничился этим. От людей, проживших в Мали долгое время и хорошо знавших это государство, от тех, кому по должности пришлось часто встречаться и беседовать с мансой в Египте, он узнал множество сведений о Мали. Его сухой и бесстрастный рассказ содержит массу интересных подробностей, освещающих самые разные, иногда очень неожиданные, стороны жизни средневекового Мали. Здесь есть и перечисление главных земледельческих культур, и политическая характеристика страны, и описание церемониала приемов при дворе мансы, и конечно же многочисленные детали золотой торговли и добычи драгоценного металла, вплоть до сообщения о золотоносных растениях.

Именно с добычи золота начал свой рассказ первый из тех, к кому обращался ал-Омари за сведениями, — мусульманский богослов шейх Абу Сайд Осман ад-Дуккали. И рассказ этот вполне заслуживает того, чтобы его привести здесь полностью — настолько хорошо в нем отразилась своеобразная обстановка, ве-

* Кинтар — весовая единица. При взвешивании золота был равен в среднем 42,33 кг.

ками существовавшая на границах золотоносных областей Западной Африки в средние века. «Султан этого царства, — рассказывал шейх, — имеет в своем подчинении страну пустынь самородного золота. Жители ее — дикие язычники, и если бы султан пожелал, то он бы их покорил. Однако правители этого царства узнали по опыту, что, когда кто-нибудь из них завоевывает один из золотых городов, утверждает там ислам и велит огласить там призыв к молитве, сбор золота падает и сходит на нет, в то же время возрастая и увеличиваясь в соседних языческих областях. Когда опыт подтвердил это наблюдение, они оставили страну золота во власти ее обитателей-язычников и удовольствовались тем, что обеспечили себе их повиновение и получение дани, которую они наложили на тех».

Такая система отношений сохранялась на всем протяжении средневековой истории Западного Судана. Ни одно из великих государств этого времени не имело своих наместников в золотоносных районах на границе с тропическим лесом. Каждый год после окончания дождей из важных торговых городов и из столицы государства отправлялись на юг и юго-запад большие караваны. Сотни рабов несли на головах драгоценный груз — сахарскую соль. Когда такой караван достигал местности, где добывалось золото, соль обменивали на металл, и караван отправлялся в обратный путь. Купцы, хозяева такого каравана, выполняли во время этих торговых экспедиций роль царских сборщиков дани. Ведь все полученное золото они были обязаны сдавать мансе: в Мали порядки были строже, чем в Гане, — даже золотая пыль считалась монопольной собственностью государя.

Этот порядок вполне устраивал обе стороны. В самом деле, мирные торговые караваны были куда приятнее военных экспедиций, а купцы гораздо лучше справлялись со сбором дани, чем это бы смогли сделать наместники-генералы. Не случайно Муса рассказывал своим каирским собеседникам, что на западной и юго-западной границах его державы царит вечный мир.

Но так было не везде. Сам же манса Муса говорил одному из принимавших его сановников египетского султана, что у малийцев был злейший враг: народ, который для них то же, что татары для египтян. Сомнительно, чтобы малийский государь слышал что-нибудь о татарах; скорее всего сравнение принадлежало самому собеседнику мансы — эмиру Ибн Амир Хаджибу. Ведь за несколько десятков лет до хаджа Мусы египетским султанам пришлось столкнуться в Сирии с полчищами монголо-татарских завоевателей. Египтяне, правда, сумели отразить их натиск, но самое название татар надолго закрепилось в памяти современников столкновения и их сыновей как обозначение опасного и силь-

ного врага, постоянной угрозы египетским владениям в Азии: ведь столкновения между войсками каирских султанов и монгольских ильханов, властителей Ирана и Месопотамии, продолжались многие годы. А манса Муса имел в виду, вероятно, воинственный народ моси, который и ныне живет в Западной Африке в республике Буркина-Фасо. В средние века моси не раз совершали успешные набеги на владения Мали и Сонгай, и нам еще не раз придется с ними встретиться.

Канку Муса держал себя в Каире как правитель могущественного, ни от кого не зависящего и никому ничем не обязанного государства. Он старался это подчеркнуть на каждом шагу. Арабский ученый XV в. Таки ад-дин Ахмед ал-Макризи в одном из своих исторических сочинений рассказал, как мансе было предложено поцеловать землю при представлении его египетскому султану ал-Малику ан-Насиру. Это было обязательное требование церемониала во время приемов при дворе мамлюкских султанов. Но малийский государь наотрез отказался выполнить это требование протокола. «Я мусульманин-маликит (один из четырех толков суннитского ислама. — *Авт.*), — гордо ответил он, — и падаю ниц только перед Аллахом!» Придворным чинам ал-Малика ан-Насира пришлось уступить.

На каждом шагу подчеркивал манса и свое мусульманское благочестие: ведь этим он тоже утверждал свое равенство с любым другим властителем мусульманского мира. Ал-Омари рассказывал даже, будто манса Муса поднес султану трактат о приличиях, написанный по-арабски специально для этого случая по его, Мусы, повелению.

Этой же цели служила и баснословная щедрость, с которой манса тратил привезенное с собой золото. Все, с кем пришлось беседовать ал-Омари, наперебой восхищались широтой натуры малийского высокого гостя. Манса не торгуясь платил любую цену, которую с него запрашивали. Он раздавал огромные суммы просто как милостыню: ведь раздача милостыни бедным — это одна из основных обязанностей благочестивого мусульманина. Немало золота оставил Муса и в Мекке, пожертвовав его на «дела веры». В итоге нескольких месяцев пребывания малийского царского каравана в Каире курс золота в городе резко упал — так много драгоценного металла выбросил на рынок манса Канку Муса, сын мансы Бубакара. Так укреплял он репутацию своей державы.

Надо сказать, что каирские купцы и ростовщики неплохо нажились на мандингском государе и его придворных. Используя доверчивость гостей, их незнание многих товаров, они сплошь и рядом продавали им втридорога самые ходовые и дешевые вещи.

И как ни велики были запасы, привезенные мансой, но и их в конце концов не хватило: на обратном пути из Мекки Мусе пришлось взять у каирских купцов много золота взаймы, притом под огромные проценты. Все тот же Ибн Амир Хаджиб рассказывал, что многие из купцов получили за триста динаров ссуды до семисот динаров чистой прибыли. А ведь уже при отправлении в хадж пришлось обложить особой данью все население государства, так как царская казна не могла обеспечить мансу достаточным количеством золота, для того чтобы достойно представлять Мали за его рубежами. Что и говорить, поддержание международного престижа государства всегда обходилось дорого...

Впрочем, Муса мог рассчитывать не только на уже накопленные сокровища. Беседуя с сановниками каирского двора, он рассказал им историю, которая хоть и не была, мягко говоря, чистой правдой, но все же показывала, на какие экономические возможности могли опираться правители Мали в пору расцвета своей державы. Мусу спросили, как он пришел к власти. И он ответил на этот вопрос так: «Мы приходим из дома, где власть передается по наследству. Мой предшественник не хотел поверить, что невозможно достигнуть конца Окружающего моря*. Он желал его достичь и упорствовал в своем намерении. Он велел снарядить двести судов, полных людьми, и другие, в таком же количестве, — наполненные золотом, водой и съестными припасами, которых бы хватило на годы. Тем, кто командовал судами, он повелел: «Возвращайтесь лишь тогда, когда израсходуете продовольствие и воду!». Они отправились, прошло долгое время, но ни один из них не возвращался. Наконец один корабль появился, и мы расспросили капитана о их приключениях. «Царь, — ответил он, — мы плыли долго, пока не встретили в открытом море как бы реку с сильным течением. Мой корабль шел последним. Другие продвигались вперед, но как только какой-нибудь из них достигал этого места, он исчезал и больше не появлялся. Мы не знали, что с ними случилось, и я возвратился обратно — я в это течение не входил вовсе...» Но правитель ему не поверил. Он снарядил две тысячи судов: тысячу — для себя и для людей, что его сопровождали, и тысячу — для воды и съестных припасов. Он передал мне власть и отправился в море со своими товарищами. То был последний раз, что мы видели его и остальных. И я остался неограниченным государем...»

* Арабские географы средневековья исходили из предположения, что сушу со всех сторон окружает мировой океан — «Окружающее море». В данном случае имеется в виду Атлантика.

В этом рассказе — на его основании некоторые ученые пытались доказывать, что подданные средневекового Мали будто бы открыли Америку за триста лет до Колумба, — поражает число «две тысячи». Чтобы построить такое количество судов, нужен был сравнительно высокий уровень развития судостроительного ремесла на берегах Нигера и на океанском побережье. Ведь позднейшие европейские мореплаватели — такие, например, как венецианец на португальской службе Альвизе да Мосто, возглавлявший морскую экспедицию к побережью Западной Африки в 1455—1457 гг., — рассказывали о пирогах, не уступавших по длине португальским каравеллам и вмещавших до 30 человек. Правда, к тому времени на побережье, у устья реки Казаманс, где видел такие суда венецианец, давно уже не признавали власти царей Мали. Но в начале XIV в. здешние правители беспрекословно подчинялись повелениям мансы и аккуратно выплачивали ему дань. И при всей неправдоподобности рассказа мансы Мусы — а он наверняка преувеличил число судов второй экспедиции раз в десять — нужно согласиться, что и двести больших пирог были бы неплохим доказательством экономической мощи Мали.

В правление Мусы I оживленные и дружественные отношения поддерживались не только с Египтом. Ибн Халдун подробно рассказал о том, как Муса обменивался посольствами с Абул-Хасаном — султаном Марокко из династии Меринидов. Когда 1 мая 1337 г. Абул-Хасан одержал победу возле города Тлемсена, у нынешней алжиро-марокканской границы, манса направил ему свои сердечные поздравления. Нет сомнения, что в Ниани постоянно и внимательно следили за событиями, происходившими на другой стороне пустыни.

Да и в самой Сахаре кочевникам приходилось действовать с оглядкой на силу малыйских гарнизонов в пограничных пунктах. Племена, кочевавшие вдоль северной границы державы Кейта, вынуждены были признать верховную власть мансы. Ход истории изменчив: в число этих новых вассалов мандингских царей входили как раз потомки тех грозных племен, которые двумя с половиной веками раньше сокрушили могущество Ганы. Авторитет правителей Мали был настолько высок, что к мансе Мусе I обратился за помощью один из многочисленных мелких вождей, что непрестанно дрались между собой на северных окраинах Сахары. Этот авантюрист почтительно просил мансу дать ему отряд малыйских воинов для сведения счетов со своими противниками.

Если царствование Канку Мусы и не богато было громкими военными победами и завоевательными походами, то, пожалуй, никто из малийских правителей не сделал больше его для укрепления международного авторитета государства. Упорно и последовательно развивал он дружественные отношения с соседями, добившись блестящих успехов. «Он оставил после себя, — говорит современный английский исследователь, — империю, примечательную в истории чисто африканских государств своим богатством и протяженностью, равно как и впечатляющим примером способности африканца к политической организации».

Свидетельством полного успеха внешней политики Мусы I стали и те сведения о средневековой великой державе Кейта, которые очень ярко и недвусмысленно отразились в трудах европейских картографов того времени. Сведения эти распространились очень быстро — конечно, по тогдашним понятиям.

Муса совершил свой знаменитый хадж в 1324 г. Спустя 13 лет этот хадж описал по рассказам очевидцев и по документам правительственных канцелярий Каира Ибн Фадлаллах ал-Омари. А еще через два года, в 1339 г., на карте мира, составителем которой был житель острова Майорки на Средиземном море Анжелино Дульсерт, в середине Сахары был изображен «Rex Melli» — «Король Мелли», облаченный в царские одежды и корону, со скипетром в руке. Дульсерт не ограничился показом местоположения Мали, как оно ему представлялось, но и обозначил путь, ведущий в Мали: на его карте Атласские горы рассекает «долина Сус, ведущая к королю черных».

Понятно, что своими представлениями о географии Западного Судана картографы обязаны были главным образом купцам. Это, естественно, отразилось и в их трудах. Через 28 лет после Дульсерта венецианец Пиццигани нашел нужным пометить на своей карте возле той же дороги, что по ней «проходят товары, идущие от короля Мали».

И наконец, в 1375 г. другой житель Майорки — Авраам Крескес, старший в знаменитой семье картографов, — изобразил в центре великой пустыни правителя Мали с золотым самородком в руке; ниже его был показан «город Мали». А около фигуры правителя Крескес дал следующее пояснение: «Этого государя зовут Мусой Мали, государем негров Гвинеи. Золото, находящееся в его землях, столь обильно, что он — богатейший и самый знатный король во всей стране». Пожалуй, более убедительного доказательства того, что цель всей внешнеполитической деятельности Мусы Кейта — Канку Мусы, мансы Мусы I — была блестяще достигнута, быть не может.

Рассказывает Ибн Баттута

После смерти Мусы в 1337 г. на престол вступил его сын Маган. Царствование его было коротким — всего четыре года, и славы Мали оно не прибавило. Скорее даже наоборот: сразу же после смерти мансы Мусы, в том же самом 1337 г., войско моей, предводительствуемое вождем Насеге, выбило малийский гарнизон из Томбукту, разграбило город и сожгло его. Правда, моей и не помышляли о том, чтобы закрепиться в Томбукту; сразу же после своего неожиданного и блестящего успеха они ушли. И все же этот набег был уж очень неприятным симптомом начинавшегося ослабления державы Кейта.

Впрочем, когда в 1341 г. Магана сменил последний из крупных правителей средневекового Мали — Сулейман, ему удалось на время задержать этот опасный процесс. Но даже самое восшествие Сулеймана на престол произошло при условиях, которые свидетельствовали о неблагополучии внутри правящего клана.

Сулейман был братом Мусы, и к власти он пришел в обход сыновей своего племянника Магана. По всей видимости, не обошлось без применения силы: нараставшее могущество рабской гвардии обеспечивало ей последнее слово в вопросах престолонаследия. И тот, кому удавалось привлечь на свою сторону «начальников рабов», мог рассчитывать на успех своих честолюбивых замыслов, даже не имея, казалось бы, прав на малийский престол. После смерти мансы Сулеймана в этом пришлось убедиться на собственном опыте его сыну и преемнику, продержавшемуся на престоле всего девять месяцев, а затем свергнутому сыном Магана I при поддержке гвардии и ее командиров.

Но первое время после прихода к власти Сулейман сумел восстановить спокойствие в стране. Манса отстроил разрушенный Томбукту и смог установить мирные отношения с южным, самым опасным соседом. Во всяком случае в его правление моей на малийские владения не нападали. Так царствование Сулеймана оказалось последним этапом расцвета Мали; после него наступил стремительный упадок.

В 1352 г. меринидский султан Марокко Абу Инан, сын султана Абул—Хасана, с которым обменивался посольствами манса Муса I, послал в Мали с официальным дипломатическим поручением одного из самых интересных людей восточного средневековья — знаменитого путешественника Мухаммеда ибн Абдаллаха ал-Лавати ат-Танджи, больше известного под именем Ибн Баттута. Этот человек уже успел к тому времени объездить всю восточную половину тогдашнего мусульманского мира, но

оставался, несмотря на немолодые уже годы, в душе молодым и любознательным, живо воспринимая все новое. Ибн Баттута преодолел с караваном Сахару, проехал до Ниани и прожил в столице Сулеймана несколько месяцев. Записки Ибн Баттуты, продиктованные им на склоне лет, — не только ценнейший источник для исследователя, но и очень занятный человеческий документ. И притом единственный в своем роде: ни один человек, кроме Ибн Баттуты, не оставил нам свидетельств очевидца о Мали начала 50-х годов XIV в.

Выехав из Сиджилмасы, Ибн Баттута направился с караваном в Тегаззу. В этом захудалом поселке внимание его привлекли соляные разработки. Он так описал соляную торговлю, которой жила Тегазза, ради которой она, собственно, и существовала: «Черные приезжают из своей страны и увозят из Тегаззы соль. Соль из Тегаззы продается в Уалате по цене от 8 до 10 мискалей за вьюк, а в городе Мали* — от 20 до 30 мискалей, часто же доходит и до 40. Соль служит черным средством обмена, как служат средствами обмена золото и серебро. Черные режут соль на куски и торгуют ею. И, несмотря на ничтожность селения Тегазза, в нем продают и покупают много кинтаров золотого песка». Наблюдательный Ибн Баттута верно определил главную особенность совершавшегося на его глазах обмена: для африканцев золото не было деньгами. Это был товар, очень нужный и полезный товар — ведь он обменивался на столь необходимую соль! — но все же только товар.

Ибн Баттута подробно рассказал о своем пути через пустыню. Когда караван из Марокко достиг селения Тасарахла, он там задержался на несколько дней для отдыха. А вперед, в Уалату, выслали гонца — «такшиф». Так поступали всегда, и делалось это не просто из вежливости. На долгий и трудный путь через Сахару требовалось столько воды, сколько не мог взять с собой никакой караван — если бы, конечно, он не вез воду в качестве единственного полезного груза. Поэтому и отправляли вестника, который должен был позаботиться, чтобы из Уалаты выслали навстречу путникам воду. Случалось, такшиф запаздывал; и тогда к многочисленным костям, рассеянным вдоль всего великого торгового пути через Сахару, добавлялись новые — в таких случаях помощи ждать было неоткуда.

Понятно, что купцы не жалели золота на оплату услуг гонцов. Тому, который шел с караваном Ибн Баттуты, заплатили 100 мискалей золота — больше 400 рублей на наши деньги. Эти

* Имеется в виду столица Мали — Ниани.

люди настолько хорошо знали дорогу, что даже слепота не мешала некоторым из них продолжать водить караваны: через полтора года лет после Ибн Баттуты такой слепой проводник спас заблудившийся караван, определяя его местонахождение по запаху песка, который ему давали понюхать через каждую милю пути. Но у Ибн Баттуты все обошлось благополучно: через два месяца после выхода из Сиджилмасы он оказался в Уалате, малийском форпосте в Сахаре.

После нескольких дней отдыха он двинулся дальше, в столицу Мали. На сей раз можно было не ждать, пока соберется караван. «Когда я решил на путешествие в Мали, — рассказывает Ибн Баттута, — а между этим городом и Уалатой 24 дня пути для едущего быстро, то нанял только проводника из племени мессуфа, так как из-за безопасности этой дороги нет нужды путешествовать большим караваном». Именно безопасность дороги больше всего заинтересовала Ибн Баттуту, достаточно насмотревшегося за свои странствования по восточной части мусульманского мира на разного рода дорожные неприятности. Спокойный путь, богатые селения вдоль дороги, где можно было закупить все необходимое путешественнику продовольствие, — такое не столь уж часто можно было встретить в первой половине XIV в. где-нибудь в Иране или мусульманской Индии.

Манса Сулейман прилагал большие старания к тому, чтобы торговля с Северной Африкой развивалась спокойно и беспрепятственно. А безопасность главных караванных дорог — Ибн Баттута двигался как раз по одной из них — была для этого жизненно необходима. Мало того, малийское правительство внимательно следило, чтобы никто не чинил притеснений приезжим купцам. Этим поддерживалась высокая деловая репутация царей Мали, сложившаяся при предшественниках Сулеймана и особенно окрепшая в царствование все того же Мусы I.

«Однажды в пятницу я присутствовал на проповеди, — рассказывал Ибн Баттута, — как вдруг один купец из числа ученых мессуфа, которого звали Абу Хафс, встал и сказал: «Присутствующие в мечети! Призываю вас в свидетели моей жалобы на мансу Сулеймана...». Когда он это сказал, из-за загородки, за которой сидел султан, вышли несколько человек и сказали ему: «Кто твой обидчик? И кто у тебя что взял?». Купец ответил: «Мансальон Уалаты — то есть ее правитель — взял у меня ценностей на 600 мискалей, а заплатить за все хочет 100!». Султан сразу же послал за правителем. Через несколько дней тот явился, и государь отправил их обоих к судье. Последний подтвердил правоту купца и взятие у него ценностей. И после этого султан сместил правителя с его должности».

Из этого рассказа Ибн Баттуты очень хорошо видно, как заботился Сулейман об интересах транссахарской торговли. Терпеть в таком важном пункте, как Уалата, самоуправство и вымогательство наместника — значило поставить под угрозу хорошие отношения с богатым и влиятельным североафриканским купечеством. И Сулейман без колебаний пожертвовал своим доверенным рабом.

А экономические возможности и влияние купцов, ведших караванную торговлю, и в самом деле были огромны. В такой торговле, требовавшей колоссальных затрат на снаряжение караванов и транспортировку товара, только очень богатые люди могли принимать участие. За многие столетия, предшествовавшие правлению Сулеймана, сложились настоящие купеческие династии, чьим главным занятием была торговля между Северной и Западной Африкой. Эти династии в конце концов молчаливо поделили между собой весь великий торговый путь от торговоремесленных городов Марокко или Египта до глухих углов на границе саванны и тропического леса, путь, по которому двигался непрерывный поток: соль и ремесленные изделия — на юг, золото и рабы — на север.

Могут возразить: но какое значение имела эта торговля для простых земледельцев или охотников Мали и подчиненных ему княжеств? Ведь все выгоды от торговли золотом получали крупные купцы и знать.

Верно, конечно, что от золота огромное большинство жителей страны никакой непосредственной пользы получить не могло. Но нельзя отделять в этом товарообороте золото от соли — в ней нуждались все без исключения, а получить соль в достаточном количестве можно было только в обмен на золото. Торговый поток был единым целым, так что разрывать его нельзя.

Северную половину торгового пути обслуживали североафриканские купцы. Они доставляли ремесленные изделия и соль в города Судана — Гао, Томбукту, Дженне. Здесь грузы переваливали на речные суда или на головы рабов-носильщиков и торговля переходила уже в руки местных, суданских, купцов. Чаше всего это были «диула» — так в Западной Африке и сейчас еще называют малинке, занятых торговлей. Это были те самые «вангара», или «ванджарата», с которыми мы уже встречались в древней Гане. Именно они возглавляли сбор золота. И именно они собирали и дань с подданных государей из династии Кейта, о чем недавно у нас шла речь.

Крупный филолог XVII в. Ахмед ибн Мухаммед ал-Маккари рассказывал, что его старшие родственники, пятеро братьев ал-Маккари, занимали видное место в транссахарской торговле. Двое

жили в Тлемсене, где получали европейские или марокканские товары. Эти товары они отправляли двум другим братьям, сидевшим в Уалате. Те обменивали их на золото и слоновую кость и переправляли полученные в обмен ценности на север. А старший брат, глава всего этого крупного торгового дома, поселился в Сиджилмасае — она оставалась важнейшим центром и рынком караванной торговли, и отсюда удобнее всего было следить за движением цен и давать необходимые инструкции остальным участникам дела.

В Мали североафриканские купцы занимали очень видное положение. Им принадлежали особые кварталы в главных городах страны, и в пределах этих кварталов пришельцы с севера пользовались полным самоуправлением — старая традиция сохранялась. Вес купцов в общественной иерархии столицы государства был настолько велик, что манса Сулейман выдал свою племянницу за сына одного из старейшин североафриканской торговой колонии в Ниани.

И все же главной силой в Ниани были не мусульманские купцы, как ни велико было их влияние. Первое место среди окружения мансы Сулеймана занимали командиры гвардейских отрядов, сформированных из рабов клана Кейта. Ибн Баттута называл всех этих «начальников рабов» тем словом, которое ему было более привычно: «эмир».

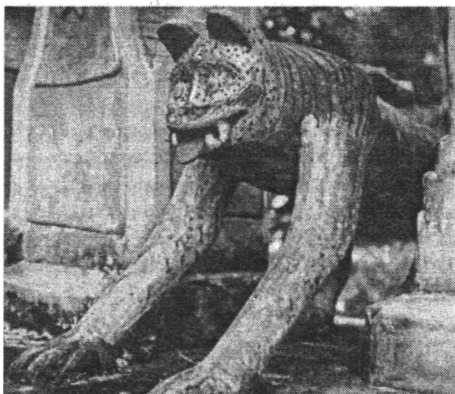
И весь его рассказ подтверждает, насколько выросла сила этой новой аристократии. И мансе она причиняла немалое беспокойство.

Среди сановников малийского двора самой видной фигурой был человек, которого Ибн Баттута называл «дуга»; сам он разъяснял, что это слово означает «переводчик». На самом же деле это был личный гриот мансы. Дело в том, что старинный обычай не позволял мансе непосредственно общаться с подданными. Тот, кто желал испросить у повелителя какую-нибудь милость или же подать ему жалобу, должен был обратиться к гриоту; только тот мог говорить с государем. И когда манса желал обратиться с речью к своим подданным, то гриот его выслушивал, а затем громким голосом повторял его слова присутствующим. Ибо «манса не кричит, как глашатай», поясняет сказание о Сундиате. Высокое положение царского гриота было у малинке твердо устоявшейся традицией. В сказании о Сундиате видное место занял верный гриот героя, его наставник и советник Балла Фасеке. Не раз этот умный и проникательный певец выручал своего господина из беды. Это он возглавлял посольство к Сумаоро и, сбежав от царя Сосо, который пожелал сделать его своим гриотом, неизменно сопровождал Сундиату в его походах. А после окончательной победы Сун-

диата назначил Баллу руководителем всех обрядов, так сказать, «начальником протокола» при своем дворе.

Вот как раз в этой роли и видим мы «переводчика» при мансе Сулеймане. Только влияние его еще больше возросло по сравнению с временами Сундиаты. И теперь уже манса должен был делать подношения своему гриоту. Ибн Баттута рассказывал, что в дни больших торжеств «дуга» оказывался центральной фигурой. Он, правда, как настоящий гриот пел хвалебный гимн, превознося доблести мансы и его славные деяния. Зато после этого он получал от мансы кошель с двумястами мискалями золота. Но поток милостей на этом не кончался: на следующий же день после этого пожалования все высшие сановники обязаны были сделать гриоту подарки — «в меру своих возможностей», поясняет Ибн Баттута. Другими словами, могущественного советника царя приходилось задабривать всем — сам манса тоже не избежал этой малоприятной обязанности. По всей видимости, ему приходилось задабривать не одного только своего гриота. Еще ал-Омари сообщал со слов своих собеседников, бывавших в Мали при Мусе I, что тот жаловал своих особо отличившихся военачальников золотыми браслетами или почетными одеяниями — чем выше была степень заслуг, тем шире должно было быть одеяние. А Ибн Баттута уже по собственным впечатлениям сообщал, что приближенные мансы Сулеймана попросту требовали от него признания их заслуг и вознаграждения.

Но полного спокойствия Сулейману не могли уже обеспечить даже богатые подачки знати. Удовлетворить всех недовольных было невозможно, а опасность они представляли немалую. Ибн Баттута оказался свидетелем довольно любопытного заговора, который пыталась организовать против мансы его жена и соправительница.

Такие соправительницы существовали во многих африканских государствах до колониального раздела Африки; с ними могли встретиться европейские ученые даже в начале нашего века. Обычно такая жена была одновременно и сестрой царя; она счи-

Могилы знатного жителя племени ибибо, Нигерия

талась повелительницей всех женщин страны, имела свой царский двор и располагала большой властью. В некоторых случаях эта власть равна была власти ее мужа.

С такой вот соправительницей и оказался связан заговор, о котором нам на страницах своих записок повествует знаменитый путешественник. Вот его рассказ.

«Случилось так, что в дни моего пребывания в Мали султан разгневался на свою главную жену, дочь своего дяди по отцу, именуемую Каса («каса» обозначает у них «царица»). По обычаю черных, она — его соправительница в делах верховной власти, и имя ее упоминают в молитве вместе с именем царя... Каждый день Каса выезжала верхом со своими невольницами и рабами; их головы посыпаны были прахом. Она останавливалась перед помещением совета, а лицо ее было закрыто покрывалом и невидимо. Эмиры много говорили о ее деле. Но султан собрал их в помещении совета, и дуга сказал им от имени султана:

«Вот вы много говорите о деле Касы. Но ведь она совершила великий грех!». Затем привели одну из невольниц царицы со связанными ногами и с колодкой на шее и сказали ей: «Говори, что у тебя!». И невольница рассказала, что Каса посылала ее к Дьяте, сыну дяди султана по отцу, бежавшему от государя... что она призывала Дьяту свергнуть султана с престола и говорила ему: «Я и все войска покорны твоему приказу!». Когда эмиры услышали это, они заявили: «Это великое преступление, и за него она заслуживает смерти!». Каса испугалась этого и укрылась в доме хатиба (проповедника): обычай черных таков, что они ищут убежища в мечети, а если это невозможно, то в доме хатиба».

На сей раз Сулейману удалось заблаговременно раскрыть заговор и предотвратить покушение на свою власть. И однако же именно этот самый Дьята, о котором шла речь при допросе, все-таки впоследствии сверг с престола сына Сулеймана и воцарился в 1361 г. под именем Мари Дьяты II.

И все же время визита Ибн Баттуты в Мали было относительно спокойным. Наверное, поэтому он так высоко оценил достоинства жителей Мали. В записках его целая глава посвящена тому, «что он одобрил из поступков черных», и тому, «что ему у них не понравилось». Нужно сразу сказать, что достоинств оказалось намного больше.

«К их добрым качествам относится малое число несправедливостей. Они самый далекий от несправедливости народ, ее их султан никому не прощает! — говорит Ибн Баттута. — К добрым качествам относится и полная безопасность в их стране: ни путешественник, ни оседлый житель в ней не боится ни вора, ни притеснителя...».

Среди прочих достоинств жителей Мали Ибн Баттуту больше всего восхитило их благочестие, их усердие в отправлении обрядов и исполнении предписаний ислама. Собственно говоря, первыми сообщениями об исламе в Мали мы обязаны еще ал-Бекри. По его рассказу, обращение царя этого государства в ислам произошло таким образом: «Их царь известен под именем ал-Муслимани. Называется он так потому только, что его страна год от года страдала от голода. Жители просили о дожде, принося в жертву коров, так что почти их уничтожили, но неурожай и несчастья только множились.

У царя жил гость-мусульманин, читавший Коран и знавший сунну, священную книгу мусульман-суннитов. Царь ему пожаловался на их несчастья, а тот ему ответил: «Царь, если бы ты уверовал в Аллаха всевышнего... признал бы книгу Аллаха и твердо усвоил бы все предписания ислама, то я просил бы Аллаха утешить тебя и разрешить твои затруднения, чтобы на народ твоей страны снизошла милость и чтобы завидовали тебе враждебные тебе и удаленные от тебя!». Он продолжал это говорить, пока царь не принял ислам и не очистил свои помыслы».

Эти события произошли, по-видимому, в первой половине XI в., и, таким образом, ислам мог ко времени Ибн Баттуты быть хорошо известен и распространен в Мали.

Но Ибн Баттута одновременно многое и не одобрил. Очень не понравились ему ни свобода, которой пользовались африканские женщины, ни, еще того хуже, обряды, которые ему довелось видеть во время мусульманских праздников при дворе мансы Сулеймана. Относительно этих обрядов Ибн Баттута, который мог себя считать не только правозверным, но и достаточно образованным мусульманином — во время путешествия по Индии ему даже пришлось одно время исполнять в Гуджерате функции мусульманского судьи, кадия, — ограничился несколько пренебрежительным недоумением. Он назвал их «смешными обстоятельствами». Но так ли это было на самом деле?

Действительно, многое в рассказе марокканского путешественника как будто создает впечатление, что в правление мансы Сулеймана Мали было такой же мусульманской страной, как, скажем, Марокко или Египет. Ибн Баттута много говорит о пятничных молитвах, называет имена многочисленных мусульманских законоведов и проповедников. Он, например, с большим уважением поминает некоего кадия Абдаррахмана — черного африканца по происхождению, человека, по его словам, очень достойного и преисполненного добрых качеств. Манса Сулейман устроил поминальный пир по меринидскому султану Абул—Хасану, и на этом пиру был целиком прочтен Коран.

Но как только дело доходит до описания церемониала торжеств или до рассказа о жене-соправительнице мансы, сразу же оказывается, что распространен ислам был вовсе не так широко, да и в самом исламе при малийском дворе много было такого, что в сознании Ибн Баттуты никак не вязалось с его представлениями о том, каким должен быть настоящий ислам.

Объяснение этого несоответствия заключалось в том, что Ибн Баттута в Мали имел дело с очень ограниченным кругом людей — точнее сказать, довольно широким количественно, но очень ограниченным социально. Он встречался главным образом, или даже почти исключительно, с верхушкой малийского общества — сановниками двора мансы, его наместниками в провинции, крупными купцами, мусульманскими богословами и законоведами. А с основной массой населения великой державы Кейта он в общем-то и не сталкивался. Между тем как раз оно-то, это население, и служило фоном для нарисованной путешественником картины процветания мусульманства в Мали. При чем фон имел с картиной крайне мало общего...

Даже несколько сот лет спустя после пребывания Ибн Баттуты в Западной Африке население того района, где некогда находилась столица великой державы Кейта — Ниани, оставалось при своих прежних верованиях и в ислам обратилось не раньше XVIII в. По выражению французского ученого Шарля Монтея, посвятившего всю жизнь изучению истории и культуры народов, живущих на территории средневекового Мали, это произошло потому, что «мусульманская организация в Мали не превышала своим размером двора мансы».

И даже при дворе сохранялись очень многочисленные следы старых верований и обычаев. Только задолго до ислама в условиях, когда еще сильны были пережитки родового строя, могла появиться фигура жены-соправительницы царя, совершенно немислимая в «обычном» мусульманском государстве. Предание упорно сохраняет древние охотничьи прозвища царей, восходящие в конечном счете тоже к верованиям родового общества. Танцы, которые видел Ибн Баттута и которые он посчитал смешными, — это танцы масок тайных союзов. А такие союзы (их задачей была подготовка молодежи к исполнению обязанностей взрослых членов общества) также сложились внутри родового общества, задолго до того, как появился ислам. Европейские авторы начала XVI в. рассказывают о сохранении древних трудовых обрядов — и эти обряды тоже восходят еще к той эпохе, когда глава большой семьи или общины принимал участие в коллективном труде вместе с рядовыми общинниками.

Все это сохранялось при дворе мансы, где и сам правитель, и его ближайшее окружение уже считались мусульманами. А вдалеке от столицы и от больших торговых городов крестьяне продолжали верить в тех же самых духов, которым поклонялись их предки задолго до появления в Западном Судане первых мусульман. И главными представителями новой религии были для этих крестьян не законоведы и богословы, а все те же купцы-вангара, приходившие обменивать соль на золото и слоновую кость, а иногда и прихватить рабов. Конечно, и эти торговые экспедиции не проходили бесследно — отдельные люди могли принять новую религию и объявить себя мусульманами. Но, во-первых, делалось это очень медленно и ни о каком массовом обращении населения Мали в ислам ко времени Ибн Баттуты не могло быть и речи. А во-вторых, даже если кто-то из крестьян-малинке и объявлял себя мусульманином, то его ислам непременно оказывался «разбавлен» огромным количеством верований и обрядов, обычаев и суеверий, уходивших своими корнями в очень и очень отдаленные времена.

И дело было здесь совсем не в том, что вновь обращенные плохо представляли себе основы мусульманского вероучения. Нет, причины были гораздо проще — и в то же время гораздо глубже. Сравнительно просто было произнести мусульманский символ веры: «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед — посланник его!». Но ведь и потом, когда эти слова, достаточные для того, чтобы иметь право считаться мусульманином, были произнесены, человек оставался в своей общине — «дугу». Он просто не мог из нее уйти: вести хозяйство в одиночку ему было не под силу. А раз оставалась община, значит, оставались и все связанные с ней и освященные многовековой традицией обычаи и порядки. Человек мог себя считать мусульманином, но для его соседей земля по-прежнему оставалась собственностью духа — покровителя местности. И перед духом представлял общину, а значит, и каждого из ее членов все тот же дугу-тиго — следовательно, и землей распоряжался он. И значит, все обряды, нужные, чтобы духа умилостивить, ты обязан выполнить — а ведь обряды-то эти никакого отношения к исламу не имеют. Подавляющее большинство новообращенных простых земледельцев и охотников выходило из этого затруднения просто: считая себя мусульманами, люди продолжали исправно выполнять все свои общинные обязанности, связанные с прежними верованиями. И так как традиционный порядок ведения хозяйства не нарушался, то соседи не протестовали против таких новообращенных мусульман, и, в конечном счете, принятие ислама оставалось их частным делом.

Не мог не считаться с устойчивостью общины и нарождавшийся в Мали феодальный класс. В самой системе управления кланом оставалось очень много традиционного, так что дань в пользу мансы и его наместников во многом сохраняла и характер, и форму старых общинных повинностей, и потому обычно отдельные дугу выплачивали их беспрекословно. До поры до времени такое положение устраивало и верхушку малийского общества. Она не видела нужды вводить насильственно новую религию среди своих подданных, хотя сама по большей части уже стала мусульманской.

Торговля золотом и солью, пронизывавшая всю жизнь западноафриканских государств средневековья, и здесь сыграла очень важную роль. Она давала в руки верхушки правящего клана Кейта и связанных с ним аристократических кланов огромные по тем временам количества золота. Ведь в главных золотоносных районах, откуда металл поступал в Мали, средняя годовая добыча, по очень осторожным подсчетам французского ученого Раймона Мони, составляла от 4,5 до 5 тонн. Это золото позволяло знати получать все необходимые ей товары (главным образом предметы роскоши), не прибегая к усиленному нажиму на данников-земледельцев. Царские сборщики дани довольствовались сравнительно немногим.

А раз так — у общинников не возникало необходимости добиваться того, чтобы их хозяйство стало более производительным. И поэтому экономика оставалась почти на одном и том же уровне, внутренний обмен развивался очень слабо — ведь внутри каждой дугу ремесленники производили все самое нужное. Единственным предметом торговли, который очень требовался общине, была соль. Но в основном хозяйство почти всей огромной территории от Гао до Атлантики оставалось натуральным, и никаких внутренних экономических связей внутри государства между разными его частями практически не существовало. И может показаться парадоксом, но, к сожалению, совершенно несомненно: богатство Мали золотом принесло государству больше вреда, чем пользы, так как золото стало одной из главных причин хозяйственного застоя.

И все же принятие ислама большинством правящей верхушки было свидетельством того, что в малийском обществе происходят определенные изменения. Конечно, мансе и его приближенным было бы гораздо выгоднее взимать дань с подданных по нормам, предусматривавшимся мусульманским правом: эти нормы были выше, намного выше, чем традиционные. Но поскольку в то время у правящего класса еще не было достаточно сил для того, чтобы резко усилить эксплуатацию крестьянства, не

опасаясь его сопротивления, и о широком распространении новой религии, которая могла бы послужить идеологическим оправданием такого усиления, речи еще не было, вся малийская знать — и старая, родовая, и новая, вышедшая из рабов, — стремилась на первых порах использовать новую религию во вполне определенных внешнеполитических целях.

Это очень хорошо продемонстрировал манса Муса, стараясь везде, где только можно, подчеркнуть свое правоверие. Речь шла об укреплении международного престижа Мали — о том, чтобы показать соседям, что они имеют перед собой не каких-то там дикарей, а могущественную мусульманскую страну, которая им ни в чем не уступает, а по богатству намного превосходит.

Поэтому и появились пышные царские титулы, относящиеся к правлению Мусы I. Ал-Омари рассказывал, что малийский государь называл себя «Опорой повелителя верующих», — правда, сам повелитель верующих, номинальный духовный глава всех правоверных мусульман, был к этому моменту всего лишь марионеткой, которую мамлюкские султаны для придания своей светской власти большего авторитета содержали на иждивении.

Эти титулы включали и упоминание золотоносных растений, которые будто бы существовали в Мали.

Принятие ислама обеспечивало малийской верхушке преимущества и в торговле с североафриканцами: дела велись между двумя равными партнерами. Малийские государи пошли даже на то, чтобы вести разбор дел между малийскими подданными и североафриканскими купцами не по обычному праву малинке, а по мусульманским правовым нормам. И среди иностранцев-мусульман первое место по численности после купцов занимали кадии.

Впрочем, как это нередко бывало, законоведы, призванные блюсти чистоту нравов и следить за честным характером торговых сделок, иногда сами оказывались отъявленными мошенниками. Мы встречались уже с шейхом ад-Дуккали, прожившим в Мали 35 лет и поведавшим ал-Омари множество подробных сведений о Мали, его жителях, их обычаях и занятиях. Но едва ли он рассказал историку о неприятном происшествии, в котором ему, шейху ад-Дуккали, пришлось сыграть не самую почетную и благовидную роль. Однако через четверть века после этого Ибн Баттута простодушно изложил эту историю в своих записках.

Как рассказал Ибн Баттуте один из малийских наместников в восточной части государства, ад-Дуккали получил в подарок от мансы Мусы I четыре тысячи мискалей золота. Когда караван мансы прибыл в Мему, шейх пожаловался государю, что золото у него украли. Муса повелел наместнику Мемы под страхом смертной казни найти и доставить к нему вора.

Расследование долго не давало никакого результата. Ибн Баттута поясняет: «Эмир искал укравшего, но никого не нашел, ибо в той стране нет ни одного вора...» Наконец, допросив слуг кадия, наместник дознался, что их хозяин попросту зарыл свое золото, рассчитывая, несомненно, получить от Мусы возмещение мнимой потери: щедрость мансы по отношению к мусульманским законоведам была хорошо известна, а из-за четырех тысяч мискалей золота можно было и рискнуть. Когда золото было извлечено из тайника и доставлено мансе, тот разгневался и изгнал кадия из пределов Мали, как говорит Ибн Баттута, «в страну неверных, которые едят людей». В изгнании ад-Дуккали провел четыре года, потом Муса его простил. При этом Ибн Баттута добавляет совершенно серьезно:

«Черные же не съели кадия только из-за белого цвета его кожи, ибо они говорят, что поедать белого вредно, так как он не созрел».

Закат державы

В 1360 г. умер манса Сулейман. И снова вопрос о том, кому стать мансой, решала гвардия — это уже превращалось в традицию. Камба, сын Сулеймана, почему-то не устраивал ее командиров. И Дьята, претендент на престол, о заговоре в пользу которого рассказывал Ибн Баттута, получив поддержку рабской знати, выступил против мансы. Камба погиб в бою, и Дьята стал мансой под именем Мари Дьяты. Обычно его называют вторым, так как в некоторых преданиях и у части арабских историков именем Мари Дьята обозначается основатель державы — Сундята Кейта.

Мари Дьята пробыл на престоле четырнадцать лет — с 1361 до 1375 г. За эти годы упадок Мали стал уже совершенно очевиден. Конечно, отблески прежней славы еще падали время от времени на царствование Мари Дьяты II. Например, в 1366 г. мансу посетил претендент на марокканский престол Абд ал-Халим, потерпевший неудачу в борьбе с соперниками. Он, вероятно, надеялся получить от мансы помощь для дальнейшей борьбы. Но тот уже не располагал для этого никакими возможностями.

Историк Ибн Халдун очень резко отозвался о правлении Мари Дьяты II: он-де был извергом и тираном, он промотал сокровища, накопленные предшественниками. Что этот манса был не слишком симпатичной личностью, вполне возможно. Но дело, конечно, было не в этом. Просто ко времени его правления многие внутренние пороки политической и общественной организации Мали, не выступавшие прежде на поверхность, про-

явились с полной силой. И это было вполне закономерно. А залезать в казну мансе приходилось потому, что доходы резко уменьшились, данники начинали отпадать от Мали.

Главной причиной все ускорявшегося упадка государства было то, что крупные сановники и отдельные вассальные правители упорно старались освободиться от зависимости, стремились превратиться в самостоятельных государей. Основы этого заложил еще Сундиата, хотя, конечно, он не мог предвидеть такого развития событий. Предание рассказывает, что после победы над Сумаоро Сундиата на общем сборе всего своего войска роздал целые области своим ближайшим сподвижникам, обязав их только платить дань и выставлять по требованию мансы вспомогательные военные отряды. К чему это повело почти немедленно, мы видели на примере Факоли Курумы, которого пришлось лишить владения всего через год.

Но пока продолжался территориальный рост государства, у высшей малийской знати (да и у военных чинами поменьше) не было особых причин выступать против центральной власти. Ведь сильная центральная власть была необходима для успешного осуществления широкой завоевательной программы. А завоевания увеличивали фонд свободных земель, и за счет этого фонда мансы жаловали своим воинам земельные участки, население которых обязано было платить дань уже не казне, а новому владельцу. Здесь, в Западной Африке, на краю тогдашнего цивилизованного мира, историческое развитие шло тем же путем, как, скажем, в Египте или в Европе. Оставались, конечно, местные особенности — ими были прежде всего многочисленные следы родового, доклассового общества, которых давно уже не оставалось ни в Западной Европе, ни у большинства народов Ближнего Востока. Особенности эти замедляли развитие, часто они маскировали совершенно новые явления, прикрывали их древними формами общественной и хозяйственной организации. Но смысл развития оставался тот же: возникало, росло и крепло классовое, феодальное по своей сущности общество. И внутри него действовали те же законы, что и в любом другом феодальном обществе.

Одной из таких закономерностей и было стремление отдельных владетелей обособиться, раздробить единое государство на множество мелких княжеств. И как только прекратились завоевания, отпала надобность в существовании единого государства и центробежные стремления аристократии немедленно проявились во всей их полноте. А завоевывать было больше нечего: на юге захват золотоносных областей сулил прямые невыгоды из-за сокращения добычи металла, а кроме того, Мали и в лучшие-то

времена бессильно было справиться с моей; на севере и на востоке соседей надежно прикрывала от малийских войск пустыня, да к тому же как раз в конце XIII и в XIV в. очень усилился восточный сосед — государство Канем-Борну, центр которого лежал на западном берегу озера Чад.

Раздача земель военачальникам еще больше увеличивала влияние верхушки клановых рабов: они превращались в настоящих феодальных владетелей. А став ими, «начальники рабов» стремились сделаться самостоятельными ничуть не меньше, чем, скажем, родня мансы. И в итоге власть царя делалась все более и более призрачной, а сам он понемногу превращался в игрушку в руках дравшихся между собой группировок знати.

И когда Мари Дьята II умер, его сын и преемник Муса II оказался фактически пленником одного из своих военачальников, которого тоже звали Мари Дьята. Манса находился под стражей и ни к какому участию в делах государства не привлекался — Мари Дьята вершил все дела один. Вероятно, его вдохновлял при этом пример почти столетней давности — Сакура. Так, он, следуя примеру своего предшественника, попытался вновь подчинить малийской власти отпавшие было владения на востоке. Увы! Времена были уже не те: Мали очень ослабло, войска было недостаточно, да и боевые качества его резко упали. И попытка вернуть под власть номинального мансы медные рудники в Такедде, к северо-востоку от Гао, закончилась полным провалом. А ведь еще при Ибн Баттуте вывоз меди составлял важную статью доходов казны!

Но Муса II оставался мансой хотя бы по видимости. А вот его преемнику, Магану II, повезло гораздо меньше: на престол он вступил в 1387 г., а всего через год некий Сандиги, которого Ибн Халдун называл арабским словом «везир», т.е. «помощник, министр», сверг мансу с престола и сам занял его место. Здесь интересно вот что: «Сандиги» — не собственное имя, как полагал Ибн Халдун, а название должности. Малинское слово «сантито» означает «начальник» — в данном случае «начальник рабов».

Как видите, пример Сакуры продолжал вдохновлять честолюбцев из числа командиров рабской гвардии — они по-прежнему валились к царской власти. Но у узурпатора оказалось много соперников: продержаться у власти он смог всего несколько месяцев. По истечении этого срока его убил какой-то «человек из числа родных Мари Дьяты», сообщает Ибн Халдун, причем так и остается неясным: то ли идет речь о мансе Мари Дьяте, то ли о временщике Мусы II. Однако после этого убийства прошло не меньше года, прежде чем на престоле Мали

оказался манса Маган III — династия Кейта была восстановлена (Ибн Халдун считал Магана потомком Сундиаты). Но для достижения такого благого результата понадобился год или даже полтора. И в течение всего этого времени «начальники рабов» клана Кейта дрались между собой: каждый надеялся захватить царскую власть.

Несмотря на упадок авторитета и военно-политического могущества Мали, к началу XV в. в составе государства еще сохранялись почти все важнейшие его области. Даже беспокойные сонгайские вассалы еще считали себя номинально зависимыми от Ниани, хотя на самом деле давно уже были вполне самостоятельны. Но малийское государство уже не в состоянии было удержать под своей властью все эти земли.

С начала XV в. Мали начало терять одну область за другой. Вновь оживились моей: в 1400 г. район озера Дебо подвергся их опустошительному набегу. Сонгайские правители Гао теперь сами перешли в наступление. Почти одновременно с моей предводитель сонгаев Мухаммед Дао совершил набег на малийские владения. Несколько лет спустя другой сонгайский царь, Сулейман Дама, разоряет область Мема. Наконец, в 1433 г. туареги, которых уже не сдерживала больше угроза малийских карательных экспедиций, захватывают Улату, Араван и Томбукту — это означало, что участию Мали в транссахарской торговле приходит конец. А окончательно вытеснил Мали из этой торговли сонгайский царь — сонни* Али Бер, с которым мы не раз еще встретимся в дальнейшем. Через 35 лет, в 1468 г., его отряды овладели Дженне и Томбукту. В руках сонгаев оказался весь торговый центр Западного Судана: ведь Ниани имел торговое значение лишь пока был столицей великой державы, которой подчинялся весь Западный Судан.

Теперь уже мало кому из местных правителей могло прийти в голову соблюдать верность ослабевшим мансам, неспособным ни защитить от опасных соседей, ни наказать за попытку отделиться. Один из более поздних западносуданских историков рассказывал о довольно любопытной фигуре: некоем Мухаммеде Надди. Этот человек управлял важнейшим торговым и культурным центром — городом Томбукту. Сначала он это делал от имени мансы Мали. Потом, когда туарегский вождь Акил аг-Малвал выгнал из города малийский гарнизон, Мухаммед Надди остался правителем, но уже от имени Акила. Это не помешало ему впоследствии обратиться к сонгайскому сонни Али с предложением

* Сонни — «вождь, царь».

передать последнему город при условии, что он, Мухаммед Нади, останется его наместником. И, рассказав об этом, автор хроники совершенно спокойно, как будто речь идет о чем-то само собой разумеющемся, пояснил: «А при перемене державы менялся его титул».

С начала XV в. Мали упоминают чаще всего как цель походов сонгайских царей или их полководцев. Правда, на западе, в прибрежных местностях, куда не могли дойти сонгайские отряды, авторитет Мали более или менее сохранялся. Ранние европейские мореплаватели получали от жителей побережья такие сведения, как те, которые передает нам в своей записке уже знакомый да Мосто. О жителях местностей, что прилегали к реке Гамбия, венецианец писал: «Их главный синьор — форофанголь. Этот форофанголь подчинен императору Мелли, который и есть великий император черных...». Но даже в этих областях власть Мали заметно ослабла. Европейцы отметили, что многие из местных вождей, с которыми им приходилось иметь дело, носили во второй половине XV в. титул «манса». Веком раньше этот титул принадлежал исключительно верховному владыке Мали и никто из мелких вассальных владетелей и помыслить не мог о том, чтобы его принять. Но теперь все изменилось. И распад великой державы Кейта проявился в ее западных областях прежде всего в такой форме.

Со второй половины XV в. набеги моей и сонгаев участились. Оказывать им сопротивление не было сил. И в 1483 г. Мали спас от набега моей другой его враг — все тот же сонгайский сонни Али. Столкнувшись во время набега с сонгаями, моей потерпели жестокое поражение и были обращены в паническое бегство.

Мали приходилось искать союзников. В Западной Африке это было бы бесполезно: здесь в тот момент не было силы, которая бы посмела попытаться противостоять победоносным армиям сонни Али и его соратников. Сонгайская держава уверенно шла к зениту могущества. И в Ниани, видимо, не без интереса присматривались к тому, как внедрялись на побережье Гвинейского залива португальцы. Со своей стороны и португальцы не прочь были завязать непосредственные сношения с таким могущественным государем, каким представлялся им манса Мали по рассказам прибрежных жителей.

И вот в 1481 г. португальский король Жуан II отправил посольство к «королю Мандиманса» — к этому времени название «Мали» все чаще начало вытесняться словом «Мандинг», или «Мандинга». Об этом посольстве мы знаем по рассказу португальского чиновника Жуана де Барруша, который в 30-х годах XVI в. был королевским уполномоченным в главной португальс-

кой фактории на берегу Гвинейского залива — Сан-Жоржи-да-Мина. Эта фактория, которую чаще называли просто Эльминой, находилась в районе современного города Аккры — столицы Республики Гана.

Послы благополучно прибыли к «королю» по имени «Махамед бен Манзугул», т.е. Мухаммед, сын мансы Уле. Этот государь выразил послам свое удивление по поводу такой невиданной вещи, как посольство от христианского короля. Держался манса весьма независимо и всячески старался показать древность своей династии и ее могущество: по его словам, до него царствовали из нее 4404 правителя! Помощи у португальцев он не просил: к этому времени становилось уже ясно, что столкновение между моей и сонгаями неизбежно, а для Мали это на какое-то время означало передышку.

Но зато, когда в 30-х годах XVI в. народы фульбе и тукулер двинулись вверх по Сенегалу в область Бамбука и при этом вытеснили, а частично и перебили мандингское население, жившее вдоль течения реки Фалеме, манса Мамаду, внук того государя, что впервые принял португальское посольство, сам обратился к Баррушу за помощью. С ответным посольством Барруш отправил одного из своих подчиненных — Перу Фернандиша. Тот прибыл к малийскому двору; во время переговоров выяснилось, что в Ниани помнили о предыдущем посольстве и даже выразили удовлетворение по случаю возобновления связей. Конечно, португальцы были бы не в состоянии оказать реальную военную помощь, но к тому времени обстановка на западных окраинах Мали немного разрядилась: в 1535 г. тукулеры и фульбе ушли за Фалеме и нашествие прекратилось.

Весь XVI в. продолжались опустошительные походы сонгайских царей на Мали. Они сопровождалась жестоким разграблением страны и угоном в рабство многочисленных пленных. Единственной передышкой было время между 1509 и 1545 гг. Обстановка тогда была настолько спокойная, что малийское правительство даже могло себе позволить предоставлять убежище свергнутым правителям Сонгай. Но зато с 1545 г. страна подверглась нескольким нападениям подряд. Не раз сонгаи брали столицу и разоряли ее. А в 1558 г. победитель, аския Дауд, женился на дочери царя Мали и тем закрепил свои права на малийский престол. Ведь хотя власть в Мали передавалась от отца к сыну, но родство и здесь считалось по матери, и даже такого благочестивого мусульманина, как Муса I, называли «Канку Муса», по имени его матери — местный обычай оказался сильнее норм мусульманского права, для которого просто немыслим материнский счет родства.

К концу XVI в. Мали уже окончательно превратилось в третьестепенное государство. Ему не могло принести пользы даже и нашествие марокканцев, разгромивших Сонгай, — не было сил для того, чтобы воспользоваться удобной обстановкой. Правда, манса Мамаду III попытался было захватить часть сонгайского наследства и даже на очень короткое время занял Дженне. Но возвратились марокканские войска, и мансе пришлось со всей возможной поспешностью оставить город. В 1598 г. Мамаду попытался в союзе с правителем Масины овладеть районом Томбукту — и снова безуспешно. И наконец в 1599 г. марокканцы и жители Дженне нанесли малийским войскам жестокое поражение около этого города.

Так плачевно завершились последние попытки возродить великодержавную политику династии Кейта. Причиной неудачи, не говоря уж о неблагоприятной общей обстановке, было в немалой степени то же самое обстоятельство, которое вызвало еще в предшествующие столетия фактический распад Мали на множество мелких феодальных владений. Из трех наместников важнейших областей государства только один откликнулся на требование мансы явиться к нему на помощь с войсками. Двое остальных даже не сочли нужным хотя бы как-то ответить мансе. Феодальное раздробление бывшей великой западноафриканской державы завершилось.

В руках правителей из клана Кейта остался только район селения Каба. Здесь власть правителей из этого клана просуществовала до начала XX века. А на месте центральных областей средневекового Мали в 40-х годах XVIII в. сложились два сильных государства народа бамбара, родственного малинке. В новых исторических условиях и на измененной этнической основе продолжалось развитие тех традиций государственности, ярким выражением которых стала великая держава Кейта в XIII—XIV вв.

Держава аскиев, или Сонгай — наследник Мали

К середине XV в. в Западном Судане существовало несколько более или менее независимых княжеств. Пришло в упадок могущество Мали, территория его сократилась очень заметно: в северо-западной части бывших малийских владений возникло сильное государство народа диавара с Центром в городе Диаре. В прибрежных областях множество мелких местных вождей с трудом соглашались признавать хотя бы номинальную зависимость от царей Ниани. Туареги подчинили себе важнейшие торговые цент-

ры — Томбукту и Уалату, а третий торговый город — Дженне, прикрытый от любого противника бесчисленными протоками и островами средней дельты Нигера, давно уже считал себя независимым. Через 200 лет автор одной из исторических хроник Западного Судана писал об этом печальном периоде в истории Мали: «Каждый на своем клочке земли со своим отрядом считал себя султаном...». А на востоке вырастал новый страшный противник — сонгайское государство со столицей в Гао.

На протяжении столетий эти города оставались важнейшими пунктами обмена между Западной и Северной Африкой и все время были как бы опорными точками целой сети торговых маршрутов. В средние века, так же, впрочем, как и много позднее — в некоторых местах до начала XX века, — по всему огромному пространству Западного Судана существовало много местных рынков. Каждый такой рынок обслуживал селения в радиусе примерно 20 км от него — так, чтобы можно было за один день сходить на рынок и вернуться домой. Между отдельными рынками почти не существовало связи, потому что натуральное хозяйство тысяч замкнутых общин не испытывало необходимости в широком обмене продуктами, а ремесленники, входившие в состав таких общин, могли их обеспечить всеми необходимыми изделиями.

Единственным исключением из этого общего правила была, как мы видели, соль. В ней нуждались все, и именно соль сделала все эти рынки «исходной точкой целой цепи обменов», по выражению современного французского исследователя. А большие торговые города как раз и были главнейшими узловыми точками этой цепи.

Если взглянуть на карту, становится ясно, почему именно в этих городах сосредоточилась вся внешняя торговля средневекового Западного Судана. Дженне служил тем центром, в который стекались отдельные ручейки золота — того золота, что добывали в обмен на соль в глубинных районах купцы-вангара. Пока Ниани был столицей великой державы, он мог соперничать с Дженне в этом отношении. Но как только наступил упадок Мали, Ниани еще быстрее потерял торговое значение. И скоро Дженне остался без конкурентов. Тем более что географически он расположен гораздо удобнее: ближе к северным «портам» Судана — Томбукту и Гао.

А эти два города были главными соляными рынками Западной Африки, и через них проходила вся торговля со странами Средиземноморья. Из Томбукту караваны шли через Уалату на север, в Марокко; из Гао — в Египет или Триполитанию через Такедду или Тадмекку.

Все ранние европейские источники, с которыми приходится иметь дело исследователю этой эпохи, в один голос твердят об огромном значении торговых городов Западного Судана. Наш старый знакомый Барруш рассказывает, что торговля первых португальских факторий на Гвинейском побережье во многом зависела от положения дел на рынках Дженне и Томбукту. Другой наш знакомый, венецианец на португальской службе Альвизе да Мосто, а также португальский офицер Диогу Гомиш, плававший к берегам Западной Африки в начале 60-х годов XV в., и чех (или моравский немец) Валентин Фердинанд, известный больше под именем Валентин Фернандиш, — один из интереснейших людей португальского Возрождения, собравший в начале XVI в. рассказы португальских моряков о их плаваниях к побережью Гвинейского залива, — все они восхваляли богатства Дженне, Томбукту и Гао, их роль в экспортной торговле,

Сами жители Западного Судана того времени рассматривали эти города прежде всего как торговые центры. Именно во всемерном развитии торговли видели они основу их процветания и единственно верную политику для их правителей. Историческая хроника «Тарих ас-Судан», написанная в Томбукту в середине XVII в., передает нам легенду о том, как после принятия ислама султан Конборо, правитель Дженне, собрал у себя всех мусульманских законовевов города и предложил им обратиться к Аллаху с молитвой о даровании Дженне благоденствия. И вот просьбы, с которыми они обратились к Аллаху, настолько любопытны, что стоит, пожалуй, их привести здесь целиком. Вот они: «Чтобы каждому, кто бежит со своей родины в Дженне из-за бедности и нищеты, Аллах их заменил достатком и богатством, так, чтобы тот человек забыл свою родину. Чтобы, кроме коренных жителей города, в нем жило бы приезжих больше, чем этих коренных горожан. И чтобы Аллах отнял терпение у приезжающих в Дженне для торговли тем, что они имеют, дабы эти люди быстро уезжали из города и продавали бы свои товары его жителям по низкой цене, а жители бы получали от этого прибыль!». Яснее, кажется, сказать трудно...

Все рассказы португальских моряков и купцов основывались на сведениях, относившихся к самой середине XV в. К этому времени гегемония Мали давно уже была в прошлом, а сонгайская держава еще не достигла полного расцвета. Торговые города как будто не пострадали от распада государства Кейта: торговля продолжалась, традиционные хозяйственные связи сохранились. И все же у купеческой верхушки этих городов были достаточные основания для недовольства политической обстановкой, для того, чтобы желать решительного ее изменения.

Да, конечно, торговля продолжалась: ведь она была жизненною необходимостью для всех ее участников. Но после того как исчезла устрашающая мощь малийского войска, трудности и опасности торговли намного увеличились, а прибыли крупного купечества заметно упали. Ведь когда Ибн Баттута восхищался безопасностью дорог в Мали, он отлично понимал: это возможно только потому, что Сулейман, так же как и его предшественники из династии Кейта, считает важнейшей задачей царской власти поддержание и охрану интересов торговли. А о какой безопасности можно было говорить в условиях непрерывных столкновений между десятками мелких вождей? И к тому же каждый из них требовал свою долю за «обеспечение» этой самой безопасности... Действительно, первое время города не пострадали; как и в былые времена, они принимали и отправляли десятки караванов в обоих направлениях. Но когда из городов ушли малийские военные гарнизоны, сразу же оживились воинственные соседи-кочевники. Они совсем не прочь были подчинить себе богатые торговые города, так же как подчинили земледельческие оазисы пустыни. И после признания верховной власти туарегского вождя Акила аг-Малвала над Томбукту городской верхушке довольно скоро пришлось убедиться, что аппетиты новых хозяев города непрерывно растут и что туареги все меньше и меньше проявляют желания делиться доходами.

Многовековой опыт научил купцов непреложной истине: торговля требует для своего процветания сильного и более или менее централизованного государства. Так было везде: и в Африке, и в Азии, и в Европе. В хаосе великого множества дравшихся между собой мелких владений только сильная царская или королевская власть могла обеспечить купцам спокойную торговлю и высокие прибыли. И поэтому, когда в Гао пришел к власти сонни Али Бер и начал одно за другим подчинять себе мелкие княжества вдоль среднего течения Нигера, он определенно мог рассчитывать на поддержку крупного купечества: новое политическое объединение становилось экономической необходимостью. А обстановка в Западном Судане к этому времени тоже благоприятствовала сонгайским завоеваниям — разрозненные противники, неспособные объединиться против общего врага, не представляли серьезной угрозы широким завоевательным планам нового сонгайского правителя. Так с 1465 г. началась новая страница истории областей по среднему и верхнему течению Нигера — их объединение в составе сонгайской державы, которая во второй половине XV в. и до последнего десятилетия XVI стала господствующей политической силой в Западном Судане.

На протяжении всего среднего течения Нигера по обоим его берегам с незапамятных времен живет народ сонгаев. Первоначально сонгаи населяли район Денди, уже после поворота течения реки на юго-восток, немного выше порогов возле нынешнего городка Буса, а затем распространились вверх по течению, так что сейчас сонгайские селения в большом количестве встречаются в районе озер Дебо и Фагибин, к западу от Томбукту.

Вдоль обоих берегов реки лежат заливные луга, покрытые водяной травой «боргу» — прекрасным кормом для скота. На землях, которые река заливает в половодье, прекрасно растет рис; всегда он был главной продовольственной культурой, которую разводили сонгаи. Как раз поливное рисоводство и рыбная ловля и были основными отраслями хозяйства сонгаев. Гораздо меньшее значение для хозяйства имело скотоводство: ведь за пределами заливных земель по обеим сторонам реки простирается пустыня, где кочуют туареги со своими стадами. Обычное разделение труда между кочевниками и земледельцами действовало и здесь: туареги пригоняли в прибрежные районы скот и получали за него от сонгаев зерно и рыбу. Конечно, не всегда отношения носили такой идиллически мирный характер. Случалось туарегам и нападать на беззащитные сонгайские селения, и угонять в рабство их жителей. Но и туареги не в состоянии были установить прочное господство на берегах Нигера: здесь очень много было протоков, травяных зарослей и островов, а к передвижению по ним кочевники совершенно не были приспособлены. Поэтому набеги оставались неприятными эпизодами, а господствующей формой взаимоотношений всегда был обмен продуктами скотоводства и земледелия.

Условия, в которых жила основная часть сонгаев, сильно отличались от тех, что определяли формы общественной организации у малинке и родственных им народов. Все хозяйство сонгаев связано было с рекой, от нее одинаково зависели и рисоводы, и рыбаки. Подсечно-огневая система земледелия почти не применялась в местностях, населенных сонгаями. Поэтому не было особой нужды в существовании более крупных объединений, чем большая патриархальная семья, похожая на ту, с которой мы встречались у малинке. И делились сонгаи на две большие группы соответственно двум главным отраслям хозяйства: рыбаки носили название «сорко», а земледельцы — «габиби». А внутри этих двух групп существовали многочисленные патриархальные семьи.

В самом центре сонгайских областей, чуть ниже излучины Нигера, к реке выходит долина Тилемси. По ней проходила главная караванная дорога на север — к Гадамесу и Кайруану. И со-

вершенно естественно, что у выхода Тилемси к Нигеру возник большой торговый город — самый старый из западносуданских городов. Это был Гао, с которым мы встречались уже не раз. И как мы видели, в 70-х годах IX в. ал-Якуби уже называл Гао столицей большого и могущественного царства.

Точно сказать, когда это государство возникло, мы, конечно, не можем. Если верить рассказу хрониста, то до принятия ислама царем сонгаев (а это произошло в 1010 г.) на престоле сменилось 14 правителей. Считая продолжительность жизни одного поколения в 25—30 лет, можно предположить, что первый сонгайский царь правил примерно в первой половине VII в. (а такой подсчет возможен потому, что у сонгаев сын наследовал отцу). Конечно, этот подсчет очень и очень приблизителен. Но во всяком случае можно с уверенностью сказать, что в конце VIII в. мусульманские купцы, принадлежавшие к секте ибадитов, о которой у нас уже шла речь, торговали с Гао.

Едва ли можно довериться хронистам в том, что касается происхождения первой сонгайской династии. Дело в том, что, после того как ислам утвердился в Западной Африке, многие местные правители принялись создавать себе родословные, возводившие их либо прямо к пророку Мухаммеду, либо к его ближайшему окружению, либо, уж на худой конец, просто к арабам, народу, давшему миру основателя мусульманской религии. Легенды эти сложились довольно поздно, никак не раньше XVI—XVII вв., а затем их просто прибавили к устному историческому преданию народов Западного Судана. Так и получилось, что династию Кейта в Мали позднейшие сказители стали возводить к некоему Билалю, любимому черному рабу Мухаммеда, а первого сонгайского царя хронист объявил пришельцем из Южной Аравии — из Йемена. Конечно же, принять такие легенды всерьез нельзя. Поэтому некоторые исследователи, стремясь найти в них «рациональное зерно», решили, что основой для таких преданий послужило якобы северное, берберское происхождение первых сонгайских царей. В конечном счете дело опять-таки сводилось к попытке объявить создателями государства «белых» африканцев, а не негроидное население Судана. И только сравнительно недавно французский ученый Жан Руш неопровержимо доказал, что сонгайское государство создали сами сонгаи, а вовсе не пришельцы с севера.

В Гао, пожалуй, раньше, чем в других местах Западного Судана, занял прочные позиции ислам. Вероятно, первыми, кто принес сюда новую религию, были купцы-ибадиты. И эта новая религия довольно долго просуществовала в Гао в своей сектантской форме. Любопытно, что во время раскопок в Гао обнаружи-

ли надгробные плиты с надписями на арабском языке, относящиеся к XI—XII вв. Причем тексты надписей удивительно похожи на те, что хорошо известны науке по мусульманским погребениям Испании. Очень могло быть, что и изготовляли такие надгробные плиты для Судана сначала в Испании и только позднее их изготовление перешло в руки местных мастеров. На одной из царских могильных плит был выбит пышный титул: «защитник веры господней». Это достаточно ярко рисует и размах международных связей Гао, и претензии сонгайских царей еще задолго до появления на исторической арене великого сонгайского государства, созданного трудами сонни Али и его преемника, основателя второй сонгайской династии, цари из которой носили титул «аския», — ал-Хадж Мухаммеда I.

Но до того как это государство было создано, сонгаям пришлось пройти через стадию вассального государства, подчиненного мансам Мали. В конце XIII в., после неудачной попытки царя Али Колена освободиться от мандингского владычества, войско Сакуры, тогдашнего правителя Мали, надолго привело царей Гао к покорности. Правда, попытки проявить независимость бывали и после этого — не случайно мансе Мусе пришлось пройти через Гао с большим войском на обратном пути из Египта. Но до наступления периода смут в Мали в последней четверти XIV в. сонгаям все же приходилось считаться с волей правителей Ниани. Зато когда это смутное время настало, сонгаи довольно быстро и безболезненно избавились от необходимости признавать малийскую верховную власть. Уже в последние годы XIV в. Гао окончательно стал фактически независимым владением. А став самостоятельными, сонгайские цари немедленно принялись опустошать своими набегами восточные владения Мали. С этого момента начался неукротимый рост военной мощи сонгайского государства. Для его соседей наступало мрачное время.

Хроники Сонгаи

Прежде чем приступить к разговору о правлении сонни Али, нам, пожалуй, будет полезно познакомиться с теми источниками, которые позволят нам получить о государстве Сонгаи гораздо больше интересных сведений, чем мы имели до этого, когда говорили о Гане и о Мали. Полезно еще и потому, что это покажет, насколько высок был уровень культуры в главных центрах Западного Судана и какую большую роль играли местные уроженцы.

Речь идет о двух исторических хрониках, написанных в XVI и XVII вв. Первая из них носит довольно обычное для средневе-

ковой поздней арабской литературы пышное название: «История искателя сообщений о странах, армиях и знатнейших людях». Ее автора звали Махмуд Кати. Этот первый известный нам западноафриканский историк принадлежал к народу сонинке и родился в знатной семье в 1468 г. Знатное происхождение открыло перед молодым человеком широкие возможности. Он получил превосходное по тому времени и тем условиям образование и еще очень молодым занял один из самых важных по значению постов в сонгайской администрации — пост кадия, мусульманского судьи, в Томбукту. Но и помимо этого Махмуду могли позавидовать многие: он вошел в число ближайших советников аскии ал-Хадж Мухаммеда I и сохранил это положение и при его преемниках.

Махмуд Кати прожил очень долгую жизнь — он умер в 1593 г. в возрасте 125 лет. За эти годы перед его глазами прошла вся история головокружительно быстрого подъема и такого же падения сонгайской державы. И по своей должности, и по своим обширнейшим личным связям он превосходно знал жизнь тех областей Западной Африки, которые входили в состав государства Сонгай. А то, что в судейской своей практике Кати сталкивался непосредственно и ближе всего с имущественными отношениями, делает его хронику совершенно бесценным источником: немного найдется в средневековой арабской исторической литературе трудов, которые бы содержали такое количество подробностей жизни и положения настоящих творцов истории — крестьян, ремесленников, рабов, — как «История искателя».

Писать книгу Махмуд начал в 1519 г. На протяжении всей остальной своей жизни он неустанно собирал все новые и новые дополнения. В конце концов ему удалось написать полностью только первые главы — жизнеописание своего покровителя — аскии ал-Хадж Мухаммеда I. Остальную часть хроники дописал уже в XVII в. один из его внуков по материалам, которые собрал дед. Внук этот оказался настолько скромным, что даже не оставил нам своего имени, как бы подчеркнув этим: вся заслуга принадлежит Махмуду Кати.

Автор второй хроники, носящей очень краткое и простое название: «История Судана», родился и жил уже в совсем другое время, в другой исторической обстановке, чем Махмуд Кати. Его звали Абдаррахман ас-Сади, и родился он уже после покорения Западного Судана марокканцами — в 1596 г. в Томбукту. На его личной судьбе смена правителей Судана не слишком отразилась. Он был родом из знатной фульбской или мандингской семьи, и это ему обеспечило должность имама — настоятеля мечети — сначала в Дженне, потом в Томбукту. А с 1629 г. ас-Сади стал

одним из главных чинов в административном аппарате марокканского наместника Томбукту. В этой должности он и умер в 1655 г.

И все же благополучная личная судьба, высокое служебное положение при марокканцах не вытравили из души Абдаррахмана ас-Сади патриотических чувств. Весь текст хроники пронизан гордостью за великую сонгайскую державу, за крупнейших ее государей. С любовью рассказывал хронист о своем родном городе Томбукту, о его высокой культуре, о выдающихся и прославленных ученых, живших в этом городе. Недаром мог сказать об этой книге первый ее европейский издатель: «Этот народ, которому пытались отказать во всякой инициативе в деле прогресса, имел собственную культуру, не навязанную ему народом другой расы... Хроника связывает со всеобщей историей человечества целую группу народов, которые до сего времени были почти совершенно от этой истории отстранены».

Положение ас-Сади в марокканской администрации все же сказалось на его книге. Она, наверно, и задумана была благодаря тем возможностям, которые предоставляло автору исторического труда место активного участника «большой политики» Западного Судана во второй четверти XVII в. Именно политической стороной событий ас-Сади интересовался в первую очередь, здесь он широко пользовался и собственными наблюдениями, и какими-то не дошедшими до нашего времени документами.

«Великий колдун»

Имея в своем распоряжении эти две хроники, мы можем теперь возвратиться к правлению первого из великих сонгайских царей — сонни Али Бера, «Али Великого». Впрочем, и Махмуд Кати, и Абдаррахман ас-Сади, хоть и признавали Али видным полководцем и крупным правителем, никаких теплых чувств к нему не питали. «Притеснителем, лжецом, проклятым» именует его Кати. «Был он притеснителем, порочным, несправедливым, кровожадным тираном», — поддерживает его ас-Сади. Оба они рассказывают разные ужасы о преступлениях, которые якобы совершались по повелению Али. «Он приказывал бросать дитя в ступку, а матери — толочь его. И мать толкла ребенка живьем, и его скармливали лошадям», — рассказывает Кати. Особенное неудовольствие у обоих хронистов вызывало враждебное отношение Али к мусульманским законооведам и богословам. Они так и кипят благородным негодованием, когда речь доходит до бесчинств, действительных или мнимых, которые совершались по приказанию сонни Али и были направлены против благочести-

вых ученых. В чем же все-таки было дело? И действительно ли сонни Али был таким страшным извергом? Попробуем в этом разобраться.

Что касается жестокости правителя, то нам, право же, трудно судить, насколько правы или не правы авторы хроник. Не надо забывать, что речь идет о второй половине XV в. — времени, когда представления о гуманном довольно основательно отличались от нынешних. Очень может быть, что сонни Али и впрямь виноват был во многом из того, что ему приписывали. И все же, если бы дело заключалось только в личных качествах Али, едва ли Кати и ас-Сади обратили бы на них такое большое внимание. Ведь в конце концов аския ал-Хадж Мухаммед I, которого оба они описывали с почтительным восхищением, тоже не отличался чрезмерной мягкостью и перед пролитием крови противников не останавливался, когда это бывало необходимо.

Нет, главная причина враждебности хронистов к сонни Али заключалась именно в его неприязни к богословам и юристам. Оба они принадлежали как раз к этой социальной группе. А Кати был к тому же еще и приближенным аския ал-Хадж Мухаммеда I, который отнял престол у законного наследника — сына сонни Али. И положение его обязывало...

Было и еще одно обстоятельство, которому Али был обязан ненавистью к себе факихов*. Обе хроники старательно подчеркивают: ислам сонни Али был-де очень поверхностен. Он исполнял многие обряды, связанные с прежними, домусульманскими культурами; ас-Сади даже назвал его «великим колдуном». Но даже и в этом не было ничего необычного: ведь так по всему Западнему Судану поступало великое множество новообращенных мусульман, и мы уже говорили об этом. Но говорили и о том, что первыми проповедниками ислама в Судане были сектанты-ибадиты, а Гао стал главным центром сектантства в Западной Африке. И вот как раз хариджитские симпатии первой сонгайской династии и возбуждали непримиримую ненависть у правоверных мусульман Дженне и Томбукту, а отсюда и ответные репрессии, направленные в особенности против Томбукту — признанного центра мусульманского правоверия в Западной Африке.

И все же за сонни Али нельзя было не признать многих достоинств. Кати рассказывает: «Был он победоносен и разорял любую страну, к которой обращал лицо. Войско, при котором он находился, никогда не бывало разбито: это был победитель, а не

* Факих (*араб.*) — буквально «законовед». В более широком смысле так называли и юристов, и богословов.

побежденный». Ас-Сади добавляет к этому отзыву: «Он располагал великой мощью и большой твердостью». Всю свою жизнь Али провел в походах. За 27 лет ему пришлось помериться силами со многими противниками. Первыми среди них оказались моей — опасный южный сосед, против которого в свое время были бессильны армии государей Мали. Вскоре после своего вступления на престол сонни Али встретился в поле с царем моей Комдао, разбил и обратил в бегство его войско. Так началась целая серия походов на южных соседей, которая в конечном счете привела к полному спокойствию на южных рубежах Сонгай.

Но успехи в борьбе с моей имели лишь второстепенное значение. Главное внимание сонни Али и главные его усилия были обращены на запад и юго-запад: во второй половине XV в. сонгайский царь стремился к тому же, что за 200 лет до него удалось Сундиате и его ближайшим преемникам, — объединить под одной властью весь торгово-ремесленный центр тогдашнего Судана, лежавший вдоль среднего течения Нигера. Только на сей раз завоевание шло в обратном направлении — вверх по реке.

В 1468 г. правитель Томбукту призвал сонгайские войска в свой город. За 35 лет своего владычества туареги, возглавляемые Акилом аг-Малвалем, сумели достаточно убедительно продемонстрировать жителям все неудобства, которые влекло за собой господство кочевников над большим торговым городом. При этом они не делали особого различия между простым народом и городской знатью. И поэтому именно верхушка города — правитель и окружавшие его крупные купцы и факихи — проявила инициативу, призвав сонгайского царя принять город под свою высокую руку.

Однажды к султану поступили три тысячи мискалей золота, и он палкой, что была у него в руке, разделил их на три части для своих людей (их обычай — не касаться золота руками). И сказал султан: «Это — доля ваших одежд, это — доля ваших бичей, а это — вам в подарок!». Они ответили ему: «Но ведь это, по обычаю, принадлежит томбукту-кою...»*. Султан возразил: «А кто такой томбукту-кой? Что он значит? И в чем его преимущество? Унесите это — оно ваше!».

Это было уже слишком. Стерпеть — значило навсегда лишиться всех огромных выгод, с которыми связано было положение верхушки томбуктского купечества. И вот, говорит ас-Сади, правитель города «тайком послал к сонни Али, дабы тот пришел, а

* Томбукту-кой — правитель Томбукту. Сонгайское слово «кой» означает вообще «правитель, вождь, царь».

он-де сдаст ему Томбукту, и сонни будет им править. Он описал ему слабость Акила во всем — слабость его власти и его тела. И в доказательство своей правдивости послал сонни сандалию Акила — ведь Акил был человеком очень маленьким и щуплым. А сонни ответил ему согласием».

В конце января 1469 г. сонни Али вступил в Томбукту. Туареги не оказали сонгаем никакого сопротивления. Больше того: узнав о приближении войска сонгаев, Акил заблаговременно пригнал множество верблюдов и вывез из города виднейших мусульманских богословов. Ушли многие: отношение сонни Али к этой категории людей было достаточно хорошо известно. И в самом деле, войдя в город, Али довольно круто обошелся со многими из оставшихся там факихов. И все-таки эти преследования, наверняка, не были так ужасны, как потом расписали их хронисты. Во-первых, сонгайский царь обвинял факихов, в значительной части выходцев из североафриканских городов, в пособничестве туарегам, традиционным нарушителям порядка и тишины в караванной торговле. А поведение мусульманской верхушки Томбукту во время туарегского владычества давало к такому обвинению предостаточно оснований. Во-вторых, довольно скоро после эвакуации в Улату очень многие из беглецов проделали этот же путь в обратном направлении и спокойно водворились на прежних местах, не испытав со стороны сонгаев никаких притеснений. В-третьих, те из факихов, кто честно сотрудничал с новым хозяином Томбукту, и вовсе не имели оснований жаловаться на его дурное отношение. И вообще ас-Сади, не связанный придворным положением, как Махмуд Кати, добросовестно описав жестокости, которые будто бы чинил сонни Али, вдруг совершенно неожиданно заявил: «Но при всех несчастьях, что причинил он ученым, сонни Али признавал их превосходство и говорил: «Если бы не ученые, жизнь не была бы ни сладка, ни приятна!». Иным из них он оказывал благодеяния и почитал их. А когда выступил против фульбе племени санфатир, то послал много своих женщин в подарок старейшинам Томбукту и некоторым ученым и праведникам». Кстати, сам ас-Сади был правнуком одной из этих женщин.

Так мало-помалу объективная оценка деятельности последнего сонгайского государя из династии ши* пробивала себе дорогу через густой туман предубеждения. При всей нелюбви купеческо-мусульманской верхушки Томбукту к сонни Али она не могла не признать, что, подчиняя себе среднее течение Нигера,

* Ши и — сонгайский титул, равнозначный сонни — «царь».

этот, по выражению Махмуда Кати, «могущественный султан, жестокий сердцем», делал нужное ей дело.

Вслед за Томбукту наступила очередь Дженне. Этот город имел то преимущество, что стоял в самом центре средней дельты, среди бесчисленных рукавов реки Бани, озер и болот. Обилие воды облегчало доступ в город купцам и надежно прикрывало его от врагов. Хотя во времена расцвета Мали царь Дженне — «дженне-вере» — и считался вассалом даже не самого мансы, а его жены, которой и платил дань, но хроники утверждают, что жители Дженне выдержали 99 осад! Цифра, конечно, совершенно невероятная, но в таком предании очень хорошо отразилось уважение к богатому и самостоятельному городу, которое испытывал даже такой патриот Томбукту, как автор «Истории Судана».

Надо сказать, что ас-Сади вообще описал Дженне очень подробно и красочно. «Дженне, — говорит он, — крупный рынок мусульман. В нем встречаются обладатели соли из рудников Тегаззы и хозяева золота из рудника Биту. Эти благословенные рудники не имеют себе равных во всем этом мире. Люди находят в торговле в этом городе большую выгоду; в нем сложились крупные состояния, которые может счесть только Аллах.

Из этого благословенного города в Томбукту прибывают караваны со всех сторон света — с востока и запада, с юга и севера... Дженне окружен стенами, а в них было одиннадцать ворот; впоследствии трое ворот заложили и их осталось всего восемь. Когда ты находишься вне города и в отдалении от него, он тебе кажется всего лишь рошей из-за обилия в нем деревьев. Но когда войдешь в город, то кажется, будто в нем нет ни единого дерева...

Земля Дженне плодородна и возделана; она полна рынками во все дни недели. Говорят, в этой земле имеется семь тысяч семьдесят семь селений, прилегающих одно к другому. Чтобы доказать тебе их близость, достаточно сказать, что когда султану понадобится присутствие какого-либо человека, что живет в селении близ озера Дебо, то посланный выходит к воротам в стене и зовет того, чьего присутствия желает государь. Люди передают призыв от селения к селению — он достигает нужного человека в течение часа, и тот является».

Человек своего времени и своего круга, ас-Сади твердо усвоил, что Дженне и Томбукту составляли две половины единого торгового центра всего Западного Судана, что, следовательно, благоденствие одного из них было неразрывно связано с богатством и процветанием другого.

Но не хуже ас-Сади в середине XVII в. понимал эту истину и сонни Али во второй половине XV в. И в начале 70-х годов сонгайское войско подступило к стенам Дженне. Осада тянулась дол-

го, и осажденные, и осаждающие испытывали жестокую нужду в продовольствии. А взять город приступом сонгаи не могли: мешала вода, окружавшая город со всех сторон. Наконец, истощенные защитники города сдались — это произошло в 1473 г. Победитель обошелся с Дженне в высшей степени милостиво: оказал почтение правителю города (ас-Сади объяснял: «Это и есть причина того, что до сего времени султан Сонгай и султан Дженне сидят на одном ковре») и женился на его матери — вдове прежнего дженне-вере, умершего во время осады. Этим Али закрепил за собой права на верховную власть над городом и прилегающими местностями. После этого он мог спокойно возвратиться в коренные сонгайские владения.

Взятием Дженне сонни Али завершил воссоединение экономического центра Западного Судана под верховной властью царей Гао. Вместо власти мелких царьков установилась сильная, централизованная и обладавшая поддержкой крупного купечества власть сонгаев. Это и было результатом всей деятельности последнего ши, этим важнейшим достижением и заслужил он ту высокую оценку, которую неохотно, так сказать сквозь зубы, дал ему даже Махмуд Кати: «Он не оставил ни одной области, ни одного города, ни одного селения, куда бы он ни пришел со своей конницей, воюя с жителями этих местностей и совершая нападения на них».

Теперь, когда сонгайское государство заняло на политической арене Западного Судана то место, которое перед этим почти два века занимала держава Кейта, произошло передвижение к северо-востоку центра всей караванной торговли. С падением Мали пришел в упадок и экономический центр, сложившийся вокруг Ниани, когда этот город был политической столицей страны. А так как возник этот новый узел торговых путей на искусственной основе, без прочных хозяйственных предпосылок, то совершенно закономерным оказалось и последующее возвращение торгового центра Судана в те места, где его существование было оправдано и географией торговых путей, и древними устойчивыми хозяйственными связями: в треугольник, который образуют на карте три города — Гао, Дженне и Томбукту.

Неукротимый воитель, сонни Али и умер в походе. В ноябре 1492 г., возвращаясь из победоносной военной экспедиции в область Гурма, на правом берегу Нигера выше Гао (в языке сонгаи слово «гурма» и сейчас обозначает правый берег Нигера, так же как слово «хауса» — левый), он утонул в одном из рукавов реки. Многочисленные его недоброжелатели, конечно, сразу же объявили такую смерть карой Аллаха за недостаточно почтительное отношение к мусульманскому духовенству.

Ко времени смерти сонни Али сонгаем подчинялась вся долина Нигера, от Денди до озер Дебо и Фагибии. Всем было ясно, что в Западном Судане складывается новая великая держава. И завершить работу сонни Али досталось другому великому правителю — ал-Хадж Мухаммеду I, основателю новой династии.

После кончины Али престол перешел к его сыну Бубакару, по прозвищу «ши Баро». Войско, сопровождавшее Али в его последнем походе, провозгласило Бубакара царем. Но ему пришлось царствовать всего четыре месяца — даже добраться до столицы государства новый ши не успел.

Создатель династии

Среди ближайшего окружения сонни Али выделялся своими военными и дипломатическими способностями некий Мухаммед Туре. Сонинке по происхождению, он выдвинулся во время непрерывных походов сонни Али и достиг высшего военного звания в сонгайском государстве — «аскии». Он и возглавил заговор против ши Баро.

Хронисты всячески превозносят личные достоинства Мухаммеда. Его называют счастливейшим, праведнейшим, ведомым прямым путем и многими другими эпитетами такого же характера. Несомненно, это был незаурядный человек, опытный и смелый военачальник и не менее опытный и ловкий придворный. Как деликатно рассказывает ас-Сади, аския «в глубине души замыслил добиться халифской власти и ради того прибегнул ко многим хитростям. А когда завершил укрепление веревки тех хитростей, то выступил вместе со своими приближенными против Бубакара Дао и напал на него...» Если учесть, что между смертью сонни Али и открытым выступлением аския против преемника Али прошло всего два месяца, то придется признать, что интриганом новый претендент на сонгайский престол был выдающимся.

Первое нападение окончилось неудачно: ши Баро, правда, обратился в бегство, но захватить его не удалось. Теперь нужно было собрать войско и решать спор о власти в большом сражении. И тут вдруг обнаружилось, что силы претендента совсем не так уж велики, чтобы можно было быть уверенным в победе. Почти все вассальные князья остались верны сыну Али, а с претендентом пошел только один из них: наместник области Бара, который носил сразу два титула: сонгайский — «бара-кой» и мандингский — «манса».

В этой сложной обстановке и проявились политические таланты Мухаммеда Туре. Он сумел привлечь на свою сторону очень

сильного союзника — мусульманскую верхушку торговых центров страны. При войске Мухаммеда находились многие видные факихи, они входили в состав его совета, им пришлось выполнять сложные дипломатические поручения аския. Формальной причиной оттяжки решающего сражения были неоднократные посольства от претендента к ши Баро. Таким путем аския достигал сразу трех целей: во-первых, оттягивая время столкновения, занимался подготовкой своего войска; во-вторых, демонстрировал свое миролюбие; в-третьих, доказывал свое мусульманское благочестие. Ведь главным предложением, которое он делал своему законному государю, было: «Прими ислам и подчинись!». По всей вероятности, ши Баро продолжал держаться отцовской линии в делах веры, а это играло на руку Мухаммеду.

Одним из послов Мухаммеда к сыну сонни Али во время этого почти двухмесячного стояния обеих армий друг против друга неподалеку от Гао стал автор «Истории искателя» Махмуд Кати, несмотря на свою молодость — ему тогда было всего 25 лет. Он довольно красочно описал свое посольство: «И аския послал меня к нему — меня, то есть нуждающегося бедняка альфу* Кати. Я отправился к ши и нашел его в местности Анфао, а это поблизости от Гао. Я передал ему послание повелителя верующих, аския, и обратил к нему речи, сколь я мог красноречивые, как приказал повелитель верующих аския ал-Хадж Мухаммед. Я был с ним любезен, страстно желая, чтобы повел его Аллах благим путем. Но ши отказался наотрез, разгневался и приказал в тот же момент ударить в барабан, начав собирать войско. Он грозил и метал молнии, чтобы запугать меня. А я к себе самому прилагал слова поэта: «И погибну сегодня, побеждая людей креста и его почитателей!». Факихи из окружения аския отлично понимали, что победа претендента обеспечит им небывалые до того привилегии в государстве, и старались не за страх, а за совесть.

Как и следовало ожидать, переговоры не привели ни к какому результату: слишком крупной была ставка в той игре, которую вели оба противника. И 12 апреля 1493 г. произошло решительное столкновение. Ши Баро был разбит наголову, обращен в бегство и больше не предпринимал никаких попыток вернуть себе отцовское наследие. Аския Мухаммед стал неограниченным повелителем сонгайского государства.

За 37 лет своего царствования аския Мухаммед совершил не меньше походов, чем сонни Али. Его военачальники небывало расширили пределы государства: власть сонгаев пришлось при-

* Альфа — суданское произношение слова «ал-факих».

знать городам нынешней Северной Нигерии, брат и ближайший помощник аския Амар Комдиаго положил начало заселению сонгаями областей к юго-западу от Томбукту, на западе сонгайские генералы со своими отрядами доходили до плоскогорья Фута-Джаллон. И все же не это оказалось главной заслугой первого царя из династии аскиев (прежнее высшее военное звание Мухаммед сделал царским титулом) перед государством. В отличие от великого воителя сонни Али аския Мухаммед I может считаться великим устройтелем сонгайской державы. Именно ему она была обязана своим государственным строем в пору наивысшего расцвета.

Одним из первых законодательных актов нового правителя Сонгаи было разделение народа на две категории: на «подданных и войско», рассказывает хроника. Так определилась одна из главных особенностей, отличавших Сонгай от его предшественника Мали. В государстве аскиев войско состояло преимущественно из свободных сонгаев; рабы в его состав не включались (особенно в первое время), их использовали либо для продажи, либо сажали на землю. А это имело и дальнейшие последствия, причем немаловажные: раз не было рабского войска, значит, не могло быть и рабской аристократии, сыгравшей такую грустную роль в истории Мали.

Аския Мухаммед I создал и систему управления государством. Конечно, многое в ней досталось сонгаям в наследство от Мали. И конечно же, у всех предшественников аския, у всех царей, носивших титул «ши», тоже был какой-то административный аппарат. Но настоящую продуманную и централизованную администрацию создал только Мухаммед.

Обе хроники — и «История искателя», и «История Судана» — полны названий должностей — государственных и придворных. Причем эти должности охватывали самые разнообразные области жизни государства. Здесь были и «канфари», или «курминафари», — высший сановник державы, наместник ее западных областей; и следующий за ним по значению «балама» — начальник управления и армии в центральной части государства; и «хи-кой» — начальник царских кораблей; и «уандо» — начальник дворцовой полиции; и великое множество наместников отдельных областей и городов с самыми разными титулами. Среди этих названий часть составляли сонгайские, часть — мандингские, и это вполне понятно: Многие местности, до того как попасть под власть сонгаев, были провинциями Мали, и правители Гао, точно так же как и их предшественники, старались не разрушать, а использовать прежнюю систему управления новыми владениями. К тому же новая династия — у нас уже была об этом речь — происходила из

народа сонинке, относящегося к той же группе, что и малинке. И при дворе аския не слишком задумывались над происхождением того или иного титула или звания; в этом отношении там не страдали национальной ограниченностью.

Участие мусульманского духовенства в борьбе аския Мухаммеда против ши Баро заставило нового правителя подчеркнуть демонстрировать свою почтительность в отношении факихов. Но одними внешними знаками почтения дело не обошлось. Одним из первых шагов, которые аския предпринял, придя к власти, стало назначение кадиев, мусульманских судей, во все мало-мальски заметные города страны, не говоря уж о таких центрах, как Дженне или Томбукту. А кадии пользовались многими преимуществами, имели очень реальную власть в своих городах. Правда, аския и в этом случае проявил себя трезвым и практичным политиком. Большинство привилегий дано было в начале его царствования, а впоследствии он их мало-помалу отобрал. Махмуд Кати, человек, чья осведомленность не вызывает ни малейшего сомнения, так же как и его преданность аския, очень хорошо понял смысл этого. «Все это было, — рассказывал он, — в начале его деятельности ради согласия сердец его народа. Когда же его власть укрепилась и государство утвердилось, аския от всего этого отступил». Но все-таки если отнять ту или иную привилегию в церемониале было несложно, то гораздо труднее было отобрать у факихов реальную их власть там, где они ее получили.

Вот как обстояли, например, дела в Томбукту. Здесь кадий Махмуд ибн Омар возымел такую силу, что аския пришлось специально приехать к нему для выяснения животрепещущего вопроса: кто же все-таки хозяин в городе?

Махмуд Кати очень живо рассказал, как аския, помянув своих предшественников и предшественников кадия, спрашивал: «Разве же эти кадии препятствовали государям свободно распоряжаться в Томбукту и делать в нем то, что им хотелось: повелевать, запрещать, взимать дань?!». Махмуд ибн Омар хладнокровно отвечал: нет, не препятствовали. «Так почему же ты, — возмутился аския, — мешаешь мне, отталкиваешь мою руку, выгоняешь моих посланцев, которых я отправлял по своим делам, бьешь их и велишь гнать из города?!». В ответ кадий сослался на то, что в начале своего правления аския попросил у него, Махмуда ибн Омара, духовного покровительства и заступничества, дабы спасти его от адского пламени.

Интереснее всего то, что, хотя произвольный характер такого расширенного толкования просьбы аския был совершенно очевиден, Мухаммеду пришлось уступить: он сделал вид, что впол-

не удовлетворен объяснениями кадия, и уехал. Даже на вершине своего могущества он не мог себе позволить вступить в открытую борьбу с городской знатью Томбукту, которую представлял кадий Махмуд.

Через четыре с половиной года после своего вступления на престол, в октябре 1496 г., аския Мухаммед I отправился в хадж. В истории средневековых западносуданских государств такое путешествие всегда было важнейшей внешнеполитической акцией — мы видели это на примере хаджа Мусы I. Для аския же совершить хадж значило, кроме того, еще и подтвердить ту репутацию борца за мусульманское правоверие, которой он добился во время войны против «безбожной» династии ши.

Оформление хаджа на сей раз было несравненно более скромным, чем во времена мансы Мусы. Аския сопровождали всего полторы тысячи воинов — пятьсот конных и тысяча пеших. И ни о каких ста вьюках золота не было и речи: караван вез всего триста тысяч мискалей, которые в свое время оставил сонни Али на хранение хатибу мечети в Томбукту. Конечно, и это были немалые средства: на треть этой суммы аския смог купить в Медине большие участки земли, которые затем пожаловал в пользу мусульман-паломников из Западной Африки. Но все же экономические возможности Мухаммеда Туре оказались меньше возможностей Мусы Кейта. Западный Судан, разоренный непрерывными войнами на протяжении всего XV в., не мог обеспечить первого аския такими же богатствами, как его прославленного предшественника.

Как и следовало ожидать, и Кати, и ас-Сади много рассказывают об образцовом благочестии аския Мухаммеда, о его многочисленных беседах с богословами и потомками пророка в Каире, Мекке и Медине. Во всех этих рассказах почти неизменно присутствуют два ближайших советника аския — факихи Салих Диава и Мухаммед Туле. Много в рассказах о пребывании Мухаммеда — откровенная легенда, так же, как и в сообщениях о чудесных встречах его приближенных со сверхъестественными существами — джиннами. И причина здесь одна (не говоря уж, конечно, об обычном стремлении хронистов приукрасить личность и заслуги любимого героя): не было ничего более существовавшего, о чем стоило бы рассказывать. Хадж сонгайского государя не вызвал на тогдашнем Переднем Востоке почти никакого отклика. На этот район надвигалась страшная турецкая угроза, и в Дамаске или в Каире было попросту не до хаджа царя далекой страны, лежавшей где-то позади великой пустыни.

Единственным существенным результатом паломничества аския оказалось то, что он был провозглашен халифом, т.е. не

только светским, но и духовным главой мусульман Западной Африки. Никто из его предшественников этого титула не имел. Впрочем, внешнеполитического значения этот акт не имел никакого, никто не собирался считаться с мнением мекканского шерифа*. Зато внутри своей державы Мухаммед мог надеяться извлечь из нового титула некоторую пользу: титул делал его более независимым от мусульманской верхушки Западного Судана, позволял как-то ограничить ее постоянно растущие аппетиты.

В августе 1498 г. аския Мухаммед — теперь уже ал-Хадж Мухаммед — возвратился в Гао. И сразу же отправился в поход на моей. А на следующий год последовал второй поход — на запад, в Тендирму, а за ним другие с редкими перерывами. Государство росло, и хлопот у аския не убавлялось. То один, то другой «мятежник» выступал против сонгайской власти. Большинство из них терпело жестокие поражения от самого Мухаммеда или от его генералов. Но одному все же удалось оевободиться от зависимости, отразив все сонгайские карательные экспедиции. Случай этот заслуживает того, чтобы о нем рассказать поподробнее.

В 1516 г. аския возвращался из похода на Агадес; в походе этом его сопровождал правитель города Кебби, расположенного на севере современной Нигерии. Этот правитель, носивший титул «канта», выставил вспомогательный отряд и по окончании похода рассчитывал получить свою долю добычи. Время шло, но никто не торопился выделять союзнику его долю. Тогда канта обратился к «денди-фари», наместнику провинции Денди, которая граничила с его владениями, но тот ответил ему грубой насмешкой. Между тем войско царя Кебби взволновалось, угрожая мятежом. Но и на повторную просьбу канты денди-фари ответил отказом. И тогда жители Кебби открыто выступили против сонгайского владычества.

Наместник Денди попытался справиться с восстанием своими силами, но это не привело ни к какому результату. Не больше успеха выпало и на долю самого аския Мухаммеда, явившегося на следующий год на выручку своему наместнику. Жители Кебби успешно отразили все приступы сонгаев и отстояли свою независимость — «до конца державы Сонгай», как пояснял ас-Сади.

Но поражение в Кебби осталось пока что единственным темным пятном на блестящем общем фоне, какой представляло собой царствование ал-Хадж Мухаммеда I.

* Шериф (араб.) — букв. «благородный», так называют действительных или мнимых потомков пророка Мухаммеда.

«Описание Африки, третьей части света»

Между 1511 и 1515 гг. Западный Судан дважды посетил молодой араб по имени ал-Хасан ибн Мухаммед ал-Ваззан аз-Зайяти. Даже для богатого интересными человеческими судьбами времени Возрождения его жизнь оказалась на редкость своеобразной, можно даже сказать — удивительной.

Он родился в Гранаде в 1493 или 1494 г., через год-два после падения последнего мусульманского княжества в Испании. Вскоре после его появления на свет родители увезли мальчика в Фее. В столице султанов Марокко — сначала из династии Бану Ваттас, а потом шерифов-саадитов — ал-Хасан получил блестящее образование и рано начал успешную карьеру при дворе. В Западную Африку он ездил вместе с отцом в составе официальных марокканских миссий султана Мулай Ахмеда ал-Касима. Затем ал-Хасан отправился в хадж и несколько лет провел на Востоке. И когда в 1520 г. он возвращался из этого путешествия, его судно было захвачено сицилийскими пиратами у побережья Туниса. Молодой образованный араб, превосходно говоривший по-испански — ведь это был его второй родной язык! — произвел на морских разбойников такое большое впечатление, что, вместо того чтобы продать его на невольничьем рынке где-нибудь в Генуе или в Пизе, они подарили его папе Льву X вместе с таким диковинным зверем, как жирафа. Папа, сын известного покровителя гуманистов Лоренцо Медичи, прозванного Великолепным, сумел оценить подарок по достоинству. По его поручению пленник, получивший при крещении имя Джованни Леоне, преподавал арабский язык в Риме и Болонье. В 1526 г. он закончил свой самый известный труд: «Описание Африки, третьей части света, и примечательных вещей, какие там есть». Как автор этого «Описания» он и приобрел мировую славу под именем Льва Африканского. Около 1528 г. ему удалось вернуться в Северную Африку, там он снова принял ислам и спокойно закончил свои дни в Тунисе в 1552 г.

Рассказ Льва Африканского о Западной Африке был создан в пору самого расцвета сонгайского государства. И поэтому в нем нарисована, по словам современного английского исследователя, «картина одной из величайших политических организаций, какую когда-либо создавали негры». Но надо сказать, что экономическая сторона увиденного гораздо больше интересовала автора «Описания Африки», чем политика. Он впитал в себя многовековую традицию, рассматривавшую страны по южную сторону Сахары как постоянных торговых контрагентов купцов Северной Африки. В начале XVI в. эта традиция была ничуть не менее живой, чем в середине XIV в., когда о Западном Судане писал Ибн Баттута.

Подробнее всего описал Лев Африканский великие торговые города — Гао и Томбукту. Однако он обратил внимание и на Ниани, где тоже побывал. И его описание малийской столицы очень выразительно показывает, насколько упало могущество правителей из династии Кейта к этому времени, хотя хозяйство Мали все еще сохраняло достаточно высокий уровень развития. Вот это описание.

«В этой стране есть крупное поселение, где находится почти шесть тысяч очагов. И по этому селению Мелли названа остальная часть королевства. В том селении живут король и его двор.

Страна изобилует зерном, мясом и хлопком. В селении Мелли есть множество ремесленников и купцов — туземцев и иностранных; но иностранцы гораздо более любезны королю. Жители богаты от торговли, которую они ведут, снабжая многими вещами Гвинею и Томбутто. У них есть много храмов и священников, а также преподавателей, читающих в храмах, ибо коллегий они не имеют.

Именно эти люди — те, кто более всего культурен, более всего разумен и более всего прославлен из всех черных, тем более что они первыми примкнули к вере Махумета. С того времени они находились под владычеством великого государя... И власть оставалась у его потомков до времени Аскии, который их сделал данниками, так что ныне этому сеньору* нечем прокормить свое семейство из-за тягот, которые на него возложены».

Лев Африканский был объективным и трезвым наблюдателем. Блеск победоносной сонгайской державы и жалкое состояние, к какому сведен был в эту пору авторитет государей Мали, не могли скрыть от него той роли, которую сыграли малинке и родственные им народы в политической и культурной истории Западной Африки.

Гораздо мажорнее звучит описание Томбукту — города, который к этому времени переживал самый расцвет, хозяйственный и культурный. И Лев при рассказе об этом городе не пожалел ярких красок.

«В этом городе, — говорит он, — много лавок ремесленников, купцов и в особенности ткачей, изготавливающих хлопчатобумажные ткани. Попадают также европейские ткани, привозимые берберийскими купцами... Жители очень богаты, особенно чужестранцы, кто здесь поселился. Так что нынешний король выдал двух своих дочерей за двоих братьев-купцов из-за богатства последних.

* Имеется в виду «король Мелли».

В упомянутом городе есть много колодцев с пресной водой, хотя, когда Нигер разливается, вода доходит до города по нескольким каналам. Имеется величайшее изобилие зерна и скота, поэтому жители потребляют много молока и масла. Однако очень не хватает соли, так как она доставляется из Тегазы, отстоящей от Томбутто примерно на пятьсот миль. И один раз, когда я оказался в Томбутто, выюк соли стоил восемьдесят дукатов.

Королю принадлежит большое богатство в пиастрах и золотых слитках, один из которых весит тысячу триста фунтов. Двор короля хорошо устроен и великолепен. Когда король отправляется со своими придворными из одного города в другой, то едет верхом на верблюде, а лошадей конюхи ведут под уздцы. Если же приходится сражаться, то конюхи стреноживают верблюдов и все солдаты садятся на лошадей.

Всякий раз, как кто-либо хочет говорить с этим королем, он становится перед ним на колени, берет горсть земли и сыплет ее себе на голову и на плечи: это знак почтения. Но его требуют лишь от тех, кто не говорил с королем раньше, или же от послов.

Король содержит около трех тысяч всадников и бесчисленных пехотинцев, которые вооружены луками... и обычно стреляют отравленными стрелами. Король часто воюет с недружественными соседями и с теми, кто не желает ему платить дань. Одержав победу, он приказывает продать в Томбутто всех взятых с боя, вплоть до детей.

В этой стране не водятся лошади, исключая некоторых мелких иноходцев — на них ездят в своих путешествиях купцы, а также некоторые придворные в городах. Хорошие же лошади доставляются из Берберии. Как только они приходят с берберийским караваном, король приказывает записать их количество. Проходит двенадцать дней, он выбирает ту, которая ему больше нравится, и оплачивает достаточно честно...

В этом городе есть много судей, ученых и священников. Все они получают хорошее жалованье от короля. Король весьма почитает людей ученых. В городе продаются также многие рукописные книги, которые приходят из Берберии. И они дают больше дохода, чем остальные товары.

Вместо монеты они обычно используют куски чистого, без примесей золота, а для мелких покупок — привозимые из Персии раковины, четыре сотни которых оцениваются в дукат. Шесть и две трети их дуката составляют римскую унцию*.

* Римская унция равнялась 1/12 фунта.

Эти жители — люди приятного нрава. Они имеют обыкновение проводить время с десяти часов вечера до часу ночи, почти непрерывно играя на музыкальных инструментах и танцуя по всему городу. Горожане держат в услужении много рабынь и рабов...».

И уж совсем восторженным гимном западноафриканской торговле звучит рассказ о рынках Гао: «Здесь есть исключительно богатые купцы, и сюда постоянно приезжает большое количество черных, которые здесь покупают ткани, привезенные из Берберии и из Европы... Здесь есть также определенное место, где должны продаваться рабы, особенно в такие дни, когда обыкновенно собираются купцы. И молодой раб в возрасте пятнадцати лет продается за шесть дукатов; так же продают и детей...

Удивительно видеть, какое множество товара доставляется сюда ежедневно и сколь дороги и великолепны все предметы. Лошади, купленные в Европе за десять дукатов, перепродаются по сорока, а иной раз и по пятидесяти дукатов за штуку. Нет такой грубой европейской ткани, которую бы здесь не продали по четыре дуката за локоть. А если бывает что-нибудь тонкое, они дадут за локоть и пятнадцать дукатов. Локоть же венецианского пурпура или турецкой ткани стоит здесь тридцать дукатов. Меч здесь оценивают в три или четыре кроны, равно как и шпоры, уздечки и прочие подобные товары. Пряности тоже продаются по высоким ценам. Но из всех других товаров наиболее, до крайности, дорога соль».

И вот, когда читаешь эти отзывы умного и наблюдательного современника аскии Мухаммеда, все настойчивее возникает желание спросить — так что же лежало в основе всего этого великолепия? На чем держалась в конечном счете вся держава аскиев? Проще говоря, что служило экономической базой сонгайского государства в период недолгого его расцвета — практически меньше ста лет, с середины 90-х годов XV в. до того страшного мартовского дня 1591 г., когда разгром марокканцами отборных сил аскии Исхака II при Тондиби решил судьбу Сонгай?

И здесь нам приходится снова обратиться к хроникам Махмуда Кати и Абдаррахмана ас-Сади. Очень многое становится понятным при чтении отдельных рассказов, которые сами-то хронисты считали в лучшем случае просто юридическими казусами.

Крестьяне и рабы

В начале этой главы нам уже привелось говорить, что поливное рисоводство и рыболовство были основой хозяйства народа сонгай еще в очень отдаленные времена. Так было и в течение

XV—XVI вв., то же остается и в наши дни. Говорили мы и о том, что при поливном земледелии не было надобности в таких многочисленных по своему составу объединениях людей, каких неизбежно требовала подсечно-огневая система обработки земли, господствовавшая в средневековом Мали. К тому же поливное земледелие вообще, а рисоводство в особенности гораздо более продуктивная форма хозяйства, чем подсека, и дает оно гораздо большие урожаи. Но зато и требует оно намного больше труда, как всякая вообще интенсивная форма хозяйства. И поэтому в сонгайских селениях никогда не бывало излишка рабочих рук.

В течение всего XV в. сонгайские цари, от ши Мухаммеда Дао до сонни Али Бера, вели непрерывные войны. До правления аския ал-Хадж Мухаммеда I военнообязанным считалось все мужское население царства. Это, несомненно, очень тяжело отзывалось на состоянии земледелия, так же как и всех остальных отраслей хозяйства: народ сонгай немногочислен, даже недавно, в 60-х годах XX в., он насчитывал всего около 800 тысяч.

А 500 лет назад эта цифра была намного меньше.

Поэтому, когда аския Мухаммед разделил народ на «войско» и «подданных», обязав подданных заниматься крестьянским трудом, он руководствовался прежде всего хозяйственной необходимостью: войны требовали людей, способных сражаться, но людей этих надо было кормить. А для этого требовалось поддерживать на каком-то минимальном уровне сельское хозяйство.

Впрочем, можно предположить, что не только эти соображения заставили основателя новой династии осуществить такую капитальную реформу общественного устройства сонгаев. В XV в. войны стали не только традиционным занятием правителей, знати и войска, но и огромным источником доходов для них всех. Ведь вся добыча подлежала разделу. А отсюда следовало простое рассуждение, что в таком случае правящей верхушке выгоднее содержать сравнительно немногочисленное профессиональное войско, так сказать, военное сословие, чем созывать ополчение для каждого набега, — выше военные качества солдат и меньше недовольных при разделе добычи. Тем более, что реформа ал-Хадж Мухаммеда I отстраняла от военной службы беднейшие, самые беспокойные и потенциально самые «опасные» слои сонгайского населения.

Но даже реформа ал-Хаджа не могла бы обеспечить быстрый подъем разоренного хозяйства. Рабочих рук не хватало. Выход же из этого затруднения был один, давно уже известный и довольно широко применявшийся в Мали, — а для сонгаев Мали всегда служил образцом. Речь идет о сажании на землю рабов, захваченных в походах.

И с правления аскии ал-Хадж Мухаммеда I начинается стремительное увеличение числа рабских поселков на территории Сонгай.

Суданские хроники, особенно «История искателя» Махмуда Кати, полны рассказами о таких поселениях. Жителей их хронисты обычно называли «зинджами». У этого названия довольно любопытная история. В классической арабской литературе домонгольского времени, т.е. до середины XIII в., слово «аз-зиндж» обозначало чернокожих коренных жителей восточного побережья Африки, население же Западной Африки арабы называли просто «черными» — «ас-судан». А кроме того, «зинджами» называли и африканских рабов — их в большом количестве вывозили из Восточной Африки в Южный Ирак и там использовали на самых тяжелых оросительных работах. В XVI и XVII вв. это слово в первоначальном значении уже почти никто не применял. Но зато в лексикон западноафриканских чиновников и хронистов вошло вторичное, уже переосмысленное значение слова «аз-зиндж». И называли им любую из очень многочисленных зависимых и неполноправных групп населения Западного Судана.

Сам первый аския во время своих походов захватил у сонни Али 24 «племена» рабов*, которых Али отобрал у царей Мали; ал-Хадж рассматривал эти «племена» как свое законное наследство. Каждая из этих рабских групп несла определенные повинности: часть из них должна была поставлять установленное количество зерна с каждой супружеской пары, часть изготовляла оружие для царского войска — это были кузнецы, некоторых использовали как личных слуг аскии и его родни или же в качестве прислуги при царских лошадях.

Повинности могли изменяться. Так, во времена правителей Мали с тех, кто обязан был поставлять зерно, брали урожай с 40 локтей обработанной земли. Во времена сонни Али было приказано объединять рабов в «бригады» по 100 человек каждая — такие бригады работали в поле под наблюдением надсмотрщиков с барабанщиками и флейтистами, а весь урожай уходил на прокормление воинов сонни. Когда же эти люди перешли в собственность аскии ал-Хаджа, он установил для них подать зерном, причем размер ее не мог превысить 30 мер. По сравнению с предыдущим периодом это могло показаться облегчением. Так

* Слово «племя», употребленное Кати, мало подходит для обозначения групп рабов, о которых идет речь. Это скорее были «касты» то есть объединения людей, замкнутые профессионально и заключающие браки только в своей среде (эндогамные).

бы оно и было, если бы аския одновременно не наложил на рабов гораздо более тяжкую дань. «И брал аския Мухаммед некоторых из их детей, обращая их в цену лошадей»*, — спокойно поясняет Кати. Он оставался человеком своей эпохи и своего круга, и такие вещи были для него совершенно обыденным явлением.

Но помимо тех рабов, что достались аския ал-Хадж Мухаммеду, так сказать, по наследству от прежней династии, он и сам в своих походах угонял в полон многие тысячи людей. Когда в 1495 г. его войско завоевало город Диагу, аския, рассказывает хроника, «захватил в ней 500 строителей и 400 увел в Гао, дабы использовать их для себя... вместе с их строительным инструментом. Брату же своему, Амару Комдиаго, он пожаловал оставшуюся сотню». Амар в эту пору строил город Тендирму, будущую резиденцию наместника западных областей — «канфари», и опытные строители ему были очень кстати. При этом, когда захваченных людей перегоняли в назначенные им для жительства местности, им приходилось проходить зачастую не одну сотню километров: одну из местностей возле Тендирмы заселили моей, угнанными аскияей после одного из походов на их страну, а в то же время царские земли, находившиеся в затопляемой части Масины, обрабатывали люди, которых захватили в области Галам, на верхнем течении Сенегала.

Основой политики аския ал-Хадж Мухаммеда I в этом отношении было создание развитой сети рабских поселков, принадлежавших короне и размещенных по всему пространству Сонгай. Если отметить на карте земледельческие рабские поселки, принадлежавшие самому заметному из преемников ал-Хаджа — аския Дауду (1549—1583), то они размещаются от Денди почти до Ниоро. «Во всех подчинявшихся ему землях, от Эрей-Денди... до окончания гаваней озера Дебо, были у аския возделанные участки. В иные годы ему поступало продовольствия более 400 тысяч сунну**. Не было ни одного селения среди поселков, что мы назвали, где бы у аския не было рабов и начальника над ними. Под началом некоторых из них возделывали землю до 100 рабов, а у других — 50, 60, 40 и 20». Так рассказал об этом Махмуд Кати. Но главная масса этих поселений находилась в средней дельте Нигера — рисовой житнице Сонгай, самой плодородной области государства. И это лишь один раз показывает прямую связь между рисоводством и использованием рабского труда в сельском хозяйстве.

* То есть «продавал их, чтобы купить лошадей».

** Сунну — мера объема — кожаный мешок емкостью до 250 л.

Широко распространено было обыкновение дарить рабов; делалось это как на вывод (если употребить русское выражение крепостного времени), так и вместе с селениями, где эти рабы жили. И делали это аскии не скупясь. Ал-Хадж Мухаммед I пожаловал одному из многочисленных шерифов своего окружения, по одному рассказу, 1700, а по другому — 2700 рабов за один раз. Уже знакомые нам факихи Салих Диаваара и Мухаммед Туле получили в 1501—1502 гг. целых шесть «племен» рабов — по три на каждого. В 1581 г. еще один шериф получил сразу три поселка с рабами в дар от аския Дауда. Не оставался обиженным и автор «Истории искателя»: тот же Дауд подарил ему поместье с рабами. В поместье, правда, числилось всего 13 рабов, но надо полагать, что это был не единственный подарок такого рода, полученный нашим знакомцем за время его долгой и преданной службы династии.

Но мало было обратить людей в рабство и посадить их на землю. Нужно было еще и закрепить их в этом состоянии: ведь никому из хозяев таких рабских деревень не хотелось терять рабочие руки. Для этого существовала целая система ограничений, которой подчинялись все без исключения рабы. В основе системы лежало запрещение людям рабского состояния заключать браки вне своих «племен». Другими словами, все такие объединения зависимых людей были строго эндогамны.

Что это значило на практике? Просто-напросто то, что свободный человек не мог жениться или выйти замуж за члена рабского племени, не обрекая себя совершенно автоматически на потерю свободы. Правда, существовало заметное различие между положением мужчины и положением женщины. Дело в том, что счет родства по линии матери — мы с этим встречались и в Гане, и в Мали — очень устойчиво держался и у сонгаев. В отдельных случаях счет родства по отцу уже сам по себе означал принадлежность человека к той или иной группе рабов. Особенно часто это случалось в кастах кузнецов — так было, например, с теми пятью «племенами» оружейников, которые унаследовал от сонни Али аския ал-Хадж Мухаммед I. Свободные же люди считали родство только по матери, хотя наследование имущества шло уже по отцовской линии (что свидетельствует о сравнительной давности сложения классового общества).

По всем этим причинам решающее значение имело социальное положение матери или жены. Сонгайские правители обеих династий строго следили за соблюдением соответствующих правил. При этом важную роль играло, конечно, желание обеспечить сохранение за собственником возможно большего количества рабов. Мужчинам из все тех же унаследованных ал-Хаджем

24 «племен» еще в ту пору, когда они были собственностью царей Мали, было строжайше предписано: жениться на свободных женщинах они могут только в тех случаях, когда внесут семье невесты большой выкуп. «Из опасения, как бы женщина или ее дети не потребовали себе свободы, и желая, чтобы они со своими детьми оставались в собственности малли-коя», — так разъяснил смысл запрета Махмуд Кати. Другими словами, зависимому разрешалась женитьба на свободной женщине только при условии, что родня этой женщины попросту согласится продать в рабство ее, а значит, и ее детей.

Аския ал-Хадж Мухаммед I после консультации с факихами внес изменение в форму запрета. По установленному им порядку при свободном отце и матери-рабыне ребенок безоговорочно признавался рабом; а при отце-рабе и свободной матери он считался рабом, только если оставался в семье отца и продолжал заниматься тем же, чем занимался отец. Уйдя в семью матери, он получал свободу. Легко заметить, что, несколько изменив правило в пользу хозяина раба, ал-Хадж все-таки вынужден был сохранить его основной смысл: социальное положение человека определено социальным положением его матери. Мусульманской правовой теории пришлось и здесь отступить перед древним обычаем.

«История искателя» включает довольно любопытный рассказ, в котором очень хорошо видно отношение и самого ал-Хаджа, и его преемников к соблюдению таких запретов. В местности Анганды, к востоку от озера Дебо, рассказывает хронист, некогда обитало смешанное население, состоявшее из свободных сонгаев, «зинджей» и диам-кириа (так называлась одна из каст). Сонни Али завоевал Анганду, сонгаев перебил, а части «зинджей» и кузнецов сохранил жизнь. Когда воцарился ал-Хадж Мухаммед I, уцелевшие мужчины этой местности обратились к нему с покорнейшей просьбой: дать им жен. Аския выполнил эту просьбу, но довольно своеобразно. В жены они получили женщин, тоже принадлежавших к «зинджам», а кроме того, новобрачным предписано было сохранять эндогамию внутри потомства каждой пары.

Что интересно в этой истории? Во-первых, то, что аския согласился на смешение разных зависимых групп только при условии, что сохранится их зависимое положение. А во-вторых, создав новые неполноправные группы, он сразу же постарался их сделать еще более замкнутыми.

Но на этом дело не кончилось. Очень много лет спустя, когда аския ал-Хадж Мухаммеда I давно не было в живых, к его внучатому племяннику, аския Исхаку II, обратились трое мужчин, прося его принять их в свое владение. Исхак поначалу обо-

шелся с просителями милостиво, но когда узнал, что все трое родом из Анганды, то не только возвратил зависимых — «зинджа» и кузнеца — хозяину Анганды, но и объявил его собственностью также третьего просителя. А тот был свободный сонгай, имевший неосторожность взять в жены женщину из Анганды. И при этом в обоснование своего решения Исхак сослался на указ ал-Хаджа Мухаммеда I.

Большое число поселений такого типа сильно расширяло экономическую основу центральной власти. Изобилие продуктов, которое поразило на западносуданских рынках Льва Африканского, во многом именно этим и объяснялось. Ведь помимо посаженных на землю рабов в сонгайской державе существовало и свободное крестьянство. И рабы сильно облегчали его положение. Их эксплуатировали гораздо сильнее, чем это делалось в Мали; и свободные благодаря усилению эксплуатации рабов имели возможность сохранить большую долю плодов своего труда, которую иначе постаралась бы у них отобрать «своя» же сонгайская знать.

И все же, даже если учесть усиленное использование рабского труда, положение тех, кого мы на всем протяжении этой главы называем рабами, очень сильно отличалось от того, что мы привыкли видеть в классических, если так можно сказать, странах рабовладения — Древней Греции и Древнем Риме. В сущности, так же как и в Мали, рабы в сонгайском государстве были скорее полурабами-полукрепостными. Они сохраняли какое-то собственное хозяйство. Настоящая барщина (единственную попытку ввести ее предпринял сонни Али) просуществовала очень недолго: просто не по силам было царской администрации обеспечить тот жесткий контроль, который один только и мог сделать успешной такую форму использования труда зависимого населения. Но кое-что и отличало полурабов-полукрепостных времен аскиев от их малийских предшественников: прежде всего то, что они были ближе к крепостному, чем к рабу. Зато в сонгайской державе не существовало тех довольно широких рамок, в которых могло меняться положение раба в Мали, хотя и признавалось, что рабы, рожденные в доме господина, имеют преимущества перед «новенькими». Но в целом все здесь было намного жестче, сословное неравенство между свободным и несвободным сохранялось гораздо строже, а следов рабства патриархального, домашнего, оставалось куда меньше!

Хроника Махмуда Кати содержит очень любопытный рассказ, из которого хорошо видно, насколько различались взгляды на положение раба в Мали и в Сонгай. Один из начальников рабских поселков сумел накопить немалые богатства, так что не только покрыл за счет своих запасов риса от предыдущего урожая взнос

следующего года, но и роздал в виде благочестивой милостыни тысячу сунну зерна. Аскии Дауду это очень не понравилось. «Этот раб при его положении, бедности и ничтожестве, — сказал аския своим советникам, — дает милостыню тысячу сунну! А что же буду раздавать милостыней я?! И чего он этим добивается, как не прославления своего имени?». Но советники успокоили Дауда. «Все рабы одинаковы, — пренебрежительно ответили они, — ни один из них не возвысится иначе, как через возвышение своего господина, а его достояние — собственность его господина. Ведь когда царь, подобный тебе... возгордится тем, что раб, который ему принадлежит, подарил-де то-то и то-то, ему отвечают: «Раб аскии подарил бедным тысячу сунну»...» Иными словами, как бы ни был богат зависимый человек (а таких начальников рабов, как герой этого рассказа, было немало), он и думать не мог сравняться со свободным сонгаем в социально-политическом отношении.

Конечно, непрерывное усиление сонгайской знати должно было сопровождаться и таким же непрерывным ухудшением положения свободного сонгайского крестьянства, хотя сохранение большой патриархальной семьи и замедляло этот процесс. Не исключено, что какая-то часть аристократии уже в начале XVI в. использовала на своих землях труд свободных сонгаев наряду с рабским. Свободное трудовое население, так же как и в Мали, постепенно попадало в зависимое состояние, когда отличие его от рабов становилось почти исключительно правовым, а экономическая разница и вовсе переставала чувствоваться. Всегда и повсюду в истории сложение общественного класса крупных земельных собственников неизменно сопровождалось другим явлением: постепенно рождался и противоположный класс — зависимое крестьянство, причем в этой общей массе поначалу совсем разных, по выражению одного исследователя, «категорий свободы, полусвободы и несвободы» мало-помалу пропадала разница между бывшим рабом и бывшим свободным. С разных сторон и тот, и другой приходили к одному и тому же зависимому состоянию. Об этом нам уже приходилось говорить в главе о Мали, а в Сонгай развитие шло в том же направлении. Только в первый период после прихода к власти династии аскиев, в конце XV и начале XVI в., на некоторое время в этом непрерывном процессе усилилась его рабская «составляющая».

Но вот наступило царствование аскии Дауда, сына ал-Хадж Мухаммеда I. Оно оказалось вершиной расцвета сонгайской державы. И все тот же Махмуд Кати рассказывает о Дауде: «Он был первый, кто начал получать наследство воинов, говоря, что они-де его рабы. Раньше так не бывало и после война наследовались

только лошадь, щит, копьё — не более того...». И желая как-то оправдать Дауда, хронист сокрушенно добавляет: «А что касается захвата аскиями дочерей воинов и превращения их в наложниц, то эти прискорбные случаи предшествовали его правлению. Все мы принадлежим Аллаху, и к нему мы возвратимся...». Так к середине XVI в. господствующий класс начал наступление на права и интересы свободных сонгаев, стремясь понемногу уравнивать их со своими рабами и вольноотпущенниками.

Царевичи и факихи

Но и для господствующего класса изменение условий по сравнению с Мали имело очень существенные последствия. Только что у нас шла речь о сравнительной жесткости сословных границ у сонгаев. А отсюда следовал совершенно недвусмысленный вывод: рабы, захваченные сонгайскими армиями в непрерывных военных экспедициях, могли быть либо использованы для продажи, либо посажены на землю. Ни о каком рабском войске не было речи до самого конца 80-х годов XVI в., когда хронисты впервые рассказывают об отряде евнухов-телохранителей при особе аския Исхака II. И сонгайская военная знать могла не бояться опаснейшего конкурента — военачальников и прочих вельмож рабского происхождения.

И главный наш источник, суданские хроники, целиком такой вывод подтверждают. Они называют множество высших государственных, военных и придворных должностей, но напрасно стали бы мы искать на пятистах с лишним страницах арабского текста обеих хроник — а там названы не одни только должности, но и имена тех, кто их занимал в разные годы и при разных царях, — хоть что-то похожее на всецелие «ближних рабов», малийских «дъон-сандиги». Нет, на всех этих постах сидели свободные люди. И не просто свободные, а, так сказать, сливки сонгайского общества: царевичи всех рангов и всех степеней родства с царствовавшими особами — сыновья, братья, дядя. Пожалуй, единственным исключением был пост «кабара-фармы» — наместника города Кабары, гавани Томбукту: по традиции его всегда занимал доверенный раб аския. Да еще аския Дауд, пришедший на царство с должности «канфари», дважды назначал на эту важнейшую должность государства своих вольноотпущенников.

Царевичи были очень многочисленны. Махмуд Кати постарался как можно аккуратнее перечислить всех детей аския ал-Хадж Мухаммеда I, но и он, насчитав 31 имя сыновей основателя второй сонгайской династии, вынужден был закончить перечисление такими словами: «...и прочие, кого не счесть из-за их

многочисленности. Это были те, кто мне сейчас вспомнился, но большая часть их пропущена».

При таком количестве лиц, которые, по крайней мере теоретически, имели право на престол — ведь в Сонгай, как и во всех мусульманских государствах средневековья, не существовало твердо урегулированного порядка наследования престола, — интриги и склоки между претендентами были совершенно неизбежны. В этом пришлось убедиться даже самому аскии ал-Хаджу Мухаммеду I; а последние дни сонгайского государства были омрачены мелкой и смешной в тогдашних трагических условиях убицей между претендовавшими на престол аскиев царевичами. Как ни странно, но среди десятков этих царских родственников очень мало оказывалось в нужные моменты не то что талантливых и мужественных, а и просто мало-мальски порядочных людей. Зато вся история царской семьи полна заговоров, предательств, подлостей и выглядит на редкость несимпатичной. В этом смысле отсутствие рабской аристократии вполне «компенсировалось» существованием многочисленной царской родни, к которой примыкала сонгайская военно-административная аристократия и правители вассальных княжеств.

Но правящий класс державы аскиев отличался не только отсутствием рабской знати. Второе важное его отличие было заложено уже в той поддержке, что оказали аскии ал-Хадж Мухаммеду влиятельные мусульманские круги во время его борьбы с ши Баро. Они не ошиблись в выборе: аскии пришлось расплачиваться за их помощь такими уступками, что очень скоро внутри господствующего класса мусульманская аристократия (кадии, хатибы, имамы мечетей крупных городов, а особенно шерифы, которых к тому времени по всему Судану развелось довольно много) — эта самая паразитическая группа знати — почти догнала по силе и влиянию военное окружение государей. Может быть, аскии и хотели таким путем столкнуть лбами две группировки знати, чтобы свою власть обезопасить от обеих. Но эта надежда не оправдалась, феодалы духовные оказались для центральной власти не лучше военных. Во всяком случае они им не уступали ни своевольством, ни жадностью. А в конечном-то счете именно духовные феодалы предали предпоследнего аскию — Мухаммеда Гао, отдали его в руки марокканских захватчиков, в то время как высшие военные чины остались ему верны до конца и готовы были продолжать сопротивление.

Мы познакомились уже с томбуктским кадием Махмудом и его притязаниями на объединение в своих руках светской и духовной власти в городе. Но аппетиты столпов правосудия этой торговой столицы Судана вовсе не ограничивались только горо-

дом. Еще отец Махмуда, кадий Омар, публично обругал не кого-нибудь, а самого аскию ал-Хадж Мухаммеда I только за то, что тот своей властью назначил кадия в один из соседних с Томбукту городков. С годами отношения между кадиями Томбукту и царским двором в Гао не делались лучше. Последние десятилетия существования сонгайского государства духовные князья Томбукту вообще были чем-то вроде молчаливой оппозиции — а впрочем, совсем не всегда такой уж молчаливой. Недаром один из последних правителей династии, потерпев поражение во время карательной экспедиции в Гурму, больше всего огорчился тем злорадным шушуканьем, которое-де поднимется в Томбукту, когда туда дойдет весть о его неудаче.

А открыто ссориться с томбуктской знатью, в руках которой была добрая половина всей внешней торговли государства, — этой роскоши аскии себе позволить не могли. Особенно последние. Вот и пришлось аскии ал-Хаджу II в 80-х годах XVI в. покорнейше просить у кадия ал-Акиба разрешения принять участие в расходах на перестройку большой мечети Санкоре в Томбукту.

Сила «князей церкви» заключалась, конечно, не только, да и не столько в их духовном авторитете. В их руках скопились огромные богатства. Мы только что видели, как аскии раздаривали им целые области с сотнями и тысячами душ зависимого населения. В начале марокканского нашествия на Западный Судан один из шерифов владел 297 «домами» зависимого населения. Слово «дом» скорее всего обозначало здесь патриархальную семью, жившую в одной усадьбе, — речь, следовательно, шла о нескольких тысячах человек. А ведь шериф Мухаммед ибн ал-Касим, которому все они принадлежали, не был самым богатым человеком! И притом раздавали не только земледельческое население, но и ремесленников. Не раз уже упоминавшиеся на страницах этой книги факихи Салих Диавара и Мухаммед Туле, самые ближайшие советники ал-Хадж Мухаммеда I, получили от своего покровителя в дар целые «племена» кузнецов.

Томбукту был только самым ярким примером. И вовсе не единственным. Еще при мансах Мали, рассказывает «История искателя», города Диаба и Кундиоро, первый из которых находился в самом центре коренных малийских земель, а второй — в районе Каньяги, бывшей столицы Сосо, управлялись своими кадиями и пользовались полным административным и налоговым иммунитетом. Другими словами, верховная власть не имела права вмешиваться в какие бы то ни было дела управления в этих городах, отдавать распоряжения кому бы то ни было или собирать налоги. Все это могли делать только кадии — единственная правомочная власть в городах.

В результате окончательно стиралась граница между военно-административными сановниками и высшим мусульманским духовенством: князья духовные превращались одновременно и в светских князей. Но все же оставалась область, где духовенство в истории Сонгай всегда оказывалось сильнее высших военных чинов и высших сановников двора аскиев, — внешняя, т.е. караванная, торговля. Здесь у духовенства существовали давние и прочные традиции, оно располагало обширными налаженными связями и немалым опытом. За несколько веков факихи настолько переплелись с купечеством, что порой их очень трудно бывало отличить друг от друга, особенно когда эти, казалось бы, довольно разнородные занятия совмещал один и тот же человек.

Абдаррахман ас-Сади, автор «Истории Судана», с глубоким уважением относившийся ко всем благочестивым мужам, когда-либо жившим в Томбукту, выделял в числе особо почтенных шерифа Сиди Яхью ат-Таделси, по имени которого названа одна из трех больших мечетей в Томбукту, сохранившаяся до наших дней. И все же он не заметил в своем почтительном рвении, что одна из историй, которую он рассказал в доказательство святости шерифа, может показаться постороннему наблюдателю довольно ехидной насмешкой над святым.

«Вначале, — рассказывал хронист, — Сиди Яхья... воздерживался от торговых дел, но впоследствии в конце концов ими занялся. И рассказывал он, что, до того как занялся торговлей, видел пророка во сне каждую ночь... Потом стал он его видеть только раз в неделю, затем — раз в месяц и, наконец, раз в год. Его спросили, что же тому причиной. Он ответил: «Я полагаю — только те торговые дела...». Тогда ему предложили: «Почему же ты их не бросишь?». Но Сиди Яхья отвечивал: «Нет, я не люблю нуждаться в помощи людей!».

Так впервые в истории Западного Судана в державе аскии ал-Хадж Мухаммеда I и его преемников появился единый господствующий класс, который сумел объединить в одних руках руководство всеми сторонами жизни общества — хозяйственной, военно-политической и идеологической. Восторжествовала новая идеология, которая больше соответствовала тогдашнему уровню развития производительных сил и производственных отношений. В Сонгай уже безраздельно господствовали феодальные отношения — тоже в их ранней форме; это не был, конечно, высокоразвитый феодализм Западной Европы или Ирана. Но все же это были именно феодальные отношения, пусть раннефеодальные, но зато уже окончательно утвердившиеся и неуклонно шедшие к дальнейшему укреплению крепостнических форм эксплуатации. Поэтому мы можем сказать, что с точки зрения уров-

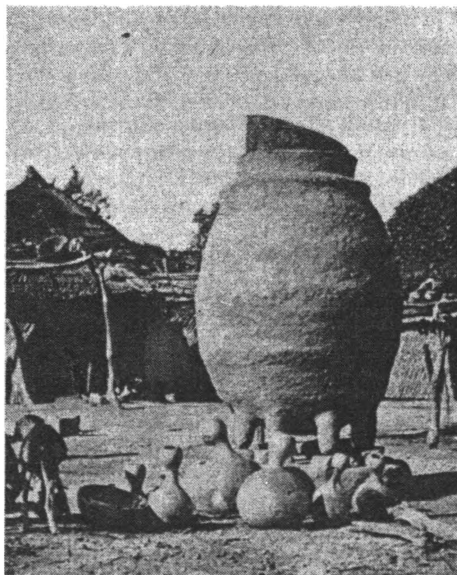
ния социально-экономического развития государство Сонгай оказалось высшим достижением народов Западной Африки в доколониальный период.

Цена расцвета

Общий подъем сонгайского государства отразился и на росте местного ремесла. Собственно, отделение ремесла от земледелия, второе великое разделение труда, началось в Западной Африке довольно давно. Здесь уже в глубокой древности умели обрабатывать различные металлы, в том числе и железо, что было особенно важно для развития хозяйства. Существовало в Западной Африке и гончарство. При этом, когда в Гао при археологических раскопках найдены были черепки местного производства, их качество оказалось намного лучше того, что выделывают в этом городе современные гончары. Но больше всего было развито текстильное производство.

О нем рассказывал еще ал-Бекри. Из описания Томбукту, составленного Львом Африканским, мы видели, что в Томбукту было много ткачей. А по словам Махмуда Кати, в этом городе было даже 26 больших портновских мастерских, и в каждой из них под руководством опытного мастера работало от 50 до 100 под-

мастерьев и учеников. Хлопчатобумажные ткани и грубые шерстяные покрывала, изготовленные в Западном Судане, довольно хорошо знали на многих зарубежных рынках. Мандингское название этих тканей — «биринкан» — было подхвачено арабскими купцами, а от них попало в средневековую французскую литературу. Что же касается спроса на местных рынках, то интересно вот что: в XV и

В таких сооружениях до сих пор хранят зерно

начале XVI в. португальцы усиленно скупали в одних районах хлопчатобумажные ткани местного изготовления, с тем чтобы в других местностях той же Западной Африки получить за них золотой песок.

В сонгайское время сохранялось на высоком уровне и изготовление речных судов — мы говорили уже об этом производстве, когда вспоминали рассказ мансы Мусы I о заокеанской экспедиции его предшественника.

Так что с внешней стороны все как будто обстояло благополучно. Но если повнимательнее вчитаться в описания западноафриканских рынков, которыми мы обязаны Льву Африканскому, то рано или поздно привлекает внимание деталь, которая сначала удивляет, а потом начинает беспокоить.

В самом деле, если так развито было текстильное производство, то почему и зачем на рынках крупных городов было столько европейских и берберских, т.е., проще говоря, североафриканских, тканей? А главное, почему за них платили такие высокие, а подчас и просто бешеные цены? И отчего Лев Африканский подчеркивал: «...сколько дороги и великолепны все предметы»? А начав единожды вспоминать, мы дойдем и до рассказов Ибн Баттуты и ал-Омари о том, как высоко ценили в Мали парчу и другие дорогие ткани... Так в чем же было дело?!

Беда западноафриканского ремесленного производства была в том, что оно не могло соперничать с европейским или ближневосточным по качеству своих изделий. Поэтому все, что маломаальски превосходило обычную местную ремесленную продукцию своим качеством, приходилось покупать в Северной Африке или через нее. Ввоз изделий иноземного ремесла в Западный Судан был невелик количественно, но зато сравнительно очень дорог. А значит, и покупать привозные товары могла только верхушка общества. Но раз так, то эта верхушка, располагая большими запасами золота и большим числом рабов на продажу (а в сонгайское время эта статья вывоза стала особенно важной, в то время как поступление золота в руки сонгайских царей и их окружения несколько уменьшилось), не испытывала никакого интереса к расширению местного ремесла и повышению качества его изделий. В конечном счете здесь, как и в сельском хозяйстве, золотые запасы Западной Африки содействовали не процветанию, а застою. И те цифры, которые приводит Лев Африканский, говорят только о количественном росте ремесла. Этот рост был вызван некоторым общим оживлением хозяйственной жизни в первые годы правления династии аскиев и частичным увеличением спроса на ремесленные изделия. Но этого было явно недостаточно, чтобы ускорить технический прогресс местного,

западно-суданского ремесла. А пускаться вдогонку за европейским производством, которому великие географические открытия и первоначальное накопление капитала дали небывалый стимул к ускорению темпов развития, и вовсе было безнадежно. При отсутствии же потребности в таком ускорении ремесло Западного Судана было обречено на застой.

В какой-то мере относилось это и к культурной жизни

Сонгай. Конечно, ислам и связанные с ним арабский язык и арабская литература способствовали приобщению Западного Судана к средиземноморской культуре. И действительно, мусульманская культура, как ее обычно, хоть и не вполне правильно, называют, достигла в сонгайской державе, в таких городах, как Гао, Дженне и особенно Томбукту, блестящего расцвета. И в этот расцвет достойный вклад внесли местные уроженцы. Очень недвусмысленно рассказывал об этом ас-Сади. Некий факих Сиди Абдаррахман ат-Темими, которого манса Муса I привез с собой из хаджа с намерением поднять при его помощи уровень преподавания в мечети Санкоре, поселился было в Томбукту. Но тут он сразу обнаружил пренеприятное обстоятельство: в городе и при мечети оказалось множество «суданских факихов» — другими словами, местных африканцев, которые намного его, Сиди Абдаррахмана, превосходили знаниями. Приезжему пришлось отправиться в Фес и там доучиваться. И лишь после этого он смог, возвратясь в Томбукту, не ударить лицом в грязь перед здешними коллегами.

Конечно, уже одно то, что в Западной Африке могли быть написаны такие книги, как обе хроники — «История искателя» и «История Судана» — и многочисленные труды видного ученого Ахмеда Баба, которому одно время приписывали и создание «Истории Судана», может доказать, что уровень развития науки и литературы в Судане той эпохи был не ниже, чем в Марокко того же времени. Беда только в том, что для арабской культуры XV и XVI века были уже периодом упадка. Литература ограничивалась в большинстве случаев перепевом классических образцов, юристы и богословы старательно комментировали труды своих именитых предшественников — а живого движения мысли почти не наблюдалось. А в Марокко к тому же установилась еще и обстановка фанатической нетерпимости ко всему, что хоть как-то выходило за рамки канонов многовековой давности. Западно-суданская же мусульманская ученость была в первую очередь отражением того, что в этой области происходило в Марракеше или в Фесе. Так что на этом фоне достижения культуры Западного Судана, бесспорно довольно значительные сами по себе, все же выглядят более скромно, чем это себе иногда представляли

Саманный кирпич — древний строительный материал

иные писатели, говоря о «блестящем расцвете» культуры в Дженне или Томбукту. Но вместе с тем не следует и забывать, что культурная жизнь все же была в более выгодном положении, чем хозяйственная: те условия, которые тормозили прогресс западноафриканской экономики, на культуру непосредственно не воздействовали. Поэтому и возможно было появление многих интересных сочинений, созданных в Западном Судане местными авторами-африканцами.

Устроителю великой сонгайской державы аскии ал-Хадж Мухаммеду I пришлось на себе испытать некоторые недостатки созданной им системы. К концу жизни он ослеп и превратился в больного, немощного старца. Вокруг него почти не осталось старых боевых соратников. Самой тяжелой потерей была смерть канфари Амар Комдиаго, младшего брата аскии. Больше четверти века Амар оставался первым помощником повелителя. Он управлял государством, когда тот находился в хадже; он заселил огромные территории в западной части средней дельты Нигера и организовал их хозяйственное освоение; он успешно отражал нападения фульбе и, нанеся им жестокое поражение на их собственной земле, в Фута-Джаллоне, надолго обезопасил запад-

ную границу Сонгай. Но когда на склоне лет аскии Мухаммеду стало известно, что его сыновья, возглавляемые Мусой, который носил высшее военное звание — «аския» уже при жизни отца, составили заговор, чтобы отстранить отца от власти, опереться ему оказалось не на кого. Правда, ал-Хадж вызвал из Тендирмы преемника Амара Комдиаго на посту канфари — другого своего брата, Яхью. Но заговорщики сумели подстеречь Яхью на прогулке, когда он оказался без охраны, и убили его. А через несколько дней после этого, 15 августа 1529 г., во время праздничной молитвы, Муса заставил отца отречься от престола и объявить его, Мусу, своим преемником.

Махмуд Кати, оставшийся верным ал-Хадж Мухаммеду I даже после его свержения, очень высоко оценивал личность аскии Мусы. «Царской властью у сонгаев, — писал он, — и саном их аскии не распоряжался никто более ничтожный и низкий, чем он!». Эти же слова можно было бы приложить к очень многим из участников династических смут, ставших в истории Сонгай после смещения ал-Хадж Мухаммеда I почти обыденным делом. Пример Мусы оказался заразителен: сразу же после захвата власти ему пришлось отбиваться от собственных восставших братьев. Вначале он одержал над ними верх. Но уже в апреле 1531 г. Муса был убит, и власть перешла к племяннику аскии Мухаммеда — Мухаммеду Бенкан-Керей, которого молва наделила прозвищем «Мар-Бенкан».

В переводе это прозвище означало «порвавший узы родства», рассказывал Мухаммед Кати. И в объяснение приводил такую легенду. Когда Мухаммед Бенкан-Керей родился — это случилось еще в царствование сонни Али, — он своим громким криком потревожил царя. Тот призвал аскию Мухаммеда и его брата, будущего канфари Амара, и повелел им убить ребенка, родившегося той ночью в их покоях и притом родившегося со всеми зубами во рту. Братья стали упрашивать царя оставить новорожденного в живых. Али в конце концов согласился, но сказал при этом, обращаясь к аскии Мухаммеду: «Этот ребенок жалкий и беспутный. Однако я его оставляю в живых, но ущерб потерпишь ты, только ты! И ты еще увидишь, что он принесет тебе и твоим детям!». Хронист полагал, что предсказание сонни Али полностью оправдалось: ведь Мухаммед Бенкан-Керей действительно сослал бывшего аскию ал-Хадж Мухаммеда I на пустынный остров неподалеку от Гао, хотя Муса, выдворив отца из царской резиденции и оставив себе всех его жен и наложниц (Махмуда Кати это особенно возмутило), все же разрешил ему оставаться в Гао. На этом острове ал-Хаджу и пришлось провести все шесть с лишним лет царствования Мухаммеда Мар-Бенкана. И лишь когда

Исмаил, сын аскии ал-Хадж Мухаммеда I, в 1537 г. восстал против двоюродного брата и сверг его, основатель династии был возвращен из ссылки в Гао, где вскоре и умер.

После девятилетнего правления аскии Исхака I (1540—1549), который ничем, кроме благочестия, не прославился, на престол вступил еще один из сыновей ал-Хадж Мухаммеда I — аския Дауд. Обстоятельства его прихода к власти довольно туманно изложены у Махмуда Кати: Исхак-де назначил было преемником своего сына, «но жители Сонгай согласились только на аскию Дауда». Довольно сомнительно, конечно, чтобы мнением «жителей Сонгай» особенно интересовались, — скорее всего Дауд просто захватил власть. Но его правление, бесспорно, оказалось апогеем державы, которую создали сонни Али и аския ал-Хадж.

Современники Дауда почувствовали это очень хорошо. Вот как отзывался о его царствовании Махмуд Кати, человек очень осведомленный и имевший, так сказать, базу для сравнения: «Этот свет ему споспешествовал: он получил власть и главенство, каких желал, и к нему пришли обширные мирские богатства. Он следовал за своим отцом, аскией Мухаммедом, и братьями своими. Они посеяли для него, он же пришел и собрал урожай; они выровняли землю, а Дауд пришел спать на ней. И в стране Текрур, от Мали до Лоло, не было никого, кто смел бы поднять руку: в день восшествия своего на престол Дауд нашел людей послушными покорными рабами».

Собственно говоря, у аскии не было даже особой нужды совершать завоевательные походы: никому не приходило в голову оспаривать его военное и политическое первенство в Западной Африке. И цели его военных экспедиций были главным образом чисто грабительские: захват рабов и прочих богатств у соседей. Эти захваты сопровождалась внутри Сонгай раздачей огромных земельных владений с рабами и рабов без земли. Больше всего таких даров получала верхушка факихов. Пожалуй, в этом отношении аския Дауд превзошел даже своего отца, ал-Хадж Мухаммеда I. Не мудрено, что «История искателя» восторженно оценивала благочестие аскии и его благоговение перед факихами! Кстати, сам «альфа Кати» не стеснялся просто выпрашивать подарки у государя: именно так обстояло дело с пожалованием ему поместья Диангадья с 13 рабами и надсмотрщиком при них — об этом у нас уже шла речь несколькими страницами раньше. Причем мнение пришлось отобрать у очень важного сановника — кабара-фармы, наместника Кабары, гавани Томбукту. «Из-за этого, — комментирует хроника, — альфа поссорился с кабара-фармой Алу». Как после этого было потомкам Махмуда Кати не говорить о «славных свойствах и прекрасном поведении» аскии!

Конечно, кроме религиозного благочестия — а эту причину никогда нельзя сбрасывать со счетов, когда мы имеем дело с людьми средневековья, будь то в Африке, на Ближнем Востоке или в Европе, — Даудом руководил и трезвый политический расчет. Он старался еще больше укрепить одну из социальных опор своей власти — мусульманское духовенство. При Дауде государство не знало никаких серьезных внутренних неприятностей — ни восстаний вассалов, ни усобиц.

Дауд, по-видимому, был и в самом деле фигурой незаурядной по тем временам: он — единственный из сонгайских царей, о котором сообщали, что он обучался Корану и другим мусульманским дисциплинам. Он первый устроил книгохранилище и держал переписчиков, которые для него переписывали книги.

Преемникам своим аския Дауд оставил сильное и богатое государство. Но его блестящее правление не могло преодолеть коренных пороков социальной и политической организации державы аскиев. Это проявилось сразу же после смерти Дауда: сам он попытался сделать своим наследником своего сына Мухаммеда-Бани, но власть захватил другой его сын, правивший под именем аския ал-Хадж Мухаммеда II. Его царствование продолжалось всего три года с небольшим, с августа 1583 г. по декабрь 1586 г., и не отмечено было ничем особо примечательным, не считая склоку, вспыхнувшую между верхушкой факихов Томбукту из-за должности кадия, которая освободилась после смерти кадия ал-Акиба. При этом любопытно, что аския старался как можно дольше остаться в стороне от этой истории. Только под сильным, очень сильным нажимом назначил он в Томбукту нового судью — сына того самого кадия Махмуда, который еще в правление аския ал-Хадж Мухаммеда I претендовал на всю полноту власти в Томбукту.

В самом конце 1586 г царевичу Мухаммеду-Бани наконец удалось-таки свергнуть аскию ал-Хадж Мухаммеда II и провозгласить себя царем. Но его царствование оказалось еще короче — меньше полутора лет. Зато именно в это время вспыхнула самая крупная из всех междоусобных войн, какие знала история сонгайского государства. Она началось ссорой между наместником Кабары, тем самым кабара-фармой Алу, у которого отобрали имение для передачи Махмуду Кати, и Садиком, сыном аския Дауда, занимавшим второй после канфари пост в государстве — наместника и командующего войсками в центральных областях страны, «баламы». Вернее всего, ссора послужила только поводом для выступления баламы Садика против власти брата-аския. Балама собрал войска и после неудачной попытки привлечь на

свою сторону еще одного из сыновей аскии Дауда — канфари Салиха — двинулся на Гао. Аския Мухаммед-Бани выступил ему навстречу, но неожиданно умер в походе еще до столкновения с противником.

И встретиться с мятежниками в поле, нанести им поражение и закончить войну пришлось уже новому аскии — Исхаку II, тоже сыну аскии Дауда. Матерью Исхака была вольноотпущенница, поэтому царевичем он носил прозвище «дьогорани» — так звучал в сонгайской передаче, малинковский термин «дьонгорон» — «вольноотпущенник».

В апреле 1588 г. усобица была ликвидирована. Но она сильно подорвала мощь государства, и сказалось это уже очень скоро, в начале 1591 г., когда Исхаку II пришлось встретиться с куда более опасным врагом, чем балама Садик, — марокканским экспедиционным корпусом паши Джудара. И самый приход Исхака к власти был отмечен все той же печатью интриганства, склоки и борьбы мелких честолюбий. Дело в том, что, когда умер аския Мухаммед-Бани, несколько сановников попытались воспользоваться тем, что произошло это на стоянке, и провозгласить аскией одного из сыновей аскии Исмаила до того, как о смерти Мухаммеда-Бани узнают находившиеся в лагере сыновья и внуки аскии Дауда. Последних — а их там было около семидесяти — предполагалось просто-напросто перебить, так сказать, во избежание смуты. Исхак случайно узнал об этом плане и сумел его сорвать, заставив заговорщиков под угрозой смерти провозгласить царем его, Исхака.

Махмуд Кати довольно высоко оценивал личность нового аскии. Исхак-де «был благороден, добр, щедр и приятен лицом». Но это не помешало авторам хроники оценить царствование Исхака совсем по-другому. «Исхак, — говорит хроника, — пробыл у власти три года. В его дни обнаружился упадок их державы и стали очевидны в ней смута и потрясение».

Гроза с севера

Мы подходим к завершающему этапу истории Сонгай — его падению под натиском марокканских завоевателей. Поход паши Джудара имел довольно долгую предысторию. Мы не раз уже говорили, что главным источником соли для Западного Судана были копи Тегаззы. Тот, кто держал их в руках, мог практически держать в руках и всю золотую торговлю с Западной Африкой. По обе стороны Сахары это прекрасно понимали. Но до начала XVI в. Тегазза оставалась подчинена кочевникам-мессуфа, тем самым, о которых писал Ибн Хаукал еще в X в. Только после создания

великой сонгайской державы кочевникам пришлось признать верховную власть аскии. Так цари Гао сделались хозяевами соляных копей.

Саадитские султаны Марокко тоже попробовали проявить активный интерес к Тегаззе. В 1546 г. султан Мухаммед аш-Шейх обратился к аскии Исхаку I с просьбой уступить ему соляные копи. Аския холодно ответил, как рассказывал Абдаррахман ас-Сади, что он — не тот Исхак, который станет выслушивать подобные предложения: такой-де Исхак еще не родился на свет. И в подтверждение своих слов приказал своим вассалам-туарегам выслать двухтысячный отряд: пограбить Доа, южную пограничную провинцию Марокко. Только 10 лет спустя марокканцы смогли ответить на эту обиду, послав в Тегаззу отряд, который убил сонгайского правителя поселения и нескольких туарегов, грузивших соль, а затем ушел назад.

После этого в соляных делах больше 10 лет стояло полное затишье. Марокканцам было не до сахарской торговли: угроза турецкого и португальского нашествий заставляла все усилия обращать соответственно на восток и на север. И только после блистательной победы над португальцами при ал-Ксар ал-Кебире в 1578 г. и последовавшего за ней объединения Марокко под властью молодого султана Мулай Ахмеда, принявшего почетный титул «ал-Мансур» — «Победоносный», в Марракеше стали снова подумывать о захвате золотой торговли: это могло бы сильно поправить дела разоренной страны.

Первая попытка захватить Тегаззу не принесла успеха: черные невольники-горняки бежали еще до появления марокканцев, и победа оказалась бесплодной — добывать соль все равно было некому. Тем временем аския Дауд, строжайше запретивший своим подданным возвращаться в Тегаззу, открыл на полпути из нее в Томбукту, в Таотенни, новые соляные разработки. Позднее сонгаи мало-помалу вернулись к разработке соляных месторождений в Тегаззе, но и на этот раз аския — теперь уже ал-Хадж Мухаммед II — наотрез отказался выполнить требование марокканцев об уплате им пошлины в размере одного мискала золота за каждый выюк соли.

В середине 80-х годов XVI в. у Мулай Ахмеда не было еще возможности сразу же предпринять крупную военную акцию. Поэтому до 1589 г. ничего не изменилось. Но в столице султана все больше убеждались: нельзя стать хозяевами торговли суданским золотом, пока в Судане существует сильное сонгайское государство. К тому же Мулай Ахмед был неплохо осведомлен о смутах в Сонгай после низложения аскии ал-Хадж Мухаммеда II, ослаблявших некогда непобедимую державу. Да и слабость сон-

гайского войска в сравнении с марокканским, которое имело огнестрельное оружие, тоже не составляла секрета. Так постепенно вызревала мысль: попытаться разгромить сонгайское государство или подчинить его своей власти — и тем самым стать безраздельными хозяевами суданского золота.

В 1589 г. нашелся и повод для вторжения. Некий авантюрист, по имени Улд Киринфил, сосланный Исахаком II в Тегаззу, сбежал в Марракеш, объявил себя там старшим братом аскии, которого тот будто бы отстранил от власти, и обратился к султану Мулай Ахмеду за помощью. Конечно, и сам султан, и его советники превосходно понимали, что имеют дело с самозванцем. Но это их не остановило, так же как не остановили подобные соображения и польского короля Сигизмунда III и его советников полтора десятилетия спустя, когда они «признали» беглого монаха сыном царя Ивана IV — уж слишком удобен был случай. Началась срочная подготовка военной экспедиции через Сахару.

Марокканцы ясно представляли себе, с какими трудностями будет сопряжен переход через великую пустыню. Такая операция требовала тщательнейшей подготовки. И надо отдать должное организационным способностям самого Мулай Ахмеда и его помощников: армия была укомплектована лучшими солдатами, получила лучшее снаряжение, каким только могло снабдить ее правительство, — специально для этой цели делались крупные закупки за рубежом. И притом всю эту подготовку сумели провести с максимальным сохранением тайны.

К октябрю 1590 г. экспедиционная армия была сформирована. Она состояла из 4 тысяч солдат — 2000 пеших и 500 конных аркебузирив и 1500 человек легкой конницы, вооруженной только копьями, — с шестью пушками. Ее сопровождали 600 землекопов и тысяча погонщиков вьючных животных. Самое, пожалуй, интересное, что почти все аркебузиры были не марокканцами, а либо бывшими христианами, принявшими ислам, которых в Испании называли «рenegадос», либо же мусульманами, эмигрировавшими из Испании, где в эти годы особенно усилилась католическая реакция; их так и называли «андалусцами». А кроме того, в состав армии входили еще несколько десятков аркебузирив-христиан — из пленников, взятых при ал-Ксар ал-Кебире, кто был слишком беден, чтобы из плена выкупиться. Во главе всей армии султан поставил внука Джудара — тоже испанца, захваченного в плен еще ребенком.

В последних числах октября 1590 г. войско Джудара выступило из пограничной области Дра и углубилось в пустыню. А через четыре месяца, в начале марта 1591 г., марокканцы появились в окрестностях Гао.

Решающее сражение произошло в окрестностях селения Тондиби, в 50 с небольшим километрах от Гао. Сонгаи были разбиты наголову, хотя Джудар после труднейшего перехода мог выставить против них всего тысячу человек, а у аскии Исхака одной конницы было 18 тысяч. Сказалось решающее военно-техническое преимущество марокканцев: огнестрельное оружие, которого не знали в Западной Африке. Так проявился один из главных результатов общей экономической отсталости Западного Судана, в особенности — ремесла: военная слабость огромной сонгайской державы, оказавшейся колоссом на глиняных ногах. Войско аскиев еще годилось для того, чтобы держать в страхе слабых соседей, чтобы успешно осуществлять многочисленные походы за рабами, но первое же столкновение с настоящим, хорошо организованным и обученным противником дало совершенно катастрофические результаты.

Аския Исхак II бежал с остатками войска на юг. Остановившись, он выслал навстречу врагу тысячу всадников во главе со своим братом, баламой Мухаммедом Гао, и приказал им нападать на марокканцев, где бы они их ни повстречали. Но вместо этого Мухаммед Гао предпочел, отойдя на два перехода от лагеря аскии, провозгласить царем себя самого.

Исхак II не проявил ни удивления, ни возмущения, ни желания наказать мятежника. Когда до него дошло известие о том, что брат провозглашен аскией, он попросту снялся с лагеря и с небольшим отрядом отправился в Гурму. Ранее сопровождавшие его сановники во главе с хи-кочем, начальником царских кораблей, заставили аскию передать им все царские знамена, барабаны и лошадей. Эти вещи, заявили они Исхаку, принадлежат не какому-либо одному аскии, а всему государству. Хотели у него отобрать и сына на этом же основании, но здесь уж Исхак воспротивился, и его оставили в покое. После этого бывший государь прибыл в Гурму и там через несколько дней был убит вместе со всеми своими спутниками: в пору своего могущества он не раз хаживал в эту область с карательными экспедициями и за рабами. Теперь жители не преминули воспользоваться возможностью свести с ним счеты.

Для характеристики моральных достоинств нового аскии, Мухаммеда Гао, любопытно будет вспомнить рассказ Махмуда Кати. Однажды ал-Хадж Мухаммед II, сидя в своем совете, предсказал, что к нему должен вот-вот войти кто-то из его братьев, которому суждено быть последним царем династии и чье царствование продлится всего 41 день, причем-де «гибель народа сонгай произойдет при его посредстве». Вошедшим оказался Мухаммед Гао и на вопрос аскии, пожелал бы он царской власти

всего на 41 день и такой ценой, после недолгого колебания ответил утвердительно. Это скорее всего просто легенда, но облик беспринципного властолюбца и карьериста в ней виден очень ясно.

Видимо, именно поэтому первым действием нового правителя Сонгай было обращение к паше Джудару: Мухаммед Гао просил пашу принять его в марокканское подданство и оставить его правителем с выплатой дани султану. Джудар ответил, что сам принять решение по такому поводу он не может, будучи всего лишь рабом султана, но что просьбу аскии он-де султану непременно сообщит.

Тем временем марокканцы продолжали завоевание страны. Они заняли Гао и Томбукту, причем столица аскиев поразила их своим жалким обликом в сравнении с обеими столицами Марокко — Фесом и Марракешем. Джудар остался в Томбукту до прибытия к нему подкреплений во главе с пашой Махмудом бен Зергуном. И тогда, объединив свои силы, оба паша двинулись вниз по течению Нигера против аскии Мухаммеда Гао. Тот снова попробовал начать с марокканцами мирные переговоры. К паше Махмуду был послан личный секретарь аскии — «аския-альфа» — Букар Ланбаро вместе с хи-кoем. Паша принял посланцев очень дружелюбно и пообещал, что буде аския к нему, Махмуду, придет, то он гарантирует Мухаммеду Гао полную безопасность. Он-де, паша Махмуд бен Зергун, только и ожидает, что приезда аскии, так как сам собирается возвратиться в Марокко.

После этого послы возвратились к аскии, и аския-альфа принялся убеждать своего господина отправиться к паше. Но, заметил автор «Истории искателя», «говорят, будто паша посвятил аския-альфу во все свои тайны и сделал его другом и поверенным своим, а тот продал ему аскию Мухаммеда Гао. Махмуд пообещал ему всяческие блага, буде он найдет предлог для приезда аскии к паше...». Этот же самый Букар Ланбаро убедил и аскию Исфаха II оставить поле боя при Тондиби, когда далеко еще не решен был исход сражения.

Так мусульманская духовная знать предала династию, столько сделавшую для укрепления ее экономического и политического могущества. Мусульманская верхушка Западного Судана рассчитывала и при марокканцах сохранить свое привилегированное положение. Ведь недаром именно мусульманские круги в Гао и Томбукту поначалу встретили завоевателей только что не с распростертыми объятиями. Только позднее, когда бесчинства марокканской солдатни стали задевать интересы и этой группы знати, она решилась оказать сопротивление. Но было уже слишком поздно. Марокканцы легко справились с попыткой восстания в Томбукту, и в 1593 г. цвет юристов, богословов и литераторов

города был под конвоем угнан в Марракеш, откуда через полтора десятка лет в родные места вернулись совсем немногие.

Через неделю после возвращения послов аския Мухаммед Гао отправился к паше Махмуду, не обратив внимания на предостережения тех своих советников, которые почуяли что-то неладное в яростной настойчивости, с какой аския-альфа уговаривал царя явиться к победителям. Как и следовало ожидать, марокканцы изменнически захватили ассию и его спутников, сковали их всех одной цепью и отправили в Гао. Через некоторое время их всех перебили в отместку за успешное нападение сонгайских воинов на один из марокканских отрядов.

Последним независимым асией оказался Нух, еще один сын аския Даула. Ему удалось избежать пленения вместе с Мухаммедом Гао, и, провозглашенный царем, он возглавил сопротивление захватчикам. Он продержался до 1595 г., успешно сопротивляясь паше Махмуду, сменившему Джудара, и ведя партизанскую войну в гористых и заболоченных местностях на правом берегу Нигера, к юго-западу и западу от Гао. Марокканцы несли здесь тяжелые потери от непривычного климата, от недостатка продовольствия, от болезней. Паша Махмуд бен Зергун погиб здесь, пытаясь настичь в горах Хомбори войско аския. Но вскоре погиб в бою и Нух. С его гибелью организованное сопротивление прекратилось. Великая держава Сонгай окончила свое существование (хотя в Томбукту марокканцы и посадили марионеточного аския Сулеймана с могучим войском из 100 человек).

В последние годы существования державы аскиев начались грандиозные восстания посаженных на землю рабов. Как только марокканцы разгромили армию Исхака II, эти восстания вспыхнули по всей территории государства. Пользуясь тем, что заняты были и марокканцы, и сонгаи, дьогорани — самая многочисленная группа зависимого населения страны — опустошали целые области. Отряды повстанцев не боялись нападать и на крупные города, где иной раз даже стояли марокканские гарнизоны: так было осенью 1591 г. под Томбукту. Временами при этом создавалось нечто вроде, так сказать, «единого фронта» зависимых крестьян и кочевников-фульбе и туарегов (эти два народа всегда были у сонгайской администрации «на подозрении», в особенности фульбе; еще об ал-Хадж Мухаммеде I «История искателя» рассказывала, что он не переносил фульбе, истребляя их, где бы ни встретил). В течение 1593 г., жаловался составитель хроники, «воинственные фульбе причиняли вред стране, опустошали города, грабили ее богатства и проливали кровь мусульман. И еще туареги от Гао до Дженне, так что дьогорани вместе с ними начали опустошение и возмущение». Так с трес-

ком рушилась система полурабской-полукрепостнической эксплуатации, сложившаяся за полтора века в сонгайском государстве. И очень прав был все тот же хронист, когда главными причинами падения великой державы аскиев назвал (кроме, конечно, гнева Аллаха!) «заносчивость и бесстыдство знатных и возмущение рабов».

Прошлое и настоящее

Разгром Сонгай действительно в первое время обеспечил султану Мулай Ахмеду огромный приток золота. Запасы казны в Марракеше выросли настолько, что впервые за многие годы Мулай Ахмед мог платить жалованье своим чиновникам настоящим золотым песком или полновесной монетой. Султан производил большие закупки ценных товаров в Европе, он нанимал европейских ремесленников, строил новые и украшал старые резиденции.

Обогатился не один султан, прозванный за эти сокровища «Золотым» — «аз-Захаби». Английский купец Лоренс Мэдок, бывший в Марракеше в момент прибытия конвоя из Судана, который доставил султану представителей оппозиционных мусульманских кругов Томбукту, писал в Лондон о сопровождавших конвой марокканских офицерах: «Эти люди пришли не бедными, а с таким богатством, отнятым без повеления короля, что за это король не станет им платить жалованье за то время, что они пробывали там...».

Только простым людям в Марокко эта, казалось бы, блестящая победа не принесла никакой пользы. Им не перепало даже ничтожной доли тех сокровищ, какие сумели награть в Западном Судане полководцы их государя. Но это как раз меньше всего волновало султана и его советников...

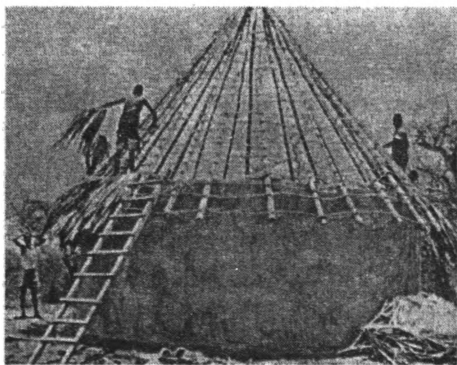
Однако очень скоро выяснилось, что и сокровища-то тоже ограничены, что количество золота, которое можно вывезти из дотла разоренного Судана, вовсе не беспредельно. Ведь марокканцы так и не смогли захватить главные месторождения драгоценного металла, а старую систему его добычи разрушили довольно основательно. Было и еще одно не выгодное для марокканской торговли обстоятельство: к концу XVI в. спрос на африканское золото в Европе сильно понизился. В это время из Америки уже ввозили в Старый Свет столько драгоценных металлов, что не было необходимости получать золото из Судана через североафриканских посредников.

Правда, караваны продолжали ходить, доставляя и золото, и — во все больших количествах — рабов, и слоновую кость. Но

на западном торговом пути объем операций резко упал. Торговый центр Западного Судана снова сместился, на сей раз к юго-востоку, к хаусанским городам. Отсюда, от Кано, Каины, Дауры и других торгово-ремесленных городов, главные караванные дороги, продержавшиеся до конца XIX века, выводили уже не в Марокко, а в Триполитанию.

Между тем жизнь в Западном Судане не остановилась. На место разгромленного сонгайского государства одно за другим приходили новые, созданные другими народами. На Верхнем Нигере сложились два сильных царства народа бамбара — около города Сегу и в области Каарта. На плоскогорье Фута-Джаллон создали свое феодально-теократическое государство фульбе. Фульбские княжества сложились и в Масине, и в Северной Нигерии — передвижения этого народа привели к широчайшему его распространению по всей Западной Африке вплоть до Северного Камеруна. Позднее, на рубеже XVIII и XIX вв., образовались мусульманские теократические государства в Северной Нигерии и в Масине.

А жизнь продолжалась. Все так же люди занимались хозяйством, все так же строили города и деревни, все так же рожали и воспитывали детей. Многие сохранялись и в быту, и в общественной жизни. Но самым дорогим наследием оставалась память народа о героическом прошлом его предков. Во время борьбы за национальное освобождение от колониального гнета, за государственную независимость напоминание о былой славе Ганы, Мали и Сонгай было в руках борцов против колониализма острейшим идейным оружием. Не так уж важно ведь, что древняя Гана находилась на территории современных Мавритании, Сенегала и Мали, а нынешняя — за сотни километров оттуда, на Гвинейском побережье. Назвав бывшую английскую колонию Золотой Берег, которая первой из колоний Западной

Африки стала независимой, именем великого древнего государства, африканцы ясно дали понять: они не отказываются от своего славного прошлого, которого их так стремились лишить колонизаторы.

Строительство традиционного дома

Интригующие находки в долине Нок*

В 1949 г. в Лондоне было объявлено об открытии выставки «Традиционное искусство британских колоний». Искусство Африки в это время было уже хорошо известно в Европе и пользовалось заслуженным признанием. Оно уже было широко представлено во всех крупнейших музеях мира, ему посвящено множество книг, альбомов, статен, изучение его входит в учебные программы наряду с изучением классического и современного искусства. Поэтому, хотя такие выставки и привлекают обычно большое число посетителей, они тем не менее не сулят ничего неожиданного.

Однако на этот раз было не так. Проходя по выставочным залам, посетители с изумлением останавливались у стенда со странной терракотовой скульптурой, непохожей ни на один из многочисленных экспонатов этой выставки. Необычайно выразительная голова из коричневатой обожженной глины будто гипнотизировала взглядом широко открытых глаз с черными, глубоко высверленными зрачками. Огромный нависающий куполообразный лоб, высокие надбровные дуги, небольшой тонко смоделированный прямой нос, усы, борода, переходящая в узкую полосу бакенбардов, — каждая деталь этой головы и вся скульптура в целом производили странное впечатление на фоне обычных традиционных масок и статуэток.

Загадочная терракотовая скульптура вызвала бурное восхищение у любителей и художников и серьезно озадачила специалистов. В аннотации говорилось, что скульптура происходит из Северной Нигерии. Однако ничего похожего на стиль этой скульптуры до тех пор не встречалось ни в Нигерии, ни где бы то ни было в другом месте. Необычным был также и ее возраст — начало I тысячелетия до н.э. Иначе говоря, странная терракотовая голова более чем на тысячелетие старше самых древних бронзовых и терракотовых скульптур Ифе!

Скульптура, получившая название по месту, где были сделаны первые находки (долина и деревня Нок в Северной Нигерии), была обнаружена при довольно необычных обстоятельствах.

В южных районах Северной Нигерии уже более полувека существуют оловянные рудники, разработка которых ведется открытым способом. В 1943 г. в одной из шахт из-под 8-метрового слоя породы были извлечены фрагменты керамики, привлекавшие

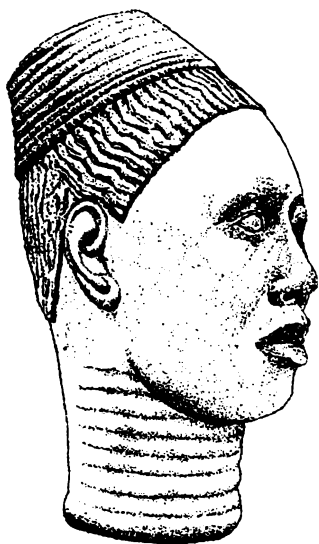
* Использованы материалы африканиста Виля Мириманова.

Терракотовая голова из дворца Они
в Ифе

внимание специалистов. Исследования, проведенные здесь английским археологом Б. Фэггом, показали, что из шахт за время их разработки на поверхность вместе с землей было выброшено множество интереснейших предметов, в том числе уникальные произведения искусства: терракотовые головы, статуэтки, различные украшения и т.д. Как же попали все эти созданные человеком вещи в рудные отложения? Вот как объясняет этот процесс сам Б. Фэгг:

«Во второй половине I тысячелетия до н.э. Центральная Африка от Нигерии до Кении переживала «влажную фазу, которую геологи называют «накуру» по имени города Накуру в Кении). В это время в возвышенной части Центральной Нигерии существовала обширная речная система, по которой дождевые воды имели сток в долину Бенуэ, а затем через нижний Нигер в бухту Бенина. В те времена реки играли гораздо более существенную роль в жизни народов центральной Нигерии, чем в наши дни, и пейзаж страны сильно отличался от современного. Огромные массы почв, по-видимому, быстро размывались, и продукты этого распада, уносимые водой, откладывались в аллювиальных слоях; более тяжелые минеральные породы откладывались в реках быстрее, чем легкие. Эти тяжелые осадки, богатые касситерием («оловянной землей»), и создали почвы для современной оловодобывающей промышленности Нигерии.

Но эрозии подверглись также и места поселения человека. Жители многих прибрежных деревень вынуждены были поспешно покидать насиженные места и приносить свои жилища в жертву водной стихии. В результате этого аллювиальные слои богаты не только минеральными отложениями, но также и различными изделиями вроде полированных каменных топоров, ритуальных предметов, украшений, которые попадали в реку после того, как священные дома были заброшены. Все они почти без исключения были разломаны на куски, но, к счастью, головы террако-

товых фигур, как и человеческие черепа, сохранились лучше, чем их остальные части, благодаря сферической форме, особенно в тех случаях, когда они попадали в естественные убежища на дне реки.

Эти великие реки давно исчезли, но по крайней мере в прошлом веке, если не за две тысячи лет до этого, племена, жившие на холмах, уже умели добывать в шахтах олово, и именно появление олова на рынке страны Тив к югу от Бенуэ усилило интересы европейцев к обширным залежам его руды в ста милях к северу».

Так благодаря чистой случайности в залежах оловянной руды сохранились бесценные произведения древнейшей африканской скульптуры. Высокое техническое мастерство и законченный стиль художественных изделий, найденных в шахтах близ деревни Нок, свидетельствовали о том, что археологам посчастливилось открыть неизвестную культуру, существовавшую на протяжении длительного времени, и естественно было предположить, что территориально она не могла быть ограничена одним-двумя пунктами.

Обследования, проведенные на соседних оловянных и золотых приисках, дали новый материал, причем художественные изделия, найденные в различных и часто далеко отстоящих друг от друга пунктах, обнаруживали ярко выраженное стилистическое сходство с ранее найденной скульптурой.

Стиль голов и фрагментов терракотовых статуй, находящихся в настоящее время в музее города Джос (Нигерия) является неопровержимым доказательством их принадлежности к одной культуре: «Прежде всего они поражают удивительным разнообразием форм, которое сочетается с глубоким единством стиля, позволяющим безошибочно отнести их к одной художественной школе, несмотря на то что один из фрагментов при-

Гипсовые изображения жителей Ифе

ближается к тому, что мы бы назвали натуралистическим стилем, в то время как другой удален от него настолько, что лишь с трудом может быть причислен к фигуративному искусству... причём общие формальные признаки очень просты; прежде всего это особая трактовка глаз, которая обычно приближается к треугольной или полуциркулярной форме, а также носовых и ушных отверстий (иногда также и рта)».

Если говорить о пластических формах этой скульптуры, а не о технических приемах, таких, как, например, высверливание (что определяет форму зрачка, уха и т.д.), то надо отметить, что прежде всего бросается в глаза именно это разнообразие, а не черты стилистического сходства, которые проявляются здесь как бы вопреки намерениям художника, стремившегося к созданию совершенно непохожих друг на друга, оригинальных, выразительных образов. К примеру, форма головы, казалось бы меньше всего поддающаяся превращениям, изменяется неожиданным образом. Она может принимать самые разнообразные формы: то конуса, обращенного острием вверх или вниз, то шара или цилиндра. Уши, иногда отмеченные лишь небольшими углублениями, в иных случаях принимают причудливую форму и достигают огромных размеров (выделяют даже особый подстиль «длинноухих голов»).

Только один внешний признак объединяет почти все головы Нок — это способ изображения глаз. Заменено, что глаза большинства терракотовых голов имеют глубоко высверленный зрачок, прямое верхнее веко и нижнее в виде полукруга или равнобедренного треугольника. Следует добавить, что такое же единство сохраняется в трактовке дугообразных броней, наложенных сверху в виде плетеного шнура. Единообразие этих деталей тем более удивительно, что именно глаза являются тем элементом традиционной африканской пластики, который трактуется наиболее разнообразно. Подобную форму глаза можно обнаружить в Африке в искусстве только одного из современных народов — в искусстве йоруба.

Еще большие стилистические параллели с искусством Нок обнаруживаются в древнем, но исторически более позднем искусстве той же страны — в искусстве Ифе. Кроме сходных сюжетов, таких, как, например, изображение людей, страдающих слоновой болезнью, и различных мелких предметов и украшений, в скульптуре Ифе имеются целые статуи, нашедшие своих двойников среди скульптур Нок.

Одна из них, найденная в Джемее терракотовая фигура без головы, поразительно похожа на бронзовую статую, выполненную в традициях Ифе (найдена в Бенине). Размеры и пропорции

этих статуй совершенно одинаковы. Присмотревшись внимательно, можно увидеть, что не только пропорции, но и характер моделировки, например ступней ног и других деталей, повторяется во всех подробностях. На торсах обеих фигур, из которых одна мужская, а другая женская, имеются одинаковые украшения в виде пояса и ожерелья. Если бы не огромный промежуток времени в 1000 лет, разделяющий две культуры, можно было бы сказать, что они соотносятся между собой, как скульптура Греции периода архаики и скульптура эпохи Фидия.

Пропорции статуи и фрагментов фигур Нок свидетельствуют также об их стилистической близости к современной африканской скульптуре. Одной из отличительных особенностей традиционной африканской деревянной скульптуры является то, что головы статуй сильно увеличены по отношению к торсу и обычно занимают по высоте третью или четвертую часть всей фигуры. Немногие из сохранившихся целиком статуэток Нок имеют точно такие же соотношения основных частей. Имеются и другие аналогии: например, так называемая голова Януса, найденная в Нок, воспроизводит один из типичных образов традиционной африканской скульптуры, встречается здесь у многих народов от Гвинеи до Конго. Хотя таких прямых аналогий и немного, они тем не менее дают достаточно оснований для сопоставления вновь открытой скульптуры с местными художественными традициями.

Кому же обязана своим появлением эта культура и каково ее место в искусстве народов Африки?

Автор открытия английский археолог Бернард Фэгг и его брат искусствовед Уильям Фэгг считают, что создателями культуры Нок являются предки племен, населяющих центральные районы Нигерии.

«Подобно народам культуры Нок они были одновременно и земледельцами, и охотниками, и совершенно ясно, что ранее они заселяли не только холмы, но и равнины, тогда как современные «язычники» были вытеснены на холмы после проникновения мусульман в северные районы. Вполне вероятно, что многие современные племена сохранили ту же религию, которая процветала в период культуры Нок. Эта религия — культ мифических предков племени, представлявшихся как основной источник жизненной силы, через которых она распространялась на ныне живущих. Можно с большой уверенностью предположить, что терракотовые фигуры Нок исполняли ту же функцию связи между миром невидимым и материальным, что и деревянные (а иногда и терракотовые) фигурки предков, которые, возможно, являются потомками культуры Нок».

Медная маска правителя из дворца
Они в Ифе

Присутствие металлических предметов в отложениях культуры Нок, а также находки некоторых органических остатков, в том числе очищенного от коры ствола дерева, давшие возможность провести датировку радиоуглеродным методом, позволили установить время расцвета этой культуры, которое приходится приблизительно на третье столетие до нашей эры (нижний слой, в котором были найдены предметы, датирован 900 г. до н.э.; слой, покрывавший их, — II веком н.э.). Незаконченные еще исследования показывают уже

обширную территорию распространения этой культуры, общая площадь которой превышает 500 км с запада на восток и 360 км с севера на юг.

Широкое распространение культуры Нок, ее преклонный возраст (более двух тысяч лет), а главное, ее законченный, сформировавшийся стиль изменили представление об истории изобразительного искусства народов Африки, заставили пересмотреть отношение не только к древней, но и к более поздней деревянной скульптуре одного-двух последних столетий.

До недавнего времени существовало множество самых различных точек зрения на эту скульптуру: одни считают ее продуктом эволюции, в основе которой якобы лежали образцы натуралистического искусства, завезенные в Африку из Европы; по мнению других, специфические стили африканской пластики являются выражением особой религиозно-философской концепции, присущей исключительно африканским народам, — воплощением некоей «жизненной силы»; одни считают африканскую скульптуру единственным подлинным искусством, говорящим языком пластических символов в отличие от «литературного» языка европейской скульптуры, другие — что африканские маски и статуэтки вообще не являются произведениями искусства, так как они имеют всегда определенное утилитарное назначение, и т.д.

Условный, символический характер африканской скульптуры, придающий ей в наших глазах загадочную, мистическую ок-

раску, может быть правильно понят лишь в свете последовательных этапов эволюции художественных форм, в свете тех постепенных изменений, которые привели к появлению специфических стилей поздней традиционной пластики. Большинство странных и парадоксальных высказываний, которыми пестрит литература об африканском искусстве, объясняется отчасти отсутствием материала, отчасти игнорированием тех известных уже исторических факторов, под влиянием которых складывались и формировались жанры и стили африканской скульптуры двух последних столетий. В результате язык символов и пластической идеогаммы, которым пользуется африканская скульптура, воспринимается порой как продукт какой-то особой, замкнутой в себе культуры.

По-разному оценивая причины и следствия процессов, и белые приверженцы расовых теорий, и сторонники негритюда настаивают на якобы существующем коренном различии между «культурой белых» и «культурой черных». В числе прочих ссылаются на условный характер африканского искусства, его «консерватизм», отсутствие реалистических традиций и т.д., говорят об особом пути развития, якобы не имеющем ничего общего с историей искусства других народов.

Воссоздание истории искусства народов Африки остается пока делом будущего. Большие пробелы в этой области, вызванные отсутствием материала, все еще оставляют много места для всевозможных домыслов. Однако эти белые пятна неуклонно сокращаются. До недавнего времени сравнительно хорошо было известно лишь так называемое племенное, традиционное искусство одного-двух последних столетий. К знаменитым очагам искусства — Ифе и Бенину — теперь прибавились новые очаги, обнаруженные в разных пунктах Западной Тропической Африки, в частности культуры Гао и Нок, которые проливают свет на ранние периоды развития искусства на Африканском континенте.

Мы уже говорили о том, что стиль, пропорции терракотовой скульптуры Нок достаточно убедительно свидетельствуют о ее косвенной связи с условной традиционной африканской скульптурой. Хотя в настоящее время решены еще далеко не все вопросы, вызванные этим открытием, теперь уже можно определенно сказать, что культура Нок, создавшая замечательные произведения искусства, является глубоко самобытной местной африканской культурой, в которой можно ясно видеть многие основные тенденции, получившие позднее свое развитие в традиционной африканской пластике: острая выразительность, экспрессивность, характерные пропорции, выделение главного при помощи раз-

мера, даже некоторые более частные особенности. Вместе с тем с точки зрения эволюции стиля особый интерес представляет то обстоятельство, что многие из скульптурных портретов Нок, такие, как, например, головы из Джемаа, Абуджи и другие, отнюдь не чужды реализму; известная мера условности, присущая этому искусству (как и всякому искусству вообще), равна примерно той, какую мы находим в средневековой европейской или древней мексиканской скульптуре. Условность более поздней скульптуры сао уже значительно выше: созданные сао терракотовые головы и статуи, все эти полулюди-полузвери уже гораздо ближе по своему стилю к поздним деревянным маскам и статуэткам.

Это и понятно, так как они гораздо ближе к ним и по времени.

Если же, с другой стороны, мы обратимся к самым древним скульптурным памятникам на африканском континенте, к высеченным в камне барельефным изображениям, находящимся в Феццане и других местах, где сохранились памятники доисторического наскального искусства, то увидим, что по своему характеру они аналогичны памятникам первобытного искусства, находящимся во многих районах земного шара — от Белого моря до Австралии и от Скандинавии до Южной Америки. Прimitивный, натуралистический стиль ранних наскальных изображений сменяется позднее реалистическим и затем, через стилизацию и обобщение, постепенно переходит к условности и символизму, проходя примерно те же этапы эволюции, что и скульптура.

Пока еще не найдены многие звенья той цепи, которая соединяет терракоты Нок с деревянной традиционной скульптурой, с одной стороны, и барельефы Феццана с терракотами Нок — с другой, но уже теперь ясно, что это лишь разные этапы одной линии эволюции. Находки в долине Нок подтверждают правильность выводов относительно того, что современные формы традиционной африканской скульптуры, которые воспринимаются некоторыми как извечно присущие африканскому искусству, складывались в процессе длительного развития на протяжении многих тысячелетий. Это развитие шло обычным путем — от примитивного натурализма к все большему обобщению, сгущению образов, известной стилизации; шло путем отбора и экономии изобразительных средств, следуя в общих чертах основной тенденции развития всякого искусства.

Замечательное открытие расширило наши знания об истории африканской культуры и обогатило мировую сокровищницу искусства великолепными памятниками скульптуры.

Загадки священного Ифе*

Наверное, многие помнят фантастическую историю переселения атлантов с Земли на Марс в «Аэлите» Алексея Толстого.

В заброшенном марсианском доме изобретатель Лось находит следы атлантов — «склеенные вазы, странно напоминающие очертанием и рисунком этрусские амфоры», и золотую маску. «Это было изображение широкоскулого человеческого лица со спокойно закрытыми глазами. Лунообразный рот улыбался. Нос острый, клювом. На лбу и между бровей припухлость в виде увеличенного стрекозьего глаза... Лось сжег половину коробки спичек, с волнением рассматривая удивительную маску. Незадолго до отлета с Земли он видел снимки подобных масок, открытых недавно среди развалин гигантских городов по берегам Нигера в той части Африки, где теперь предполагают следы культуры исчезнувшей таинственной расы».

В этом отрывке только перелет на Марс — плод воображения писателя. Африканские маски, их связь с Атлантидой и этрусками всего лишь художественная интерпретация научной гипотезы крупного немецкого археолога и этнографа Лео Фробениуса о происхождении одной из самых высоких и своеобразных древних цивилизаций Западной Африки — цивилизации Ифе, обнаруженной в Йорубе — стране народа йоруба (современная Юго-Западная Нигерия). «Я утверждаю, — писал в 1913 г. Фробениус после археологических изысканий в городе Ифе, — что Йоруба с ее пышной и буйной тропической растительностью, Йоруба с ее цепью озер на побережье (Атлантического океана. — *Авт.*) и близостью к Нигеру, Йоруба, чьи характерные особенности довольно точно обрисованы в сочинении Платона, — эта Йоруба, я утверждаю, является Атлантидой, родиной наследников Посейдона, бога моря, названного ими Опекуном, страна людей, о которых Солон сказал: они распространили свою власть вплоть до Египта и Тирренского моря».

Какими данными располагал Фробениус, строя свою гипотезу?

Внутренние области Нигерии стали впервые известны европейцам лишь в первой четверти XIX в. Англичане Клаппертон и братья Лэндер пересекли страну Йоруба с юга на север и нашли там развалины некогда могущественного государства. Оно называлось Оно — по имени столицы, расположенной в крайнем се-

* Использованы материалы кандидата исторических наук Н. Кочаковой

веро-восточном углу Йорубы. Город Ифе входил в его состав. Судя по преданиям, правители Оно некогда подчиняли себе огромную территорию, включавшую всю юго-западную и часть северной Нигерии и современные Бенин и Того. Внутри страны процветали торговля и ремесла. Ремесленные изделия Оно, особенно ткани, славились далеко за его пределами.

Но все это было в прошлом. Европейские путешественники застали страну йорубов уже в состоянии глубокого упадка. Они проезжали через огромные укрепленные города с населением в сорок, шестьдесят, сто тысяч человек. Однако на улицах не чувствовалось оживления, глинобитные крепостные стены разрушались, крепостные рвы зарастали травой и кустарником, по караванным тропам рыскали отряды охотников за рабами, которых они сбывали европейским купцам. Словом, ничто не навело на мысль о том, что где-то в стране хранятся бесценные предметы искусства. На протяжении всего XIX в. никому из ученых и не приходило в голову искать на территории Нигерии следы забытой цивилизации.

Интерес к поискам вспыхнул внезапно и при весьма трагических обстоятельствах. В конце XIX в. колониальным захватам англичан в бассейне Нигера воспрепятствовало небольшое, но сильное государство Бенин (к юго-востоку от Йорубы). Оба, царь Бенина, закрыл свою страну для европейских купцов и миссионеров. Спровоцировав убийство бенинским жречеством членов английской миссии, пытавшихся проникнуть к царю для переговоров об установлении протектората над страной, англичане бомбардировали столицу с моря, сожгли и разграбили Бенин, разрушили царский дворец. Вскоре после этого на рынках и в антикварных лавках Европы стали появляться великолепные по мастерству исполнения и необычайные по художественной манере скульптуры животных и стилизованных мужских и женских голов почти в натуральную величину, украшенные коническими коронами и тяжелыми воротниками, изображающими ряды бус. На затылках многих голов были проделаны отверстия, в которые вставлялись резные слоновые бивни, а на низких постаментах можно было обнаружить маленькие барельефы животных и предметов. Расположенные в определенной последовательности, они навели на мысль о том, что в них сокрыта некая недоступная для непосвященных символика.

Крупнейшие авторитеты Европы признали, что в техническом отношении бронзовое литье Бенина не уступает лучшим изделиям мастеров эпохи Возрождения. Однако — и в этом сказались прежде всего расовые предрассудки — бенинцам... отказали в авторстве. Исследователи пошли по пути поисков иноземных вли-

Эпизоды из жизни африканских поселков были практически недостижимы для взглядов европейских путешественников

аний, между тем как еще португальские и голландские мореплаватели конца XV—XVII вв. с восхищением рассказывали о величии Бенина, о бронзовых скульптурах и барельефах, украшавших царский дворец!

Причем уже тогда сами бенинцы рассказывали своим европейским гостям, что своими политическими институтами и культурными достижениями они обязаны другому, более могущественному африканскому государству, расположенному вдали от побережья, внутри страны. Так, в XVI в. португалец Жоан Афонсу д'Авейру доносил своему королю:

«В двадцати лунах пути от Бенина... живет еще более могущественный монарх, которого зовут Огане. Среди языческих князей Бени (то есть Бенина. — *Авт.*) его почитают так же, как у нас папу римского. В соответствии с очень древним обычаем цари Бени, перед тем как взойти на престол, посылают к нему гонцов с богатыми подарками для того, чтобы сообщить ему о смерти их предшественника и просить его утвердить их на царство. В знак согласия этот князь, Огане, посылает им в качестве скипетра и короны жезл и шлем наподобие испанского шлема, сделанные из сверкающей бронзы.

Он также посылает крест, тоже из бронзы... который они надевают на шею как нечто религиозное и святое. Без этих эмблем народ не считает их царствование законным, а их самих настоящими царями. Все время, пока гонцы находятся при дворе Огане, они видят не его самого, а шелковые занавески, за которыми он находится, и эти занавески считаются священными. Когда гонцы собираются в обратный путь, Огане показывает им из-за занавески свою ногу в знак признания их миссии. И они благоговейно перед этой ногой, как если бы это было что-то священное».

Но можно ли с доверием относиться к рассказу средневекового мореплавателя? И царем какого государства был в таком случае этот «Огане»? Что касается той части рассказа, где говорится о занавеске, скрывающей царя от взоров людей, и о поклонении его ноге, то современная Фробениусу наука уже располагала достаточным количеством фактов о сходных обычаях, в разное время существовавших у очень многих народов земного шара*. Так что в этом смысле этнография не могла оказать по-

* Эти обычаи связаны с представлением о том, что от хорошего самочувствия, от здоровья царя-жреца зависит благополучие его народа. Особу царя тщательно оберегали от взоров посторонних, чтобы его не «сглазили».

Женская фигурка из Бенина

мощь в установлении родины «Огане». Но если обратиться к устным традициям Бенина, то они давали совершенно определенный адрес.

Устные дворцовые хроники бенинских царей, передаваемые из поколения в поколение многие сотни лет, говорят о том, что некогда Бенин не имел царя и народ, уставший от безвластия и беспорядков, обратился к правителю йорубского города Ифе — *они* (по-бенински произносится «охэне», то есть почти «огане») с просьбой прислать им царя. Их просьба была выполнена.

Согласно другой бенинской легенде, родиной бронзового литья, так восхитившего западноевропейских экспертов, также был город Ифе. Сначала, говорится в предании, все бронзовые изделия поступали в Бенин из Ифе в готовом виде от случая к случаю. Оба (царь) Огуола (приблизительно XIV в.) обратился к *они* с просьбой прислать мастера, который бы научил его народ литью из бронзы. Из Ифе прибыл кузнец Игуа-игхе. Он основал в Бенине цех царских литейщиков и после смерти был обожествлен.

Схема Фробениуса

Фробениус слышал легенды об Ифе задолго до приезда в Нигерию от западноафриканских рабов, увезенных на чужбину. Мысль о наследии древних атлантов где-то в Западной Африке оформилась у него до начала раскопок в Ифе, во время странствий по африканскому континенту. Свяжав в одно целое легенды об Ифе, первые исследования бенинских бронз и некоторые другие находки в близлежащих странах Африки, Фробениус с уверенностью предположил, что в Юго-Западной Нигерии, в стране йорубов, должен находиться древний культурный центр, а бенинские бронзы появились позднее под его влиянием.

В 1910 г., заручившись согласием английских властей, уже обративших Нигерию в свою колонию, Фробениус уверенно начал раскопки в городе Ифе. И буквально с первых же шагов маленькой немецкой экспедиции удалось сделать замечательные открытия.

На задворках полуразвалившегося дворца местного правителя — *они* совсем неглубоко от поверхности земли Фробениус увидел куски разбитой красновато-коричневой терракотовой скульптуры, изображавшей лицо человека.

«Это были следы очень древнего и прекрасного искусства, — писал Фробениус под свежим впечатлением от своего открытия. — Эти разрозненные остатки были воплощением симметрии, живости, утонченности формы, которая непосредственно напоминает Древнюю Грецию и служит доказательством того, что здесь

некогда обитала раса, превосходящая негров. Таким образом, ценность находки не оставляет никаких сомнений: она указывает на что-то, безусловно, экзотичное, на существование необычайно древней цивилизации».

В последующие дни экспедиция нашла или выменяла у африканцев еще несколько терракот. Фробениус заметил, что местные жители довольно легко расстаются со скульптурами, которые они сами некогда нашли в древних святилищах, и не могут дать удовлетворительного объяснения их назначению. Это еще более укрепило немецкого этнографа в предположении, что современный ему Ифе не более чем случайный и невежественный наследник давно погибших атлантов: «Мы скоро узнали, что находимся не в городе, где поклоняются древности, а в городе развалин, в котором траншеи глубиной от пяти до пятнадцати футов свидетельствуют о том, что в течение многих веков сюда наведывались охотники за сокровищами. Еще немного, и я смогу с уверенностью утверждать, что мы находимся сейчас там, где некогда стояла священная обитель Посейдона».

Последним аргументом, окончательно убедившим Фробениуса, стала находка в священной роще, посвященной йорубскому богу моря Олокуну, бронзовой, несомненно, древней прекрасной скульптуры, по манере исполнения непохожей на бенинские и превосходившей их по техническому совершенству: «Перед нами лежала голова изумительной красоты, чудесно отлитая из античной бронзы, правдивая в своей жизненности, покрытая темно-зеленой патиной. Это был в самом деле Олокун, Посейдон Атлантической Африки».

Находки Фробениуса произвели сильнейшее впечатление на на-

Изображение торговца
во дворце в Бенине

учные и литературно-художественные круги Европы. Немалую роль в этом сыграли его увлекательные книги, например «И Африка заговорила...» и «Дорогой атлантов», где он популяризировал свои гипотезы. Теперь, спустя много лет, когда наука накопила много новых фактов, мы можем с достаточной беспристрастностью оценить результаты его исследований.

Экспедиция Фробениуса находилась в Йорубе всего два месяца и лишь около двух недель имела возможность вести раскопки в Ифе. Кроме терракотовых и бронзовых скульптур она нашла остатки древней гончарни, тигли для плавки разноцветных стеклянных бус, стеклянные кольца, обломки глиняной посуды. Раскопки велись на очень узком участке (точнее, на двух участках), их методы с точки зрения современной археологии были просто варварскими: экспедиция нанимала местных жителей, которые рыли глубокие ямы; работа археологов сводилась к поискам сокровищ — отдельных предметов искусства. Ни о каких стратиграфии и планомерном изучении материальной культуры не могло быть и речи. Эти задачи вовсе не ставились. Фробениус, убежденный, как и многие его современники, в неспособности африканцев к творческому труду, приступил к работе уже зараженный идеей о возможных следах атлантов в этой части Африки и каждую новую находку фактически нанизывал на нить уже сложившейся гипотезы.

В своем окончательном виде ход его рассуждений сводился к следующему:

1. «Цивилизация йоруба в ее современном виде должна быть объявлена без колебаний по существу африканской... Мы, однако, сталкиваемся с проблемой, развилась ли она на месте или была пересажена извне, то есть можем ли мы считать ее самозародившейся или же находящейся в гармоническом сочетании с иноземными цивилизациями.

2. В то же время современная цивилизация йоруба явно упадочная и регрессирует уже по крайней мере на протяжении нескольких веков. Сфера ее влияния постепенно сужается, хотя в прошлом она, по-видимому, распространялась по всему Атлантическому побережью от Гамбии до Анголы. Об этом свидетельствуют легенды Бенина и иджо (народа в дельте Нигера) и данные этнографии.

3. Ее многие черты, например такие, как конструкция водосточков, тип ручного женского станка, форма луков, повторяются и на северном побережье Африки. Однако нет никаких следов культурных влияний и заимствований в результате связей между Северной и прибрежной Западной Африкой по суше, через пустыню Сахара и Западный Судан.

4. В то же время обнаруживается явное сходство между цивилизацией Йоруба и средиземноморской цивилизацией древних этрусков. У обоих сходная система водостоков и бассейнов для хранения дождевой воды. Только у йорубов и этрусков найдены столь совершенные по исполнению терракотовые скульптуры, выполненные в сходной художественной манере, и т.п. Очевидно, обе эти цивилизации — сестры. Расцвет цивилизации этрусков приходится на XII в. до н.э. В это время этруски наступали на восточную цивилизацию (в частности, на государства Малой Азии). Это движение с запада на восток, — продолжает Фробениус, — вообще говоря, противоречит общепринятой концепции всемирной истории, но противоречие отпадает, если принять во внимание сообщения древних о государстве атлантов, которые жили «за столбами Геракла».

По Фробениусу, эта цивилизация Запада, то есть цивилизация атлантов, включала, в частности, Галлию, Испанию и Ливию. Однако со временем более молодая цивилизация Востока стала наступать на западную, оттесняя ее к морю, что неизбежно вело к заселению побережья Атлантического океана. Если опираться на анализ косвенных данных из древнеегипетских источников, процесс этот шел в XIII в. до н.э. и Йоруба была одной из периферий этой цивилизации: «Культура Йорубы представляет собой кристаллизацию того могучего потока западной цивилизации, который в своей евроазиатской форме хлынул из Европы в Африку».

«История атлантов, так как она передана Солоном, — заключает Фробениус, — в действительности является выдумкой, сагой, вплетенной в миф, но ее зерно настолько же реально, насколько оказались реальными рассказы о пигмеях... или сказка о Трое, которая трудами Шлимана раскрылась как исторический факт...»

Искусственность и слабая аргументированность общеисторических построений Фробениуса ясна даже неискушенному читателю. Порочна и основная посылка, порожденная эпохой колониализма, о невозможности самозарождения культуры Ифе в самой Йорубе, без воздействия активной западной культуры (этому не противоречит и то, что именно Фробениус впервые заявил о чисто африканском характере цивилизаций Ифе и Бенина). Гипотеза Фробениуса в целом не была принята ученым миром, хотя многие его мысли, главным образом результаты непосредственных полевых исследований, оказывали и продолжают оказывать сильное влияние на этнографов и археологов.

Без прошлого и без будущего?..

Итак, в начале второго десятилетия XX в. благодаря трудам Фробениуса перед ученым миром встала загадка Ифе. Были обнаружены прекрасные в своем совершенстве и законченности бронзовые и терракотовые скульптуры, резко отличающиеся по реалистической трактовке образов от традиционно условного африканского искусства и скорее напоминающие древнегреческие скульптуры. Кем они были сделаны? Когда? Почему местное население не может объяснить, кого они изображают, или дает явно путаные толкования?

На все эти вопросы долго не находилось ответов. Начавшаяся вскоре Первая мировая война и последующее колониальное «освоение» Нигерии отодвинули проблему Ифе на задний план.

И вдруг — в 1938 г. — новая случайность, новая сенсационная находка.

Занимаясь починкой стены покосившегося здания в самом центре города, землекопы неожиданно натолкнулись на целую коллекцию терракотовых голов. Позднее было найдено и несколько бронзовых. И терракоты, и бронзы были выполнены в той же художественной манере, что и находки Фробениуса.

В большинстве случаев это реалистические скульптурные портреты мужчин и женщин почти в натуральную величину. По стилю они близки к античным, но черты лица ифских скульптур типично негроидные. В щеках и подбородках мужских голов проделано множество мелких отверстий, возможно для волос или драгоценных камней. Продольные борозды на лицах символизируют татуировку. В шею каждой головы проделано по два-три отверстия, очевидно, для того, чтобы насаживать их на деревянные опоры или туловища. На макушках также имеются отверстия для резных слоновых бивней.

Бронзовые скульптуры были выполнены по методу «потерянного воска», известного еще древним египтянам; он до сих пор практикуется в Бенине и многих других местах Западной Африки. По этому методу грубую глиняную форму заливали воском, из которого лепили модель. После этого модель покрывали несколькими слоями глины и высушивали. Затем в оставленное сверху отверстие лили расплавленный металл. Металл растоплял воск, который вытекал в нижнее отверстие, а его место занимал металл. Затем наружный слой глины разбивали, и обнажалась бронзовая скульптура, которую подвергали заключительной гравировке.

По мнению экспертов, техническое мастерство изделий Ифе было исключительно высоким и превосходило все созданное подобным образом в других местах.

Наибольшее недоумение и искусствоведов, и археологов вызвало то обстоятельство, что бронзовые и терракотовые скульптуры Ифе, как казалось, не имели ни прошлого, ни будущего. Ифские шедевры, по-видимому, были созданы за очень короткий срок, может быть даже на протяжении жизни поколения мастеров одной школы или даже единственным мастером. Не удавалось заметить ни малейших отклонений в их художественной манере: ни улучшений, ни декаданса. Они как бы застыли в своем совершенстве. Находки последующих 40-х годов XX в. в этом смысле не прибавили ничего нового.

Искусствоведы разных стран искали (и находили) в ифских скульптурах следы древнегреческого, древнеримского, древнеиндийского, древнеперсидского, древнегипетского влияния, но все это звучало малоубедительно. А в начале 50-х годов древний Ифе подбросил исследователям новую загадку.

Во время раскопок святилища Огунлади близ дворца правителя Ифе — они археологи неожиданно наткнулись на странную мостовую. Выложенная специально обработанными глиняными черепками, она походила на мозаику. На сорок пять сантиметров ниже первой лежала вторая мостовая.

Строительный материал — глиняные черепки — по характеру обработки археологи разделили на три типа. В первом случае черепки имели форму многогранников диаметром от полутора до трех дюймов (7,5 см). Во втором — глиняных кругов от одного дюйма с четвертью в диаметре; их ставили рядами край в край, так что образовывался полосатый узор, как на вельветовых тканях. И наконец, третий тип — это также

Изображение португальского солдата из дворца в Бенине

круги, но совсем маленькие (около одного дюйма в диаметре), сделанные из более тонкой глины.

Древние мастера мостили влажную землю поставленными на ребро более грубыми черепками, а затем полученное основание покрывали слоем тонких и изящных черепков, из которых — в сочетании с мелкими кварцевыми бульжниками — составляли различные геометрические рисунки.

В течение 50-х и в начале 60-х годов в Ифе в общей сложности нашли более 3,2 кв. км таких замощенных участков. С точки зрения древней примитивной техники это колоссальная цифра. Один из участников раскопок, английский археолог Гудвин, попытался подсчитать затраты труда на создание ифских мостовых. Вот что он пишет: «Десятки миллионов глиняных черепков были собраны, и каждый тщательно обточен до размера двухшиллинговой монеты, отшлифован, и каждому была придана форма плоского диска размером в один дюйм в диаметре. Для того чтобы обточить таким образом черепок, требовалось, по крайней мере, несколько минут. Затем черепки тщательно укладывали край в край лицевыми сторонами друг к другу по три на каждый квадратный дюйм, и так, возможно, на площади в две квадратные мили. Но это еще не все. Края разбитых сосудов, очевидно, откладывали в сторону и обтачивали до размеров одного дюйма в высоту и двух дюймов в длину. Потом их укладывали на основание из «двухшиллинговых» черепков по типу елочек так, чтобы их края образовали поверхность мостовой. Усилия, потраченные на эту работу, должны быть огромными! Исходя из расчета трех «двухшиллинговых» черепков на квадратный дюйм, мы уже имеем 432 черепка на площади в один квадратный фут. На это основание накладывались ободки от сосудов в среднем по два на каждый квадратный дюйм, или 288 на квадратный фут; т.е. всего 720 черепков на каждый квадратный фут. Умножив это число на количество замощенных квадратных футов, мы получаем астрономическую цифру, которую я просто не в силах выразить!»

Каково было назначение мостовых? Когда и кем они были построены? До сих пор это не вполне ясно. Европейские путешественники XIX в., несомненно, упомянули бы о таком замечательном явлении, если бы столкнулись с ним. Но ни в одном из источников о мостовых нет ни слова. Не нашел их и Фробениус.

Правда, в современном Ифе вам расскажут на эту тему легенду. Некогда правительницей города была женщина. Во время дождливого сезона края ее одежды пачкались в уличной грязи. Поэтому она заставила своих подданных замостить все улицы глиняными черепками. Работа была очень тяжела, народ в конце

концов сверг правительницу и с тех пор ни разу не допускал женщин к власти.

Но скорее всего это предание появилось совсем недавно. В последние годы в связи с расширением городского строительства в Ифе землекопы то и дело натываются на древние замощенные участки, о происхождении которых народу ничего не известно. И вот, для того чтобы объяснить непонятное, была придумана легенда...

У археологов имеется своя версия. По их наблюдениям, мостили не улицы, а скорее внутренние дворы в жилых кварталах и у общественных зданий.

При раскопках святилища Огунлади, вся территория которого была покрыта прекрасной мостовой, обнаружено тщательно замощенное углубление, образующее водосток. Во время дождей вода стекала по нему и скапливалась в большом глиняном сосуде. Археологи нашли и затычку к сосуду — художественно выполненную терракотовую голову барана. Водостоки и бассейны, связанные с мостовыми, были раскопаны и в других районах города. Поэтому можно предположить, что они представляют часть водосборной системы.

Возможно также, что они имели какое-то ритуальное значение. Ведь не случайно больше всего мостовых найдено в царском квартале. Кроме того, если бы строители руководствовались лишь чисто практическими нуждами, зачем бы они избрали такой трудоемкий и сложный метод?

Существует ли какая-нибудь связь между мостовыми и скульптурами? Видимо, да, но определенный ответ пока невозможен, тем более что до сих пор не удается датировать ни мостовые, ни скульптуры. Как уже говорилось, все скульптуры были найдены не на своих первоначальных местах. В прошлом веке, а может быть, и много ранее местные жители выкапывали их и прятали в новые тайники. Поэтому к ифским находкам до сих пор не удавалось применить такой совершенный метод датировки, как радиоуглеродный.

Что же касается мостовых, то на одном из черепков археолог Уиллетт заметил изображение маиса. Полагая, что маис был завезен в Западную Африку в XVI в. португальцами, Уиллетт предложил датировать мостовые этим временем. Однако несколько крупных авторитетов возразили Уиллетту, доказывая, что маис проник в Западную Африку многими путями, с суши и с моря, и в разное время. Таким образом, пока и этот вопрос остается открытым.

И все же за последние годы в разрешении загадки Ифе сделан огромный шаг вперед. Теперь исследовательские работы ведутся комплексно учеными разных специальностей: археолога-

ми, этнографами, филологами, которые (и в этом главная заслуга принадлежит нигерийским ученым) делают упор на изучение местного материала, в то время как Фробениус и искусствоведы 30-х годов, занятые главным образом поисками заимствований, в сущности, абстрагировались от африканской среды. Между тем город Ифе и связанные с ним легенды предоставляют обильный материал для размышлений.

«Меч справедливости»

Слово «Ифе» считают производным от йорубского глагола *fe* — «быть обширным». В наши дни в этом городе живет более четырехсот тысяч человек, главным образом крестьян, занятых выращиванием какао. Однако для йорубов (которых сейчас насчитывается около десяти миллионов) Ифе — это прежде всего национальная святыня, колыбель нации и религиозный центр, куда со всех концов Нигерии ежегодно стекаются сотни паломников-язычников. Среди современных жилых зданий, но главным образом в священных рощах за городскими стенами прячутся древние храмы и святилища; по преданию, их насчитывается 401, однако до сих пор обнаружено только 120.

Легенды йорубов говорят о том, что Ифе был местом зарождения человечества. Когда-то на месте земли была вода. Решив создать мир, бог Олорун (хозяин неба) сбросил с неба цепь, по которой спустился мифический предок народа йоруба Одудуа, нося петуха, горсть земли и пальмовый орех. Одудуа швырнул землю на воду, петух взрыл ее, и так образовалась суша. На земле из пальмового ореха выросло дерево с шестнадцатью ветвями, которые символизировали шестнадцать парных оба, правителей йорубских городов-государств. На месте, где все это произошло, Одудуа основал город Ифе. Создание земли было закончено в четыре дня. Поэтому йорубская неделя длится пять дней, где последний, пятый день отводится для отдыха и богослужений.

Чуть ли не каждый старинный уголок города связан с какой-нибудь легендой...

Жрецы Ифе и в наши дни демонстрируют паломникам святыни, якобы сохранившиеся со времен сотворения мира: два водных бассейна — Осара (лагуна) и Окун (море), от которых, как считают, произошли все моря и лагуны, и каменные памятники — следы первых людей. Один из них — Бада Гонгиди — грубое каменное изваяние мужчины, который, по преданию, был великим воином. Вместо того чтобы умереть обычным путем, он предпочел обратиться в камень подобно некоторым другим героям йорубской древности.

Другой знаменитый памятник — Опа Ораньян (жезл Ораньяна) — гранитная колонна высотой в несколько метров. Это, по преданию, обращенный в камень жезл древнего героя Ораньяна, сына первого правителя Ифе и прародителя народа йоруба*.

Говорили также, что старинная пещера с замурованным входом когда-то вела прямо на небо. Первоначально входом в пещеру пользовались старики, которые уже были вполне готовы для постоянной жизни на небесах; и те, кто забирался туда на время, чтобы испросить у богов каких-нибудь милостей для себя. Постепенно, однако, просителей стало слишком много, и, для того чтобы мирские дела не были окончательно заброшены, вход в пещеру пришлось замуровать...

Можно посмеяться над наивными историями, подивиться причудливой фантазии их безвестных создателей. А что, если попытаться оценить их с точки зрения интересующей нас загадки Ифе?

Те легенды, которые связаны с памятниками и святынями, явно появились для объяснения непонятого современному человеку назначения этих предметов. Для ученого они служат, таким образом, лишним свидетельством глубокой древности каменных памятников Ифе; ведь, по крайней мере, уже несколько поколений йорубов пребывали в неизвестности относительно того, кем и для чего они были созданы. Что же касается легенды о сотворении мира, то к ней, видимо, следует отнести серьезнее: не является ли она отблеском былого величия Ифе, оказавшего культурное и политическое влияние на окружающие государства и народы? Данные этнографии как будто подтверждают это предположение.

* Легенды рассказывают, что, состарившись, Ораньян удалился в уединенное место, откуда наблюдал, как идут дела его детей — жителей Ифе. Если на город нападали враги, жители не должны были защищаться. Им нужно было только крикнуть: «О, Ораньян, на нас напали!» — и начать петь и танцевать. Ораньян выходил на зов и сам обращал неприятельскую армию в бегство. Однако однажды во время праздника несколько путников стали кричать без причины: «О, Ораньян, на меня напали!». Ослепленный жаждой крови, Ораньян выехал из укрытия и стал наносить удары направо и налево. Ноги его коня уже тонули в крови, когда один старик догадался крикнуть: «Ораньян, ты убиваешь своих детей!». Только тогда глаза его раскрылись. Потрясенный, он решил никогда больше не показываться людям. Ораньян воткнул в землю свой жезл, который обратился в камень, а сам въехал на коне в могилу и тоже превратился в гранитную глыбу.

Например, почти все *оба* — цари других городов-государств йоруба — во время обряда коронации получали из Ифе «меч справедливости», без которого коронация считалась недействительной. Вручая меч царским посланцам, представитель они — правителя Ифе — обращался к ним со словами:

«Возьми этот меч, это меч победы. С ним ты можешь сражаться, и он обеспечит тебе успех; ты можешь идти с ним направо и налево, и победа будет сопутствовать тебе. Но ты никогда не должен обращать свой меч назад (то есть в сторону Ифе), потому что там твоя прародина и источник твоей силы. И если ты слушаешься, ты погибнешь».

Соседнее государство Бенин, по-видимому, также некогда находилось в какой-то форме политической зависимости от Ифе. Рассказы стариков о том, что в старину части тел умерших бенинских царей перевозились в Ифе для захоронения, подтвердились недавними археологическими раскопками: в окрестностях города обнаружено несколько таких могил.

Влияние Ифе на Бенин подтверждают и бенинские устные хроники.

Можно ли связать в одно целое легенды о величии Ифе и шедевры его искусства как материальное выражение этого величия?

Уже говорилось, что Фробениус видел в скульптурах Ифе изображения средиземноморских богов, перенесенных на африканскую почву. Например, йорубский бог (или богиня) моря Олокун был для него древнегреческим Посейдоном.

Современные же исследователи на основании данных этнографии и мифологии Йоруба установили, что скульптуры изображают местных богов, царей или придворных и, по всей вероятности, первоначально стояли в алтарях, где им поклонялись при отправлении культа царских предков. Очевидно, в древнем Ифе (так же как и в Бенине) верили, что изображение головы предка служит посредником между загробным миром и живыми людьми. Потому-то большинство скульптур — это одни головы без туловищ.

Но было найдено и несколько целых фигурок: царь в полном облачении, точно таком, какое носили в предыдущем веке; правители Ифе во время церемонии коронации; царь и царица, исполняющие, судя ко положению тел, ритуальный танец. Фигурка правителя, восседающего на круглом царском стуле, с ногами, покоящимися на четырехугольном стуле меньшего размера, могла отражать верование, еще и в прошлом веке распространенное среди йорубов, в то, что священный царь не должен касаться ногами земли, чтобы не утратить святость. Выразительные

скульптурные головы с кляпами во рту, украшающие бронзовые сосуды, — это явное свидетельство обычая человеческих жертвоприношений (при похоронах царей и в некоторых других случаях), также практиковавшегося народами Нигерии в XIX в.

Слишком простые ответы

Как уже говорилось, реалистическое искусство Ифе выглядит изолированным на фоне традиционно условного искусства Африки. Однако несколько лет назад обнаружилось поразительное сходство между терракотами Ифе и культурой Нок, о которой говорилось выше. Неизвестный народ, создавший эту культуру, занимался охотой и земледелием (найденны зернотерки и оружие), умел обрабатывать железо и олово и изготавливать терракотовые скульптуры людей и животных. «Нок и Ифе являются единственными из известных нам африканских культур, в которых имелись терракотовые скульптуры людей почти в натуральную величину, — пишут археологи Уиллетт и Фэгг, вот уже много лет ведущие раскопки в Ифе. — И если фрагменты тел и конечностей из этих двух культур перемешать, то будет очень трудно различить их на основании только стилевых особенностей».

Таким образом, точные археологические данные окончательно похоронили беспочвенные теории об иноземном происхождении терракотовых скульптур Ифе. Корни культуры народа йоруба находятся в Северной Нигерии. Эта культура создана людьми эпохи неолита или начала железного века.

И все же, несмотря на эти неоспоримые данные, вопрос о происхождении йорубской цивилизации еще далек от разрешения. Хотя существует прямая преемственность в терракотовых скульптурах разных эпох, остается неясным, как и когда зародилась в Ифе техника изготовления бронзовых скульптур.

Еще большую путаницу в разрешение этого вопроса вносят легенды о происхождении народа йоруба. До сих пор не вполне ясно, являются ли йорубы местными — автохтонами, или они пришли на территорию Нигерии из каких-то других краев. Дело в том, что помимо уже известной нам легенды об Ифе как прародине человечества есть много других преданий о переселении йорубов откуда-то с северо-востока. Некоторые ученые на Западе и в Нигерии видят в этих преданиях отзвуки реальных событий глубокой древности и связывают с пришельцами внедрение бронзового литья. Кроме того, говорят они, таким путем разрешается и другая загадка Ифе, а именно устанавливается связь между его каменными памятниками и бронзовыми и терракотовыми скульптурами.

Дело в том, что каменные памятники, такие, как уже известные нам Опа Ораньян, Бада Шигиди и другие, сделаны довольно примитивно, особенно по сравнению с прекрасными скульптурами из терракоты и бронзы. Фробениус считал их проявлением африканского декаданса, который неизбежно последовал в результате истощения могучего потока «западной цивилизации». Напротив, по мнению современных исследователей, изделия из камня — это следы древнейшей культуры, а терракотовая и бронзовая скульптура появилась позднее. Странно только, что между ними нет никакой преемственности. Единственное сходство, которое удалось до сих пор подметить — это железные гвозди, присутствующие во всех трех типах памятников — и каменных, и терракотовых, и бронзовых. Например, в Опа Ораньян вбито девяносто два гвоздя, образующие рисунок наподобие трезубца. Сделано это для украшения, видимо, в ритуальных целях, тогда как в терракотовых и бронзовых скульптурах железные гвозди, вероятно, служили опорой при отливке фигур.

Но так или иначе, если принять версию о переселении йорубов, вопрос о взаимоотношении каменных памятников и скульптур периода расцвета Ифе разрешается просто, даже, пожалуй, слишком просто для серьезного исследования: было несколько волн переселений, разделенных значительными промежутками времени, и каждая волна несла свои элементы культуры...

Увы, до сих пор ни одна из схем, будь то идея самозарождения культуры Ифе или перенесения ее откуда-то извне, не может достаточно удовлетворительно увязать цивилизацию йоруба со всем комплексом других родственных культур на территории Нигерии — в Бенине, в стране ибо (Восточная Нигерия), в средневековом государстве Нупе (Северо-Восточная Нигерия). Например, в местечках Тада и Джебба (на Нигере) в тайниках обнаружено несколько бронзовых фигур, которым местное языческое население поклоняется и поныне и считает, что в далекой древности их доставил сюда с юга (но не из Ифе!) полумифический основатель государства Нупе Тсоде. Среди этих скульптур выделяется фигура сидящего человека высотой около полутора метров. По стилю она походит на скульптуры Ифе, но ее поза необычайна для африканского искусства и скорее напоминает скульптуру Индии. Есть основания предполагать, что в государстве Нупе на заре его существования, то есть примерно в XII в., находился центр бронзового литья. Но в каком отношении он находился к культуре Ифе?

Даже утвердившаяся точка зрения на происхождение бенинского искусства от Ифе в последнее время подвергается сомне-

нию. В самом деле, по преданию, кузнец из Ифе научил бенинцев литью из бронзы. В Бенине цех потомственных литейщиков-скульпторов существует и в наши дни, но в Ифе, где, кажется, зародилось это искусство, ничего подобного нет и в помине. Более того, археологи не нашли никаких следов древних мастерских!

Может быть, этот город, как и его младший брат Ойо, несколько раз менял свое местоположение и в действительности существовал не один, а несколько Ифе?..

ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ КУША

Куш — одна из самых томительных загадок древней Африки. Мы точно знаем, что это было богатое, могущественное государство чернокожих людей, что оно просуществовало, по крайней мере, тысячу лет, прежде чем пришло в упадок и исчезло. Но нам известны только куски и клочки его истории, только фрагменты сведений о веках его величия, его могущественных королях и их достижениях. Хотя они и оставили о себе впечатляющие свидетельства высокоразвитой религии, богатства своей страны, разных умений и письменного языка, прежде чем кануть в неизвестность, мы не знаем, что случилось потом с их властью, их вождями, художниками, архитекторами, ремесленниками и писцами.

Один специалист так обобщил наши знания: «Куш — это была африканская цивилизация, основанная на африканской почве и только африканским населением. Это было городское, культурное и цивилизованное государство, просуществовавшее само по себе в глубине африканского континента почти тысячу лет и добившееся достижений выдающейся важности».

История Куша тесно переплетается с историей Древнего Египта. Даже само название «Куш» было дано египтянами землям далеко на юге от их собственной страны. В семистах километрах ниже Александрии, у Первого порога Нила есть город Асуан, известный в античности под именами Сиене и Элефантина (хотя в последний раз элефантов, т.е. слонов, на этой земле видели за десять веков до того, как город получил это имя). Это место и сегодня славится храмом Абу-Симбел и Великой Асуанской плотинной. На юг от Асуана, за непроходимыми песками и зеленой лентой Нила, на более чем девятьсот километров простирается то, что древние называли землями Нубии и Куша. Большая часть этой области сейчас находится на территории республики Судан.

Границами Куша с запада была Ливийская пустыня, с востока — Эфиопские горы, с севера — Махаррака и Дакка, а с юга — Сенна. Тогда, как и сейчас, там было много песчаных пустынь, опаленных солнцем холмов, высоких плато и непреступных скал. Но более двух тысяч лет назад целая область на юге, особенно вокруг Белого и Голубого Нила, зеленела лесами и лугами. Геологические исследования у Сенне, рядом со Вторым порогом, показали, что тогда воды Нила при ежегодных разливах поднимались на семь с лишним метров выше, чем сейчас, так что в те времена и количество осадков, вероятно, было много большим.

Хотя мы знаем по археологическим находкам, что в Куше люди жили и в неолите, первое письменное свидетельство о здешнем населении — это египетская надпись, вырезанная на скале у Второго порога. Там рассказывается, что царь Зер завоевал в 3000 г. до н.э. Нижнюю Нубию. Другая надпись сообщает, что в 2750 г. до н.э. фараон Сенефру совершил в эти земли военный поход, построил флот и «отмотыжил» родину народа «нехеси» (нубийцев). Сенефру похваляется добычей, которую он привез из Куша, особенно гордясь количеством пленных и голов крупного скота. Некоторые ученые полагают, что подобные рейды разоряли некую уже существовавшую там цивилизацию, которая расцвела в конце неолита, а особенно — в период перед объединением Египта под властью одного сильного царя, примерно в 3200 г. до н.э.

В течение последующих 800 лет Куш становился все более важным для Египта. Фараоны слали туда сначала военные экспедиции, затем торговые миссии, а еще позже основывали на этой земле крепости и фактории. Наконец, примерно в 1570 г. до н.э. Ахмос I и его преемник Тутмос I захватили несколько важных областей Куша и присоединили их к Египту. Начиная с этого момента, египтизация Куша шла ускоренными темпами. Фараоны строили храмы и города на его территории до Кургуса, что стоял почти в 350 милях к югу от Асуана. Знаменитый Абу-Симбел, комплекс с двумя огромными храмами, построенный фараоном Рамзесом II — один из таких городов, расположенный в самой северной части Куша.

Между тем область на Ниле под названием Напата, примерно в 500 километрах к югу от Асуана, но всего в 350 километрах к западу от Куругуса, развилась в столичную для всего Куша. Что же до фараонских храмов и памятников в Напате и в месте под названием Джеюбел-Баркал, где на 90 метров над сельской округой возвышается одинокое здание, все они стали священными местами для захоронений. Прошло несколько десятилетий, и у черных людей Куша началась эпоха расцвета, у них появились

вожди и даже своя царская семья. Фараоны правили Кушем через своих наместников и детей нубийских вождей, которых держали при египетском дворе не просто как заложников — с ними обращались со всем уважением, им давали высокие чины и воспитывали как царей.

Могучая и процветающая страна

Куш для Египта был важным источником золота, сырья и готовых продуктов, рабов и солдат. Записи того времени рассказывают о ежегодной дани, получаемой из Куша. В нее входили определенные количества простого дерева, эбенового и камедного, слоновой кости, страусиных перьев и яиц (скорлупа использовалась в ювелирном деле, из нее делали ожерелья), красной охры, амазонита, благовоний и масел, зерна, скота, леопардов (и леопардовых шкур), жирафов (и кончиков жирафьих хвостов), собак и бабуинов. Храмовый декрет, выбитый в Нури у Джебел-Бракала и в Напате, датируемый примерно 1320 г. до н.э., описывает основные занятия местных жителей. Большая часть людей были крестьянами или рыбаками; некоторые держали пчел, другие строили лодки, были моряками или перевозчиками на Ниле. Торговцы указаны тоже, а также люди, занятые промывкой золота.

Куш стал сильным, богатым и независимым еще до конца XXII Династии (950 г. до н.э.), когда сила фараонов уменьшилась и Куш смог оторваться от Египта. Это было время великих перемен в Нильском царстве. На страну оказывался большой нажим извне. Пираты разоряли средиземноморское побережье Египта, а ассирийские войска атаковали его границы на Ближнем Востоке. Египет терял свои имперские земли повсюду, от Европы до Востока. Закон и порядок пришли в упадок в Двух Землях. Тысячи людей умирали с голоду из-за засухи и недорода; бродячие банды солдат терроризировали весь народ; земледельцев угнетали жадные жрецы, завышенные налоги и коррумпированные чиновники. Даже гробницы фараонов не были избавлены от разграбления. Ливийцы захватили трон Египта и заставили его жрецов, вождей и ремесленников бежать в Куш.

Посреди всех этих волнений в Куше к власти пришел черный вождь по имени Кашта. Он стал царем, а в 751 г. до н.э. захватил Египет. Мы не много знаем об этом Каште. Он принял титул царя, но не фараона. В качестве цени мира Осоркон III, ливийский правитель Нижнего Египта, был «убежден» Каштой сделать его дочь высшей жрицей культа Омон-Ра, государственной религии. Это формально дало Каште право на трон.

По стечению обстоятельств, именно в то время, когда Кашта успешно выступил против Верхнего Египта, на одной тихой речке, пересекающей Апеннинский полуостров, возник город Рим. Когда Кашта, используя некоторые самые прогрессивные организационные и военные методы своих дней, сокрушал одну из самых великих цивилизаций мира, римский народ, состоявший из нескольких племен земледельцев и пастухов, жил в соломенных хижинах на холме, что возвышался над болотом, которому в один день суждено было стать Форумом.

К тому времени Куш находился под все более растущим влиянием и властью Египта уже свыше тысячи лет. Особенно сильной египтизации Куш подвергся во времена Нового царства как составная часть Египта — в области религии, искусства, литературы, в методах администрации и организации. Таким образом, когда Две Земли погибали под невыносимым натиском снаружи и изнутри страны, Куш стал той гаванью и приютом, где основные элементы египетской цивилизации продолжали существовать и даже процветали. Когда Пианкхи, сын Кашты, стал царем, он прежде всего озаботился воссоединением египетских областей и изгнанием всех врагов из Египта. С этой благородной целью, возвращая «истинные» египетские ценности на их родину, Пианкхи повел свои войска в Египет, замышляя освободить страну от чужеземного ига, наложенного ливийскими царями, и восстановить величие Двух Земель.

На севере Египта также выросла оппозиция ливийским узурпаторам, и в Дельте, районе между нынешними Каиром и Александрией, принц по имени Тэфнакхт поднял восстание. Он прошел военным маршем от Дельты по ближайшим обширным территориям Нижнего Египта. Затем двинулся в Верхний Египет и захватил Гермополис, в 500 километрах к югу от побережья Средиземного моря, а по дороге осадил город Гераклеополис, находившийся в стратегически важном месте, в 240 километрах от моря.

Пианкхи в своей столице Напате, в 1200 километрах к югу от Гераклеополиса, осознал, что шанс чересчур велик, чтобы его упустить. Он приказал своим войскам двигаться на север. Одна армия должна была остановить продвижение на юг войска Тэфнакхта и отнять у него Гермополис. Вторая была послана на Нил, чтобы предотвратить атаку Тэфнакхта на Фивы, столицу Верхнего Египта.

Силы Пианкхи отсекали флот Тэфнакхта на севере от Фив, потопили его и поспешили к Гераклеополису, намереваясь достичь его прежде, чем город сдастся мятежному принцу. И здесь

войску Пианкхи снова улыбнулась удача, он оттеснил армию Тефнахта обратно в Дельту. Однако то, что самому Тефнахту и его армии удалось спастись и укрыться в безопасном месте, привело Пианкхи в ярость. Он лично немедленно двинулся в Египет, ревностно исполнил все необходимые ритуалы на празднике в Фивах, а затем поспешил возглавить командование своими войсками, осаждавшими Гермополис. Его армии вскоре переселили ослабших защитников, и Гермополис сдался. Правительница, жена Немаратха (Нимрода), принца Гермополиса, при ходатайстве одной из шести жен Пианкхи, взмолилась о пощаде для мужа, и он был оставлен в живых.

Надпись на каменной колонне, дошедшая до нас, является официальной хроникой деяний Пианкхи и происшествий времени его правления. Мы даже можем оценить характер этого человека, каким он был во время своего триумфа. Совершая путешествие по захваченному дворцу, Пианкхи инспектировал конюшни. Отчет говорит, что он был взбешен, когда обнаружил, что лошадей Нимрода толком не кормили и не заботились о них все то время, что город находился под осадой (без сомнения, что благополучие лошадей было принесено в жертву, когда шла речь о жизни людей). Тем не менее, Пианкхи благочестиво провозгласил, обращаясь к Нимроду: «Клянусь любовью Ра... мое сердце больше печалит то, что эти лошади страдали от голода, нежели все злые деяния, которые вы совершили, удовлетворяя свое честолюбие».

На стеле вырезано изображение лошади — большая редкость для египетского или кушитского искусства. Но Пианкхи был таким страшным лошадиником, что настоял на том, чтобы и изображения его любимцев включили в настенную роспись храма Омона в Джебел-Баркале, великом религиозном центре Куша. Именно этот храм Пианкхи перестроил, чтобы отметить свою победу над Египтом. Также на королевском некрополе у Курру были найдены останки двадцати четырех лошадей. Они были закопаны в один ряд, бок о бок, в положении стоя мордами на юг. У лошадей на головах были серебряные перевязи, держатели для плюмажа и богатая упряжь. Все они в разное время тянули колесницы Пианкхи и его трех преемников.

После сдачи Гермополиса Пианкхи бросил свои войска и флот на Мемфис, древнюю столицу Египта. Стремясь предотвратить попытки любого сопротивления, он напал на город сразу со всех сторон.

Когда Мемфис пал, сдались многие принцы Дельты, и Пианкхи перешел к Гелиополису. Его армии захватили город, и Осор-

кон IV, последний царь Египта из ливийской династии, сдался. Принц Тэфнахт между тем сбежал на дальний остров в устье Нила. Из этого убежища он послал Пианкхи свою капитуляцию. Тот был полностью удовлетворен полнотой своей победы и оставил Тэфнахта в покое.

Победа Пианкхи была огромной по всем меркам. Он завоевал весь Египет и теперь был царем Верхнего и Нижнего Египта и Куша, властелином земли, которая простиралась от Сахары до границ с Эфиопией и от средиземноморского побережья на 2000 километров в глубь материка, до среднего течения Белого и Голубого Нила, за нынешним Хартумом.

Гордый победой и отягощенный добычей, Пианкхи удалился в свою столицу, Напату. Именно тогда он приказал воздвигнуть каменную стелу с рассказом о своих завоеваниях. Теперь Пианкхи был фараоном и носил двойную корону, символ власти над Нижним и Верхним Египтом. Вся помпезность и пышность египетской традиции была восстановлена, и его имя, как основателя XXV Династии, заняло свое место рядом с другими славными именами египетской истории.

Когда Пианкхи вернулся в свою столицу, он был настолько счастлив, что оставил в покое и принцев Дельты, конечно, потребовав, чтобы они платили ему ежегодную дань. И, как он мог предвидеть, это предоставило им слишком большую свободу действий. Когда Пианкхи оказался на расстоянии в несколько тысяч километров, принц Тэфнахт снова восстал и объявил себя королем Нижнего Египта. Он не успел чем-либо подтвердить свои претензии, так как вскоре умер, но примерно в 720 г. до н.э. его сын Бекенренеф тоже потребовал себе королевский титул и продолжил мятеж.

Хотя фараон Пианкхи нанес ответный удар, он умер еще до сокрушения мятежа. На трон вззошел его брат Шабако. Шабако жестоко подавил восстание Бекенренефа и, чтобы проучить других диссидентов, закопал вождя мятежников заживо. Но более важно, что он перевез свою столицу из Напаты на 750 километров к северу — в Фивы, откуда он мог править более эффективно и приглядывать за принцами Дельты и прочими, кто выказывал признаки мятежного духа.

Фараон Шабако не был удовлетворен тем, что у принцев Дельты осталась их власть, как это допустил Пианкхи. Он установил по всей стране кушитскую администрацию, чтобы укрепить контроль и предотвратить другие восстания. В дальнейшем, чтобы лишний раз подтвердить свои права на трон Египта, он устроил так, что его дочь была признана верховной жрицей Омо-

на-Ра. Шабакo мог с полным основанием называть себя властелином Куша и Египта, и именно под этим титулом он был известен всему древнему миру.

Это была эпоха — примерно около 700 г. до н.э. — великих потрясений не только в Египте, но и по всему Ближнему Востоку. Именно об этом времени мы узнаем в Ветхом Завете, особенно в III Книге Царств и Книге Исаяи. Малоазийские хетты уступили место шумерам и фригийцам, а те, в свою очередь, пали под натиском ассирийцев, киммерийцев, мидян и скифов. Войны шли практически постоянно, сражения вспыхивали в Ираке, Иране, на Кавказе и по всему восточному берегу Средиземного моря. Среди малых народов, попавших между жерновами «сверхдержав», мы встречаем многих из тех, кто знакомы нам по еврейской истории: израильтян, иудеев, население Дамаска, Сидона и Тира.

Главной захватнической державой того периода была Ассирийская империя. В течение всех тех лет, которые мы рассматривали на примере истории Куша, Ассирия захватила Вавилон, а с другой стороны от своих земель — Дамаск, разграбила Самарию и депортировала 10 колен израилевых в Ирак. Это оставило маленькое царство Иудею в одиночестве между Ассирией и Египтом. Книга Царств повествует о судьбоносном решении Иезекии — вступить в союз с кушитским Египтом против ассирийцев.

Сеннахериб, царь Ассирии, вторгся в Иудею, заставил платить выкуп серебром и золотом и перешел к осаде Иерусалима. Фараон Шабакo направил армию, чтобы прорвать осаду и отогнать ассирийцев. Дразня своих противников, Сеннахериб сказал иудеям: «Вот, ты думаешь опереться на Египет, на эту трость надломленную, которая, если кто обопрется на нее, войдет ему в руку и проколет ее». Таков фараон, царь Египетский, для всех уповающих на него» (IV Книга Царств, 18, 21).

Когда царь ассирийцев собрал свои войска и приготовился напасть на иудеев и египтян, случилось чудо. Как рассказывает нам Библия, ангел Господень поразил армию Сеннахериба, убив 15 000 человек за одну ночь. Очевидно, «чудом» была чума, которая прошла по войску, и в 701 г. до н.э. ассирийцы поспешно бежали с палестинской земли.

Когда Шабакo через пять лет умер, над Египтом по-прежнему висела угроза войны с Ассирией. Сын Пианкхи Шебитку стал фараоном после смерти своего дяди Шабакo. Его младший брат Тахарка присоединился к нему на троне в Фивах. В то время Тахарке было всего двадцать, но к его двадцатипятилетию Шебитку умер, и юноша остался единоличным правителем Египта и Куша.

Тахарка

Ни один другой новый правитель не получил столь благоприятного знамения в начале своего царствования. Голод, засуха и эпидемии властвовали в Египте уже много лет. Но когда Тахарка взшел в 690 г. до н.э. на престол, случился беспрецедентный разлив Нила. Фараон Тахарка так описывает это историческое событие: «Вода дошла до холмов Верхнего Египта, залила насыпи в Нижнем Египте и земля стала первичным океаном... небо в Нубии было полно дождем, и все холмы ярко сверкали. У каждого было всего в изобилии, Египет был счастлив и праздничен... Но вода оказалась вором скота, она затопила всю землю, и ничего похожего не нашлось в писаниях времен предков и никто не мог сказать: «Я слышал от своего отца (о таком же потопе)».

Тахарка не преувеличивал. Ливневые дожди в Куше подняли уровень воды в Карнаке, около Фив, до удивительной отметки — 90 метров! Эта отметка до сих пор различима. Такой массивный душ не только насытил огромную территорию, но и смыл с земли крысы и прочих паразитов. Результатом были рекордный урожай и волна народной радости по поводу воцарения нового правителя и широко распространившаяся вера в то, что его правление было благословлено богами...

Из-за ассирийской угрозы Тахарка передвинул свой двор в Дельту, откуда мог наблюдать за событиями в Малой Азии. Он интриговал с другими правителями против Ассирии и подговаривал подчиненные ассирийцам государства, особенно Тир и Сидон, подняться против их угнетателя. Сидон восстал в 667 г. до н.э., а Тир — на следующий год. Нет никаких сведений о том, что Тахарка помог хотя бы одному из них. Ассирийцы подавили оба бунта и казнили царя Сидона. Через пять лет ассирийцы при правлении Асаргаддона, наконец, пошли на Египет. Используя верблюдов в качестве транспорта, армии Асаргаддона пересекли Сирийскую пустыню и ударили по скопившимся армиям египтян на границах, и разгромили их наголову. Пользуясь достигнутым преимуществом, захватчики продвинулись еще дальше и буквально через две недели достигли Мемфиса, окружили его и осадили. Город пал под мощной атакой и, хотя Тахарка сумел скрыться, его дети и гарем достались захватчикам.

Принцы Дельты изъявили свою покорность Асаргаддону, который объявил себя царем Нижнего и Верхнего Египта. Он поставил победную стелу, на которой принцы Египта были изображены в тот момент, когда они несут ему дань, а Тахарка — в виде пленника, которого ведут за кольцо, продетое сквозь губу.

Однако затем Асаргаддон совершил ту же ошибку, что и Пианхи за восемьдесят лет до него: он ушел из Египта.

Тахарка бросил свежие силы против ассирийцев и не только вернул себе Мемфис, но и очистил от врагов всю территорию Дельты. Услышав об этом, Асаргаддон вернулся, чтобы вновь привести Египет к покорности. Но в пути он умер, и его сын Ашурбанапал продолжил кампанию. На этот раз ассирийцы были более осмотрительны и жестоки. Они вымели армию Тахарки из Дельты и захватили Мемфис. Тахарка бежал в Фивы, и через сорок дней туда прибыл Ашурбанапал, заставив Тахарку снова бежать в 666 г. до н.э.

В 664 г. до н.э. фараон Тахарка умер в возрасте 64 лет, бесславно закончив правление, которое начиналось с таких добрых предзнаменований. За четверть века у власти он проявил себя как великий строитель в Египте, но еще более — в Куше. Он восстанавливал храмы, строил новые, прибавлял к другим колоннады, возводил самые большие пирамиды своей династии и высек из скалы храм в Джебел-Баркале, увеличенную копию знаменитого храма Рамзеса II в Абу-Симбеле.

Просторный храм в Каве, примерно в 200 километрах на восток от Напаты — пример как интересов Тахарки, так и его строительной деятельности. Одна надпись повествует, что Тахарка заметил печальное состояние храма Кавы на своем пути в Египет в самом начале правления. К тому времени скромные земляные кирпичи начали размокать от дождей и всё здание наполовину покрывлось песком. После коронации в Мемфисе в следующем году, Тахарка прислал целую армию специалистов и ремесленников построить на этом месте огромный храм. Его возвели из песчаника, кое-где проложив блоки золотыми пластинами. В окрестностях храма тоже были произведены изменения: вырыли озеро, посадили вокруг деревья, сады и виноградники, а садовники и виноградари были выписаны из Нижнего Египта. Тахарка также направил туда специалистов по определению времени по звездам (астрологов), а в добавление к жрецам и служкам, которых обычно приставляли к храмам подобной величины, он поселил там и жен принцев Дельты, оказавших ему сопротивление, заставив их служить богам, в то время как они служили ему заложницами.

Танветамани

Тахарке наследовал его племянник Танветамани. Еще до смерти фараона Танветамани видел сон, в котором две змеи поднялись по двум сторонам от него. Официально этот сон был интерпретирован как указание на то, что правление Танветамани бу-

дет выдающимся и что он объединит весь Египет, отбив его у ассирийцев.

Поэтому, когда Танветамани, став царем, короновался в Напате и проехал вниз по Нилу до Элефантины, то был встречен там очень бурно. В Фивах его принимали как триумфатора. В Мемфисе он встретился на поле боя с вечно бунтующими принцами Дельты. Его армии загнали принцев назад, в их укрепленные города. Вернувшись в Мемфис, он получил от признавших поражение принцев дань.

Затем грянула беда. Прибыли ассирийские армии и Танветамани бежал от них. Какое-то время он оставался в Фивах. Когда ассирийцы приблизились, он скрылся в Напату. Захватчики решили преподать Фивам урок и разграбили их подчистую. Мы можем узнать об их злодеяниях со слов библейского пророка Наума, который позже страшал судьбой Фив Ниневию: «Разве ты лучше Но-Аммона (Фив), находящегося между реками, окруженного водою, которого вал было море, и море служило стеной его? Эфиопия (Куш) и Египет с бесчисленным множеством других служили ему подкреплением... Но и он переселен, пошел в плен; даже и младенцы его разбиты на перекрестках всех улиц; а о знатных его бросали жребий, и все вельможи его окованы цепями» (Книга Пророка Наума, III, 8—10).

Ассирийцы посадили одного из принцев Дельты на трон Египта и с 654 г. до н.э. он правил Двумя Землями. Таким образом прекратилась XXV Династия, по крайней мере, в Египте. Но сама династия продолжала править в Куше еще тысячу лет. Хотя известно, что Танветамани не попал в плен к ассирийцам, у нас нет никакой информации о его дальнейшей жизни. Его пирамида стоит не на кладбище Тахарки, а среди пирамид его предков в Курру.

Как удалось ассирийцам завоевать Египет столь быстро? У них появилось железное оружие и чешуйчатая броня, что было гораздо мощней бронзовых мечей, копий и стрел их противников. Кроме того, у ассирийцев была прекрасная военная организация: до того, что они использовали специализированные соединения для разных задач. Инженерные части занимались осадными работами, интендантские поставляли войскам все необходимое, а транспортные обеспечивали подвоз этого и все передвижения. У них были дивизии, оснащенные легкими и тяжелыми луками, копейшиками и кавалеристы, пехотинцы и тяжелые колесницы, древний эквивалент наших бронетанковых войск. К тому же, ассирийские солдаты сражались подряд во многих кампаниях своих царей. Хорошо обученные, дисциплинированные, опытные и вооруженные по последнему слову тогдашней военной техники, они были действительно неотразимы.

Армия Тахарки с ее бронзовым и латунным оружием явно уступала ассирийцам в заранее подготовленных сражениях. Только после этих страшных поражений в Куше взялись за производство железных предметов в необходимом количестве. У Египта было мало железной руды и практически не было леса, необходимого для ее плавки. Но, в отличие от Египта, Куш все это имел: окрестности Мероэ, великого кушитского города в более чем 500 километрах вверх по течению от Напаты и в 1100 к югу от Средиземного моря, были богаты и лесом, и залежами железной руды. Мероэ расположен на восточном берегу Нила, между Пятым и Шестым порогами, примерно в 180 километрах от нынешнего Хартума. После 600 г. до н.э. Мероэ стал крупным центром производства железа. Даже сегодня холмы из шлаков, получившихся при древней выплавке чугуна, столь высокие и уникальны, что Мероэ часто называют Питтсбургом древней Африки.

В течение тысячелетия после ассирийского завоевания шестьдесят шесть потомков Танветамани, правивших Кушем, продолжали величать себя «Царями Нижнего и Верхнего Египта», хотя не имели для этого ни малейшего основания. Их государство было продолжением египетской цивилизации — в религии и дворцовых церемониях, искусстве и архитектуре, — но вперемешку с сильным африканским элементом. Куш был богатой страной и его цари были могущественны, даже уже не владея ресурсами Египта. Они по-прежнему надеялись отвоевать Египет и, когда фараон Нехо II разбил вавилонского царя Навуходоносора в 605 г. до н.э., царь Куша решил снова попытать счастья. Кушиты продвинулись до Абу-Симбела, расположенного всего в 400 километрах от Фив. Теперь Египту угрожали и с севера, и с юга, и фараон решил послать против кушит своих греческих и карийских наемников. В жестокой, яростной войне, которая за этим последовала, кушиты были отброшены назад, в глубь своей страны, и египетские войска разорили их столицу Напату. Повреждения статуй царей в Джебел-Баркале и Напате датируются именно этим временем. Столица Куша была перемещена в Мероэ.

Мероэ

Сегодня развалины Мероэ можно видеть даже из поезда, если ехать по железной дороге из Хартума. На первый взгляд город состоит из двух-трех маленьких храмов и необычной каменной платформы между ними, которую считают остатками Храма Солнца, описанного в 430 г. до н.э. Геродотом. Чуть дальше находятся руины пирамид Западного некрополя, где хоронили именитых

жителей Мероэ. А еще примерно в километре от этого места возвышаются гряды холмов, в которые встроены царские пирамиды. Там — цари и царицы, правившие с 300 г. до н.э. К дальней стороне гряды примыкает долина, на которой тоже выстроились ряды пирамид. Это усыпальницы многочисленных родственников правителей XXV династии.

Мероэ извлекал выгоду от разлива сразу двух рек, Нила и Атбары, и пользовался тем, что находился на северной границе дождливого пояса. Благодаря таким условиям почвы здесь плодородны и в древние времена считались богатыми. Здесь разводили крупный рогатый скот, овец и коз, собирали богатый урожай. К тому же, караваны, идущие на запад, пересекали реку рядом с Мероэ; а другие направлялись на восток к портам Красного моря. Эти факторы, плюс активное развитие металлургии, сделали город одним из самых важных в Африке на долгие века. Он частично раскопан археологами, в некрополях найдены останки царей, цариц и принцев, и изучен их образ жизни.

Надписи на колоннах, воздвигнутых этими черными королями, говорят нам о нападениях мятежников и дикарей из номинально ничейных областей между Кушем и Египтом. Они повествуют о строительстве храмов и празднествах по случаю восшествия на престол, о растущей небезопасности жизни в стране. К 330 г. до н.э. грабители спокойно могли тащить золотые предметы прямо из храмов в городах Кава и Таре, ценные вещи, которые хранились там 250 лет. Силы царей настолько истощились, что они не стали даже пытаться покарать грабителей и удовлетворялись тем, что клали вместо украденных новые вещи из своих личных сокровищниц.

И все-таки еще в 250 г. до н.э. начался новый расцвет Куша. Царь Эргаменес и пять черных правителей, его преемников, царили в стране в тот момент, когда дружеские отношения с Египтом поднялись на невиданный уровень. В Египте правила греческая династия Птолемеев, и храмовые надписи Нубии удостоверяют, что Эргаменес и Птолемей IV были необычайно дружны. Когда Птолемей построил внутренний зал храма в городе Филе у Первого порога, то Эргаменес возвел привходный зал; в Дакке, в нескольких милях на юг, они поменялись местами. Здесь Эргаменес строил внутренний зал, а Птолемей — привходный.

В это время египетская культура в Куше расцветает заново, и часовню при пирамиде Эргаменеса украшали художники и писцы из Египта. Мы знаем об этом потому, что письма Мероэ и Египта того времени явственно отличались друг от друга (и так называемую курсивную, и иероглифическую мероитскую письменность мы можем читать — их расшифровал в 1909 г. Гриффит,

он смог определить фонетическое звучание знаков. Однако, хотя мы и знаем, как они звучат, но — как и в случае с этрусскими письменами — мы не можем определить значения слов). Следующие пять царствований были отмечены небывалым процветанием страны, которое прекратилось в правление царя Таньядамани, с 120 по 100 г. до н.э. Один археолог предположил, что в то время в Куше разгорелась война за трон. Но, как бы там ни было, именно с этого момента заметно внезапное обеднение гробниц, их убранства и украшений.

В 30 г. до н.э. римляне завоевали Египет и установили свои посты на границе с Кушем в районе Сиене. Примерно в 24 г. до н.э. римский наместник Гай Петроний увел войска в Аравию, оставив границу практически беззащитной. Воспользовавшись этим, кушиты атаковали Филе и Сиене, ограбили их и увезли с собой бронзовые статуи императора Августа, которые римляне расставили на торговой площади.

Когда Петроний вернулся, он снарядил карательную экспедицию в Куш. Греческий историк и географ Страбон описал эту миссию и сообщил, что плохо вооруженная армия кушитов не смогла противостоять мощи римлян и бежала еще до приближения войск Петрония. Римляне захватили города Премнис и Пселхис, и царица Куша (называемая мероитами «кандаке») предложила вернуть им статуи. Петроний приказал своим войскам продолжать движение, и они ограбили не только Премнис и Пселхис, но и Напату, которую они разрушили полностью. Кандаке послала своих генералов сдаваться, и римляне ушли обратно, оставив гарнизон за укреплениями Премниса.

Ровно через 19 веков рассказ Страбона был подтвержден, когда археологи при раскопках маленького храма в дворцовом комплексе Мероэ нашли изящную бронзовую голову Августа. Она была определено римской работы и сохранялась в нише, заполненной чистым песком, под порогом здания. Сегодня голова находится в Британском музее, а ее копия — в музее Хартума.

Римская экспедиция не стала смертельным ударом для Куша. В правление царя Нетакамани (2 г. до н.э. — 23 г. н.э.) страна вновь расцвела, стали строиться новые храмы, гробницы и часовни и даже были восстановлены храмы в Напате, разрушенные Петронием. Нетакамани для большинства работ ввез ремесленников из Египта, и это стало последним всплеском египетской традиции в Куше. Также это было последнее время материального достатка в стране, хотя после Нетакамани правили еще двадцать два царя, прежде чем династия погрузилась в нищету и забвение — три века спустя.

Искусство Куша

Многие столетия Куш славился своим искусством и своим сырьем. Кушитские ремесленники были непревзойденными мастерами по работе с драгоценными металлами: их золотые, серебряные и бронзовые украшения, инструменты и утварь изящно украшены. Керамисты-кушиты были мастерами своего дела. Самая изящная посуда была маленькой и хрупкой, ее лепили на гончарном круге и украшали разноцветными живописными изображениями. Часто на кушитских сосудах можно встретить изображения охотников, животных, растений, цветов и узоров. Сегодня керамика Куша хорошо известна. Один ее знаток сказал: «Она стоит на одном уровне с лучшими произведениями искусства древнего мира, как по качеству изготовления, так и по эстетическим характеристикам. Вместе с керамикой христианской Нубии она составляет главный вклад древнего Судана в художественное наследие Долины Нила».

Хотя искусство Куша не изучалось достаточно тщательно, мы все же можем заключить, что и в камне, и в живописи, и в архитектуре была ранняя традиция яростной экспрессии. На таком фоне влияние Египта проявило себя с еще большей силой, что можно заметить в кушитских пирамидах, храмах и трапециевидных пилонах, оформленных в знакомой манере — в виде стилизованных идущих фигур, в профиль. Однако в местном искусстве существовали и бесспорно оригинальные, чисто кушитские элементы. Например, и мужчины, и женщины благородного происхождения везде изображаются коренастыми, с крепкими руками и ногами, объемистыми жадами и складками жира на шее. Эта царская «регалия» решительно отличается от египетских канонов, хотя у многих египетских богов заметно нечто похожее.

На рельефах Львиного храма мы видим царскую супружескую пару в тесных, похожих на шлемы уборах, с узкими лентами над бровями и полосками сзади. На предплечьях, локтях и запястьях у них браслеты. На шее и талии — ожерелья из больших шарообразных бусин. В украшении килта царя и юбки царицы используется орнамент в виде птичьего крыла. Царь носит кольцо на большом пальце (такие часто находят в гробницах), держит меч и декоративную булаву; а царица — по мечу в каждой руке! (Египетские царицы никогда не держали подобного оружия.) Царь Шеркарер на одном из рельефов сокрушает своих врагов, получает цветок победы от солнечного божества и красуется в забавных наколенниках в виде львиных голов в час своего триумфа.

Может быть, самыми яркими отличительными чертами искусства Куша являются изображения львов и слонов. Цари всегда

сидят на львиных тронах, а в храмовых рельефах врагов царя львы прижимают к земле или даже пожирают. Есть свидетельства того, что в Львином храме в Мусавварат-эс-Софре содержались дрессированные львы, как живые воплощения бога-льва Апедемека, который изображался на стене: существо ростом с человека, получающее дань от царя и стоящее во главе всех других богов. В одной сцене он держит лук и колчан, в другой посох, на голове у него уже знакомая трехчастная корона и одет он в мантию от груди до колен.

На пилонах Великого Львиного храма в Нака (другие львиные храмы найдены в Мусавварате и Мероз) есть огромный барельеф Апедемека в трехчастной короне с коброй, выползающей из лотоса. Использование символов змеи и лотоса и другие изображения Апедемека — с тремя головами и множеством рук — наводят на мысль о возможном индийском влиянии, где образу тройного льва поклонялись тысячи лет назад, как делают и до сих пор. Выдвигались предположения, что индийские товары могли попадать в Куш по караванным маршрутам из портов Красного моря.

Другой впечатляющий пример индийского влияния в искусстве — изображения слонов в скульптуре и декоре зданий Мусавварат-эс-Софры. Здесь есть огромные ограды со скатами, своеобразные стены, увенчанные фигурами слонов, и рельефы, изображающие участие слонов во многих церемониях, в том числе и въезде царя. Полагают, что именно этот город мог быть местом военной тренировки слонов. Услугами кушитских дрессировщиков пользовались и римляне, когда им требовались боевые слоны.

Архитектура Куша весьма разнообразна по стилям и представлена многочисленными памятниками. Обычно строительными материалами здесь служили кирпичи и камни. Здания похожи по дизайну на египетские — это заметно и в храмах, и пилонах, и дворах, усыпальницах и колоннах. Самыми выдающимися в этом смысле являются города Нури, Джебел-Баркал и Куру, где развалины гигантских пирамид до сих пор напоминают о былой славе Куша. Напата, Мероз, Карима, Фарас, Восточная Амара и Кава тоже богаты постройками и неизученными руинами. Все они несут признаки былого богатства, могущества и престижа страны. Хотя бывали и времена настоящей нищеты. Плиний и Сенека рассказывают об одной и той же или двух разных разведмиссиях римлян в Куше, посланных Нероном примерно в 61 г. Они должны были выяснить, можно ли и стоит ли завоевать эту страну и присоединить ее к Римской империи. Представители Рима путешествовали по всей стране, посещали кушитские города, беседовали с людьми. По возвращении в Рим они заявили, что Куш не стоит усилий по его захвату.

Падение Куша

Что же вызвало гибель Куша? Одним из факторов гибели было разрушение почвы, вызвавшее разорение земледельцев. Оно само было результатом продолжительного экстенсивного выпаса крупного скота и овец. Скот выел весь травяной покров. Овцы поглотили все побеги деревьев, таким образом помешав их воспроизводству. Без травы и деревьев, корневая система которых удерживала почву, земля оказалась беззащитной против воздействия стихий. Развилась эрозия, и остатки почвы вскоре были смыты. Другим возможным фактором упадка земледелия было уменьшение количества осадков и наступление засухи.

Но было и еще одно: обнищание Египта под правлением римлян — это сказалось на торговле Куша со своим северным соседом. Египет процветал в первое столетие властвования Рима, но налоги вскоре стали невыносимо высокими, настолько, что египтяне бросали свои фермы и деревни. Обнищавшие крестьяне заделались разбойниками. Бедность царила по всей стране, и в главных городах вспыхивали мятежи.

Давление со стороны других враждебных племен и народов тоже могло ускорить падение Куша. В 296 г. римский император Диоклетиан попросил племя, называемое нобатеи, или ноба, «защитить» южные границы Египта. Это было открытым приглашением к грабежу Куша и использованию Верхнего Египта в качестве хранилища добычи. Из этого можно заключить, что римляне сочли Куш уже настолько незначительным, что сами перестали испытывать к нему даже малейший интерес. Отсечение Куша от Египта могло только ослабить черное государство и ускорить его гибель.

Было еще два народа, которые повадились грабить и даже, вероятно, отхватывать целые области Куша. Одним из них были блемии, жившие у восточной границы Куша. Со временем они настолько усилились, что смогли, вместе с нобатеями, взять под свою власть северные провинции. Но более сильным оказался другой народ, живший в Аксуме, древней Эфиопии, который тоже набрал силы и, по мнению многих специалистов, в какой-то момент просто захватил в Куше всю власть.

Торговля с Индией, Ближним Востоком и римским миром африканскими товарами обогатили Аксум уже после гибели Куша. Эту гибель драматически иллюстрируют различия в пирамидах последних правителей. Вместо высоких, монументальных сооружений, чьи погребальные камеры были богато украшены росписями и резьбой, появились маленькие и плохо украшенные (ре-

месло тоже вымирало), пока, наконец, и они не сократились до простых курганов, обложенных красным кирпичом.

Неизвестно, был ли Куш сметен одним из народов-захватчиков или причиной его окончательной гибели послужили экономические факторы. Но мы знаем, что Эзана, царь Аксума, провозгласил себя царем Куша и послал карательные экспедиции к ноба, которых уже покорил до этого. Вот часть надписи, посвященной экспедиции Эзаны 350 г., то есть случившейся вскоре после того, как Константин перевез столицу Римской империи в Византий: «Я, Эзана... царь царей... начал войну против людей ноба, которые восстали и так похвалялись: «Они (аксумиты) не пересекут реки (Атбара)», — говорили люди ноба... так как я предупредил их и они не стали слушаться, и не отказались от своих злых дел, и не бежали, то я пошел на них войной... и сражался с ними (у Атбары) в крепости Кемалке. Они бежали без остановки и отдыха, и я преследовал их двадцать три дня, убивая одних и захватывая в плен других... Я сжег их города, и те, которые были построены из кирпича, и те, которые были построены из тростника, и моя армия отбирала у них еду, медь и железо... и разрушала статуи в их храмах, и их амбары, и рубила шелковичные деревья, и сбрасывала их в реку (Нил). И я пришел (в Куш), и сражался, и захватил пленных при слиянии рек (Нила и Атбары). На следующий день я послал (пять армий) вверх (по течению Нила), чтобы грабить страну и города, построенные из кирпича и тростника... а потом я послал (две армии) вниз по Нилу против четырех городов ноба, которые были сделаны из тростника... И мои люди достигли границ Красной Ноба и вернулись, победив ноба и сокрушив их благодаря милости Господина Небес. И я поставил трон в этой стране на том месте, где (Нил и Атбара) сливаются...»

С этого момента история Куша скрыта молчанием, и само имя страны исчезает из хроник. Одной из мучительных загадок является дальнейшая судьба ее жителей. Что случилось с ее жрецами, царями, искусными ремесленниками? Неужели они стали бродягами в чужих странах? Или эмигрировали на запад и пустили там крепкие корни? На эти и другие вопросы полные ответы будут получены только тогда, когда ученые проведут раскопки в ключевых местах и разрешат загадку языка Мероэ. Между тем, кое-какие интригующие указания все же имеются и сейчас.

Например, имя «Куш» выходит из употребления уже после падения Мероэ. Но до сих пор существуют африканские народы, живущие к западу от Нила, в чьи самоназвания входит слово «куш». В именах кадждиди, каджа и кадждар можно услышать слово «Каш» или «Кадж», что значит «народ Куша».

У кадждидди даже есть легенда о том, что они пришли откуда-то с востока, а на запад их привела их царица. Царица, согласно их вере, была похоронена в кургане, и местоположение этой могилы до сих пор хорошо известно. Может быть, раскопки в этом месте смогут доказать связь между кадждидди — если таковая имеется — и падением Мероэ.

Дарфуры, черные люди, живущие примерно в 900 километрах к западу от Мероэ, тоже имеют много черт, роднящих их с Кушем. Царский дворец в Ури, например, сделан из камня почти в том же стиле, что и дворец в Мероэ. Некоторые из племен дарфур клеймят скот примерно так же, как клеймили царскую собственность в Мероэ. Некоторые из имен, используемых дарфурами, как кажется, происходят от тех, что были в ходу и в Мероэ.

Это только несколько любопытных фактов, но они указывают на возможные направления, разработка которых может привести к открытию обстоятельств гибели Куша. Конечно же, народ, достигший за тысячу лет столь высокого уровня цивилизации, должен был оставить следы, которые наведут нас на его судьбу. Однако сегодня последняя глава в истории величия Куша и его исчезновения еще не написана.

ОТ АКСУМА ДО АДДИС-АБЕБЫ

Соломон и Македа

Название Эфиопия происходит от слова «айтьопс», или «эфъ-оис», — «люди с обожженными лицами»; так древние греки называли людей, живших на западном побережье Красного моря и на территории к югу и западу от Египта.

Другое широко распространенное название этой страны — Абиссиния. Оно возникло от наименования одного из аравийских племен хабеш, переправившегося в Эфиопию через Красное море где-то до 500 г. до н.э. (Слово «Аль-Хабаша» используется до сих пор арабами для обозначения Эфиопии.)

В эфиопских летописях повествуется об истории страны по крайней мере с 1000 г. до н.э., и «история» Эфиопии начинается с романтического эпизода с Соломоном и царицей Савской (правительницей Шебы). Соломон решил построить большой храм. Он известил купцов во всех четырех странах света о том, что привезенные товары, необходимые для его строительства, будут оплачиваться золотом и серебром.

Среди подданных Македы (около 1005—955 гг. до н.э.), царицы Аксума, или Шебы (так называлась Эфиопия в то время), был богатый купец по имени Тамрин. Этот купец откликнулся на просьбу Соломона, упаковал большое количество ценных вещей, включая черное дерево, сапфиры и чистое золото, которые он привез в Иерусалим, чтобы продать царю. Во время пребывания в столице Соломона на него произвели большое впечатление великолепные здания, красивая одежда людей, их образ жизни. Еще более поразила Тамрина мудрость Соломона. Когда купец вернулся в Шебу, то рассказал царице Македе об этих чудесах. Тамрин так восторженно описывал увиденное им, что

пробудил сильный интерес у царицы, одинокой молодой женщины, которая одна правила в Шебе. Царица Македа решила сама увидеть мудрого Соломона и чудеса его царства.

Она собрала караван, насчитывавший 797 верблюдов и столько ослов и мулов, что их число не стали подсчитывать. Эти животные были нагружены дарами Македы для великого царя, не говоря уже о продовольствии, воде, золоте, одежде и косметике для самой царицы.

Когда караван Македы прибыл ко дворцу Соломона, великий монарх по-царски приветствовал ее и, согласно летописи, «с почетом принял ее, разместил царицу и ее свиту, следил за тем, чтобы царицу обильно потчевали, предоставлял ей ежедневно одиннадцать одежд». Македа несколько месяцев находилась при дворе Соломона, наблюдая за тем, как он руководит строительством большого храма и как он управляет своими процветающими владениями. Она находилась под столь сильным воздействием бесед с Соломоном, что отреклась от религии своих предков, то есть астрологии, поклонения небесам, звездам, солнцу, луне. Соломон обратил ее в иудаизм, и она уверовала в Яхве.

Прошло полгода, и царица решила вернуться на родину. В свою очередь, Соломон был поражен красотой этой женщины и, хотя у него было много женщин в гареме и несколько жен знатного происхождения, включая дочь фараона, его охватила страсть к царице Шебы. Летопись рассказывает о желании Соломона иметь много сыновей, которые распространяли бы веру Израиля и уничтожали бы языческих идолов. Он так подумал о царице Македе: «Женщина такой ослепительной красоты приехала ко мне с конца земли, позволит ли мне Бог овладеть ею?» Соломон придумал остроумный план.

Царица была приглашена на великолепный прощальный пир в роскошном дворце Соломона. Он длился очень долго. Подавались горячие супы, острые приправы, овощи с уксусом, жареное мясо, соленые деликатесы, сладкие блюда и ароматные вина. К тому времени, когда закончился пир, все испытывали жажду (как и планировал царь), людей клонило ко сну.

Поскольку было поздно, Соломон пригласил царицу Македу остаться в его дворце. Она не была уверена, что должна принять его приглашение, но в конечном счете заручилась обещанием Соломона не овладевать ею силой, потому что была девственницей и могла удержаться на троне, только оставаясь таковой. Царь также попросил ее не брать ничего силой и обращаться в случае необходимости с соответствующей просьбой. Она сказала с не-

которой горячностью, что царица Шебы — не воровка, и обещала выполнить условие Соломона. Ложа были размещены на противоположных сторонах королевской спальни.

Вскоре царица, изнывая от жажды, захотела утолить ее. Так как слуг рядом не было и она не осмелилась позвать их, опасаясь разбудить Соломона, царица огляделась и увидела в центре комнаты большой кувшин с водой. Она сошла с постели, подошла на цыпочках к нему и налила в чашку воду. Как только Македа поднесла чашку к губам и стала пить, Соломон выскочил из постели, бросился к ней, схватил за руку и сказал: «Ты нарушила свою клятву не брать ничего силой и обращаться в случае необходимости с просьбой». Царица протестовала, потому что, по ее мнению, ее обещание не могло относиться к чему-либо незначительному и имеющемуся в изобилии, например к воде. Соломон же утверждал, что в мире нет ничего ценнее воды, так как без нее не существует жизни. Македа неохотно признала правоту Соломона, извинилась за свою ошибку и попросила воды. Соломон, свободный теперь от своего обещания, позволил ей утолить жажду и сразу же овладел ею.

На следующий день, когда царица приготовилась к отъезду в Эфиопию, Соломон вышел попрощаться с ней. Он снял кольцо со своей руки и вложил его в руку Македы. «Если у тебя будет сын, отдай ему это кольцо и пришли сына ко мне», — сказал он. Царица вернулась в страну Шебу и, действительно, родила сына. Она назвала его Сыном Мудрого Человека и воспитала как принца и престолонаследника. Когда тот вырос, то захотел увидеть своего отца. Царица снарядила караван, с которым отправила сына в Иерусалим. Возглавил караван купец Тамрин. С Тамрином Македа отправила послание Соломону, в котором попросила, чтобы великий царь помазал его как царя Эфиопии и издал закон, в соответствии с которым только потомки его сына по мужской линии могли бы царствовать в Шебе. (Раньше Эфиопией правили только женщины.)

Когда этот большой караван прибыл в страну Соломона, в район Газы, что расположен далеко от Иерусалима, израильтяне увидели принца, кланялись ему и приветствовали как царя. Другие, однако, вспомнили, что царь был все еще в Иерусалиме. Они послали гонцов в Иерусалим, чтобы выяснить, кто же на самом деле царь. Когда их привели к Соломону, гонцы сказали: «В нашу страну приехал один человек, который как две капли воды похож на вас». Соломон спросил о чужестранце, и гонцы признались, что не спросили, откуда он прибыл, потому что он казался человеком, облеченным большой властью, а его спутники сказали, что они были из Эфиопии».

Затем, как сказано в летописи, Соломон сильно возрадовался, ибо это был его первый сын. Хотя он имел много жен, у него от них был лишь один сын — семилетний Ровоам. Когда принц прибыл в царский дворец, он отдал кольцо Соломону. Однако царь, обнимая его, возликовал: «Зачем нужно кольцо? Я и так вижу, что ты мой сын».

Купец Тамрин вручил Соломону послание от Македы, и царь удовлетворил ее просьбу. Священным маслом Соломон помазал принца и дал ему новое имя Менелик, что значит «как он красив». Он объявил, что только потомки Менелика по мужской линии должны править Эфиопией. Первосвященник Задок затем разъяснил законы Израиля, объявил, что на Менелике будет лежать благодать, пока он будет соблюдать законы, и проклятие, если он откажется от них. Соломон умолял Менелика остаться в Израиле и царствовать там как старший сын, но последний не захотел этого и настоял на возвращении в Эфиопию. Соломон созвал вельмож и вождей и сказал им: «Я посылаю моего старшего сына царствовать в Шебу. Вы также пошлите с ним своих старших сыновей в качестве его советников и чиновников». Согласно летописи, они выполнили требование Соломона.

Менелик попросил у Соломона часть каймы покрыва Ковчега Завета, чтобы эфиопы могли поклоняться этой реликвии. (Ковчег Завета, или Откровения, представлял собой продолговатый ящик, сделанный из дерева ситтим, обитый золотом снаружи и внутри. В Ковчеге Завета хранилось десятизаконие — десять заповедей, данное Богом и служившее выражением Его воли, залогом дальнейшего существования Израиля. При разрушении Иерусалима вместе с храмом был сожжен и Ковчег.) Соломон удовлетворил его просьбу. Однако без ведома Соломона сыновья его советников, недовольные, что их отправляют в Шебу, решили спрятать Ковчег Завета. Они заменили его другим изваянием, которое тайно положили под три священных покрыва, а подлинный Ковчег убрали. На следующий день Соломон послал Задока принести ему внешний покров Ковчега и передал этот покров Менелику для храма в Эфиопии. Преисполненный радости, Менелик собрал караван и вместе со старшими сыновьями знатных израильтян отправился в обратное путешествие. Благодаря божественному вмешательству весь караван поднялся на один локоть над землей, и они «проносились как орлы», покрывая в день расстояние, на преодоление которого в нормальных условиях потребовалось бы 13 дней. Когда караван пересек границу в Египте, сыновья знатных израильтян сказали Менелику, что они привезли с собой настоящий Ковчег Завета. Менелик вовсе не был

расстроен и не был намерен вернуть реликвию, прыгал, согласно летописи, «как молодой баран перед Ковчегом».

В Иерусалиме, между тем, первосвященник Задок, внезапно заподозрив неладное, снял второе и третье покровы Ковчега и обнаружил подмену, совершенную его сыном и другими. Об этой новости рассказали Соломону, который разгневался и послал армию вслед за Менеликом. Когда войска прибыли в Египет, они узнали, что эфиопы уже давно прошли здесь. Преисполненный печалью, Соломон успокоился, когда до него дошло сообщение о том, что «Ковчег Завета передан не иноземцу, а вашему старшему сыну». Утешившись этим, царь отозвал военную экспедицию и распрощался с надеждой вновь обрести подлинный Ковчег.

Менелик с триумфом вернулся в Шебу с сыновьями знатных израильтян. Он, говорится в исторической хронике, умело и мудро правил в Эфиопии много лет. После Менелика в стране царствовали его потомки по мужской линии. Даже в XX веке правителем страны был «Лев от племени Иуды, который прямой потомок Соломона и царицы Шебы».

Так гласит легенда. Хотя она не имеет под собой почти никакой исторической основы, этот «роман» оказал глубокое влияние на историю Эфиопии и всего региона Ближнего и Среднего Востока и Африки. «Официальную» версию легенды можно найти в книге XIV века под названием «Кыбрэ нэгэст», или «Слава царей». Она, в свою очередь, восходит к арабскому первоисточнику 1225 г. и касается главным образом событий периода 650—1150 гг. «Кыбрэ нэгэст» имела столь большое значение, что от нее зависела легитимность эфиопских монархов. В 1872 г. император Эфиопии написал письмо англичанам, которые увезли «Кыбрэ нэгэст» в Великобританию в 1868 г.: «Существует книга под названием «Кыбрэ нэгэст», в которой содержится законодательство всей Эфиопии и имена принцев, названия церквей и провинций... Я умоляю найти того, у кого эта книга, и прислать ее мне, потому что без нее народ моей страны не будет подчиняться моим распоряжениям».

Попечители Британского музея, где книга была выставлена для обозрения, встретились и решили вернуть «Кыбрэ нэгэст». Они отослали ее в Эфиопию, восстанавливая таким образом власть императора.

Легенда о Соломоне и царице Савской, правдивая или ложная, имела для эфиопов в определенной степени бесценное значение. Эфиопы полагали, что они являются избранным народом, хранителями подлинного Ковчега Завета и теми, кто унаследовал обещания, данные Богом Аврааму. С таким наследием

потомки Менелика не могли не сохранить веру и успешно бороться против мусульман и язычников. Вера эфиопов в свое происхождение от колена Иуды помогала стране сохранить свое единство.

Корни легенды уходят в текст Священного Писания. В Септуагинте, первом переводе Ветхого Завета на греческий язык, «эфьопс» — это перевод имени Куша, сына Хама. Эфиопы, довольные упоминанием о себе в тексте, восприняли это как свидетельство своего происхождения, несмотря на проклятие Ноя, согласно которому Хам и все его потомки, включая эфиопов, «будут рабами».

Один из ученых XIII в., Абу Салих, написал историю египетских монастырей и церквей и ссылается на легенду в «Кыбрэ нэгэст». Он пишет, что эфиопы имеют Ковчег Завета и что их цари происходят от Моисея, а не от рода Давида. Эта связь с Моисеем была основана на упоминании в Библии (Числа, глава XII) о том, что Моисей женился на кушитской женщине. В Септуагинте «кушитская» переведено как «эфьопская». Сын Куша (Эфьопс) пишется как «Саба» («Себа»), которое имеет то же написание, что и слово Шеба. Это может объяснить, почему полагали, что Шеба находилась в Африке, вблизи Куша, а не в Южной Аравии.

Хотя иудаизм никогда не был доминирующей религией Эфиопии, он оказал глубокое влияние на все стороны жизни. Во всех основных торжествах страны проявляется смесь элементов христианства, иудаизма и язычества. Хотя большинство эфиопов считают себя прямыми потомками рода Иуды, страна была языческой до принятия христианства в IV в. Эфиопские христиане вели религиозные войны как против мусульман, так и против иудеев в своей стране и к востоку от Красного моря.

Эфиопия историческая

О существовании Эфиопии было известно еще древним грекам и римлянам. Эта страна упоминается в «Естественной истории» Плиния Старшего и в «Географии» Помпония Мелы. Египетские цари Птолемей II и Птолемей III отправили морские экспедиции в III в. до н.э. к побережью Эфиопии. Их целью были поиск и отлов африканских слонов для египетской армии. Экспедиции исследовали Красное море и создали охотничьи и торговые фактории вдоль побережья Эфиопии. Одна из факторий превратилась в город Адулис, порт Аксумского царства.

Эфиопские ученые полагали (и так они писали в своих исторических работах), что их страна была древнейшей цивилизован-

ной страной на земле, что их предки заложили основы, на которых возникли все остальные цивилизации, в том числе египетская.

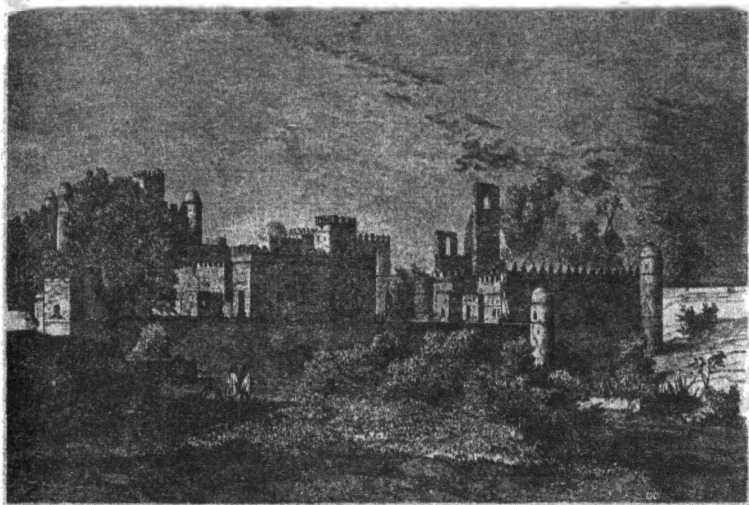
Геродот часто упоминает о «долгоживущих айтиопес» и называет «самыми высокими, красивыми и очень справедливыми людьми». Во второй половине I в. было написано знаменитое описание Красного моря и Индийского океана «Рассказ о плавании в Эритрейском море». Автор описал Адулис и жизнь в Эфиопии в то время. В восьми днях пути по суше от Адулиса была расположена столица Аксумского государства. Именно через нее переправлялась вся слоновая кость из-за Нила в порт Адулис и далее в города Римского государства. Зоскалес, «алчный и скупой, а также величавый и воспитанный в духе греческой культуры», называется царем Аксума, т.е. является первым исторически достоверным правителем этого царства.

Эфиопия — вторая страна мира, принявшая христианство в 333 г., всего лишь через десяток лет после провозглашения христианства государственной религией Римской империи.

В 547 г. Козьма Индикоплов, византийский купец и географ, написал «Христианскую топографию». В ней рассказывается, в частности, и о христианской Эфиопии. Автор сообщает, что во время его пребывания в Адулисе царь Аксума приказал правителю города скопировать две греческих надписи. Козьму попросили оказать помощь, и он сделал две копии, одну из которых опубликовал в своей топографии. В одной надписи рассказывается о подвигах Птолея III, в другой — о завоеваниях афинского царя около III в. до н.э. Этот царь покорил ряд народов, построил дорогу из Аксума в Египет, пересек море, захватил Хиджас. Однако имя царя не сохранилось: или Козьма не указал его, или имени не было в надписи.

Следующим известным царем был Эзана (IV в.) совершивший поход в Нобу (Нубию). Одна из его надписей является вехой в истории страны — в ней отразилось принятие христианства. Если раньше он одерживал победы как сын непобедимого Махрема (в переводе на греческий язык — Ареса), то теперь его победа приписывается «Господу небес, властителю всего сущего на небе и на земле». В период правления Эзаны в последний раз на монетах появляются полумесяц и диск — отныне их заменит христианский крест.

Таким образом, Эзана был первым христианским царем Эфиопии. Известны некоторые факты, связанные с его обращением в евангельскую веру. Меропий, философ из города Тира (на территории нынешнего Ливана), решил посетить «Индиго» (понятие, обозначавшее в то время красноморское побережье Эфио-

Императорский дворец в Гондаре (Абиссиния)

пии и Сомали). По пути обратно корабль зашел в один порт за водой. Варвары захватили корабль и убили всех на нем, за исключением двух юношей, которые готовили уроки под деревом. Они были переданы царю, который был восхищен ими и сделал одного из них, Эдезия, виночерпием, а другого — Фрументия, секретарем и хранителем казны.

Спустя много лет монарх смертельно заболел. Прежде чем умереть, он освободил молодых людей, к которым до этого относился вежливо и почтительно. Царица, однако, просила их остаться и помочь ей управлять государством, пока ее сын не достигнет совершеннолетия. Братья обсудили ее предложение и решили помочь семье царя. Фрументий, талантливый администратор, стал править страной как регент.

В этот период Фрументий тщательно разыскивал в Эфиопии римских христиан-купцов, торговцев, ученых, учителей и художников. Он назначал их на ответственные должности. Кроме того, он способствовал распространению христианства среди местного населения.

Когда молодой принц стал совершеннолетним, Фрументий и Эдезий передали ему бразды правления. Царица-мать просила их остаться, но на этот раз они уехали: Эдезий — к родителям в Тир, Фрументий — к патриарху в Александрию. Он рассказал ему

о христианстве в Эфиопии и просил его послать священника, чтобы возглавить там паству. К своему удивлению, он был назначен выполнять эту работу. Фрументий вернулся в «Индию» в качестве первого епископа Аксума, где он проповедовал и совершал богослужения с таким усердием и успехом, что тысячи «варваров» были обращены в христианство. После многих лет евангелизации Фрументий сумел убедить царя, при котором он раньше был регентом, принять христианство. Этим монархом был Эзана.

Христианство в Эфиопии

В течение двух последующих столетий христианство утвердилось в Эфиопии. К периоду приблизительно до 525 г. относится правление царя Калеба (называемого также Элла-Ацбыха). В это время приверженцы иудаизма контролировали Йемен и их правитель преследовал и уничтожал христиан в регионе Химьяра в Юго-Западной Аравии, где некогда властвовал Аксум. Тогда Калеб послал армию в Химьяр и разгромил войска иудейского царя.

Он поставил правителем в Химьяре Абреху, построившего в своей столице колоссальную церковь. К этой удивительной церкви стекались арабы со всего региона, и она соперничала с Меккой и святыми местами по числу паломников. Легенда гласит, что Абреху собрал большое войско и двинулся на Мекку, чтобы разрушить Каабу, которой было предназначено стать святыней святых мусульман. Когда воины Абрехи приблизились к Мекке, туча птиц устремилаась сверху на них, бросая камешки. Эти камешки при соприкосновении с кожей солдат вызвали появление прыщей, от которых те заболели и умирали. Так вторжение потерпело неудачу, и Кааба была спасена в год слона — год рождения пророка Мухаммеда (570 г.).

В эфиопских легендах Калеб и Абреху — братья-близнецы, совершившие много подвигов, величайшим из которых было введение в стране христианства. Хотя оба они сделали многое для распространения христианства. Именно Эзана и Фрументию принадлежит заслуга введения христианства за два века до Калеба и Абрехи.

Христианская церковь в Эфиопии имела (и продолжает иметь) ряд элементов, которые отличают ее от других церквей. В ней соблюдаются обряды, присущие Коптской церкви, возглавляемой патриархом Александрийским. Ее епископом до 1960 г. всегда был египетский копт, который обычно не читал по-геэзски или не понимал тексты на этом письменном языке Эфиопской церкви, или не знал амхарского разговорного языка страны. Кален-

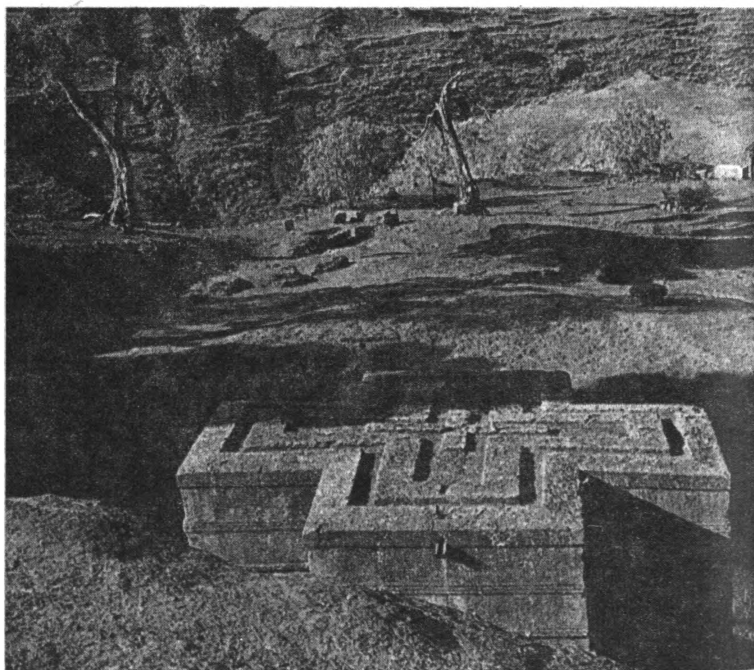
дарь Эфиопской церкви также коптский, с древней египетской системой 12 месяцев по 30 дней каждый плюс дополнительные 5 дней в конце года, плюс один дополнительный день каждый високосный год. Эфиопы отмечают, как и копты, Крещение Господне массовым ритуальным купанием. Их великий пост на 10 дней длиннее, чем в церкви на Западе.

Некоторые виды эфиопских христианских обрядов включают энергичные пляски и очень сложный барабанный бой как основные черты литургии в некоторые из больших церковных праздников. Эфиопы отмечают праздники Рождества Христова, святого Михаила, Авраама, Исаака, Якова и Богородицы каждый месяц. Когда освящается новый храм, обычно приносятся в жертву животные — овца, бык или коза. Эфиопские христиане, подобно иудеям, не едят «нечистое мясо», под которым подразумевается мясо животных, которые не имеют раздвоенных копыт, не жуют или же были задушены или разорваны во время забоя. Они также отмечают субботу и воскресенье, причем богослужение происходит оба дня и не требуется соблюдать пост. Другая особенность — вера в то, что те, у кого были сексуальные отношения, являются нечистыми на следующий день и не допускаются в церковь. Как и у евреев, таинство обращения в веру младенцев мужского пола совершается на сороковой день, женского пола — на восьмидесятый. У христиан — это таинство крещения. Легко допускается, хотя и не поощряется, развод. Внебрачное сожительство и полигамия были широко распространены в различные периоды истории Эфиопии, несмотря на осуждение церковью этих явлений.

В VI в. Византия воевала с Персией. Война практически привела к прекращению торговли Византии с Индией. Поэтому у византийского императора Юстиниана зародилась мысль о том, что, развивая официальные отношения с Эфиопией, он мог бы найти торговый путь в обход Персии. Юстиниан направил посла к царю Эфиопии Калебу. Хотя план потерпел неудачу, так как эфиопские моряки плавали на короткие расстояния и не дальше Персидского залива, информация посла о дворе Калеба, переданная Юстиниану, представляет большой интерес: «Царь носил льняную юбку, вышитую золотом и удерживаемую подтяжками, инкрустированными жемчужинами. Его льняной тюрбан был также вышит золотом и на нем раскачивались четыре золотых ленты, когда царь покачивал головой. Вокруг его шеи был воротник из золота, а на руках — массивные золотые браслеты. Он обозревал свой двор из высокой, покрытой золотом четырехколесной колесницы, которую тащила упряжка четырех слонов. Кaleb держал два небольших золотых копья и позолоченный щит.

Советники царя стояли рядом, имея при себе позолоченные копы и щиты. Раздавались звуки флейт».

К сожалению, осталось мало памятников аксумской культуры. Основные из них — таинственные обелиски из камня. Конусные, с закругленной вершиной, они высечены из цельных огромных блоков гранита и выше, чем обелиски в Египте. На лицевой стороне имеется рельефная скульптура, изображающая, по-видимому, башню. Внизу вырисовывается дверь, а над ней высечены ярусы фальшивых окон. Наверху — аксумские диск и полумесяц. На этих обелисках отсутствуют какие-либо надписи, их предназначение неясно, но они производят огромное впечатление. Итальянские оккупанты (1936—1941) были столь поражены, что отправили самый большой обелиск (высотой около 33 метров) в Рим, где он сегодня и находится, несмотря на официальные протесты Аддис-Абебы.

Монолит церкви Св. Георгия почти полностью очищен от земли

Подъем ислама в VII в. оказал глубокое воздействие на Эфиопию. Согласно традиции, когда Мухаммед написал послания царям, разъясняя им свою миссию на земле, он получил только один ответ дружественного характера — от царя Эфиопии. (В действительности китайцы тоже ответили.) Эфиопы также продемонстрировали свое дружелюбие, когда первые попытки Мухаммеда овладеть Меккой провалились и его последователи бежали из страны. Многие из них прибыли в Эфиопию, где и получили убежище. Вследствие такой позиции Эфиопии отношение мусульман к эфиопам было иным по сравнению с другими христианами. Официально эфиопы не были объектом джихада, направленного против христиан и неверующих.

Однако фактически обе стороны вели боевые действия, осуществляли разрушения и грабежи. Эфиопы в VII и начале VIII века пиратствовали в Красном море, захватывали корабли и совершали морские набеги на прибрежные арабские города. В 702 г. они потрясли арабский мир, разграбив Джидду, порт, через который сотни тысяч паломников ежегодно прибывают в Мекку. Тогда мусульмане атаковали побережье Эфиопии, захватывая города и острова, и полностью уничтожили Адулис, служивший портом для столицы Аксумского царства. Больше он уже не возродился...

Эфиопия оказалась отрезанной от других христианских стран из-за мусульманского контроля над Египтом и побережьем Красного моря. Прошло два века, прежде чем Эфиопия вернула часть побережья и вновь стала морской державой.

В конце IX в. в Европе и на Ближнем и Среднем Востоке распространилось мифическое сообщение Эллада Ланита. Согласно этой истории, где-то в Восточной Африке существовала еврейская империя, создание которой восходило ко времени задолго до падения Иерусалима. В тот период евреи прибыли двумя потоками в страну Хавила — первую, упоминаемую после Эдема при сотворении мира. Евреи, обосновавшиеся в «стране Хавила, где есть золото», были из данова и трех других племен. Кажется, что вся их жизнь ушла на борьбу с внешними силами. Они четко распределили между собой бремя борьбы; каждое племя сражалось и грабило соседние страны три месяца, затем этим занимались другие племена по очереди. Они вступали в сражение под огромным белым знаменем с надписью «Слушай, о Израиль! Наш Бог — один Бог!» Каждый из воинов нес с собой миниатюрный белый флаг.

По другую сторону Субботней реки от данова и трех других племен находилась вторая половина еврейской империи. Она была населена левитами, которые прибыли туда спустя три века, в эпоху царя нововавилонского государства Навуходоносора (605—

562 г. до н.э. Навуходоносор захватил в 597 г. до н.э. столицу иудеев Иерусалим. Более 3000 иудеев было уведено в плен в Вавилонию.) Целая группа евреев была перенесена на облаке ночью из Вавилона. Эти левиты жили в роскоши в великолепных домах и дворцах и имели дрессированных слонов для развлечений. Их безопасность обеспечивалась тем, что их территория была полностью окружена несудоходной Субботней рекой. «Они никого не видят, и их никто не видит, кроме тех четырех племен» (даново племя и их партнеры).

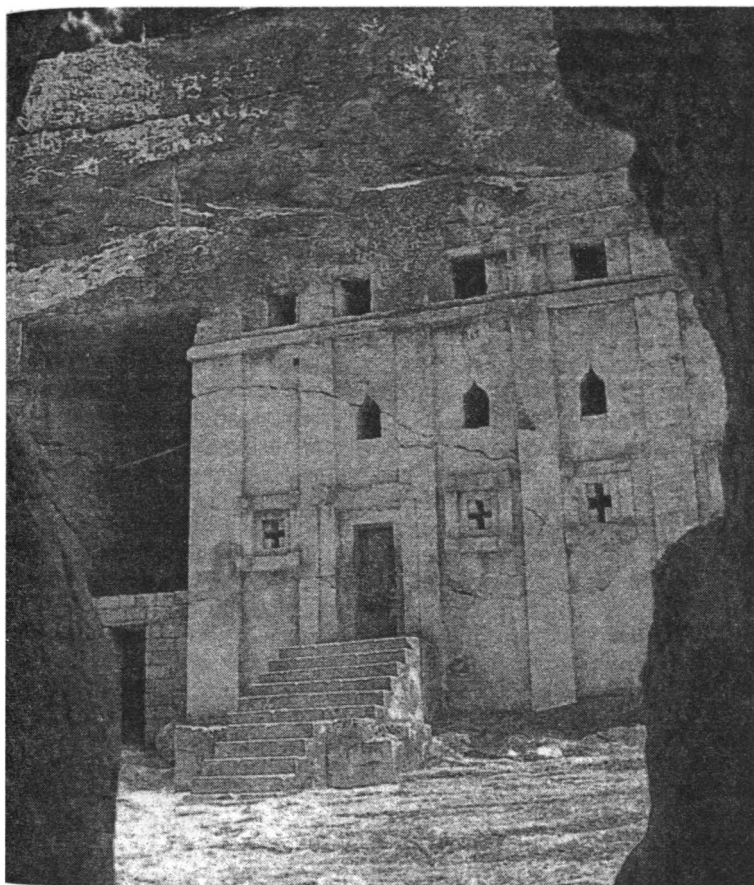
Страна левитов была раем. В ней не было собак, лис, мух, блох, скорпионов и змей. Все люди были равны между собой: не имелось ни слуг, ни хозяев. Они доживали до 100 лет, а большинство — до 120 лет. Золото, серебро и драгоценные камни были в изобилии. Субботняя река была тоже удивительной. Она управлялась Десятью Заповедями и текла лишь шесть дней. «На седьмой день она неподвижна и спокойна до конца субботы». Но в этот день река окутана густым туманом, и левиты находятся в безопасности.

Чтобы никто не сомневался в правдивости этого яркого рассказа, его автор полностью назвал свое имя (Элдад Ланит). В данном сообщении стоит его подпись и полное имя — родословная до 38-го предка.

В историю, рассказанную Элдадом, многие верили в Европе, причем не только евреи. Все больше «фактов» указывало на то, что эта еврейская империя располагалась на территории Эфиопии. Когда в Европу дошли вести о «черных евреях» Эфиопии, вымышленная история Элдада, казалось, должна была подтвердиться.

Бесспорным было лишь то, что люди, известные как фалаша (изгнанники), «черные евреи», жили в Эфиопии с IV в. Они во многих отношениях являются загадкой. Фалаша жили в горах к северу от озера Цана. В течение столетий ими правили собственные цари. Они не семиты, имеют африканское происхождение, говорят на одном из хамитских языков и не знают древнееврейского. Они не отмечают пурим (один из иудейских праздников), не придерживаются предписаний Талмуда или Мишны. Их обычаи архаичны. Правда, некоторые из этих обычаев заимствованы из Талмуда. Хотя фалаша утверждают, что являются потомками знатных людей, сопровождавших Менелика из Иерусалима, более вероятно, что они были обращены в иудаизм евреями, бежавшими в Аравию по Красному морю.

К X в. фалаша стали настолько сильными, а их предводитель столь фанатичным, что они подвергли Эфиопию опустошению. В 975 г. царь Эфиопии попросил царя Нубии о помощи. Эфиопс-

Почти полностью сохранившиеся постройки Лалибелы привлекают христианских паломников со всего мира

кий монарх был вынужден спастись бегством от воинов фалаша во главе с амазонкой Юдит-«Огонь». Она буквально опустошила страну и практически уничтожила христианство в стране, сжигая церкви, обращая в рабство христиан, убивая священников. Царь обратился с другой отчаянной мольбой, на этот раз к патриарху Александрийскому, прислать нового «абунэ» (эфиопского епископа). Он получил быстрый и положительный ответ, и, согласно «Истории александрийских патриархов» вскоре после прибытия «абунэ» события получили иной оборот. Юдит была побеждена, «огонь» потушен.

В результате этого внутреннего потрясения Эфиопия лишилась своих дальних владений и значительно укрепились позиции мусульман, контролировавших отдельные части нынешнего Сомали. Эти мусульмане с тех пор стали серьезной угрозой для Эфиопии.

В какое-то время после 1150 г. царь Эфиопии по имени Лалибела повелел народу осуществить необычайные строительные работы. Нигде на земле не было ничего подобного. Были построены десять огромных церквей, вырубленных из скалы. Они были не просто пещерами. Это были церкви в натуральную величину. В скале прорубался широкий «ров», чтобы отделить стены здания от окружающего камня, затем строители врезались в сам камень, формируя здание. Все десять храмов сохранились до наших времен. Длина самой большой церкви «Спаситель мира» составляет более 30 метров, ширина — около 23 метров, глубина — более 6 метров. Внутри имеется 5 боковых приделов с 28 колоннами. Церковь имеет десятки окон на двух уровнях и колоннаду вокруг здания, состоящую из массивных прямоугольных колонн.

На меньших по размеру церквях можно увидеть резные изображения монарха и святых. Многие архитектурные детали имеют особенности, свойственные, как кажется, арабской или византийской архитектуре, что заставляет предполагать, что некоторые из каменотесов, участвовавших в создании этих уникальных монументальных сооружений, приехали в Эфиопию из Египта.

Лалибела был необычайно набожным, и о нем сохранилась память как об основателе монастырей и церквей по всей Эфиопии. Однако память о нем основывается в основном на существовании этих десяти церквей — эфиопских эквивалентов египетских пирамид. Хотя Лалибела был из династии узурпатора и его имя, следовательно, не следует искать в официальной хронологии правления царей, он причислен к лику святых Эфиопской церкви.

В том же XII в. в Европе распространилась легенда об Иоанне Пресвитере. (Вначале пресвитер пользовался такой же влас-

тью, как и епископ. С IV в. его значение упало. В православной и католической церквях «пресвитер» означает «священник»). Она возникла из слухов о могущественном христианском государе, правившем обширным царством где-то на Востоке. Эта легенда получила новое подтверждение, когда в 1165 г. византийскому императору было вручено послание предположительно от Иоанна Пресвитера, в котором описывалось его царство: под его властью три Индии; 72 царя — его вассалы; амазонки. Иоанн писал, что в его государстве 20 епископов и 12 архиепископов, в дополнение к этому протопоп Самаргантии, архипротопоп Сузы и патриарх Индий. Иоанн Пресвитер оказался таким скромным, что называл себя лишь священником.

Дворец Иоанна Пресвитера был чудом: его построили по чертежам святого Фомы, в нем имелось удивительное зеркало на пьедестале в несколько этажей высоты. В зеркале были видны все четыре угла его страны и все внутри нее, позволяя ему «легко раскрывать заговоры». Каждый день число его гостей составляло 30 000, которые кушали за столами из золота, аметиста и изумруда. Гости соперничали между собой из-за мест за изумрудными столами с аметистовыми ножками, так как те обладали магической силой. Гости могли пить вдоволь, и все же никто не был пьяным.

Когда Иоанн Пресвитер путешествовал, впереди него шли четыре льва, связанные цепями. Он брал с собой как самые священные реликвии две миниатюрные копии Ковчега Завета. Их несли священники, за которыми следовали пажи, которые несли огромный крест и звонящие колокольчики.

Каждый месяц семь царей по очереди служили великому государю. Иоанн Пресвитер, по его собственному признанию, был одним из величайших из великих. Его силу можно было подсчитать: «Если вы способны подсчитать звезды на небе и песчинки в море, тогда вы сможете определить размер наших владений».

Когда этот могущественный правитель отправлялся на войну, «мы несли перед собой четырнадцать золотых крестов, украшенных драгоценными камнями, и за каждым из них передвигались 10 000 кавалеристов и 100 000 пехотинцев». Таким образом, войска Иоанна Пресвитера насчитывали более полутора миллиона человек! У него, по его признанию, было горячее желание повести свои войска на Иерусалим, чтобы освободить Святую Землю от неверных.

Хотя нас может удивить вера европейцев того времени в этот фантастический вымысел, следует помнить, что они располагали достоверным источником. В 1122 г. «Иоанн, патриарх индийцев», появился в Риме и рассказал о чудесах на гробнице святого

Фомы в Индии. Оттон, епископ Фрайзингенский, сообщил, что он встретил епископа из Сирии в Ватикане в 1145 г., который рассказал о великом и могущественном царе Иоанне за рекой Тигр. Этот царь после победы над мидийцами и персами продвинулся дальше на запад, чтобы сражаться за Церковь в Иерусалиме, но повернул обратно, оказавшись неспособным преодолеть воды Тигра. Затем в 1165 г. пришло послание (только что процитированное), которое было многократно переписано и распространено по всей Европе (даже сегодня в библиотеках и музеях имеются по крайней мере 100 копий). В 1177 г. сам папа написал письмо (переписанное многими) Иоанну Пресвитеру, предостерегая его от чрезмерной гордости. Так как правители средневековой Европы были убеждены в существовании Иоанна Пресвитера, не удивительно, что его реальность у многих не вызвала сомнения.

В Европе вновь раздавались призывы к крестовым походам, которые не дали желаемых результатов и оказались чрезвычайно дорогостоящими. В следующем крестовом походе, как полагали, должен был принять участие Иоанн Пресвитер и его многочисленные войска, которые напали бы на мусульман с тыла.

Однако все это было смесью фальсификации, выдумки и принятия желаемого за действительное. Происхождение легенды окутано тайной. Согласно одной гипотезе, Иоанн Пресвитер — это искаженный титул одного турецкого предводителя, который около 1145 г. победил персидских мусульман. Другие полагают, ссылаясь на европейских путешественников, что монгольские племена возглавлялись вассалами Иоанна Пресвитера.

Марко Поло сообщал, что Унхан, повелитель татар, был «тем же, кого мы называем Иоанном Пресвитером».

Однако по мере того как доходили более точные сведения о бедных кочевых племенах в степях, стало ясно, что богатое царство Иоанна Пресвитера располагалось в другом месте. Сообщения о существовании христианского государства где-то за Египтом внутри Африки вновь пробудили надежды на то, что истинной страной Иоанна Пресвитера была Эфиопия. К XIV в. эти надежды материализовались в несомненный факт в умах европейцев. Они почти не думали о том, что к тому времени легендарному монарху было бы уже больше двухсот лет.

Легенда об Иоанне Пресвитере получила второе дыхание, когда португальские мореплаватели в XV в. вернулись на родину с вестями о могущественном христианском правителе где-то внутри Африки. Когда Васко де Гама доплыл до Мозамбика во время своего первого путешествия, ему сказали, что «Иоанн Пресвитер находится недалеко от этого места... в глубинных районах

Африки, и до него можно добраться на верблюдах». «Эта информация, — как признавался Васко де Гама, — так обрадовала нас, что мы закричали от радости».

Получив такие сведения, португальский король решил попытаться установить контакт с Иоанном Пресвитером. В течение многих лет на кораблях в Португалию привозили много негритянок из Африки. Было принято решение направить некоторых из них (после предварительной подготовки) в качестве послов к великому монарху. В послании должно было быть описано богатство и мощь Португалии, ее религиозное рвение и желание заключить союз с великим царем. Послы должны были подарить золото, серебро и пряности, чтобы на Иоанна Пресвитера произвели впечатление добрая воля и богатство Португалии.

Португальцы на корабле отправились вдоль западного берега Африки в направлении нынешней Анголы, и там первая женщина-посол была высажена на берег одна, без спутников. Так происходило в нескольких других местах побережья. Женщин оставляли на незнакомой земле, им нужно было путешествовать по незнакомой стране, где они могли столкнуться с людьми как добрыми, так и враждебно настроенными, которые не знали португальского и собственного языка послов, одетых в европейскую одежду. Их судьба неизвестна...

В Европе того времени замысел португальского короля казался разумным. Это была эпоха религиозного фанатизма, король и его государственные и церковные советники были убеждены, что Господь защитит этих послов, поскольку последние выполняли благородную миссию. Что думали сами женщины, неизвестно. Кажется невероятным, чтобы их отправили против собственной воли. Скорее всего они приняли христианство и, веря в Бога, охотно согласились выполнить порученное им задание.

В 1487 г. король Португалии Жуан II отправил две другие миссии, чтобы найти великого царя. Первую (морскую экспедицию вокруг Африки) возглавил Бартоломеу Диаш в 1487 г. Одновременно король отправил посла по суше. Этот посланник — Педру де Ковильян — добрался до эфиопского царского двора. Он проделал путь от Леванта до Эфиопии и представился царю. Однако ему не разрешили уехать, и португальцы считали, что он погиб; его обнаружили спустя лет тридцать, когда официальное посольство Португалии прибыло к эфиопскому двору. Оно оставалось в стране шесть лет и наконец португальцам разрешили вернуться на родину, после чего отец Франсишку Алвареш, священник посольства, опубликовал свои заметки о пребывании в Эфиопии. Из его рассказа выяснился печальный, но бесспорный факт: Иоанна Пресвитера не было в живых в Эфиопии.

Эфиопская культура

Около 1270 г. узурпаторская династия в Эфиопии была свергнута и трон захватил человек, претендовавший на происхождение от Соломона и царицы Савской. В течение целых пяти веков под покровительством царского двора процветала литература. Как и в прошлом, большая часть ее была религиозной, но теперь появились народные сказания, хроники, собрания проповедей, причем некоторые в рифмованной форме, и переводы наиболее значительных работ авторов, принадлежавших другим культурам.

Жизнеописания святых, истории о Христе, Богородице, апостолах, повествования об их чудесах составляют значительную часть этой литературы. В основном это были оригинальные работы, но имелись и переводы религиозных трудов мусульман и коптов, включая сборники гимнов, литаний и молитв, например «Хвала Марии». Популярными были также календарь святых на весь год, известный как «Синахарь Александрийской Церкви», и компиляции, такие как «Вера отцов» и «Книга света» (синахарь — собрание сведений о святых лицах и о праздниках).

Процветал жанр народных историй с хрониками, напоминающими шекспировского «Генриха V». В одной из ранних говорится об Амдэ-Цыйоне (Опоре Сиона), правившем в 1314—1344 гг. Амдэ-Цыйон начинает царствование как помешанный тиран, но чудесным образом его характер меняется, и он становится эфиопским Сидом, бичом для небольших мусульманских государств мятежных вассалов на границах Эфиопии.

Хроника правления Зэра-Якоба (1468—1484) рассказывает не только о его военной мощи, но и о реформаторской деятельности. Царь решил истребить язычество в государстве и организовал настоящую тайную полицию, которая шпионила за людьми и сообщала о язычниках и идолопоклонниках великому инквизитору. Он обладал столь обширными полномочиями, что из-за его крайних мер его стали ненавидеть и бояться. Народ был столь возмущен инквизицией, что восстание едва удалось предотвратить только смещением великого инквизитора. Однако, кроме преследования неверующих, Зэра-Якоб сделал многое для распространения христианской веры, заставляя священников осуществлять религиозное образование на основе опубликованных книг об обычаях, законах и учении церкви.

Среди популярных переводов следует упомянуть «Историю евреев», «Всемирную историю», написанную одним египетским епископом, и «Историю Александра Великого». Во «Всемирной истории» автор рассказывает об арабском завоевании, которое произошло лишь незадолго до его рождения. Это одно из немно-

гих достоверных описаний важного исторического события. К тому же периоду относится книга «Кыбрэ нэгэст», упомянутая раньше, с ее «официальной» версией истоков царства и романа между Соломоном и Македой.

Эфиопская литература была написана на языке геэз. Теперь это «мертвый язык», подобно латинскому, он оставался в письменности как литературный вплоть до XIX в., а ныне употребляется только при богослужении. Официальный разговорный язык Эфиопии — амхарский.

Джакоме Баретти, один из европейских путешественников, побывавший в Эфиопии в 1655 году, рассказал миру некоторые сведения о литературе этой страны. Ему показали царскую библиотеку из более чем 10 000 томов манускриптов. Эфиопы хвастались, что некоторые из них — старейшие рукописи в мире, утверждая, что они были написаны мудрецами во времена Моисея. Баретти отметил, что 23 переписчика были заняты копированием разрушающихся манускриптов. Другой путешественник подчеркнул, что для более длинных и сложных работ требовалось от 100 до 150 коз, чтобы обеспечить необходимое число пергаментных страниц.

Большинство работ имело религиозный характер. Начало им было положено монументальным переводом Библии на геэзский язык, на который ушло более двухсот лет, начиная с V в. Следует отметить, что эфиопская Библия состоит из апостольских посланий, деяний, заветов и т.д. Кроме того, она включает в себя ряд работ, которые не охвачены западными Библиями. Это — апокрифы книг и взятые из Септуагинты, но которые отсутствуют в Библии на древнееврейском языке.

С 1508 г. с восшествием на престол Либнэ-Дынгыля история Эфиопии пишется современниками в виде хроник, которые продолжались до сегодняшнего дня.

В эфиопских церквях и монастырях много изображений святых, сцен из жизни святых, Христа, Девы Марии, сюжетов из Ветхого Завета и любовных историй Соломона и царицы Савской. Эти сюжеты также отображены в цветных рисунках в книгах, календарях и картинах, нарисованных для украшения стен. Скульптурные изображения встречаются редко, потому что, благодаря сходству с формой человеческого тела, они напоминают идолов и использование скульптур не поощрялось, если вообще не запрещалось...

Во второй половине XV в. венецианский художник Никколо Бранкалеоне прибыл к эфиопскому двору. Царь нанял его, чтобы раскрасить церковные стены во многих районах страны. Его не выпускали из Эфиопии, и более сорока лет Бранкалеоне вы-

полнял порученную ему работу. Его манера живописи оказала влияние на современников и позднее на искусство страны в целом. Даже в оформлении эфиопских манускриптов заметно итальянское влияние при изображении одежды, флоры и фауны.

В самом начале своей карьеры в Эфиопии Бранкалеоне вызвал огромный скандал, когда изобразил Богородицу с младенцем в одном большом храме. Венецианец нарисовал их, придерживаясь европейской традиции: Мария держала Христа в левой руке. Это вызвало возмущение эфиопов. На Ближнем и Среднем Востоке правая рука используется во время еды, работы и для совершения всех хороших дел. Левая же предназначалась для выполнения тяжелых или неприятных задач. Изображение Христа в левой руке Богородицы было богохульством. Священники и простые люди пришли в волнение, утверждая, что картина уничижала Господа, и требовали уничтожить ее. К счастью для Бранкалеоне, царь поддержал его, и картина осталась в церкви до 1709 г., когда она была уничтожена во время набега языческих племен галла. Картины с изображением Девы Марии и ее чудес стали основными произведениями эфиопских художников.

Отец Алвареш сообщил королю Португалии, что во время своего визита (1517—1523) в Эфиопии царствовал Либнэ-Дынгыль. Он управлял группой вассальных вождей и царей и испытывал некоторые трудности, поддерживая порядок в государстве. По мнению Алвареша, причин было несколько, и не в последнюю очередь следовало назвать отношение Либнэ-Дынгыля к дочери царя Хадьи. Она не могла вернуться к своему отцу-мусульманину, потому что приняла христианство ради бракосочетания. Либнэ-Дынгыль выдал девушку за одного из придворных аристократов, но отец девушки расценил это как оскорбление и поднял оружие против эфиопского царя.

Богатства Эфиопии были баснословными. Алвареш описал дань, уплаченную царством Годжам: 3000 лошадей, 3000 мулов, за которыми следовали 3000 человек, каждый из которых нес хлопковую ткань, достаточно тяжелую, для использования в качестве одеяла. За ними шли еще 3000 человек, каждый с легкой хлопковой тканью. Замыкали шествие, длившееся 10 дней, три человека, каждый с подносом, нагруженным 10 000 золотых монет. Если эта процессия была организована, чтобы произвести впечатление на португальскую делегацию, то цель была достигнута.

В Эфиопии в это время не было столицы. Конечно, для коронации цари приезжали в Аксум, древнюю столицу бывшего царства. Однако в качестве столицы цари разбивали передвижной царский лагерь, размером с небольшой город. Алвареш так описывал ее. Пять шатров принадлежали самому монарху. Они стави-

лись на самой возвышенной части земли и были окружены стеной из занавесок или частоколом, если лагерь должен был оставаться на месте на какое-то время. Лагерь был обращен к западу и на этой стороне место было открытое с церковью Креста Господня и церковью Святой Марии. При каждой из них были два шатра, один — для одежды и мебели, второй — для пекарни, изготавливающей хлеб для причастия. Драгоценности царя охранялись в огороженном месте за церквями.

Помещения для пажей были расположены к северу от царских шатров; царица жила на южной стороне; кухонные шатры примыкали к царскому помещению в западном направлении, и «на два выстрела из арбалета» дальше к западу был судейский шатер, по бокам от него находились два шатра для двух главных судей, два шатра для заключенных и третий, служащий церковью. За всем этим к западу было большое открытое пространство с четырьмя скованными цепями львами — царскими талисманами, всюду сопровождавшими царя. Далее располагались рыночная церковь*, сам рынок и лагерь торговцев и купцов. Вокруг царских шатров находились шатры «абунэ» (главы Эфиопской церкви), царского священника, двух главных министров царя, старших военачальников, а за ними — шатры знати.

Волнующее зрелище представляло собой пробуждение этого странствующего города и его передвижение в другое место. Впереди процессии шли шесть оседланных мулов и шесть оседланных лошадей, каждые из которых вели четыре человека. Сзади них были двадцать пажей, и еще шесть вели царского мула. Царь был окружен красными занавесками на шестах, когда он ехал, и его могли видеть лишь высшие чиновники и приближенные пажи. Следом шли царские львы, каждый на двух цепях, а за ними — сто человек, несущих столько же кувшинов с мясом, и еще сто — с хлебом.

Потом во всем великолепии представала церковь: один дьякон нес серебряный крест и кадило; другой, звонящий колокольчиком, шел впереди восьми священников, четыре из которых несли роскошно украшенный помост, на котором был установлен алтарь. Над головой высшего духовного лица держали зонт как символ его почитания. Последовательность процессии была заранее определена, так же как расположение каждого элемента столицы, когда она находилась в покое.

Обычно царь, как рассказывает Алвареш, был полностью изолирован от своего народа. Однако в более поздние времена

* Буквальный перевод

(около 1520 г.) царь появлялся перед народом на высоком помосте три раза в год: в Рождество, в Пасху и в День воздвиженья честнаго Креста. Так было сделано потому, пишет Алвареш, что придворные однажды скрывали факт смерти царя в течение трех лет и сами правили государством.

Система предотвращения дворцовых переворотов была эффективной. Только мужчины могли претендовать на престол. Когда происходила коронация нового царя, все его братья и их семьи отсылались под домашний арест в «амба» — сильно охраняемую крепость на вершине горы, полностью отрезанную от внешнего мира. Здесь, находясь в хороших условиях, они жили и умирали. По крайней мере в двух случаях захватчики, овладев «амба» и пленив семью царской династии, смогли уничтожить наследников трона по боковой линии, обнаруженных в крепости.

Система правосудия в Эфиопии в это время была высоко развитой и замечательной во многих отношениях. Правосудие отправлялось устно, без письменных отчетов. В судебном шатре судьи сидели на земле двумя группами. Истца и ответчика вводили в шатер и каждый сначала излагал суть своего дела судьям, а затем отвечал другому. Судебное должностное лицо резюмировало аргументы и выносило свое решение. Каждый судья делал то же самое, затем слово брал главный судья, который подытоживал все заявления и объявлял решение. Если возникало сомнение относительно какого-либо факта, судебный процесс откладывался, пока не поступала необходимая информация. Когда судебное дело приобретало исключительную важность, оно разбиралось в присутствии двух главных министров и судей на открытом воздухе перед резиденцией царя. Их функция заключалась не в вынесении решения, а в изложении царю сути дела и в том, чтобы задавать вопросы, какие бы проблемы он ни поднимал, и в конечном счете выносить решение царя.

Наказания были разнообразными. Политические правонарушители ссылались в отдаленные «амба». Порка была наиболее распространенным наказанием. Заключенных, обнаженных до пояса, укладывали на скамью, и их избивали хлыстами четверо человек. Исполнители наказания били осужденного строго в соответствии с указаниями судей. Обычно они били по земле, а не по осужденному, возможно, нанося ему всего лишь три или четыре удара хлыстом. Судебные ошибки были нередки. Алвареш был свидетелем нескольких порок главных судей за такие «оплошности». Последние, однако, не получали ударов и не теряли престиж.

Отец Алвареш проявил профессиональный интерес к Эфиопской церкви и был удивлен большим числом базилик, часо-

вен, монастырей, церквей, а также духовенства; куда бы он ни пошел, везде были храмы и монастыри. В сельской местности монастыри располагались на холмах и горах. В каждом городе он насчитывал полдесятка церквей.

Алвареш с восхищением писал об архитектуре и украшениях, картинах и убранстве святых мест. Обычно строительным материалом служил камень. Алвареш испытывал благоговейный трепет перед церквями, вытесанными из скалы.

Кроме скальных церквей имеется множество часовен и церквей в пещерах. Многие из них восходят к XII в. и являются величественными оригинальными архитектурными произведениями, часто покрыты внутри и снаружи фресками, изображающими библейские сцены, мучеников, святых и царских заступников.

Алвареш был сначала поражен криками, пением и плясками на больших богослужениях. Однако вскоре он увидел в этих обычаях и ценные качества, так как все это делалось ради прославления Бога. Он отметил, что некоторые обычаи, принятые в католических церквях, также потрясли эфиопов, например плевание в храме.

Эфиопы и европейцы

Португальская миссия вернулась в Лиссабон в 1527 г., и в течение месяцев Эфиопия оставалась целью джихада, который возглавил Ахмед ибн Ибрахим аль-Гази, за которым в эфиопских легендах и хрониках упрочилось прозвище Грань (Левша) из-за того, что он все делал левой рукой. С отрядом, ядро которого составили двести турок с фитильными ружьями, Грань вторгся в Эфиопию. Он разбивал царские войска всегда и везде, и религиозный фанатизм его воинов принимал самые крайние формы. Они сжигали и разрушали церкви, убивали священников, захватывали сокровища и обращали людей в ислам, угрожая ружьем или саблей. Захватчики прошли Эфиопию с одного конца до другого. Царь скрывался и едва сумел отправить письмо португальцам, умоляя о помощи.

Португальцы в 1541 г. послали отряд из 400 человек под командованием Кривована да Гамы, сына знаменитого путешественника Васко да Гамы. Они высадились в Суэце и пробились к побережью Эфиопии. Между ними и силами Граня произошло несколько безрезультатных стычек. Грань получил от турецкого гарнизона в Йемене подкрепление в 900 мушкетеров и напал на португальский лагерь вблизи озера Ашэнге. Мусульмане убили больше половины португальцев, в том числе Кривована да Гаму, и захватили их оружие и боеприпасы.

Убежденный в том, что он больше не встретит сопротивления, Грань проявил самонадеянность и сократил охрану. Португальцы, полные решимости отомстить, перевооружились, используя тайный склад оружия.

Царь Гэлаудеус (Клавдий), наследовавший трон в 1540 году, намеревался разгромить наголову захватчиков и собрал 8000 солдат и 5000 кавалеристов. Эти объединенные силы ударили по плохо охраняемому лагерю Граня. Грань был застрелен, и сомалийские войска бежали. Турки продолжали сражаться, но их сопротивление было подавлено португальцами и эфиопами.

Царь Гэлаудеус отвоевал свое царство с помощью оставшихся в живых португальцев. Король Португалии, продолжая поддерживать особые отношения с Эфиопией, приказал закаленному в боях отряду португальцев и дальше служить эфиопскому правителю. Их потомки продолжали служить Эфиопии.

Гэлаудеус восстановил церкви и поручил монахам отреставрировать поврежденные книги. Он расширил границы царства и подчинил мятежные племена.

Благодаря помощи португальцев власть Гэлаудеуса была восстановлена на всей территории Эфиопии, но следующие контакты с европейцами имели почти катастрофические последствия.

Во второй половине XVI в. в Эфиопии обосновались миссионеры-иезуиты, и в первой трети XVII в. их можно было встретить уже во многих районах страны. Эти миссионеры прибыли из Португалии, Испании и Италии, и среди них были несколько незаурядных личностей. Один из этих священников, Педро Паэс из Кастилии, обратил в католичество двух эфиопских правителей. Второй из этих монархов — Сусныйос, намеревался обратить в католичество весь народ.

По приглашению Сусныйоса папа прислал в Эфиопию испанского прелата Мендеса, которого он рукоположил в сан эфиопского патриарха. Мендеса характеризовали крайний фанатизм и узость мышления. Мендес начал с того, что временно отстранил от дел всех эфиопских священников до тех пор, пока он сам вновь не посвятит их в священники. Затем он объявил недействительными все совершенные ранее обряды крещения: таким образом, христианское население должно было повторно креститься. Текст литургии был переделан, а календарь изменен в соответствии с римским. В церквях появились статуи, к которым эфиопы относились как к идолам. Были повторно освящены церкви и установлены алтари римского образца. Не удивительно, что во всей стране вспыхнули народные восстания и началась междоусобная война. Так продолжалось несколько лет, пока кровавое столкновение 1632 г. не потрясло царя Сусныйоса. Он объявил народу: «Мы дали вам эту веру, считая ее хорошей, но множество людей погибли. По-

этому мы возвращаем вам веру ваших предков. Пусть прежнее духовенство возвращается в церкви, пусть они устанавливают там свои алтари, совершают свою собственную литургию».

Суснийос, видя свой полный политический крах, отказался от престола и вскоре умер. Ему наследовал его сын Фасиледэс, который немедленно изгнал иезуитов и казнил тех, кто отказался уехать. Кроме того, он изгнал эфиопов, оставшихся верными католицизму, и конфисковал их имущество. Фасиледэс перевел свой двор в Гондэр и построил там несколько дворцов. Он также перестроил кафедральный собор в Аксуме, разрушенный Ахмедом ибн Ибрахимом (Гранем).

В дальнейшем в Эфиопии происходило ослабление царской власти и укрепление независимости местных вождей и царьков. В конце концов царь превратился в номинального правителя, являясь марионеткой тех, кому принадлежала реальная власть. Все больше и больше губернаторы провинций сосредотачивали власть в своих руках, основывая собственные династии, и так продолжалось до середины XIX в. Знаменитый разбойник Каса (по происхождению из одного феодального рода), создав сильный отряд на западе страны, стал захватывать одну область страны за другой, пока не покорила целые провинции. К 1855 г. он стал достаточно сильным, чтобы заставить «абунэ» короновать его на императора Эфиопии (7 февраля 1855 г.). 37-летний Каса стал именоваться Теодросом II.

Хотя он начал править как просвещенный монарх, стремясь возвысить свою страну и сделать благочестивыми христианами ее народ, позже Теодрос стал осуществлять жестокие репрессии, чтобы удержать власть. Не удивительно, что такая политика имела во многих отношениях противоположный эффект. Однако именно англичане по иронии судьбы нанесли решающий удар по власти Теодроса.

Теодрос, желавший наладить контакты с самой мощной морской державой мира, направил королеве Виктории письмо, в котором предлагал установить дипломатические отношения между двумя странами. Теодрос хотел вовлечь Великобританию в свои планы борьбы с мусульманами, которые не давали выхода Эфиопии к морю. По недосмотру, не единственному в истории Форин офиса, это письмо было положено под сукно. (Согласно другим источникам, лорд Рассел, сменивший Кларендона на посту руководителя британской внешней политики, отнесся весьма недоброжелательно к предложениям Теодроса. Эфиопский император даже не получил ответа на свое письмо.) Спустя два года, когда из Англии были получены депеши, в которых ничего не говорилось о его предложении, Теодрос разгневался, восприняв молчание как личное оскорбление. Он немедленно посадил в

тюрьму нескольких влиятельных англичан. В 1866 г. в Эфиопию прибыл британский представитель, чтобы добиться освобождения заключенных. Теодрос арестовал его и еще 60 европейцев, заковал их в кандалы и вместе с ранее арестованными англичанами бросил в тюрьму в отдаленной крепости.

Англичане организовали военную экспедицию во главе с генералом Робертом Нэйпиром в 1867 г., в которой в качестве транспорта использовались слоны, верблюды, быки и мулы, перевозившие артиллерию, людей, продовольствие и боеприпасы, и вторглись в Эфиопию, чтобы освободить заключенных. Почти год экспедиция преодолевала 325-мильное расстояние до Мэкдэлы, крепости Теодроса. В генеральном сражении 10 апреля 1868 г., благодаря превосходству в вооружении, англичане без особых усилий разбили войска Теодроса. Сам император застрелился в крепости. Нэйпир освободил заключенных и проигнорировал притязания на трон нескольких феодалов. Он захватил с собой короны Теодроса, золотой потир, царскую копию «Кыбрэ нэгэст» и коллекцию бесценных древних манускриптов. (Последние стали основой английской программы эфиопских исследований.)

В борьбе различных группировок за власть в конечном счете определился победитель. Во время своего правления новый император Йоханнес IV успешно оборонялся от агрессии итальянцев и египтян, но был убит в сражении с махдистами в 1889 г. К власти пришел Менелик II. В то время как остальная Африка была поделена между колониальными державами, Эфиопия, которой искусно и умело управлял Менелик, отражала попытки европейцев установить контроль над страной. Император охотно принимал военные миссии из Европы, приобретал там вооружение. Он предоставлял концессии для реализации необходимых проектов развития строительства железных дорог, развития телефонной и телеграфной связи, электрического освещения.

Менелик расширял контроль над страной, подчиняя бывшие провинции, опираясь на современное вооружение и военных советников. Он также основал в географическом центре государства новую столицу — Аддис-Абебу. Император обеспечил выход к Красному морю и победил итальянцев в 1896 г.

Менелик правил страной до 1908 г., когда из-за серьезной болезни он оказался недееспособным. После периода смуты его дочь Зоудиту была провозглашена в 1916 г. императрицей. Ей наследовал в 1930 г. император Хайле Селассие I. Он проявил твердую решимость в отстаивании независимости Эфиопии, осуществляя в то же время реформы и модернизируя важные элементы наследия Эфиопии. Но то была уже другая эпоха, беременная скорыми переменами...

ЮЖНОАФРИКАНСКАЯ ПРЕЛЮДИЯ

Пролог

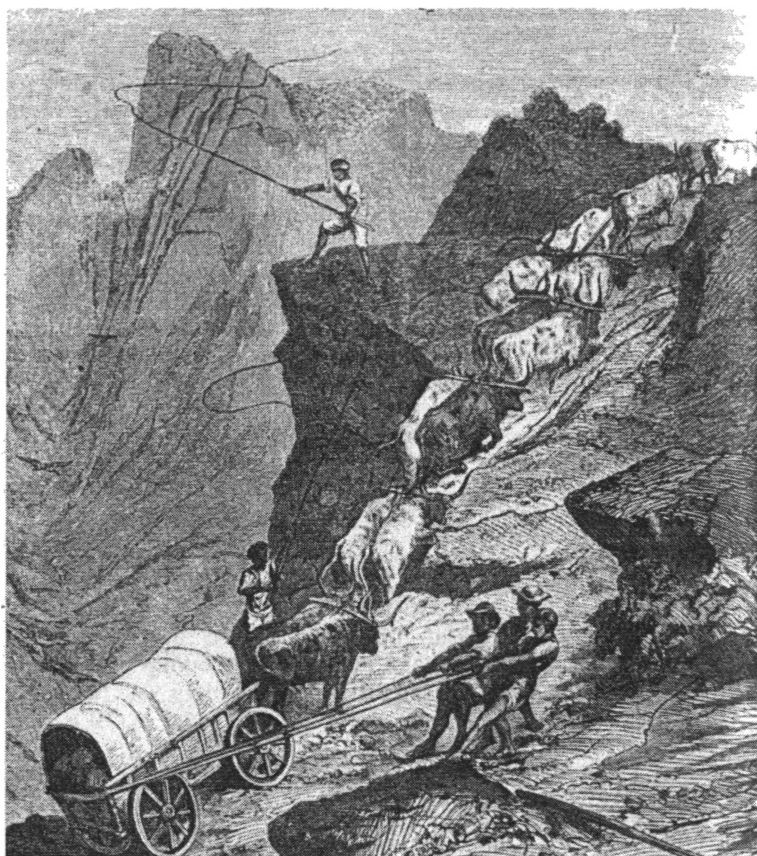
На крутых, поросших густым кустарником склонах Драконовых гор лежал плотный предрассветный туман. Фургоны и всадники с трудом, на ощупь продвигались по еле заметным тропам, и лишь природная чуткость проводников басуто выручала отряд в этих богом забытых местах. Так далеко они еще не заходили в своих странствиях!

Из-под больших, окованных жестью колес то и дело срывались в пропасть камни, лошади отказывались ступать на сомнительные, покрытые мелкой каменной дробленкой участки дороги, и тогда всадникам приходилось спешиваться и вести животных под уздцы позади фургонов.

Ночь была лучшим временем для путешествия по равнине, но здесь, в горах, ночные переходы грозили гибелью. Но нужно было идти, потому что рядом шел другой отряд, и такие же как они всадники осторожно двигались впереди фургонов, и проводники басуто указывали им путь через Драконовы горы.

Там, впереди, лежала огромная и богатая страна и сквозь ключья густого тумана уже можно было разглядеть ближние невысокие холмы и море зеленых трав, волнуемое легким ветром с океана. То был Наталь, обетованная земля, куда так стремились путешественники. Авангард буров подошел к цели странствий.

Питер Ретиф, ведущий свой отряд с далекого африканского Юга, с самого Капа, долго стоял, вглядываясь в земли, которые предстояло обживать. Была зима 1836 года. 14 тысяч человек, забрав с собой все стада и погрузив имущество в фургоны, двинулись тогда на север. И вот первая группа капских переселенцев

Переход через Драконовы горы в Наталь — «страну обетованную»

стала медленно спускаться в долину. Все ближе и ближе заветные пастбища, мир и покой вдаль от вездесущих британцев...

Ни сам Ретиф, ни его люди да и никто на свете, кроме разве что самых прозорливых колдунов, не могли тогда представить, как недолговечны будут покой и умиротворение уставших путников! Оттуда, снизу, за ними уже наблюдали десятки внимательных глаз, отмечая все детали, которые могут пригодиться впоследствии. И скоро зулусскому правителю Дингаана с высочайшего повеления дежурного индуну срочный гонец и сообщит

тревожную вещь: белые люди вошли в его страну со стороны гор. Вошли скрытно, а значит, с недобрыми намерениями. И он, Дингаан, той же ночью, позабыв о сладких утехах в изи-годло, своем гареме, будет долго думать о пришельцах с юга.

Спускавшиеся в долину люди не могли знать, что пройдет год с небольшим, и вся Южная Африка содрогнется, узнав о кровавых событиях в стране зулусов, и имя Ретифа внесут в список мучеников-буров, и молодые африканеры (деды тех буров, что станут сражаться с англичанами на рубеже нашего века) с его именем на устах станут держать оборону, тщетно ища за перевернутыми и поставленными в круг фургонами защиту от сокрушительных ударов зулусских ассегаев.

Огромная империя зулусов, куда вступали люди Ретифа в далеком 1936-м, была главной политической и военной силой в Южной Африке, она существовала уже несколько десятилетий, и Дингаан был вторым правителем гигантского государственного образования, не имевшего себе равных в африканской истории. Оно просуществует еще полвека, и навсегда останутся в памяти африканцев такие имена, как Чака, Кечвайю, Лобенгула. О каждом из них напишут десятки статей и книг, снимут кинофильмы, которые год за годом и месяц за месяцем восстановят полную удивительных событий и тайн историю замечательного народа.

...А пока дребезжащие по камням колеса бурских фургонов все быстрее накручивали на себя последние километры, отделившие их от плодородных долин и долгих дорог Наталя.

Почему нас манит Южная Африка?

С чего начать рассказ о Южной Африке? Может, с истории о том, что в 30-е годы прошлого века здесь еще жил человек, который служил в армии правителя матабелов — Мзиликали? А может, с рассказа о старой африканке из городка Кингвильямстаун, которая в далеком 1879 году первой сообщила окружающим о победе зулусов над англичанами в битве у холма Изандлвана, удаленного от города на 700 миль? Телеграфа тогда не было. «Я все знала», — сказала она.

С того памятного случая, описанного во многих книгах, когда слуга-зулус в 1906 году в Претории во время последнего восстания своих соотечественников заявил своему хозяину, что их вождь Бамбата убит? Лишь через несколько часов после этого пришла телеграмма из Наталя, подтвердившая сказанное зулусом.

Но как же быть тогда с другими загадками, до сих пор будоражащими умы наших современников? С кладок Лобенгулы, по-

следнего вождя матабелов, или таинственным убийствам зулусским вождем Дингааном депутации буров во главе с Питером Ретифом?

Мы начнем со старика Рамонотване, а потом на страницах книги вернемся ко всем этим и многим другим страничкам южноафриканской истории.

...Самого старого человека он встретил случайно, путешествуя по Замбии в 1935 году. Поезд ненадолго остановился на одной пустынной станции в Бечуаналенде. «Именно здесь я увидел Рамонотване — белобородого, совершенно седого человека, — говорит известный южноафриканский писатель Лоуренс Грин, — ему было 120 лет. Переводчика не оказалось, и поезд унес меня раньше, чем мне удалось расспросить его».

Первым «открыл» Рамонотване издатель йоханнесбургской газеты «Стар» Ф. Пейвер в 1933 году. Рамонотване сказал тогда, что знал Сешеле, вождя народности баквена, упомянутого Ливингстоном. «Я родился через несколько лет после Сешеле», — заявил старик. Это дало первый ключ к разгадке тайны его возраста. В позапрошлом веке Сешеле был известен тем, что жил в «цивилизованном» доме с часами, зеркалами, серебряным сервизом. Фредерик Селоус, охотник и писатель, рисует его как очень серьезного и культурного человека. Родился Сешеле в 1811 году.

Рамонотване сказал также, что был мальчиком и пас скот, когда был убит Макаба. Роберт Моффат, миссионер, посетил Макабу в 1825 году, но уже в 1826-м исследователь и торговец Эндрю Бейн, прибыв на место, узнал, что Макабу убили беглые воины племени матати.

Вспомнил Рамонотване и о том, что служил в войске, когда на земли бечуанов вторглись ндебеле вождя Мзиликази. Это было в 1832 году. Он попал в плен и прошел вместе с армией ндебеле долгий путь на север — на территорию сегодняшней Зимбабве. Они шли на захват машона. Мзиликази сделал его военачальником одного из своих отрядов — импи!

Однажды Рамонотване принял участие в нападении на белый отряд. «Я прикрывался щитом, когда вдруг почувствовал, что моя левая рука безжизненно повисла. В нее попала пуля». Несложно установить дату этого эпизода на холмах Матопо. Тогда только одни белые люди могли быть в тех местах — буры Хендрика Потгитера. Они переправились через Лимпопо в 1847 году и вернулись в Трансвааль вскоре после удачной для них битвы против Мзиликази.

Мзиликази умер в 1869 году и в конце жизни вернул Рамонотване домой. В 1988 году его история достигла Англии и печаталась в «Таймс» вместе с портретом старика.

Доктор Брум, известный южноафриканский антрополог, придерживался мнения, что Рамонотване было 140 лет и он родился за несколько месяцев до Сегкомы, отца Кхамы, появившегося на свет в 1797 году. Но скорее всего верна дата — 1815—1816 годы. Один из 70-летних сыновей Рамонотване вспоминал, что уже в самом детстве видел отца седым. А сам старик с легкостью припомнил миссионера Роберта Моффата, который приезжал к нему в поселок в 1820 году, а потом и знаменитого путешественника Дэвида Ливингстона...

Есть сведения и о зулуске Укати («Кошка» на языке зулу), которая была еще жива в 1933 году. Ей было 115 лет. Ее мать бежала от Чаки в тот период, когда «убивали лишних детей». Укати вышла замуж за воина при правлении Дингаана. Ее муж был на холме ква Мативане при убийстве Питера Ретифа и его спутников 6 февраля 1838 года и поведал жене об этой ужасной истории.

Женщина могла, конечно, используя пересуды и толки, рассказать об этом событии достаточно точно, но она описала его настолько живо и своеобразно, что ни у кого не возникло и мысли о подлоге.

В другой раз она лежала в хижине и ждала рождения первого ребенка, как «вдруг солнце закрыло свое лицо». Это было полное солнечное затмение марта 1839 года. Ребенок появился на свет до того, как прошла тень луны. Зачем простой женщине-зулуске выдумывать все это?

20 июня 1942 года солдат-зулус в далекой Южной Африке бросил кости незадолго до атаки немцев на английскую крепость Тобрук в Северной Африке — и предсказал ее поражение. «Мкизе придет и всех уничтожит», — сказал он тогда. Зулусы называли словом «мкизе» (вероятно, от «кайзер») всех немцев со времен Первой мировой войны. Крепость Тобрук до тех пор считалась неприступной и не было никаких оснований для поражения англичан. Но гитлеровцы захватили ее!

Игральные кости в Южной Африке испокон веку делали и делают сейчас из тазовых костей животных, но для этого годятся и рога, и копыта. Некоторые колдуны предсказывают будущее с помощью четырех костей, другим нужно обязательно десять... Если нет костей, можно использовать кусочки слоновьего бивня и косточки диких плодов. Обычно колдуны и знахари применяют все это для поисков пропавшего скота, выяснения причин болезни и смерти. В дикой местности кости помогают определить, удачной ли будет охота. Бушмены часто обращаются к костям и нередко поднимаются среди ночи — «посоветоваться с ними, нет ли рядом львов».

Вскоре после Первой мировой войны двое констеблей из полиции Юго-Западной Африки патрулировали область Гобабис и набрали на поселок бушменов. Жители были настроены миролюбиво и Энтони Пейроу, один из полицейских, угостил их табаком. На следующий день старый бушмен бросил кости и спросил у белых людей, не желают ли они знать, чем кончится их работа. Пейроу был скептиком, но из любопытства поинтересовался. «Я вижу, что вы достигнете большого леса, когда солнце взойдет, — заявил бушмен, бросив кости, — там будет много бушменов. Осторожнее! Я вижу стрелу, которая воткнется в живот твоей лошади!»

Размышляя и посмеиваясь над услышанным, полицейские вскоре уехали. Ранним утром они оказались перед густым лесом и завидели бушменов. Пейроу поскакал за ними, осыпаясь градом стрел, одна из них скользнула по шлему. Вскоре его лошадь забилась и издохла. Пейроу нашел у нее в брюхе стрелу с ядовитым наконечником.

Некоторые исследователи, пытавшиеся трактовать подобные случаи, говорили, что многое из «предсказанного» можно объяснить умом и осведомленностью, но вовсе ни каким другим неизвестным даром. Однако есть вещи, которые они вообще отказываются объяснять.

В начале века военный врач Трю, увлекавшийся изучением предсказателей и предсказаний, встретил в Габороне (сегодня столица Ботсваны) одного такого знахаря. Тот бросил кости по просьбе майора Берда, но сделал это неохотно, после долгих уламываний, все отнекивался. Под давлением майора африканец сказал, что видит его мертвым, лежащим лицом вниз с девятью пулями в теле. Описал, смущаясь, и окружающую обстановку — песчаная тропа вьется вокруг леса...

Капитан южноафриканских констеблей Мэннингс подтвердил: после боя у Раматхалабамы майора Берда нашли с девятью пулями распростертым на песке... Тот же полковник Трю сохранил для потомков и эпизод, который мы упомянули в начале нашего рассказа — о вожде зулусов Бамбате.

А вот какую историю приводит английский писатель Райдер Хаггард в документальной книге «Миссия в Трансвааль».

События у холма Изандлвана произошли 22 января 1879 года. Накануне ночью или за сутки одна знакомая писателю дама видела сон, ей приснилась большая равнина в стране зулусов, на которой стоят лагерь английские войска. Вдруг повалил кроваво-красный снег, который покрыл и равнину, и войска на ней. Затем снег растаял — и потекли реки крови. Она уверяла, что это предвещает страшную резню. Разумеется, такой сон мог быть

наваян только тревогой, которая, естественно, охватила всех, у кого на поле боя были родные или друзья, пишет Хаггард.

Но самое интересное дальше. «Я сам был свидетелем еще более странного и труднообъяснимого случая, — говорит писатель. — Утром 23 января — на следующий день после резни, я заговорил с готтентотской фроу, стиравшей наше белье в саду отеля «Палэшн». Старая толстуха была сильно взволнована и на мой вопрос ответила: «Страшное творится в стране зулусов, роой батьес (красные мундиры) лежат на равнине, словно листья под деревом зимой, — это те, кого убил Кечвайо». Я спросил, когда же это случилось, и она ответила: «Вчера». Я сказал, что это ложь. Ведь если даже допустить, что подобное действительно произошло, то ни один гонец, даже конный, не мог бы за одну ночь принести известие о нем, покрыв расстояние в 200 миль, да еще по велду. Женщина стояла на своем, но ни за что не хотела сказать, откуда она все это знает. На том мы и расстались».

Разговор со старой готтентоткой произвел такое сильное впечатление на Хаггарда, что он тут же поскакал в резиденцию и сообщил там обо всем услышанном. Они тоже считали, что за такое короткое время вести не могли достигнуть Претории. Однако все забеспокоились, полагая, что какие-то события могли произойти еще до вчерашнего дня. Принялись наводить справки, но безуспешно. И только через двадцать часов до претории добрался на измученной лошади гонец с дурными вестями.

Откуда узнала о случившемся готтентотка? «Я и сейчас этого не понимаю, — пишет Хаггард. — Сообщение не могло передаваться криком с вершины одной горы на другую, как это делают кафры, но между Преторией и Изандлваной простирается Высокий велд, где нет гор. Разве что туземцам известен или был известен способ передачи новостей почти со скоростью телеграфа, о котором мы, белые, ничего не знаем».

Что это за способ? Пока что остается только гадать. Однажды в пустыне Калахари, путешествуя там с прекрасным знатоком бушменов Дональдом Бейном, Лоуренс Грин увидел дым на горизонте. Что это, пожар в саванне? Нет, ответил Бейн. Он позвал старика бушмена, находившегося в их лагере, и что-то спросил его. Старик взглянул на дым и ответил: кто-то из его племени охотится, они улупусти антилопу гемсбока и убили двух спрингбоков у высохшего русла реки Носсоб. Собрали коренья и мед. Мед хороший и из него можно сделать приятный освежающий напиток.

«Я смотрел на дым и не видел в нем ничего особенного, — пишет Грин. — Бейн же объяснил мне, что это «радио Калахари». Многие люди могут читать дымы. Позже я открыл тот же способ передачи информации у некоторых аборигенов Австралии».

А что, если поискать ключ к разгадке в другом? Автору эти строк довелось слышать барабанный язык в районах, близких к тем местам, о которых пойдет речь в книге. И вряд ли мы поверили бы в такое, если бы самим не довелось услышать этот тревожный и загадочный рокот. Он несся над лесом, проникал в самые потаенные его уголки, дробно рассыпался по саванне, заглушая стрекот цикад и птичий гомон, летел от селения к селению, отвлекая жителей от привычных дел, заставляя их напряженно вслушиваться... Гремели говорящие барабаны. Палочки, совсем не различимые даже вблизи, колотили по стволу дерева, выдолбленному и обтянутому бычьей шкурой, но мы тогда не понимали — о чем они? А спрашивать было нельзя. Эти люди не могли себе представить, что их удивительный язык, их средство общения, которое осваивают в Южной Африке уже в юном возрасте, может быть кому-то непонятным...

Язык барабанов весьма распространен на африканском континенте. У суданской народности нилотов, например, во время осенней церемонии посвящения в мужчины весть о начале торжества с помощью тамтамов разносится по окрестным деревням. Еще несколько веков назад правитель государства Конго распространял по столице свои повеления именно с помощью барабанов, а подданных у него в городе Мбанза-Конго было несколько десятков тысяч.

Нужно поехать по африканским дорогам в сезон дождей, чтобы по достоинству оценить барабан как средство коммуникации в местности, где леса практически непроходимы большую часть года. Европейцы быстро поняли преимущества этой своеобразной почты. Уже в 1899 году бельгийские чиновники в Конго использовали ее для передачи приказов своим агентам в глухих районах.

Один из самых крупных барабанов народности бахема в селении Лесоли в районе водопада Стенли в Заире слышен в селении Ятука, удаленном от Лесоли на 20 миль. Но на самом деле сообщения редко передаются так далеко. Обычное «рабочее» расстояние — шесть или семь миль в ночное время и четыре-пять миль утром или днем.

Куда большее расстояние преодолевает информация, передаваемая поэтапно, эстафетой. Это бывают очень важные сообщения.

Главное препятствие в передаче такой «сквозной» информации — языковая разобщенность племен. Сложная этнолингвистическая мозаика некоторых областей не позволяет одному племени понять язык другого. Специального же языка барабанов для всей Африки нет и быть не может, ибо язык барабанов — это тот

же, только особым способом переданный язык народности или племени. Но в случае с Наталем такой проблемы не стояло: язык зулу был здесь в прошлом веке универсальным, общепринятым языком для всех этнических групп. Почти во всех африканских деревнях и поныне сохраняется строгий ритуал передачи известий с помощью барабана. Человек, желающий «отправить» в соседнее селение какое-нибудь сообщение, должен непременно «простучать» свой код, а он есть у каждого взрослого члена клана, а уж потом передавать свое «письмо». И ни один другой барабанщик под страхом всеобщего презрения не имеет права вмешиваться в передачу! При этом приоритет предоставляется тому сообщению, которое несет в себе наибольшую смысловую нагрузку.

Лучшее время передачи известий на барабане — раннее утро и время ближе к ночи. Днем в деревне, лесу и саванне много отвлекающих звуков. Чаше всего сигнальные барабаны устанавливаются на высоком берегу реки: вода переносит биение инструмента дальше, чем воздух.

Но как же с разгадкой «языка барабанов»? В последнее время этнографы и музыковеды значительно продвинулись вперед в изучении различных видов сигнальных систем народностей Африки, в частности языка свиста и «барабанного языка». «Секрет оказался прост, потому что прост сам способ передачи, — говорит английский исследователь Дж. Каррингтон в книге «Говорящие барабаны Африки».

Как известно, многие языки Тропической Африки тональные, а это значит, что каждый отдельный слог имеет свой особый музыкальный тон — высокий или низкий. При разговоре слышны постоянное повышение или понижение тона. Варьирующие тона слов нужны для того, чтобы не смешивать похожие по звучанию слова. Парные африканские барабаны тоже могут выбивать высокие и низкие ноты. Сопоставив это, нетрудно прийти к заключению, что основа языка барабанов — тональная форма слов, составляющих язык. В этом все дело. То, что выбивается на барабанах — лишь тональный образчик слов, барабанный язык».

Конечно, не все барабаны — «говорящие», их вытесняют сегодня более современные средства коммуникации: телефон, почта, радиосвязь... Но в прошлом веке...

Совпадения, случайности? В таком случае многие неразгаданные тайны Южной Африки можно объяснить только этим.

Так или иначе, весть о победе зулусской армии под началом Кечвайо над отрядами полковника Дернфорда разошлась молниеносно на огромные расстояния. Р. Самуэлсон, переводчик при плененном позже вожде, вел подробный дневник, куда записы-

вал все высказывания Кечвайо. Впоследствии он стал сотрудником департамента по делам аборигенов в Натале и его дневник превратился в официальный документ. Однажды в сентябре 1881 года Кечвайо сказал Самуэлсону: «Прошлой ночью мне приснилось, будто бы я вернулся в Зулуленд. Мой отец с матерью целовали меня так, что у меня стадо горько во рту». В другой раз Кечвайо сказал о комете, видной на небосклоне со Столовой горы: «Это знак, что королева отправляет меня в Зулуленд». Ссылка закончилась через два года, и ни одно из этих откровений вождя можно не принимать всерьез. Но в дневнике Самуэлсона есть такое место: «12 сентября 1881 года. Правитель полагает, что Масумпа сдался и в Басутоленде наступил мир». Масумпа, третий сын Мошеша, вождя народа басуто, поднял восстание против властей и отнял у них много сил. С 5 тысячами воинов Масумпа атаковал город Масеру, и война длилась уже год, когда Кечвайо произнес свои слова. Ничто не предвещало быстрое поражение. Конец войне пришел совершенно неожиданно, и новость об этом добралась до Кейптауна только 13 сентября...

Мы оставляем без комментариев эту часть нашего рассказа и предоставим читателю возможность самому разобраться и отделить правду от вымысла. Но согласитесь, что это не может не будоражить ум и не вызвать желание узнать подробнее о тех племенах и народах, которые жили на юге континента и которые задали столько загадок историкам, этнографам, антропологам и лингвистам.

Чего стоит одна лишь загадка Белой дамы из Брандберга, не разгаданная до сих пор! Но о ней много писали и мы можем адресовать читателя к иным источникам, достаточно подробно рассказывающим о «белой леди» на стене одной из намибийских пещер — шедевре бушменской наскальной живописи.

Другое дело — «люди-страусы» из приграничных деревень Зимбабве и Ботсваны, феномен, нашедший свою разгадку. Не так давно в этих местах побывала группа ученых. Мализе Мкулани, старожил одного из поселков, рассказал им, как впервые появились люди с раздвоенными, как у страусов, ступнями.

— Очень давно родился один такой ребенок и люди очень испугались. Они подумали, что это проделки колдуна и убили дитя. (Так, впрочем, поступали жители со всеми новорожденными, не похожими на обычных младенцев.) Но вскоре та же женщина произвела на свет аналогичного ребенка. И хотя был убит и он, жители стали подумывать, что здесь есть какой-то скрытый смысл. И новых младенцев уже оставляли жить.

Мкулани решил выбрать себе жену в соседней деревне Сеньяве. И снова у него родились пять двупалых детей.

Жители Африки.
(Гравюра из
«Универсальной
космографии
Себастьяна
Мюнстера, Базаль.
1544 г.)

Легенды о «людях-страусах», бегающих по пустыне и саванне не хуже этих гигантских птиц, издревле бытовали в Южной Африке. Но обычно их связывали с бушменами, которые использовали перья страусов для маскировки при охоте. На самом же деле прототипами легенд были именно эти двупалые люди. Замбийские антропологи оценивают общее их число в 90 человек. Историк Д. Мунгари проследил генеалогию племени и пришел к выводу, что на протяжении поколений люди заключали браки внутри племени. Притока свежей крови не было, и близкородственное скрещивание привело к возникновению наследственных физических аномалий... Которые, кстати, не редкость и у вполне цивилизованных народов. В европейской научной литературе для них имеется красноречивое определение («синдром клешни»). Он распространен среди изолированных групп населения, например, встречается в Швейцарских Альпах. Общее количество «людей-страусов» на планете — около 120 тысяч человек.

А гигантская стопа, отпечатавшаяся в окаменевшей глине Высокого Велда в провинции Трансвааль в 30 километрах от границы со Свазилендом? Впервые белые люди узнали о загадочном оттиске от жителей одной из деревень народности свази. Они рассказали о нем в 1912 году фермеру Стоффелу Коете, внук которого, Ян, стал сегодня хранителем следа. Оказалось, рассказы об этом «отпечатке ноги духа» переходили у свази из поколения в поколение, для них скала остается до сих пор святыней.

След представляет собой точную копию, только во много раз увеличенную, левой ступни человека. При внимательном осмотре можно заметить даже глину, проступившую между пальцев. Нужно добавить, что на острове Шри-Ланка, в 44 милях к

востоку от Коломбо, нашли точно такой след, только от правой ноги. Там он тоже стал предметом поклонения. Специалист из Кейптауна геолог Арчибальд Рейд заявил: «Трудно найти достаточно логичное объяснение этому явлению. Одно очевидно: вырубить отпечаток ноги в такой скале практически невозможно».

А может быть, это все-таки шутка природы, аналогичная той, что так долго сводила на нет все поиски путешественников и ученых в пустыне Калахари, искавших затерянный в песках легендарный город? Предприимчивый американец Фарини, вернувшись в 1885 году из Юго-Западной Африки, сделал доклад в Лондонском королевском географическом обществе о развалинах древнего города, который он открыл в песках Калахари. Его сообщение вызвало сенсацию и целые десятилетия не прекращались поиски затерянного города Фарини.

И только в наши дни нашлась разгадка. Экспедиция английского исследователя Клемента наткнулась в окрестностях Ритфонтейна на гряды скал Айердонконниз. Ландшафт совпадал с тем описанием, которое Фарини оставил в своей книге «Через пустыню Калахари». Одна из глыб-плит походила на деталь развалин на рисунке путешественника. Поверхность некоторых кусков породы можно было при желании принять за рифленую.

Геологи смогли объяснить природный феномен: он возник из-за выветривания долеритовой породы, образующей эти скалы. Поддавшись игре воображения, Фарини принял причуды природы за творение рук человека.

«В слове «Африка» есть какое-то очарование, которое влечет нас к ней больше, чем к прочим частям света», — сказал как-то Александр Дюма. А ведь он настоящей Африки и не видел! Побывал только на крайнем ее севере — в Алжире, который, строго говоря, и не Африка вовсе, а часть арабского мира. Что бы мог написать Дюма об Африке Южной, побывай он там! Ведь и у нее были свои мушкетеры и свои кардиналы. И свои Эдмоны Дантесы.

На неведомый север (краткая хроника открытий)

Кто открыл Южную Африку? Согласимся — вопрос звучит довольно непривычно. Действительно, открывали Америку, а в Южную Африку плавали, огибали ее у мыса Доброй Надежды и шли дальше — в Индию и к островам Индонезии. Первым, по официальной версии, это сделал португалец Васко да Гама. 25 декабря 1497 года он пристал к гористым берегам нынешней провинции Наталь и сообщил потомкам, что жители строят дома из

веток и травы, орудия труда изготовляют из железа, а украшения из меди, что они приветливы и радушны.

О ком это? О коса? А может быть, о нгуни? Моряки так и не услышали от жителей названия их клана или племени и свидетельство их осталось навеки общим — так, вообще о жителях Натала. А потом наступило затишье лет на сто пятьдесят.

И наступил XVII век, и 1652-год, когда голландская Ост-Индская компания учредила «Колонию Доброй Надежды» — Капскую колонию с главным городом Капстадом, с удобной и большой гаванью для океанских судов.

Появилась «точка отсчета». С этого года длится история «белой» Южной Африки — сотни лет конфронтации «белого» и «черного», войн, грабежей, насилия, временных договоренностей, подачек и снова восстаний и войн, закончившихся только сравнительно недавно.

...Итак, они закрепились на Капе. И сразу же начали войны с местными племенами за жизненное пространство. Итог: «...они, готтентоты, потеряли эти земли в результате войны... Их земля досталась нам, она получена нами справедливым путем, в оборонительной войне, и мы намерены удержать ее». Это строки из дневника Ван Риббека, первого губернатора Капской колонии. Но

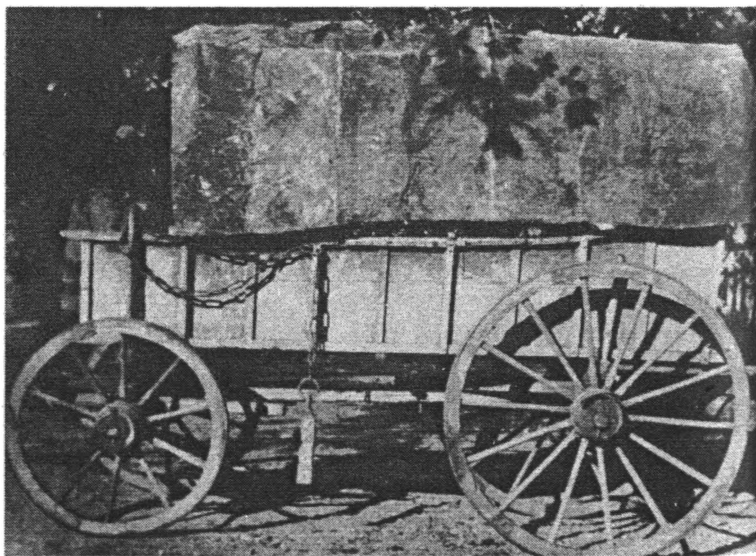

Вице-король Франсишку Аламейда был убит местными жителями на побережье Южной Африки в 1510 г.

в том же дневнике — отдадим должное его здравомыслящему автору — есть слова об аборигенах, живущих не как звери и дикари, «которые находятся в стадии весьма примитивной», а об «отличных охотниках, земледельцах, скотоводах, жителях, владеющих искусством кузнецов и гончаров».

В 1686 году у юго-восточного побережья потерпели крушение английское судно «Бонавентура» и голландское «Ставенисса». Команды разными путями добрались до Капской колонии. Они собрали много новых сведений о народе коса — те занимаются земледелием и скотоводством, имеют кур, овец, отличаются гостеприимством. Три года спустя команда другого судна — рабовладельческого «Норда» — сообщила с досадой, что у коса невозможно купить рабов, ибо те не ведают, что такое продавать людей в неволю. Что ж, каждый смотрел со своей колокольни...

Все это никак не вязалось с образом дикаря — уроженца Южной Африки — с крайне примитивным сознанием и бытом, который сложился в голландской литературе XVII века. Сложился, вопреки свидетельству Рибекка и многих моряков, оказавшихся волею судьбы среди африканцев после того как их суда были выброшены на скалы в самых разных точках побережья — в Атлантике или Индийском океане. «Люди этого племени, обитающие

Бурский фургон

по берегам Оранжевой реки недалеко от ее устья, — доброжелательный, любезный, сдержанный, сильный и сметливый народ, который почитает своих вождей и живет общинами в удобных домах», — это отзыв простых голландских матросов о племени гриква.

Но шли годы и их близких и дальних родичей теснили все дальше и дальше на север. В результате активной экспансии голландцев койкоины отходили в глубь материка. За два столетия пришельцы полностью истребили племена кочоква, горингай-иква, чайноква, атаква...

Из дневника Симона ван дер Стела, губернатора Капской колонии, ноябрь 1685 г.

Вожди амаква, которые сопровождали нас до сих пор, вдруг стали возражать против нашего дальнейшего путешествия по их землям и не хотели больше показывать нам дорогу... Они стали упрямиться и даже неверно указывали нам дорогу, чтобы помешать осуществлению наших намерений. Когда командир узнал об этом, он спросил, почему они стали лгать, вместо того чтобы показывать нам дорогу. На это они ответили, что у них от разговоров разболелась голова. После этого они молчали весь вечер и не отвечали ни на какие вопросы.

Три года спустя: Совет Семнадцати Ост-Индской компании — Совету Капа

Следует учесть, что, по имеющимся сведениям, с вождем этого района (территория сегодняшнего Мозамбика. — *Авт.*) можно улаживать дела с помощью бутылки водки или бренди.

Пройдут десятилетия, а точнее — столетия, и историки соберут все эти материалы в «Синие книги» — сборники официальных и полуофициальных документов, где и сохранятся тексты договоров с вождями племен, переписка губернаторов, донесения о расселении тех или иных народов, насильственном их перемещении... Специально созданные комиссии и подкомиссии опросят чиновников, колонистов, миссионеров, вождей племен, и в ответах проступит картина жизни южноафриканских народов — бесценная хроника раннего периода колониального покорения Африки, калейдоскоп человеческих судеб.

Переселенцев становилось все больше и всех их волновал север — неизвестные манящие земли, где текут широкие реки, растут невиданные деревья, пасутся огромные стада буйволов,

антилоп и слонов. И конечно же, живут другие, неведомые племена...

Самое первое путешествие на север состоялось в 1655 году. Спустя три года после учреждения колонии группа поселенцев отправилась на поиски легендарной страны Мономотапы, южные и западные границы которой на старых картах простирались гораздо южнее, чем следовало. Путешественники обнаружили, что в глубине страны тоже есть пастбища и есть с кем торговать, например, на землях племени намаква.

Через двадцать с лишним лет сами намаква пришли в Капстад и принесли образцы меди, добытой ими в их горах. Посланцы рассказали, что севернее их страны течет большая река и люди там одеваются не так, как они — готтентоты и живут не так вовсе. Голландцы срочно снарядили экспедицию, но ни она, ни две последующие тех мест достичь не смогли. Тогда уже известный нам губернатор ван дер Стил лично возглавил одну из групп.

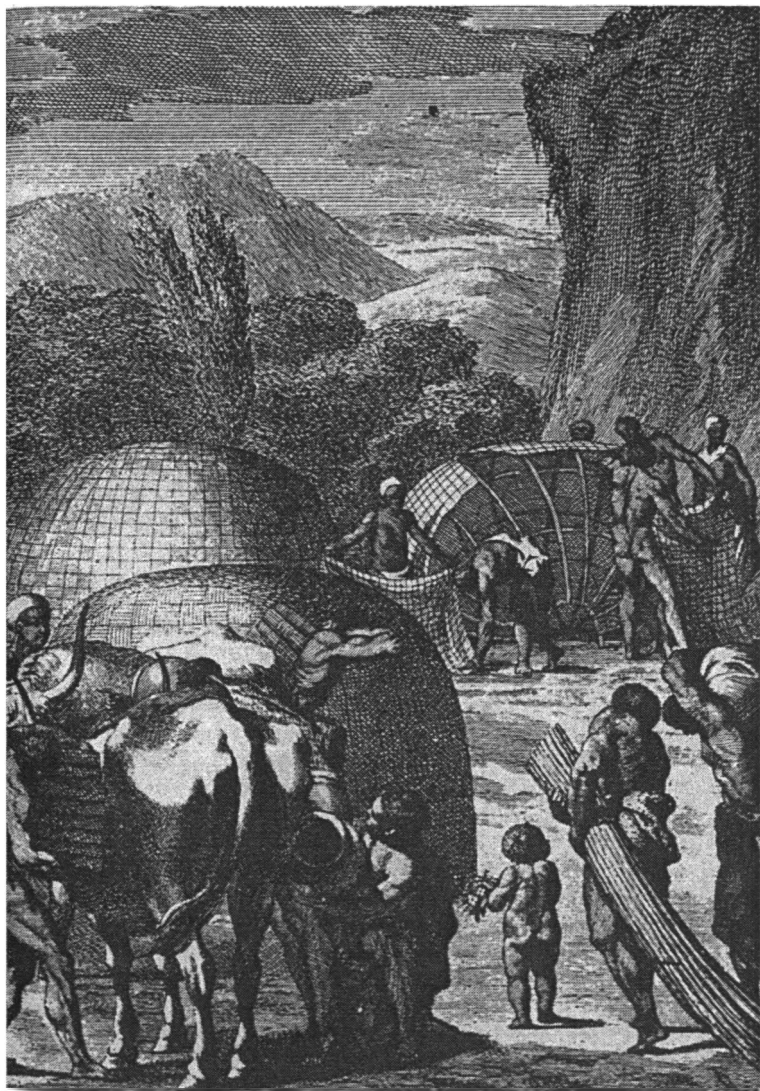
Тот поход, не имевший себе равных по организации и масштабам, преследовал две цели — установить «дружеские» отношения с намаква и наладить торговлю медью.

В чем-то им повезло: к началу дождливого сезона они достигли Медных гор в районе сегодняшнего Спрингбока. Нашли и проявления желтого металла. Но добыча оказалась проблемой. Экспедиция не обнаружила готтентотов и не смогла перейти полноводную реку...

XVIII век стал свидетелем множества походов во всех направлениях — главным образом, в поисках пастбищ и участков для земледелия. То, что через столетие назовут великим бурским треком, пока было явлением спонтанным, практически неуправляемым.

История сохранила память о бесчисленных человеческих трагедиях, которые разыгрывались в жарких саваннах Южной Африки. Исчезали люди. Пропадали целые экспедиции. Известно, что в 1736 году отряд Германуса Гибнера посетил земли коса и тембу и нашел там несколько англичан, которые охотились на слонов и торговали бивнями. После этого у экспедиции еще хватило сил пересечь реку Гонуби, но потом они благоразумно повернули назад, прихватив, правда, с собой пять тонн слоновой кости — той самой, что заготовили англичане. Они намеревались безбедно провести остаток дней на Капе, но судьба распорядилась иначе. Вооруженное нападение местных жителей погубило всех участников экспедиции...

В 1760 году фермер из Пикетберга по фамилии Якоб Котсе (примерно то же, что в России «Василий Иванов») в поисках слоновьих стад пересек Медные горы, открыл Гроот, или Оран-

Готтентоты строят укрепленный лагерь

живую реку, пересек другую — Неувен, или Снежную, и подошел к местам, где сейчас находится городок Вармбад. Вернувшись потом домой, он рассказал: в 60 днях пути от Оранжевой реки живет народ с длинными волосами, одевается в материю... Другой смельчак, Гендрик Хооп, решил проверить, так ли это, и в сопровождении 13 молодых колонистов, среди которых были ботаник, хирург и минералог, достигли района Керум (позже — Грюндорн-он-Браус) у северной оконечности горной гряды Карас. Нехватка воды заставила отряд вернуться.

Итак, прошли XV, XVI, XVII века, а о зулусах мы так ничего и не узнали. Им суждено будет выйти на историческую арену чуть позже, но так, что о них заговорит весь мир. Однако белые «пионеры» (впоследствии мы будем употреблять это слово без кавычек) — колонисты, ученые, авантюристы подбирались все ближе...

В 70-е годы XVIII века началась эра научных экспедиций. Первым был швед Карл Тунберг, который за три года тщательно изучил геологию страны. Его называют отцом ботаники Капской колонии. В его путешествиях ему помогал спутник — Андреас Спаррман, оставивший первое подробное описание жизни готтентотов и бушменов.

А первым англичанином, посвятившим целую научную книгу Южной Африке, был Уильям Паттерсон. Болезнь помешала ему участвовать в походе полковника Гордона в 1777 году, который в составе комплексной шотландской экспедиции отправился на обследование Оранжевой реки. Но два года спустя Паттерсон все же побывал в ее устье, а нижнее течение изучил швед Викар, сбжавший со службы в Ост-Индской компании.

Первым переправился через Оранжевую в 1799 году Уильям Андерссон, член Лондонского миссионерского общества. Но он и его спутники не могли пройти дальше, напуганные агрессивными действиями бечуанов возле местечка Латако.

Конец XVIII, начало XIX века оставили в истории географических открытий в Южной Африке имена блестящих путешественников — натуралистов и миссионеров: Франсуа Левайяна, Джорджа Томпсона, Уильяма Бурчелла, Джона Филипа, Джона Кэмпбелла, капитана Альберти, Роберта Моффата... Некоторые из их трудов были даже переведены на русский язык.

Среди нескольких фамилий, которые мы позволили себе выделить из длинного списка имен, вошедших в историю географии и этнографии, нас особенно интересуют две. Это Дж. Томпсон и Р. Моффат. Последнему, замечательному человеку, известному во всем мире и прожившему среди африканцев более пятидесяти лет, будет посвящено отдельное место в нашем повествовании.

Охота на слонов у готтентотов

А вот Томпсона знают мало. У него имелось несколько однофамильцев-путешественников и потому Томпсона путают с другими, более поздними исследователями Южной и Восточной Африки. Наверняка, немногим известно, что он был одним из первых, кто рассказал, хотя и кратко, на страницах своих «Путешествий и приключений в Южной Африке» о зарождающейся империи Чаки.

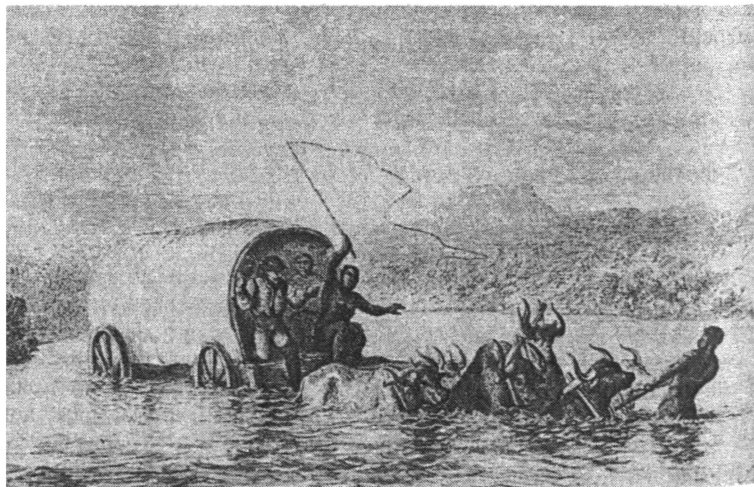
Из записок Дж. Томпсона, Лондон, 1827 год

«От границ амакондо (их еще называют кафры гамбона) — на юго-западе до Мапуты у залива Делагоа — на севере и в глубь до большой цепи гор все земли населены страшным племенем под управлением Чаки. Этот человек — вождь таинственного народа зулу, или ватва — за последние восемь-девять лет покорил племена от Делагоа до Гамбона и учредил варварское царство, основанное на военной деспотии, резко контрастирующее с патриархальным укладом остальных племен кафров. Точное происхождение их неизвестно, но, вероятно, они тоже родственники кафров. Миссионер Трефолл в письме мне из Делагоа в августе

1823 года сообщал, что ему кажется, что зулу и мантати — две ветви одного дерева.

Мощное племя ватва покорило все мелкие племена в соседстве с заливом Делагоа. У них, очень воинственных и жестоких, в мочках ушей большие дырки, в которые они просовывают различные предметы значительного веса. У них самые совершенные фигуры из всех чернокожих, которых я только видел. Они не признают изделия нашей мануфактуры, которыми мы снабжаем местные племена, а признают только шкуры и питаются продуктами скотоводства. На войне они одной рукой прикрывают тело широкими щитами из буйволово́й кожи, а в другой руке держат копье или 6—8 ассегаев. Они по характеру очень непосредственны, никогда не нападают на противника, не посплав ему уведомления о времени, когда они появятся».

Сам зулусов не видевший и склонный, как и большинство его современников-англичан приписывать африканцам чрезмерную жестокость и дикость, Томпсон довольно точно описал в своей книге, вышедшей в Лондоне в 1827 году, некоторые особенности быта зулусов и историю зарождения государства Чаки. И это за несколько лет до выхода классических первых повествований о зулусах — записок Генри Финна, Натаниэла Айзекса и Алана Гардинера!

Трудности путешествия по Южной Африке

Именно с этих лет произведения путешественников по Южной Африке, добравшихся наконец до Натала, начинают наполняться всевозможными сведениями об удивительном и могущественном государстве, где правит Чака.

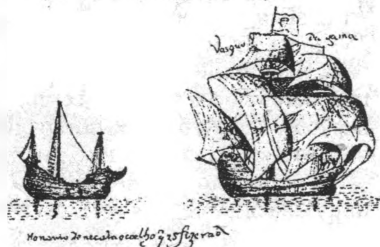
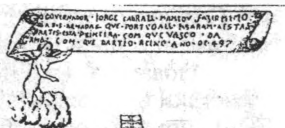
Зулу открывали миру свою страну и свои обычаи.

Забутые странички

Перелистаем несколько страниц назад — и мы найдем собственные слова о том, что после открытия морского пути в Индию в освоении Южной Африки наступило затишье. Не станем оспаривать эту официальную версию историков географических открытий. Но давайте заглянем в антологию португальских плаваний — книгу «Трагическая история мореходства» и найдем там рассказ о первом контакте европейцев с зулусами. Так, по крайней мере, не побоялся назвать этот малоизвестный эпизод четырехсотлетней давности южноафриканский историк С. Р. Уэлч.

Географы подсчитали: через пятьдесят лет после открытия морского пути в Индию

крушения португальских судов у побережья Южной Африки были довольно редки. Правда, Франсишку ди Албукерки исчез в 1504 году у побережья Транскея, не оставив и следа, кроме нескольких бревен, а Жуан ди Кейруш на следующий год выбросился на малопримечательные берега Делагоа, где все члены его команды были убиты местными жителями. Но потом действительно наступил благополучный период. Его прервала в 1552 году катастрофа галеона «Св. Жуан» и сопровождавшего его судна «Св. Жером». Оба были до отказа набиты людьми и пряностями и следовали из Кохина*

Португальская каравелла XV в.

* В главе, посвященной европейским поселенцам в Натале.

Мы еще раз перелистаем страницы старых книг и во второй раз, более пристально, взглянем на события прошлых веков, которые оставили свой след в жизни африканцев этого района побережья.

«Св. Жуан» был гордостью Мануэла ди Суса ди Сепулведы — знатного гражданина Гоа, бывшего и капитаном, и судьей, и губернатором на своей «лавке товаров». Караван держал путь из Индии в Португалию.

Поэт Камознс в своем первом письме из Индии рассказывает, что Сепулведа покинул Индию в недобрый час. Ходили слухи, что именно он подстрекал убийцу губернатора Ормуза, ибо тот претендовал на руку Деоноры ди Са, на которой Сепулведа впоследствии и женился.

«Они пошли искать благословения божьего в стране Наталь», — записал прозой Камознс.

Итак, галеоны отошли поздно, 3 февраля, когда муссоны превращаются из помощников в коварных противников. Сепулведа намеревался проскочить мыс Доброй Надежды до того, как задуют неблагоприятные юго-восточные ветры и приказал рулевому идти вблизи берегов — берегов Наталя! 11 мая они находились в 75 милях от мыса, намереваясь назавтра удвоить пройденное за день расстояние, когда случилось то, чего все так боялись: южный ветер погнал суда на север. Они не успели! «Св. Жуан» с одним парусом — другой они потеряли еще в открытом море — понесло обратно к Наталю. Много дней команда боролась с бурей.

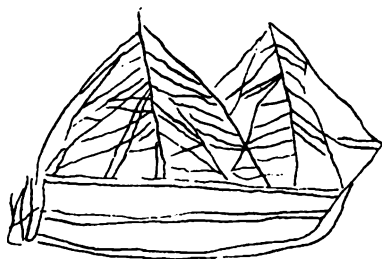
8 июня (по другим данным, это случилось уже в июле) снова показалась земля. 506 человек на тонущем галеоне в мятежном море вновь обрели надежду.

То, что они увидели, были северные берега реки Умтамвуна на границе Пондоленда и Наталя. Решили высаживаться — судно было совершенно непригодно для дальнейшей плавания. Из остатков такелажа надумали соорудить несколько баркасов и идти на веслах и парусах до Софалы — за помощью. При высадке начался сильнейший шторм, который утопил десятки людей и товары на миллион крузейро.

Эта поразительная история дошла до наших дней благодаря квартирмейстеру Эдуарду Фернандишу, уцелевшему после африканской одиссеи и поведавшему ее подробности соотечественникам в Мозамбике. С его-то слов она и вошла в «Антологию кораблекрушений португальской нации»...

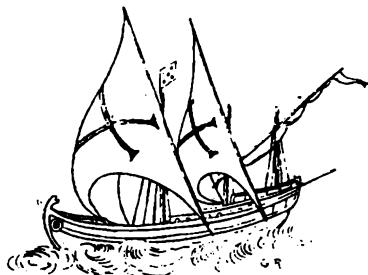
На расширенном военном совете приняли решение: ждать 17 дней, а затем пробираться пешком к Лоренсу-Маркишу. Тула,

Наскальный рисунок судна из Южной Африки, возможно, португальской каравеллы. Сравните с изображением настоящей каравеллы XV в.

как известно, каждый год приходит каравелла — забирать слоновую кость, купленную у аборигенов.

Группа добровольцев стала обследовать окрестности. Первые три дня поисков не дали абсолютно никаких результатов. Потом неожиданно появились девять язычников, которые приняли белых людей за посланцев с небес. Вид местных жителей вселил в капитана надежду. Не отказавшись от попытки найти контакт с чернокожими, он послал темнокожего мулата-матроса поискать жильё. Через два дня тот вернулся и доложил, что нашел только брошенные хижины и сложенные в них ассегаи.

Так же неожиданно, как и первый раз, на холме появились чернокожие и привели с собой корову. Знаками они дали понять, что им нужны металлические изделия. Сепулведа распорядился выдать им иглок.

Поход начался 17 июня 1552 года и каждый его день уносил в могилу двоих-троих человек. Среди них оказались и малолетний сын Сепулведы, и племянник губернатора Индии. Люди умирали от истощения или же становились жертвами леопардов и львов, водившихся здесь во множестве. Одного из руководителей отряда, Диогу Мендеша Дорату, проткнул ассегай вскоре после выхода в путь... Голод достиг предела, люди ели шкуры животных и толченые кости. Тогда вконец измотанные участники экспедиции вышли к одинокому краю на берегу небольшой реки Умфузи. Вождя звали Ньяка. (Это имя уцелевшие португальцы сохраняют для потомков в названии острова Иньяка в заливе Делагоа.) Пожилой бородатый человек выказал дружеское отношение, но предупредил Сепулведу, что дальше на севере живут воинственные племена, которые непременно нападут на них!

Желая расчистить дорогу хотя бы поблизости от крааля и, что вполне естественно, избавиться от слишком назойливых соседей, Ньяка предложил португальцам напасть силами одного импи (отряда — на языке зулу) на противника. Вместе с группой Панталеоне ди Са африканское воинство разбило неприятеля. Поход на север возобновился.

О том, что ждало их дальше, никто и не предполагал. От Ньяки знали только, что Мифумо ненавидит всех иностранцев и борется с ними — открыто или с помощью предательства. Эти «фумо», как называли их португальцы, были самым воинственным племенем, говорившем на языке группы зулу-коса и жившим здесь уже около ста лет.

Отряд спасало только то, что Сепулведа пользовался услугами рабыни, которая знала зулусский язык и договаривалась с местными жителями — а те, в свою очередь, предлагали свои услуги при переправах через многочисленные реки, что текли из глубины континента к океану. Число участников похода сократилось до 120, и они прошли, в общей сложности, петляя и делая круги, около 900 миль!

Вождь Мифумо узнал о приближении отряда задолго до того, как передовые группы догадались, что впереди есть жилье. Он послал им навстречу гонцов с предупреждением не входить в крааль, а оставаться снаружи, у деревьев, куда им и доставят одежду и пищу. За это они расплатятся иголками.

Без происшествий прошло пять дней, и Сепулведа послал к вождю своего человека, чтобы попросить разрешения остаться здесь до тех пор, пока за ними не придет судно. Вождь согласился, но при условии, что португальцы разделятся. Капитан с женой поселится в королевском краале, а остальные — в краалях индун, его военачальников. Сепулведа согласился. Он не мог знать, что Мифумо панически боялся его мушкетов. Наверное, у него были основания их бояться... Это докажет через два года команда с разбившегося о скалы «Св. Бенедикта»: сто вооруженных португальцев быстрым маршем — не чета этой погрязшей в болезнях горстке людей — огнем и мечом проложит себе дорогу через африканские дебри, и жители в панике побегут...

Сепулведа согласился расстаться с мушкетами, тем более, что солдаты устали их носить. Жена оказалась умнее и предупредила мужа: «Мы расстанемся с жизнью, если отдадим оружие!» Но ее не послушались.

Распределив белых пришельцев по краалям, вождь похитил у них не только оружие и товары, но и одежду, причем первым обокрали самого Сепулведу и 20 его спутников в королевском краале. Возмущенные португальцы решили бежать. Отряду ини-

циативного молодого Панталеоне ди Са удалось добраться до реки Инкомати, но их настигли и вернули, отобрав свою одежду.

До нас не дошли подробности гибели жены Сепулведы и его детей. Известно только, что она погибла, отказавшись подчиниться вождю и снять с себя украшения. Сам капитан стал проявлять признаки сумасшествия. Похоронив семью, «он пошел в лес и не вернулся» — так говорится в хронике.

А ди Са, который, кстати, приходился братом жене капитана Леоноре, все же удалось бежать. Они долго странствовали по незнакомым землям и, оставь они записки о своих путешествиях, те стали бы бесценным источником сведений о быте и нравах племен нгуни на ранних этапах их истории. Но Панталеоне преуспел в другом — он был медиком, и это не раз спасало жизнь ему и его спутникам. Исцеляя болезни вождей, он добивался их снисхождения. А еще он был фокусником, и это ремесло выручало его даже чаще, чем талант эскулапа.

В конце концов они достигли бухты Иньямбане — в 230 милях севернее залива Делагоа. Именно реку Иньямбане за полвека до них Васко да Гама назвал Медной рекой, а страну — Землей добрых людей. Здесь в устье располагалась португальская фактория, там скрывались беглые «мифумо», 8 португальцев и 14 рабов, которым удалось выжить в скитаниях, спасаясь от коварного вождя. Вот откуда мог знать Мифумо об убийственной силе мушкетов!

Пройдут годы, и Камознс в своих «Лузиадах» превознесет Сепулведу как героя и мученика, третьей жертвой злого духа Адамейда. Первыми были Бартоломеу Диас и Франсиско ди Алмейда. А ведь настоящим героем той эпопеи был безвестный молодой моряк Панталеоне ди Са!

Конечно, можно возразить: что такое происшествие с командой «Св. Жуана»? Так, короткий эпизод печальной истории мореходства... Что дал он истории, кроме очередных проявлений слабости и трусости одних, мужества и настойчивости других? Сколько всего этого *было* и кануло в лету! Но это не совсем так. Как тысячи мелких ручейков сливаются в один мощный поток, так и историки и этнографы по таким вот крупичкам собирают сведения о неведомых в ту пору странах и народах.

Разными путями шли те сведения — через таверны портовых городков и скупые на слова, но наполненные цифрами отчеты купцов, бортовые журналы и похожие на сказки истории пилигримов и мореходов. И рождались образы.

У наших предков, россиян, тоже был *свой* образ Южной Африки!

«До нынешнего времени, весьма неизвестные»

Пальцы наборщика привычно сновали, подбирая нужные литеры. Раз-два — вылетали свежие пахучие полосы, страницы будущей журнальной книжки. За двадцать лет работы у пожилого наборщика выработалась привычка читать то, что он набирал, это было свойственно далеко не каждому работнику типографии.

Подслеповатыми глазами он пробежал по первым строчкам статьи: «С мыса Доброй Надежды уведомляют от 3 августа, что армия короля Чаки идет на владения каффров. Подполковник Сомерсет выступил для прикрытия границы и для содействия каффрам».

«Эвон о чем! Знакомое дело! Кабы был я помоложе, непременно подался б в те далекие земли, матросом хотя б...» И наборщик показал отчеркнутое ногтем место на гранке напарнику — мастеровому.

То была давнишняя и несбыточная, конечно, мечта старого типографского мастера. Читать об Африке, точнее, об Африке Южной, ему доводилось и ранее: издавали в типографии и учебники географии, и лоции, и переводы записок иностранных путешественников. Да и в журнальных статьях встречалось это жаркое словечко — Африка, и еще — мыс Доброй Надежды, и племя зулусов...

Не знаем мы имени того наборщика, да и неважно это: внуки его шагнули в век двадцатый — им досталось многое повидать, о многом услышать, поболее деда! Но не станем заблуждаться и, ссылаясь на старые времена, утверждать, что в начале прошлого века о народах Южной Африки и знать не знали. Знали! Правда, не так хорошо, как сейчас. И доказательство тому — журналы и книги той эпохи. Не белые и не гладкие сегодня их страницы, их отнюдь не украшают бесчисленные штампы частных коллекций и библиотек. Сколько рук листало те, еще свежие журналы... А сколько было устных пересказов прочитанного! Далеко, на другом конце Африки еще был жив Чака! И не одна воспаленная душа рвалась потом в далекую Африку, чтобы помочь справедливой борьбе тех самых зулусов, которые привлекли внимание старого наборщика в далеком 1828 году в сырой и полуметной петербургской типографии.

В огромной снежной России рождался свой образ Южной Африки. Из крошечных коломенских окошек кто-то пристально всматривался в даль, пытаясь разглядеть просторы африканских саванн, крааль зулусов, длинные караваны бурских фургонов, уходящие на север...

Не потому ли в далеком уголке Рязанской губернии появилась когда-то деревенька с таким неблизким, но столь понятным названием Мыс Доброй Надежды?

Да, в далекой России знали о Южной Африке, о зулусах. Но что это были за сведения? Какие книжки и статьи определили представления русских о зулусах в далеком прошлом?

Представления одних народов о других — тема молодой еще науки имагологии. В начале XIX века никто кроме путешественников никаких сведений о Южной Африке доставить не мог. Но отношение к африканцам у каждого путешественника зависело от той главной цели, которую он себе поставил. Давайте сравним.

Эдуард Мор. Путешествие в Африку к водопадам. Виктория на Замбези. Спб., 1876 г.

«Иностранец, путешествующий по землям племени зулов или матабелов; в мирное время, когда цари спокойно управляют страной, окруженные своими «идинас» (индунами. — *Авт.*), уважающий обычай народа находится в совершенной безопасности как в отношении своей жизни, так и имущества. Я уверен даже, что здесь гораздо больше шансов на безопасность, чем в цивилизованных государствах Европы, потому что разврат и грубость нравов, господствующие на грязных плебейских улицах наших больших городов, здешним варварам еще неизвестны».

А вот чем порадовал читателя журнал «Телескоп» в 1831 году:

«Вообще колониальный готтентот есть существо развратное, неспособное противиться искушениям, вполне чувствующее преимущество европейца, которого поля он возделывает...»

Это строчки из высказываний англичанина, некоего Купер-Роуза, видимо, офицера, четыре года прожившего в далекой Капской колонии и пронесшего через всю жизнь ненависть и презрение к африканцам. Но чуть ниже, сам себе противореча, он говорит об их смекалке и природных способностях: «Нередко попадались нам огромные следы слонов, и готтентоты, смотря на оные, определяли время, в которое прошел зверь. «Этот шел третьего дня, этот сегодня ночью», — говорили они».

В начале XX века исследователь Д.С. Милль писал, что сведения, выносимые средним путешественником из чужой страны в качестве его личных впечатлений, почти всегда в точности подтверждают те его мнения, с какими он отправился в путь. Он имел глаза и уши для того, что он ожидал увидеть и услышать. Так стоит ли многого требовать от офицера колониальных войск?

За последние лет триста родилась огромная библиотека обо всех племенах и народах земли. Есть книги, которые оказались единственными в своем роде и определили на десятилетия представления того или иного народа о другом. Вспомним Дэвида Ливингстона. Несмотря на то что после публикации его записок появились сотни томов разноязыкой литературы об Африке, именно его рассказами зачитывались и зачитываются сегодня миллионы людей во всем мире, хотя многие научные выводы и наблюдения шотландского путешественника, мягко говоря, устарели...

Д. Ливингстон. Путешествие по реке Замбези. М., 1867 г.

«Африканские туземцы всегда вместо неинтересной правды говорят то, что считают интересным для собеседника. Например, географ спрашивает туземца из внутренней части страны, высоки ли горы у него на родине, где он провел свою юность; туманно припоминая что-то в этом роде и стремясь доставить удовольствие, туземец отвечает положительно. И так бывает всегда, о чем бы вы ни спрашивали — о золоте, единорогах, людях с хвостами...»

Или еще одно место у Ливингстона под условной рубрикой «было — не было»: «Европейцы слышали много страшного о тех местах, но шли и шли. Там изготавливают яды специально для умерщвления людей. Яд накладывается на маленькие деревянные острые стрелы и прикрывается кукурузным листом. Если взять в рот хоть каплю — немеет язык. Бушмены используют для его приготовления внутренность одной гусеницы — «нга». Говорят, что яд действует так сильно, что вызывает бред, и человек, находясь при смерти, впадает в младенческое состояние, просит грудь матери. Лвы, подстреленные такими стрелами, умирают в страшных мучениях. Возможно, ядовитость гусениц зависит от ядов растения, листьями которого она питается».

Младший современник Д. Ливингстона чех Эмиль Голуб, главной целью жизни которого было «сорвать покров с таинственных стран, дружелюбно улыбавшихся смельчаку», писал: «Некогда добрый отец посеял в моем сердце семена любви к природе. Дневники Ливингстона помогли им прорасти. Я сменил берега Влтавы на южноафриканские степи, а стобашенную Прагу на палаточный городок Нью-Раш. Я стоял на пороге того Эльдorado, о котором мечтал двадцать лет...»

Сколько исследователей могли подписаться под этими словами!

В чем бешеный успех «Копей царя Соломона» Райдера Хагарда? Да в том, что он использовал достоверный материал из жизни зулусов! «Его фантазия не буйная, не пламенная, а приземистая, очень солидная, обуздываемая на каждом шагу холодными прикосновениями фактов» — это написал в 1922 году Корней Чуковский в предисловии к первому советскому изданию этой книги.

Владимир Осипович Ключевский, говоря о книгах иностранцев, написанных о России, замечал, что иностранцу быт и характер русских людей должен показаться странным. Слишком уж он не похож на его понятия и привычки, чтобы отнестись к нему с полным спокойствием, взглянуть на него не со своей личной точки зрения, а со стороны тех исторических условий, под влиянием которых слагается этот быт и характер. Как эта мысль верна и в применении к Африке! Классический пример заблуждения наблюдателей — повествования английских путешественников по Южной Африке; живописавших «монархические порядки, как в Европе» и не заметивших, кстати, отсутствия у африканцев частной собственности на землю!

Виной этому — этноцентризм, невольное желание сопоставить, сравнить свое с новым, только что узанным. И оценить, но только своими, привычными мерками. И заменить действительность сказками...

Известный русский просветитель Н. Рубакин пересказал в серии «Географическая библиотека» рассказ английских моряков, потерпевших крушение у берегов Африки в конце XVIII века. Основываясь на свидетельствах матросов, автор описывает быт зулусов и потом замечает: «Войны кафров тянутся недолго. Они никогда не бывают кровопролитны. Войны дикарей не то, что войны образованных народов, убивающих друг друга сотнями тысяч...» Англичане долго жили среди зулусов, имели возможность тщательно изучить их обычаи и историю. Вроде бы все правдоподобно. Однако все перечеркивает одна лишь фраза автора, где он упоминает вождя Дингаана, страдавшего падучей, которого видели пленники.

Но они не могли его видеть, ибо потерпели крушение вскоре после 1782 года, когда Дингаана еще не было на свете!..

Желание пофантазировать, приписать то, чего не было, видно и в книжке «Земноводного круга краткое описание...» Иоганна Гибнера, изданной в Москве в 1719 году. Она выдержала 36 изданий общим тиражом 100 тысяч экземпляров! Вот что пишет автор о Каффрии: «Жители этой страны человеческое мясо жрут. В земле своей называются оные готентотен, а говорят языком, подобно как у нас куры кричат».

Для начала XVIII века это было простительно. Салонные разговоры об Африке без упоминания о людоедстве были скучны. Но прошли века, наступил двадцатый век, а вездесущая заманчивая фраза о каннибализме у зулусов прошмыгнула в такие солидные издания, как «Африка» Ф. Гана 1903 г. Она затерялась среди реалистичного описания событий в землях зулусов и матабеле, и потому была воспринята с верой. Вот это место у Гана.

Ф. Ган. Африка. М., 1903 г.

«В последние годы часто приходилось слышать о народе матабелей, или матебелей, область которых на севере граничила с рекой Замбези, а на юге с Лимпопо. Главное занятие их заключалось в охоте, грабеже и войне, земледелие находилось в пренебрежении, а скотоводство ограничено распространением мухи цеце. Уже своей наружностью матабели производили впечатление крайней дикости. Увешанные шкурами диких зверей, украшенные леопардовыми хвостами, прикрытые шапкой из шкуры дикой кошки или зебры, они носили в руках короткие пики, колоссальные копья и огромные щиты, их хищнические походы сопровождались ужасами, опустошением и избиением людей в самых больших размерах. Это неудивительно потому, что у них существовало людоедство, которое подтверждается найденными в пещерах черепами и раздробленными мозговыми костями...»

Между тем, каннибализма у матабеле не было — это доказали миссионеры, жившие среди них подолгу, да и современные ученые. Правда, тут возможно другое: в краях этого народа обитали представители других племен, покоренных воинами матабеле. Эти чужеродные элементы в армии матабеле широко использовались в дальних походах. Возможно, среди них были и каннибалы...

Не будем так уж строги к первым да и не только первым наблюдателям быта далеких народов. Вспомним Белинского: «Часто путешественники вредят себе и своим книгам дурной замашкою видеть в той или иной стране не то, что в ней есть, но то, что они заранее еще у себя дома решили в ней видеть...»

В свое время известный немецкий писатель Г. Белль опубликовал свои наблюдения за своеобразными штампами в описании тех или иных народов.

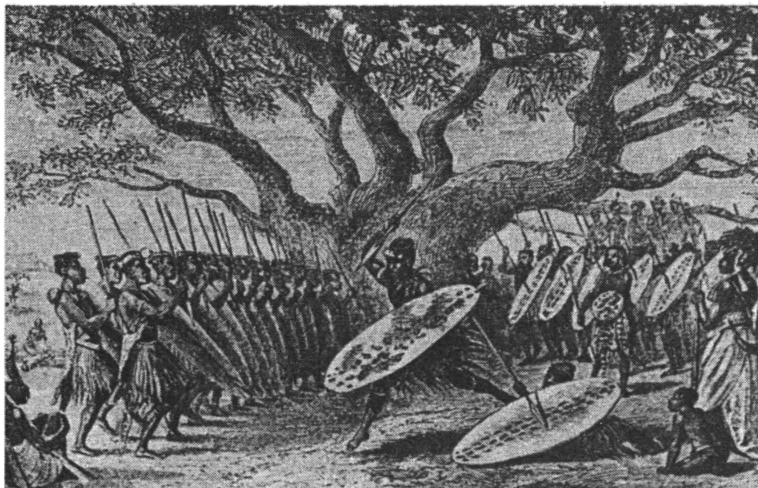
«Русские непременно с бородой, одержимые страстями и немного фантазеры; голландцы неуклюжие и как дети наивные; англичане скупые или чересчур «оксфордистые»; французы то чрезмерно чувственные, то невероятно рассудительные; немцы либо целиком поглощены музыкой, либо беспрестанно погло-

щают кислую капусту; венгры, как правило, безумно страстные, таинственные и накаленные, как нить электрозажигалки...»

А зулусы? Пожалуй, такого емкого, но в то же время краткого и точного определения в литературе прошлых веков, изданной в России, не найдешь. В большинстве своем это пространные описания, заимствованные у миссионеров, и схожи с теми, что опубликованы в вышедшей в 1846 году книге «Известия о коренных жителях Южной Африки и о распространении между ними христианства»: «Земли Южной Африки принадлежат к числу тех стран, которые не могут обращать на себя всеобщего внимания ни по каким-нибудь историческим событиям, ни по памятникам древности, ни по политическим переворотам, ни по славным подвигам их обитателей... Напротив того, состояние несчастных югоафриканцев, которое путешественники обычно изображают во всех известиях о них самыми мрачными чертами, возбуждают в читателях часто отвращение или даже презрение к этим народам».

И вообще, «природные жители Южной Африки состоят из нескольких племен, из которых более всего известны готтентотское и кафрское».

Но было бы несправедливо представлять давнюю африканистику полностью в кривых зеркалах. Журнал «Библиотека для чтения» в № 3 за 1834 год в разделе «Смесь» публикует рассказ некоего лейтенанта Роджерса, который служил в Южной Афри-

Боевой танец зулусов

ке и привез в Европу интересные сведения о «кафраx». Вот что пишет этот наблюдатель о военных действиях: «Вид кафров, идущих в атаку на неприятеля, поразителен. Они скидают с себя каро, или епанчи из размягченной бычьей шкуры, носимые обыкновенно через плечо, и идут в атаку совсем нагие; на темно-бурой лоснящейся их коже, облитой ручьями пота, яснеют только медные и костяные кольца, которыми они унизывают себе не пальцы, а руки, да нити цветных бус, которые носят они на шее или по поясу, считая талисманами...

Кафры кажутся высоки в сражении, но в самом деле рост их невелик, и все вообще сложение уступает европейскому. Только от постоянного движения лядвеи, голени и ступни становятся у них огромные до уродливости, так что легко различить след кафра по его величине и расширению пальцев».

И еще один любопытный пассаж: «Они неутомимые путешественники и деятельны до чрезвычайности, точно сайги, которые, говорят, и простреленные пулей, с ног не валяются, а бегут далее, собственно уже до смерти...»

Будем откровенны: экзотика и ощущение отдаленности всего происходящего довлела в представлениях о южноафриканцах у давних читателей, наших соотечественников. Для большинства европейцев они были просто кафрами или готтентотами.

Были кафры, и были буры и англичане. Кто-то с кем-то постоянно враждовал. Кто-то был жесток. Кто-то страдал. Кто-то куда-то плывал. Что-то видел. Что-то привез и рассказал.

Дингисвайо

Мы в Южной Африке, читатель. Вернее, в той восточной части ее побережья, которая с конца XV века носит красивое португальское название «Наталь». Это означает «рождество», а назвали эти области спутники Васко да Гамы, когда проплывали берега Юго-Восточной Африки в последний месяц последнего года пятнадцатого столетия.

Но нас интересуют не столь давние времена. Рубеж семнадцатого и восемнадцатого веков, так насыщенный в Европе событиями и засвидетельствованный источниками, для Южной Африки оказался покрытым мраком.

Между тем, тут развернулись действия, которым чуть позже уготовано было стать прологом многих перемен в европейской да и в мировой истории. Неведомая глубинная Южная Африка, патриархальная жизнь которой не нарушалась, казалось, целыми столетиями, копила и множила в себе серьезные социальные и военно-политические сдвиги, настоящий пожар.

Для возгорания достаточно было одной искры.

Возможно, такой искрой стала малоизвестная экспедиция, не прогремевшая подобно предприятию прославленного морехода, но породившая загадку, о которой и поныне думают африканисты. Речь идет об экспедиции дю Грэ Александрера, принца Каледонского, который, будучи губернатором Капской провинции, решил наладить связи с португальскими поселениями в бухте Делагоа, где сегодня находится столица Мозамбика — Мапуту. В 1807 году группа всадников под началом военного хирурга Роберта Коуэна на двух фургонах в сопровождении слуг готтентотов и гриква капского полка под командованием капитана Donovan и носильщиков пошли на север через земли бечуанов по цепочке миссионерских станций.

Они растворились в неведомой дымке и больше о них в Кейптауне ничего не слышали!

Что же происходило в тех далеких землях?

Сделаем необходимое отступление, прежде чем последует продолжение этой удивительной и полной загадок истории.

Территория Южной Африки — продолжение великой африканской платформы, которая к северу простирается до Сахары. Многочисленные реки миллионами лет пробивали себе глубокие ущелья среди скал, а горы создавали непреодолимые барьеры для странствий африканцев. Драконовые горы, высокие на севере, постепенно понижаются к югу, уступая место холмистой саванне. С гор стекают в океан многие большие и малые реки, служившие естественными границами различным племенам.

Этот район стал как бы природным тиглем, где формировались различные этнические группы, их культура и быт.

Дальше на север плато переходит в огромную прибрежную равнину Южного Мозамбика и трансваальского вельда. В однообразной саванне выделяются плоские холмы — «копиес», вокруг которых и разворачивались главные события южноафриканской истории.

Геологические особенности района по-своему влияют на климат. В холодный период ветры с океана приносят дожди, которые ускоряют рост трав сначала на прибрежных долинах, а затем и в глубине континента, но постепенно сходят на нет по мере приближения к знойным песчаным и каменистым «морям» Калахари. Такой режим создал здесь благоприятный «средиземноморский» климат, настоящий рай для скотоводов — без мухи цеце, малярийных комаров и прочих паразитов, столь распространенных дальше на север, за непреодолимыми водными преградами — реками Лимпопо и Замбези...

В соответствии с режимом дождей самая густая растительность в бушвелде на восточном побережье постепенно уменьшается на внутренних плато и вовсе сходит на нет в землях бечуанов, ближе к Калахари. Но хотя земли эти весьма плодородны, длительные засухи могут свести на нет усилия людей на очень долгое время.

Такова географическая картина того региона, где будут разворачиваться последующие события нашего повествования. Куда сложнее и запутаннее картина этническая.

Южные банту, которые сегодня населяют большую часть Зимбабве, отдельные провинции Мозамбика и ЮАР, принадлежат к большой семье народов, которые в свое время распространились из одного центра — вероятно, из области реки Кросс, и постепенно освоили большую часть Африки к югу от Сахары по линии Бенин — Сомали. Эта гипотеза покоится главным образом на лингвистических данных. Во время странствий южные банту в значительной мере смешались с более ранними жителями, известными исследователям по каменным орудиям, наскальным рисункам и характерным щелкающим звукам в языке. В Восточной и Южной Африке то были главным образом охотники и собиратели бушменской группы, а в Конго аборигенную группу составляли пигмеи. Кроме того, в Восточной Африке банту вошли в соприкосновение с нилотскими племенами и арабами, что тоже нашло отражение в их культуре и языке.

За века банту разделились на многочисленные группы с сильно различавшимися языками и культурой. Некоторым удалось создать мощные государственные образования и политические системы — вспомним, например, Мвене Мутapu, правителя, при котором были воздвигнуты каменные шедевры Зимбабве. Другие сохранили патриархальный деревенский уклад.

Две черты отличают южных банту от их северных соседей — центральных банту. У первых наследование власти шло от отца к сыну, то есть было патрилинейным, а у последних — от брата матери к сыну сестры. И второе — южные банту преимущественно скотоводы, а центральные предпочитают земледелие.

В Южной Африке банту сравнительно недавние пришельцы, и хотя ученые оспаривают сроки их появления, случилось это не ранее XII века. Арабский историк аль-Масуди писал в 943 году, что Совала была границей поселения зинджей. Дальше к югу жили вак-вак, у которых не было скота и которые ходили голыми, и язык их изобилует свистящими звуками... Скорее всего, то были бушмены, которые к XVIII веку широко распространились по Южной Африке.

Чаще всего пришельцы-банту изгоняли аборигенов с исконных мест и постепенно смешивались с ними, если отношения были добрыми, и тогда банту заимствовали некоторые элементы их языков в своей речи. Иногда целые группы бушменов жили среди банту, как это до сих пор можно видеть у бечуанов (тсвана).

Границы экспансии банту строго определялись географическими факторами. Прибрежный «коридор», вытянувшийся вдоль восточного побережья Индийского океана от Наталя до границ Капской колонии, стал «домом» для множества племен, относящихся к языковой группе нгуни. Все они говорили на диалектах одного и того же языка; имелись лишь расхождения между северными и южными соседями. Нгуни зашли дальше всех банту и потому сильнее испытали на себе влияние прежнего населения — койсанских племен. По культуре различные группы нгуни вообще очень близки. Сколько было племен — сказать трудно, так как списки их составлялись уже при англичанах, когда племенная структура была сильно деформирована. Чаще всего называют число 94.

К началу XIX века население Наталя составляло один миллион человек. По оценкам этнографов, племена находились на стадии доклассового общества, но существовали уже предпосылки для перехода к обществу классовому и от племенной общности к более высокой ступени — народности.

Разрозненные свидетельства потерпевших кораблекрушение моряков и устная традиция племен восточного побережья позволяют создать достаточно схематичную картину того, как проходила «колониализация» этого района племенами банту.

Племена коса — авангард нгуни — осели в верхнем течении реки Умзимвубу около 1300 года, а к 1593 году дошли до реки Умтата (названия этих рек еще не раз встретятся нам в дальнейшем). К XVIII веку они добрались до Фиш-ривер и расселились вдоль нее. Здесь-то они и натолкнулись на буров, шедших на север вдоль побережья в поисках удобных пастбищ.

На внутреннем плато, подальше от океана, осели представители другой языковой группы — сото. Они пришли в Южную Африку тремя самостоятельными группами и расселились на территории современной Ботсваны, а уже отсюда пошли на юг и восток до самой Оранжевой реки. Их движение на запад быстро остановила та самая «огнедышащая» Калахари, но одному из племен — тсвана — все же удалось добраться до озера Нгами и осесть на его берегах. В Центральном и Северном Трансваале вместе с северными сото осели еще и две небольшие группы мигрантов — венда и лемба, по всей вероятности, это часть народа каланга из сегодняшнего Зимбабве.

Время миграций сото нельзя определить с такой точностью, как для нгуни, но скорее всего это был период с XIII по XVII век.

Хотя обе большие группы племен и были отделены друг от друга горными хребтами, их изоляция, конечно же, не являлась абсолютной.

Отдельные отряды нгуни переваливали через Драконовые горы и оказывались среди сото. Особенно удобны эти переходы в северной части гряды — как раз там, где в свое время преодолел этот рубеж будущий вождь ндебеле, ушедший от Чаки и создавший свой народ — Мзиликази.

Калахари же всегда оставалась убежищем для разрозненных групп охотников-бушменов и готтентотов, расселившихся по территории Юго-Западной Африки. К северу от них раскинулись земли гереро и овамбо, которые, впрочем, остались в стороне от событий, описываемых здесь...

Крупный знаток быта и истории зулусов Брайант, основываясь на устной традиции, посвятил ранней истории этого народа сотни страниц своих книг. Собранные им сведения по-своему уникальны и поэтому нам стоит обратить на них самое пристальное внимание.

До 1818 года зулусы были незначительным по численности племенем и жили в междуречье Мкубане и Мпембене в центральной части Зулуленда. То были «аба-ква-зулу», то есть «те, кто произошел от Зулу». Этот Зулу был вождем, который после смерти отца в XVII веке покинул родной крааль и пришел в эти места из Трансвааля, а потом вместе с матерью перебрался в глубь необитаемой страны — «равнины, со всех сторон окруженной холмами». Здесь зулу построили новый крааль и дали начало самостоятельному клану.

Сами нгуни, по мнению Брайанта, различали у себя несколько групп. Первая — группа кланов нтунгва (живут на территории Зулуленда). Вторая — коса (Капская провинция). Третья — лала (Наталь). Четвертая — эмбо (Наталь, Свазиленд).

Аба-нтунгва («люди нтунгва») утверждают, что пришли в свою страну с запада, с земель эбенгуни (то есть из «страны нгуни»), что пришли оттуда ради «исикулу» — больших корзин для хранения зерна, и что они якобы следовали за саранга — кузнечиками.

Аба-коса («люди коса») тоже явились с запада, пересекли Грикваленд и вышли к побережью океана в нижнем течении реки Кей. Лала и эмбо пришли из Португальской Юго-Восточной Африки, пересекли холмы Лубомбо, а прежде жили на реке Инкомати.

В ранних португальских источниках содержатся кое-какие сведения о нгуни, правда, вымысла в них больше, чем истины.

Мануэль ди Суса. Португальская Азия, 1589 г.

«...К северу от королевства Вирангуне лежит страна Иньяка...От страны Бамбе (Наталь) до мыса Доброй Надежды вообще не существует королей, а имеются анкозе, или деревенские начальники...»

Иньяка — это, наверняка, об острове возле сегодняшнего Мапуту в заливе Делагоа, слово это явно из языка нгуни. Невежественный португальский писец перепутал буквы и вместо вангуни получилось вирангунни. Ангозе — явно инкоси — вождь на языке зулу и коса.

По устным традициям, все нгуни расселились в верховьях Вааля около 1500 года, потом разделились на две части. Одна (предки бакони, или нгуни-басуто) двинулась на северо-запад и вошла в басуто, пришедших с севера. Другая, собственно нгуни, разделилась на несколько групп, о них мы уже говорили.

Лала и эмбо долго кочевали вместе и потому сегодня оба племени говорят на особом диалекте — текеле. Лала подпали под влияние тонга, долго практиковали смешанные браки и дело дошло до того, что когда через много лет отдельные лала захотели вернуться в старые места, родственные группы нтунгве отказались их принять, заявив, что те уже не нгуни, а тонга. И лала ушли в Наталь, уже открытый Васко да Гамой...

Но вернемся к корзинам и кузнечикам. Корзины из пучков травы — особенность быта кланов нтунгва. У других нгуни таких нет. Скорее всего, нужда вызвала эту миграцию, а не корзины. Нехватка зерна. Корзины были пусты из-за того, что вредители уничтожили урожай. Но тогда почему они следовали за саранчой, а не от нее? Скорее всего, уход был вызван стычками с басуто. Если предположить, что средняя продолжительность правления инкоси 18—20 лет, то, отсчитав десять поколений от Мпанде назад, получаем 1625 год. Именно в это время и был основан клан зулу, вернее, «аба-ква-зулу», «люди семьи зулу».

На определенном этапе истории часть зулу смешалась с басуто, жившими рядом. Это объясняет и их общие легенды и обычаи. В одной мифе рассказывается, как жена Ункулункулу, первого человека, родила ребенка и решила избавиться от него, накормив ядовитыми, как ей показалось, зернами. Но ребенок, поедая их, становился все толще. Так было открыто высококалорийное сельскохозяйственное растение сорго — основная культура зулусов. Точно такой же миф есть и у басуто.

Вообще заманчиво выглядит гипотеза о том, что на ранних этапах истории судьбы нгуни тесно переплелись с судьбами дру-

гих племен банту, например гереро и овамбо. Наверняка у них были общие предки, разошедшиеся в разные стороны. Но когда и где? Может быть, какое-то более сильное племя вытеснило их с прежних мест, и они бежали на юг, оставляя неприятелю все имущество, подобно тому, как это случилось с врагами Чаки много веков спустя?..

И у нгуни, и у гереро всегда был низкорослый скот с короткими рогами. Именно таких быков и коров видел Д. Ливингстон у племени кололо южнее Замбези в районе водопада Виктория. Встречали такой скот и в верховьях реки Окаванго, на реке Кафуэ и у племени янзи в Конго. Не на том ли пути, по которому двигались нгуни с неведомого севера?

Им нужны были новые пастбища. Давайте проследим по карте районы возможных пастбищ от озера Танганьика до Капской провинции. Вырисуеться четкий маршрут миграции. А данные лингвистики подтвердят такой путь!

Двигаясь с севера, они шли со скотом вдоль восточного берега озера Танганьика, через территорию Малави и Замбии к верховьям Замбези. Именно туда, а не к нижнему течению этой великой реки! Знали, что там, в низовьях, Замбези перейти невозможно! Великая река разливается на много километров вширь. Но как же они все-таки пересекли ее? Единственное возможное средство — связки камыша толщиной 30 сантиметров. Едва ли в те далекие времена они были знакомы с иными плавсредствами!

А может, они вообще не пересекали ее вплавь, а шли вдоль течения, вернее, против него, до водораздела Замбези и Конго, до узких мелких мест? А потом перед ними открылись необозримые просторы Южной Африки...

Брайант нашел много совпадений в обычаях и языках у нгуни и кавирондо (озеро Виктория). Конечно, совпадения могут быть случайными, так сказать, продуктом схожего развития при сходных условиях. Но вот один обычай встречается только у этих двух народов и нигде больше в мире! Главу крааля хоронят в сидячем положении, причем его голову оставляют над поверхностью земли. Она, прикрытая кухонным горшком, начисто обгладывается муравьями и высыхает. Потом эту голову забирают и погребают возле хижины. Этот нилотский обычай захоронения с выступающей над землей головой сохранился до начала нашего века у зулусов...

У племен ганда и ньюро, живущих тоже возле озера Виктория, также много общего с зулусами — как в сооружении краалей, так и в брачных церемониях. На их языке «исенкуру» означает предок, а у зулусов «унсенкулу» — дед. У племени покома на

побережье Кений есть слово «нгоньяма» — грозный лесной зверь, ни у кого кроме зулусов оно больше не встречается: «ингоньяма» — лев...

Девушки племени камба (Кения) носят маленькие передники из шнурков и полосок кожи — «мучи». Такая же одежда есть и у зулусов, и называется она — «умуча».

Показательно в этой связи и отношение зулусов к бушменам. Зулусы всегда относились к ним с опаской и старались поддерживать добрые отношения. При встрече бушмен обычно задает зулусу традиционный вопрос: «Где ты меня впервые увидел?» Если зулус ответит первое, что придет ему в голову: «Я только теперь тебя впервые вижу!», бушмен обидится. Значит, над его малым ростом насмеяются. Но если вежливый зулус ответит: «О, я тебя всегда вижу издалека!», то станет его другом.

Те же мотивы можно проследить и у племени гирьяма в районе Момбасы в Кении. Там местные жители таким же образом общаются со своими низкорослыми духами. Что, если это отголосок далекой эпохи, когда бушмены жили намного севернее, в районе озера Танганьика? Эти сопоставления не новы, в прошлом веке Д. Ливингстон и Г. М. Стенли высказывали предположение, что нгуни появились из областей, которые теперь занимают галла. «Пройдя путь в 4800 километров, потратив на это 500 лет, они достигли конца своих странствий, — завершает Брайант свое исследование, — но остановились не добровольно, а потому, что белые люди преградили им путь. Остаться же здесь им пришлось навсегда».

Итак, волею судьбы два народа — нгуни и сото — оказались бок о бок на просторах южноафриканской саванны. Социальная организация и культура у них были схожими. И для тех и для других скот означал нечто большее, чем просто источник пищи и одежды. Владение скотом составляло социальный статус. Скот был главным выкупом за невесту. Скот был единственной жертвой в ритуальных обрядах. Скотный двор — крааль — был центром любого поселения не только, а вернее не столько в административном, сколько в социальном смысле. Именно здесь — для женщин это место было табу — собирались мужчины, чтобы обсудить важнейшие вопросы.

Просо, а потом и кукурузу, сажали главным образом женщины. Зерно хранилось в закрытых горшках в земле на скотном дворе. Эта смешанная экономика позволяла нгуни поддерживать достаточный прирост населения и развить более сложную социально-политическую систему, чем у их предшественников.

Основная часть семьи состояла из людей, связанных родством по материнской линии. На побережье, где с водой проблем не

было, нгуни жили свободно, изолированными группами. Во внутренних же районах сото старались селиться более концентрированно, а в тех областях, где чувствовалось жаркое дыхание пустыни, тсвана жили большими поселками, причем скот держали поближе к центру.

Браки были обычно полигамными, и различные жены занимались строго разграниченными обязанностями — с твердыми «престижными» должностями и различными правами на наследование. Среди нгуни, например, домашние дела распределялись у жен по принципу правой и левой руки — в зависимости от того, как расположена хижина жены от главного входа в крааль.

Группа, ведшая родословную от одного предка, составляла клан. Клан хранил общее имя, и его члены не могли жениться между собой, пока он не распался и его членам не разрешалось заключать браки.

Клан нередко принимал в себя новых членов из других, неродственных, кланов, освежая таким образом свою кровь — это было весьма характерно для южных банту, активно осваивавших новые территории. Кланов часто делились, это было нужно для поддержания благополучия стад. Кроме того, мощная военнополитическая организация была попросту не нужна — сопротивления, кроме нечастых стычек с бушменами — не было. Вожди захваченных племен становились подчиненными, и этим все заканчивалось. Ранние португальские свидетельства о государствах Мвене Мутапы в Зимбабве и государстве Конго говорят о том, что оба эти образования развивались именно таким образом. Конечно, конфликты между кланами и племенами имели место — главным образом, стычки были за наследование власти и расширение границ. Но те войны не были особенно жестокими: дело кончалось захватом скота и пастбищ.

Хотя у сото и были военные отряды, основанные на возрастном принципе, южные банту в основном не держали постоянно действующих армий со специальной подготовкой и иерархией. Обычай очищения, который практиковали воины после убийства врага даже во время военных действий, свидетельствовал об уважении к человеческой жизни и об этике, считавшимися важными нормами жизни.

В период, предшествовавший мфекане (тем самым войнам, о которых рассказ впереди), бантуязычные народы жили в относительном мире. Но заблуждением было бы думать, что их жизнь была идиллической. Уровень жизни был весьма низок, материальная культура — ограниченной, и хотя некоторые племена и строили большие добротные хижины, у них было ничтожно мало одежды, утвари, и от холодов — а в Южной Африке они неред-

ки! — спасали лишь звериные шкуры... Причины большинства болезней не были известны, процветало знахарство. Несчастья приписывали злым духам, и время от времени церемонии вынюхивания колдунов (помните «Копи царя Соломона» Хаггарда?) приводили к бессмысленным и жестоким убийствам...

Ранние контакты с португальцами привели к некоторым новшествам в сельском хозяйстве. Ячмень дополнился кукурузой. Но влияние белых людей было пока слишком ничтожным, чтобы оказать какое-либо воздействие на социально-политические институты. Однако после 1652 года белая община начала оказывать куда более мощное влияние! Осев сначала на землях готтентотов и бушменов, буры создавали фермы, требовавшие все больше и больше пастбищ. Население росло, границы колонии стремительно расширялись, и во второй половине XVIII века буры впервые столкнулись с авангардом банту, начавших захват Зуурвельда в междуречье Фиш и Сандей.

В 1779 году вспыхнула первая пограничная война между черной и белой расами, и с этого времени взаимоотношения между поселенцами и африканцами стали проблемой № 1 и для британской администрации в 1795—1803 годах, и для правительства Батавской республики в 1803—1806 годах. В 1806 году Капская колония стала собственностью Британии, и англичане попытались решить приграничную проблему, изгнав две тысячи коса из Зуурвельда. Их обратное движение вызвало настоящее столпотворение среди населения того района!

Эпизод той войны: печально известный немецкий изгнанник Ян Блум (мы еще встретимся с ним впоследствии) стал вождем одного из кланов корана, вооружил людей украденными ружьями и повел их против соседей. Сам Блум погиб при неудачном рейде в 1799 году, но дело продолжил его полукровка-сын с тем же именем. Чуть позже другая группа из готтентотов и белых проникла в этот район и стала действовать под названием гриква. Жили они по законам буров. Гриква владели лошадьми, фургонами, ружьями и терроризировали банту под звучным именем бергенааров.

Постепенно проникали к ним и миссионеры, и путешественники. Но вплоть до начала знаменитого бурского трека эти контакты носили спорадический, приграничный характер.

Весь процесс экспансии банту, исход их из прежних мест обитания и расселение в новых местах, конечно же, объясняется ни коим образом не воздействием белых поселенцев, а ростом населения самих африканцев. Выйдя за пределы «действия» малярии и мухи цеце, в здоровом климате на равнинах они резко снизили смертность. Те болезни, которые столь широко распростра-

нены сегодня среди африканцев — оспа, корь, туберкулез, сифилис «благодаря» европейской цивилизации, ранее им не были известны.

Постоянное деление на кланы и подкланы порождало большой прирост населения. Вряд ли можно было найти тогда хотя бы одно племя, которое в течение XVIII столетия не разделилось бы на более мелкие образования и не расселилось бы на обширных территориях.

Восточное побережье Южной Африки было благоприятным для жизни. Плодородные почвы, мягкий климат, частые дожди, пастбища с сочной травой... Уже в XVII веке плотность населения там была очень высокой, что и засвидетельствовали моряки с судна «Св. Джон Батиста», разбившегося здесь в 1622 году: «К полудню мы достигли вершины горы, откуда открывался прекрасный вид на долины и реки, среди которых располагались многочисленные краали, сады и стада...»

Но это население все росло, и плодородной земли становилось все меньше...

Аналогичная ситуация складывалась и на внутреннем плато. Но если там экспансия на юг пошла широким потоком от Калахари до Драконовых гор, то здесь, на побережье, положение было иным: ведь тут жизненным пространством племен оставался лишь узкий коридор между горами и океаном... Таким образом, фронт экспансии здесь был узок и к XVIII веку дошел до Фиш-ривер. Создался эффект «бутылочного горла» — мало кто догадался вовремя перевалить через горы, слишком велика была инерция мышления и уж очень не хотелось оказаться в чужой незнакомой стране, где говорят на непонятных языках...

Свидетельства моряков с корабля «Станивессе» подтверждают: в нижних этажах коридора «давка» образовалась значительная. Начались войны за жизненное пространство — мфекане, в результате которых выдвинулись три значительных клана, вернее даже блока племен — ндвандве во главе со Звиде, нгване — с Собузой и мтетва — с Дингисвайо.

Но прежде чем мы обратимся к истории взаимоотношений этих кланов, взаимоотношений, ставших без преувеличения основной дальнейшей истории всего региона, нужно сказать несколько слов об этом интереснейшем явлении в истории Южной Африки — мфекане, породившем множество споров.

В период колонизации распространился взгляд, что африканские народы застыли в своей истории, будто бы у них не было «ресурсов для автономного развития» и, соответственно, самой истории как таковой не было. Даже поверхностный взгляд на мфекане показывает несостоятельность такого утверждения. Этот

процесс серьезных социально-политических и военных изменений и реформ в глубине африканского общества развивался с удивительной скоростью. Иногда говорят, что мфекане была порождена белыми на Капе. Загадочного «белого советника» при Дингисвайо возводят в ранг родоначальника всех преобразований в зулусском обществе. Пошло это, видимо, от Т. Шепстона, британского чиновника, который первым высказал идею, будто бы Дингисвайо побывал на Юге и «позаимствовал» у англичан их военные достижения, перенес их, так сказать, на зулусскую почву. Но сомнительно не столько то, что вождь мтетва побывал на Капе, сколько факт, что изменения во всех областях жизни нгуни произошли благодаря англичанам. На самом деле, они зародились в недрах их традиционного общества и даже отдаленно не похожи на европейские. Достаточно вспомнить, что полки, построенные по возрастному принципу, появились почти одновременно у всех нгуни и стали как бы естественным ответом на менявшиеся условия жизни.

Более правдоподобным кажется на первый взгляд другое: именно экспансия колонистов с Капа, стычки с коса и «закупоренная горловина» на юге повлияли на развитие мфекане. По этой версии, отливная волна с юга, откатившись от Фиш-ривер, создала предпосылки для перенаселения в Зулуленде, а это, в свою очередь, ускорило революцию в военном деле. Казалось бы, все просто. Но напрашивается вопрос — если закрытие границы стало причиной демографического взрыва и военных реформ в Зулуленде, то почему же этого не произошло у самой южной границы, где на сотнях квадратных километров жило огромное количество народа?

Итак, главной чертой этой социальной революции в ее центре было приспособление обрядов инициации для военных нужд и создание постоянной армии на основе института возрастных классов. Это стало реакцией на постоянную угрозу войны, и не последнюю роль сыграло то, что нгуни познакомились с уже имевшимися у сото задатками такой организации. Молодежь набирали в полки по возрастному принципу со всех концов племенной ойкумены, и это давало огромную власть в руки вождей. Стал процветать деспотизм. Это повлекло за собой и административные реформы. Наметился переход от власти «королевского дома» к «администрации» — индунам, лично избираемым вождями и полностью от него зависящим.

Ндебеле (или матабеле), как «побочная ветвь» зулусов, унаследовали их систему, но нужно помнить, что у зулусов полки, сформированные по возрастному принципу, представляли армию внутри общества. Это была всего лишь часть населения, и кроме

этого наряду с военной машиной имелась еще и гражданская администрация. У ндебеле же армия переросла рамки государства: наоборот, оно стало частью армии. У ндебеле полки создавались уже по наследственному признаку, они потеряли свой возрастной характер и превратились в территориально-административные единицы, где военачальники приобрели статус гражданских вождей.

Рост военной активности у зулусов сопровождался изменениями морального плана. Значительно улучшилась дисциплина. Все путешественники единодушно отмечали разительные отличия зулусов от окружающих племен. Исчезли такие, казалось бы, неистребимые привычки, как попрошайничество подарков у европейцев, любопытство стало сдержаннее, появилось достоинство в общении с соседями. Наряду с этим возникло и определенное безразличие к человеческой жизни, особенно когда речь шла о человеке *извне*.

Но, вероятно, самым значительным результатом мфекане в политическом смысле было другое. Племя, основанное на кланах, переросло в нечто большее — соединение племен различного этнического происхождения. Забегая вперед, скажем, что Чаке за десять лет удалось создать буквально единый народ, и поныне, в XXI веке не потерявший ощущения своей монолитности!

В начале нашего рассказа мы обещали вернуться к экспедиции лорда Каледонского. Теперь настало время.

...Первые искры мфекане разгорелись в Натале, далеко от глаз европейских поселенцев. В прибрежных районах к югу от Белой Умфолози жил большой клан мтетва. Он принадлежал к группе тонга-нгуни, которые брали себе жен из окрестных кланов — в их языке были замечены элементы языка тонга. Всего их было около четырех тысяч, и они владели очень хорошими землями.

В первые годы XIX века кланом правил вождь Джобе. Вождь был очень старый, однако умирать не собирался, и его сын Тана решил ускорить события. Он посвятил в свой заговор молодого брата Годонгвану, однако прежде чем они осуществили свой злой умысел, старый отец упредил их, отправив отряд в крааль Таны. Сыну-злоумышленнику не суждено было проснуться в ту ночь, а Годонгвана с ассегаем в спине выскочил из хижины и скрылся в темноте. Он долго скрывался в лесу и выжил благодаря заботам сестры, но не мог показываться ни на земле мтетва, ни среди членов соседних кланов. Странствия привели его к хлуби, жившим у подножья Драконовых гор. Здесь он сменил имя и стал называть себя Дингисвайо — Тот, Кто Страдает. Став пастухом, он много бродил по окрестностям и однажды встретил одиноко-

го белого человека, который с несколькими носильщиками из бечуанов (тсвана) и сото пробирался в Делагоа. Белый путешественник был хорошо вооружен, и местные жители вспоминали о нем как о человеке, обладавшем великолепным даром хирурга и вылечившем колено вождя хлуби.

Несомненно, то был Роберт Коуэн. В тот момент, когда он собирался уезжать, пришло известие о смерти Джобе, и Дингисвайо решил вернуться домой. Им было по пути и Дингисвайо предложил Коуэну услуги проводника. Где-то на землях племени квабе белый человек умер. Возможно, от лихорадки, возможно... Так или иначе, Дингисвайо стал владельцем лошади и ружья.

Когда он прибыл домой, на троне был его брат Мавеве, но Дингисвайо приняли в клан. Лошадь и ружье сильно возвысили его в глазах соплеменников, а шрам на спине послужил доказательством того, что он не самозванец. Дингисвайо удалось сместить Мавеве и стать вождем мтетва.

Так что же все-таки произошло между Дингисвайо и Коуэном? Эта загадка многим не давала покоя. Сохранилось только три документальных свидетельства, которые могут пролить свет на историю экспедиции Коуэна. Предоставим слово Джону Кемпбеллу, миссионеру, 1813 год: «Семь лет назад лорд Каледон, тогда губернатор Капской провинции, послал отряд исследовать внутренние районы Африки и добраться до португальских владений в Мозамбике. Экспедиция состояла из лейтенанта Донована, Коуэна, 20 солдат капского гарнизона, 1 бура и 1 гриква из Грикватауна. Со времени ухода из Литако (откуда и писал Кемпбелл. — *Авт.*) о них не было слышно. Все они были убиты в пяти днях пути на северо-восток в стране Ванкензен (нгвакетси? — *Авт.*). Обвиняли Тусуани, мятежного сына вождя боролонгов Макабы».

А вот что пишет об этом шотландский миссионер Р. Моффат: «Следующими путешественниками, обследовавшими район проживания клана тлапи, были Коуэн и Донован, которые со значительными силами на двух фургонах с разрешения властей обследовали эти места в 1807 году. Их целью было пройти через земли бечуанов и проникнуть в португальские владения. Они успешно преодолели участок пути через земли баролонгов и баквена, но погибли недалеко от океанского берега при неизвестных обстоятельствах».

Последние крохи сведений дает Д. Ливингстон: «В период правления Сешеле, вождя баквена, двое белых, предположительно капитан Донован и Коуэн, прошли по этой земле в 1808 году, достигнув реки Лимпопо. Все они, вместе с отрядом, умерли от лихорадки. Сын вождя той деревни, где они умерли, вспомнил о лошадях и сказал, что они на вкус, как зебры...»

Остается по-прежнему неясной роль Дингисвайо во всей этой мрачной истории, но то, что он завладел вещами Коуэна — несомненно. Вот что пишет в 20-е годы XIX века Генри Финн (мы с ним еще познакомимся поближе) в своих «Записках»: «Образ Годонгваны, прискакавшем на странном животном и с оружием грома (оба достались ему в далекой стране), произвел на мтетва впечатление, которое на них обычно оказывали первые европейцы».

Вот другая версия, высказанная Т. Шепстоном в 1875 году: «Бежав от отца, он направился в Капскую колонию и устроился там слугой. Задачи его были несложными и он смог много увидеть. Он изучил военное ремесло, дисциплину белых людей. Он видел регулярные войска, как они поделены на полки и роты с офицерами. А когда добился власти, то применил все на практике...»

Мы уже говорили о натянутости этой версии, призванной возвеличить роль белого хозяина в жизни африканцев.

...Дингисвайо начал с армии. До него военное дело у северных нгуни было организовано так же, как и у их южных соседей по «коридору» — крайне слабо. Турниры ловкости и силы проходили только при обрядах посвящения в мужчины. Длительный период ритуального заточения буквально изымал молодых людей из общества. Такие обряды пришлось отменить в условиях участвовавших войн. Г. Финн приписывает это исключительно Дингисвайо. Однако такое явление было общим для всех нгуни — реакцией на военную опасность, ведь и племена мпондо отказались от обрядов инициации в период мфекане!

Армии, построенные по племенному принципу, были реорганизованы — по возрастам. Думается, здесь оказали воздействие контакты между сото и нгуни в Северном Зулуленде. У сото возрастные классы легли в основу военной системы раньше, чем у нгуни, и именно это служит доказательством того, почему процесс инноваций начался к северу от Тугелы раньше, чем в перенаселенном Натале.

По новой системе, принятой некоторыми племенами северных нгуни, юношей одинакового возраста, которые должны были подвергнуться инициации, собирал вождь и составлял из них полк с определенным названием. Такие полки принадлежали не вождям, а приписывались определенному поселению — местам сбора. Это была мощная боевая единица, которая воздействовала на слияние племен, ибо в ней собирались воины с разных территорий. Таким образом, в племя вливались представители иных этнических групп — шла ассимиляция.

Введение «возрастных полков» приписывают подчас одному лишь Дингисвайю, забывая, что почти одновременно они были учреждены и другими крупными вождями — Сабузой и Звиде. Восемь лет правления Дингисвайю остались в устных преданиях африканцев как «мирные не жестокие годы»; после той или иной успешной военной кампании захваченных коров чаще всего возвращали владельцам, а быков распределяли среди воинов.

Другой особенностью правления Дингисвайю были торговые контакты с португальцами. Правда, мы уже говорили, что ряд исследователей настаивают на том, что именно Коуэн посоветовал ему установить торговые отношения с Делагоа, куда он и направлялся. Но контакты у них были столь недолгими, да и не было у них общего языка, чтобы обсуждать тонкие вопросы торговли... На самом деле, торговые связи глубинных районов Юго-Восточной Африки с португальцами начались задолго до Дингисвайю, и он только придал им новый импульс.

В свое время в Лондоне вышел сборник «Африканское общество», в котором помещена статья Алана Смита «Торговля с бухтой Делагоа как фактор политики нгуни в 1750—1835 годах». Автор впервые делает попытку проанализировать характер внешнеторговых операций, используя для этого малоизвестные письменные источники из архивов бывших португальских колоний, а также устные предания зулусов. Главное место в сделках занимала слоновая кость, торговля ею была исключительно монополией правителей.

Дингисвайю в первые же годы своего правления сколотил караван из ста носильщиков и отправил большой груз слоновой кости и много скота в Делагоа в обмен на самые различные товары, причем вождь, как указывают источники, устранил со своего пути всех возможных посредников и торговал с Делагоа напрямую. Ученые выявили такую закономерность: кланы, которые он покорил и слил со своим будущим народом, жили на одной оси с юго-востока на северо-запад вдоль побережья и были так или иначе связаны с торговыми операциями. Г. Финн вообще писал в записках, что Дингисвайю старался монополизировать всю торговлю португальцев Делагоа с внутренней Африкой!

Забегая вперед, отметим: когда Звиде ценой вероломства разгромил Дингисвайю, то первым делом взял под контроль торговлю с Делагоа. А после победы Чаки над Звиде вся область Делагоа попала уже под контроль нового мощного правителя Зулуленда. Посланники «великого вождя» постоянно находились в королевстве Мапуто и применяли силу лишь в случае спорных воп-

росов торговли. Об этом единодушно сообщают и Г. Финн, и миссионер Уильям Трелфолл.

Зулусы, в отличие от шангана, никогда не занимались работорговлей и никоим образом не пособничали этому! Португальцы же были очень заинтересованы в торговле с Чакой и упрашивали его разрешить им построить торговую факторию на севере Зулуленда, которая ускорила бы прохождение товаров. В этом не раз убеждал Чаку миссионер Айзекс (уж не был ли он подкуплен португальскими купцами?).

Но Чака отказал им. Он решил, что «уж лучше пусть британцы поселятся в Порт-Натале, чем португальцы — в Зулуленде» (письмо Фаруэлла Сомерсету от 1 мая 1824 г.). Причина проста: англичане поставляли зулусам куда лучшие товары, чем португальцы. Вторая возможная причина: зулусы были недовольны махинациями работорговцев в Делагоа.

У каждого из кланов нгуни во времена возвышения мтетва была своя устная традиция, но она не уходила в глубь времен дальше одного-двух поколений, ведь у зулусов не было ни письменной истории, ни богатой устной эпической традиции. Члены клана могли назвать с десяток вождей, но их подлинные имена уходили в забвение и заменялись другими. Хвалебное имя вождя — изи-бонго — могло превратиться в настоящее и наоборот. Имелись предания о черном слоне и зеленой водяной змее, которые только задавали загадки, однако исторической информации давали мало. Но и из них можно почерпнуть те крупницы сведений, которые понадобятся нам для восстановления картины возвышения зулусов.

Известно, например, что в конце XVII века вождь нгуни по имени Мандалела путешествовал из Натала в более южные районы по реке Мфкуне, и с ним было более сотни людей, и когда они пересекли реку, темнота опустилась раньше, чем они переправились. И те, кто не успел перебраться на другой берег, обнаружили бахчи с арбузами и отказались идти дальше. Так образовался клан эма-гладени — «те, кто остался среди арбузов». И в конце концов Мандалела вернулся туда, на берег Белой Умфолози, и остался там навсегда.

Клан рос, после Мандалелы место его занял Зулу, клан принял его имя после смерти (оно означает «небеса») и стал называться ама-зулу — «люди небес».

Вслед за Зулу был Понга, а за ним — Магеба, Джама, Ндаба. А во времена, когда к власти у мтетва пришел Дингисвайо, родился вождь Сензангакона — отец Чаки.

Звезда Чаки

Он занял трон клана зулу в те тревожные годы, когда племена коса на далеком юге вступили в ожесточенные схватки с надвигавшимися бурами — это было в конце XVIII столетия. Более точные даты станут достоянием лишь следующего века. Правда, о столкновениях в Капской провинции здесь, в долине реки Умфолози, ничего не знали. В те времена зулусы насчитывали 1500 человек и их краали стояли на поросших травой холмах и имели милую в поперечнике.

Соседями зулу были э-лангени, близкие к ним по языку и обычаям. Их вождь недавно умер и среди его детей осталась девочка по имени Нанди. Однажды молодой вождь Сензангакона встретил Нанди, когда та купалась в пруду, и, очарованный ее красотой, предложил ей «уку-хлобонга» — «развлечение в пути». Надо сказать, что у зулусов существовали строгие законы относительно внебрачных связей. Они категорически запрещали контакты между членами одного клана. Этого требовали законы экзогамии. Конечно, зулусы не знали основ теории наследственности, но опыт поколений показывал, что от близкородственных связей ничего хорошего не получается...

Начало великого бурского трека — продвижения европейцев в глубь Южной Африки

И тем не менее контакт состоялся, несмотря на то, что мать Сензангаконы была из клана э-лангени. И встречи продолжались до тех пор, пока Нанди не заявила, что внутри нее поселился «жук» — У-Чака на языке зулу (У — показатель класса людей, «чака» — «жук»). Через положенное время посланцы э-лангени пришли к зулу и доложили, что жук выбрался наружу.

Родился Чака! Случилось это в 1787 году. К двум законным женам Сензангаконы прибавилась еще одна — незаконная. История выходила явно нелицеприятная, и на Нанди с сыном легло тяжелое пятно позора. В течение нескольких лет вождь пытался уладить проблему брака со старейшинами клана, за это время у Нанди родился еще один ребенок — на этот раз дочь Номбоза.

Надо сказать, что Нанди была для Сензангаконы временным увлечением, и он охладел к ней довольно быстро. Однажды маленький пастушок Чака недоглядел за козой, и этот случай переполнил чашу терпения раздражительного вождя. Нанди забрала мальчика и ушла из крааля. Они надолго поселились у э-лангени. Но и тут им не давали спокойно жить издевательства и нападки.

Старшие сверстники издевались над маленьким Чакой за его торчащие уши и другие физические недостатки. Это причиняло ему такую боль, что он с детства проникся ненавистью к клану э-лангени и пронес ее через всю жизнь.

В 1802 году страшный голод обрушился на землю зулу и э-лангени. И Нанди с маленьким Чакой, чтобы не кормить лишний рот, изгнали из крааля. Она забрала детей и нашла приют у мужчины по имени Гендеяна, который принадлежал другому клану, или подклану, квабе. Сензангакона знал об этом, но закрыл глаза на поведение Нанди. Она родила от Гендеяны еще одного сына — Негвади. Жизнь с Гендеяной была короткой, но счастливой. Чака вырослел и стал проявлять признаки доблести и силы. И зулу, и э-лангени нужен был храбрый воин. Когда ему исполнилось 15 лет, Чака пошел в крааль отца, чтобы пройти обряд посвящения в мужчины — получить свой умуча, ритуальный передник. Однако, приняв из рук Сензангаконы передник, он демонстративно сбросил его и довольно долго ходил нагим, чтобы доказать всем, что он стал полноценным мужчиной! Тем самым он преодолел в себе комплексы, развитые в детстве из-за издевательств сверстников...

Однако, как пишет в своей хронике Э. Риттер, общественное негодование заставило его вскоре «одеться», как и полагается зулусу, в ум-цело — небольшой колпачок, прикрывающий крайнюю плоть. — удобное и легкое приспособление из пальмовых листьев, напоминающее по форме чашу. Чака не жалел об этой

уступке общественному мнению, поскольку такая «одежда» не скрывала от посторонних глаз то, что у него было «в порядке».

Крутой нрав и высокомерие, проявившиеся уже в юном возрасте, заставили Чаку с матерью покинуть крааль и скрываться у тетки в другом клане эм-длечени, который находился уже под властью мтетва (вождь — старик Джобе). Там они прожили еще шесть лет. За это время уже произошли полные загадок события, связанные с Дингисвайо, который приступил к объединению племен нгуни.

Тем временем рос и Чака. Его рост достиг 188 сантиметров, тело было складным и пропорциональным. Он стал непревзойденным лидером по метанию ассегай. За свои военные успехи получил первого быка, которого и пригнал домой к своему приемному отцу Мбийе.

Чаке было 23 года, когда Дингисвайо призвал на военную службу молодежь клана эм-длечени и объединил их в полки изикве (люди кустарников). Начался новый этап жизни юноши. Он стал воином.

Устная традиция зулусов сохранила рассказ об этом периоде его жизни. Кроме этого, существует несколько крупных исследований жизни Чаки, авторы которых подчиняют все события, имевшие место в его жизни, одному — стремлению к тоталитарной власти над зулусами. Это представляется неверным. Вряд ли молодой воин, не имевший никаких оснований к подобным мыслям, вынашивал планы захвата власти и кровавой мести всем, кто издевался над ним в детстве. В то же время Риттер склонен идеализировать образ Чаки, делать из него непогрешимого народного любимца, героя зулусов. Эти крайности мешают подойти к Чаке с общечеловеческих позиций, верно понять его действия.

Итак, воин. Полк, в котором он служил, базировался в краале Эма-Нгвени. Чака получил овальный щит почти двухметровой высоты и три ассегай. На нем форма полка — кожаный колпак с черными перьями на голове, сандалии из бычьей кожи. Хвосты белых быков на лодыжках и запястьях. Пропитание себе воины добывали сами. Приходили и посылки из дома. Чаке их доставляли сестра Номбоза и ее подруга Пампата. (Все предания о Чаке единодушно указывают на Пампату как на единственную избранницу будущего вождя зулусов, верность которой он пронес до конца дней. Но справедливости ради отметим, что имеются и ныне свидетельства, кстати, не менее убедительные, доказывающие, что Чака никогда не любил женщин, много времени проводил в угрюмом одиночестве и был, по меньшей мере, эксгибиционистом. Кому верить? Будем надеяться, что наш дальнейший рассказ прольет свет на ту или другую версию.)

Звезда Чаки взошла с ростом влияния клана мтетва. Объединительная политика Дингисвайо требовала постоянной готовности к бою. Клан за кланом, видя тщетность сопротивления, вливался в конфедерацию. Никакой роли в военном руководстве Чака пока не играл. Он шел в бой, когда ему приказывали, дрался очень храбро. Но постепенно он стал сознавать, что политика Дингисвайо нацелена на боевые действия, как на неизбежные акции, а они должны приносить политический успех. Чака в душе не был согласен с Дингисвайо, считавшим, что завоеванный и присоединенный к народу клан можно «оставить в покое», «посадить на цепь собак войны». Чака считал: покоренный клан, «забытый» клан может выдвинуть нового лидера. А это принесет осложнения!

Сначала робко и ненавязчиво, потом все более настойчиво он стал предлагать своим военачальникам разбивать враждебный клан вдребезги, включая его уцелевшие фрагменты в свою военную организацию.

К советам Чаки стали прислушиваться...

Воины, которых вел в бой Чака, обрушивались на врага с чудовищной силой и побеждали в рукопашной схватке. Метательное копьё Чака посчитал детской игрушкой и изобрел новое оружие с тяжелым широким лезвием и короткой твердой рукояткой. Он сам изготовил опытные образцы, сделав их по типу коротких римских мечей, — иктва, зулусское слово, имитирующее звук, с каким меч рассекает воздух. Щит тоже был превращен в оружие. Он прикрывал тело с левой стороны, и противник терялся, не зная, куда ударить, стесненный собственным щитом.

Для быстроты передвижения Чака отменил сандалии из бычьей кожи, но это нововведение прижилось только при боевых действиях на каменистой почве, а там, где были колючки, воины сильно страдали.

Новые реформы оправдали себя в первом же бою, когда воины мтетва столкнулись с отрядом Пунгаше, вождя племени бутелези. Двоюродный брат Чаки — Бакуза (сын Сензангаконы и его последней жены Солдабы) дрался на стороне бутелези. Когда Дингисвайо объявил об окончании кровопролития, Бакузу нашли в грудах убитых. Клан Пунгаше признал зависимость от мтетва.

В результате этой битвы соседние мтетва кланы тоже попали под влияние мтетва. Сензангакона, похоронив Бакузу, и не подозревал, что Чака дерется на стороне мтетва. В прошлом он часто сталкивался с бутелези и терпел от них поражения, и краали бутелези богатели, пополняясь зулусским скотом. И сейчас Сензангакона осознал, что совершенно бесполезно бороться против клана, который одержал верх над самим Пунгаше!

После всего этого Чаку нельзя было не отметить. Дингисвайю смог увидеть в нем больше, чем просто воина. Здравый смысл подсказывал вождю, что зулу могут стать непреодолимым буфером на его северных границах. Так Чака стал командиром полка изикве и отныне принимал участие в военных советах у Дингисвайю. Вот теперь появились реальные возможности для осуществления собственных реформ!

Он разделил вверенный ему полк на три части и начал усиленные тренировки, пытаясь повергнуть воображаемого противника ударом центральной группы — «груди», в то время как фланги старались окружить врага и посеять панику. Чака тратил много времени на то, чтобы лично обучать каждого воина технике ближнего боя — под каким углом держать щит, как посылать ассегаи, чтобы тот летел точно в цель, и не терять при этом равновесия. Именно в этот период в войсках появились у-либи — «пчелы» — мальчишки-носильщики, по одному на троих воинов, в обязанности которых входило носить циновки для отдыха, горшки с пищей, запасные ассегаи и некоторое количество воды и зерна.

Однажды, как раз в те годы, Дингисвайю вызвал Сензангакону в свой крааль. Старый, страдающий от ожирения вождь выслушал Дингисвайю. Тот неожиданно заговорил о его сыне — Чаке, которого отец не видел уже десять лет. Чака сможет заменить убитого Бакузу!

Сензангакона изобразил на лице радость и озадаченный вернулся в свой крааль. Там он снизошел до обстоятельного разговора со своей главной женой Мкаби, ибо та, конечно, благоволила к своему старшему сыну Сигуяне и по всем законам вождем должен был быть именно он!

Участники военных советов у Дингисвайю пока что не догадывались о том, что скрывается за располагающей наружностью Чаки. Нет, свирепость и смелость его в бою всем была известна, но на советах он больше скромно молчал, а высказывался тихим голосом, робко. Среди мтетва уже ходил слух о его высоких моральных качествах: весь скот, который он получал в награду за победы, Чака раздавал воинам.

В 1816 году вождь зулу Сензангакона умер и «трон» тут же занял его сын Сигуяна. Дингисвайю немедленно отослал Чаку в зулусские краали, а в качестве эскорта дал отряд его воинов изикве.

Будущему вождю зулусов было тогда 29 лет и около 16 лет он не жил среди зулу. Подойдя к краалям, Чака выслал вперед своего брата Нгвади (сына Нанди и Гендеяны), но того встретила в поселках полная тишина. Тело Сигуяны плавало в ближнем ручье. Обезглавленный клан встретил Чаку настороженно. Для них он продолжал оставаться сыном опальной Нанди, чужаком, боль-

ше мтетва, чем зулу. К тому ж не бывал в родных местах столько лет. Но легенды сходятся в одном — Чака очень быстро завоевал авторитет в родном клане — «зулу вышли из оцепенения и начали свой путь к славе»...

Время больших забот опустилось на плечи Чаки. Войско было слабое. Хозяйство разваливалось, скот разворован. Добавить к этому и беспокойство, связанное с появлением младшего брата — Дингаана. Тот был поражен, увидев мертвого Сигуяну (история его гибели так и не выяснена), но будучи человеком мудрым, сразу же подчинился Чаке. Молодой вождь оставил Дингаана в покое, обеспечив ему безбедную жизнь — то была роковая ошибка в его жизни!

Чака взялся за дело круто. За малейшие колебание и неповиновение полагалась смерть. Это было право вождя, однако оно выходило за рамки традиций клана. Недовольных Чака уничтожал.

(Некоторые биографы Чаки склонны романтизировать его образ, выдавая вождя зулусов за такого доброго отца африканцев. На самом же деле Чака был весьма жестоким человеком, а именно эта черта в соотношении с умом и твердостью характера во многом помогала ему устоять на крутых поворотах истории Юго-Восточной Африки.)

Прежде всего нужно было позаботиться о самом краале. Чаке нужно было стереть память об отце, которого он ненавидел, и он распорядился построить новый крааль — ква-Булавайо — «тот, кто убивает с печалью». Кухню зулусов он признал несовершенной и послал людей в соседние кланы обучаться кулинарному ремеслу.

Реформы охватывали буквально все стороны жизни зулусов — от обычного туалета (подрезание ногтей) до бритья. Один начинающий брадобрей поплатился жизнью за легкие порезы на царственной шее. Имелись и сборщики королевской слюны, и подтирщики знатного ануса.

Затем Чака принялся восполнять недостаток скота, «занимая» его у соседних кланов. Те безропотно отдавали Чаке быков и коров, видя в нем опасного и сильного соседа. Среди нового стада формировалось ядро будущей знаменитой снежно-белой зулусской породы скота.

Но главное внимание Чаки было приковано к армии. Его клану предстоит возвышаться, и Чака не желал довольствоваться скромной, как ему казалось, властью отца. Армия, и только она, способна помочь ему в достижении цели! Чака отлично представлял, какая военная машина нужна ему, и с рвением принялся за дело.

Он решил начать свои опыты с изикве, сделать из них регулярные войска. Они разделились на четыре части, каждая из которых, в свою очередь, состояла из небольших отрядов. Самой сильной была «грудь», центральная группа войск, которая в бою шла по центру — лоб в лоб. Два рога окружали противника с флангов, разворачивались и сходились к центру. Четвертая группа — резерв «груди» — оставался позади и вступала в бой по приказу командующего. Тот находилась неподалеку на возвышении и с помощью рассыльных посылал резерв в то место, где враг нажал сильнее. Войско наступало в полной тишине, а в атаку шло с криком, сохраняя боевые порядки.

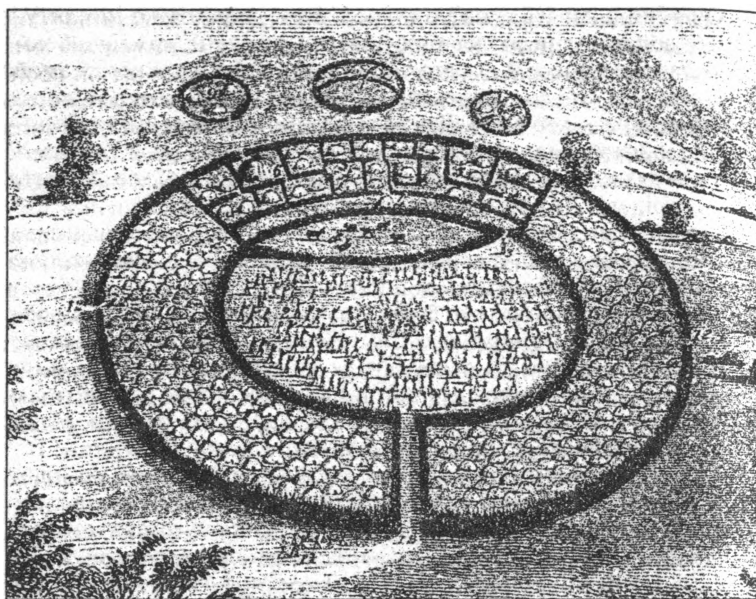
Чака быстро понял, что боевой дух войска можно резко поднять, если воины станут драться за честь своего изикве, а не клан мтетва в целом. В своем клане он добился обязательного для всех мужчин воинского призыва. Из воинов-зулусов всего 400 человек — половина — была и-кхехла, то есть те, кто носил изиколо — головное кольцо для взрослых неженатых мужчин. Такое кольцо делали из древесных волокон и залепляли пчелиным воском. Волосы вокруг кольца выстригали. Воины с кольцами были испытанными бойцами, сражавшимися против бутелези и не раз терпевшими от них поражение. А новобранцы — молодежь без колец — вообще не знала службы.

Создать четыре регулярных полка было для Чаки делом несложным. Всех взрослых мужчин — женатых и «тех, что с кольцами» он поселил в отдельном краале и разрешил обзавестись женами. Главой краала он сделал Мкабайи — свою вдовствующую тетку, которая когда-то была внимательна к Нанди и к нему самому, и немедленно казнил тех, кто отказывал ему в гостеприимстве, в том числе и своего дядю Мудли.

Воинов 20-летнего возраста, еще неженатых, он лишил колец и сделал таким образом снова «мальчиками». Им предстояло влиться в изи-мпохло — «бригаду холостяков». От них Чака отделил фасимба — «зайцев» — группу, которую он будет тренировать особыми методами. Именно им суждено стать основой могущественной армии будущего государства зулусов!

Из книги Эдуарда Мора «Путешествие в Африку и к водопадам Виктории на Замбези», СПб., 1876 г.:

«Он любил войну, умел искусно вести ее и не раз прославился на поле битвы военными подвигами. Он был хороший стратег, умел быстро и со смелой неожиданностью нападать на соседние племена, покорял их, обращал в рабство, соединял или разъединял со своим народом. Этот варвар изобрел для своих орд

Так выглядел зулусский крааль сверху

новый способ ведения войны по образу македонской фаланги, левый и правый фланги которой прикрывались передовыми отрядами».

* * *

Собрав все метательные ассегаи, он переделал их на оружие ближнего боя. У Э. Риттера этому посвящено много страниц, основанных на преданиях зулусов. Самые искусные кузнецы жили в клане мбонамби, пограничном с мтева, и Чака направился к лучшему из них — Нгоньяме. Его крааль стоял в стороне от жилья членов клана, ибо соплеменники сторонились кузнецов и плавильщиков: по преданиям, они пользовались человеческим жиром для закаливания клинков, и каждый раз, когда в краалях исчезал ребенок, обвиняли кузнецов. Чака объяснил Нгоньяме цель своего визита. Кузнец предложил переделать тяжелое копье для охоты на буйволов, однако Чака отказался: ему нужен был совершенно новый клинок из самородного металла.

— Ты получишь то, что желаешь, — ответил наконец Нгоньяма. — Но на это нужно время, ибо лучше начинать с самого

начала. У новой печи будут новые мехи, чтобы железо получилось как можно лучше. Клинок закалим превосходными жирами, и в твоих руках он всегда будет приносить победу. Мне он обойдется недешево, но ради тебя я согласен довольствоваться одной телкой, да и ты ты сможешь прислать мне только после того, как одобришь работу и когда это тебе будет удобно.

Чака принял условия и с важностью произнес: «Может стать-ся, одна эта телка заполнит весь твой крааль...»

Пока кузнецы переделывали все оружие, он начал тренировки. Войско обучалось всем приемам ведения боевых действий, неукоснительно соблюдались все распоряжения командиров. В день отряды проходили до 60—70 километров, легко переваливая через холмы, пренебрегая тропинками и дорогами, питаясь мясом скота и зерном в тех краях, которые они миновали, сопровождаемые лишь у-диби с циновками и горшками. (Европейские регулярные части в те годы по хорошим дорогам проходили за световой день 20 километров.)

Приготовление к работе Нгоньяма начал с заготовки новых мехов. По давнему обычаю, он отобрал из стада пять баранов и в ущелье, где находились его плавильная печь и кузница, содрал с них живьем шкуру, оставив кожу лишь на голове и ниже колен. Мучения животных никого не волновали. Нужна была шкура того барана, который выживет дольше других. Наконец последнее животное в загоне издохло и шкуры обработали. По преданию, печь произвела на Чаку сильное впечатление.

Чака провел у кузнеца несколько дней, за которые подмастерья Нгоньямы выковали из чистого металла заготовку, используя вместо наковальни и молотка куски гранита. Когда работа близилась к завершению, понадобились снадобья: человеческое сердце, печень и жир. Все это быстро доставили и поместили на гранитную наковальню. Провели раскаленным клинком и, услышав шипение, убедились, что духи одобрили клинок, а затем лес снова огласился громкими ударами молота.

На рассвете клинок был готов. Заточив его о глыбу песчаника, Чака убедился в его остроте, обрив несколько волосков на руке. Подобрал подходящее древко, они с мастером просверлили в нем удлиненное отверстие, влили туда сок луковичного растения сцилла ригилифолия, вставили нагретый твердый клинок. Он схватился намертво. Потом древко обмотали железной корой и затянули буйволовоу кожей. Так родилось оружие, которое в умелых руках зулусов обеспечило чернокожим воинам десятки блестящих побед.

От сыромятных кожаный сандалий Чака отказался сразу. Жестокими методами он внедрил новую моду — ходьбу и бег боси-

ком по камням и колючкам. После нескольких показательных казней воинов, не сумевших удержаться в ритме боевого танца на грубой щебнистой земле, жалобы навсегда прекратились.

Новые большие щиты для различных полков были окрашены в соответствующие цвета. Себе Чака взял белый с большим черным пятном в центре. У каждого полка были своя боевая песня, клич, украшения из меха и перьев на униформе. Сам Чака носил позолоченную юбочку из хвостов цвететты.

Когда наконец были готовы новые ассегаи, Чака быстро распределил их среди воинов и научил ими пользоваться. Зулусы получили оружие, которое Африка еще не знала! Всего под ассегаи было поставлено 350 мужчин. Такого числа солдат не было ни у одного соседнего клана...

Военным реформам мешал развиваться один фактор — пока был жив Дингисвайо, Чака являлся его вассалом, и как ни успешны были его действия, мстива оказывались все же сильнее. Молодой вождь начал медленно, но верно подчинять себе соседние кланы. Первыми стали элангени, которые, однажды проснувшись, увидели у ворот своих краалей импи — боевые группы зулусов. Никто не сопротивлялся. Чака выстроил на скотном дворе все мужское население и выискал среди него тех, кто отравлял ему жизнь в детстве. Их он посадил на острые колья ограды и поджег ее. Тех же, кто хоть чем-то помог ему и матери в горькие годы, он одарил быками. Весь клан был включен в растущий клан Чаки. Мужчины пополнили полки и быстро обучились военному ремеслу. Соседние кланы, напуганные решительностью Чаки, сопротивления не оказывали.

Следующим пунктом в программе Чаки были бутелези, но их вождь Пунгаше не проявил трусости. Уже терпевший поражение от Дингисвайо, он решил, что от зулусов он поражения не потерпит. Пунгаше не сделал вывода из событий более ранних времен, когда молодой Чака успешно сражался против него в войсках Дингисвайо.

Последовавшие сражения блестяще доказали смысл нововведений Чаки. В походе зулусские воины питались мясом и зерном, которые несли за ними у-диби. Передвигались отряды только по ночам и однажды на рассвете они настигли войско Пунгаше, которое состояло только из 600 воинов, но занимало господствующее положение в узкой долине одного из притоков Белой Умфолози. Позади войска находились стада и женщины с детьми.

Дингисвайо распорядился подойти поближе полку изикве и послал гонца, который пообещал бутелези прощение. Но те гордо отослали его обратно: «Отправляйся, пес, к своему беззубому

хозяину, и пускай он пошлет ко мне кого-нибудь способного сразиться, а не такого скулящего шенка, как ты».

По преданию, вперед выбежал Чака и закричал неприятелю: «Эй ты, высохший пузырь дохлой коровы! Я заставлю тебя проглотить свои слова, а вместе с ними и мой ассегай». И Чака кинулся на врага. Это было новшеством в тактике боевых действий. Воин бутелези, к которому ринулся вождь, смуглился. Он дважды метнул в Чаку копыя, но тот с легкостью отбил их щитом. Взмахнув ассегаем, он что было сил ударил бутелези под мышку. Удар был настолько мощный, что Чака почти перерубил воина. «Нгалла! — воскликнул Чака. — Я поел!» (боевой клич зулусов при победе над врагом).

Под натиском изикве бутелези не удержались и часа. Прибывший на поле боя Дингисвайо прекратил резню. Уцелело всего несколько воинов бутелези. Они вместе с вождем перешли Черную Умфолози и укрылись у Звиде. Тот уже дважды терпел поражения от Дингисвайо, которому приходился родственником, но ндвандве жили слишком далеко от мтетва и легко выходили из-под контроля, терроризируя соседние племена.

Звиде внимательно выслушал историю беглого Пунгаше и... приказал убить его!

Доказывая свою преданность Дингисвайо, Чака послал ему захваченный скот бутелези. Вождь одобрил жест Чаки и вернул скот с благодарностью. Собрав всех вдов и девушек бутелези, Чака поместил их в построенный рядом с ква-Булавайо сераль. Всего там жило 1200 женщин — умдлункулу. Вождь называл их всех своими сестрами. За 12 лет его правления умдлункулу не произвели на свет ни одного младенца. Чака считал, что нельзя порождать на свет того, кто в один прекрасный день убьет его самого, став наследником. В этой мысли он не был оригинален...

К началу 1817 года территория клана зулу значительно увеличилась в размерах. Войско Чаки насчитывало уже 2 тысячи воинов (в полку Фасимба было 800). Никому из воинов в трех молодежных полках не разрешено было жениться. В периоды между военными действиями воины изолированно жили в краалях.

Осенью того же года Чака узнал, что его приемный дядя Мбийя умер в Длечени. Он прошел 70 миль до побережья океана и затем 20 миль вдоль берега до крааля Дингисвайо, чтобы попрощаться с Мбийей, которого очень любил. После переговоров с Дингисвайо оба вождя договорились выступить против Мативане, чей воинственный клан эмангванели жил у подножия Драконовых гор. Храбрый и мудрый вождь Мативане жил еще дальше ндвандве, но постоянно угрожал границам мтетва.

Экспедицию назначили на зимний месяц июнь, но пока шла мобилизация, Мативане прознал о готовящемся походе. Он сделал все приготовления и попросил вождя соседнего клана амахлуби Мтимкулу посторожить его скот в горах. Мтимкулу, сын вождя Бунгане (который, кстати, в свое время давал приют Дингисвайю и его белому спутнику Коуэну) согласился.

К неудовольствию Чаки, битва осталась незавершенной. Дингисвайю быстро окружил войска Мативане и тот отделался добрыми заверениями и таким образом сохранил свои силы. Армия ушла, и Мативане обратился к Мтимкулу, чтобы тот вернул скот. Но Мтимкулу отказался! Пока Мативане взвешивал сложившееся положение, хлуби растворились в горах, а на самого Мативане напал Звиде и изгнал из родных мест.

Звиде все рассчитал вроде бы верно: люди Мативане после стычки с мтетва оказались легкой добычей. Однако, изгоняя эмангвавени с их земель, Звине породил цепочку событий, последствия которых никто тогда не мог предвидеть.

Мы уже касались темы мфекане, связанной с перенаселением Наталя в конце XVIII, начале XIX века. Так вот, здесь был один из истоков мфекане. Восточные нгуни страдали от перенаселения. Дорога на юг была перекрыта белыми поселенцами. Драконовые горы и сото, населившие их восточные склоны, не давали выйти в глубь материка. Север оказался перекрыт болотистым поясом реки Понгола и племенем тонга.

Итак, спасаясь от Звиде, Мативане уничтожил все встретившиеся ему на пути краали амахлуби и осел среди холмов. А амахлуби, лишенные всех средств существования, под началом Мпангазиты перевалили через Драконовые горы и опустились прямо на головы насмерть перепуганных сото.

Прежде чем мы снова вернемся к Чаке, давайте проследим историю Мативане, ибо цепная реакция, вызванная его действиями, имела последствия для всей истории Южной Африки.

Мативане догадался, что Чака никогда не удовлетворится миром, который Дингисвайю заключил с ним когда-то, и потому решил покинуть страну, перевалив через Драконовые горы. Но здесь его подстерегали большие сложности. Он оказался не в состоянии поселить свой народ на большом центральном плато, что лежало за горами. Экономике краалья не создашь за один-два дня. Для посевов и сбора урожая нужны были целые сезоны мирной жизни. Единственным выходом было насилие. И нгвавени, а вместе с ними и хлуби, как мы помним, оказавшиеся здесь еще раньше, пошли через земли сото, ломая и сжигая все на своем пути, безнаказанно воруя и мародерствуя.

В 1823 году у Мативане произошел разрыв с амахлуби, которые стали проявлять склонность к оседлости. После битвы, длившейся пять дней, амахлуби были разбиты, бежать удалось немногим.

С этого времени события становятся настолько запутанными, что достоверно проследить пути какого-либо клана по территории сото не представляется возможным. Прибрежным районам Наталья в этом хоть повезло больше — там была уже своя «письменная история», но о ней речь впереди...

Нападая на тот или иной крааль, Мативане забирал скот и женщин, а мужчин убивал. Те, кому удавалось скрыться, рассеивались по плато, влачили нищенское существование. На площади в тысячи квадратных километров не было ни одного клана, не попавшего в этот жестокий круговорот миграций. Каннибализм, всегда чуждый цивилизованному банту, стал здесь привычным явлением!

Одним из первых кланов сото, которые встретились на пути странствующих амахлуби и нгванов (нггавени), были тлоква. Вождь этого клана незадолго до того погиб в бою, и новым вождем был провозглашен Сиконьела. Но он был слишком молод, и потому регентшей назначили мать — Мантатизи — Великую Женщину. Не найдя достаточных средств, чтобы противостоять амахлуби, тлоква снялись с насиженных мест и двинулись на юг. Передвигались они огромной толпой в 50 тысяч человек, гоня посередине людского массива свои стада. Сотни людей умирали ежедневно без еды и воды.

Эта волна, двигавшаяся с севера и получившая в истории Южной Африки название «Орда Мантатизи», в конце концов достигла деревни Тлапин, где жили несколько белых миссионеров из Капской колонии. Местное население приготовилось было бежать, но миссионеры позвали на помощь гриква с вождями Ватербуром и Коком. У этих гриква, которые с гордостью отзывались на прозвище бастардов, родители были ранние европейские поселенцы и готтентотские женщины. Тогда их считали расой, занимавшей промежуточное положение между цивилизацией и дикостью. Они носили европейское платье, работали на фермах, пасли лошадей, жили отдельно. Так вот, гриква откликнулись на просьбу и выступили против Мантатизи. Оружейными залпами им удалось разогнать «орду», и та покатились обратно на север, атаковав по дороге небольшой клан сото во главе с Мшевешве (Мошешем). С остатками клана Мошеш вынужден был скитаться по южным отрогам Драконовых гор, пока взорам его людей не предстала необычная гора. Таба Босиу — «Гора ночи» — холм со срезанной гладкой вершиной, где можно было

устроить удобные пастбища, и всего с тремя подходами. Мошеш завел своих людей наверх и приказал завалить камнями все тропинки: в случае опасности эти камни полетят на головы атакующих. По легенде, так родился народ басуто. Мошеш пустил по всей округе стойкие слухи о том, что ночью гора разрастается до невиданных размеров, а днем опускается до обычных 700 футов.

Орда Монтатизи прокатилась дальше на север, не отважившись напасть на сото. Не решился напасть на него и Мативане, который к 1828 году ушел на юго-восток и появился, к своему несчастью, в стране тембу, совсем рядом с владениями буров и англичан...

Там же, в том же 1828 году прошла неведомая Мативане военная экспедиция Чаки (о ее целях и событиях, с нею связанных, мы еще узнаем из следующей главы). Это было совсем близко от границ Капской колонии, и британские войска совместно с бурскими командос и вспомогательными африканскими частями двинулись для отражения удара зулусов. Но досталось не зулусам, а нгавени! Весь свой пыл белые обрушили на то, что они считали основными силами Чаки. Так Мативане 26 июля 1828 года впервые познакомился с белыми пришельцами. Кафры есть кафры, какая между ними разница — и полковник Соммерсет атаковал их у реки Умтата. Мативане с пятью женами и их детьми спешно удалился на север с мыслью сдаться Чаке. Подошел к горе Таба Босиу. Зная историю Мативане, любой вождь казнил бы его без лишних слов, однако добросердечный Мошеш проявил гостеприимство. Оставив здесь семейство, Мативане пошел к зулусам. Но там его ждала страшная казнь от руки наследника власти Чаки — Дингаана.

Но давайте все-таки вернемся к далекому уже 1817 году, когда Дингисвайю, упустив из виду Мативане, перенес все внимание на Звиде, который был постоянным источником беспокойства для мтетва, а впоследствии и для зулу.

Но обратимся к Звиде. Он был другом отца Дингисвайю, но в 1818 году произошла ссора, и Звиде убил приемного сына Дингисвайю. Это стало последней каплей, и вождь мтетва попросил Чаку помочь ему. Пока войска готовились к кампании, Дингисвайю пошел к ндвандве без оружия, желая мирным путем уладить все конфликты. По дороге он наткнулся на патруль, который доставил его к Звиде. Тот продержал Дингисвайю у себя два дня и, убедившись, что ему, вождю ндвандве, ничего не угрожает, велел казнить Дингисвайю, а голову передал своей матушке Нтомбази, которая собирала в своей хижине жуткую коллекцию отрубленных голов.

По преданию, вместе с Дингисвайо умерли несколько его «амазонок» — личная охрана вождя, состоявшая из девушек. Хотя им и было дано указание возвращаться домой, они отказались покинуть вождя и закололи себя кинжалами на месте казни любимого правителя. Так около 1818 году армия потеряла военачальника и только приезд Чаки помог командирам удержать людей от паники.

Легенды передают, что Звиде потребовал у Чаки выдать ему всех девушек. «Какая наглость, — сказал Чака. — Никогда сестра моя не станет супругой этой высохшей шкуры, которая сожрала уже половину вождей нашего края. Пусть попробует сам добыть их!»

...Чака и Звиде стояли на границах своих владений и пожирали глазами соседние земли. Кроме ндвандве, Чаке угрожали еще и квабе, мощный клан, живший между зулу и мтедва. Так молодой вождь зулу оказался между двумя фронтами. Оба клана по численности превосходили зулусов вдвое.

Чака тщательно готовился к предстоящей битве. Он объявил всеобщую мобилизацию всех мужчин старше или моложе призывного возраста, способных носить оружие. Верный помощник Чаки талантливый военачальник Мгобози быстро превратил их в дисциплинированное войско. Ополчение стало называться нкомендала — «беззубый старый скот», но прозвище это было почетным. Далеко на юг к лесу Нкандла были эвакуированы жены с детьми и скот. Всего для сражения подготовили около 4 тысяч человек. У Звиде было вдвое больше!

Главные силы Чака сосредоточил у холма Гокли южнее реки Белая Умфолози. На вершине холма разместился резерв, а основное войско расположилось вокруг на 5—6 шеренг. В радиусе нескольких километров от Гокли зулусы уничтожили все съестные припасы и воду. Зная благодаря разведчикам о своем численном проигрыше, Чака построил войска полукругом — так было легче смыкать ряды, если враг прорвет оборону.

Войсками ндвандве командовал молодой военачальник Номохландхана, ровесник Чаки. С ним были почти все взрослые сыновья Звиде.

Первые группы противника вошли в реку на мелководье. Воины ндвандве держали в правой руке ассегай и щит, а левую положили на плечо впереди идущего — образовалась цепь. Группы командиров Нгобали и Ндлелы обрушились на них как раз в тот момент, когда те преодолевали глубокое место в реке. Первая атака Номохландханы захлебнулась в прямом смысле.

Следующий маневр Чака придумал такой. На глазах у разведчиков ндвандве 200 воинов полка Фасимба погонят часть скота

на юг. Ндвандве наверняка отвлекут значительные силы, чтобы овладеть добычей. Проведя незаметно перегруппировку, Чака разделит силы таким образом, что противник непременно решит: войско разделилось поровну. Между тем, на холме скопится 3 тысячи воинов.

Все произошло именно так, как и предвидел Чака. Номохландхана отправил треть своих воинов за скотом зулусов, а остальные 8 тысяч выстроил полукругом у северо-восточного склона холма. И таким образом, оказалась видна только часть войска, остальные силы скрывались за гребнем холма.

— Биться с таким противником все равно что резать скот в краале, — хвастливо заявил Номохландхана своим командирам. После ритуальной встречи двух самых сильных воинов, закончившейся победой зулусов, Чака двинул войска. Вот как-передает это предание старые зулусы:

— К оружию! — скомандовал Чака. Как и предыдущий, приказ был громко повторен сначала командирами бригад и полков, затем сотниками и наконец взводными. С удивительной синхронностью движений, которой всегда отличались зулусы, полторы тысячи воинов, сидевших вокруг вершины холма, поднялись как один человек. Затем полторы тысячи ног — в подобных демонстрациях участвует только правая нога — одновременно топнули о землю, так что холм чуть ли не дрогнул. И тут же раздались крики, похожие на раскаты грома или барабанный бой: то каждый воин в течение нескольких секунд бил древком копья по щиту. Четыре шеренги, стоявшие вплотную к передней, отодши назад, так что между ними образовались интервалы в три-четыре шага.

Войско ндвандве втягивалось в сражение медленно и неуверенно. Их боевые порядки уплотнились до такой степени, что воины не могли свободно метнуть копье. Нарастала паника. Как лавина навалились зулусы на столпившегося противника. Началась резня. Новые ассегаи с широким и коротким клинком оказались прекрасным оружием ближнего боя.

С вершины холма Гокли Чака осматривал поле битвы. Копья, которые метали ндвандве, практически не причиняли противнику вреда. Номохландхана перешел к тактике ближнего боя, но яростный напор зулусов отбросил ндвандве. Стояла жара, а воды у них не было. Заканчивались силы и у Чаки. Из пяти шеренг осталась только три.

Тем временем дымы вдали известили зулусов, что возвращается отряд, уводивший скот. Но это означало и то, что назад движется и часть войска ндвандве, посланного за скотом. Положение становилось отчаянным. Снова обращаемся к устным преданиям:

— Тут их выручила железная дисциплина и большая подвижность. «Назад, на вершину холма, щиты держать сзади, — снова и снова звучали слова команды. — Бежать как можно быстрее, но строй не нарушать!» Ротные, взводные и многие рядовые громко повторяли этот приказ.

Зулусы и на этот раз без труда обогнали своих противников, и те снова очутились перед двумя сплоченными шеренгами, занявшими первоначальные позиции вокруг вершины холма. Таковы были плоды дисциплины и быстроты передвижения.

Ндвандве несколько раз повторяли атаку, но неизменно скалывались к подножию холма. В распоряжении Номохландханы осталось около двух с половиной тысяч воинов, в то время как у Чаки — 600, из коих около половины составляли раненые.

Над равниной и холмами стоял тошнотворный запах крови. Между тем, к обеим сторонам подходили сравнительно свежие силы. На северном склоне началась неслыханная резня, в которой полегли около полутора тысяч ндвандве и пятьсот зулусов. Победа досталась очень дорогой ценой — ндвандве потеряли около семи тысяч человек. Но Звиде по-прежнему считал себя непобедимым.

Чака мог теперь доверять своим войскам самые ответственные сражения. Несмотря на громадные потери ему удалось удвоить армию, благодаря притоку добровольцев. Вождь всячески поощрял храбрых воинов, выдвигая их на различные командные должности. Одним из его военачальников стал Мзиликази, внук Звиде, бежавший от деда, когда тот убил его отца. Другим был Ндлела, который к неудовольствию людей, служивших с ним, был каннибалом, но довольно быстро отвык от своей пагубной привычки.

Чтобы избежать кровопролития, Чака решил пригласить квабе на свою сторону еще до битвы с ним, но те решили выждать исхода сражения, и тогда Чака напал на них «заранее», одержал легкую победу и влил их силы в свою армию. Теперь без оппозиции в тылу он мог противостоять двум самым грозным военачальникам ндвандве — Сошангане и Эвангедабо. О всех делах у ндвандве он узнавал через разведчиков из клана дламини — они приходились родственниками ндвандве, но ненавидели их и прилагали все усилия, чтобы помочь Чаке.

То была вторая, и последняя война Чаки против Звиде.

В мае 1819 года, вскоре после сбора урожая, Чака приказал сделать большие запасы продовольствия и спрятать их в надежных местах. Узнав от разведки о приближении армии Звиде, он эвакуировал в лес Нкандла всех жителей целого 40-мильного кори-

дора, куда намеревался заманить врага. Сошангане внимательно изучил уроки поражения ндвандве у холма Гокли и вооружил войско такими же короткими и тяжелыми ассегаями. По-прежнему они были обуты в сандалии, и это делало их менее мобильными, чем зулусы.

Миновав холм Гокли, усеянный выбеленными солнцем кочками, армия ндвандве продвигалась по зулусской территории с трехдневным запасом продовольствия. Но зернохранилища, где ндвандве намеревались пополнить запасы, оказывались пустыми. На третий день они лишились и скота: отряд зулусов отбил быков и коров у немногочисленной охраны. Голод и холодные ночи заставили ндвандве устремиться за стадами, которые зулусы намеренно «показывали» на отдалении вражескому войску. Таким образом, противник вышел к восточной кромке леса Нкандла — прямо к главным силам Чаки, скрывавшимся в чаще.

В ту июльскую ночь, сообщает устная традиция зулусов, дикий лес представлял собой жуткое, но величественное зрелище. Десять тысяч воинов расположились под сенью больших акатников. Тыльная сторона их листьев отражала огни тысяч костров, блеск ассегаяев и щитов.

Чака сидел, прислонившись спиной к стволу лесного гиганта. Перед ним ярко горел костер. Слева от него находился молодой Мзиликази, будущий король матабеле, справа — двадцатидвухлетний мрачный Дингаан, его сводный брат и будущий вождь зулусов. Другой сводный брат, пятнадцатилетний Мпанде, был в то время одним из у-диби. Пока что он подавал мясо и пиво своим братьям. В ту ночь лес Нканда заключал в себе судьбу половины Африки...

По плану Чаки, отряд из 500 человек должен был подобраться к спящим ндвандве с дальней от леса стороны, — изображая воинов, вернувшихся из похода за продовольствием. Это было делом несложным, ибо и ндвандве, и зулусы говорили на одном языке. Нужно было вызвать среди противников панику.

Среди ночи лагерь ндвандве огласили громкие вопли. Сошангане потребовал прибавить огня, но это не помогло, лазутчики зулусов продолжали стоять насмерть. Тогда Сошангане приказал всем собраться вокруг его командного пункта и стать лицом к лесу.

Утром они поспешили покинуть наполненный кошмарами лес. Войско зулусов в полном составе начало преследовать боевые порядки противника. Единственным преимуществом зулусов оставалась железная дисциплина, ибо во всем остальном Сошангане не уступал Чаке, а в численности намного превосходил его войско.

Чака построил два полка в две колонны по пять человек в шеренге и послал в обход армии ндвандве с флангов. Сошангане срочно расширил порядки, чтобы не дать окружить себя, те уходили все дальше вправо и влево и таким образом ослабился центр, в нем наметились разрывы. Воины зулусов напали с бешеным натиском и сразу перемололи много солдат. Ндвандве стали отходить, соблюдая боевые порядки. Но на пересеченной местности делать это во всей Африке могли пока только зулусы. Образовались свалки и заторы, на которые то и дело обрушивались полки Чаки.

Сошангане отдал приказ своим 16 полкам переправляться через реку. Один полк — гвардия — охранял переправу. Чака уловил момент, когда половина воинов переправилась, а вторая осталась на берегу, растянутая по всему фронту, и напал со всей стремительностью, с какой были способны его летучие отряды. «Встаньте, дети зулу, ваш час настал! — напутствовал он своих воинов. — Уничтожьте всех!»

Семь тысяч зулусов с боевым кличем «Байте!» ринулись в атаку. Половина ндвандве погибла на берегу, другие потеряли оружие на переправе. В распоряжении Сошангане остались лишь те, кто успел переправиться, и часть «гвардии». Осколки армии распались на отдельные группки беглецов.

Двум полкам Чака дал особое задание — быстро идти к краалям ндвандве и захватить вождя Звиде и его жестокую мать. Узнав об опасности, Звиде поспешил укрыться с группой единоплеменников на севере, среди племени бавелу, и именно там его настигла смерть. Он стал жертвой женщины-вождя Мжанжи, которая командовала маленьким кланом бапеди. Окружавшие ее племена боялись с ней связываться, потому что Мжанжи могла наслать порчу на любого. У нее было четыре груди, причем такие длинные, что она забрасывала их за спину и могла кормить сидящего за спиной ребенка. По преданию, она была бессмертна и любому страннику, взглянувшему на нее, грозила гибель.

Сошангане спешно отступил, уводя с собой ядро уцелевших войск. Ему удалось добраться до португальских владений в Мозамбике и основать там государство Газа, или Шангана, не попавшее под влияние Чаки.

Отныне владения зулу простирались от Понголы до Тугелы и от океана до Кровавой реки. Территория клана в сто квадратных миль превратилась в 11 тысяч 500, а армия выросла с 350 до 20 тысяч воинов. На этой территории десятки вождей покоренных кланов получили статус, поставивший их выше прежнего положения. Население стало мало-помалу отождествлять себя с зулусами!

В центральной части своей территории Чака распорядился построить несколько крупных военных краалей — Гибисегу, Булавайо, Нобамба Изид-хлебе, Мбелебеле и Дукуза. Это была система опорных пунктов, призванных быть поддержкой регулярной армии. Каждый из них имел округлую форму, и против входа располагалась «королевская часть». По обе стороны загона для скота находились хижины воинов. Гибисегу был более трех миль в окружности и насчитывал 1400 хижин. Каждым поселением командовал военный вождь — индуна, назначенный лично Чакой. Там же был сераль для женщин верховного правителя во главе с главной женой, которая пользовалась огромным авторитетом наравне с индуной. Напомним еще раз, что Чака сам никогда не женился и официально эти женщины считались его наложницами.

В таких поселениях собиралась молодежь со всех краалей. Сначала молодых людей использовали как пастухов и у-диби — носильщиков щитов и циновок, а потом направляли в соответствующий полк.

Концентрация власти и полная зависимость армии от Чаки вывели его за пределы статуса обычного бантусского вождя. Но четкая организация действовала лишь в тех районах, где был возможен непосредственный контроль из центра. Вне его вожди хотя и платили дань, и признавали вассальную зависимость, но часто нарушали законы, установленные Чакой. Они были достаточно автономны и командовали силами, состоящими из своих племенных резервов. Это неминуемо должно было вызвать сепаратистские тенденции, и в 1821 году состоялся такой «исход» — от Чаки отделился клан кумало во главе с Мзиликази. Его история станет темой отдельного рассказа.

Реорганизация общества на рельсах войны сопровождалась и перестройкой сознания. Гостеприимство и наивное любопытство, когда любого чужеземца окружала толпа гомонящих людей всех возрастов, выпрашивавших подачки и ощупывавших одежду, сменились более сдержанным отношением, граничащим с подозрением. На это ушли годы. Гордость, даже равнодушие к человеческой жизни, культивировавшиеся Чакой, соседствовали с железной дисциплиной, порядком, аккуратностью, которые привлекли внимание первых европейцев в этих краях.

Многие историки-африканисты пытались проанализировать феномен Чаки, приведший к рождению мощного государственного образования на юге Африки. Понять его корни. Что отличало Чаку от Дингисвайо и Звиде? Не только военная власть (она, несомненно, была у него сильнее), а скорее способности, с помощью которых он добивался политической власти, и масшта-

Мзиликази,
мятежный вождь зулусов-ндебеле

бы изменений, вызванных реформами Чаки. Многие из этих изменений назре-ли да и делались в кланах нгуни. Возра-стные классы существовали и раньше, но сейчас они служили всему государ-ству. Рекруты из всех племен и кланов перемешивались в армии, создавая «ат-мосферу лояльности» власти великого вождя, выхолащивая сепаратистские на-строения. Живя и воюя вместе, они сли-вались в один народ.

Тщеславные молодые воины, отли-чившиеся в бою, быстро продвигались по службе; местные вожди не в состоя-нии были создать серьезную оппозицию центральной власти. Зулу — диалект нгу-ни — стал объединяющим средством общения для всего региона, народ стал называть себя амазулу, а не наследни-ками прежних этнических и политичес-ких образований.

Нгуни оказались лучшими преемни-ками и носителями новых изменений. Такой «взлет» зулусов многие исследо-ватели пытались объяснить по-разному.

Одна версия такова. Дингисвайо сознательно «срисовал» все с жизни белых людей на Капе. Эту идею породили сами поселенцы, пытаясь принизить славу зулусов. Она не выдерживает критики. Да к тому же, действия Дингисвайо и Чаки не имели ничего общего с действиями белых.

По второй теории, перенаселение региона требовало пере-стройки экономики, чтобы выжить. Доля истины здесь есть, но не это было главным: достаточно вспомнить южных нгуни, у которых демографические коллизии были самыми сильными, их экспансия была ограничена Драконовыми горами на западе и поселениями белых на юге, однако у них не возникло таких со-циально-политических институтов, как у северных нгуни...

Третья версия: Дингисвайо, Звиде и Чака пытались устано-вить торговые контакты с Делагоа. Это вероятно, но не столь важно, ибо торговые отношения с португальцами у зулусов были

минимальными. Тонга были куда ближе к торговым делам, однако они и не пытались изменить свои социально-политические институты, их сделки основывались на рабовладении, в то время как зулусам оно было чуждо всегда.

И четвертая гипотеза. Северные нгуни подпали под сильное влияние сото и переняли у них многие элементы экономики, культуры и политики.

Более правильный вывод видится в уникальном сочетании всех этих факторов, когда организаторский и полководческий талант Чаки проявился в нужное время и в нужном месте. Чака сумел понять сложную ситуацию и использовать свои способности в нужном русле — в противоположность южным нгуни, у которых тоже имелись предпосылки для коренных перемен, но они так и остались политически раздробленными. У южных нгуни был свой талантливый и храбрый вождь Макоме, но он так и не смог перерасти от лидера отдельных племен в вождя крупного государственного образования, не смог преодолеть инерции вождей и самих жителей, не пожелавших объединяться.

А Чака смог!

В 1820 году, переправившись через реку Буффало, его импи напали на два больших клана — тембу (вождь Нгоса) и куну (вождь Макингане). Расселив вновь влившихся к нему людей на землях ндвандве, он таким образом захватил весь Наталь. Племена и кланы, не пожелавшие сливаться с зулусами, бежали на юг, где от беженцев уже страдали коса, теснимые белыми поселенцами...

К 1824 году все было кончено: на сотни миль к югу от Тугелы не осталось ни одного независимого клана. Только сотни и тысячи пустых краалей. Лишь пепел и кости. Сотни оголодалых групп людей бродили по саванне. Процветало людоедство. Ни один человек не отваживался посеять злаки или построить крааль.

Из воспоминаний Барнабаса Шоу, английского миссионера, два десятилетия прожившего в Южной Африке в 20—30-е годы XIX века:

«Скрытное, но воинственное племя зулу, или ватва, находится к северу от кафров. Единственное, что можно сказать о происхождении, что раньше они пришли из районов истока р. Мапуты. Сегодня границы проживания этого огромного ужасного племени простираются от границ кафров амапонда и Делагоа на севере и внутрь до высоких гор.

Они смелы и воинственны, благородного поведения, у них тонкие черты, украшения чаще сделаны из травы и зерен. Боль-

шинство ходят голые, но есть и в шкурах животных. Они, как и многие другие племена, умеют обращаться с железом. Они защищают себя в битвах широкими щитами из шкур антилопы, а в другой руке держат 5—6 ассегав.

Они покорили много племен в соседстве с Делагоа. Больших успехов достигли при короле Чаке, который создал империю на основе военной деспотии. Средства, которыми он достиг этого, были кровавыми и жестокими. Он пошел дорогой крови и обрек на смерть тысячи своих соплеменников. 15 тысяч его воинов выполняли малейшие его прихоти, а всего армия достигала ста тысяч, в чем я сомневаюсь. Поражение в бою каралось смертью, бывали случаи, когда казнили сразу 450 человек.

Это дети природы, у них не было Библии, проповедники их не посещали. К сожалению, на земле еще много таких черных мест, где царит жестокость...»

* * *

Экспедиции зулусов обшаривали северные районы Наталья, и в одном из походов, заменив Мзиликази, Чака натолкнулся в землях ндвандве на крааль, где когда-то правил Машобане, отец Мзиликази. Здесь Чака и осел с двумя полками, выбрав место для своей главной резиденции — Дукузы. Вождь разрешил воинам некоторых полков вновь надеть головные кольца и искать себе жен. Мужчинам в возрасте от 35 до 40 лет было позволено отправляться в свои краали и заниматься там земледелием и разводить скот. Говоря современным языком, нужно было срочно налаживать экономику, так как содержать 20-тысячную армию никакие краали были просто не в состоянии.

С этого времени история зулусов вышла из области устных преданий и обрела письменную форму.

Наталь

Неведомая европейцам земля... Здесь родилась и исчезла империя мтетва, накатывали и отходили волны миграций племен и кланов. Здесь возшла звезда Чаки. Но к югу от Кикскамма-ривер и севернее залива Делагоа никто об этом ничего не знал. Между тем, голландцы были в Африке уже более 170 лет, англичане — почти два десятилетия. Однако лишь одному европейцу — Коуэну — удалось пока что перевалить через Драконовые горы и войти в Наталь с запада...

Здесь, на побережье Наталья, за века мореплавания случались десятки кораблекрушений, и около трех тысяч душ отняли эти неприветливые берега, и только пятистам из них удалось спа-

стись. Караваны выживших португальцев — а чаще всего то были они — отправлялись в глубь неведомой земли, через зеленые поля и пустынную саванну, продуваемую холодными ветрами с океана, и почти все они встречали в разбросанных по холмистой равнине краях своих соотечественников, которых постигла та же участь 20, 30 или даже 40 лет назад!

Но португальцы были не единственными жертвами коварных мелей прибрежных вод Наталя. Попался и английский корабль, было это в 1683 году, а затем еще, и потом — голландский. Многие из моряков погибли, а уцелевшие — отчаянные ребята! — принялись добывать на берегу слоновую кость, чтобы хоть уйти не с пустыми руками. Кое-кто из них действительно добрался до португальских факторий и сообщил, что встретил тут английских моряков, разбившихся 42 года назад и живших среди амапондо, и забывших почти родной язык, и нарожавших шоколадного цвета ребятешек...

Такие истории будоражили умы обитателей Капской колонии, побуждали к действиям. И вот в октябре 1689 года губернатор Капа Симон ван дер Стел отправил на север экспедицию под началом капитана Тиммермана — найти вождя Иньянгеза, вручить ему товаров на тысячу гульденов и вместе с ними — документ, узаконивающий принадлежность его земель Ост-Индской компании. Тиммерман отбыл — чтобы потерпеть крушение у Алгоа-бей, и только четверо из его довольно многочисленной команды вернулись в Капстад.

В ноябре 1705 года галиот «Посткулер» под началом капитана Йоханеса Гербранцера отправился исправлять ошибку 16-летней давности. Капитан обнаружил, что Иньянгеза уже умер, а правит его сын. Гербранцер сделал несколько интересных наблюдений об экономике бантусских племен. Но отношение к земле — основе землепользования африканцев — оставалась неясной. Капитан отплыл обратно, не имея никаких дополнительных инструкций.

В 1708 году здесь побывали пираты, а спустя год — работорговцы, получившие прямо на берегу 74 ребенка для плантаций в Вирджинии, которые оказались «лучше, чем с Мадагаскара».

Последующие шестьдесят лет берега Наталя не ведали трагедий, пока 4 августа 1782 года «Гросвенор» из Индии не наткнулся на подводные скалы: капитан полагал, что берег в трехстах милях!..

Команда имела смутное представление о координатах тех мест, куда она попала. Четыре месяца спустя четверо изможденных членов экипажа подползли к бурской ферме на границе Капской колонии, в 400 милях от Кейптауна. Срочно снаряженная

экспедиция спасла еще 12 человек, но еще многие годы ходили слухи, что пропавших женщин с «Гросвенора» взяли в жены местные африканские вожди. В 1790 году группа добровольцев, желавших проверить эти слухи, наткнулась на крааль у реки Умгазана, среди 400 жителей которого были дети белых женщин. То были «полукровки» с привычками банту, но носившие имена Бесси, Бетти и Томми. Однако самих матерей нигде не было, и узнать, с какого они судна, не представилось возможным...

17 марта 1796 года «Геркулес» из Индии выбросило на берег в нескольких милях от обломков «Гросвенора». Капитан Стаут спас всю команду до одного человека и через три месяца вывел людей к Кейптауну.

«Геркулес» оказался последним заморским пленником Натала вплоть до времени постоянного европейского поселения. К этому времени — началу 20-х годов — никаких следов «белого присутствия» здесь не осталось — даже тех краалей, где когда-то жили метисы, не сохранилось. Единственный, кто знал о белых, был вождь мпондо Факу: он сотрудничал с пограничными отрядами англичан в кампании против Мативане в 1828 году, а у остальных банту, и у нгуни в особенности, все представления о белом человеке ограничивались тем, что «он поднимается со дна моря, где собирает бусы и другие красивые вещи, а всплывает на огромных животных с большими крыльями, которые питаются слоновой костью»...

После окончания наполеоновских войн в Европе множество английских офицеров разъехались по разным уголкам света искать применение молодым силам. Вслед за ними потянулись и поселенцы. В сентябре 1822 года капитан британских военно-морских сил Уильям Оуэн отбыл из Кейптауна в Делагоа на судне «Левен» — на обследование берегов Юго-Восточной Африки. Ни сам Оуэн, ни офицеры всех трех судов его эскадры не знали толком, что это такое — исследование. Насколько точными были сведения, которые они собирали, можно судить по одной лишь выдержке из дневника офицера «Левена»: «К югу живет племя воинственных кафров, именующих себя зулусами, португальцы зовут их ватва. Это то же, что и старое название батва, или бутва; жители Делагоа называют их холлентонты, несомненно, это искаженное хоттентот, потому что они пришли с юга, где их родина».

Но зато эти люди были профессиональными моряками и внесли немалый вклад в картографирование береговой линии Юго-Восточной Африки!

Очень важным делом для Оуэна было решить проблему переводчиков. Власти на Капе выделили ему троих преступников из

тюрьмы на острове Роббен, и капитан остался доволен их знаниями местных языков. Один из них оказался смысленнее других, к тому же он знал голландский — Якот Мсибити (он войдет в дальнейшее повествование как Джекоб) — молодой человек народности коса, которого поймали на границах колонии за кражей скота. На Роббен Джекоба доставил корабль Джеймса Саундерса Кинга (запомним и это имя) и его передали Оуэну с надеждой на исправление.

Сразу по прибытии в Делагоа Оуэн принялся выяснять обстановку. Повсюду царило оживление. Местные и окрестные купцы и чиновники обследовали окрестные районы в поисках слоновьих стад. В порту Оуэн встретил Джона Томпсона, 34-летнего купца из Бристоля, осевшего в Кейптауне в 1809 году и основавшего собственный торговый дом (судьба сведет их вскоре снова).

Отряды Оуэна, не желавшего отставать от остальных, тщательно изучали окрестности. В одном из дальних походов они натолкнулись на колонну чернокожих воинов, которые явно превосходили по численности местные кланы, — под началом Сошангане (вспоминаем это имя?). Португальские поселенцы, слабые в этнографии, прозвали их «бушменами», а местные жители-африканцы, неправильно усвоив терминологию голландцев, обозвали их «готтентотами» или «холлентонтами». Вот откуда появились эти слова в дневнике офицера с «Левена»! На самом деле пришельцы были ндвандве, бежавшие от Чаки!

Переводчик Джекоб все больше досаждал капитану своей заносчивостью и нерасторопностью, и Оуэн решил поменять его на местного жителя Шамагвану. У того было семь жен, но главное достоинство оказалось не в этом: он знал диалект тонга, говорил на английском, голландском, португальском и хиндустани. (Уже тогда, в 1822 году, Джекоб начал проявлять свои негативные качества, но в полной мере это скажется на нашем сюжете чуть позже.)

Закончив дела в Делагоа, Оуэн пошел на юг, желая подальше обследовать побережье. Это оказалось невозможным. Все чаще попадались песчаные банки, и плохая погода держала его в отдалении от берегов. Наталь он прошел без остановки, а малярия вывела из строя половину команды. В Кейптауне их принял губернатор. Они договорились о новой экспедиции — в июне 23-го года. Но до того времени произошли некоторые события...

Торговый дом Томпсона (того самого, которого Оуэн встретил в Делагоа) попросил его взять на борт несколько человек, которые намеревались найти подходящее место на побережье Наталья, чтобы основать там поселение. Главным среди них был Френсис Джордж Фаруэлл. Но для Фаруэлла, Петерсона, само-

го Томпсона и нескольких других участников снарядили другое судно — бриг «Солсбери» под началом уже известного нам Кинга. Он вышел в путь 23 июня 1823 года на несколько дней раньше «Левена».

И Кинг, и Фаруэлл были офицерами британского военного флота. Кинг, родившийся в 1795 году в Галифаксе, начинал службу юнгой в 1806 году и стал гардемаринном в 1815-м, а с 1822 года уже командовал бригом «Солсбери», курсирующим между Кейптауном и Алгоа-бей.

Фаруэлл родился в 1791 году в Тивертоне, служил на девяти судах, был несколько раз ранен, командовал гарнизоном небольшого островка в Адриатическом море, стал лейтенантом королевского флота в 1815-м, водил суда из Индии в Рио-де-Жанейро, но потерпел крушение. Прибыл в Кейптаун в 1822-м году. Город тогда был не таким уж большим портом, расположившимся рядом с известной всем мореходам Столовой горой. Невысокие красивые домики с белеными стенами и красной черепицей были типичны скорее для Европы начала XIX века, чем для Африки. И хотя длинные зеленые аллеи, усаженные аккуратно подстриженными кустиками и тропическими деревьями, производили впечатление ухоженности и благонравия, наблюдение это при ближайшем рассмотрении оказывалось весьма поверхностным. Рабы всех цветов кожи, фургоны, запряженные быками, разноязыкая речь, огромные кучи сена на улицах — все это делало Кейптаун обычным провинциальным центром Южной Африки. Но его будущее нетрудно было предвидеть. Приток британских иммигрантов, начавшийся около 1817 года, к 1820-му сильно вырос...

Фаруэлл быстро сориентировался и женился на Элизабет Катарине Шмидт, отец которой был влиятельным членом торговой компании. В последующие годы, когда компания стала уже называться «Фаруэлл-трейд компани», Элизабет весьма редко видела мужа дома...

27 июня «Солсбери» пришел в Алгоа-бей, а через три дня туда же вошел и «Левен»: на его борту Кинг и Фаруэлл получили достаточно информации о побережье. Тогда же Оуэн передал будущим поселенцам несколько переводчиков-африканцев с острова Роббен. Среди них был и Джекоб. Состоялся разговор о том, как было бы хорошо основать торговое поселение в Натале.

«Солсбери» двинулся дальше на север вдоль берегов Южной Африки и прошел мимо будущего Порт-Натала. Моряков привлекла бухта Сент-Люсия. Попытка высадиться окончилась неудачей, обе шлюпки перевернулись, шесть человек утонули и лишь Фаруэллу удалось спастись с помощью Джекоба, который

оказался превосходным пловцом. Но другой спасшийся пассажир — Алекс Томпсон — обвинил Джекоба в том, что именно он перевернул шлюпку. Смертельно обидевшийся Джекоб бросил группу и скрылся в лесу. Около пяти недель путники просидели на берегу в ожидании, пока «Солсбери» починится и сможет принять их на борт. В Алгоа-бей вернулись уже без Джекоба.

Из Алгоа-бей, пополнив запасы воды и продовольствия, «Солсбери» вновь двинулся к Сент-Люсии. Счастливо миновав песчаные банки, бриг подошел к берегу и высадил пассажиров. Место им очень понравилось: было много пресной воды, окрестные зеленые пастбища и холмы радовали глаз, местных жителей не было видно. Оставив несколько человек, «Солсбери» в декабре с Фаруэллом и Кингом вернулся в Кейптаун. Кинг сразу же направил в Лондон официальное письмо, где всячески расписал себя как первооткрывателя удобного и важного для Британии порта — к неудовольствию капитана Оуэна. Адмиралтейство благосклонно отнеслось к начинаниям Кинга и переслало все документы лорду Ч. Сомерсету — в колонию. Это означало успех предприятия.

Фаруэлл поступил иначе. Прежде всего он обратился к лорду Сомерсету с письмом, в котором расписывал преимущества будущей британской колонии в Натале. В архиве Кейптауна сохранился ответ губернатора: «Что касается меня, то вот мое мнение: я согласен при условии, что в порту нового владения ее величества будет всегда стоять парусник, готовый взять на борт поселенцев, а на берегу будет находиться небольшой отряд для контактов с внутренними районами и он-де призван заботиться о торговых операциях на благо нашей колонии...»

Фаруэлл срочно собрал деньги и нанял шлюп «Джулия» и бриг «Антилопа», уговорив три десятка человек плыть с ним, чтобы основать новое поселение. Двадцать из них были буры, искавшие возможность создать собственные фермы на новых землях, а остальные — англичане — авантюристы и торговцы. Взял с собой Фаруэлл и троих готтентотов — Майкла, Джона и Рэчела.

Первая группа отбыла из Кейптауна в апреле 1824 года на «Джулии» и в конце месяца без происшествий прибыла в Порт-Наталь. Эту часть экспедиции возглавлял молодой партнер Фаруэлла по торговой компании Генри Френсис Финн, сын владельца «Бритиш-отеля» на Лонг-стрит в Кейптауне. Родился он в Лондоне в 1803 году, учился в Христианском госпитале, служил помощником хирурга, а работал в округе Олбани, на границах Капской колонии. Хорошо знал нравы местных племен. За годы жизни в Олбани он хорошо изучил язык коса и от них был осведомлен, что где-то далеко на севере живет народ зулусов и правит ими могущественный вождь Чака. По тем временам Финн

обладал значительными, можно даже сказать, уникальными сведениями!

В апреле 1824 года шлюп «Джулия» водоизмещением 30 тонн вышел из Кейптауна и взял курс на Наталь. На борту кроме Финна было несколько будущих колонистов; Джон Кейн и Генри Огл — взрослые мужчины, а также юноша Томас Холстед. Через шесть недель они были в Натале. «Здесь много слонов, земля богата, а владеет ей Чака» — это все, что они знали о крае, в котором намеревались поселиться.

Один из будущих «летописцев» Наталья Натаниэл Айзекс оставил описание внешности Генри Финна: «Роста он был довольно высокого, наружность имел внушительную. Но лицо портила густая борода, потому что он долгое время не мог бриться. Голову его покрывала соломенная шляпа без верха, а тело — рваное одеяло, завязанное вокруг шеи полосками кожи. Он поддерживал одеяло руками, чтобы не обнажить «нижнюю часть». Обувь он выбросил уже несколько месяцев назад, одежда его постепенно пришла в негодность, так что на нем не было ни одной целой вещи. Его очень любили туземцы. Они питали к нему нечто большее, чем просто уважение, ибо не раз он спасал им жизнь, облегал боль, излечивал он недуги».

Новоселы принялись обустроиваться на берегу. Преодолев страх, из ближайшего леса стали выходить местные жители, и у Финна появилась возможность выяснить некоторые подробности жизни племен нгуни. Прибрежное население принадлежало к клану аматули и жило в относительной безопасности, так как земли клана не представляли никакой ценности с точки зрения скотоводства. Клан выжил и перебивался рыболовством — довольно необычное занятие для банту. Но в начале 20-х годов летучие отряды Чаки — импи — стали наведываться и сюда. Не в силах больше терпеть их наглости, вождь Фика однажды напал на патруль зулусских воинов и перебил его. Боясь репрессий, члены клана попрятались по прибрежным кустарникам и поддерживали жизнь тем, что питались моллюсками, а те, кто жил подалее от океана, вынуждены были обратиться к людоедству.

Вскоре после Финна прибыл и Фаруэлл.

Выписка из неопубликованного дневника Фаруэлла, уцелевшего благодаря тому, что его в свое время переписал путешественник Эндрю Смит:

«На юго-западе от бухты мы обнаружили первых для нас обитателей Наталья — убогих, совершенно голых мужчин и женщин, у которых кроме тряпицы на груди ничего не было. Они смазыва-

ют волосы рыжей глиной... Чака забрал у них весь скот и убил всех не успевших спрятаться мужчин и женщин. Они перебиваются только рыбой, забывая сваи в воде по кругу и оставляя узкое отверстие, где и пытаются вылавливать ищущую выхода рыбу».

Мудрый вождь Фика быстро смекнул, что белые люди достаточно сильны, чтобы защитить его клан от тирана, и велел своим людям переселиться поближе к пришельцам.

Финн скоро понял, что практически все в Натале является собственностью Чаки и от того, как скоро с ним удастся договориться, зависит — быть или не быть колонии. Он решил нанести визит в ква-Булавайо, лежащий, по слухам, в нескольких милях к северу (на самом деле крааль, где жил Чака, находился в 12 милях). Вместе с переводчиками Майклом и Джоном он отправился в путь на север. В 12 милях от дома, на реке Умгени он присел на песок отдохнуть и тут увидел нечто, заставившее его вспомнить рассказы аматули. Мерный топот сотен ног возвестил о приближении колонны чернокожих воинов, шедших вдоль берега. Майкл и Джон мигом скрылись в ближайших кустах, а Финну не оставалось ничего кроме того, что миролюбиво улыбаться индуне, удивленно взиравшему на бледнолицего чужестранца. Командир отряда сразу признал в пришельце выходца со дна моря, и армия быстро прошла мимо. По приблизительным подсчетам Финна, число воинов равнялось 20 тысячам.

То было ядро зулусской армии, возвращавшейся после боевых действий на юге Натала. Видимо, следуя с юга по берегу океана, они обогнули поселение белых людей с запада и никто из них, кроме Финна, зулусов не видел.

Финн позвал слуг, и они двинулись вслед за зулусами. Уже миновав несколько краалей, Финн получил устный ответ Чаки, не замедлившего откликнуться на послание Финна, отправленное вождю заранее: Чака не мог пока его принять, но слал ему подарок — слоновую кость и сорок голов скота, и просил вернуться в Порт-Наталь. Финн возвратился домой как раз в тот момент, когда Фаруэлл входил в гавань на своей «Антилопе».

С судна высадили группу людей, несколько лошадей и оно ушло, а «Джулия» осталась при поселке до сентября, совершая регулярные рейсы и доставляя время от времени очередных поселенцев. Однако буры, которых привезли сюда на «Джулии», вскоре решили, что соседство Чаки слишком опасно для них, и быстро уехали. Восемь англичан и трое готтентотов сделались единственными жителями колонии. Кругом была только Африка! Во время одного из рейсов «Джулия» сгорела, все члены экипажа погибли и компания потерпела банкротство. Но колония уже жила!

Осторожный политик, Чака довольно долго выжидал, подсылал разведчиков, собиравших сведения о новых соседях. Один из его верных королевский индун поселился вблизи их поселка и регулярно отсылал в крааль подробные отчеты.

Постепенно уверовав в миролюбие белых, вождь пригласил их к себе.

В середине июля 1824 года Фаруэлл, Финн, капитан Дэвис с «Джулии», Петерсон, Огл, Пауэлл, два готтентота и бур Зинке на лошадях с подарками выехали к Чаке. Предварительно Фаруэлл отправил вождю список своего эскорта и Чака милостиво согласился принять депутацию именно в таком составе.

С этого времени, как мы уже говорили, события обретают свою письменную, хотя и довольно противоречивую историю. Финн начал литературную деятельность с нескольких довольно грубоватых фраз в дневнике, но постепенно довел свое искусство рассказчика до совершенства и именно его опубликованным дневникам мы обязаны большинством сведений о Чаке. Менее известны записи Фаруэлла, они «выплыли» сравнительно недавно благодаря стараниям южноафриканских историков, и мы не откажем себе в удовольствии, перед тем как обратиться к Финну, ознакомиться с выдержками из записей Фаруэлла. Тем более, что они уцелели только из-за того, что их старательно и совершенно не понятно зачем переписывал Э. Смит...

«Визит к Чаке, июль 1824 г. (записано Э. Смитом):»

«...Имел долгий разговор с Чакой, который послал за мной на предмет пообедать с ним (большая честь для нас). Ко времени моего прихода изжарили внутренность быка в золе. Потом состоялся разговор о белых людях, и Чака сказал, что однажды, при дедушке, у берегов разбилось судно, а команду местные убили, ибо не знали, что с ней делать, не понимая их языка! Вообще его люди считают, что смотреть на белых смерти подобно и поэтому убивают белых. Он послал за несколькими бивнями, которые доставили в день отъезда, числом 40 штук, и еще дал мне десять коров...»

Эти записи не несут никакой информации об особенностях жизни зулусов начала XIX века. Фаруэлла они просто не интересовали. У него были свои цели. Вскоре мы убедимся — какие.

Отряд не знал, что ждет его в неведомом Булавайо, и нищие краали Капской колонии, и маленькие поселки в португальских владениях были ничто по сравнению с тем, что они увидели здесь. Первым, кто попался им на глаза, был... Джекоб, исчезнувший,

как вы помните, при крушении «Солсбери». Но предоставим слово самому Генри Финну.

Г. Финн, дневники:

«Подъехав к резиденции правителя на расстояние одной мили, мы спешили и стали ожидать под раскидистой кроной гонцов, которых уже выслали за нами. Крааль имел около двух миль в окружности. В то время как мы вошли в ворота, поселок окружали 12 тысяч воинов в парадной форме. Мы объехали крааль несколько раз на лошадях. К этому времени подошли и остальные члены нашей группы.

Умбеквана, сопровождавший нас в поездке, обратился к вождю с пространной речью. Между тем, самого Чаки и придворных не было видно. Один из вождей — тот, что стоял напротив Умбекваны, выступил с ответной речью. Главный смысл ее был в том, что он доставил бивень слона в подарок Фаруэллу. Умбеквана часто произносил слово «йебо» (да) и просил нас тоже по больше произносить это слово в разговоре с вождем.

Наконец, Чака сам выступил из-за вождей, отстранив рукой щит одного из них. Вся группа отхлынула на другой конец краалья, оставив нас один на один с этим человеком. Кроме него, правда, остался еще один — африканец с границ Капской колонии, который был захвачен в войне между колонистами и кафрами и сослан на остров Роббен (Финн, видимо, не был осведомлен о подлинной причине ссылки Джекоба. — *Авт.*). Оуэн взял его на «Левен» переводчиком. Потом его передали Фаруэллу на время поездки в Люсия-бей. Оттуда он бежал и нашел приют у Чаки, который дал ему имя Хламба-аманзи, означающее «тот, кто пересек воду». Колонисты знали его как Джекоба Сумбити (Джекоб стал фаворитом Чаки, получил нескольких жен и скот. — *Авт.*). Но вернемся к предмету разговора.

Все окрестности, которые нам довелось увидеть, были заполнены толпами людей и скотом. Чака в речи, обращенной к нам, заявил, чтобы мы не боялись людей вокруг. Скот был подобран по окраске шкуры, каждое стадо отличалось от другого, имелись различия и в форме рогов. После двухчасового показа быков и коров воины вставали в крут и исполняли боевые песни, а потом снова демонстрировали свой скот. Двигаясь под музыку, по краалю прошли женщины, держа в руках по тонкой длинной палочке. Всего их около 150 и все они — «сестры» Чаки. Танцевали они группами по восемь человек и на всех были разноцветные бусы, которые ниспадали с плеч до колен, наголовники из черных перьев и по 4 медных кольца на шее. Потом все они удалились в свой сераль.

Короля, вступившего в танец, длившийся полчаса, сопровождали мужчины. Затем он обратился к нам с речью, которую переводил Хламба-аманзи. Он спросил нас, видели ли мы где-нибудь еще такой великий порядок, и пытался убедить нас, что он самый главный властитель, что людей у него — что звезд на небе, а скот поистине бесчислен.

После этого он повел нас в крааль, где мы могли разбить палатки, велел принести нам быка, овцу, корзину кукурузной муки, горшок пива. В 7 часов вечера мы запустили четыре ракеты и сделали 8 выстрелов из ружей. Он послал людей посмотреть, но сам не пришел, видимо, убоявшись необычного зрелища.

Назавтра мы сели поутру на лошадей и поехали в королевский крааль. Застали Чаку под деревом за утреним туалетом в окружении двух человек, готовых услужить по первому требованию. Кто-то держал над ним щит, спасая от солнца. На голове у него было нечто вроде тюрбана из выдрового меха с пером журавля около 80 сантиметров длиной, мочки ушей украшали миниатюрные снопики тростника с побеленными кончиками. На плечах лежала накидка из шкур обезьян и генетты, а сплетенные хвосты этих животных свешивались до пояса. На руках белые бычьи хвосты были подрезаны таким образом, что плавно спускались к локтям по 4 с каждой стороны. Вокруг бедер также была юбочка из шкур обезьян и генетт с кисточками, а на ногах снова свисали до колен белые хвосты.

В руках у Чаки был большой белый щит с маленьким черным пятном и ассегай. Пока Чака облачался в свой наряд, люди вокруг устраивали инсценировки со скотом, танцы сменялись песнями.

Нам сообщили, что человек, стоящий рядом с Чакой, приговорен к смерти. За что — неизвестно. Но, как мы узнали, это обычное здесь дело.

Мистер Фаруэлл преподнес королю подарки, которые тот принял с явным удовольствием. Песни и танцы продолжались до четырех часов, а затем мы смогли уйти в свою палатку. Но уже в 7 гонцы пришли за мною. Мы застали Чаку перед его хижиной возле костра. Он осведомился, умею ли я лечить недуги: вроде бы я когда-то вылечил нескольких калек. Разговор шел вокруг медицины. Я обещал ему, что останусь еще на месяц после отъезда Фаруэлла, чтобы вылечить его, как я понял, ревматизм.

На следующее утро Чака пригласил меня совершить дальнюю поездку к одному из больных вождей. Проехав 12 миль — Чака шел пешком, я оказал первую помощь индуне, пустив кровь и дав лекарство. Как я потом узнал, он выздоровел через пять дней.

Танец зулусов в краале

Умбеквана сообщил Чаке, что Петерсон тоже умеет лечить людей, и тот был призван показать свое мастерство. Он достал коробочку пилюль общерегулирующего действия и рекомендовал Чаке принять две таблетки. Тот взял четыре и роздал по одной индунам. У них спросили, какое действие оказали пилюли, и те ответили, что не почувствовали ничего. Тогда король принял две и предложил Петерсону принять тоже две — составить компанию. Тот колебался, но вождь мягко настаивал, заявлял, что тот, кто лечит, и сам должен лечиться. В результате Петерсон принял шесть пилюль и последствия такого «лечения» не замедлили сказаться.

На следующий день Чака, узнав, что Фаруэлл и Петерсон собираются возвращаться в Наталь, собрал все войска, что были поблизости — мужские и женские полки, общим числом 25 тысяч. Начались танцы, а в перерывах — выставка скота. Люди расцвечивали себе лица черным, красным и белым цветами. Потом король пожелал, чтобы его люди увидели чудо — белых людей. Он сказал, что мы подданные короля Георга и вспомнил о каком-то белом человеке, который спасся после кораблекрушения три года назад и которого приговорили к смерти соседи — подданные вождя кваби, потому что приняли его за злого духа, вышедшего из моря.

После этих слов мы удалились к себе в палатку. На следующее утро Фаруэлл и Петерсон пошли прощаться с Чакой. Вскоре они уехали, а я остался со слугой готтентотом. В полдень Чака прислал мне 12 быков, а сам велел передать, что удалается в другой крааль за 15 миль. Но через сутки он прислал за мной гонцов и по прибытии спросил, видел ли я где-нибудь еще такое скопище быков и коров. Я пересчитал — их оказалось 654. Чака в недоумении спросил, как мне удалось насчитать так много, ведь у меня всего десять пальцев! В конце концов они решили, что я вообще не считал, а переводчик никак не мог объяснить Чаке, как можно считать без помощи пальцев.

Потом Чака завел разговор о дарах природы. Главный белый человек дал нам много — одежду и искусство, но не дал основного — черной кожи. Вместо этого мы вынуждены одеваться, чтобы скрывать свою белую кожу, которая явно не радует глаз. Он уверен, что за черную кожу мы без сомнения отдали бы всю свою одежду и вещи.

Он спросил, что делают у нас из кожи, и когда я назвал обувь и некоторые другие вещи, Чака заявил, что это еще одно доказательство невежества белого человека: у них же шкура считается самым главным и важным предметом для изготовления щитов. Щит, если погрузить его в воду перед атакой, становится

непробиваемым даже для наших пуль, а пока ружья перезаряжаются, воины подскочат к нам в два счета и сойдутся в ближнем бою. Мы, не имея оружия, конечно, бросимся бежать. Но мы не умеем бегать, как его воины, и все попадем в плен.

Я не считал возможным перечить ему, так как не знал его языка, а переводчик, от которого я зависел, не мог найти в себе мужества переводить аргументы, которые могли прийти не по душе королю... И я вынужден был признать все его доводы...

До позднего времени я рассказывал ему об Англии. Он с юмором воспринимал сведения о наших правах и обычаях. Выразил отвращение по поводу тюремного заключения за преступления. Это, сказал Чака, самое страшное наказание из всех, которые существуют на свете. Если виновен, надо убить. Если подозрение только коснулось — надо отпустить, ибо сам арест уже будет предупреждением на будущее. Весь следующий день продолжались танцы, а когда стемнело, вождь приказал людям принести связки сухого камыша и осветить «сцену». Потом вдруг я услышал вопли и свет мгновенно погас, начались паника и крики. Оставив Майкла и Джекоба возле хижины, я пошел узнать, в чем дело. Мне намекнули, что во время танцев Чаку зарезали. Я сразу же вернулся, чтобы позвать Майкла и застал его кричащим «ура!» — бедняга по ошибке принял суматоху за кульминацию праздника. Я приказал ему принести лампу и ромашковую настойку — единственное, что у меня было.

Всеобщая паника достигла предела. Мы втроем пошли к королевской хижине, думая обнаружить там Чаку. Пока мы пробивались сквозь толпу, у Джекоба начался эпилептический припадок, и я лишился переводчика. Возле хижины Чаки стояла непроходимая толпа. Моя лампа погасла. Женщины из сераля были близки к безумию. Они тащили меня то в одну, то в другую сторону. Положение было критическим.

Я сделал попытку войти в хижину, где, как я думал, находился Чака. Но тут мужчина со связкой тростника схватил меня за руку и потащил в сторону. Ему стал помогать другой. Мы пробежали минут пять, и я увидел вождя в соседнем краале. Тут же промыл ему рану раствором ромашки и перевязал ее. Он был ранен ассегаем в левую руку и лезвие прошло под ребро слева. Случайно оно не задело легкое, но крови было много. Его собственные лекари, хорошо разбирающиеся в резано-колотых ранах, сразу же дали ему рвотное и слабительное, а потом промыли рану отваром из корней. Кроме того, они попробовали кровь из раны, чтобы убедиться, что ассегай не отравлен.

Чака метался и кричал всю ночь. Крики и вопли снаружи стали невыносимыми. Утро явило ужасающую картину. К счастью,

у меня не хватает красок описать все происходившее. Толпы все прибывали. Люди давили друг друга. Многие лежали без сознания от перевозбуждения. Кто-то умер от разрыва сердца. Женщины рвали волосы, раздирали ногтями кожу, срывали медные кольца. Я был занят оказанием помощи и не видел заключительной сцены, когда люди стали убивать друг друга.

Скоро стало известно, что ранено еще шесть человек теми, кто покушался на Чаку. Предполагали, что их послал Звиде, король ндвандве — единственный сильный противник Чаки. Два полка отослали на поиски злоумышленников. Вскоре очень кстати прибыли лекарства, отправленные Фаруэллом, и я обработал раны еще раз.

Четыре дня положение оставалось очень серьезным. На пятый началось улучшение. Вернулись те, кто пошел на поиски врагов, и принесли тела троих, убитых в буше. Якобы это были убийцы. У них отрезали правое ухо. Тридцать тысяч человек прошли мимо, и каждый ударял тело палкой и бросал ее тут же. Понятно, что от жертв ничего не осталось. Уши сожгли на большом костре посередине крааля, и Чака нашел в себе силы подняться и выйти наружу.

С момента покушения по зулусским обычаям вступил в силу запрет на носильные украшения; мытье тела, бритье, и ни один мужчина, у которого была беременна жена, под страхом смерти не имел права подойти к Чаке. Все плотские грехи наказывались безжалостно, и несколько человек было за это убито. Индуны в своих краалях приносили скот в жертву духам».

Совет индун совершенно верно определил мотивы покушения — оно явно было связано с недавней смертью Звиде и явилось обрядом очищения — ихламбо, который совершил его сын и наследник Сигуньяна.

На следующий день после покушения Финн под предлогом пополнения запаса лекарств покинул резиденцию и уехал в Порт-Наталь вслед за группой Фаруэлла. В начале августа они вновь были у Чаки. Предстояла важная церемония.

Фаруэлл привез в ква-Булавайо составленный им документ. То была ни много ни мало дарственная на Порт-Наталь и 3500 квадратных миль его окрестностей. Вот что говорилось в том позорном документе: «Я, ингусс Чака, король зулусов и страны Наталь, властитель всей области, простирающейся от Наталь до бухты Делагот (опечатка), унаследованной мною от отца... по доброй воле и в обмен на товары сим предоставляю, передаю и продаю Ф.Г. Фаруэллу и К° на вечные времена... порт и гавань Наталь... и окружающую территорию, описанную ниже».

Из вежливости Чака поставил закорючку под этим текстом, а вместе с ним «расписались» и его индуну. Последним был Джекоб. Думается, вождь не догадывался о назначении подобных купчих бумаг и тем более не подозревал о последствиях. Вскоре после этого над Порт-Наталем взвился «Юнион Джек»: Фаруэлл в присутствии нескольких индун Чаки поспешил объявить весь район британским владением и срочно отправил в Кейптаун бумаги, подтверждающие его права.

Постепенно, месяц за месяцем, новая колония обживала Порт-Наталь. До нашего времени дошло несколько фрагментов из дневника Финна, которые одно время считались утерянными. По некоторым данным, Финн посвятил часть своих записей памяти рано умершего (около 1838 года) брата — Фрэнка Финна, тоже жившего в Натале. Генри положил эти странички в могилу брата, и они считались утерянными. Однако оказалось, что незадолго до этого Эндрю Смит скопировал их и привел впоследствии в своих собственных записках. Вот они.

Визит к Чаке, 1824 г.:

«...Пятница, октябрь (скорее всего август. — *Авт.*). Выехал в резиденцию Чаки в сопровождении 20 местных жителей и прибыл на пятый день. Во время путешествия ничего не случилось, если не считать того, что нам не доставили бычков, забитых для нас, и мы довольствовались молоком.

Король встретил меня приветливо внутри ограды собственной хижины — в «святая святых» и, взглянув на мои подарки, очень ему приглянувшиеся, велел принести мне все, что мне предназначалось. Спросил, как пользоваться сахаром и чаем. И попросил меня пожить у него, чтобы он, Чака, научился есть как мы. Он приказал заколоть жирную овцу, сказав, что нам они вроде бы больше нравятся, чем говядина.

...Суббота. Первое, что сделал король поутру — послал за мною. Вновь осмотрел вещи, особенно мушкет и штык. В это время ему доложили, что военные отряды Звиде показались на северных границах его владений. Чака попросил меня заглянуть в книгу и сказать, так ли это в действительности, ибо он сам в это не верит. Он полагал, что в своих книгах мы можем читать все, что угодно. За несколько дней до нашего приезда комета предсказала их появление, а она — предвестник несчастий. Я узнал также, что, когда гремит гром, Чаку охраняют несколько воинов с асегаями. Войско, посланной Чакой, вернулось со скотом, захваченным у Звиде. Это доказывает, что они совершили поход к грани-

цам Мозамбика, страны, чей король... (Смит не записал фамилию, видно, не разобрал имени Макасане. — *Авт.*).

Далее идет абзац, дописанный Э. Смитом, о том, что Чака и Звиде были равными по силам и не боялись друг друга.

Что же происходило в краале Чаки в мае 1826 года? Продолжаем читать дневник Финна.

«...По приказу короля большие отряды воинов стали подходить из других районов, после того как он узнал о намерении соседних кланов атаковать его. К полудню собралось от 23 до 25 тысяч воинов — устрашающее зрелище. Точное количество мне установить не удалось, так как они стояли тесно друг к другу. Различать отряды можно было по разноцветным щитам. На большинстве молодых людей были головные уборы, похожие на готтентотские. Такую же шапку носил Финн (это приписка Смита — *Авт.*). У некоторых на головах было много перьев.

Мне кажется, такая сила может победить любого противника со стороны колонии, ибо все они прекрасно обучены и находятся под страхом смерти за свое послушание. Если воин бежит с поля боя, он редко избегает смерти, так что им ничего не остается, как сражаться...

Войска совершили маневры, потом образовали гигантский круг и запели песню. Смысл ее сводился к тому, что они победят всех амапондо, а их вожь Факу затенит землю своим телом.

На следующий день король послал за мной, чтобы я оказал помощь больной женщине: раз я вылечил одного, то смогу и другого. Лотом указал на холмы, где было много людей, и заявил, что у него много воинов, и это далеко не вся армия!»

В январе 1825 года Наталь навестило судно «Йорк», шедшее из Кейптауна. Нужно же было так случиться, что в поселке в тот момент никого не было! Финн с Оглом обследовали территории амапондо на юге, Фаруэлл и Джон Кейн тоже уехали «на экскурсию» за много километров. На «Йорке» решили, что колония нуждается в срочной помощи и с тревожным известием вернулись в Кейптаун. Как раз в это время там находился только что вернувшийся Из Англии Кинг. Он пытался заручиться в адмиралтействе поддержкой для основания собственного поселения в Натале. Но потерпел в Лондоне неудачу и решил пожить там, чего уже достигла компания Фаруэлла. В Кейптауне Кинг узнал о том, что жители якобы терпят бедствие. Лучшего повода для поездки и не придумать! Бриг «Мери» срочно вышел в море и 1 октября подошел к Порт-Наталю. Бросив якорь в безопасном

месте, Кинг приказал на лодках перебираться на берег. Но корабль неожиданно повлекло на мель, и только искусство команды спасло его от полного разрушения. Вновь прибывших встретили шестеро голых амаути, слуга Рейчел и юноша Томас Холстед, у которого стали проявляться признаки слабоумия. Остальные по-прежнему были в отъезде.

Здесь наступает новый этап в «письменной» истории зулусов. Появляется новый хронист — Натаниэл Айзекс, племянник богатого английского купца Саула Соломона. По дороге из Англии Кинг захватил его с острова Святой Елены и привез в Наталь. Два тома «Путешествий» Айзекса стали весомым дополнением к «Дневникам» Финна. Молодой человек сразу же стал писать подробный дневник, хотя мало что понимал в жизни — ему было всего 17 лет!

Одна из первых записей в дневнике Айзекса:

«Я спросил Холстеда, почему все эти люди, которые встретили меня в Натале, так боятся любых посторонних, и он ответил, что это остатки племен, которые бежали от деспотической власти Чаки и подвергаются преследованиям. Скот у них отняли, и они предоставлены самим себе...»

Пока Айзекс осваивался в поселке, лейтенант Кинг, плотник Хеттон и несколько матросов в течение нескольких дней спешно вылавливали в бухте топоры, бревна и прочие необходимые вещи, чтобы построить новое судно. На южном берегу бухты они соорудили верфи и работали там не покладая рук.

Рейчел предупредил Айзекса, чтобы тот не выходил за пределы Форт-Фаруэлла, ибо вокруг много леопардов и диких собак. Первый опыт общения с местным населением был, по мнению самого Натаниэла, удачен. За несколько затяжек табака он сменил 7 ассегаев и два вырезанных из тыквы сосуда для хранения воды — калебасы. Рейчел, впрочем, заявил, что он явно проделывал.

Запись от 15 октября 1825 г.:

«После обеда Финн вернулся из страны амапондо, населяющих берега реки Св. Джона в 200 милях от Порт-Наталья. Этот джентльмен активно торгует с местными племенами и собрал большую коллекцию слоновой кости. За последние 8 месяцев он полностью отделился от своего компаньона. На голове у него всегда красуется соломенная шляпа и некое подобие шарфика, застег-

нутого на шее. Местные жители смотрят на него с обожанием, ибо он не жалеет на них лекарств...»

Огл, сопровождавший Финна в дальнем путешествии, загорел дочерна, не стригся и не брился полгода. Ходил босиком и единственной европейской одеждой была соломенная шляпа и такая же, как у Финна, повязка на шее.

Фаруэлл показался несколькими днями позже, прервав визит к Чаке. Он был озадачен тем, что Джекоб с присущей ему горячностью слишком ярко живописал вождю возможности белого человека. И Чака велел построить рядом с поселением белых особый крааль, чтобы наблюдать за их поведением.

Неделю спустя Фаруэлл и Финн отправились в ква-Булавайо представлять Чаке лейтенанта Кинга, взяв с собой еще двоих матросов и эскорт из сорока местных жителей.

Из дневника Айзекса:

«Лейтенант Кинг рассказал мне о визите к Чаке. По времени он совпал с трауром по любимой бабушке вождя. Вот его рассказ:

«Сидя в хижине в поздний час, мы услышали громкие крики. Наверное, враг приближается, подумалось нам. Но вскоре выяснилось: умерла бабушка Чаки, ей было то ли 90, то ли 100 лет. Крааль, где это произошло, отстоял от нашего на одну милю. Одновременно тысячи людей затянули монотонную песню. Желая показать Чаке нашу скорбь, мы направились туда же, но пройти не удалось. Крааль оказался окруженным тысячной толпой. Останки были помещены в особое углубление в земле и прикрыты грудой камней. Это редкость, так как обычно тела оставляют на съедение хищникам, а умершего вождя крааля немедленно сжигают.

Чака остался доволен нашим поведением. Он принял нас вслед за индунами, и разговор шел в основном о войнах, которые приходится вести с соседями. При отъезде он подарил нам 107 голов скота, и мы отбыли, пообещав приехать еще...»

Чака очень любил свою бабушку. В записях Айзекса есть строчки, доказывающие его привязанность: «Чака поручил мне лечить его бабушку (речь идет от имени Финна), которая была серьезно больна дизентерией и лихорадкой. Я отправился к ней. Старухе было уже около 80 лет, и потому я, не увидев никакой надежды на выздоровление, прямо сказал Чаке об этом. Тогда он велел мне надеть на нее рубаху. Я так и поступил, потом он громко

зарыдал. Джекоб рассказал мне, что Чака часто навещал бабушку, прочищал ей уши и подрезал ногти. Нам было трудно поверить, как этот черствый человек мог проявлять такую любовь и внимание к другим».

В отсутствие колонистов Айзекс практиковался в медицине. Примочки, мази и бинты производили ошеломляющее впечатление на жителей, и даже смерть одного из пациентов (он был безнадежен) осталась незамеченной. Айзекс пытался разбить сад во дворе и призвал на помощь местных мужчин, но те наотрез отказались, сказав, что женскую работу делать ни за что не станут.

Быт в Порт-Натале был по-прежнему не налаженным, примитивным. Даже в 1825 году большинство построек имели лишь отдаленное сходство с европейскими жилищами. Домики стояли прямо среди кустарника, а жена Фаруэлла жила в хижине без окон с соломенной крышей. Доска для письма была предметом роскоши. Между собой колонисты ладили скверно.

Единственное, в чем они были единодушны, так это в укрывании беглецов, которые скрывались от жестокостей Чаки, а потом и Дингаана. Те африканцы, которые укрывались в поселке, считались неприкосновенными и переходили в собственность белого человека.

Из дневников Айзекса:

«18 октября. В тот день нас навестил Энслопе, вождь зулусов, которые живут по соседству. Он искал защиты у нас от соседних варварских племен. Но то был только предлог, чтобы посетить наше обиталище. Они упорно называют нас «животными из моря». Вся речь Энслопе основана на мимике. Потом он стал выпрашивать у нас европейскую одежду, показывая, как будут радоваться его жены, увидев его в таком одеянии.

В краале, построенном на побережье неподалеку от нас, его ждали десять жен, одетые, как и большинство зулусских женщин, в полоски кожи вокруг бедер и на груди. Старшая жена вскоре принесла сосуд с молоком — кислым и жирным. Взяв деревянную ложку и сделав характерное движение, она дала понять, что это — мне...

25 октября. Весь день шел дождь, и мы готовились к визиту к Чаке. Из уцелевших после кораблекрушения вещей нужно было изобрести подарок...»

Вскоре вернулась группа Фаруэлла и Финна, знакомивших лейтенанта Кинга с Чакой. Впереди они гнали стадо — 107 голов скота. Один из матросов показал Чаке, как действует ружье —

метко сразил большого слона-самца с бивнями колоссальных размеров. Похоже, Чака впервые задумался тогда о непобедимости своих замечательных ассегав...

Спокойная жизнь колонии была нарушена происшествием. Нортон, второй помощник капитана и трое матросов похитили баркас и ушли на нем в Алгоа-бей. Работы по сооружению судна сильно застопорились. К тому еще леопард задрал любимую собаку Фаруэлла — ньюфаундленда, который в свое время спас хозяина, когда тот тонул.

Но несмотря на невзгоды колония жила. Фаруэлл выдал Айзексу лошадь и велел отправляться на Тугелу за слоновой костью. Натаниэл понял, что настала пора лично познакомиться с грозным вождем зулусов.

Из дневника Айзекса:

«Сообщение Кинга побудило меня самого поглубже проникнуть в дебри Африки, и эту возможность вскоре представил мне Фаруэлл: мне довелось участвовать в походе за слоновой костью в сопровождении Холстеда и 60 африканцев.

Во всех окрестных краалях, куда мы входили, нас встречали дружелюбно, кормили, давали приют на ночь... Но вот мы в главном краале. Чака сидит на циновках, а рядом полукругом подданные. Мы приветствуем его и садимся в отдалении. Чака приказывает приблизиться. Осведомляется о здоровье Фаруэлла и спрашивает, не знаю ли я о португальцах, а то среди них есть один.

Я поинтересовался, кто. Чака сделал знак рукой. И действительно, привели белого человека. Как странно было видеть его здесь. Потом Чака протянул мне листок белой бумаги, что-то на нем нацарапав. Я не смог разобрать его закорючки, так же, впрочем, как не смог этого сделать и португалец. Немало позабавившись этим, Чака разрешил нам покинуть его резиденцию. Мне удалось спросить у португальца, кто он, и тот ответил, что приехал по поводу продажи скота, а служит в военном гарнизоне в Лоренсу-Маркише.

Мне удалось также вручить Чаке подарки — 12 ручных браслетов и бутылочку прованского масла для растирания обожженных мест. Он тут же возжелал испытать его на своей ноге, что мы и сделали. Никто из приближенных не отважился подойти ближе чем на несколько метров, чтобы не вызвать неудовольствие правителя.

Окружность королевского крааля составляла три мили, в нем было 1400 хижин. «Королевская часть» включает 100 хижин, там живут только девушки, мужчинам вход запрещен.

Наутро за нами пришли, и мы застали Чаку за обычным туалетом. Потом были казнены несколько человек, но причин мы так и не узнали. Им свернули шеи, а тела бросили на съедение птицам. На следующий день мы уехали.

В другой раз мне довелось встречаться с Чакой 2 апреля. К этому времени у него было множество всяких лекарств, но он не знал, как ими пользоваться. Описав все, что у него есть, он вызвал девушек и стал раздавать им пилюли. Мы предупредили его, что так употреблять их нельзя, однако наши доводы не убедили Чаку. Мало лекарства — мало результата, много лекарства — большой результат.

Через день мы застали Чаку за беседой со своими военными. Они вели разговор о том, сильно ли огнестрельное оружие. Король пожелал, чтобы мы продемонстрировали мощь ружья и убили хищную птицу. Джекоб, услышав приказ, поднялся и тут же застрелил одну. Эффект был потрясающим: все сидели будто парализованные. Чака потребовал, чтобы мы доказали на других животных могущество ружья. Вокруг нас уже стоял полукругом отряд в 500 человек.

— А ваш народ так же многочислен, как мой? — вдруг спросил он. Мы ответили: «Да». И тогда Чака сказал, что он не боится ружей, потому что для такого количества воинов, как у него, ружья ничто».

По дороге из ква-Булавайо Айзекс получил известие от Кинга, что в порт пришел «Геликон»: его команда была встревожена прибытием одинокого баркаса. Кинг извинялся перед Айзексом, что временно покидает их на «Геликоне» и обещал прислать помощь.

Мотивы поспешного отъезда Кинга остаются до конца неясными. Скорее всего, ему нужно было заручиться в столице колонии поддержкой некоторых чиновников, чтобы обеспечить себе права на земли в Натале. Кроме того, Кинг намеревался опубликовать в «Южноафриканском торговом вестнике» свои путевые заметки о зулусах, и в июле 1826 года они действительно увидели свет. В первых публикациях Кинг сообщал, что монарх зулусов не только подарил поселенцам большие участки земли, но и обещал им протекцию. Он привел детальное описание первого своего визита в ква-Булавайо, расписывая Чаку как доброго соседа.

Но во второй статье отношение к Чаке стало меняться. «История, наверное, не знает более жестокого и деспотичного чудовища, чем Чака. По его слову казнят людей. Дисциплина в его войсках такова, что никто не в состоянии противостоять атакам тирана...» — писал Кинг.

В конце 1826 года гонцы принесли Чаке тревожную весть о том, что далеко на севере Сигуньяна, сын заклятого врага Чаки — Звиде, собрал значительные силы и движется к границам зулусских владений. По приказу правителя, знахари обработали особым зельем 40 тысяч воинов действующей армии и 10 тысяч запаса. Вождь очень хотел, чтобы в этой кампании участвовали белые поселенцы. Но как заставить их выступить в поход вместе с армией? Случай представился неожиданно быстро.

Слуги-готтентоты всегда вызывали у зулусов отвращение: их считали представителями неполноценной расы и всячески притесняли. Однажды они затеяли драку с зулусами и по закону их ждала смерть. Речь шла о Майкле и Джоне, слугах Финна, которые уже освоились в зулусском краале, построили собственные хижины и даже были вооружены мушкетами. Так вот, Финну стоило больших усилий отговорить Чаку казнить этих людей за драку. Вождь ограничился тем, что сжег их дома, а самих приказал бить плетью. Но урок не пошел Майклу и Джону впрок.

Вскоре в хижину Айзекса, находившегося в одном из краалей неподалеку от Дукузы, новой столицы Чака, ворвалась главная жена местного вождя и сообщила, что слуги Финна украли у вождя молодую жену.

Чака был вне себя от ярости, когда Кинг и Айзекс прибыли к нему просить прощения для слуг Финна. Он требовал смерти всех белых людей в округе! Но потом вдруг сменил гнев на милость. Он придумал выход из положения! Отряд белых мушкетеров вместе со своими слугами выступит с его армией. Тем самым они искупят вину перед зулусами.

Между страной ндвандве и землями Чаки располагались высокие скалы, поросшие густой травой — лес Нголи. Там жили люди вождя ум-Бедже, принадлежавшие к клану кумало. Он, в свою очередь, входил в группу племен ндвандве! (К этому клану принадлежал, кстати, бежавший не так давно от Чаки его любимый военачальник Мзиликази, и у великого вождя зулусов были основания относиться к нему с подозрением.) Так Айзекс 18 лет от роду оказался командиром зулусской армии численностью пять тысяч человек. Сохранилось несколько сцен этой битвы. Одна описана Айзексом.

Из дневника Н. Айзекса:

«На этот раз поведение зулусских воинов было необычным. Они не рвались в бой, а всем своим видом показывали, что сейчас настал черед белых людей показать свои возможности. Чака

явно стремился в боевых условиях посмотреть, как действует огнестрельное оружие.

В отряде Айзекса насчитывалось около дюжины стволов. Завидев группу неприятеля, они дали залп и объятые ужасом кумало стали разбегаться. Но до победы было далеко. Едва успели перезарядить ружья, как заметили приближение большого отряда их воинов. Они были взбешены и грозили нам смертью. На мгновение мой отряд растерялся. Заметив это, я бросился вперед и взобрался на скалу. Один из врагов вышел вперед и с короткой дистанции метнул в меня копье. Оно было брошено с необыкновенной силой, но я успел нагнуться и избежал гибели. Затем я прицелился и застрелил кумало. Отряд также дал залп. Несколько человек было ранено, другие разбежались в полном беспорядке. Мы же почувствовали уверенность в своих силах и, ободренные успехом, двинулись вперед вдоль скал, чтобы выбить оттуда нескольких воинов, еще остававшихся на месте. Они укрылись за кустами и принялись с удивительной силой метать в нас камни. Женщины и дети помогали им с невероятным проворством. Один из камней повредил мне плечо... Продвинувшись несколько далее, мы обнаружили хижину и сожгли их. Собак же убили...»

В одном из боев Айзекс был легко ранен асседаем в спину: вражеский воин подобрался сзади. Кейну и Джекобу удалось вытащить зазубренный клинок, но рана сильно кровоточила. Состояние Айзекса позволяло ему внимательно следить за манипуляциями знахаря, которому было поручено лечить белого воина в новой резиденции Чаки в Дукузе. Тот зарезал телку, удалил из кишечника остатки пищи, обмыл их в желчи и заставил Айзекса выпить три глотка этой настойки. Тот было воспротивился, но знахарь убедил его: эффект был рвотный. Этого лекарь и добивался. Потом юноше сразу полегчало.

За мужество Чака подарил Айзексу четырех молочных коров и простил провинившихся готтентотов. Однако не забыл поставить его в известность: обычно он казнит всех своих воинов, раненных в спину...

Айзекс находился в Дукузе до полного выздоровления. Едва ему полегчало, он отправился с несколькими спутниками в глубинные районы за слоновой костью. Вернувшись домой, он обнаружил ссору Фаруэлла с Кингом. Причину Айзекс в своих записках не открывает, но, скорее всего, Фаруэллу не понравилась активность лейтенанта королевского флота. Ведь до этого взаимоотношения с Чакой регулировал, он, Фаруэлл, а с определенного времени вождь зулусов стал благоволить как раз к Кингу, Финну и молодому Айзексу. Именно в это время Чака и пере-

нес свой новый крааль в Дукузу, чтобы быть поближе к белым, которые все чаще фигурировали в его планах (сейчас на этом месте расположен поселок Стангер, или Стейнджер — смотря на каком языке читать название).

На верфи Порт-Наталя на новом судне заканчивались последние отделочные работы. Но матросы часто болели, были ослаблены малярией, не хватало лекарств.

Кинг решил послать в Делагоа к португальцам за помощью юного Джона Росса, который приплыл с ним сюда на «Мери». Но послать не морем, а посуху! Колонисты справедливо рассудили, что поездка с ним важного зулусского индуну Лангалибалеле сопровождающим обеспечит безопасность на всем 600-километровом пути до португальских владений. Ни один европеец не преодолел еще этот маршрут! (Пауэлл из группы Фаруэлла в 1824 году отправился на север и бесследно исчез.)

Легенды зулусов сохранили память об этом походе. По дороге юный Росс сделал остановку в краале Чаки. Вождь крайне изумился, узнав, что столь молодой человек отважился пуститься в такое опасное путешествие да еще в сопровождении столь немногочисленного эскорта...

— Мамо! — воскликнул Чака. — У него есть печень (то есть смелость)!

Но что может сделать одна лишь смелость, когда кругом столько опасностей! Чака выделил Россу охрану и подарил пару бивней для обмена с португальцами.

Росс дошел до цели и вернулся в Порт-Наталь! Спустя 45 лет один из местных вождей в Натале вступил в тяжбу с колониальными властями, а знатный житель провинции написал в газету письмо в его защиту. Вождя звали Лангалибалеле, а почтенного старика — Джон Росс. В статье, опубликованной в местной печати, он описал путешествие отчаянно рыжего подростка по джунглям Африки и хорошую службу молодого индуну-зулуса. Настоящее же имя мальчика было Чарльз Роуден Маклин, а псевдоним Джон Росс он взял, когда убежал на море из родной Ирландии двенадцати лет от роду...

Между тем Фаруэлл не мог больше управлять колонией, жители которой потеряли к нему уважение, и Кинг стал негласным старейшиной поселенцев. Постоянный приток к ним беглецов от Чаки давал повод последнему в любой момент напасть на поселок и сравнять его с землей. Но Чака не делал этого. Порт-Наталь оставался для него источником развлечений, подарков и всевозможных приятных сюрпризов. И больше всего его интересовал его далекий заморский «коллега» — король Георг — «ум-Джджи».

На одном из заседаний совета индун было решено организовать посольство к королю Георгу, а лейтенанта Кинга просить возглавить эту миссию. Для этого Кинг должен был стать полноправным зулусом, более того, командиром полка. Ему выдали соответствующую форму — плюмаж из перьев страуса, который крепился к меховой шапочке, обшитой полосками леопардовой шкуры, а плечи украшала накидка из хвостов мелких животных. Грудь прикрывали тоже хвосты, но белые. Кинг должен был носить и шит с ассеегом. Для ознакомления главы Ганноверского дома (так называлась царствовавшая тогда династия) с подданными Чаки вождь отобрал для поездки в Англию несколько красок и смущенный Кинг удостоверил Чаку, что по своим прелестям они действительно превосходят остальных женщин его гарема.

Кроме того, Чака очень хотел научить белых людей строить настоящие добротные хижины, а не ужасные каменные лачуги, в которых нечем дышать. Поэтому он решил послать с Кингом и шестерых лучших строителей.

Он советовал королю Георгу навсегда отменить ношение сапог у своих подданных и использовать эту кожу для изготовления шитов.

— Посмотрите на себя, белые люди, — говорил Чака, — почти все вы, когда прибыли сюда, были обуты, и вам было так трудно ходить, что мы жалели вас. А теперь вы босы и так преуспели в ходьбе, что когда-нибудь сможете сравняться в пеших переходах с нами, зулусами.

На все расходы вождь вручил Кингу 86 слоновых бивней.

Но у Чаки были и другие, более веские причины для переговоров с английским королем. Далеко на юге, на границах колонии, жили коса, тембу и амапондо, и Чака хотел добиться разрешения воевать с ними, ибо ближайшие подступы к Наталу практически обезлюдели. Кроме того, ему очень понадобилось макасарское масло, которое красило седые волосы в черный цвет. Однажды Айзекс опрометчиво показал Чаке его действие, и вождь посчитал его «эликсиром жизни», который необходим и ему самому, и его матери Нанди.

Чака смутно представлял, куда именно он отправляет людей. Король Георг для него явно ассоциировался с губернатором Капском колонии, а весь остальной мир он считал большим кланом белых людей. Знаниями географии родного края он обладал превосходными, но не догадывался о том, какое гигантское расстояние отделяет его страну от Англии...

Но в 1827 году планам Чаки не суждено было сбыться. Во время охоты на слонов, в котором вождя сопровождал Финн, из

Дукузы пришло тревожное известие, что мать Чаки серьезно заболела. Чака прервал охоту и к середине следующего дня пешком покрыл расстояние в 60 миль. Финн вскоре тоже прибыл в крааль, где находилась Нанди. Индловукази — Большая Слониха — умирала от дизентерии. Финн выгнал толпу стенающих женщин из хижины и с горечью сообщил Чаке, что положение безнадежное. Чака просидел час безучастно и дождался момента смерти. Потом он при всех регалиях вошел в свою хижину и минут двадцать плакал, склонив голову на щит.

Из дневника Г. Финна:

«Вся его поза выражала скорбь. Я видел, как из глаз его на щит падали крупные слезы. Иногда он вытирал их правой рукой. Вздыхнув два или три раза, он не смог больше сдерживать свои чувства и дико закричал. Такого сигнала оказалось достаточно. Вожди и народ — всего тут собралось около 15 тысяч человек — принялись испускать ужасающие горестные вопли...

Все время подходили жители соседних краалей — мужчины и женщины. Приблизившись на расстояние полумили, каждая группа присоединялась к чудовищному реву. Он не прекращался всю ночь, причем никто не решался отдохнуть или глотнуть воды. По мере того как подтягивались полки из отдаленных краалей, рев еще усиливался. Рассвет не принес никакого облегчения. Еще до полудня в краале собралось до шестидесяти тысяч человек. Крики их стали неопиcуемо отвратительны. Сотни людей лежали на земле — их свалили усталость или голод. А неподалеку валялись в куче туши сорока быков, принесенных в жертву духам-хранителям племени.

В полдень толпа образовала круг с Чакой в центре и затянула военную песню. Когда песня смолкла, Чака приказал тут же казнить нескольких мужчин. Тогда крики стали еще громче. Новых приказаний не потребовалось: словно желая доказать вождю, насколько велико их горе, присутствующие стали убивать друг друга.

К вечеру я подсчитал, что в этой ужасной бойне погибло не менее семи тысяч человек. Толпы людей ринулись к речке, чтобы смочить пересохшие рты. Скоро на ее берегах выросли горы трупов, так что к воде уже невозможно было пробиться. Крааль, где все это происходило, был залит кровью».

Вождь был так убит горем, что не в силах оказался прекратить кровавую бойню, разыгравшуюся в Зулуленде. Нанди похоронили на третий день, отправив вместе с ней в могилу десять

девушек-служанок. 15 тысяч воинов были оставлены сторожить место погребения в течение года; сюда же пригнали 15 тысяч голов скота, собранного по всем крааям. Правая рука Чаки — Нгомаан выступил с речью:

— Великая Слониха с малыми грудями — вечно правящий дух плодородия — умерла. Вероятно, небо и земля объединятся, оплакивая ее, а потому мы должны принести большую жертву: весь год не обрабатывать землю, не пить молока, а весь надой выливать на землю. Женщины, которые в течение года забеременеют, будут вместе с мужьями преданы земле.

Чака долго упрекал себя, что вовремя не добыл «эликсир жизни» — макасарское масло...

После нескольких месяцев такого траура экономика зулусов стала давать сбои. Ведь по поверьям, ни один злак не должен быть посажен во время скорби по великому человеку. Нельзя было пить молоко. Убивали коров, чтобы телята знали, что такое — остаться без матери... Мужчинам запрещали исполнять свои супружеские обязанности.

Надо сказать, что подобные жестокости не были исключением в истории банту и придумал их не Чака. Моряки с затонувшего судна «Станивессе» не раз замечали, как мужчины отказывались от половой жизни в знак траура по вождю.

Наконец, по легенде, один пожилой человек, публично обвинил Чаку в том запустении, которое воцарилось в стране. Некто Гала из клана бийела взял палицу, отправился в ква-Булавайо и, подойдя к внутренней ограде краая вождя, закричал: «Эй, король, ты погубил свою страну. Кем ты собираешься править? Неужели все должны умереть только потому, что умерла твоя мать? Сензангакона тоже умер, но никто тогда не делал того, что делаешь ты. Положи камень в свой желудок (возьми себя в руки). Ведь это не первый случай, когда в стране кто-то умирает...»

По легенде, образумившийся вождь велел прекратить траур и даже наградил храбреца скотом. Наступил 1828 год и мысль о посольстве к ум-Джоджи снова завладела Чакой. К февралю судно «Элизабет и Сусан», восстановленное из обломков «Мери» и переименованное позже в «Чаку», было готово к отплытию. 30 апреля оно отошло от берегов Наталя и взяло курс на Алгоа-бей. Из европейцев на борту находились: Кинг, Айзекс и Фаруэлл с женой. Последнего упоминает Айзекс в своих дневниках. Однако Финн утверждает, что Фаруэлл остался в Порт-Натале и в дальнейшем его имя не встречается. Зачем Айзекс назвал Фаруэлла в числе отбывших? Это еще больше запутывает суть разногласий между Фаруэллом и Кингом.

Скорее всего, назвав Фаруэлла, Айзекс хотел создать видимость единства колонии.

Кроме них, на борт поднялись двое индун Чаки — Сотобе и Мбозамбоза (его в дальнейшем называли Умбосом-Босер), слуга вождя Пикване, а также вездесущий Джекоб. Кинг вез документ, составленный в присутствии Чаки и подписанный Айзексом — о полномочиях Сотобе и Кинга заключить договор с Георгом IV, и Кинг должен был потом доложить Чаке о результатах. Настроению участников плавания отнюдь не способствовал тот факт, что Чака перед их отъездом обещал двинуть войска на юг в случае, если посольство не уложится в двухмесячный срок. Однако лучше других об этой истории расскажет сам участник посольства.

Из дневника Н. Айзекса:

«К концу траура по матери Чака все же решился отправить по морю посольство к королю Георгу. Тогда же он обнародовал «на веки вечные» указ о защите белых путешественников. Однако он не распространялся на их слуг и беглецов...

В 1828 году Чака проявил дружеские чувства к Кингу, мне и Финну и мало симпатизировал Фаруэллу. Несколько раз он присылал нам молодых бычков и намекал на то, что хорошо бы нам взять с собой к королю ум-Джоджи двух его индун, которые передали бы ему, что он, Чака, уважает короля как брата.

Однажды он прислал гонца со словами, что Кингу хорошо бы убить Джекоба, ибо тот плохо повлияет на губернатора, но добросердечный Кинг успокоил вождя и жизнь переводчика была спасена (на время. — *Авт.*). В миссии на Кап Чака назначил главными Сотобе и Кинга. Договорились, что Сотобе возьмет двух жен. Джекоб — одну, а Кинг обеспечит им прислугу из числа собственных слуг.

Наконец 30 апреля мы отбыли под слезы провожавших нас африканцев. Через четыре дня бросили якорь в бухте Алгоа, и нас встречали капитан порта Э. Френсис и хирург Уэйр, оба выразили восхищение хорошо отремонтированной шхуной. Вскоре всех нас перевели на берег.

Пока мы отдыхали, Кинг послал сообщение в Кейптаун о прибытии посольства зулусского монарха. И вскоре мы получили ответ: развлекать вождей за счет правительства Капа, пока не представится возможность проводить их до Кейптауна. Одновременно пришла и другая депеша — не разрешать им въезд в Грэхамстаун и даже не приближаться к его границам».

Прервав ненадолго рассказ Айзекса, чтобы узнать, что же происходило тем временем у Чаки и на южных границах колонии.

Положение в южных областях было нестабильное, ибо там не без оснований ждали прихода зулусских войск. Чака действительно, не дожидаясь окончания срока, двинул войска на юг. При этом он потребовал, чтобы в его рейде по реке св. Джона и дальше в глубь материка, к амапондо и тембу, его сопровождали Огл и Финн. Быстро продвигаясь на юг, он остановил войско на реке Умзимкулу и разделил армию. Мдлака двинулся к амапондо, а Маньюнделу — к тембу. Огл сопровождал Мдлаку, а Финн остался при вожде. К счастью, тот внял доводам Финна и пополнил свою армию стрелками из числа белых колонистов.

Слухи о приближении огромной армии чернокожих повергли население Капской колонии в панику. Несомненно, свою роль здесь сыграли статьи Кинга в местной печати. К тому же их воспроизвел в своей книге, изданной в 1824 году, английский купец Джордж Томпсон. Известия о панике в Южной Африке появились даже в одной из гамбургских газет от 13 июня 1828 года: «Ужасный Чака, вождь африканского племени вотодан (?), наступает во главе 30 тысяч человек на кафров, живущих к востоку от колонии. Несомненно, он хочет припереть их к соседним городам. Надменный завоеватель уже послал к нам посла, чтобы узнать, собираемся ли мы помогать кафрам и так ли бравы британские войска, как ему говорили...»

Узнав о приближающихся зулусах, амапондо бросили краали и укрылись в окрестных лесах, и Мдлаке удалось дойти до реки Умтата. Его рейд оказался победоносным, что нельзя сказать о Маньюнделе, который погиб в схватке с тембу. Чака казнил несколько сотен воинов за то, что они не уберегли своего командира.

Финн прилагал все усилия, чтобы заставить Чаку изменить свои планы и уйти из опасных районов на север. И Чака пошел ему навстречу! Его подогревали слухи о том, что в его отсутствие воины Сошангане развлекаются с зулусскими девушками. Он решил предпринять экспедицию против Сошанганс, скрывающегося на территории Мозамбика далеко на севере. И огромная армия, без заслуженного отдыха, вернулась по своим следам и, не заходя в родные краали, ушла на север. Чака остался в своем краале даже без личной охраны!

В то время, когда вожди коса и тембу договаривались между собой о совместном отпоре зулусам, слухи о них наконец докатились до Грэхамстауна и комендант города генерал Бурке по-

слал отряд майора Дандаса «разобраться, в чем дело, и быстро разделаться с черномазыми». Когда Дандас прибыл к реке Умтата, где стояла одно время армия Мдлаки, зулусов и след простыл. Но, надеясь, что зулусы будут преследовать тембу и дальше в глубь материка, Дандас пошел на запад, настиг большое войско и атаковал его сходу. Мы уже рассказывали: то были эма нгванвени Мативана!..

Бурке выслал подкрепления Дандасу, когда Чака давно уже был в Дукузе и ждал возвращения посольства. Между тем, оно застряло в бухте Алгоа. Что же произошло с посольством Чаки?

Из записок Н. Айзекса:

«Со дня на день мы ждали продолжения нашего путешествия в Кейптаун, когда вдруг в отсутствие Кинга появился майор Клоете. Он сказал, что ему поручено уточнить цели визита, а так как Джекоб не может обеспечить качественный перевод, ему еще и поручено помочь в его беседе с Сотобе.

Поведение Клоете было настолько вызывающим, что вожди сделали попытку скрыться и добраться до дому по суше. Положение осложнилось.

Я записал фрагменты нашей беседы.

Клоете: Может ли Чака написать или другим способом сказать, что именно он послал своих вождей с миссией?

Сотобе: Он не умеет писать.

Клоете: Откуда можно понять, что Сотобе — знатный вождь?

Сотобе: По пучку красных перьев. Никому, кроме вождей, не позволено носить их.

Клоете: Вы пришли по собственному желанию и руководствовались здравым смыслом?

Сотобе: Нас послал наш вождь, проявив добрую волю, к губернатору, а также чтобы попросить лекарства.

Клоете: Есть ли документы того, что вас послал король Чака?

Сотобе: Нет. Мы пришли сюда с лейтенантом Кингом.

Клоете: У вас нет значка, или пера, или хвоста тигра (!), чтобы показать, что вас послал именно Чака?

Сотобе: Обычно мы посылаем скот, но на судне не было места, поэтому Чака послал бивни.

Клоете: Хочет ли Сотобе ехать со мной в Кейптаун?

Сотобе: Нет, мы здесь уже слишком долго, нам хочется вернуться домой, к нашему вождю.

Клоете: Зачем же вы ехали так далеко, если не хотите видеть губернатора?

Сотобе: Мы слышали, что наш вождь сейчас находится недалеко от колонии, а губернатор защищает союзные племена, а Чака этого не знает. Мы также знаем, что Кинг хочет срочно повидаться с Чакой, а мы не имеем права покинуть его. Он наш отец и заступник.

Клоете: Если вы вернетесь, не повидав губернатора, не постигнет ли вас кара?

Сотобе: Нет, нам нужно сообщить Чаке, что губернатор защищает соседние племена.

Вопросы чиновника вконец запутали вождей. В конце беседы Сотобе заявил: «Вы так много спрашиваете нас об одном и том же, что я начинаю подозревать, что вы принимаете нас за шпионов, что мы собираемся украсть ваш скот и поэтому не пускаете нас домой».

Я сказал вождям, что вместе с ними вернусь в Наталь, хотя велик был соблазн остаться здесь и пообщаться с друзьями, с которыми не виделся уже три года.

2 августа судно «Геликон» доставило сюда, в Алгоа-бей, из колонии подарки для Чаки и его вождей. Они были рады отъезду, но без меня и Кинга отказывались подниматься на борт. На «Геликоне» мы отбыли в Порт-Наталь 9 августа.

Подарки от властей состояли из кусков меди, не имеющих никакой ценности, штуки алой материи и лекарств. У нас было сложное положение — как подать Чаке столь скромные дары от такой великой страны? Выручили лекарства. Их ценность мы превозносили как могли, а Кинг добавил к ним свою подозрную трубу, купленную за 120 риксдолларов, бусы и некоторые другие пустяки. Вскоре Чака послал за нами. Как мне удалось выяснить у моих слуг, у которых слух был лучше моего, Сотобе удалось оправдаться, но вождь был зол».

17 августа, при подходе к Порт-Наталю, Кинг посадил судно на мель. Видимо, к тому времени он был уже серьезно болен. Выбираясь с затопленного «Геликона», погиб готтентот Майкл.

Финн из Дукузы письменно известил колонистов, что вся армия ушла на север грозить Сошангане. Нужно было срочно отправляться к Чаке с подарками. В это время умер Кинг. Моряки с «Мери» во главе с плотником Хаттоном похоронили его.

Чака был очень опечален его смертью. Он принес в жертву несколько быков, надеясь, что это воскресит его друга. Подарки губернатора Капа вождя явно не удовлетворили и он с несвойственным ему терпением стал готовить новую экспедицию за «эликсиром жизни» — макасарским маслом.

Из записок Н. Айзекса:

«Чака сообщил нам, что уже послал за Джорджем Кейном, чтобы тот возглавил новую миссию и выменял у белых те товары, которые нужны ему, Чаке. Потом он сообщил нам, что объявил траур по матери законченным. Финн очень опасался, что он завершит траур новыми человеческими жертвами, но вождь обещал ему, что этого не произойдет. И он сдержал слово».

Мы переворачиваем последнюю страницу жизни Чаки. Давайте еще раз обратимся к воспоминаниям Айзекса и послушаем его версию.

Из дневника Н. Айзекса:

«24 сентября. Встав рано утром, мы втроем — с Финном и Фаруэллом — гуляли в садике. Потом не спеша позавтракали, как вдруг вбежал гонец из Тугузы (Дукузы. — *Авт.*), выпалив: «Чака мертв!» Он вышел оттуда вечером, когда все случилось. Чака сидел с двумя-тремя вождями возле своей хижины и любовался стадами, которые загоняли в крааль. Видимо, он был удивлен смелостью своего слуги Бопера (Мбопы. — *Авт.*), который с копьем в руках, каким обычно забивают бычков, приблизился к Чаке и спросил вождей — не надоело ли им потчевать вождя доносами и ложными обвинениями? Это позабавило Чаку. В этот момент Умшлунгани (Мхлангана. — *Авт.*) и Дингаан, двое старших братьев Чаки (Дингаан — младший. — *Авт.*) возникли возле него и нанесли удар сзади. Чака сбросил с себя накидку и попытался увернуться. Бопер пронзил его копьем. Обоих вождей постигла та же участь. Один из них был пожилым седовласым человеком, незадолго до этого обреченным на смерть семерых своих жен с детьми потому, что они не скорбели по матери Чаки. Потом убийца совершил торжественный танец вокруг распростертого тела Чаки».

Такова версия Айзекса. Момент для покушения заговорщики выбрали удачный. Армии при Чаке не было. Она находилась далеко на севере, в Мозамбике. Чака отослал туда одного из своих двоюродных брат Дингаана, который когда-то стремился унаследовать место Сигуяны, а потом надолго затих, а также Мхлангану, а также родных братьев — Мпанде и Нзибе. Последнему было около двадцати лет, а Мпанде считался самым мягкотелым и слабым из всего многочисленного потомства Сензангаконы.

Заговор против Чаки зародился в его собственной семье. Мкабани, сестра Сензангаконы, была близкой подругой Нанди, матери Чаки, и эта сварливая старуха распустила слух, что ее коро-

левский племянник Чака отравил собственную мать. Когда Чака был в походе на юге, она высказала свои подозрения Мхлангане и Дингаану и посоветовала им объединиться с индундой Мбопой, начальником королевской прислуги. Договориться они не успели: Чака неожиданно вернулся и услал обоих братьев на север. Мбопа остался один.

Потом Чака сделал следующее. Едва армия достигла краала Эгазини, где правил отец Мбопы, вождь отозвал из войск всех мальчиков-носильщиков у-диби. По возвращении он объединил их в гвардию изи-ньози (пчелы), чтобы иметь собственную гвардию, а армия должна была идти без сопровождения, неся на плечах собственное имущество. Это переполнило чашу терпения братьев-заговорщиков. Сославшись на болезни, они вернулись в свои краали близ Дукузы и послали гонцов к Мбопе, и тот сообщил Чаке о болезни братьев. Чака воспринял это известие спокойно, и братья вздохнули с облегчением.

...В то утро, 22 сентября, Чака видел сон. Он умер, а Мбопа служит другому хозяину. Вождь рассказал это одной из девушек гарема, а та передала сон Мбопе, который и пересказал его в ужасе братьям. Те решили убить Чаку в тот же день.

Ближе к вечеру от амапондо прибыли посланцы с подарками — журавлиными перьями и выдровыми шкурками. Чака вышел встретить гонцов за ворота краала. Тем временем Мбопа спрятался под накидкой-кароссом короткий асsegай, а братья укрылись за изгородью краала.

Чака сел и стал расспрашивать посланцев, почему те так задержались в пути. Дингаан дал знать Мбопе, чтобы тот побыстрее спровадил группу амапондо из краала. Мбопе выскочил вперед и стал бить гонцов хлыстом. Те выбежали за ограду. Чака встал в недоумении, в это время братья подошли ближе и ударили Чаку асsegаями. Тот закричал: «Дети моего отца, что случилось?» Повернулся и, спотыкаясь, пошел к воротам краала. Он упал уже за оградой. Трое убийц покинули сцену, а жители попрятались по своим хижинам. Тело оставалось до утра там, где упало. Гиены не тронули Чаку! Потом тело завернули в бычью шкуру и поместили в пустую яму для зерна, завалив камнями.

Дукуза была заброшена. В 1844 году здесь возникла бурская ферма, место захоронения было забыто, и сегодня останки Чаки покоятся где-то в районе поселка Стангер.

Описанные события — лишь одна из версий гибели Чаки. В то время там не было человека, который записал бы подробности разыгравшейся в буше трагедии. Версии разнятся только в деталях. По одной из легенд, Чака воскликнул перед смертью: «Как только я уйду, наши земли наводнят белые люди. Запомните мои слова!»

После смерти Чаки колония ненадолго пришла в запустение. Кинга уже не было в живых. Айзекс уехал издавать свою книгу. Фаруэлл вскоре погиб — об этом мы еще расскажем. В Порт-Натале остались Финн, Огл, Кейн и полупомешанный Холстед, окруженные тысячами беглецов из Зулуленда. Но колония все же существовала! Интересно, как сложилась судьба некоторых из наших героев. Пауэлл, как мы помним, умер от лихорадки в 1825 году. Фаруэлл убит вождем Нгето в 1829-м. Холстед погиб во время истребления буров Ретифа в 1838-м. Кейн пал в бою с зулусами в том же году. Уцелели Финн и Огл. Они дожили до сравнительно спокойной эпохи в жизни Порт-Натала.

Нельзя не сказать несколько слов о книге Айзекса, в которой мы почерпнули немало полезных сведений о зулусах. Конечно, она очень интересна подробностями жизни колонистов и самих африканцев, однако Чака в ней неизменно предстает таким монстром с неограниченной властью.

Айзекс не упускает возможности лишний раз подчеркнуть жестокость тирана. Кинг же всегда благороден и добр. Но уже в этом есть наивное противоречие. Если Чака был таким уж невыносимым человеком, оголтелым убийцей, «лунатиком, готовым на все», почему колонисты упорно оставались в Натале? У них были все возможности уехать насовсем, а они, если и уезжали, то непременно возвращались. И даже беспрепятственно передвигались по землям вождя... Фаруэлл, Финн, Кейн и Огл целых четыре года жили рядом с Чакой. Кинг, Айзекс и команда с «Мери» — три года. Холстед и Росс свободно ездили по Зулуленду, а Кинг даже привез в Наталь жену Фаруэлла! Думали ли они всерьез, что их спасут белая кожа и лекарства? Или они были столь отважны, что готовы были сломать себе шею в поисках слоновой кости? Их ружья не спасли бы их, если бы армия в 30 тысяч воинов обрушилась на жалкий поселок.

Айзекс описывает Чаку как маньяка, неуправляемого гиганта, от которого шарахались, как от разъяренного льва или шипящего гада. И как он только жил рядом с таким исчадием ада?!

Несомненно, казни были часты в государстве зулусов. Они были частью социально-политической системы банту. Без жестокости Чака не добился бы повиновения такого разноплеменного и многоукладного населения.

Но так уж случилось, что единственными хронистами Чаки стали белые люди. Он не тронул ни одного из них, предложил им дружбу, даровал земли, множество бивней. Пока он был жив, ни один европеец в Натале не был обижен, хотя индуну Чаки были настроены иначе и можно с уверенностью сказать, видели дальше и глубже своего вождя.

Итак, закончился первый, наиболее удачный этап жизни молодой британской колонии в Натале, произошла смена декораций, и благополучные контакты белых и зулусов были надолго омрачены не сложившимися отношениями с преемником Чаки — его братом — умным, подозрительным и дальновидным правителем Дингааном.

Дингаан

Смерть Чаки повергла всю страну зулусов в состояние шока. Так продолжалось несколько месяцев. Вожди на окраинах Натала, не принадлежавшие к основному этническому ядру, стали громко требовать наказания виновников массовых казней. Но главного виновника уже не было в живых. Дукуза пустовала. Огромная армия, ушедшая на север, еще не вернулась, и в королевском краале осталась лишь малолетняя гвардия Чаки изи-ньози — «пчелы» и хломендини — «домовые люди» из ассимилированных кланов, служившие пастухами.

Оба брата затаились — каждый в своем краале — и ждали развития событий.

Дингаан не делал попыток возвыситься над Мхланганой. Исполнительная и административная власть сосредоточилась пока в руках Мбопы. Но братья все же позаботились о том, чтобы скот Чаки не пропал — специальные отряды были отряжены в соседние краали и пригнали весь скот — поровну в оба краала.

Первым актом братьев было убийство Нгвади — сына Нанди, матери Чаки, рожденного от Гендеяны, ее второго мужа. Нгвади жил при Чаке в полном достатке и безопасности и у него была даже собственная армия. По законам наследования трона он имел больше прав на власть по сравнению с братьями, и они это прекрасно сознавали: против Нгвади послали Мбопу с отрядом «пчел», и тот сражался до последнего вздоха, убив лично восемь «изи-ньози».

Затем братья приложили все усилия, чтобы уничтожить индун, имевших вес при Чаке. Сотобе вовремя оценил ситуацию и занял сторону Дингаана.

Неделя шла за неделей, а об армии не было никаких известий. Отношения между братьями ухудшались. Оба пытались завоевать расположение Мбопы, который, в свою очередь, тяготел к Дингаану. Однажды ночью Дингаан был легко ранен ассегаем, брошенным из темноты неизвестным злоумышленником. Ждать было нельзя, и Мхлангану убили.

Между тем, экспедиция Чаки на север провалилась: Сошангане оказался сильнее. Воины были измотаны до крайности, ведь

они шли без остановки с юга, от амапондо, без носильщиков удиби. Участились случаи дезертирства. Только железная воля Мдлаки спасла зулусское воинство в этой неудачной экспедиции. К тому же начались голод и дизентерия. Воины жевали щиты. Перебежчики предупредили Сошангане о приближении зулусов, и тот бросил на них из засады несколько тысяч обученных действиям в горных условиях воинов — сегодня мы бы назвали их егерями. 30 тысяч зулусов в панике сбежали!

Войска были даже рады, что Чаки больше нет и можно рассчитывать на пошадую. Тем временем Дингаана выбрали новым вождем!

Сам Мдлака очень сомневался в правильном выборе нового правителя. Не столько потому, что видел в нем убийцу Чаки, сколько из-за того, что тот приказал убить Мхлангану. Мдлаке казалось, что последний оказался бы куда лучшим преемником.

У Дингаана, знавшего о настроениях Мдлаки, чесались руки убить его, однако младший брат Мпанде и некоторые индуну отговорили его.

Коронация состоялась в начале 1829 года. Мбопу новый вождь отселил в отдаленный крааль, дав изрядное количество скота. Там, «на пенсии», Мбопа прожил шесть лет и был убит при таинственных обстоятельствах. Впрочем, что же тут таинственного? Какой правитель потерпит возле себя цареубийцу, пусть даже действовавшего по его собственному повелению?

Южноафриканская газета «Торговый вестник» быстро откликнулась на события в Зулуленде. 27 декабря 1828 года она писала: «Говорят, один из двоюродных братьев Чаки по имени Дингаан выбран в качестве наследника, и тем не менее дела зулусов пока ведет вождь, от чьей руки погиб Чака, но до того, как состоится избрание, страна будет находиться в нестабильном состоянии».

Придя к власти, Дингаан решил построить себе новую столицу, ибо Дукуза с горсткой камней, напоминающих о Чаке, была ему немила. В июле 1829 года он подобрал место в нескольких милях от ква-Булавайо, старой резиденции Чаки, на живописной равнине с речкой и холмами. Название местного краала — Эмгунгундлову означало «место большого слона».

В отличие от Чаки на долю Дингаана в детстве не выпало столько романтических историй. Он был шестым сыном жены Сензангаконы — Мпиказе, но рос под влиянием своей тетки Мкабаи. Ему было около тридцати, когда не стало Чаки, значит, он родился между 1790 и 1800 годами. С детства ему были присущи замкнутость и повышенная чистоплотность: он все время мылся и натирался жиром. У него были некрасивые зубы, и он

этого стеснялся, взяв в привычку закрывать рот рукой во время разговоров.

Колонисты Порт-Наталья пока не знали об этих подробностях. Не ведали они и о намерениях нового правителя и на всякий случай укрепляли форт Фаруэлл.

Но вот в один прекрасный день от Дингаана прибыл гонец и сообщил, что вождь благосклонно относится к белым соседям и не тронет их. Колонисты расслабились, но Айзекс все же решил уехать, «чтобы доделать свои и Кинга дела в Кейптауне». Хэттон не хотел везти Айзекса, но за того вступился Финн, однако это оказалось не нужным: Хэттон вскоре умер. Незадолго до отплытия судна пришло известие, что Кейн, посланный по суше за макасарским маслом для Чаки, добрался наконец до амапондо, а Генри Огл вернулся из Грэхемстауна вместе с Барнабасом Шоу, эмиссаром лорда Сомерсета. Шоу никак не ожидал смерти Чаки, но все же решил осесть здесь и заняться торговлей.

Айзекс отбыл на «Элизабет и Сьюзан» 1 декабря 1829 года, но 30 марта следующего года, побывав в Кейптауне и даже на острове Святой Елены, вернулся в Порт-Наталь на американском бриге «Св. Майкл», которым командовал капитан Пейдж.

Постепенно все колонисты за небольшим исключением снова собрались вместе. В Порт-Натале они узнали много самых разных новостей. Самой главной была печальная — погиб Фаруэлл. Незадолго до этого он побывал в Кейптауне, где его жена родила сына, и стал вербовать новых поселенцев в Порт-Наталь. В сентябре 1829 года он прибыл в Порт-Элизабет, готовый следовать дальше фургоном. С ним были торговец по имени Трексвейр и молодой натуралист Уолкер.

Пока Фаруэлл был в Кейптауне, в Пондоленде начались волнения. В марте 29-го вождь Нгето поссорился с Дингааном, забрал своих людей и скот и скрылся далеко на юге, найдя убежище у могущественного вождя Факу. Историки назвали бегство Нгето со своими квабе вторым массовым исходом части населения после знаменитого похода Мзиликази. Нгето совершенно справедливо рассудил, что его ожидает участь других влиятельных вождей, не уйди он вовремя с арены. Эта миграция нарушила работы многих миссий и заставила миссионеров временно укрыться в Грэхемстауне.

В миссии амадола методист-весеанец Шепстон, уже шесть лет живший здесь, едва успел скрыться перед тем, как сюда ворвались воины квабе, с сыном, 12-летним Теофилом, бегло говорившем на коса. Запомним это имя!

Среди путешественников, которые тоже были вынуждены повернуть назад перед лицом нашествия с севера и задержаться

на полпути в Порт-Наталь, оказались Эндрю Бейн и Джон Бернет Биддалф, которые ехали в компании с отцом Финна — тоже Генри Френсисом и двумя сыновьями — Альфредом и Френсисом. Четвертый сын — Уильям вскоре тоже прибыл в Порт-Наталь самостоятельно.

Но вернемся к судьбе Фаруэлла. Когда в сентябре 1829 года он снова двинулся на север, обстановка вроде бы нормализовалась. Однако Факу, земли которого поочередно захватывали зулусы, беженцы от них — нгванени, британские войска, а теперь и квабе, постепенно приходил в ярость и готовился к решительным действиям. В начале ноября 1829 года Фаруэлл добрался до реки Умзимвубу, на которой располагался лагерь Нгето. Оставив фургоны под присмотром Кейна, он отправился навестить вождя. Это было безрассудное решение, ведь Фаруэлл ехал к Дингаану, смертельному врагу квабе, к тому же с подарками. Кроме того, с ним был сын одного зулусского индуну, в котором квабе видели шпиона. Тем не менее Фаруэлл расположился на ночь возле крааля, а его слуги получили приют даже внутри изгороди. Поздно ночью в палатку Фаруэлла приполз слуга готтентот по кличке Рысь и сказал, что квабе замыслили убить белого человека. Фаруэлл не принял предостережения всерьез и отправил слугу спать. Через некоторое время лазутчики квабе подрубили веревки палатки и зарезали Фаруэлла через парусину. Кейн, услышав крики, скрылся в лесу вместе с готтентотом. Через несколько дней они прокрались на место убийства и увидели трупы быков и лошадей. Подарков не было.

Впоследствии Нгето поссорился с Факу и бежал от него к Дингаану, который тут же казнил его. А Кейн, Биддалф и трое Финнов продолжили путешествие в Порт-Наталь, предварительно заехав в Грэхемстаун и запасшись новыми подарками для Дингаана.

Собравшись наконец вместе, колонисты решили нанести первый визит к новому правителю зулусов. Вместе с Финнами собрался в поход и Айзекс.

Из дневника Н. Айзекса:

«29 апреля 1830 года. Приготовления к поездке начались с 13 числа. Мы вскрыли весь багаж, чтобы найти подходящие подарки, стараясь подобрать такие, чтобы он видел их разнообразие, но не имел представления об их назначении. Вождь принял нас с улыбкой и сказал: «Тамбузер Умтавака! (это мое зулусское имя). Я тебя вижу». Я отвечал: «Ябо, баба». Потом он пригласил нас войти. Его взгляд устремился на подарок. С нескрываемым

Зулусский вождь Дингаан и его жертва — бур Питер Ретиф

вождем он стал распределять коврики и одежду среди подданных, однако все украшения оставил себе. Потом он выразил сожаление, что парусник прибыл так неудачно по времени, и он не может отблагодарить нас, но тут же пошлет за слоном.

Дингаан выразил желание торговать с белыми людьми в отличие от предшественника Чаки, который считал, что его страна продвигается вперед только благодаря успехам собственного народа.

Дингаан ушел в резиденцию отдыхать после вручения даров, а для нас закололи двух телят и дали молока и пива. Вечером состоялись танцы и пение, а китаец — слуга одного португальца с потерпевшего крушение судна — показал свою длинную черную косу, немало позабавив всех.

Дингаан сказал мне тогда: посмотри вокруг на горы и леса, их протяженность огромна, все они мои, в них бесчисленное

множество слонов, а реки полны гиппопотамов. Я отказываюсь от войны и хочу мира, хочу жить в добрых отношениях с соседями. Слоновые бивни помогут мне увеличить число друзей».

В целом вождь принял депутацию благосклонно и высказал пожелание, чтобы Финн стал вождем Порт-Наталя и одновременно его подданным и доверенным лицом. Однако Дингаана беспокоило и даже раздражало, что Кейн и Огл унаследовали скот Фаруэлла, подаренный Чакой. Пусть они вернут скот в королевское стадо! Оба молодых человека заверили Дингаана, что сделают так, как он хочет, а Айзекс получил прозвище «Дамбуза ум тхататхи — «тот, кто дает вещи».

Из дневника Н. Айзекса:

«У Дингаана внушительная внешность. Он довольно высок — 6 футов и нормально сложен, у него крепкие мускулы, темно-коричневый цвет кожи, ничто не ускользает от всепроникающего взгляда блестящих глаз. В разговоре, похоже, он взвешивает каждое слово. Его любимое развлечение — сажать зерно и собирать урожай, а также охота на слонов и буйволов.

Дингаан способен довольно быстро продвигаться в деле цивилизации своего народа и сделать свою страну выгодным местом для колонизации и торговых операций с внутренними племенами».

За 20 лет жизни при Чаке Дингаан много времени проводил в действующей армии и потому неплохо разбирался в военном деле.

Видя, что войска находятся на пределе, мудрый политик временно распустил воинов по краалям, разрешив им надеть головные кольца — то есть жениться. Заметно снизилось число убийств «при дворе».

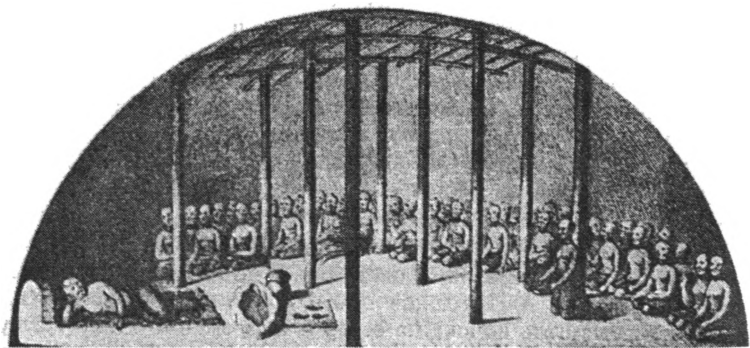
Некоторые биографы Дингаана склонны упрощать взаимоотношения его с белыми людьми и сводить все интересы зулусского вождя к его гарему. Однако в его изи-годло входило 300 девушек, а не 1200, как у Чаки, он лично подбирал для них одежды, придумывал танцы и участвовал в них. Детей он не оставил, скорее всего, из-за бесплодия. Но было бы великим заблуждением ограничиться таким поверхностным суждением, и дальнейшие события покажут нам, сколь не правы сторонники этого взгляда.

Что касается личных качеств вождя, то многие авторы пишут о Дингаане как о кровавом, капризном, жадном и мстительном деспоте. Нелегко поколебать подобные хлесткие харак-

теристики. Главная ошибка сторонников всех этих выводов — попытка рассмотреть личность вождя зулусов в отрыве от традиций общества, в котором она выросла и сформировалась. То, что Дингаан заменил боевые ассегаи у воинов на танцевальные палочки — лишь мелочь, временная прихоть, замеченная и подхваченная европейскими наблюдателями. Он вовсе не был пацифистом! Наоборот — и этого как раз не заметили ни Айзекс, ни последующие белые «хронисты» — Дингаан прилагал все усилия, чтобы укрепить армию и центральную власть. Конечно, делалось это методами, традиционными для общества нгуни начала XIX века, и нет смысла лишний раз обвинять зулусов в жестокостях. В Европе и Азии их было, кстати, куда больше!

В первые годы правления Дингаана беспокоили два фактора. Первый — местные вожди: каждый из индун мог посягнуть на верховную власть. Подозрительных вождей убивали. Но если при Чаке казнь индуну сопровождалась истреблением целого крааля, то сейчас жителей не трогали. Второй фактор — Мзиликази. Дингаан называл его той самой собакой, о которой говорят, что не знаешь, когда она укусит. Страх перед ушедшим Мзиликази заставил Дингаана снарядить несколько карательных экспедиций в Трансвааль, где укрылись ндебеле. Одна из экспедиций пришла с поражением, потеряв три полка, и Дингаан был взбешен. Финн, находившийся тогда в краале, поразился суровости вождя, прежде им не замеченной. «Не известно, что ожидать от него в следующий раз», — с тревогой отмечал он в дневнике.

При первой же встрече с европейцами вождь попросил у них ружья, чем их немало озадачил.

Гарем Дингаана

Из записок Н. Айзекса:

«Во время одного из наших визитов Дингаан заинтересовался моим увеличительным стеклом. Я попытался объяснить ему, что оно зажигает дерево, собирая солнечные лучи. Дингаан тут же позвал слугу и заставил его протянуть руку, потом стал настраивать лупу. Кожа задымилась, но несчастный не смел отдернуть руку, ибо знал, что король немедля казнит его, сочтя за труса. Он спросил меня, что это за стекло, и Финн начал было объяснять, но Дингаан прервал его: «У вас, маланго, свои дела, а у нас свои...»

...И попросил мушкеты.

В то время как Дингаан реорганизовывал армию, объединял старые разбитые части в изи-баву — новую гвардию, белые поселенцы занимались усиленной охотой на слонов. Финну удалось наладить контакты с остатками чудом уцелевшего бушменского клана у подножия Драконовых гор, и те научили его пользоваться отравленными стрелами.

Кейн, у которого установились особые дружеские отношения с Дингааном, тоже усердствовал в добычании бивней. В одной из экспедиций за слоновой костью его сопровождал переводчик Джекоб, благополучно переживший все политические невзгоды. Джекоб еще при Чаке стал важным индуну и очень гордился своим положением, поглядывая свысока даже на белых господ. Всю дорогу в Грэхемстаун он препирался с Кейном.

В Грэхемстауне Кейн распустил слух, что Айзекс противится британскому влиянию, снабжает зулусов оружием и что американский бриг, который привез его со Святой Елены, скоро вернется с поселенцами из США. Рассказы возымели действие, и в Капской колонии стали поговаривать о посылке войск в Порт-Наталь. Джекоб, слыша все это, со свойственной ему алогичностью, сделал собственные выводы.

10 марта 1831 года, после десяти месяцев отсутствия, Кейн вернулся в Порт-Наталь. Дом его пришел в запустение, все заросло, нужно было срочно браться за работу, и Кейн, отослав Джекоба к вождю, принялся за строительство.

Доклад Джекоба Дингаану был мрачным, тревожным и главное — убедительным. Он объяснил беспорядки в Пондоленде присутствием там миссионеров, которых он подал как злых вестников белой власти. Он доложил о том, что правительство Капа собирается двигать войска на север и непременно атакует зулусов. За все это якобы нес ответственность Джон Кейн, который тем временем мирно достраивал свой дом.

Дингаан вызвал полк и отправил его сжечь крааль Кейна. Импи подошел к его дому в конце апреля и Кейну пришлось скрываться в лесу, тогда как от дома остались одни головешки, а скот угнали. Остальные поселенцы тоже попрятались.

То было первое нападение Дингаана на белых!

Через несколько дней вождь прислал гонца сообщить, что ссора у него только с Кейном. Финн, лучший знаток языка зулу, взяв с собой брата, отправился в резиденцию. С ним было 80 носильщиков, которые несли подарки и — одиннадцать ружей! К своему изумлению, он застал в королевском краале панику, вызванную рассказами Джекоба. Оказалось, Дингаан не только привел в боевую готовность всю свою огромную армию, но и отослал португальца, жившего здесь несколько лет, в Лоренсу-Маркиш за ротой цветных солдат!

Финн вручил дары и вроде бы убедил Дингаана в том, что ему ничего не угрожает. Но когда он вернулся в Порт-Наталь, местный индунда заявил ему, что вождь снова собирается напасть на поселок. Колонисты опять попрятались, а индунда Сотобе поспешил доложить Дингаану, что белые укрылись вместе со скотом, который утаили от него, вождя. Дингаан выслал импи — вернуть скот, и поселенцы, в том числе и Финн, едва не расстались с жизнью.

Из неопубликованных записок Г. Финна, сохранившихся благодаря Э. Смиту:

(Эти строки были написаны Г. Финном в ответ на утверждение о том, что он постыдно бежал из Порт-Наталья. Написаны в Пондоленде, где Финн искал временного убежища. Эти же события описал и Айзекс, но на свой манер).

«17 июля прибыл к амапондо. До этого мы мирно жили в Порт-Натале вплоть до возвращения последней миссии из далекой колонии. Джекоб с Оглом вернулись раньше Кейна и доложили, что губернатор отверг слоновую кость, отосланную ему Дингааном. Кейн был вынужден продать ее, чтобы купить Дингаану украшения.

Вскоре и Кейн вернулся, но разлившиеся реки затруднили его передвижение. За время его отсутствия прибыл посильный от зулузов с приказом моему брату ехать к Дингаану. Они уехали вместе с Айзексом. Прошло десять дней, и прибыл вождь Умлабале и привез 4 быков и приглашение: все население с ружьями звалось на охоту за ворами, укравшими какой-то скот.

Тем временем я получил письмо от брата, в котором он рассказал мне, что слышал разговор Джекоба и Дингаана. Перевод-

чик сказал вождю, что колония планирует напасть на зулусов. И тот снарядил отряды. То же самое повторил и Кейн, который видел на дороге несколько полков, марширующих в сторону поселка. Я срочно отослал людей и скот в соседний лес. Как раз в это время прибежал мальчик-зулус, с которым я дружил, и рассказал, что полки собираются нападать.

Прошло еще 4 дня (какие то были дни!) и прибежал гонец от Дингаана, сказав, что лично мне ничто не угрожает, а крааль Кейна окружен.

Вскоре снова отправились в резиденцию. На этот раз темой разговора были новости, которые Джекоб привез из далекой колонии. Джекоб начал с того, что был послан в колонию к губернатору Дингааном, чтобы забрать то, что тот даст. Губернатор отказался передавать подарки Дингаану. На обратном пути Джекоб встретил человека идущего — Имдвандо, который шепнул ему, что белые готовят атаку на зулусов и что лорд Сомерсет говорил: «Ждите, мы скоро придем!»

Прошло несколько месяцев и «прогнозы» Джекоба не подтвердились. Дингаан понял свою ошибку и призвал поселенцев, покинувших свои места, вернуться и забыть страхи. Опальный Кейн даже взял на себя смелость посетить Дингаана!

Вся эта история оказалась настолько запутанной, что прояснить отдельные ее странички просто невозможно, да в этом и нет особой необходимости. Ясно одно: новый вождь зулусов не собирался повторять ошибки своего предшественника в отношениях с белыми пришельцами. Айзексу такие насыщенные событиями месяцы показались нестерпимыми. Он отбыл из Порт-Наталя в апреле 1831 года на «Св. Майкле», чтобы никогда уже сюда не вернуться. Но надо отдать ему должное: последние записи в его дневнике откровенны, и правдивы.

Из дневника Н. Айзекса:

«Одно время бытовало мнение, что Финн исчез из Наталя при таинственных обстоятельствах и зулусский монарх приказал войскам настичь его у границы. Но я должен заявить, что это все придумано. Просто Финн узнал, что зулусы могут захватить наше поселение из-за предательского поведения Джекоба и отступил со своими людьми к западу, остановившись в Ингома. Быстрое возвращение назад снимает с него все подозрения».

Да и о каких подозрениях может идти речь, если в нашей истории выпадают целые годы, а не только месяцы жизни зулус-

ского государства и белой колонии по соседству... Фрагменты и эпизоды — вот из чего складывается картина жизни зулусов в 30-е годы XIX столетия.

В январе 1832 года Дингаан решил, что Джекоба следует казнить за ошибочные показания, и приказал Кейну застрелить его. Вот последний рассказ о Джекобе.

Из записок Н. Айзекса:

«Джекоб, именуемый здесь Стамба Манзи, или «пловец по морям», был взят на границе Капской колонии по причине кражи скота. Его отправили в Алгоа-бей на бриге «Солсбери», он страдал от шторма, и Кинг его расковал. Он пробыл какое-то время на Роббене, потом капитан Оуэн взял его переводчиком в путешествие на восток Капской колонии. Затем он попал к Томпсону и Фаруэллу и зарекомендовал себя как знаток местных языков. Не желая попадать более на суда, он ушел в глубь Наталья, где его и схватили воины Чаки, он понравился вождю своими рассказами о белых людях, и Чака сделал его начальником стражи. Он сказал ему, взяв его по обычаю за ухо: «Если со мной что-то случится, мои люди убьют тебя, потому что ты мой фаворит». Потом Чака назначил ему трех жен и выделил скот. Рассказы Джекоба интересовали Чаку, потому что он не общался ни с кем из маланго (белых), не верил, что есть королевства кроме его собственного.

Джекоб получил вес среди вождей и морально подготовил Чаку к приходу белых. Карьера его как переводчика пошла вверх. Все шло хорошо до возвращения посольства с Капа. Потом он потерял доверие. В миссии Кейна он сыграл отрицательную роль. Дингаан приказал казнить его».

В 1832 году поселок состоял из нескольких хижин, построенных по типу африканских. Да и все селение очень походило на крааль. Четверо Финнов жили в доме отдельно, а остальные — Кейн, Огл, Холстед и новый член колонии 19-летний Ричард Филипп Кинг — внутри ограды. Тревога за свою судьбу не покидала никого. Вскоре стали прибывать новые люди. Среди них был Эндрю Смит, который тщательно собирал все сведения о соседних землях. Смит был дальновидным и практичным человеком и догадывался, что любые подобные сведения могут пригодиться в дальнейшем. Дорог в Наталь тогда проложено не было — кроме тех следов, которые оставили фургоны Грина и Коуи в 1828 году и Бейна в 1829-м. За Умтатой далее на север перед путешественником лежали неведомые земли. Им Смит пророчил большое будущее. В 1832 году он

опубликовал в «Грэхемстаун джорнэл» свои путевые зарисовки, где воспользовался уже упоминаемыми нами неопубликованными дневниками Финна и, конечно, собственными наблюдениями. Имелся у него и другой источник — дневники Фаруэлла, не увидевшие свет, по прилежно послужившие Смигу.

История у экспедиции Э. Смита была такая.

Еще в 1824 году к губернатору Капской колонии стали обращаться жители Южной Африки с просьбой разрешить им торговать с кафрами. Но власти все тянули и тянули с решением. В конце ноября 1830 года капитан Дункан Кэмпбэлл, гражданский уполномоченный округа Олбани, написал губернатору сэру Лоури Коулу, что Джон Кейн из Порт-Натала вместе с Томасом Холстедом и семью зулусами прибыли в Грэхемстаун с подарками от Дингаана — четырьмя слоновыми бивнями и сообщением, что он, вождь, желает жить в мире с окрестными племенами, вступить в контакты с колонией и принять миссионера, который стал бы учить его народ.

Приблизительно в то же время Кэмпбэлл получил аналогичную информацию от торговцев Коллиза и Биддалфа, которые жили в Натале и с которыми Кэмпбэлл был хорошо знаком. Сэр Лоури послал запрос в Лондон: он, конечно, не доверяет таким легковесным заявлениям, но все же запрашивает официальное разрешение послать в глубинные районы лицо, которому он доверяет — чтобы подтвердить, искренен ли Дингаан в своих пожеланиях. А заодно и выяснить природные ресурсы Натала.

Разрешение вскоре было получено, и «лицо» — Эндрю Смит, которого Коули, несомненно, и имел в виду, был тщательно проинструктирован, прежде чем отправляться в «логово тирана». Повторяем: все инструкции были устными.

Мотивы, по которым губернатор выбрал именно Смита, легко понять: он познакомился с письмом, которое доктор Смит послал Коули в 1829 году. Там, в частности, были такие строки: «...территория, которая лежит между мысом Доброй Надежды и побережьем (Индийского океана. — *Авт.*), заслуживает самого пристального внимания. Страна эта, обращенная в нищету жестокостью деспотичных правителей, богата естественными ресурсами, которые дикари использовать в благих целях не в состоянии. Предприятие, которое я предлагаю, будет связано с трудностями, которые преодолимы...»

(С 1824 по 1828 год Смит много путешествовал по различным районам Южной Африки, написал даже в газете статью о происхождении бушменов, наблюдал птиц, а его коллекции из Намакваленда до сих пор представляют интерес для специалистов. Он же был основателем одного из лучших южноафриканских музеев.)

Ответ на письмо не сохранился. Да и был ли он?..

Вернувшись из путешествия в Наталь, Смит, несомненно, докладывал о результатах своих наблюдений, ибо интерес к тем землям возрос настолько, что 190 купцов собрались в Кейптауне и подписали «Мемориал» с требованием правительству создать государственную службу в Порт-Натале с соответствующей военной охраной для торговли на местах. «Мемориал» содержит девять пунктов, в семи из них упоминается Смит. Кроме того, «податели сего» попросили Смита написать «историческое сопровождение» к «Мемориалу», что и было исполнено 6 июня 1834 года. Именно этот текст рассматривали всегда как официальный отчет о поездке, хотя это и не было так.

Д'Урбан, сменивший Коули, отослал «Мемориал» в Лондон, но ответа не последовало. А сведения об этом сохранялись лишь благодаря короткой биографии Э. Смита, выпущенной в 1876 году его племянником А. Мичи.

Записи, сделанные по время поездки из Порт-Наталья в крааль Дингаана с 28 марта по 14 сентября 1834 года (сюда вошли не только его собственные наблюдения, но и те, что он старательно записывал за Финном, когда они путешествовали вместе):

«Состоялась первая беседа с Дингааном. Когда мы подошли, он обсуждал дела с вызывателями дождя. Он заявил, что они его обманывают. Ведь он послал им скот, а дождь не пошел, а пошел позже. Чака мало верил в колдунов и вызывателей дождя. (Беседа, однако, не приводится. Далее Смит подробно рассуждает о приветствиях. — *Авт.*) Когда Дингаан покинул место, где сидел, все сказали «байете». Часть людей попадала на землю и ползла за ним, пока он не скрылся за воротами...

...Полагаю, что резиденция Дингаана располагается в 40 милях в глубь материка. Дожди здесь иногда начинаются в июне, а бывает, не случаются и до сентября. В январе сажают зерно, которое поспевает в феврале-марте. У них два сорта сырья для пива. Главная болезнь — дизентерия.

(Создается впечатление, что Смит понабрал отовсюду понемногу зачастую не верную информацию. А верная? Не шла ли она целиком в дневник, скрытый от посторонних глаз? — *Авт.*)

...Когда дырки в ушах становятся слишком большие, а они этого не любят, то зулусы разрезают их еще, а затем соединяют разрезанные части и те срастаются. Шесть пальцев у них не редкость, и они перетягивают шестой палец ниткой, и он отсыхает. Цвет кожи у зулусов варьирует от черного до медно-желтого. У некоторых волосы растут на груди и подмышками. Многие имеют

татуировку на животе. Они не носят колец из слоновой кости на руках, предпочитая коровий хвост вокруг колен и маленькие хвостики или куски кожи на лодыжках».

Экспедицию Смита сопровождали несколько европейцев. Один из них, юноша по имени Германус Бэри, сын англичанина и голландки, был так удивлен тем, что увидел в Натале, что воскликнул: «О боже, я никогда в жизни не видел таких милых мест!»

Благодаря подобным пылким отзывам население колонии стало расти. Кроме группы Смита, здесь появился Вильям Берг — бур и первый настоящий фермер. Проведя здесь некоторое время, Берг уехал домой с мыслями о плодородных землях и чудном климате. Его рассказы ползли от фермы к ферме, как пожар в саванне. Что же происходило тем временем у зулусов?

Дингаан продолжал развивать торговые контакты с португальцами, начатые еще при Дингисвайо. Между 1825 и 1835 годами торговцы тонга да и сами португальцы нередко появлялись в зулусских краях.

В 1834 году Финн сообщал, что зулусы буквально завалены всевозможными бусами. Тогда же Дингаан высказал мысль: он может перенести часть торговых сделок в Порт-Наталь, если убедится, что получит такое же количество медных изделий от англичан, как и от португальцев! В начале 30-х годов зулусы очень заинтересовались огнестрельным оружием. Торговцам в Порт-Натале было строго-настрого запрещено продавать их африканцам; и Дингаан обратил взор к британским миссионерам, которые были менее подвержены контролю со стороны властей. Миссионеры даже втихомолку обучали индун пользоваться ружьями.

Любой отказ, выраженный в более-менее открытой форме, Дингаан воспринимал как оскорбление всего народа и «принимал меры». И хотя с португальцами он вел себя в общем-то доброжелательно, были и трагические истории. Однажды губернатор Лоренсу-Маркиша отказался предоставить ему ружья, и в португальские владения была послана мощная карательная экспедиция. Жители едва успели укрыться на островке в заливе Делагоа. Губернатор был убит. Но постройки зулусы не тронули, и город снова ожил. А Брайант приписывает, правда, эти действия людям Сошангане, а не Дингаана, и это больше похоже на правду, хотя документы, хранящиеся в лиссабонских архивах, доказывают, что то были именно зулусы. Впрочем, сомнительно, что в 30-е годы XIX века португальские колониальные чиновники были способны отличить воинов Дингаана от отрядов Сошангане — ведь и те и другие были нгуни.

На юге зулусский правитель повел военные действия против пондо. В этот период, где-то около 1833 года, во внутренних районах Наталя, на берегу реки зулусскому импи повстречался отряд цветных охотников из Капской колонии; не долго думая, зулусы убили семерых, а одного увели с собой. Тревожные слухи долетели до Порт-Наталя, и колонисты подумали, что зулусы убили братьев Кэвуд, которые также охотились в тех краях. Поселенцы решили напасть на отряд, когда тот возвращался домой. Совместными усилиями они организовали группу стрелков, которые нанесли импи сокрушительный удар — зулусы не ожидали залпов! 200 воинов полегли на месте!

Реакция Дингаана была неожиданной. Он казнил уцелевшего командира этого отряда, отпустил метиса и приказал ослепить разведчиков, которые не удосужились понять мирные намерения охотников на слонов...

В 1834 году число поселенцев заметно выросло. Усилилась активность торговцев слоновой костью, усилилась конкуренция со стороны португальцев, а у берегов Наталя все чаще стали появляться американские китобойные парусники. Финн стал личным переводчиком сэра Бенджамина Д'Урбана, губернатора Капской колонии, и надолго уехал из Порт-Наталя. (Вернулся сюда он только в 1852 году, а умер в 1861-м.)

Зимой 1834 года прибыли первые буры — 21 человек на 14 фургонах под началом Петруса Л. Уйса. Они разбили лагерь на берегу реки Мвоти. Буров хорошо встретили поселенцы, и энтузиазм последних возрос, когда они узнали, что это представители комиссии треккеров, посланных приграничными бурами исследовать земли на севере.

Другая группа — из Грааф-Рейнета и Колесберга пересекла Оранжевую реку и расположилась на землях суто. Здесь они увидели ненаселенные плодородные земли и решили, что именно в этих местах тысячи бурских семейств смогут найти убежище от британских властей. Дело оставалось за малым — решить вопрос о владении. Урок Гербрантцера 1705 года был, естественно, забыт. Буры никак не могли взять в толк, что для банту земля является собственностью клана и даже сам вождь не вправе распоряжаться землей.

Хинтце, вождь коса, разрешил Уйсу поселиться на северных границах его земель. Но прибыв сюда, Уйс обнаружил, что место занято! Здесь уже расположились пондо, и их вождь Факу с той же сердечностью разрешил Уйсу селиться на землях... Хинтце.

После случая с охотниками на слонов Дингаан отозвал свои гарнизоны из отдаленных районов, и теперь на периферии зулусской империи пустовали многие плодородные земли. Уйс попро-

сил Ричарда Кинга поговорить с Дингааном по поводу расселения буров. Вождь выслушал юношу с вниманием, но пожелал лично познакомиться с треккерами. Но Уйс лежал в лихорадке, а остальные были в отъезде, и потому к вождю поехал младший брат Уйса — Йоханнес. Разлившаяся Тугела не позволила ему перебраться на другой берег, где его поджидали зулусы. Уйс-младший не нашел ничего лучшего, как прокричать о своих намерениях и уехать. Вернувшись в Порт-Наталь, он сообщил, что земли свободны и можно трогаться в путь — Дингаан разрешил! На самом деле Дингаан ничего не знал о передвижениях буров и такое беззастенчивое пренебрежение его властью породило цепную реакцию, которая позже привела к трагическим последствиям...

1835 год стал переломным в истории Южной Африки. До сих пор границы Капской колонии не знали сколь-нибудь значительных потрясений и тревог. Но сейчас они стали свидетелями массового исхода 14 тысяч буров! Великий трек на север стал главным событием в жизни консервативно настроенных поселенцев, желавших сохранить рабов. То был последний шанс для людей, хотевших увековечить образ жизни и мыслей, которые повсеместно вымирали или уже умерли. На ранних этапах трек считали просто проявлением земельного голода, и поселенцы на границах Грикваленда все еще считали себя капскими колонистами и ездили из Филиппописа в Колесберг платить налоги. Но к 1836 году трек оформился в открытое бегство из-под британского контроля.

Из книги Э. Мора «Путешествие в Африку к водопадам Виктория на Замбези», СПб., 1876.

«Хотя каждый видел недостатки здешнего фургона, но никто не сумеет уничтожить их. Вышеупомянутый экипаж представляет собой неловко и медленнодвигающуюся машину, конструкция которой приноровлена к этим диким местностям и отличается необыкновенной крепостью. Я всегда находил поразительное сходство африканского фургона с его изобретателем — голландским буром, потому что оба неуклюжи, массивны и некресивы, но сильны и крепки.

Его оси, имеющие 12—24 дюйма толшины и сделанные из самого лучшего и гибкого дерева, соединены между собой тяжелыми железными болтами, снабженными внизу и вверху массивными гайками. Верхняя часть фургона представляет собой очень искусно сделанную палатку из сплошной двойной парусины. Внутри палатка вполне защищает от дождя, ночной росы и холодных бурь. В верхней ее части висит деревянная рама, переплетенная ремнями из грубой воловьей шкуры, наподобие сет-

ки, на раме помещается матрас, и путешественник находит здесь сухую и защищенную от непогоды постель, которая качается во время движения фургона, к этой качке скоро и легко привыкаешь.

По внутренним стенкам обеих сторон фургона устроено множество сумок из кожи или парусины, они оказываются в высшей степени практичными, потому что в них можно поместить все необходимые в дороге вещи, оружие, подзорную трубу, книги, табак, спички, трубку, туалетные вещи, средство против укушения змей...

Колеса сделаны самым тщательным образом, железные облучки крепко прилегают к ним, а спицы колеса глубоко сидят во втулках. Весьма важную роль играет материал, из которого сделан фургон — дерево, которое несколько лет лежало в тени, вполне сухое.

Передняя часть фургона обычно снабжена большим выкрашенным зеленой краской ящикообразным сиденьем. Сзади фургона, в деревянном углублении, лежит бочонок, вмещающий 8—10 галлонов воды. С наружной стороны приделаны два деревянных ящика, которые содержат сбрую, хомуты для волов, вожжи, инструменты, оси, ножи, топоры».

Буры быстро пересекали Оранжевую реку, двигались по землям гриква и оказывались на обширном внутреннем плато, пустынным из-за бесчисленных миграций в период мфекане. Единственными противниками их стали летучие отряды матабеле того самого Мзиликази, который покинул Чаку и вызывал опасения Дингаана. Матабеле отступили перед огнестрельным оружием и вскоре исчезли за горами Матопо от глаз европейцев — на несколько десятилетий! Но перед этим они успели — и не раз! — сразиться с бурами...

Трекеры пересекли Вааль и добрались до Лимпопо, здесь часть повернула на восток, прошла по перевалам Драконовых гор и оказалась в Натале. Они не желали подчиняться никакому правительству, намеревались сохранить рабовладение и устроить себе «леккер леве» — сладкую жизнь за пределами британских владений.

Буры, оставшиеся в колонии, с волнением ждали известий от пионеров. Между тем, из Натала поступали утешительные известия, и в путь пустилась очередная партия под началом Луиса Трихарда. Британская администрация словно не замечала действий буров. Параллельно этой группе на север шел отряд Ренсберга. 12 и 10 — таково было соответственно количество семей у каждого командира.

Группа Ренсберга исчезла без следа в полном составе, а Трихард осел возле Зуутпансберга. После неудачных попыток наладить торговлю с португальцами (те не могли разобрать африканс) они несколько лет скитались по саванне и только в 1839 году с 26 женщинами и детьми морем добрались до Порт-Наталя!

Следующие партии действовали с большей осторожностью. В начале 1836 года Потгитер и Силиерс переправили через Оранжевую 65 семейств, заключили мир с Мшевешве, вождем басуто, и Сиконьелой, сыном всемогущей правительницы Мантатиси, но в октябре 20 тысяч воинов Мзиликази неожиданно напали на их лагерь Вехткоп. С помощью 40 ружей матабеле удалось отогнать, но те забрали скот, и Потгитер вынужден был вернуться на территории суто, где его ряды пополнились ста семействами Геррита Марица. Победу одержали сообщая 187 буров и 40 гриква. В битве погибли 400 матабеле. Удалось отвоевать огромное стадо!

В апреле 1837 года в район Таба Нуу пришла новая группа переселенцев: 108 человек, не считая слуг, под началом Питера Ретифа. Предками Ретифа были потомки гугенота, бежавшего из Франции после отмены Нантского эдикта в 1688 году. Он родился возле сегодняшнего поселка Веллингтон и еще в молодом возрасте уехал на восточные границы колонии. К 1820 году он разбогател в Олбани и, завоевав доверие соотечественников, возглавил местное треккерское движение, в июне 1830 года его торжественно избрали в Винсбурге командант-генералом. Прежде всего новый начальник посетил всех местных вождей и заключил с ними договоры о дружбе. На берегах рек Каледон и Вааль скопилось более тысячи фургонов и около пяти сотен вооруженных буров. Ретиф обратился к Мзиликази с предложением о заключении мирного договора, но тот не ответил, и Ретиф стал готовиться к экспедиции.

Среди лидеров буров не было единого мнения относительно выбора «земли обетованной». Ретиф и Уйс стремились в Наталь. Потгитер намеревался осесть к северу от Вааля, а Мариц — на Высоком велде. Шли бесконечные споры о дальнейшем направлении трека, о форме правления и т.д. Может, именно поэтому буры, не достигнув единства, понесут такие тяжелые потери?

В октябре 1837 года Ретиф вышел к краю плато. Внизу раскинулись равнины Наталя. Далеко на востоке группа всадников батлоква гнала скот, отвоеванный у зулусов. Батлоква были одеты в европейскую одежду, умели обращаться с оружием и в то же время успешно использовали древние бушменские приемы

скотоводства в горах: мазали землю навозом впереди быков, чтобы те думали, что здесь уже шли их предшественники, и бесстрашно карабкались по кручам.

У Ретифа было 50 фургонов и он ждал прибытия новых семейств. Оставив обоз у подножья гор, он с 15 всадниками пустился в Порт-Наталь, чтобы договориться с поселенцами, а главное, с самим Дингааном. (Как раз в это время Уйс с Потгитером затеяли сражение с матабеле и заставили их отойти из долины реки Мариико на север.)

В Порт-Натале жили в то время 50 белых, и 3 тысячи африканцев размещались по соседству в краалях. Среди поселенцев появилась новая фигура, которая займет значительное место в нашем повествовании: Алан Гардинер.

Он родился в 1794 году и четырнадцати лет поступил на службу в военно-морской флот. Достиг звания старшего помощника, но без дальнейшей поддержки не смог продвинуться по службе и решил стать миссионером. Приехав в Кейптаун в 1834 году, он в том же году добрался и до Порт-Наталья и сразу же поехал в резиденцию Дингаана, чтобы добиться у того разрешения на миссию.

Из записок А. Гардинера:

«Он смотрел на меня довольно долго из-за загородки, потом сказал: «Вот животные, которых убили для тебя». И исчез. Скелеты семи быков лежали неподалеку от ворот крааля. Потом он снова появился из ворот, 14 или 15 придворных склонились перед ним.

На этот раз он вызвал меня с переводчиком ради развлечения. Дингаан, несмотря на жестокость, не лишен чувства юмора. Он любит пошутить. Открытый двор, куда нас пригласили, был наполнен 70—80 женщинами, все они сидели на циновках, в то время как сам он стоял на возвышении, откуда видел весь крааль, и именно отсюда исходят все его распоряжения. «Мои женщины не хотят верить, что ты можешь делать вещи, которые написаны, даже не находясь рядом, докажи, что можешь».

Я отошел на достаточное расстояние за оградой, а мой переводчик под их диктовку написал карандашом имена 12—14 женщин, описавших свое местоположение, и меня снова пригласили. Точность моих суждений вызвала бурю восторга».

Не получив разрешения на миссию в первый раз, Гардинер вернулся в поселок. Ему все же удалось основать миссию в Береа, подальше от глаз Дингаана. Но во время следующего визита он

уже уладил отношения с вождем и даже решил какие-то вопросы, затрагивающие колонистов. Дингаан предложил ему стать «вождем белого крааля», и Гардинер, окрыленный, поспешил на юг, в колонию, чтобы уведомить британские власти о своих новых полномочиях. Но коса были в то время в состоянии войны с Капской колонией, и Гардинеру не удалось получить у Факу разрешения на проезд по их землям. Он вернулся в Порт-Наталь. В сентябре 1835 года на фургоне он вновь попытался прорваться через Драконовы горы.

Из записок А. Гардинера:

«Вторник, 6 октября 1835 г. Из-за вчерашнего дождя мы не смогли двинуться до утра. Человек, ходивший за скотом вчера вечером, завидел львицу с четырьмя детенышами, поджидающих добычу. Завидев его, они снялись и затрусили прочь. Думазулу, проводник, заявил, что ни он, ни его спутники больше дороги не знают и были отпущены и с ними я отправил обратно корову с теленком.

Вскоре после высот, где мы провели два дня, багажный фургон снова застрял в ручье, 14 волов не могли вытянуть завязшие колеса, пришлось разгружаться. Остановка позволила нам оглядеться. Дикий шалфей, мята, рута, петрушка имелись в изобилии. Встретили и местные растения комо-комо, чьи корни используются от внутренних расстройств, которым особенно подвержены местные жители, поедающие мясо без соли и вынужденные подчас соблюдать молочную диету. Пересеченная местность заставила нас сделать большой крюк на север, так что мало продвинулись вперед».

В Грэхемстауне Гардинер узнал, что Д'Урбан сейчас в Порт-Элизабете. Ему удалось упросить Д'Урбана написать Дингаану письмо, в котором Д'Урбан обещал навести в Натале порядок с беженцами (об этом мы еще расскажем). Но насчет самого Гардинера Д'Урбан ничего решить не мог и посоветовал ему ехать в Лондон. Особый комитет палаты общин уже не раз заседал по вопросу об аборигенах в колониях, однако Наталь в числе таковых не значился да и вообще не являлся британской территорией...

Миссионерское общество позволило Гардинеру жениться во второй раз и написать книгу о зулусах, однако подозрительно отнеслось к его вмешательству в политику. Впрочем, оставим Гардинера на время в Лондоне и вернемся к вопросу о беженцах. Роль Гардинера в их судьбе оказалась для них нелицеприятной. Дело в том, что во время своих бесед с вождем он обещал ему

выдавать беглецов в обмен на разрешение остаться и обращаться к богу жителей. Дингаан согласился, хотя, похоже, так и не смог понять сути предложения Гардинера. Но для него было важно одно — появлялась возможность наказывать предателей!

Миссионер поторопился сразу же исполнить обещанное и вернул вождю перехваченных по дороге беженцев. Всех их убили, и Гардинер должен был присутствовать при казни.

Был в соглашении между Дингааном и Гардинером еще один важный пункт. Его Гардинеру пришлось обсуждать не с самим вождем, а с главными его индунами — Ндлелой и Дамбузой. Они недвусмысленно дали понять миссионеру, что нуждаются больше не в слове господнем, а в ружьях и инструкторе, который обучил бы их людей стрельбе. Дингаан не только поддержал своих индун, но и повелел непременно ввести такое обучение в Порт-Натале. Гардинеру отказали в миссии не потому, что зулусы боялись его. Индуны, эти холодные реалисты, знали, что он им ничем не поможет. В 1835 году им нужен был не всевышний, а знакомство с огнестрельным оружием!

Индуны не были так глупы, чтобы не сознавать, что с поражением в шестой кафрской войне военные силы Капской колонии обратятся против зулусов. Ружья были нужны и для того, чтобы напасть на Порт-Наталь. С 1833 года индуны стали все чаще возмущаться тем, что все большее число перебежчиков находит приют под крылышком белых поселенцев. Они уже не раз говорили Дингаану, что нужно поделить армию и наказать виновников предательства. Два года вождь не отвечал на эти призывы, потому что не хотел раздражать белых, но сделал несколько мирных попыток отговорить их от этого. Но белые пошли на другой шаг. Они направили к правителю Гардинера с условием договора — они не станут укрывать у себя беглых зулусов, но и Дингаан прекратит убийства своих соплеменников. Такое соглашение было заключено 6 июня 1835 года. На следующий день Ндлела и Дамбуза сообщили Гардинеру, что сердце Дингаана подобрело и ему, Гардинеру, разрешается открыть миссию в Зулуленде. В подарок миссии вождь отправил 12 быков.

Чернила на договоре еще не совсем просохли, когда стали поступать сведения о нарушениях соглашения белыми торговцами: они украли несколько зулусских девушек и спрятали в Порт-Натале. Реакция Дингаана была мгновенной: он приказал одному из участников разбоя — Т. Холстеду немедленно покинуть его страну и никому, кроме Гардинера, не пересекать ее пешком и не переплывать Тугелу. На Гардинера тоже была возложена миссия — контроль за всеми белыми, входящими на земли Дингаана: с добрыми ли намерениями пришли они к зулусам?

Торговые отношения восстановились только в 1836 году, когда поселенцы помогли Дингаану вернуть скот, захваченный воинами Собузы, вождя свази.

Дингаан стал открыто требовать оружия! И торговец Блакенберт дал ему слоновое ружье, за которое получил от вождя 40 быков. Пример торговца оказался заразителен.

Финн считал продажу ружей Дингаану равносильным самоубийству. Но он явно преувеличивал опасность: при Дингаане зулусы так и не научились пользоваться огнестрельным оружием. Эра зулусов-всадников с ружьями наперевес наступит еще не скоро — при другом вожде и совершенно иных обстоятельствах...

Итак, Гардинер уехал из Лондона без ответа. В мае 1837 года он прибыл в Порт-Наталь с новой женой и тремя детьми от первого брака. В дороге одна из дочерей умерла, и первым его делом по приезде были похороны. В июне к нему присоединился другой миссионер — Френсис Оуэн с женой, сестрой и служанкой-валлийкой по имени Джейн Уильямс.

На том же судне приехали трое американских миссионеров, которые основали четыре миссии — две к югу от Дурбана (так теперь назывался Порт-Наталь — по имени губернатора Капской провинции) и две в самом Зулуленде, по протекции Гардинера. Оуэн расположился по соседству с самой резиденцией Дингаана в Эмгунгундлоу.

Миссионеры эти прибыли из Бостона, штат Массачусетс, для того, чтобы установить контакты с «морскими зулу» (люди Дингаана — *Авт.*) и «внутренними зулу» (люди Мзиликази. — *Авт.*). Всего в отряде было шесть человек, они разделились поровну. Трое с женами поселились у Мзиликази без особых хлопот. А Одни Гроут, Джордж Чемпион и Ньютон Адамс столкнулись с трудностями. «В Дурбане мы нашли около 30 европейцев, двух женщин, одну из них замужнюю, а другую живущую просто так с одним из поселенцев. Большинство белых мужчин, — возмущенно писали миссионеры, — живут каждый с пятью или шестью зулусками».

Индуны были настроены против миссионеров. Ндлела и Дамбуза часто напоминали Дингаану слова Джекоба, что вслед за миссионерами придет армия, которая захватит все его земли. Индунам удалось убедить вождя, и тот велел отцам сначала построить себе дома в Дурбане, «а уж потом пусть снова приходят ко мне». «Если вам удастся научить мой народ читать и писать, то приходите сразу и научите меня всему этому, и тогда мне понадобятся школы в моей стране» (строчки из писем американских миссионеров, изданных позднее).

Первый визит американцев был обставлен с помпой. «Динган был облачен в красную мантию и восседал на высоком стуле. 50—80 человек сидели полукругом чуть сзади, и над краалем стояла полная тишина. После вручения подарков вождь немного расслабился. Он внимательно оглядел бритвы, зонтик, картинки, носовые платки, ножи, чайный прибор. Потом сказал, что хотел бы осмотреть наш фургон. Ему понравился рулон зеленой байки — мы вручили его ему» (из дневников миссионеров).

Дурбан в те годы переживал период анархии. Власти не было. Гардинер противопоставил себя всему поселению и бомбардировал жалобами Лондон. Не хватало продуктов, прежде всего чая и сахара, а также одежды. С надеждой ждали жители приезда буров. Такова была обстановка, когда 20 октября 1837 года в Дурбан въехал Питер Ретиф. Поселенцы радостно восприняли новость о том, что трекеры намерены осесть по соседству.

Из Дурбана Ретиф послал людей за фургонами, оставленными в горах. Обо всем этом уже было известно Дингаану, который увидел в разворачивающихся событиях зловещее и сбывающееся предсказание Джекоба...

Внимание! Мы подошли к одной из самых загадочных страниц в южноафриканской истории позапрошлого века. Историки говорят о ней противоречиво и сбивчиво: очень мало свидетелей. И очень много подозрений. Мы постараемся быть объективными и осветить ход событий с разных сторон и по возможности наиболее полно.

Из книги епископа Дж. Коленсо «10 недель в Натале», Кембридж, 1855 г.:

«В августе 1837 года Френсис Оуэн с женой и сестрой осел в Порт-Натале в качестве первого миссионера англиканской церкви у зулусов. Его рекомендовал капитан Гардинер, который в предыдущие годы добился у Дингаана разрешения на поселение «христианских учителей». В это время район Наталя был необитаем, кроме нескольких английских и голландских торговцев, живших по соседству с Дурбаном (название поселка будет у нас варьировать в зависимости от источника. — *Авт.*).

Вскоре после приезда Оуэн поехал на север, где в пяти днях пути находилась резиденция Дингаана, и получил разрешение открыть миссию возле столичного крааля Умгунгинглову (транскрипция Коленсо. — *Авт.*). 10 октября работа началась и продолжалась в сложных условиях четыре месяца — на грани жизни и смерти».

Глазами Оуэна:

«Когда фургон остановился возле изи-годло (дома девушек), король, одетый в зеленую байковую накидку и красную головную ленту, выглянул из-за ограды и торопливо вышел пожать миссионеру руку. Спутницы мои оказались первыми белыми женщинами в краале. Дингаан, чье знакомство с женской красотой европейек ограничивалось лишь картинками, внимательно их рассмотрел.

Я решил было начать занятия с 15 детьми, но Дингаан прервал их и стал подробно беседовать с миссионером о религии, обсуждать британскую королевскую семью или как получить порох из Порт-Наталья. Ндлела отнесся ко мне с подозрением и в беседе сказал, что считает учебу вредной для детей. Он предупредил меня, что король, хотя и главный человек, но ничего не решает без индун, а они — Ндлела и Дамбу и есть главные индуны...

26 октября Дингаан послал за мной и, когда я вошел, протянул мне письмо, которое ему только что принесли. Попросил прочесть. Послание было из Дурбана. В нем говорилось о приходе в Наталь большой группы белых эмигрантов из Капской колонии. Они пришли с миром, говорилось в письме, и просят разрешения посетить Эмгунгундлову и выделить им ненаселенные земли, чтобы осесть там. Далее описывалось, как они напали на страшного врага Дингаана — Мзиликази и разгромили его. И стоила подпись — П. Ретиф.

На следующий день Дингаан приказал мне прочитать письмо Ндлеле. Оба слушали молча. Глаза их ничего не выражали. Взяв письмо, Дингаан сделал руками движение, будто хочет написать что-то, и стал спрашивать о том, что такое письмо. Ндлела молчал.

Прошло пять дней, прежде чем Дингаан снова послал за мной и продиктовал ответ для Ретифа. Импи зулусов, говорилось в нем, вернулись из земель Мзиликази с 110 овцами буров и сейчас он намеревается вернуть их владельцам. К несчастью, часть их погибла в пути и поэтому остались только шкуры. Он опечален, что его воины поймали только девять из украденных у буров быков и что те погибли. Такая честность была очень отрадна. И еще одно письмо отослал он позже в Порт-Наталь, попросив пороха в обмен на слоновую кость».

Согласие было получено. 27 октября группа Ретифа отбыла в Эмгунгундлову в сопровождении Холстеда, старожилы колонии, с ними также ехали проводники и переводчики. Дингаан принял всех любезно. Он дал согласие на их поселение и сказал, что окон-

чательный ответ будет через несколько дней. Все это время он развлекал буров танцами — 200 быков одного окраса вперемешку с воинами показывали чудеса пантомимы и строевых упражнений. Потом Дингаан отдал Ретифу шкуры овец, побитых в ходе кампании против матабеле, которые, в свою очередь, забрали их у фермеров Вааля.

На 8 ноября Ретиф назначил возвращение в Порт-Наталь. К этому времени Дингаан вручил ему документ, составленный Оуэном. В нем вождь зулусов даровал требуемую землю, но сначала буры должны были найти и вернуть только что украденный скот. Его увели всадники, одетые, как европейцы, и вооруженные ружьями. Он заявил, что подозревает буров и пусть они докажут свою невиновность»..

Ретифу такая просьба показалась неосуществимой. Он знал, что скот украли батлоква Сиконьелы. Они недавно сами себя выдали, пройдя с этим стадом в 700 голов через лагерь буров.

Но тем не менее, вернувшись в свой лагерь на реке Каледон, Ретиф послал всадников за Сиконьелой, и, когда того доставили, заявил ему, что не отпустит вождя, пока тот не вернет скот.

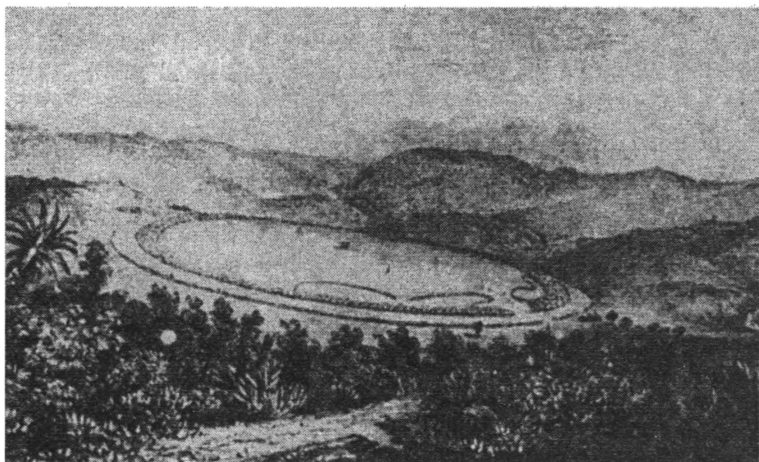
Оуэн, которого Дингаан пригласил переводить первую беседу с Ретифом, нервничал и рассказал о своем состоянии бурскому начальнику! Передача дарственной была, по его мнению, незаконной, и Дингаан это тоже, похоже, сознавал. Что, если поселенцы в Порт-Натале откажутся признать этот договор? Что, если станут настаивать на том, чтобы земли принадлежали Британии? Подчинятся ли трекеры англичанам? Нет, конечно, ответил Ретиф. Если такое случится, буры будут вынуждены уйти на север и искать новые земли. Но он, Ретиф, надеется, что этого не случится. Оуэн не скрывал своей тревоги. Он считал, что европейцы ни в коем случае не должны вовлекать себя в трения между африканцами. Напрасно Ретиф вязался в тяжбу с Сиконьелой. Но тот успокоил Оуэна: Сиконьела знает буров и отдаст скот без кровопролитий.

Многие пытались отговорить Ретифа от задуманного. Дж. Чемпион, которого он навестил по дороге, посоветовал ему быть осторожным с Дингааном. Два года жизни в Зулуленде убедили его, что Дингаан не так прост, как кажется, и что он задумал убить Ретифа. Но бур только рассмеялся: «Нам, бурам, легче понять кафра, чем европейца!» А когда Чемпион возразил, что он — американец, Ретиф усмехнулся: «Разница такая маленькая, что не стоит говорить об этом...»

«Ни Чемпион, ни я не смогли отговорить Ретифа от опасной затеи, он покинул миссию и пошел к Тугеле», — пишет Оуэн.

Джозеф Керкман, переводчик Чемпиона, донесший до нас эту беседу, сообщает интересные сведения. По его словам, Дингаан собирался убить Ретифа еще во время первого приезда. Когда бур с товарищами еще были в его краале или только что уехали, Дингаан послал приказ вождю Изигвабана (Узилвербана в искаженной передаче Керкмэна), чтобы тот пригласил Ретифа в свой крааль, развлек танцами, угостил молоком и пивом, а потом, когда люди потеряют бдительность, убил бы его. Изигвабана отказался выполнить этот приказ. Зная, что ему не поздоровится, он решил бежать из Наталя. Но Дингаан предвидел это и послал армию к Тугеле, чтобы перехватить вождя. После боя на берегу насчитали 600 убитых. Пленных женщин провели мимо хижины, где жил Керкман, но он ничем не мог им помочь. Двоих женщин и ребенка вывели на казнь специально перед домом миссионера, но не добились, а оставили на съедение гиенам и птицам. «Я на свой страх и риск спас их, — пишет Керкман, — спрятал в высокой траве и кормил рисом с молоком. Ночью их переташили в дом. Когда они поправились, то вместе с другими беженцами их переправили на лодке через Тугелу и вывезли из Наталя.

Ретиф тем временем и не подозревал о готовящемся на него покушении. Здравый смысл наверняка подсказывал ему: будь осторожен! Почему Дингаан обещал так много за такую малость?

Королевский крааль Умгунгинглоу, куда зулусы заманили отряд Питера Ретифа и уничтожили его

Для чего пригласил буров быть его соседями, ведь они не были торговцами, даже не вручили ему сколь-нибудь значительных подарков... Да и помощь в конфискации скота не была ему нужна — он сделал бы это играючи своими собственными силами. Любой правитель — белый или черный — не стал бы заключать соглашение с теми, от кого ему нечего получить, но можно все потерять? Ретиф не принял все это во внимание».

Более того, в письме, адресованном Дингаану от 8.11.37 (по всей видимости оно было написано еще в самом краале Эмгунгундлову), Ретиф писал: «Из великой Книги Бога мы знаем, что вожди, творящие такие вещи, как Мацеликатсе (Мзиликази. — *Авт.*), всегда несут тяжкое наказание. Им не долго остается жить и править, и если ты хочешь более подробно узнать, как Бог обращается с подобными вождями, можешь спросить у любого миссионера своей страны».

То была явная угроза Дингаану. Ретиф считал африканцев детьми, независимо от их статуса, с которыми нужно обращаться учтиво, но жестко. Как он заблуждался! Теперь, если у Дингаана и были какие-то сомнения в отношении буров, то они развеялись, как сухая трава по саванне. Правы индуну и прав был несчастный Джекоб!

За день до последнего визита буров Дингаан послал за Оуэном, чтобы написать письмо Ретифу. Настроение вождя изменилось. Он просто источал доброжелательность. «Возврат скота (а Сиконьела вернул ему все!) растопил его сердце, — писал Оуэн, — теперь Ретиф может прибыть со всеми своими людьми, но без лошадей». Когда миссионер спросил, как же они доберутся до краала без лошадей, Дингаан смешался. Ладно, пусть будут при лошадях, и он прикажет своим воинам исполнить боевой танец — посмотрит, кто выглядит лучше! И ни слова об украденном и возвращенном стаде.

Оуэн вернулся домой, полагая, что Дингаан все же не способен на вероломство. Вечером мимо его хижины прошли вооруженные импи при полном военном снаряжении.

Некоторые историки считают, что Дингаан намеревался разоружить отряд Ретифа еще при входе в крааль, попросив у них ружья и лошадей. Однако тщательный анализ дневников Оуэна показывает, что речь шла о тех ружьях и лошадях, которые Ретиф отнял у Сиконьелы. Иначе бы буры заподозрили неладное (Надо сказать, что все это Ретиф так и не отдал Дингаану.)

Многие буры сомневались в целесообразности поездки самого Ретифа, предлагая послать менее важную персону. Предлагали свои кандидатуры Мариц и еще трое-четверо влиятельных буров, однако Ретиф убедил товарищей, что это вселит неуверен-

ность в их без того подозрительного правителя, и решил ехать сам с эскортом из добровольцев. 60 человек вызвались сопровождать его, причем некоторые взяли своих сыновей в возрасте от 11 до 15 лет...

С отрядом буров, сопровождаемым 30 готтентотами, поехал и Холстед, сумевший за 13 лет жизни в Натале в совершенстве изучить язык зулу. Он вызвался быть переводчиком у Ретифа.

Ранним утром 3 февраля 1838 года буры возвестили о своем прибытии залпом из всех ружей. Их встретила большая группа зулусов, и вскоре начались танцы, а бурские всадники продемонстрировали искусство верховой езды. Оружие и седла сложили под большим деревом у входа в крааль.

На следующий день, 4-го, если верить Оуэну, ничего существенного не произошло. Только несколько полков зулусов прошли быстрым маршем мимо домика миссионера. То же повторилось и в понедельник, 5-го. Войска отдали традиционный салют и стали готовиться к танцам. Стук палочек о щиты показался Оуэну зловещим. Но это еще ничего не значило, хотя юный Уильям Вуд, переводчик миссии и сын торговца из Наталя, сказал Джейм Уильямс: «Вот увидите, завтра буров убьют...»

В тот же день Дингаан вызвал Оуэна и попросил показать дарственную на землю. Она была составлена на английском и переведена Дингаану. Вождь поставил на ней свой знак и при свидетелях документ передал Ретифу.

«Сим уведомяется, — говорилось в документе, — что П. Ретиф, губернатор голландских эмигрантов в Южной Африке, вернувший мой скот, украденный Сиконьелой, награждается мною, Дингааном, землей Наталя от Тугелы до Умзимвубу, которая может оказаться для них пригодной. Отдаю ее ему в постоянное пользование».

(Подобные дарственные уже неоднократно выдавали и Чака, а потом и Дингаан, Финну, Фаруэллу, Кингу, Айзексу и Гардинеру, но это означало в глазах этих вождей лишь временное владение в течение жизни данного вождя.)

При этом вождь выказал единственное неудовольствие тем, что треккеры не привели самого Сиконьелу, которого надо было казнить. Потом снова начались танцы. Треккеры размякли от дурного пива и потеряли бдительность.

Наступило утро 6 февраля. Перед отъездом Ретиф пошел попрощаться с Дингааном, которого, как всегда, окружали воины. С великим уважением бурам указали, что ни один человек на свете не смеет приблизиться к вождю вооруженным, и предложили оставить оружие за порогом крааля, что буры и сделали без малейших подозрений. Их приняли, как обычно, на скотном дво-

ре — самом почетном месте, предложили сесть и индуну пусти-ли по рукам горшки с прохладным пивом.

Вождь встретил их стоя посредине крааля, окруженный вои-нами. Потом сел сам и минут десять поддерживал беседу. Но по-том, неожиданно вскочив, крикнул: «Vamba pia ma tagati» (Хва-тайте колдунов!). И тут со всех сторон на буров бросились вои-ны-зулусы и изрубили всех в куски. Одному человеку все же уда-лось бежать и сообщить скорбную весть своим соотечественни-кам. Такова версия, переданная епископом Дж. Коленсо.

Тут же после убийства множество чернокожих высыпало из ворот крааля, таща безжизненные тела на Холм казней, усы-панный костями. Через полчаса 66 человек уже лежали там — на съедение хищникам. Не удалось убежать и слугам, которые нахо-дились за пределами крааля. Все за исключением одного были убиты, а лошади и оружие стали собственностью Дингаана. Чис-ло убитых превысило сто.

Оуэна при этом не было. Встреча с вождем была назначена на время после завтрака, и он, по обыкновению, в ожидании приглашения читал в своем доме. Какое-то мгновение он раз-мышлял — пойти ли самому или нет, но потом решил не преры-вать чтение, и это спасло ему жизнь.

Кто же этот счастливец, которому удалось спастись? Его уда-лось расспросить в городе Винене спустя несколько лет коррес-понденту дурбанской газеты «Натал уитнесс». Он рассказал, что родители его были рабы и его мальчиком продали в рабство в Черч-сквере в Кейптауне. Молодого раба купил Питер Ретиф, и он был при буре до 1838 года. «Я всегда ехал позади хозяина и вез его вещи. Король зулу был весьма мил с нами. Мне не позволили слушать, о чем хозяин говорил с королем, но знаю от других, что ему дали землю. Через два-три дня нам приказали готовить лошадей, но перед отъездом Дингаан пригласил хозяина и его спутников отведать напитков в его краале.

Я проводил хозяина до ворот, однако войти не отважился, потому что был только рабом. Я думаю, что хозяин что-то подо-зревал, потому что перед тем как войти в крааль, отдал мне носовой платок и сказал: «Если что случится со мной — передай жене».

Я сел в 50 ярдах от входа и стал ждать. Белые люди находи-лись в кругу воинов Дингаана. Воины не были вооружены, но их ассегаи лежали у ног спереди, когда они сидели. Сухой навоз и пыль вились над краалем. Потом раздался протяжный крик — сиг-нал был подан! Я запрыгнул на камень и увидел, что белые люди стоят безоружные, а зулусы напали на них и те упали. Хозяин был убит одним из последних. Я видел, как ассегай воткнулся

ему в грудь ниже горла. Я закричал, несколько зулусов бросились на меня и ранили в плечо и бедро. Мне удалось прорваться к лошадям и вскочить в седло. Я ускакал, но остальным спастись не удалось. Я добрался до ближайшего лагеря в Блаувкранце и рассказал обо всем».

Вот подробности драмы, собранные и записанные историком Дж.Тилом.

«После крика «Хватайте колдунов!» воины обрушились на буров. Томас Холстед, переводчик, воскликнул: «Дайте мне поговорить с вождем!» Дингаан услышал это, но махнул рукой, как бы подавая знак: «Убивайте!» Холстед выхватил нож и смертельно ранил двух убийц, пока не был убит сам. Один из фермеров тоже убил воина, но остальные были схвачены, так и не встав на ноги, их оттащили на холм и пробили черепа палицами. Рети-фа схватили и заставили смотреть на смерть товарищей, а потом убили и его. Сердце и печень тут же вырезали и закопали на дороге из Порт-Наталя в Эмгунгундлову. Но ни одно из тел больше не трогали, оставив даже одежду. Имена этих 66 буров известны».

Когда буры направились к Дингаану, слуг отослали за лошадьми и убили в отдалении. Одному из слуг удалось бежать, но чуть позже его схватили и тоже убили (это противоречит предыдущему рассказу).

Строки из дневника Р. Оуэна за 6 февраля 1838 года:

«Ужасный день в истории миссии. Я содрогаюсь, вспоминая его. В тот день я сидел в тени фургона, читая Новый Завет, когда пришел обычный посыльный от короля, но он явно торопился и глаза у него бегали. Я был уверен, что он сообщит мне что-то важное. «Вождь послал меня сказать тебе, чтобы ты не боялся, когда он станет убивать буров», — выпалил посыльный, и новость обожгла меня и поразила всю семью. Позади моей хижины и фургона, скрытый от глаз, стоял холм, где обычно совершались казни. «Там, — показал посланник, — они сейчас убили буров!»

Я поднял глаза и заметил на холме оживление. 9 или 10 зулусов приходилось на каждого несчастного бура, увидевшего утренний свет в последний раз за воротами краала. Двое из них незадолго до того приходили ко мне и завтракали за час-два до гибели. Когда я спросил, что они думают о Дингаане, они ответили, что он хороший. Они были так доверчивы!..»

Миссионер начал молиться за упокой душ погибших. Вскоре за ним пришли, и он три часа пробыл при тиране, оставив свою семью в полном ужасе и неведении относительно своей судьбы. «Дингаан сказал мне, что я с семьей могу уехать в любой момент, но обязательно оставив здесь все свои злые намерения... Хозяин не собирался убивать ни меня, ни других миссионеров, потому что нас мало и он мог жить с нами в мире, ибо мы являлись частью его народа. Еще он говорил, что должен убивать всех захватчиков и что амабаро (буры) пришли убить вождя, что они пришли как армия и привели его в ярость».

Вскоре после резни в краале появились двое белых — Джеймс Броунли, переводчик, и Генри Венейбл, американский миссионер. Броунли приехал в ответ на пожелание Дингаана сменить переводчика, ибо «Холстед обманывал его», а Венейбл решил не упустить возможности побывать у вождя. Положение у них оказалось не из легких. Единственное, что им удалось увидеть, была куча ружей и багажа, охраняемая воинами. Когда ничего не подозревавшие путешественники спросили, где же Ретиф и его отряд, им сообщили, что белые гости отправились на охоту. В просьбе пройти к вождю им отказали. Через час вышел Ндлела и сообщил об убийстве. Король, сказал он, убил их, потому что они намеревались выступить против него.

Венейбл нашел в себе силы спросить о школе, которую он намеревался открыть. Тот скорчил гримасу и спросил: «Не хочешь ли ты лучше научить наших людей стрелять из ружей и скакать верхом?»

Три дня спустя после резни Ричард Хелли, переводчик Оуэна, вернулся в Зулуленд из Порт-Наталя. Он ездил туда, чтобы пригласить Кейна и Гардинера на встречу Дингаана с бурами. Но оба англичанина наотрез отказались принять приглашение...

Не догадываясь ни о чем, Хелли спокойно следовал по дороге, не прислушиваясь к перешептываниям своих спутников-зулусов. Но приглядевшись к ним, стал тревожиться, и тревога переросла в ужас, когда он увидел в небе над ква-Мативане стаи стервятников. «Я сразу понял, что свершилось дьявольское дело», — пишет Хелли. Подскакав ближе, он увидел оторванный рукав рубашки в стороне от дороги, ведущей к холму. Несколько сваленных в груду седел подтвердили страшную догадку. Пришпорив лошадь, Хелли помчался в миссию. Она была пуста. На столе стояла посуда с остатками пищи. Тут из своей хижины к нему выбежал Оуэн. Не успели они выпить кофе, как Дингаан прислал за Оуэном гонца. Вождь встретил его как старого друга: «Нам много надо друг другу сказать!» Он, вождь, не несет ответственности за

происшедшее. «Я заставил их ждать, пока не приедет Кейн и Гардинер, а когда они не смогли больше ждать, я предложил им уйти спокойно». Так что вся вина лежит на Хелли, Гардинере и Кейне. Почему они не приехали? Белые никогда не полюбят черных. Да, ему пришлось так поступить с бурами. Гардинер и Кейн заслуживают того же! Хорошая идея разделаться со всеми врагами сразу! Это слова Дингаана. Вернувшись в миссию, Хелли сказал Оуэну, что уезжает немедленно.

Семейство Оуэнов быстро собралось и отбыло в Дурбан. Там они пробыли какое-то время на островке в заливе среди других европейцев, которые боялись прихода зулусских импи, пока их не забрал парусник.

Миссионер покинул страну, которую ему так и не удалось цивилизовать.

В свое время бытовало несколько версий о том, что англичане подговорили Дингаана убить буров. Основания для них такие.

Преподобный Эразмус Смит, бывший среди тех, кто бежал с Блаувкран-ривер, записал в дневнике 2 мая 1838 года: «После первого визита Ретифа в королевский крааль в ноябре 1837 года Дингаан послал письмо Гардинеру. В нем он спрашивал его, что делать в Ретифом и бурами, когда те вернутся со скотом, отнятым у Сиконьелы. Гардинер якобы ответил, что эти люди бежали от своего короля и он, вождь, должен поступить с ними так же, как и с собственными беглецами».

Далее, продолжает Смит, некто Стобс и Бланкенбарт тоже советовали Дингаану наказать беглецов. Все это он слышал от других людей.

Бур Д. Р. Безуиденхоут, раненный в одном из боев в 1879 году, опубликовал свои записки, где говорится: «Когда Ретиф был у Сиконьелы, двое англичан из Наталья (Гарнетт и Стаббс) побывали у Дингаана и вопрошали его: «Каков ваш закон по отношению к беглецам?» Дингаан отвечал, что порядки его страны требуют смерти. Гарнетт и Стаббс затем сообщили, что они, буры, и есть беглецы».

Карл Селиерс записал свои воспоминания в 1848 году: «Мне говорили, как Дингаан выспрашивал у миссионеров, что ему делать, и получил такой ответ: он, видимо, сам знает, что делать с бродягами?!»

Некто Дж. Бошофф, прибывший в Наталь через три месяца после событий, писал пространные письма в «Грэхемстаун джорнэл», где утверждал то же самое.

А вот что говорит один из поселенцев Дж. Хаттинг: «После того как отряд Ретифа отдал салют в честь прибытия в крааль,

Оуэн отправился к Дингаану и осведомился у него, знает ли тот, что эти люди — беглецы, что они укрываются от своего вождя?»

20 июля 1838 года некто Паркер, дезертир из английской армии, побывавший в Натале, написал майору Чартерсу, военному секретарю сэра Нейпира: «Убийство Ретифа и его людей было результатом предательства англичанина по имени Кейн. Вероятно, Кейн, опасаясь, что Дингаан, милостиво приняв буров в первый раз и отдав им земли, выполнит свое обещание, и послал Дингаану сообщение, что буры покинули колонию против воли своего главного вождя, и что они собираются вытеснить его, Дингаана, из его владений, и что он, Дингаан, не должен опасаться англичан — они не помогают бурам».

Паркер сообщил, что это все рассказал ему некто Туи, клерк одного из натальских купцов, а Туи узнал это от самого Кейна.

Историк Дж. Тил добавляет, что подобное обвинение имелось и против Огла. Несомненно одно — Дингаану кто-то сообщил, что буры — дезертиры. Но вспомним: в его стране селились, испросив высочайшего разрешения, тысячи одиночек. Значит, можно было по-иному объяснить вождю подлинные причины ухода буров из колонии? Но этого сделано не было. К тому же, Дингаан был напуган активностью буров в отношении Мзиликази и Сиконьелы. И еще — в сравнении с английскими поселенцами в Дурбане буры представляли существенную силу.

Два письма из архивов.

От капитана Биггара — капитану Эватту в Порт-Элизабет, 17 марта 1838 г.:

«То, что Дингаан собирался убить буров — доказано. Я писал Ретифу, чтобы тот был настороже, и другие лица предупреждали его — не верь Дингаану».

От Ф. Оуэна — Макклеланду в Порт-Элизабет, 16 марта 1838 г.:

«Мотивы, побудившие Дингаана совершить убийство, ясны. Я думаю, что задолго до убийства от прятал под миролюбивым планы уничтожения буров. Он явно их боялся. Он ревностно и подозрительно смотрел на пришельцев и использовал первую же возможность уничтожить такой большой отряд».

Думается, основная часть вины за смерть буров лежит на британских торговцах, которые отказались продавать зулусам оружие. Ретиф вначале обещал ему ружья, но обещание не сдержал, понимая, что это чревато опасностью. Отказ Ретифа возмутил вождя. Он и земли-то обещал им в обмен на лошадей и оружие!

Вскоре после убийства Ретифа и его людей один американский миссионер видел в руках у зулусов бурские «слоновые» ружья. Может быть, дай Ретиф ему оружие, Дингаан не пошел бы на убийство?.. Вряд ли».

Что же произошло потом? События последующих нескольких месяцев по драматизму могли бы растянуться на несколько лет. Калейдоскоп имен, географических названий, дат... Все новые и новые действующие лица.

Во второй половине дня убийства десять тысяч зулусов походным маршем вышли из королевского крааля и двинулись через Наталь, чтобы напасть на европейцев раньше, чем те успеют подготовиться. Разделившись на несколько крупных отрядов, утром 17 февраля они обрушились на бурские лагеря возле сегодняшнего местечка Винен, получившего свое название в память о трагических событиях тех лет (по-голландски «винен» означает «причитать», «плакать»). Всего два-три бура ускользнули с поля боя и сообщили соседям о трагедии. По всей округе началось строительство укреплений из фургонов.

Результатом первого рейда стали 41 убитый мужчина, 56 женщин, 185 детей и 200 слуг. Уцелевших буров охватила паника, стали раздаваться призывы покинуть страну. Но раздалась и другая голоса — призывавшие к отмщению!

Коменданты Потгитер и Уйс, узнав о случившемся, поспешили пересечь Драконовы горы, чтобы помочь своим соотечественникам. Англичане в порту Дурбана, узнав о смерти Холстеда и А. Биггара, убитого во время кровавого рейда по Наталю, предложили атаковать Дингаана с одного направления, в то время как буры пойдут с другой стороны. Однако последние решили действовать самостоятельно.

После смерти Ретифа главой натальских буров стал П. Мариц, он и возглавил экспедицию против Дингаана. Но ни Потгитер, ни Уйс не пожелали подчиниться ему. После долгих дебатов решили так: Мариц останется в Натале и будет охранять здешние лагеря, а Потгитер и Уйс выступят против зулусов, действуя согласованно.

В начале апреля экспедиции тронулись в путь. Одна — из Дурбана — состояла из 20 английских торговцев и охотников, 20 готтентотов и 1000—1500 чернокожих беженцев из Зулуленда, на которых можно было положиться. Этим отрядом командовал Роберт Биггер, брат погибшего Александра. Через три дня они подошли к первому зулусскому краалю. Он оказался пустым — остались лишь дети с матерями и скот. Между Кейном и Оглом произошла непристойная сцена — они не поделили добычу.

Одновременно вышла вторая экспедиция численностью 147 человек: Уйс и Потгитер выступили в направлении столичного крааля. Несмотря на то что все они были вооружены ружьями, затея была явно безрассудной, так как Дингаан мог выставить против них в сто раз больше воинов, обученных приемам ближнего боя, великолепно вымуштрованных и владеющих ассегаями. Не хватало лошадей, и люди очень устали, пробираясь по безлюдным, заброшенным негостеприимным землям.

11 апреля они завидели невдалеке полк зулусов и напали на него.

Преследуя отступавшего противника, незаметно спустились в долину. Перед ними были две параллельные гряды холмов, а между ними — длинная ложбина. Сюда-то зулусы и заманили буров, смело бросившихся за «бегущим» врагом. В узкой части горловины на них посыпались чернокожие воины, лошади стали неуправляемыми, так как зулусы издавали сильный грохот, удаляя ассегаями по кожаным щитам.

Немногим бурам удалось выскочить из этого ада. Сам Уйс, получив ассегай в спину, упал с коня, призывая товарищей спастись. Его пятнадцатилетний сын устремился на помощь отцу и тоже упал сраженный. (Второй сын Уйса спустя 41 год сражался против другого вождя зулусов — Кечвайо и погиб в битве при Хлобане 28 марта 1879 г.)

Британская экспедиция, которая была вынуждена вернуться в Дурбан из-за ссоры в среде командования, снова выступила в поход, но уже в несколько ином составе. Командовал ею Р.Биггар. В нескольких милях от Тугелы они наткнулись на зулусский полк, который почему-то предпочел скрыться, бросая горящие костры и оружие. Англичане пошли вслед за ним, пересекли Тугелу, захватили крааль на северном берегу и только тут обнаружили, что находятся между «рогов» зулусской армии — 7 тысяч воинов.

Битва, которая состоялась 17 апреля 1838 года, относится к числу самых безнадежных сражений того времени. Трижды отбивали англичане атаки зулусов, но когда тем удалось разделить британский отряд на две части, надежды на победу угасли. Одна часть пыталась бежать вниз к реке, но большинство беглецов нашли смерть в воде. Спаслись удалось четверым англичанам, трем готтентотам и пятистам чернокожим. Вторая группа была полностью окружена плотным кольцом зулусов. Они погибли все, но их тела были буквально завалены трупами воинов-зулусов. Всего погибло 13 англичан и тысяча чернокожих союзников.

После победы армия неторопливо двинулась к Дурбану. Ф. Оуэн и другие миссионеры, кроме американца Хиндли, уже находи-

лись на «Комете»... Беженцы попрятались в окрестных кустарниках. Импи некоторое время постояли на побережье, разрушив несколько построек и захватив всю живность — вплоть до собак и кур, а потом вернулись в Эмгунгундлову.

Группа Потгитера поспешила покинуть владения Дингаана и на землях к северу от Вааля образовала первое постоянное европейское поселение. До сентября 1840 года у них было собственное самоуправление, свой городок они назвали Потхемстром.

Уход Потгитера быстро компенсировали новые поселенцы — на этот раз это были 39 семейств под началом Карела Питера Ландмана. Эмигранты отклонили все требования властей вернуться в колонию. Их главной целью теперь была месть. К этому времени во всем Натале насчитывалось 640 мужчин, способных носить оружие и 3200 женщин и детей.

В августе армия Дингаана атаковала лагерь буров на Босман-ривер, однако отступила с большими потерями: буры научились строить оборонительные линии из составленных вокруг фургонов. Но среди буров свирепствовала лихорадка, запасы продовольствия были на нуле.

В том же году в Наталь прибыл Андрис Виллем Якобус Преториус. Его предки приехали в Южную Африку с первыми переселенцами из Голландии. Он был малообразованным человеком, за

Семья буров возле своего дома-фургона

всю жизнь не прочел ни одной книги, разве что Библию, и его знания и опыт соответствовали скорее XVII, нежели XIX веку. Но в военном искусстве 38-летний комендант разбирался хорошо.

В начале декабря был сколочен отряд. Имевшие опыт боевых действий буры захватили с собой изрядное количество фургонов и несколько пушек. Всего было 464 воина, не считая вспомогательных частей и командования. В тот период реки Наталя разлились и были практически неодолимы. Единственным пунктом, где можно было пересечь Тугелу, было местечко Кахтлалеба.

Вперед продвигались с осторожностью. Каждую ночь фугоны составляли вокруг лагеря, во все стороны рассылали конных разведчиков. Не было ни песен, ни криков. Несколько раз брали пленных и Преториус всякий раз отправлял их к Дингаану с сообщением: если тот вернет все награбленное, буры согласны начать переговоры о мире.

Ответ вождь прислал в виде двенадцатитысячной армии, напавшей на лагерь 16 декабря.

Лагерь располагался на реке Инкоме, которая в том месте делала крутой изгиб и обеспечивала бурам надежный тыл. Зулусы пытались прорваться с открытых сторон, но артиллерия нанесла им огромный урон. Отряд кавалерии, высланный вперед, вызвал среди зулусских воинов смятение — лошадей они не знали. Всего среди буров оказалось трое легкораненых, среди них сам Преториус. Потери зулусов — три тысячи воинов. Вода в реке Инкоме окрасилась в розовый цвет. С тех пор река стала называться Блад-ривер — Кровавой.

23 декабря отряд достиг Эмгунгундлову, но Дингаана там не оказалось — вождь предал крааль огню и бежал на север. На холме Мативане буры обнаружили останки Ретифа и скелеты его спутников. Они лежали нетронутые — с ассегаями, которыми были пригвождены к земле. Одежда и сумка с документом — дарственной, написанной рукой Оуэна, были в отличном состоянии.

Между тем, власти в Кейптауне ломали головы, как заставить буров вернуться в родные места. Может быть, отнять все продукты, амуницию, обречь тем самым на гибель? Не получив ответа из армии, власти направили в марте 1839 года в Наталь 72-й полк горных стрелков и артиллерию — занять Дурбан. Порт был объявлен закрытым для всех, кроме чиновников с Капа.

Вскоре английский представитель капитан Джарвис предупредил попытку заключить перемирие с Дингааном от лица буров. В принципе вождь уже не возражал против перемирия. 26 марта 1836 года буры встретились с посланцами Дингаана, которым было сказано: мир наступит, если вождь примет соглашение с Ретифом как должное, вернет скот и другое имущество эмигрантов.

Битва буров с зулусами на Блад-ривер

Зулусы заявили, что им необходимо довести эти требования до сведения вождя. Вскоре они вернулись и сообщили, что вещи собраны в одном месте и их можно забрать. После короткого совещания буры сколотили отряд в 334 человека и отправились за своим имуществом. Потом между бурами и англичанами начались длительные препирательства, кому принадлежат вещи. В результате по чьей-то неосторожности взорвался порох в фургонах и много людей погибло.

Пока буры договаривались с Дингааном, поползли слухи, что части британских войск высаживаются в Порт-Натале. Как ни велика была опасность, исходившая от Дингаана, эта была еще большей.

«Кости наших товарищей, безвинно погибших на этой земле, не дают нам права уйти отсюда, из страны, которой мы столько отдали», — писали буры Джарвису. В ноябре фольксраад издал указ, предписывавший бурам противостоять англичанам всеми силами. Но опасения оказались напрасными — в декабре 1839 года британские части неожиданно отплыли. Власти решили предоставить буров самим себе.

Приблизительно в это время у зулусов произошло событие, повлиявшее на дальнейший ход истории. Среди сыновей Сензангаконы резко возвысился Мпанде, младший из них. За него выступили некоторые влиятельные индуну и среди них — Нонгалаза, командовавший войсками у северных берегов Тугелы. Мятежный вождь с большим числом последователей — 17 тысяч человек — пересек Тугелу и бежал на юг искать защиты у европейцев.

В начале декабря бурская газета, выходящая в Кейптауне, «Варе африкаан», опубликовала тревожное сообщение из Наталья. Речь шла о Мпанде, который якобы пересек Тугелу и с войсками движется в Питермарицбург. «Даже если правда то, что Дингаан с братом поссорились, вряд ли стоит доверять кому-либо из них, — писала газета. — Мпанде близок к тому, чтобы попросить союза с белыми эмигрантами, но это может быть только прелюдия к новым убийствам. Буры могут рассчитывать только на себя и не полагаться на такой коварный народ, как зулусы».

Но Кейптаун далеко от Питермарицбурга, и пока статья печаталась, буры уже знали наверняка, что намерения у Мпанде самые мирные и что приход его в Наталь — не угроза, а просьба о помощи.

Фольксраад потребовал спросить с Дингаана все убытки, и Мпанде, не дожидаясь пока вождь ответит, отдал три тысячи голов скота — все, что у него было, бурам. Кстати, Дингаан так и не ответил на это требование. Мпанде был провозглашен «правлящим принцем зулусов в изгнании» и тут же согласился участвовать в военных действиях против старшего брата. Он обещал прекратить «вынюхивание» и бессмысленные убийства. 4 января 1840 года войско в составе 400 буров и 6 тысяч зулусов выступило в поход.

Дингаан узнал о приближении войска от своих разведчиков. Решив выиграть время, он послал для переговоров верных индун Дамбузу и Камбазану. Их сразу же арестовали и доставили к Мпанде. После недолгого суда их расстреляли. (Этот поступок, допущенный с попустительством Преториуса, стал его ошибкой и позволил фольксрааду обвинить его в убийстве парламентариев.)

Вскоре пришел посыльный от Нонгалазы, который уходил с колонной далеко вперед, с радостным известием — 30 января на реке Уклузи произошло великое сражение у местечка Магонго. Победил Нонгалаза. Хотя импи Дингаана были многочисленнее,

Нонгалаза применил хитрость: пустил слух, что идут буры! Воины Дингаана в панике начали отступать. Бурам было возвращено 30 тысяч голов скота, собственностью фермеров стала тысяча зулусских сирот, всем им нашлась работа в хозяйствах.

Дингаан спешно отходил на север, к границам земель народа свази.

Там он построил временный крааль, где и был убит людьми племени ньаво. Один из участников убийства в возрасте ста лет в 1911 году сообщил, что на могиле Дингаана навалено три больших камня. Это место удалось отыскать только в 1947 году!

Все зулусские воины поклялись в верности Мпанде, новому вождю зулусов. Но подозрительный правитель всегда руководствовался принципом: «Человек, однажды побывавший в шкуре предателя, может оказаться в ней снова», и всегда находил возможности избавляться от опасных людей, особенно из «старой гвардии». Даже Нонгалаза, так много сделавший для Мпанде, был зверски убит по его приказу в 1843 году...

Худшее для буров было впереди! Слух о смерти Дингаана распространился по Наталю с быстротой ветра. Тысячи беженцев с юга и из Высокого велда стали возвращаться в старые краали. В 1841 году фольксраад проголосовал за то, чтобы направить весь этот поток в какой-то отдельный район на юге от Натала. Возле каждой бурской фермы можно размещать лишь пять семей для подсобных работ. Факу, вождь амапондо, опасаясь, что весь этот поток хлынет на его земли, пожаловался британским властям в Кейптауне на притеснения со стороны буров.

Нейпир отдал приказ захватить Дурбан капитану Смиту, герою Ватерлоо. Тот был встречён в Дурбане нервозно настроенными бурами и старыми поселенцами. Смит построил возле Дурбана укрепленный лагерь. Но силы у него были несравненно слабее, и вскоре он вынужден был послать за помощью в колонию Ричарда Кинга — того самого, что жил в Натале с 1828 года. Кинг знал зулу и участвовал во многих экспедициях поселенцев. Преториус послал за ним вдогонку отряд, однако Кинг добрался до Грэхемстауна за 10 дней вместо обычных трех недель. Памятник ему стоит в Дурбане, где он прожил до 1871 года.

Власти признали буров мятежниками, и отныне фольксраад должен был подчиняться королеве.

В 1844 году Наталь был включен в состав британской колонии, а с 1856 года стал отдельной колонией Великобритании.

Но на этом годе история зулусских войн не закончилась. Пройдет двадцать с лишним лет и при новом правителе — Кечвайю зулусы одержат несколько оглушительных побед, но уже над регулярными войсками Британии. Но это уже тема отдельной книги.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
-----------------	---

КНИГА НАСКАЛЬНЫХ РИСУНКОВ

Сахара — галерея древнего искусства	6
Общие черты с египетской культурой	13
Гараманты — всадники, пастухи, воины	19

КНИГА ПУТЕШЕСТВИЙ И ОТКРЫТИЙ

Тропическая Африка и средиземноморский мир: двери в неведомое приоткрываются	26
Достоверность и спорность археологии	27
Первые мореходы	31
Что происходило на берегах Африки в эпоху античности?	34
Совершили ли финикийцы при фараоне Нехо путешествие вокруг Африки с востока на запад за шестьсот лет до нашей эры?	39
Самое знаменитое заблуждение в истории античной навигации: плавание Ганнона	44
Другие плавания вдоль атлантического побережья Африки	51
Плавания вдоль восточноафриканских берегов	56
Знакомство с внутренней Африкой во времена античности	62
Бассейн Нила и Эфиопия	64
Внутренняя Африка к западу от Ливийской пустыни	68

ИХ ПОЗВАЛА АФРИКА

Под знаком Южного Креста	79
Столетие семнадцатое и ранее	80
Столетие восемнадцатое	88
Столетие девятнадцатое	94
Никак не закончим XIX столетие. Столько имен!	126
Столетие двадцатое	130

КНИГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Большой Зимбабве	136
В конце раннего железного века	137
И в позднем железном веке	138
Крестьяне и рудокопы	141
Как они торговали	143
Большой Зимбабве	145
Ремесло и торговля	149
Другие... Зимбабве	153
Закат Большого Зимбабве	156
Необходимые объяснения	157
Роль религии	159
Древняя Гана	161
Правитель	163
...и его империя	165
Альморавиды	170

МАЛИ. ЦАРСТВО СУНДИАТЫ

Малинке — «люди Мали»	172
Сундиата, сын Соголон	178
«Муса Мали — государь негров Гвинеи»	183
Рассказывает Ибн Баттута	191
Закат державы	203
Держава аскиев, или Сонгай — наследник Мали	209
Хроники Сонгаи	215
«Великий колдун»	217
Создатель династии	223
«Описание Африки, третьей части света»	229
Крестьяне и рабы	232
Царевичи и факихи	240
Цена расцвета	244
Гроза с севера	251
Прошлое и настоящее	257
Интригующие находки в долине Нок	259
Загадки священного Ифе	267
Схема Фробениуса	272
Без прошлого и без будущего?.. ..	276
«Меч справедливости»	280
Слишком простые ответы	283

ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ КУША

Могучая и процветающая страна	288
Тахарка	293
Танветамани	294
Мероз	296
Искусство Куша	299
Падение Куша	301

ОТ АКСУМА ДО АДДИС-АБЕБЫ

Соломон и Македа	304
Эфиопия историческая	309
Христианство в Эфиопии	312
Эфиопская культура	322
Эфиопы и европейцы	327

ЮЖНОАФРИКАНСКАЯ ПРЕЛЮДИЯ

Пролог	331
Почему нас манит Южная Африка?	333
На неведомый север (краткая хроника открытий)	342
Забутые странички	351
«До нынешнего времени, весьма неизвестные»	356
Дингисвайо	362
Звезда Чаки	379
Наталь	401
Дингаан	436

Непомнящий Н. Н.

**Н 53 Тайны древней Африки. — М.: Вече, 2002. — 480 с.
(Тайны древних цивилизаций)**

ISBN 5-95438-213-2

Африка, далекий и загадочный континент... С давних пор манили его земли мореплавателей, купцов, ученых, авантюристов, завоевателей из стран Европы и Азии. От легендарных путешественников финикийцев и карфагенян до «африканских сафари» атамана Краснова — такова история познания Черного континента. Будоражат воображение, вдохновляют всё новых исследователей загадки древних цивилизаций Зимбабве и Ганы, Мали и Сонгаи, священного Ифе (наследника атлантов?) и блистательного Куша. Наши соотечественники всегда симпатизировали уникальной державе, принявшей христианство второй в мире после Римской империи — Абиссинии или Эфиопии... Обо всем этом, а также о полной драматизма истории колонизации Юга Африки, о походах неутомимого зулуса Чаки рассказывается в новой книге Н.Н. Непомнящего.

Николай Николаевич НЕПОМНЯЩИЙ ТАЙНЫ ДРЕВНЕЙ АФРИКИ

Генеральный директор *Л. Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В. П. Еленский*
Главный редактор *С. Н. Дмитриев*
Редактор *И. И. Никифорова*
Корректор *М. В. Кузнецова*
Верстка *Г. Н. Фадеева*

Разработка и подготовка к печати
художественного оформления — *Д. В. Грушин*

129348, Москва, ул. Красной сосны, 24.

ООО «Издательство «Вече 2000» ИД № 01802 (код 221)
от 17.05.2000 г.

ЗАО «Издательство «Вече» ИД № 05134 (код 221) от 22.06.2001 г.

ЗАО «Вече» ЛР № 040410 от 16.12.1997 г.

e-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

<http://www.100top.ru>

Подписано в печать 23.09.2002. Формат 84x108¹/16.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 30,0. Тираж 5 000 экз. Заказ № 6234.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в Тульской типографии.
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ТАЙНЫ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

БИБЛИОТЕКА

УВЛЕЧЕНИИ

ВСЕ ЧУДЕСА СВЕТА

ВЕЛИКИХ

Издательству

ВЕЧЕ

10 лет

Созвездие
книг, жанров
и серий

Наши адреса:

129348, г. Москва,
ул. Красной сосны, д. 24.
E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>
www.100top.ru

ВОЕННЫЕ
XX ТАЙНЫ
ВЕКА

ИГРА & СПОРТ

ВАЛЕНТИН
ПИКУЛЬ

ТАЙНЫ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ВСЕ ТАЙНЫ МИРА

ВСЕ МОНАРХИ
МИРА

БИБЛИОТЕКА

ДОМОХОЗЯЙСТВА

Magistri artium

Африка, далекий и загадочный континент... С давних пор манили его земли мореплавателей, купцов, ученых, авантюристов, завоевателей из стран Европы и Азии. От легендарных путешествий финикийцев и карфагенян до «африканских сафари» атамана Краснова — такова история познания Черного континента. Будоражат воображение, вдохновляют всё новых исследователей загадки древних цивилизаций Зимбабве и Ганы, Мали и Сонгаи, священного Ифе (наследника атлантов?) и блистательного Куша. Наши соотечественники всегда симпатизировали уникальной державе, принявшей христианство второй в мире после Римской империи — Абиссинии или Эфиопии... Обо всем этом, а также о полной драматизма истории колонизации Юга Африки, о походах неумоимого зулуса Чаки рассказывается в новой книге Н.Н. Непомнящего.

ISBN 5-94538-213-2

9 785945 382138

« ВЕЧЕ »